ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Изданіе пятое.

МОСКВА.

1887.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ІОАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА

И

ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе пятое.

МОСКВА.

1887.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ

ГЛАВА I.

Правленіе великой княгини Елены.

Право Елены на правленіе.—Смуты.—Заключеніе удѣльнаго князя Юрія.—Торжество Телепнева-Оболенскаго и заключеніе Глинскаго.—Бѣгство вельможъ въ Литву.—Бѣгство удѣльнаго князя Андрея изъ Старицы, пріѣздъ его въ Москву и заключеніе.—Война Литовская, переговоры и перемиріе.—Дѣла Крымскія.—Происки Бѣльскаго въ Константинополѣ.—Вмѣшательство Гиреевъ въ дѣла Казанскія. — Мирный договоръ съ Швеціею и сношенія съ другими государствами. Построеніе городовъ; вызовъ поселенцевъ изъ-за границы.—Мѣры противъ поддѣльныхъ и рѣзанныхъ денегъ.—Дѣти боярскіе, живущіе въ Думѣ.—Онѣжская уставная грамота; грамота Владимірскимъ бобровникамъ. — Могущество Телепнева-Оболенскаго. — Смерть Елены.

Уже въ Русской Правдѣ находимъ, что по смерти отца опека надъ малолѣтними дѣтьми, распоряженіе имуществомъ ихъ принадлежатъ матери: не говоря о древней Ольгѣ, въ позднѣйшее время мы видѣли важное значеніе матери семейства княжескаго, ея вліяніе на дѣла не только при малолѣтныхъ, но даже и при возрастныхъ сыновьяхъ; слѣдовательно, по смерти Василія опека надъ малолѣтнымъ Іоанномъ и управленіе великимъ княжествомъ естественно принадлежали великой княгинѣ—вдовѣ, Еленѣ. Это дѣлалось по обычаю всѣми признанному, подразумѣвавшемуся, и потому въ подробномъ описаніи кончины Василія, среди подробныхъ извѣстій о послѣднихъ словахъ его и распоряженіяхъ не говорится прямо о томъ, чтобъ великій князь назначилъ жену свою правительницею: говорится только, что тремъ приближеннымъ лицамъ—Михаилу Юрьеву, князю Михаилу Глинскому и Шигонѣ Василій приказалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить. Послѣднія слова о боярскомъ хожденіи мы должны принимать, какъ прямо относящіяся къ правительственно-

му значенію Елены, должны видѣть здѣсь хожденіе съ докладами [1]. Въ одной лѣтописи говорится о возведеніи малолѣтнаго Іоанна на престолъ такимъ образомъ: начали государя ставить на великое княженіе въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, митрополитъ Даніилъ и весь причетъ церковный, князья, бояре и все православное христіанство; благословилъ его митрополитъ крестомъ и сказалъ громкимъ голосомъ: „Богъ благословляетъ тебя, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Югорскій, Пермскій Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! добръ здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего". Новому государю пропѣли многолѣтіе, и пошли къ нему князья и бояре, понесли дары многіе; послѣ этого отправили по всѣмъ городамъ дѣтей боярскихъ приводить къ присягѣ жителей городскихъ и сельскихъ.

Умирающій Василій имѣлъ много причинъ безпокоиться о судьбѣ малолѣтняго сына: при малюткѣ осталось двое дядей, которые хотя отказались отъ правъ своихъ на старшинство, однако могли, при первомъ удобномъ случаѣ, отговорясь невольною присягою, возобновить старыя притязанія; эти притязанія тѣмъ болѣе были опасны, что вельможи, потомки князей, также толковали о старыхъ правахъ своихъ и тяготились новымъ порядкомъ вещей, введеннымъ при Василіѣ и отцѣ его. „Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ мы крестъ цѣловали", говорилъ умирающій братьямъ; боярамъ онъ счелъ нужнымъ напомнить о происхожденіи своемъ отъ Владиміра Кіевскаго, напомнить, что онъ и сынъ его прирожденные государи; Василій зналъ, что въ случаѣ усобицы и торжества братьевъ должны повториться тѣ же явленія, какія происходили при дѣдѣ его, Василіи Темномъ, что тогда малюткамъ-дѣтямъ его нельзя ждать пощады отъ побѣдителя: и вотъ онъ обращается къ человѣку, по близкому родству обязанному и по способностямъ могущему блюсти за сохраненіемъ семьи великокняжеской: „А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ."

Опасенія умирающаго сбылись: тотчасъ послѣ похоронъ Василія вдовѣ его донесли уже о крамолѣ. Лѣтописцы оставили намъ объ

этомъ дѣлѣ разныя свидѣтельства; по однимъ, двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, еще при великомъ князѣ Василіи отъѣзжали къ удѣльному князю Юрію; Василій отправилъ къ брату съ требованіемъ ихъ выдать и тотъ безпрекословно исполнилъ это требоваиіе; Василій велѣлъ оковать отъѣзжиковъ и разослать ихъ по разнымъ городамъ; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить ихъ по ходатайству митрополита и бояръ. Первымъ дѣломъ Андрея Шуйскаго, по возвращеніи въ Москву, была новая крамола: онъ началъ подговаривать князя Бориса Горбатаго къ отъѣзду, объявилъ, что князь Юрій зоветъ его, Андрея, къ себѣ, и онъ хочетъ къ нему ѣхать: „Поѣдемъ съ мною вмѣстѣ“ говорилъ онъ Горбатому: „ а здѣсь служить—ничего не выслужишь: князь великій еще молодъ, и слухи носятся о князѣ Юріи: если князь Юрій сядетъ на государствѣ, а мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся“. Горбатый не только самъ не согласился отъѣхать, но и Шуйскому отсовѣтывалъ: тогда послѣдній, видя неудачу и опасаясь послѣдствій своей откровенности съ Горбатымъ, рѣшился предупредить его: явился къ великой княгинѣ и объявилъ, что князь Борисъ зоветъ его отъѣхать къ князю Юрію, который также присылалъ и къ нему съ приглашеніемъ; но правда открылась, и князя Шуйскаго посадили опять подъ стражу. При этомъ бояре сказали правительницѣ, что надобно схватить и князя Юрія; Елена отвѣчала имъ: „Какъ будетъ лучше, такъ и дѣлайте“. Бояре сочли за лучшее отдѣлаться заблаговременно отъ удѣльнаго князя, и Юрій, вмѣстѣ съ своими боярами, посаженъ былъ подъ стражу въ той самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ племянникъ его, несчастный Димитрій, внукъ Іоанна Ш.

По второму извѣстію, князь Юрій прислалъ дьяка своего, Третьяка Тишкова, къ князю Андрею Шуйскому звать его къ себѣ на службу. Шуйскій сказалъ дьяку: „Князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ великому князю, клялся добра ему хотѣть, а теперь отъ него людей зоветъ!“ Третьякъ отвѣчалъ на это: „Князя Юрія бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами ему за великаго князя присяги не дали: такъ что это за цѣлованіе? это невольное цѣлованіе!“ Андрей Шуйскій сказалъ объ этомъ князю Горбатому, послѣдній сказалъ боярамъ, а бояре великой княгинѣ. Елена отвѣчала имъ: „Вчера вы крестъ цѣловали сыну моему на томъ, что

будете ему служить и во всемъ добра хотѣть: такъ вы по тому и дѣлайте; если является зло, то не давайте ему усилиться". И, по приказанію великой княгини, Юрій былъ захваченъ.

Какое же изъ этихъ двухъ извѣстій мы должны предпочесть? Авторъ перваго старается оправдать князя Юрія и обвинить во всемъ бояръ и князя Андрея Шуйскаго: по его словамъ: „дьяволъ вложилъ мысль недобрую: только не схватить князя Юрія Ивановича, то великаго князя государству крѣпку быть нельзя, потому что государь молодъ, а Юрій совершенный человѣкъ, и людей пріучить умѣетъ; какъ люди къ нему пойдутъ, то онъ станетъ подъ великимъ княземъ подъискивать государства. Дьяволъ вложилъ эту мысль, зная, что если князь Юрій не будетъ схваченъ, то не такъ совершится воля его (дьявола) въ грабленіи, продажахъ, убійствахъ". Послѣднія слова показываютъ намъ, что извѣстіе составлено въ то время, когда уже бояре возбудили противъ себя всеобщее негодованіе грабленіями, продажами и убійствами. Когда бояре, по словамъ того же извѣстія, еще только думали, какъ сказать великой княгинѣ о необходимости схватить Юрія, дьяволъ, видя, что мысль его хочетъ сбыться, вошелъ въ князя Шуйскаго и побудилъ его, злодѣя, замыслить отъѣздъ; у князя Юрія и на мысли этого не было, потому что онъ крестъ цѣловалъ великому князю—какъ было ему измѣнить? Князь Андрей Шуйскій *одинъ* помышлялъ зло. *Многіе* разсказывали, что дѣти боярскіе и даже бояре говорили князю Юрію, чтобъ онъ ѣхалъ поскорѣй въ Дмитровъ: „Поѣдешь въ Дмитровъ, то на тебя никто и посмотрѣть не посмѣетъ; а будешь здѣсь жить, то уже ходятъ слухи, что тебя непремѣнно схватятъ". Юрій отвѣчалъ имъ: „Пріѣхалъ я къ государю великому князю Василію, а государь, по грѣхамъ, боленъ; я ему цѣловалъ крестъ, да и сыну его, великому князю Ивану: такъ какъ же мнѣ крестное цѣлованіе преступить? я готовъ на своей правдѣ и умереть!"—Авторъ извѣстія могъ быть убѣжденъ въ невинности князя Юрія, но, къ сожалѣнію, онъ не приводитъ ясныхъ доказательствъ этой невинности; что князь Юрій крестъ цѣловалъ—это еще не доказатвльство, ибо и Андрей Шуйскій также крестъ цѣловалъ; разсказы *многихъ* объ отвѣтѣ Юрія своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ также не имѣютъ сильной убѣдительности. Второе извѣстіе имѣетъ за себя обстоятельность разсказа: авторъ его знаетъ, кого именно князь Юрій присылалъ къ Андрею Шуйско-

му—дьяка Третьяка Тишкова; знаетъ, чѣмъ дьякъ оправдывалъ своего князя въ нарушеніи присяги. Противъ этого извѣстія приводятъ то обстоятельство, что Андрей Шуйскій дѣйствительно былъ признанъ виновнымъ и содержался подъ стражею до самой смерти Елены; но изъ втораго извѣстія нельзя нисколько заключать о невинности Шуйскаго; первое его возраженіе насчетъ недавней присяги Юрія нисколько еще не ведетъ къ заключенію, что онъ послѣ не могъ согласиться съ доводомъ Тишкова, не убѣдился въ выгодѣ отъѣхать въ князю Юрію и не обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Горбатому; въ этомъ отношеніи второе извѣстіе нисколько не противорѣчитъ первому: имѣя въ виду только разсказать причину заключенія князя Юрія, оно опускаетъ подробности, относящіяся къ другому лицу. Но въ приведенныхъ извѣстіяхъ есть еще одно обстоятельство: оба полагаютъ взятіе Юрія подъ стражу 11 декабря; но во второмъ извѣстіи Андрей Шуйскій возражаетъ дьяку Тишкову: „Вашъ князь *вчера* крестъ цѣловалъ“; Елена говоритъ боярамъ: „*Вчера* вы крестъ цѣловали сыну моему“; но мы знаемъ, что это крестоцѣлованіе происходило немедленно по смерти Василія, т.-е. не позднѣе утра 4-го числа (Василій умеръ вечеромъ съ 3-го на 4-е число), и слѣдовательно, Юрій присылалъ къ Шуйскому, или Шуйскій сталъ подговаривать Горбатаго, и дѣло дошло до Елены 5-го числа: какъ же въ такое короткое время Елена успѣла отдать приказъ освободить князей Шуйскихъ, содержавшихся по разнымъ городамъ, и они успѣли пріѣхать въ Москву, гдѣ, *побывъ мало,* какъ говоритъ первое извѣстіе, Андрей затѣялъ новый отъѣздъ? Если мы даже предположимъ невѣрность втораго извѣстія относительно 5-го числа, то и тутъ останется сомнительнымъ разсказъ перваго извѣстія, что Андрей Шуйскій находился съ братомъ въ заточеніи и только по смерти Василія получилъ свободу: въ такое короткое время, отъ 4-го числа до 11-го, Елена успѣла простить Шуйскихъ, гонецъ съ извѣстіемъ объ этомъ прощеніи успѣлъ съѣздить въ тотъ городъ, гдѣ былъ заточенъ князь Андрей, тогда какъ мы не имѣемъ никакого права полагать, чтобъ онъ былъ заточенъ въ ближній отъ Москвы городъ, Андрей успѣлъ собраться и возвратиться въ Москву, гдѣ, побывъ мало, успѣлъ завести крамолу!

По той же самой причинѣ, т.-е. по краткости времени, протекшаго отъ смерти Василія до заключенія Юрія, нельзя думать, чтобъ

доносъ извѣстнаго намъ Яганова относился къ замысламъ князя Юрія въ то время, когда еще послѣдній былъ на свободѣ; гораздо вѣроятнѣе, что Ягановъ донесъ на Дмитровскихъ дѣтей боярскихъ князя Юрія, объявилъ, что они жалѣютъ о своемъ князѣ, порицаютъ Московское правительство и т. п.; вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ дѣлѣ въ челобитной: „Приказалъ ко мнѣ князя Юрія Ивановича сынъ боярскій, Яковъ Мещериновъ, который прежде нѣкоторыми дѣлами отцу твоему, государь, служилъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему въ деревню, для нѣкотораго твоего государева дѣла; я сказалъ объ этомъ Ивану Юрьевичу Шигонѣ, и Шигоня мнѣ отвѣчалъ: ступай къ Якову, и если у него какое-нибудь дѣло государево поновилось, то ты вмѣстѣ съ Яковомъ пораньше пріѣзжай въ Москву: я объ немъ и объ его службѣ представлю государю. Я пріѣхалъ къ Якову, и что онъ мнѣ сказалъ, я тотчасъ послалъ объ этомъ грамоту съ моимъ человѣкомъ къ князю Михаилу (Глинскому) и къ Шигонѣ, а самъ остался у Якова, чтобъ довѣдаться полныхъ вѣстей о дѣлѣ. Иванъ Шигона моего человѣка къ намъ отпустилъ съ приказомъ ѣхать намъ въ Москву, а ты, государь, прислалъ за нами своихъ дѣтей боярскихъ и велѣлъ насъ къ Москвѣ взять. Здѣсь, передъ твоими боярами, Яковъ то дѣло съ меня снялъ, что онъ мнѣ сказывалъ, а слышалъ, говоритъ, у княжъ Юрьевыхъ дѣтей боярскихъ; а которыя рѣчи Яковъ мнѣ сказывалъ о Дмитровскихъ дѣлахъ, тѣхъ рѣчей списокъ я подалъ твоимъ боярамъ; Яковъ и тѣ рѣчи съ меня снялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокую рѣчь съ Яковымъ вмѣстѣ, и мы ту рѣчь сказали твоимъ боярамъ; того я не знаю, съ пьяна ли они говорили, или вздурясь: мнѣ въ ту пору уши свои не смолою было забить“. Доносъ оказался ложнымъ, и Яганова заключили въ оковы: это наказаніе за ложный доносъ показываетъ намъ, что правительство не было расположено вѣрить всякому слуху относительно удѣльныхъ князей, и что если оно рѣшилось заключить Юрія, то имѣло на то основанія.

Изъ челобитной Яганова видно, кто были самые довѣренные, самые вліятельные люди при дворѣ въ первое время по смерти Василія; то были князь Михаилъ Глинскій и Шигона Поджогинъ: къ нимъ двоимъ обращался Ягановъ съ извѣстіями о государевыхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ Глинскій и въ Москвѣ достигъ почти такого же положенія, какое имѣлъ въ Литвѣ при Алексан-

дрѣ; но скоро явился ему опасный соперникъ—то былъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, умѣвшій пріобрѣсть особенное расположеніе великой княгини, сблизившейся съ нимъ, вѣроятно, посредствомъ сестры его Аграфены Челядниной, мамки великаго князя. Оболенскому и Глинскому стало тѣсно другъ съ другомъ, и Елена должна была выбрать между ними; она выбрала Оболенскаго. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что захотѣлъ держать государство вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ; это обвиненіе понятно для насъ, ибо прежняя дѣятельность Глинскаго обличала въ немъ человѣка, не умѣвшаго умѣрять свое честолюбіе и выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей; мы имѣемъ право смотрѣть на борьбу его съ Оболенскимъ какъ на слѣдствіе честолюбивыхъ стремленій, а не нравственныхъ побужденій только; но для современниковъ нужно было еще другое обвиненіе—и Глинскаго въ Москвѣ обвиняли въ томъ, что онъ отравилъ великаго князя Василія, точно такъ какъ въ Литвѣ обвиняли его въ отравленіи великаго князя Александра; оба обвиненія явно несправедливы; но могъ ли жаловаться на нихъ Глинскій, могъ ли оправдываться въ нихъ убійца пана Заберезинскаго? Что же касается до соумышленника Глинскаго, Воронцова, то это тотъ самый вельможа, съ которымъ великій князь Василій помирился передъ смертію [2].

Въ августѣ 1534 года былъ схваченъ Глинскій и посаженъ въ той самой палатѣ, гдѣ прежде сидѣлъ при Василіи; онъ скоро умеръ. Въ томъ же августѣ, но еще прежде, двое людей изъ самыхъ знатныхъ родовъ: князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій—послѣдній изъ рода Кошкиныхъ—убѣжали въ Литву; за соумышленничество съ ними правительница велѣла схватить брата Семенова, князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, и князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ дѣтьми; князя Дмитрія Бѣльскаго не тронули, и это обстоятельство отнимаетъ у насъ право предполагать, что Иванъ Бѣльскій и Воротынскій были схвачены безъ основанія. Бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, заключеніе Ивана Бѣльскаго, Воротынскаго, Глинскаго и Воронцова, случившіяся въ одно время, въ одномъ мѣсяцѣ [3], могутъ навести на мысль, что все это было слѣдствіемъ общаго негодованія вельможъ на Елену и ея любимца Оболенскаго, негодованія, котораго мы увидимъ сильные слѣды. Въ первыя минуты по смерти Василія, когда правленіе твердаго госу-

царя смѣнилось правленіемъ слабой женщины, каждый при этой смѣнѣ видѣлъ возможность для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, и потому всѣ охотно согласились на скорыя и рѣшительныя мѣры противъ замысловъ удѣльнаго князя Юрія; но когда, по прошествіи нѣкотораго времени, отношенія опредѣлились, когда увидали Телепнева-Оболенскаго облеченнымъ полною довѣренностію правительницы, занимающимъ первое мѣсто въ управленіи, когда, слѣдовательно, многіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, то негодованіе и обнаружилось.

При заключеніи князя Юрія источники выставляютъ на первый планъ бояръ, на рѣшеніе которыхъ Елена отдала это дѣло: при заключеніи втораго дяди Іоаннова, князя Андрея Ивановича, мы видимъ дѣйствующими саму Елену и князя Телепнева-Оболенскаго. Князь Андрей не былъ нисколько заподозрѣнъ въ соумышленничествѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и спокойно жилъ въ Москвѣ до сорочинъ по великомъ князѣ Василіи; но, собравшись послѣ этого ѣхать въ удѣлъ, сталъ припрашивать у Елены городовъ къ своей отчинѣ; въ городахъ ему отказали, а дали, по обыкновенію, на память о покойномъ, шубы, кубки, коней, иноходцевъ въ сѣдлахъ. Андрей уѣхалъ съ неудовольствіемъ въ Старицу: нашлись люди, которые передали объ этомъ неудовольствіи въ Москву; нашлись также люди, которые сказали Андрею, что въ Москвѣ хотятъ его схватить. Елена отправила въ Старицу князя Ивана Васильевича Шуйскаго и дьяка Меньшого Путятина внушить Андрею, что это слухъ ложный. Андрей не удовольствовался этимъ, потребовалъ отъ Елены письменнаго удостовѣренія, и, получивъ его, пріѣхалъ въ Москву для личныхъ объясненій съ правительницею, при чемъ митрополитъ Даніилъ былъ посредникомъ: Андрей началъ съ того, что до него дошелъ слухъ, будто великій князь и она Елена, хотятъ положить на него опалу; Елена отвѣчала: „Намъ про тебя также слухъ доходитъ, что ты на насъ сердишься; и ты бъ въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, а лихихъ людей не слушалъ, да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобъ впередъ между нами ничего дурнаго не было“. Князь Андрей не назвалъ никого, сказалъ, что ему такъ самому показалось. Елена повторила ему, что она ничего противъ него не имѣетъ. Какъ видно, въ это время, взята была съ Андрея запись, въ которой онъ клялся исполнить договоръ, заключенный имъ прежде съ племянникомъ, обязался не

утаивать ничего что ни слышитъ о великомъ князѣ и его матери отъ брата своего, отъ князей, бояръ, дьяковъ великокняжескихъ, или отъ своихъ бояръ и дьяковъ, ссорщиковъ не слушать и объявлять о ихъ рѣчахъ великому князю и его матери. Эта запись особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней впервые встрѣчаемъ ограниченіе или, лучше сказать, уничтоженіе права удѣльныхъ князей принимать къ себѣ служивыхъ князей, бояръ и слугъ вольныхъ, права, какъ мы видѣли, нарушавшагося при отцѣ и дѣдѣ Іоанна, но не перестававшаго вноситься въ договоры великихъ князей съ удѣльными: Андрей обязался не принимать князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и никого другаго, если они отъѣдутъ отъ великаго князя *на его лихо*. Но при всякомъ почти отъѣздѣ предполагалось неудовольствіе отъѣхавшаго, ибо какія выгоды могли заставить отъѣхать отъ великаго князя къ удѣльному? Почему великій князь могъ знать, что бояринъ отъѣхалъ къ дядѣ на его лихо, или нѣтъ? при всякомъ отъѣздѣ онъ могъ подозрѣвать, что на лихо, и требовать выдачи отъѣхавшаго.

По возвращеніи изъ Москвы въ Старицу, Андрей подозрѣнія и страха не отложилъ и продолжалъ сердиться на Елену, зачѣмъ не прибавила городовъ къ его удѣлу. Въ Москву опять начали доносить, что Андрей сбирается бѣжать. Елена, по свидѣтельству лѣтописи, не повѣрила этимъ доносамъ и послала звать Андрея на совѣтъ по случаю войны Казанской; Андрей отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать по причинѣ болѣзни и просилъ прислать лѣкаря. Правительница послала къ нему извѣстнаго намъ Ѳеофила, который, возвратившись донесъ ей, что у Андрея болѣзнь легкая, говоритъ, что на стегнѣ болячка, а лежитъ на постели. Тогда Еленою овладѣло подозрѣніе; почему Андрей не пріѣхалъ на совѣтъ о важномъ дѣлѣ Казанскомъ? Она послала опять къ Андрею освѣдомиться о его здоровьи, а между тѣмъ велѣла тайно разузнать, нѣтъ ли какого о немъ слуха, и почему онъ въ Москву не поѣхалъ? Посланные донесли, что у Старицкаго князя есть лишніе люди, которыхъ обыкновенно у него не бываетъ, и эти люди говорить ничего не смѣютъ; но по словамъ другихъ людей, Андрей затѣмъ притворился больнымъ, что не смѣетъ ѣхать въ Москву. Елена послала вторично звать его въ Москву, и вторично та же отговорка болѣзнію; послали въ третій разъ съ требованіемъ непремѣнно пріѣхать въ какомъ бы ни было положеніи. Съ отвѣтомъ Андрей

отправилъ въ Москву князя Өедора Пронскаго и этотъ отвѣтъ дошелъ до насъ; здѣсь дядя государевъ, удѣльный князь, называетъ себя *холопомъ* великаго князя; несмотря однако на такой униженный тонъ, удѣльный князь не можетъ удержаться, чтобъ не напомнить племяннику старину, онъ велитъ сказать ему: „Ты, государь, приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть; намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно; *а прежде, государь, того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили.* И я, отъ болѣзни и отъ бѣды, съ кручины отбылъ ума и мысли. Такъ ты бы государь, пожаловалъ показалъ милость, согрѣлъ сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ, чтобы холопу твоему впередъ было можно и надежно твоимъ жалованьемъ быть безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце.“

Но не успѣлъ еще Пронскій доѣхать до Москвы, какъ одинъ изъ дѣтей боярскихъ Андреевыхъ, князь Голубой-Ростовскій, тайно ночью прислалъ къ князю Телепневу-Оболенскому съ вѣстію, что князь Андрей непремѣнно побѣжитъ изъ своего удѣла на другой день. Тогда Елена отправила къ Андрею трехъ духовныхъ особъ: Крутицкаго владыку, Симоновскаго архимандрита и Спасскаго протопопа, которые должны были сказать удѣльному князю отъ имени митрополита: „Слухъ до насъ дошелъ, что ты хочешь оставить благословеніе отца своего, гробы родительскіе, святое отечество, жалованье и береженье государя своего, великаго князя Василія и сына его: я благословляю тебя и молю жить вмѣстѣ съ государемъ своимъ и соблюдать присягу безъ всякой хитрости; да ѣхалъ бы ты къ государю и къ государынѣ безъ всякаго сомнѣнія, и мы тебя благословляемъ и беремъ на свои руки.“ Въ случаѣ, если Андрей не послушаетъ митрополичьихъ увѣщаній, посланные должны были наложить на него проклятіе. Не полагаясь, однако, на дѣйствительность церковныхъ увѣщаній и угрозъ, Московское правительство выслало къ Волоку сильные полки подъ начальствомъ двоихъ князей Оболенскихъ—князя Никиты Хромого и князя Ивана Овчины-Телепнева. Посланника Андреева, князя Пронскаго, перехватили на дорогѣ, но въ то время, какъ брали Пронскаго, одному изъ его провожатыхъ, сыну боярскому Сатину, удалось убѣжать; онъ прискакалъ въ Старицу и объявилъ своему князю, что Прон-

свій схваченъ и великокняжескія войска идутъ схватить самого его, Андрея; съ Волока пришли вѣсти, что Московскіе полки уже тутъ. Тогда Андрей не сталъ болѣе медлить и 2 мая 1537 года выѣхалъ изъ Старицы. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ прежде намѣреніе броситься къ Новгороду и поднять здѣсь недовольныхъ; смотря по характеру всѣхъ дѣйствій Андрея, должно думать, что это намѣреніе завести непосредственную, открытую борьбу съ племянникомъ въ самыхъ областяхъ Московскаго государства было слишкомъ смѣло для него; по всѣмъ вѣроятностямъ, единственнымъ средствомъ спасенія въ крайности представлялось для него бѣгство въ Литву. Но теперь, при извѣстіи, что Московскіе полки находятся въ Волокѣ съ цѣлію отрѣзать ему дорогу къ югозападу, къ Литовскимъ границамъ, Андрею не оставалось ничего болѣе, какъ двинуться прямо на сѣверъ, въ Новгородскія области, при чемъ онъ велѣлъ писать грамоты къ помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ и въ погосты: „Князь великій молодъ, держатъ государство бояре, и вамъ у кого служить? я же васъ радъ жаловать". Многіе помѣщики изъ погостовъ дѣйствительно пріѣхали къ нему служить; но за-то въ собственныхъ полкахъ Андреевыхъ открылась измѣна: съ третьяго стану, на Цнѣ, побѣжало нѣсколько дѣтей боярскихъ; одного изъ нихъ успѣли перехватить и привели къ князю, который отдалъ его подъ присмотръ своему дворянину Кашѣ; Каша велѣлъ связать руки и ноги перебѣжчику, посадить его въ озеро въ одной сорочкѣ, выставя только голову на берегъ, чтобъ не захлебнулся, и такимъ образомъ пыталъ, кто еще хотѣлъ бѣжать съ нимъ вмѣстѣ? Перебѣжчикъ назвалъ такъ много соумышленниковъ, что князь Андрей велѣлъ потушить дѣло, потому что нельзя же было ихъ всѣхъ перевѣшать, какъ говоритъ лѣтописецъ. За-то рѣдкою, по тогдашнимъ отношеніямъ, вѣрностію отличился воевода Андреевъ князь Юрій Оболенскій: еще прежде, заподозривъ Старицкаго князя во враждебныхъ замыслахъ и желая ослабить его, Елена потребовала, чтобъ онъ послалъ на Коломну воеводу, князя Юрія Оболенскаго, съ большимъ отрядомъ дѣтей боярскихъ. Узнавши о бѣгствѣ своего князя, Оболенскій, по выраженію лѣтописца, началъ Богу молиться, и, утаясь отъ воеводъ великокняжескихъ, выѣхалъ изъ Коломны, перевезся черезъ Волгу подъ Дегунинымъ, потопилъ суда, чтобъ не достались преслѣдователямъ, и соединился съ Андреемъ на рѣчкѣ Березнѣ, не доѣзжая немного Ѣдровскаго

яма. Въ пяти верстахъ отъ Заячьяго яма, въ Тухолѣ, настигъ Андрея другой Оболенскій, князь Иванъ Овчина-Телепневъ, товарищъ котораго, князь Никита, отправился укрѣплять Новгородъ. Здѣсь извѣстія начинаютъ разногласить, потому что одни лѣтописцы держали сторону Московскаго правительства, другіе сторону удѣльнаго князя. По Московскимъ извѣстіямъ, когда оба войска выстроились для бою, князь Андрей не захотѣлъ сражаться, завелъ переговоры съ княземъ Оболенскимъ, обѣщалъ бросить оружіе, если тотъ дастъ ему клятву, что великій князь и Елена не схватятъ его и большой опалы на него не положатъ. Оболенскій, не обославшись съ Еленою, далъ Андрею требуемую клятву и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Москву; но Елена сдѣлала ему строгій выговоръ, зачѣмъ безъ ея приказанія далъ клятву князю Андрею, велѣла схватить послѣдняго и заключить въ оковы, чтобы впередъ такой смуты и волненія не было, ибо многіе люди Московскіе поколебались. По другимъ извѣстіямъ, Оболенскіе получили въ Москвѣ отъ правительницы наказъ звать князя Андрея, чтобъ шелъ въ Москву, а князь великій его пожалуетъ и вотчинъ ему придастъ. При встрѣчѣ съ Московскими войсками князь Андрей хотѣлъ биться, но Оболенскій первый сталъ посылать къ князю съ предложеніями, чтобъ не проливалъ крови, и съ обѣщаніемъ свободнаго возращенія въ отчизну. Андрей пріѣхалъ въ Москву въ четвергъ, а схваченъ былъ въ субботу, слѣдовательно съ вѣдома или безъ вѣдома правительницы Оболенскій далъ клятву, въ Москвѣ не вдругъ рѣшились ее нарушить. Одинакой участи съ Андреемъ подверглась жена его и сынъ Владиміръ. Бояре его— князь Пронскій, двое Оболенскихъ, Иванъ и Юрій Андреевичи Пенинскіе, князь Палецкій, также князья и дѣти боярскіе, которые были въ избѣ у Андрея и его думу знали—были пытаны, казнены торговою казнію и заключены въ оковы; тридцать человѣкъ помѣщиковъ Новгородскихъ, которые передались на сторону Андрея, были биты въ Москвѣ кнутомъ и потомъ повѣшены по Новгородской дорогѣ, въ извѣстномъ розстояніи другъ отъ друга, вплоть до Новгорода. Андрей не болѣе полугода прожилъ въ неволѣ [4].

Должно было ожидать, что смутами и неудовольствіями во время малолѣтства Московскаго великаго князя прежде всего захотятъ воспользоваться въ Литвѣ. Мы видѣли, что здѣсь ошиблись въ разсчетахъ на смуты при восшествіи на престолъ Василія и должны

были закрѣпить за сыномъ Іоанна III не только всѣ пріобрѣтенія послѣдняго, но даже уступить Смоленскъ. Срокъ перемирія исходилъ, и престарѣлому Сигизмунду вовсе не хотѣлось начинать войны съ Василіемъ; его паны радные, по обычаю, отправили посланника Клиновскаго къ двоимъ боярамъ Московскимъ—князю Дмитрію Ѳедоровичу Бѣльскому и Михаилу Юрьевичу Захарьину, съ просьбою уговорить великаго князя, прежде истеченія перемирія, отправить къ королю великихъ пословъ для заключенія вѣчнаго мира или новаго перемирія; если же великій князь не согласится отправить пословъ своихъ къ королю, то пусть пришлетъ въ Литву гонца съ опасною грамотою на пословъ королевскихъ, какъ изстари водилось. Клиновскій не засталъ уже въ живыхъ Василія, и новое правительство распорядилось, чтобъ бояре отправили къ панамъ своего посланника съ опасною грамотою на большихъ пословъ Литовскихъ. Въ то же самое время новый великій князь отправилъ къ Сигизмунду сына боярскаго Заболоцкаго съ извѣщеніемъ о смерти отцовой и о своемъ восшествіи на престолъ. Заболоцкому данъ былъ между прочимъ такой наказъ: „Если спросятъ про великаго князя братьевъ, князя Юрія и князя Андрея Ивановичей—гдѣ теперь князь Юрій и князь Андрей? то отвѣчать: князь Андрей Ивановичъ на Москвѣ у государя; а князь Юрій Ивановичъ государю нашему тотчасъ по смерти отца его началъ дѣлать великія неправды черезъ крестное цѣлованіе, и государь нашъ на него опалу свою положилъ, велѣлъ его заключить“. Заболоцкому велѣно было провѣдать: королю въ Вильнѣ долго ли быть, и пословъ своихъ къ великому князю хочетъ онъ отправить, или не хочетъ? Въ Москвѣ имѣли причины безпокоиться насчетъ рѣшенія послѣдняго вопроса, ибо извѣстіе о смерти Василія и восшествіи малолѣтнаго сына его, обѣщавшемъ внутреннія безпокойства и слабость правительства, возбудило надежды короля и его рады, и вмѣсто того, чтобъ прислать своихъ великихъ пословъ по опасной грамотѣ, Сигизмундъ прислалъ свою опасную грамоту на пословъ Московскихъ, велѣвъ сказать Заболоцкому: „Хочу быть съ великимъ княземъ въ братствѣ и пріязни точно такъ же, какъ отецъ нашъ Казимиръ король былъ съ дѣдомъ его, великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. И если онъ на этихъ условіяхъ захочетъ быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то пусть шлетъ

къ намъ своихъ великихъ пословъ, да чтобъ не медлилъ." То же самое и паны радные отвѣчали боярамъ Московскимъ.

Великому князю опасная королевская грамота не полюбилась, потому что онъ къ королю объ ней не приказывалъ и пословъ своихъ къ королю отправлять не хотѣлъ. Перемиріе истекло, сношенія прекратились: и лѣтомъ 1534 года гетманъ Юрій Радзивилъ вмѣстѣ съ Татарами опустошилъ окрестности Чернигова, Новгорода-Сѣверскаго, Радогоща, Стародуба, Брянска. Королю доносили, что въ Москвѣ господствуетъ сильное несогласіе между боярами и нѣсколько разъ едва дѣло не доходило между ними до ножей; во Псковѣ нѣтъ войска, одни только купцы переведенные изъ Москвы, да черные люди Псковичи; но черные люди часто сходятся на вѣче; намѣстники и дьяки это имъ запрещаютъ, не зная, чтб они тамъ думаютъ. Всего важнѣе былъ для короля пріѣздъ такихъ знатныхъ бѣглецовъ, какъ князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій; королю писали, что если онъ хорошо приметъ этихъ бѣглецовъ, то многіе московскіе князья и знатные дѣти боярскіе послѣдуютъ ихъ примѣру; Сигизмундъ послушался и богато наградилъ Бѣльскаго и Ляцкаго. Осенью гетманъ Радзивилъ отрядилъ въ Сѣверскую страну Кіевскаго воеводу Андрея Немировича и конюшаго дворнаго, Василья Чижа; они сожгли Радогощъ, но съ урономъ должны были отступить отъ Стародуба и Чернигова; такую жь неудачу потерпѣлъ и князь Александръ Вишневецкій подъ Смоленскомъ.

Встрѣчая сопротивленіе подъ городами, Литовскіе воеводы не встрѣчали московскихъ полковъ въ полѣ. Въ Москвѣ боялись Крымскаго хана больше, чѣмъ Литвы, и рать стояла подъ Серпуховомъ; кромѣ того, мѣшали сбору и движенію войскъ внутреннія смуты, бѣгство Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, опала Ивана Бѣльскаго, Воротынскаго, Глинскаго. Только въ сентябрѣ, какъ видно, правительственныя отношенія опредѣлились окончательно и явилась возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Не ранѣе конца октября московская рать двинулась въ Литву: большой полкъ вели князья Михайло Горбатый-Суздальскій и Никита Оболенскій; передовой полкъ бояринъ конюшій князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій; изъ Новгорода велъ полки князь Борисъ Горбатый для соединенія съ княземъ Михаиломъ. Въ свою очередь Московскія войска не встрѣтили теперь королевскихъ въ полѣ, безнаказанно опустошили области литовскія, не дошедши только 50 или 40 верстъ до Вильны;

съ другой стороны князь Θедоръ Овчина-Телепневъ-Оболенскій ходилъ изъ Стародуба до самаго Новгорода Литовскаго.

На другой годъ, узнавши о сильныхъ приготовленіяхъ короля къ походу, изъ Москвы выступила рать—большой полкъ подъ начальствомъ князя Василья Васильевича Шуйскаго и передовой опять подъ начальствомъ князя Ивана Телепнева-Оболенскаго. Эта рать имѣла цѣлію добыть Мстиславль, а съ другой стороны дворецкій Новгородскій Бутурлинъ съ Псковичами долженъ былъ поставить городъ въ Литовской землѣ, на озерѣ Себежѣ. Но Литовское войско, подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивила, Андрея Немировича, польскаго гетмана Тарновскаго и московскаго бѣглеца Семена Бѣльскаго, вторгнулось опять въ Сѣверскую область, взяло Гомель безъ сопротивленія и осадило Стародубъ: здѣсь воевода, князь Θедоръ Телепневъ-Оболенскій, оборонялся мужественно, но Литовцы тайно подвели подкопъ, взорвали городъ, и воевода со многими людьми взятъ былъ въ плѣнъ, причемъ погибло 13,000 человѣкъ жителей; Почепъ былъ покинутъ и сожженъ самими Русскими. Литовскіе воеводы удовольствовались взятіемъ Гомеля и Стародуба, не пошли дальше: у нихъ было много наемныхъ иностранныхъ ратниковъ, пушкарей, пищальниковъ и подкопщиковъ; у Московскихъ воеводъ не было подобныхъ мастеровъ, и потому они, сожегши посадъ Мстиславскій, не могли взять самого города и удовольствовались опустошеніемъ окрестностей; Бутурлинъ успѣлъ построить и укрѣпить новый городъ Себежъ. Въ началѣ 1536 года Литовскій воевода Андрей Немировичъ явился подъ нимъ; но пушки его дѣйствовали плохо, не причинили никакого вреда городу, били своихъ, а подъ конецъ осажденные сдѣлали вылазку и нанесли сильное пораженіе Литовцамъ, подъ которыми подломился ледъ на озерѣ. Послѣ этого успѣха московскіе воеводы ходили воевать Литовскую землю подъ Любечъ, сожгли посадъ Витебска, много волостей и селъ повоевали, много людей въ плѣнъ побрали, много богатства у литовскихъ людей взяли, и пришли домой всѣ цѣлы и здоровы. Кромѣ Себежа, построены были на Литовскомъ рубежѣ Заволожье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торопецкомъ уѣздахъ; Стародубъ и Почепъ, покинутые Литовцами, были возобновлены.

Не такой войны ждали въ Литвѣ, гдѣ надѣялись на внутреннія смуты и совершенное безсиліе правительства въ малолѣтство сына Василіева. Сигизмундъ обманулся въ своихъ разсчетахъ точно такъ

же, какъ обманулся братъ его Александръ по смерти Іоанна III, и хотѣлъ прекратить безполезную борьбу. Еще въ сентябрѣ 1535 года пріѣхалъ въ Москву къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому Андрей Горбатый, человѣкъ брата его, князя Ѳедора, находившагося въ Литовскомъ плѣну; Горбатый объявилъ, что гетманъ Юрій Радзивилъ говорилъ ему о желаніи короля быть въ мирѣ и братствѣ съ великимъ княземъ и поручилъ ему говорить объ этомъ въ Москвѣ всѣмъ боярамъ и дьякамъ; что то же самое говорили ему и другіе паны. Бояре приговорили, что надобно Горбатаго отпустить къ князю Ѳедору, къ которому князь Иванъ пошлетъ свою грамоту. Въ этой грамотѣ Оболенскій писалъ къ брату, что, какъ ему хорошо извѣстно, война начата не съ московской стороны, что великій князь посылалъ къ королю Тимоѳея Заболоцкаго для мира и братства, а король съ нимъ нашему государю прислалъ отвѣтъ жестокій и затѣмъ вмѣсто посла отправилъ рать свою на государеву землю. А государь нашъ, какъ есть истинный христіанскій государь, и прежде не хотѣлъ и теперь не хочетъ, чтобъ кровь христіанская лилась, а бусурманская рука высилась; хочетъ нашъ государь того, чтобъ христіанство въ тишинѣ и покоѣ было. Такъ если король желаетъ того же и пришлетъ къ нашему государю, то пересылками между государей добрыя дѣла становятся.

Прошло четыре мѣсяца. Въ началѣ февраля 1536 года въ Москву дали знать изъ Смоленска, что къ князю Оболенскому идетъ посолъ отъ гетмана Радзивила, человѣкъ его Гайка. Посолъ подалъ опасную грамоту королевскую для проѣзда московскихъ пословъ въ Литву, а въ грамотѣ къ Оболенскому Радзивилъ писалъ, будто плѣнникъ князь Ѳедоръ Овчина-Оболенскій билъ челомъ, чтобы паны ходатайствовали у короля о мирѣ, и король, по ихъ ходатайству, посылаетъ теперь опасную грамоту. Эта опасная грамота опять не понравилась въ думѣ великокняжеской; здѣсь разсуждали: „пишутъ на князя Ѳедора, что имъ князь Ѳедоръ бьетъ челомъ; а князъ Ѳедоръ у нихъ въ рукахъ, что хотятъ, то на него пишутъ"; приговорили, чтобъ Оболенскій послалъ къ Радзивилу вмѣстѣ съ его человѣкомъ своего человѣка съ грамотою, написалъ бы, что князю Ѳедору бить челомъ непригоже; приговорили также послать, по прежнимъ обычаямъ, свою опасную грамоту на королевскихъ пословъ; князю же Оболенскому потому нужно было послать своего человѣка, чтобы дѣло не порвалось.

Въ тотъ самый день, какъ Оболенскій отпустилъ Гайка изъ Москвы, именно 27 февраля, литовскія войска потерпѣли пораженіе подъ Себежомъ. Въ Литвѣ понимали, что это событіе не заставитъ Московское правительство исполнить требованіе короля и отправить своихъ пословъ въ Литву, и потому придумали новое средство согласить требованіе обѣихъ сторонъ. Въ маѣ Радзивилъ прислалъ къ Оболенскому новую грамоту, въ которой писалъ: „Ты пишешь, чтобы нашъ господарь отправилъ своихъ пословъ къ вашему господарю: но разсудите сами, кому приличнѣе отправить своихъ пословъ—нашему ли господарю, который въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, или вашему, который такъ еще молодъ? прилично вашему господарю послать къ нашему, какъ къ отцу своему. Но еслибъ вашъ господарь и отправилъ своихъ пословъ къ нашему господарю, давши имъ полный наказъ и запретивши выступать изъ него, то можетъ легко случиться, что нашъ господарь не приметъ этихъ условій и послы возвратятся, ничего не сдѣлавши; то же самое можетъ случиться, если и нашъ господарь пришлетъ къ вамъ въ Москву своихъ пословъ. Для избѣжанія этого, посовѣтуй съ братьею своею, князьями и боярами, господарю своему, чтобъ онъ отправилъ пословъ своихъ великихъ на границы, давши имъ полномочіе; а король пошлетъ съ своей стороны также великихъ пословъ съ полномочіемъ, такъ, чтобъ не заключивши мира или перемирія, они не могли разъѣхаться“.

Но это средство не помогло, особенно послѣ Себежскаго дѣла: великій князь говорилъ съ матерью своею и съ боярами, что отправлять къ королю пословъ своихъ ему непригоже: прежде отецъ его никогда не посылывалъ; и на съѣздъ ему пословъ своихъ отправить также непригоже: много о томъ бывало рѣчей отъ папы и отъ цезаря, чтобъ посламъ быть на съѣздѣ, и князь великій Василій всегда отговаривалъ. Съ этимъ рѣшеніемъ Оболенскій опять отправилъ человѣка своего къ Радзивилу; въ грамотѣ своей онъ далъ ему знать, что государи въ сношеніяхъ своихъ другъ съ другомъ должны поддерживать достоинство государствъ своихъ, а не считаться лѣтами: „Вѣдомо вамъ гораздо, что съ Божіею волею отъ прародителей своихъ государи наши государства свои держатъ; отецъ государя нашего, великій государь Василій, былъ на государствахъ отца своего и на своихъ; теперь сынъ его на тѣхъ же государствахъ дѣда и отца своего: государь нашъ теперь въ молодыхъ

лѣтахъ, а милостію Божіею государствами своими въ совершенныхъ лѣтахъ. А что ты писалъ о съѣздѣ посольскомъ на границахъ, то это кто-нибудь, не желая между государями добраго согласія, такія новизны выдумываетъ; отъ предковъ нашихъ государей повелось, что отъ королей къ намъ послы ходили и дѣла у нихъ дѣлали".

Король сдѣлалъ еще шагъ впередъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ прислалъ уже прямо отъ себя къ Іоанну Кревскаго намѣстника Никодима Техоновскаго съ прежнимъ требованіемъ присылки великихъ пословъ въ Литву и съ опасною грамотою на нихъ. Въ думѣ рѣшили: Никодима отпустить, а къ королю послать сына боярскаго добраго, для того, чтобъ съ королемъ дѣла не порвать; а не послать къ королю человѣка, то впередъ задрать о мирѣ будетъ тяжело. И отправили въ Литву сына боярскаго Хлуденева съ опасною грамотою на королевскихъ пословъ. Хлуденевъ возвратился уже въ ноябрѣ и объявилъ, что къ Рождеству будутъ въ Москву великіе литовскіе послы, полоцкій воевода Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ съ товарищами; Хлуденевъ сказывалъ также, что по дорогѣ честь ему была велика, кормы давали вдоволь и чтили его. Янъ Глѣбовичъ явился къ назначенному сроку и переговоры открылись; они начались споромъ о томъ, кто первый началъ войны—Литовцы или Русскіе? Говорили бояре съ послами о томъ многія рѣчи; бояре говорили: королевы люди начали, а послы говорили: великаго князя люди начали, и долго о томъ говорили. Послы говорили, что король посылалъ гетмана на сѣверскіе города, потому что эти города его король Казимиръ отдалъ ихъ Шемякину и Можайскому, и тѣ измѣнили и передали ихъ Москвѣ. Бояре отвѣчали, что сѣверскіе города были къ Кіеву, а Кіевъ отчина великому князю: и о томъ рѣчей спорныхъ и бранныхъ много говорили. Когда эти споры наскучили, послы сказали, что не для чего говорить о старинѣ, а надобно найти доброе дѣло, какъ бы между государями миръ устроить. Когда бояре согласились говорить о настоящемъ дѣлѣ, то начался споръ, кому первому излагать свои условія; бояре настояли, чтобы первые говорили послы, и тѣ начали требованіемъ Новгорода и Пскова. Бояре отвѣчали: „И прежде о томъ бывали рѣчи, да плода не было и не будетъ. Зачѣмъ говорить нелѣпости, отъ которыхъ плода никакого нѣтъ? гдѣ Новгородъ, гдѣ Псковъ? и конца тому нѣтъ, откуда идутъ ваши рѣчи".

Послѣ многихъ спорныхъ рѣчей, послы сказали: „Много поговоривши, какъ бы къ концу приговориться“, и стали требовать мира, какой былъ между Казимиромъ и Василіемъ Темнымъ. Бояре назвали и это безплодными рѣчами. Послы стали говорить о мирѣ Іоанна III съ Александромъ, Василія съ Сигизмундомъ; бояре разбранившись съ ними, пошли прочь, и великій князь велѣлъ посламъ ѣхать на подворье.

Во второе совѣщаніе послы пріѣхали и долго сидѣли молча, наскучивъ ихъ молчаніемъ, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ сказалъ: „Паны! хотя бы теперь дни были и большіе, то молчаньемъ ничего не сдѣлать; а теперь дни короткіе, и говорить будете, такъ все мало времени“. Послы отвѣчали: „Мы уже говоримъ два дня и все по приказу господаря своего, спускаемъ, а вы ни одного слова не спустите; скажите намъ, какъ вашъ государь съ нашимъ господаремъ въ вѣчномъ мирѣ быть хочетъ?“ Бояре отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на тѣхъ условіяхъ, на какихъ было перемиріе между Сигизмундомъ и покойнымъ великимъ княземъ Василіемъ; т.-е. чтобъ Смоленскъ навѣки былъ уступленъ Москвѣ; а которыя дѣла случились уже при Іоаннѣ, о тѣхъ впередъ будетъ разговоръ (говѣря). Послы сказали на это: „Положите на своемъ разумѣ: для чего господарю нашему своей отчины отступиться и въ полную писать?“ Бояре опять разбранились съ послами и тѣ уѣхали на подворье. Третье совѣщаніе началось также, какъ окончилось второе, многими спорными рѣчами; наконецъ одинъ изъ пословъ сказалъ: „Много говоримъ рѣчей, а къ концу не приговоримся; поискать бы намъ средняго пути: господарю нашему Смоленска уступить на голыя слова нельзя“. Бояре спросили: „Что значитъ: голыя слова?“ Посолъ отвѣчалъ: „Если государь вашъ Смоленска отдать не хочетъ, то пусть дастъ господарю нашему другой какой-нибудь городъ, равный Смоленску величиною и богатствомъ“. Бояре съ этимъ предложеніемъ пошли къ великому князю, и, возвратившись, отвѣчали именемъ Іоанна: „Отецъ нашъ ту свою отчину съ Божьею волею досталъ и благословилъ ею насъ, мы ее держимъ за собою и королю никакъ не уступимъ; а другой городъ за нее для чего намъ давать? Смоленскъ наша отчина изъ начала, отъ предковъ, и если наши предки случайно ее потеряли, то намъ опять далъ ее Богъ, и мы ее не уступимъ“. Видя, что нѣтъ возможности заключить вѣчный миръ, послы предложили перемиріе.

Великій князь говорилъ съ боярами: „пригоже ли съ королемъ взять перемирье на время? и приговорилъ, что пригоже для иныхъ сторонъ недружныхъ; Крымъ невѣдомъ, съ царемъ Саипъ-Гиреемъ крѣпости еще нѣтъ никакой, и Исламъ-Гирей человѣкъ шаткій, нестоятельный; а казанскіе люди измѣнили; и съ ними еще дѣла никакого не сдѣлано: для этого пригоже съ королемъ взять перемирье, чтобъ съ тѣми сторонами поуправиться“. Въ переговорахъ о перемиріи главное затрудненіе состояло въ томъ, что бояре требовали назадъ Гомеля и свободы плѣнныхъ, на что послы никакъ не соглашались, желая, чтобы война кончилась хотя какимъ-нибудь пріобрѣтеніемъ для Литвы; относительно же плѣнныхъ представляли опять на видъ, какъ и во времена Васильевы, что у короля въ рукахъ знатные плѣнники московскіе и ему невыгодно промѣнять ихъ на незнатныхъ литовскихъ; бояре говорили: „Какая прибыль плѣнныхъ не отпустить и своихъ не взять? вѣдь они люди, и если люди, такъ смертны; были, да не будутъ: и въ томъ какая прибыль? А Гомель отчина государя нашего, и королю за собою зачѣмъ чужое держать? У вашего господаря въ плѣну добрые люди, а у нашего молодые, да за то ихъ много: такъ бы на большинство натянуть, меньшихъ людей больше взять. Въ большихъ душа, и въ меньшихъ душа же; обои погибнутъ: и въ томъ какая прибыль для обѣихъ сторонъ!“ Послы никакъ не соглашались и требовали также, чтобъ великій князь разорилъ городки, поставленные имъ во время войны, на своей и на литовской землѣ. Согласились, что плѣннымъ свободы не будетъ, что Гомель останется за королемъ, а новые городки, Заволочье и Себежъ, за великимъ княземъ; но послѣ этого начались споры относительно границъ волостямъ; тутъ уладиться не могли, переговоры рушились, послы уже откланялись великому князю, но передъ самымъ отъѣздомъ сказали приставу: «Захотятъ бояре еще дѣлать, и мы съ ними хотимъ дѣлать; а государевымъ здоровьемъ у насъ хоромы теплы и кормовъ много, можно намъ мѣшкать за государевыми дѣлами, только бы далъ Богъ дѣло сдѣлалось». Приставъ сказалъ объ этомъ боярамъ, пословъ опять позвали на совѣщаніе, и наконецъ уладились, заключили перемиреніе на пять лѣтъ, отъ Благовѣщеньева дня 1537 до Благовѣщеньева дня 1542 года.

Въ Думѣ прямо объявили о необходимости заключить перемиріе съ королемъ, чтобъ имѣть возможность поуправиться съ Казанью и Кры-

момъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій правительства по смерти Василія было отправленіе сына боярскаго Челищева въ Крымъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна. Челищевъ долженъ былъ бить челомъ Саипъ-Гирею, чтобъ пожаловалъ новаго великаго князя, учинилъ его себѣ въ прокъ братомъ и другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ; посолъ долженъ былъ также сказать хану: „Если дашь шертную грамоту, то большой посолъ, князь Стригинъ-Оболенскій, уже ждетъ въ Путивлѣ съ большими поминками, и немедленно пойдетъ къ тебѣ“. Но, суля неопредѣленно большіе поминки за шертную грамоту, Челищевъ, попрежнему не долженъ былъ ничего давать въ пошлину, не долженъ былъ давать клятвы, что великій князь будетъ присылать хану поминки урокомъ.

Въ генварѣ отправленъ былъ Челищевъ въ Крымъ, а въ маѣ Татары уже разоряли русскія мѣста по рѣкѣ Пронѣ; но были прогнаны. Скоро однако въ самомъ Крыму встала усобица между ханомъ Саипъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гиреевъ—Исламомъ; Орда раздѣлилась между соперниками, и это раздѣленіе было очень полезно для Москвы, ибо хотя оба хана слѣдовали прежнимъ разбойничьимъ привычкамъ и ни отъ одного изъ нихъ нельзя было надѣяться прочнаго союза, однако силы разбойниковъ были раздѣлены. Исламъ далъ обѣщаніе королю стоять съ нимъ заодно на всѣхъ непріятелей, слѣдовательно и на московскаго великаго князя, и въ то же время прислалъ въ Москву со предложеніемъ союза; но разумѣется, главная цѣль посылки была требованіе казны: „Которую казну ты къ Саипъ-Гирею послалъ, ту казну пришли мнѣ: меня царемъ учинилъ Турскій султанъ, такъ ему надобно послать много поминковъ“. Въ Москвѣ дѣйствительно сочли за лучшее послать казну къ Исламу, потому что нерасположеніе Саипа было слишкомъ явно: онъ пограбилъ Челищева и всѣхъ его людей. Князь Стригинъ-Оболенскій получилъ вслѣдствіе этого приказъ ѣхать изъ Путивля въ Крымъ къ Исламу съ большими поминками; очень вѣроятно, что Оболенскій не хотѣлъ ѣхать въ Крымъ, зная, что обыкновенно терпѣли тамъ московскіе послы, и онъ искалъ всякаго рода отговорокъ, но та, которую онъ нашелъ, очень любопытна для насъ; онъ писалъ великому князю: „Исламъ отправилъ къ тебѣ посломъ Темеша: но этого Темеша въ Крыму не знаютъ, и имени ему не вѣдаютъ; въ томъ Богъ воленъ да ты

государь: опалу на меня положить, или казнить меня велишь, мнѣ противъ этого Исламова посла Темеша нельзя идти". Великій князь положилъ на Оболенскаго опалу, и вмѣсто его велѣлъ идти въ Крымъ князю Мезецкому. Начались пересылки съ обычнымъ характеромъ: Московское правительство требовало отъ Ислама шертной грамоты, дѣятельнаго союза противъ Литвы; Исламъ требовалъ денегъ, жаловался, что великій князь не исполнилъ отцовскаго завѣщанія, по которому будто бы Василій, въ знакъ дружбы, отказалъ ему, Исламу, половину казны своей. Въ августѣ 1535 года, когда полки московскіе шли на защиту Сѣверской стороны отъ Литовцевъ, Крымцы напали на берега Оки, были отражены, но отвлекли московскія силы отъ Сѣверской стороны и облегчили королевскому войску взятіе Гомеля и Стародуба. Исламовыхъ пословъ задержали за это въ Москвѣ; но ханъ отговорился, что воевалъ московскія области не онъ, а Саипъ, и пословъ выпустили. Съ московскими людьми въ Крыму поступали по прежнему: посолъ Наумовъ писалъ къ великому князю: „Пріѣхали къ Исламу твои козаки, и вотъ князья и уланы начали съ нихъ платье снимать, просятъ соболей; я послалъ сказать объ этомъ Исламу; а князья и уланы пришли на Ислама съ бранью: ты у насъ отнимаешь, не велишь великому князю намъ поминковъ присылать; а Исламъ говорилъ: какое наше братство! нарочно великій князь не шлетъ къ намъ поминковъ, не хотя со мною въ дружбѣ и въ братствѣ быть; а князьямъ сказалъ: дѣлайте какъ вамъ любо!—и они всѣ хотятъ козаковъ твоихъ продать". Въ Москвѣ, наоборотъ, старались избѣгать всякаго повода къ жалобѣ со стороны хана: такъ, когда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ Крымскаго посла въ ссорѣ поколотили рогатиною, то виновники были отосланы головою въ Крымъ къ хану, Крымскаго посла при представленіи два раза дарили платьемъ, самъ великій князь подавалъ ему и товарищамъ его медъ, но требовалось, чтобъ посолъ противъ государева жалованья на колѣни становился и колпакъ снималъ.

Скоро сношенія съ Крымомъ получили для Москвы новое значеніе. Московскій отъѣзжикъ, князь Семенъ Бѣльскій, видя, что дѣла Сигизмундовы съ Москвою идутъ вовсе не такъ хорошо, какъ ему хотѣлось и какъ онъ обѣщалъ въ Литвѣ, отпросился у короля въ Іерусалимъ, будто бы для исполненія обѣта; но вмѣсто того сталъ хлопотать въ Константинополѣ, какъ бы поднять сул-

тана и Крымцовъ на Москву въ союзѣ съ Литвою: съ помощію Турокъ и Литвы ему хотѣлось возстановить для себя не только независимое княжество Бѣльское, но и Рязанское, потому что онъ считалъ себя по матери, княжнѣ Рязанской (племянницѣ Іоанна III), единственнымъ наслѣдникомъ этого княжества по пресѣченіи мужеской линіи князей Рязанскихъ. По заключеніи уже мира съ Москвою, Сигизмундъ получилъ отъ Бѣльскаго письмо съ увѣдомленіемъ, что султанъ взялся помогать ему, приказалъ Саипъ-Гирею Крымскому и двоимъ пашамъ, Силистрійскому и Кафинскому, выступать съ нимъ въ походъ; что у пашей этихъ можетъ быть болѣе 40.000 войска, кромѣ Саипъ-Гирея, людей его и козаковъ Бѣлгородскихъ; писалъ, чтобъ и Сигизмундъ высылалъ своихъ великихъ гетмановъ со всѣми войсками въ московскую землю; просилъ также короля, чтобъ далъ ему листъ, за которымъ бы могъ безопасно пріѣхать въ Литву для своихъ дѣлъ и безопасно отъѣхать, и чтобъ король позволилъ людямъ, живущимъ въ имѣніяхъ его, Бѣльскаго, въ Литвѣ, ѣхать къ нему въ Перекопъ.

Королю это письмо было вовсе не ко времени, ибо война съ Москвою уже прекратилась: онъ отвѣчалъ Бѣльскому: Ты отпросился у насъ въ Іерусалимъ для исполненія обѣта, а не сказалъ ни слова, что хочешь ѣхать къ турецкому султану; когда самъ къ намъ пріѣдешь и грамоту султанову къ намъ привезешь, тогда и сдѣлаемъ, какъ будетъ пригоже. Ты просишь у насъ грамоты для свободнаго проѣзда въ Литву; но вѣдь ты нашъ слуга, имѣніе у тебя въ нашемъ государствѣ есть, такъ нѣтъ тебѣ никакой нужды въ проѣздной грамотѣ: всѣ наши княжата и панята свободно къ намъ пріѣзжаютъ; слугъ же твоихъ мы немедленно велѣли къ тебѣ отпустить".

Въ Москву о проискахъ Бѣльскаго далъ знать Исламъ-Гирей, выставляя при этомъ свое доброхотство къ великому князю: онъ писалъ, будто Саипъ-Гирей извѣстилъ султана, что Исламъ болѣе не существуетъ, и вслѣдствіе этой вѣсти начались приготовленія къ походу съ княземъ Бѣльскимъ, собрано было 100.000 войска, но когда Бѣльскій, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, узналъ здѣсь, что Исламъ живъ и далъ знать объ этомъ султану, то послѣдній сказалъ: „Если только Исламъ живъ, то нашему дѣлу статься нельзя". Бѣльскій присылалъ человѣка къ Исламу съ просьбою дать ему дорогу и быть ему товарищемъ; но Исламъ не согласился: „И ты

вѣдай" писалъ Исламъ великому князю: „что Оттоманы люди лихіе: султанъ начинаетъ это дѣло вовсе не для князя Бѣльскаго; онъ не думаетъ о томъ, пригоже ли Бѣльскому княженіе или не пригоже, лишь бы только камень о камень ударилъ, лишь бы ему при этомъ что-нибудь къ себѣ приволочь. Султанъ и нашей землѣ покоя не даетъ, съ такимъ устремленіемъ живетъ, не разсуждая, кто ему земли достаетъ, отъ холопа или отъ рабы родился—ему все равно, лишь бы земли доставалъ,

Московское правительство благодарило Ислама за дружбу и послало ему дары съ просьбою, чтобъ выдалъ или убилъ Бѣльскаго; въ то же время рѣшились и на другое средство, чтобъ только отвлечь Бѣльскаго отъ опасныхъ замысловъ: человѣкъ Бѣльскаго объявилъ московскому послу въ Крыму, Наумову, что господинъ его возвратится въ Москву, если великая княгиня его проститъ и дастъ ему опасную грамоту. На основаніи этого объявленія послана была Бѣльскому опасная грамота такого содержанія: „Мы тебя жаловать хотимъ и гнѣвъ свой отложимъ; вины твоей, которую ты сдѣлалъ по молодости, памятовать не хотимъ, а еще и больше прежняго пожалуемъ тебя нашимъ великимъ жалованьемъ. Вѣдаешь и самъ, что и прежде нѣкоторые наши слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ непріятелямъ, опять назадъ пріѣзжали, и этимъ отечества своего не теряли, предки наши ихъ жаловали, и опять ихъ въ *отечествѣ* (въ родовой чести) возстанавливали. И ты бы нынѣ поѣхалъ къ намъ безъ всякаго опасенія".

Но Бѣльскій почему-то не ѣхалъ, и Московское правительство продолжало вести о немъ переговоры и съ Исламомъ и съ Саипъ-Гиреемъ, къ которому отъ времени до времени также отправляло посольства. Со стороны Саипъ-Гирея цѣлію присылокъ въ Москву были, разумѣется, запросы: „Прислалъ бы ты намъ платье, три шубы собольи, три шубы лисьи, три кречета, да и сокольниковъ бы прислалъ: а мы, сколько будетъ пригоже, братству твоему готовы; да прислалъ бы пять лисицъ черныхъ, да пять черныхъ зубовъ рыбьихъ". Сынъ Саиповъ писалъ: „Сколько прошенья нашего ни будетъ, ты бъ намъ ни за что не стоялъ, чтобъ тебѣ съ отцомъ нашимъ въ добромъ братствѣ быть". Гонцу отвѣчали отъ имени великаго князя: „Когда будетъ у насъ отъ брата нашего большой посолъ добрый человѣкъ, тогда мы съ нимъ вмѣстѣ отпустимъ своего большаго посла, и что у насъ случится, то мы

брату своему и пошлемъ; а что ты тамъ отъ царя говорилъ о нашемъ холопѣ Бѣльскомъ, называлъ его Саипъ-Гирей нашимъ другомъ: то развѣ царь по незнанію о немъ такъ приказалъ, назвалъ его нашимъ другомъ? Бѣльскій холопъ нашъ, а не другъ; и если братъ нашъ захочетъ намъ дружбу свою показать, то онъ бы его къ намъ прислалъ, или велѣлъ бы его тамъ убить; это была бъ намъ отъ него первая дружба". Гонецъ отвѣчалъ: „Пріѣхалъ Бѣльскій отъ турецкаго султана къ хану, привезъ грамоту и рать подвигаетъ на московскую украйну; государю вашему другомъ и братомъ называетъ себя; и которые люди бывали на Москвѣ и его знали, что онъ великаго князя холопъ, тѣ его бранятъ и въ глаза ему плюютъ; а которые люди молодые, этого не знаютъ, тѣ къ нему пристаютъ; и идти съ нимъ хотятъ; вѣдь Орда и въ ней люди разные, одинъ говоритъ одно, а другой другое, а государь нашъ для людей такъ молвилъ, а онъ и самъ знаетъ, что Бѣльскій холопъ". Въ одно время съ гонцомъ Саиповымъ отпускали и гонцовъ Исламовыхъ; послѣдніе сказали боярамъ: „Нѣкоторые бояре говорятъ, чтобъ князь великій былъ въ дружбѣ и братствѣ съ Саипъ-Гиреемъ царемъ, а Ислама оставилъ: вѣдомое дѣло, помирится князь великій съ царемъ, то государю нашему Исламъ-Салтану плохо будетъ, но и великому князю добра никакого не прибудетъ же: такъ великій князь не потакалъ бы этимъ рѣчамъ". Имъ отвѣчали, что великій князь Ислама оставить не хочетъ, и у бояръ объ этомъ ни у кого ничего не слыхалъ и слышать не хочетъ.

Ислама не хотѣли оставить въ Москвѣ; Исламъ былъ нуженъ, онъ обѣщалъ выдать Бѣльскаго. Но ему не удалось исполнить этого обѣщанія: одинъ изъ ногайскихъ князей, другъ Саипъ-Гиреевъ, нечаянно напалъ на Ислама и убилъ его, захвативъ въ то же время и Бѣльскаго, котораго Саипъ выкупилъ у него по приказанію султана. Ставши однимъ ханомъ въ Крыму, Саипъ послалъ сказать великому князю московскому: „Если пришлешь мнѣ, что посылали вы всегда намъ по обычаю, то хорошо, и мы по дружбѣ стоимъ; а не придутъ поминки къ намъ всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ посла, за этимъ дѣла не откладывай, а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди. Теперь не по ста-

рому съ голою ратью татарскою пойдемъ: кромѣ собственнаго моего наряду пушечнаго, будетъ со мною счастливаго хана (султана турецкаго) сто тысячъ конныхъ людей; я не такъ буду, какъ Магметъ-Гирей, съ голою ратью, не думай, побольше его силы идетъ со мною. Казанская земля мой юртъ, и Сафа-Гирей царь братъ мнѣ: такъ ты бъ съ этого дня на Казанскую землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри".

Опять съ единовластіемъ Саипа началось вмѣшательство Крымскихъ хановъ въ дѣла казанскія, ибо мысль объ освобожденіи Казани отъ Русскихъ и соединеніи всѣхъ татарскихъ ордъ въ одну или, по крайней мѣрѣ, подъ однимъ владѣющимъ родомъ была постоянною мыслію Гиреевъ, которую они высказывали, къ осуществленію которой стремились при первомъ удобномъ случаѣ. Мы видѣли, что въ послѣднее время жизни великаго князя Василія Казань спокойно повиновалась Москвѣ въ лицѣ хана своего Еналея. Еналей перенесъ свои подручническія отношенія и къ наслѣднику Василіеву, попрежнему остался вѣренъ Москвѣ. Но вслѣдствіе перемѣны хановъ, вслѣдствіе разныхъ вліяній, Русскаго, Крымскаго, въ Казани уже давно успѣли образоваться стороны, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить сторону противную. Въ тяжкой войнѣ Москвы съ Литвою Крымская сторона въ Казани увидала удобный случай свергнуть московскаго подручника: составился заговоръ осенью 1435 года подъ руководствомъ царевны, сестры Магмедъ-Аминя, и князя Булата. Еналей былъ убитъ и царемъ провозглашенъ Сафа-Гирей Крымскій. Но это было торжество одной стороны, другая оставалась: въ Москву пріѣхали съ Волги козаки, Городецкіе Татары, и сказывали, что къ нимъ на островъ пріѣзжали казанскіе князья, мурзы и козаки, человѣкъ 60, объявили объ убійствѣ Еналея, и прибавили: „Насъ въ заговорѣ князей и мурзъ съ 500 человѣкъ; помня жалованіе великихъ князей Василія и Ивана и свою присягу, хотимъ государю великому князю служить прямо, а государь бы насъ пожаловалъ, простилъ царя Шигъ-Алея и велѣлъ ему быть въ Москву; и когда Шигъ-Алей будетъ у великаго князя въ Москвѣ, то мы соединимся съ своими совѣтниками, и Крымскому царю въ Казани не быть". Получивъ эти вѣсти, великая княгиня рѣшила съ боярами, что надобно Шигъ-Алея освободить изъ заключенія. Въ декабрѣ

Шигъ-Алея привезли съ Бѣла-озера и представили великому князю, ханъ сталъ на колѣни и говорилъ: „Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ, какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани; но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани пришла въ князьяхъ и въ людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой меня пожаловалъ въ своей замлѣ, далъ мнѣ города; а я, грѣхомъ своимъ, предъ государемь провинился гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ".

Великій князь велѣлъ царю встать, позвалъ его къ себѣ поздороваться (карашеваться) и велѣлъ ему сѣсть съ правой руки на другой лавкѣ, потомъ подарилъ ему шубу и отпустилъ на подворье. Но Шигъ-Алей билъ челомъ, чтобъ позволено ему было представиться и великой княгинѣ. Елена держала совѣтъ съ боярами, прилично ли быть у нея царю; бояре рѣшили, что прилично, потому что великій князь малъ и все правленіе государствомъ лежитъ на ней. 9 генваря 1536 года былъ пріемъ Шигъ-Алея у Елены. У саней встрѣтили его бояре—князь Василій Васильевичъ Шуйскій и князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепневъ-Оболенскій съ двумя дьяками; въ сѣняхъ встрѣтилъ его самъ великій князь съ боярами. Елену окружали боярыни; бояре сидѣли по обѣ стороны, какъ обыкновенно водилось при посольскихъ представленіяхъ. Шигъ-Алей войдя, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ: „Государыня великая княгиня Елена! взялъ меня государь мой, князь Василій Ивановичъ молодаго, пожаловалъ меня, вскормилъ какъ щенка и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ меня какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ. По грѣхамъ моимъ, казанскіе люди меня съ Казани сослали, и я опять съ государю свему пришелъ: государь меня пожаловалъ, города далъ въ своей землѣ, а я ему измѣнилъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ предъ государемъ виноватъ. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мнѣ отдали, меня холопа своего, пощадили и очи свои государскія дали мнѣ видѣть. А я, холопъ вашъ, какъ вамъ теперь клятву далъ, такъ по этой своей присягѣ до смерти своей хочу крѣпко стоять и умереть за ваше государское жалованье; такъ же хочу

умереть, какъ братъ мой умеръ, чтобъ вину свою загладить". Елена приказала ему отвѣчать: „Царь Шигъ-Алей! великій князь Василій Ивановичъ опалу свою на тебя положилъ, а сынъ нашъ и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебѣ видѣть. Такъ ты теперь прежнее свое забывай, и впередъ дѣлай такъ, какъ обѣщался, а мы будемъ великое жалованье и береженіе къ тебѣ держать". Царь ударилъ челомъ въ землю великому князю и великой княгинѣ, его опять одарили и отпустили на подворье. Жена его, Фатьма-Салтанъ, била также челомъ, чтобъ дали ей посмотрѣть очи государскія; Елена приняла ее; у саней и по лѣстницѣ встрѣчали ханшу боярыни; въ сѣняхъ встрѣтила великая княгиня, поздоровалась и ввела въ палату, куда скоро вошелъ и великій князь; при его входѣ царица встала и съ мѣста своего соступила; маленькій Иванъ сказалъ ей „Табугъ-Саламъ и *карашевался*, послѣ чего сѣлъ на своемъ мѣстѣ у матери, а у царицы съ правой руки, бояре съ нимъ по обѣ стороны, а около великой княгини боярыни. Въ тотъ же день царица обѣдала у великой княгини; Иванъ съ боярами обѣдалъ также въ материнской избѣ; послѣ обѣда Елена подавала ханшѣ чашу и дарила ее.

Но въ то время, какъ въ Москвѣ угощали и дарили Шигъ-Алея, чтобъ дать въ немъ опору противной Крымцамъ сторонѣ въ Казани, война уже началась съ Сафа-Гиреемъ. Московскіе воеводы дурно дѣйствовали наступательно; Татары успѣли сжечь села около Нижняго, но отбиты были отъ Балахны, не имѣли удачи и въ нападеніяхъ на другія мѣста. Потомъ Казанцы вторглись въ Костромскія волости; стоявшій здѣсь для защиты князь Засѣкинъ, не собравшись съ людьми, ударилъ на Татаръ, былъ разбитъ и убитъ; но приближеніе большихъ воеводъ московскихъ заставило Татаръ удалиться. Мы видѣли, что казанскія дѣла, шедшія довольно плохо, преимущественно заставили Московское правительство спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою: Успокоивши этимъ перемиріемъ западныя границы, правительство въ началѣ 1537 года двинуло войска къ востоку, во Владиміръ и Мещеру; Сафа-Гирей явился подъ Муромомъ, сжегъ предмѣстія, но города взять не могъ и ушелъ, заслышавъ о движеніи воеводъ изъ Владиміра и Мещеры. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда единовластіе Саипъ-Гирея дало новое препятствіе къ успѣшному наступленію на Казань. Угрозы Крымскаго хана произвели впечатлѣніе въ Москвѣ:

послу отвѣчали, что хотя царь въ грамотѣ писалъ многія непригожія рѣчи, однако требованія его будутъ уважены, и если Сафа-Гирей Казанскій пришлетъ къ государю и захочетъ мира, то государь съ нимъ мира хочетъ, какъ пригоже. Саипъ-Гирей повторялъ: „Ты бъ къ намъ прислалъ большаго своего посла, добраго человѣка, князя Василія Шуйскаго или Овчину, и казну бъ свою большую къ намъ прислалъ, а съ Казанью помирился, и оброковъ своихъ съ казанскихъ мѣстъ брать не велѣлъ; а пошлешь на Казань рать свою, и ты къ намъ посла не отправляй, недругъ я твой тогда". Въ думѣ разсуждали: „Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдетъ на наши украйны, то съ двухъ сторонъ христіанству будетъ дурно, отъ Крыма и отъ Казани". Приговорили—рати на Казань не посылать, Саипъ-Гиреева человѣка отпустить въ Казань и съ нимъ вмѣстѣ послать сына боярскаго къ Сафа-Гирею съ грамотою; а въ отвѣтной грамотѣ Саипъ-Гирею великій князь писалъ: „Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами; а какъ дѣдъ нашъ милостію Божіею Казань взялъ и царя свелъ—того ты не помнишь! такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ"[7].

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія въ правленіе Елены. Кромѣ того въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціею, по которому Густавъ-Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскому ордену въ войнѣ съ Москвою; утверждена была взаимная свободная торговля и выдача бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Подтверждены прежніе договоры съ Ливоніею. Продолжались сношенія съ имперіею—неизвѣстно впрочемъ, въ чемъ они состояли. По отношеніямъ къ Польшѣ, поддерживалась пересылками пріязнь молдавскаго воеводы, Петра Степановича, врага Сигизмундова. Султанъ Турецкій попрежнему присылалъ Грека въ Москву для закупки разныхъ товаровъ[8].

Внутри первымъ дѣломъ правительства было построеніе городовъ или крѣпостей; опасныя нападенія съ трехъ сторонъ дѣлали это необходимымъ. Уже упомянуто было о построеніи городовъ на литовскихъ границахъ, даже на литовской землѣ, о возобновленіи старыхъ, пострадавшихъ во время войны. Въ 1535 году построенъ былъ городъ въ Перми на мѣсто сгорѣвшаго стараго; въ томъ же году поставленъ деревянный городъ въ Мещерѣ на рѣкѣ Мокшѣ, на мѣстѣ, называемомъ Мурунза, для того, сказано въ лѣтописи, что въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ городовъ вблизи; въ 1536 году били челомъ великому князю и его матери Костромскаго уѣзда волости: Корега, Ликурги, Залѣсье, борокъ Желѣзный, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ поставить городъ для того, что тамъ волостей много, а отъ городовъ далеко: вслѣдствіе этой челобитной поставленъ былъ Буйгородъ; на Балахнѣ у Соли сдѣланъ городъ земляной для того, что посадъ великъ, а людей много; поставленъ городъ на Пронѣ; сдѣланъ городъ Устюгъ деревянный весь новый; городъ Ярославль сгорѣлъ весь: въ томъ мѣсяцѣ велѣно на старомъ мѣстѣ ставить новый городъ; во Владимірѣ большой пожаръ также повредилъ городскую стѣну; ее немедленно починили; также поступлено и въ Твери послѣ большихъ пожаровъ; сдѣланы новыя укрѣпленія въ Новгородѣ Великомъ и Вологдѣ; въ Москвѣ, по мысли великаго князя Василія, обведено каменными стѣнами мѣсто, получившее названіе Китая или средняго города; строитель былъ Петръ Малый Фрязинъ, закладка каменной стѣны происходила 16 мая 1535 года. Попрежнему заботились объ умноженіи народонаселенія выходцами изъ чужихъ странъ: въ 1535 году выѣхали изъ Литвы на государево слово триста семей [9].

Уже въ послѣднее время княженія Василіева обнаружилось важное зло—обрѣзъ и подмѣсь въ деньгахъ: изъ гривенки должно было выдѣлывать 250 денегъ новгородскихъ или въ московское число два рубля шесть гривенъ; но искаженіе дошло до того, что у каждой деньги отрѣзывали по половинѣ, и въ гривенку шло такихъ искаженныхъ денегъ по 500 и больше: отсюда при каждой торговой сдѣлкѣ крики, брань, клятвы. Въ сентябрѣ 1533 года, незадолго до смерти великаго князя Василія, казнили въ Москвѣ за порчу денегъ многихъ людей: Москвичей, Смольянъ, Костромичей, Вологжанъ, Ярославцевъ и изъ другихъ городовъ, лили олово въ ротъ, руки сѣкли [10]. Въ мартѣ 1535 года Елена запрети-

на обращеніе поддѣльныхъ и рѣзаныхъ денегъ, приказала ихъ передѣлывать и вновь чеканить изъ гривенки уже по три рубля или по 300 денегъ новгородскихъ, а прибавлено было въ гривенку новыхъ денегъ для того, говоритъ лѣтописецъ, чтобъ людямъ былъ не великъ убытокъ отъ испорченныхъ денегъ. При великомъ князѣ Василіи изображался на деньгахъ великій князь на конѣ, съ мечомъ въ рукѣ, а теперь сталъ изображаться съ копьемъ въ рукѣ, и деньги оттого стали называться копѣйными (копѣйками) [41].

Кромѣ этихъ распоряженій, выставляемыхъ лѣтописями, мы должны остановиться еще на нѣкоторыхъ явленіяхъ, о которыхъ впервые встрѣчаемъ извѣстіе въ правленіе Елены. Такъ, напримѣръ, у насъ утвердилось мнѣніе, что до Іоанна IV присутствовали въ думѣ только бояре и окольничіе, и что только этотъ государь изъ противоборства вліянію знатныхъ людей, ввелъ въ думу третій, низшій разрядъ членовъ, такъ - называемыхъ думныхъ дворянъ; но при описаніи пріема Польскаго посла Никодима Техановскаго, въ правленіе Елены, читаемъ: „Князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре и окольничіе, и дворецкіе, и *дѣти боярскія, которыя живутъ въ думѣ*, и дѣти боярскія прибыльныя, которыя не живутъ въ думѣ" [42]. Если подъ именемъ думы мы будемъ здѣсь разумѣть совѣтъ великокняжескій и слову *жить* придадимъ обыкновенное значеніе существованія или присутствія, то должны будемъ признать, что еще прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV были введены въ думу дѣти боярскія. Конечно, мы никакъ не рѣшимся утверждать, что это введеніе послѣдовало именно въ правленіе Елены, а не ранѣе. О значеніи окольничихъ, какъ собственно придворныхъ бояръ, распоряжающихся придворными дѣлами и церемоніями, встрѣчаемъ извѣстіе также при описаніи переговоровъ съ польскими послами. „Велѣлъ князь великій приставу Өедору Невѣжину *отъ окольничихъ* сказать посламъ, чтобъ они были на дворѣ". Дѣти боярскія, назначенныя приставами къ послу Техановскому, встрѣтивъ его при въѣздѣ въ Москву, сказали ему: „Великаго государя окольничіе велѣли намъ у тебя быть и подворье тебѣ указать". Когда посолъ былъ поставленъ на подворьѣ, то кормъ велѣно ему давать съ *Яму*, изъ дворца великокняжескаго, а писанъ кормъ у дьяковъ, которые ямы вѣдаютъ.

Въ 1536 году дана была уставная грамота старостамъ и всѣмъ людямъ Онежской земли, сходная съ уставною грамотою Бѣлоозерскою Іоанна III и уставною Артемоновскимъ крестьянамъ Василія Іоанновича. Въ Бѣлоозерской говорится: намѣстнику, тіунамъ и доводчикамъ побора въ стану не брать, брать имъ свой поборъ у соцкаго въ городѣ; въ Онежской: поборовъ своихъ самимъ по деревнямъ не брать, брать свой поборъ у старостъ на стану; кормы намѣстничьи и тіунскіе, и доводчиковы поборы старосты берутъ по деревнямъ, да платятъ намѣстнику, его тіуну и доводчику на стану. Какъ въ Бѣлоозерской, такъ и въ Онежской грамотѣ говорится: „Если будетъ волостнымъ людямъ и становымъ отъ намѣстника, тіуна, доводчика, отъ другихъ намѣстничьихъ людей или постороннихъ какая обида, то они на обидчиковъ сами срокъ наметываютъ, когда имъ стать передъ великимъ княземъ"; этого нѣтъ въ Артемоновской грамотѣ. Согласно съ Бѣлоозерскою, въ Онежской грамотѣ говорится: ѣздить доводчику въ волости безъ паробка и безъ простой лошади. Въ Бѣлоозерской говорится: тіунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незванымъ не ходить; въ Онежской: тіуну и другимъ намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчины незванымъ не ѣздить, кромѣ доводчика. Онежанамъ дано право не пропускать къ морю за солью Бѣлозерцевъ и Вологжанъ, отнимающихъ у нихъ промыселъ, пусть Бѣлозерцы и Вологжане торгуютъ съ ними въ Каргополѣ. Въ 1537 году дана была уставная грамота владимірскимъ бобровникамъ, въ существенныхъ частяхъ сходная съ извѣстною намъ грамотою удѣльнаго князя Дмитровскаго Юрія; но есть и различія, напримѣръ въ Юріевой грамотѣ: доводчику у нихъ проѣхать по деревнямъ на весь годъ дважды, самъ другъ съ паробкомъ, а лошадей съ нимъ три; въ Іоанновой: доводчику ѣздить по бобровнымъ деревнямъ одному, на одной лошади, безъ паробка и безъ простыхъ лошадей. Въ грамотѣ владимірской бобровникамъ говорится: „Вѣдать этимъ бобровникамъ мою великокняжескую службу, бобровую ловлю, ловить имъ бобровъ въ рѣкѣ Клязьмѣ отъ рѣчки Оржавки до рѣки Судогды, рѣку Судогду всю и Колакшу всю; что добудутъ бобровъ, возить ихъ имъ шерстью въ мою казну; а не добудутъ бобровъ, и имъ давать оброкомъ ежегодно полтретья рубля денегъ. Когда они пойдутъ на бобровую ловлю, съ бобровою снастью, то мыта съ нихъ не берутъ; также не берутъ съ нихъ мыта и зад-

нихъ колачей, когда они поѣдутъ въ Москву съ бобрами или съ оброкомъ, человѣка два или три“ [13].

Грамоты давались отъ имени великаго князя Іоанна; при описаніи посольскихъ сношеній говорится, что великій князь разсуждалъ съ боярами и рѣшалъ дѣла, но это все выраженія форменныя; послѣ этихъ выраженій встрѣчаемъ извѣстія, что все правленіе было положено на великой княгинѣ Еленѣ; видимъ также, кто былъ главнымъ ея совѣтникомъ: желая мира, литовскій гетманъ Радзивилъ отправлялъ пословъ къ боярину конюшему, князю Овчинѣ-Телепневу-Оболенскому; гонецъ казанскій, желая отправить Татарина домой, билъ челомъ тому же боярину конюшему, чтобъ печаловался объ этомъ великому князю и его матери [14]. Послѣ опалѣ Глинскаго, Бѣльскаго и Воронцова, у Оболенскаго не было явныхъ враговъ и соперниковъ; но могли ли равнодушно сносить первенствующее положеніе Оболенскаго люди, считавшіе за собою болѣе правъ на токое положеніе? Пока жива была Елена, перемѣны нельзя было ожидать. 3 апрѣля 1538 года Елена умерла; Герберштейнъ говоритъ утвердительно, что ее отравили.

ГЛАВА II.

Правленіе боярское.

Характеръ князя Василія Шуйскаго.—Гибель Телепнева-Оболенскаго.—Ссора Шуйскаго съ Бѣльскимъ и заключеніе послѣдняго; казнь дьяка Мишурина.—Правленіе Ивана Шуйскаго.—Сверженіе митрополита Даніила и возведеніе Іоасафа.—Освобожденіе Ивана Бѣльскаго; правленіе его и митрополита Іоасафа.—Освобожденіе князя Владиміра Андреевича Старицкаго.—Торжество Шуйскихъ.—Гибель Бѣльскаго.—Сверженіе митрополита Іоасафа и возведеніе Макарія.—Правленіе Андрея Шуйскаго.—Удаленіе любимца государева, Воронцова.—Воспитаніе Іоанна и образованіе его характера.—Гибель Андрея Шуйскаго.—Опалы.—Принятіе царскаго титула и женитьба Іоанна на Анастасіи Романовнѣ.—Пожары въ Москвѣ.—Обвиненія Глинскихъ въ волшебствѣ; возстаніе на нихъ народа.—Сильвестръ и Адашевъ.—Созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ.—Значеніе правленія боярскаго.—Дѣла литовскія, крымскія и казанскія въ это правленіе.—Бѣдствія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.—Губныя грамоты.—Новое извѣстіе о дѣтяхъ боярскихъ, живущихъ въ думѣ.—Бѣгство Петра Фрязина.

Кто же изъ бояръ болѣе другихъ долженъ былъ негодовать на первенствующее положеніе Оболенскаго, кто долженъ былъ, имѣлъ право явиться на первомъ мѣстѣ, на которое только случайность возвела Оболенскаго? Мы видѣли, что въ послѣднее время княженія Василія и, слѣдовательно, въ началѣ княженія сына его первое мѣсто между боярами занималъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Мы видѣли, что этотъ Шуйскій энергическою мѣрой успѣлъ удержать Смоленскъ за Москвою послѣ Оршинской битвы: энергическая мѣра состояла въ перевѣшаніи въ виду литовскаго войска всѣхъ знатныхъ Смольнянъ, державшихъ сторону королевскую. Эта черта уже нѣсколько знакомитъ насъ съ человѣкомъ и заставляетъ ожидать отъ него подобныхъ же мѣръ и при достиженіи собственныхъ личныхъ цѣлей. Въ седьмой день по кончинѣ Елены

схвачены были конюшій бояринъ князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій и сестра его Аграфена, мамка великаго князя, по совѣту князя Василія Шуйскаго, брата его Ивана и другихъ. Оболенскій умеръ въ заключеніи отъ недостатка въ пищѣ и тяжести оковъ; сестру его сослали въ Каргополь и постригли. Заключенные въ правленіе Елены, князь Иванъ Бѣльскій и князь Андрей Шуйскій были освобождены.

Освобожденіе Бѣльскаго не могло обѣщать Шуйскимъ долговременнаго первенства. Бѣльскіе, Гедиминовичи, подобно Патрикѣевымъ, не менѣе послѣднихъ гордились своимъ происхожденіемъ и стремились къ первенству; женитьба князя Ѳедора Бѣльскаго на княжнѣ Рязанской, родной племянницѣ Іоанна III, конечно не могла содѣйствовать ослабленію этихъ притязаній. Старшій сынъ князя Ѳедора, Димитрій, несмотря на видное положеніе свое, оставался въ сторонѣ при всѣхъ движеніяхъ и переворотахъ; но не таковы были братья его—Иванъ и Семенъ. Мы познакомились съ первымъ во время походовъ казанскихъ при великомъ князѣ Василіи; характеръ Семена обнаружился въ его безпокойныхъ движеніяхъ по смерти Василія: мы видѣли, какъ онъ мечталъ не только о княжествѣ Бѣльскимъ, но даже и о Рязанскомъ; какъ, для возвращенія себѣ этихъ отчинъ, хлопоталъ въ Литвѣ, Константинополѣ, Крымѣ. Князь Иванъ подвергся опалѣ вслѣдствіе бѣгства брата своего, и конечно не потому только, что былъ братомъ измѣнника, ибо князь Димитрій оставался въ покоѣ. Теперь, освободившись изъ заключенія, Бѣльскій не хочетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ распоряженій Шуйскаго, хочетъ самъ также распоряжаться, Такъ какъ главною заботой первенствующаго боярина, Шуйскаго, и добившагося первенства Бѣльскаго было усиленіе своей стороны, повышеніе своихъ доброжелателей, и преимущественно, разумѣется, родственниковъ, то первое столкновеніе между Шуйскимъ и Бѣльскимъ необходимо должно было произойти отсюда: встала вражда, говоритъ лѣтописецъ, между великаго князя боярами: князь Василій да князь Иванъ Васильевичъ Шуйскіе стали враждовать на князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго да на Михаила Васильевича Тучкова, за то, что Бѣльскій и Тучковъ совѣтовали великому князю пожаловать боярствомъ князя Юрія Михайловича Голицына (Патрикѣева), а Ивана Ивановича Хабарова окольничествомъ, князья же Шуйскіе этого не хотѣли: и многія были между ними вра-

жды за корысти и за родственниковъ: всякій о своихъ дѣлахъ печется, а не о государскихъ, ни о земскихъ. На сторонѣ Бѣльскаго былъ митрополитъ Даніилъ и дьякъ Ѳедоръ Мишуринъ. Но сторона Шуйскихъ была сильнѣе: Бѣльскаго снова посадили въ заключеніе, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ. Знатные враги Шуйскихъ подверглись только заключенію или ссылкѣ; зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Мы видѣли этого дьяка въ числѣ самыхъ приближенныхъ людей къ великому князю Василію; ловкость его и важное значеніе доказываются уже тѣмъ, что лѣтопись указываетъ на него, рядомъ съ митрополитомъ Даніиломъ, Бѣльскимъ и Тучковымъ, какъ на лицо, навлекшее на себя ненависть Шуйскихъ. Шуйскіе захватили Мишурина на своемъ дворѣ, велѣли княжатамъ, боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ ободрать его, нагого велѣли положить на плаху и отрубить голову у тюремъ, безъ государева приказанія.

Василій Шуйскій скоро умеръ; братъ его Иванъ наслѣдовалъ его значеніе и продолжалъ тотъ же образъ дѣйствія; Василій изъ враговъ своего рода оставилъ нетронутымъ митрополита Даніила: Иванъ свергнулъ Даніила, на мѣсто котораго былъ возведенъ игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ Скрыпицинъ [15] въ февралѣ 1539 года. Но Іоасафъ не долго оставался на сторонѣ Шуйскаго: въ іюлѣ 1540 года онъ выхлопоталъ у великаго князя приказаніе освободить Бѣльскаго, который и явился во дворцѣ. Шуйскій и его сторона были застигнуты врасплохъ; въ сердцахъ, князь Иванъ пересталъ ѣздить къ государю и совѣтоваться съ боярами. Правленіе перешло къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу [16]. Ходатайству митрополита и бояръ лѣтописи приписываютъ освобожденіе изъ темницы семейства удѣльнаго князя Андрея Ивановича, жены Евфросиніи и сына Владиміра; сперва имъ позволено было только жить въ Москвѣ на дворѣ князя Андрея, а потомъ, въ праздникъ Рождества Христова, 25 декабря 1541 года, имъ позволили пріѣхать во дворецъ видѣться съ великимъ княземъ, возвратили Владиміру отцовскій удѣлъ, дали бояръ и дѣтей боярскихъ, но не отцовскихъ. Въ то время, какъ освободили князя Владиміра Андреевича и мать его изъ темницы, оказали милость и другому удѣльному князю, Димитрію, сыну Андрея Ивановича Углицкаго, племяннику Іоанна III, сидѣвшему около 50 лѣтъ въ оковахъ: оковы были сняты, но темница не отворилась для несчастна-

го. Неравенство милости объясняется тѣмъ, что у Владиміра Андреевича было много доброхотовъ, тогда какъ участь Димитрія никого уже не занимала.

И вторая милость князю Владиміру Старицкому была оказана по печалованію митрополита Іоасафа и бояръ, говорятъ лѣтописи: здѣсь подъ боярами надобно разумѣть князя Бѣльскаго и его пріятелей. Но въ то самое время, какъ Бѣльскій и митрополитъ обнаруживали свое вліяніе, возвращая удѣлъ опальному князю, противъ нихъ составлялся страшный заговоръ: бояре, говоритъ лѣтописецъ, вознегодовали на князя Бѣльскаго и на митрополита за то, что великій князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи. Эти бояре были: князья Михайла и Иванъ Кубенскіе, князь Дмитрій Палецкій, казначей Иванъ Третьяковъ, съ ними княжата, дворяне и дѣти боярскіе многіе, и Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ. Эти люди, или принадлежа къ сторонѣ Шуйскаго и желая возстановить его вліяніе, или считая необходимымъ дѣйствовать во имя этого могущественнаго боярина, начали пересылаться съ нимъ: Шуйскій находился въ это время во Владимірѣ, оберегая восточныя области отъ набѣга Казанцевъ. Имя Шуйскаго можетъ объяснить намъ, почему въ заговорѣ участвовали Новгородцы всѣмъ городомъ: одинъ изъ Шуйскихъ былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, и мы увидимъ, что Новгородцы останутся навсегда преданы этой фамиліи. Московскіе заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его совѣтникамъ срокъ—3 генваря 1542 года, чтобъ быть въ этотъ день въ Москву изъ Владиміра; Шуйскій привелъ къ присягѣ многихъ дѣтей боярскихъ—дѣйствовать съ нимъ заодно, и ночью на 3-е генваря пріѣхалъ въ Москву съ своими совѣтниками безъ приказанія великокняжескаго; прежде его пріѣхалъ сынъ его, князь Петръ, да Иванъ Большой Шереметевъ съ 300 человѣкъ дружины. Въ ту же ночь, со 2-го на 3-е число, Бѣльскій былъ схваченъ на своемъ дворѣ, и утромъ на другой день отосланъ на Бѣлоозеро въ заточеніе, но живой онъ былъ страшенъ и на Бѣлоозерѣ, и потому въ маѣ мѣсяцѣ трое преданныхъ Шуйскимъ людей отправились на Бѣлоозеро и умертвили Бѣльскаго въ тюрьмѣ. Двоихъ главныхъ совѣтниковъ Бѣльскаго разослали по городамъ: князя Петра Щенятева въ Ярославль, Ивана Хабарова въ Тверь; Щенятева взяли у государя изъ комнаты задними дверями. Митрополитъ Іоасафъ былъ разбуженъ камнями, которые

заговорщики бросали къ нему въ келью; онъ кинулся во дворецъ, заговорщики ворвались за нимъ съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили послѣдняго за три часа до свѣту; не найдя безопасности во дворцѣ подлѣ великаго князя, приведеннаго въ ужасъ, Іоасафъ уѣхалъ на Троицкое подворье; но туда за нимъ прислали дѣтей боярскихъ, Новгородцевъ съ неподобными рѣчами; Новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита: только Троицкій игуменъ Алексѣй именемъ св. Сергія да бояринъ князь Дмитрій Палецкій успѣли удержать ихъ отъ убійства; Іоасафа взяли наконецъ и сослали въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь, на его мѣсто возведенъ былъ въ митрополиты Новгородскій архіепископъ Макарій: мы видѣли, что Новгородцы всѣмъ городомъ участвовали въ низверженіи Бѣльскаго и Іоасафа; видно также, что Макарій и прежде имѣлъ связь съ Шуйскимъ [17]. Иванъ Шуйскій недолго жилъ послѣ этого; власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ—князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ и князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго; между ними первенствовалъ князь Андрей, уже извѣстный намъ по своимъ сношеніямъ съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ. По сверженіи и смерти Бѣльскаго, у Шуйскихъ не могло быть соперника сильнаго по собственнымъ средствамъ; но опасность являлась съ другой стороны: великій князь выросталъ и могли выступить на сцену люди, страшные не собственными силами, но довѣренностію государя, теперь уже не младенца; и вотъ Шуйскіе свѣдали, что расположеніемъ Іоанна успѣлъ овладѣть Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ, братъ извѣстнаго уже намъ Михаила Семеновича. 9 сентября 1543 года трое Шуйскихъ и совѣтники ихъ—князь Шкурлятевъ, князья Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексѣй Басмановъ—взволновались въ присутствіи великаго князя и митрополита, въ столовой избѣ у государя, на совѣтѣ, схватили Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить до смерти; Іоаннъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, чтобъ не убивали Воронцова, и они не убили, но повели съ дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь прислалъ опять митрополита и бояръ къ Шуйскимъ, сказать имъ, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться въ Москвѣ, то пусть пошлютъ ихъ на службу въ Коломну, но Шуйскимъ показалось это очень

близко и опасно: они сослали Воронцовыхъ въ Кострому. „И когда, говоритъ лѣтописецъ, митрополитъ ходилъ отъ государя къ Шуйскимъ, Ѳома Головинъ у него на мантію наступалъ и разодралъ ее“.

Іоанну исполнилось уже тогда 13 лѣтъ. Ребенокъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспріимчивою, легко увлекающеюся, страстною природою; но безъ сомнѣнія эта воспріимчивость, страстность, раздражительность, если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. Извѣстно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, непріятное положеніе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношеніяхъ. По смерти матери Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей; среди эгоистическихъ стремленій людей, окружавшихъ его, Іоаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы находился въ удаленіи отъ дѣлъ; подъ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ характеръ его спокойно могъ бы сложиться, окрѣпнуть; но Іоаннъ трехъ лѣтъ былъ уже великимъ княземъ, и хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ посольскіе пріемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему его положеніе, необходимо стоялъ онъ въ средоточіи государственной дѣятельности, въ средоточіи важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Предъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ у него отнимали; предъ нимъ наглымъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ заточеніе, несмотря на его просьбы; потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманія, которые при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ пріемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли предъ нимъ какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ, и слѣдовательно должно было такъ дѣлать-

ся; да и было около него много людей, которые изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ осилившей сторонѣ твердили, что поступки послѣдней беззаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ ребенокъ видѣлъ предъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ—самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ томъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслію объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностію прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, Римскую исторію, Русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ; но во всемъ, что ни читалъ онъ, искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна, стремленія такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на Московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ, были на Іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на Римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый сознаъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслію о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освященіе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосягаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ,

животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ: оскорбляли такимъ образомъ вдвойнѣ Іоанна, оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ; отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развивались два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія.

Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Курбскому такъ говоритъ о впечатлѣніяхъ своего дѣтства: „По смерти матери нашей Елены остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя: объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! сколько бояръ, и воеводъ, доброхотовъ отца нашего умертвили! дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! казну матери нашей перенесли въ большую казну, причемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали: а сдѣлалъ это дѣдъ твой Михайла Тучковъ“. Описавши поведеніе князей Шуйскихъ относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бѣльскаго, двоихъ митрополитовъ, Іоаннъ продолжаетъ: „Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать, какъ иностранцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ. Что сказать о казнѣ родительской? Все расхитили лукавымъ умысломъ, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а между тѣмъ все себѣ взяли, и дѣтей боярскихъ жаловали не за дѣло, верстали не по достоинству; изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена сво-

ихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людяхъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи: такъ еслибъ у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бъ шубу перемѣнить. Потомъ на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей; а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ, исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами; думали, что правятъ и строятъ, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали по мздѣ".

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ предъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ, бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ, а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мущинъ и женщинъ, поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: „о! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!"

Если признать вѣрность показаній Курбскаго, признать, что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его. Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, то Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ, въ его присутствіи, клалъ ногу на постель его отца, Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такія явленія помнитъ лучше, чемъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ, и платье ему давали дурное и не давали долго ѣсть. Но когда ребенокъ сталъ выростать, то окружающіе перемѣнили обращеніе съ нимъ; стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно быть воспитывать,

и начали смотрѣть на него какъ, на великаго князя, которому должно было угождать. Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть расположеніе тринадцатилѣтняго государя, и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде ихъ старшіе: съ ихъ вѣдома, пѣстуны Іоанновы позволяли себѣ тѣ поблажки, о которыхъ говоритъ Курбскій. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что, при описаніи сверженія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа, объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ; неизвѣстно какъ, вслѣдствіе особенно чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ рѣшился *напасть* на Шуйскаго; иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно, что это нападеніе будетъ такое, къ какимъ пріучили его Шуйскіе: 29 декабря 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ: псари убили его, волоча къ тюрьмамъ; совѣтниковъ его князя Ѳедора Шуйскаго, князя Юрія Темкина, Ѳому Головина, который позволилъ себѣ извѣстный намъ поступокъ съ митрополитомъ, и другихъ разослали.

Нападеніе было удачное, враги застигнуты врасплохъ, напуганы: съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе. Прошелъ годъ; Іоанну было уже четырнадцать лѣтъ, и опала постигла князя Ивана Кубенскаго: его сослами въ Переяславль и посадили подъ стражу. Князь Иванъ Кубенскій съ братомъ Михайломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ Шуйскими. 16 декабря 1544 года былъ схваченъ Кубенскій; въ маѣ 1545 былъ освобожденъ. 10 сентября Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опять опала на князя Ивана Кубенскаго, князя Петра Шуйскаго, князя Александра Горбатаго, князя Дмитрія Палецкаго и на

Θедора Воронцова. Намъ неудивительно, что не могли остаться въ покоѣ, или не умѣли сдержать своего неудовольствія Шуйскіе и главные ихъ совѣтники, такъ много потерявшіе при новомъ порядкѣ вещей—князь Петръ Шуйскій, сынъ прежняго правителя, князя Ивана, князь Кубенскій, князь Палецкій, котораго имя стоитъ рядомъ съ именемъ Кубенскаго при описаніи заговора противъ Бѣльскаго и Воронцова; но поражаетъ насъ среди этихъ именъ имя Θедора Воронцова, подвергшагося опалѣ вмѣстѣ съ заклятыми врагами своими. Къ счастію на этотъ разъ лѣтописецъ объясняетъ намъ дѣло и совершенно удовлетворительно. Послѣ казни Андрея Шуйскаго первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись къ двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный, Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать всѣ милости именемъ еще несовершеннолѣтняго государя: кого государь пожалуетъ безъ Θедорова вѣдома, и Θедору досадно, говоритъ лѣтописецъ; самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, напримѣръ князья Михаилъ и Юрій Глинскіе, дядья государевы, указали ему въ Воронцовѣ другого Шуйскаго—только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: въ декабрѣ 1545 года для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на одни и тѣ же лица, прощеній ихъ въ продолженіе 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія: странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой неприязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнію князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы: но кто боролся съ нею именемъ Іоанна?—лѣтописи молчатъ. Можно указывать въ началѣ на Воронцова, можно указывать на князей Глинскихъ, которыхъ могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими: на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ.

Въ маѣ 1546 великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну по вѣстямъ, что Крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ Новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ-то бить ему челомъ; онъ не расположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говоритъ только, что пищальники начали бросать въ нихъ колпаками и грязью; видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ; тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это происшествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранявшаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ провѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случиться не могло? Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человѣку, но дьяку своему, Василію Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ, слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дьяковъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре, князь Кубенскій и двое Воронцовыхъ, Ѳедоръ и Василій Михайловичъ. Великій князь повѣрилъ дьяку, и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и двоихъ Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослали въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дьякъ оклеветалъ бояръ [19]. Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни [20].

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13 декабря 1546 года, онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день ми-

трополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: „Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексѣя, Іоны и Сергія и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя; но потомъ я эту мысль отложилъ, не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благославитъ, по твоему благословенію". Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ еще другою рѣчью: По твоему, отца своего митрополита, благословенію, и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть". Бояре обрадовались, что государь въ такомъ еще младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ. Но, конечно, всего болѣе удивились они (а нѣкоторые, какъ увидимъ изъ писемъ Курбскаго, не очень обрадовались) тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, принялъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его—титулъ царя. 16 января 1547 года совершено было царское вѣнчаніе, подобное вѣнчанію Дмитрія внука при Іоаннѣ III [21]. Между тѣмъ еще въ декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ грамоты: „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ будутъ изъ васъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бъ. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задер-

живая ни часу“ [22]. Выборъ палъ на дѣвушку изъ одного изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ палъ на Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго, какъ мы видѣли, человѣка къ великому князю Василію; быть можетъ и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова [23].

3 февраля была царская свадьба; 12 апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20 числа другой; 3 іюня упалъ большой колоколъ—благовѣстникъ; 21 новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ; загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ какъ молнія, спалилъ на западъ все вплоть до Москвы рѣки у Семчинскаго сельца; потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій, по каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ: онъ вышелъ изъ него, неся образъ Богородицы, написанный митрополитомъ Петромъ, за нимъ шелъ протопопъ и несъ церковныя правила. Макарій ушелъ было сначала на городскую стѣну, на тайникъ, проведенный къ Москвѣ рѣкѣ; но здѣсь не могъ долго оставаться отъ дыма: его стали спускать съ тайника на канатѣ на взрубъ къ рѣкѣ, канатъ оборвался, и митрополитъ сильно расшибся, едва могъ придти въ себя, и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Кремлевскіе монастыри—Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы, за городомъ большой посадъ по Неглинной, Рождественка до Никольскаго Драчевскаго монастыря; по Мясницкой пожаръ шелъ до церкви св. Флора, на Покровкѣ до церкви св. Василія, народу сгорѣло 1700 человѣкъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челядпинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи выпимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ— отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26 числа, въ воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Въ толпѣ закричали: „Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала: выпимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла!“ Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жаловапіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе людей своихъ не унимали. Конюшій бояринъ, князь Михайла Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но братъ его, князь Юрій, былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на Кремлевской площади. Услыхавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, опъ понялъ, что его можетъ постигнуть, и ушелъ въ Успенскій соборъ; по бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила передъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество, разграбила дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской страны, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало: на третій день послѣ убіенія князя Юрія, толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, князя Михаила, которые будто спрятаны у него въ покояхъ; Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались по городамъ.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни лѣтописецъ называетъ Благовѣщенскаго протопопа

Θедора Бармина, князя Θедора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина, Ивана Петровича Челяднина, Григорія Юрьевича Захарьина, Θедора Нагого. Въ малолѣтство Іоанна Шуйскіе и пріятели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; по когда Іоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей, Глинскихъ, не непосредственно, а посредствомъ народа. Въ возстаніи противъ Глинскихъ мы видимъ главныхъ совѣтниковъ Андрея Шуйскаго, которые, послѣ казни его, были сосланы, но потомъ возвращены въ Москву: князя Θедора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина; но они теперь уже такъ слабы, что не могутъ дѣйствовать одни, и дѣйствуютъ въ союзѣ съ приближенными къ Іоанну людьми, которые враждебно столкнулись съ Глинскими въ борьбѣ за вліяніе на волю молодого царя: Шуйскій и Темкинъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ духовникомъ царскимъ Барминымъ и дядею царицы, Григоріемъ Захарьинымъ.

Виновники событій 26 іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшійся въ живыхъ князь Михайла Васильевичъ Глинскій не только потерялъ надежду восторжествовать надъ своими врагами, но даже отчаялся въ собственной безопасности и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены княземъ Петромъ Шуйскимъ, посидѣли немного подъ стражею и были прощены, отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы князя Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностію Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться—простой священникъ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, и ложничій царскій, Алексѣй Θедоровъ Адашевъ, человѣкъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые видѣлъ Іоаннъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ, произвели въ немъ между прочимъ раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго влі-

нія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ московскій произвелъ на молодого царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созванному для устройства церковнаго: „Нельзя ни описать, ни языкомъ человѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурного по грѣхамъ молодости моей. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовластія, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моей бояре самовластно владѣли царствомъ; по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани; а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ, и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я предъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно; не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покаялся, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каялся, наконецъ Богъ наслалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросивъ прощенье у духовенства, далъ прощеніе князьямъ и боярамъ"[21]. Курбскій говоритъ, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ, Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Новгорода Великаго, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинать его страшнымъ Божіимъ именемъ; кромѣ того повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ: не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобъ только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли, душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощію Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ.

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать,

что Сильвестръ явился только тутъ внезапно предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Царственная книга говоритъ, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью, что, по его старанію, они были выпущены изъ заключенія—свидѣтельство чрезвычайно важное, ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ отцомъ и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе. Для объясненія нравственнаго переворота въ Іоаннѣ, для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнь Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ неисправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаруживавшая въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши, наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ молодой царь довѣрялъ болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которые раздражали народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ, — все это заставляло Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другого происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе двадцатаго года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣ-

шить съ прошедшимъ, которое сильно тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ, было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ умѣньемъ поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отъѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отъ чего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора* [25]. Несчастное положеніе Іоанна съ ранняго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства, увлекли его къ страшнымъ крайностямъ; но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ: отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день вышелъ съ крестами на лобное мѣсто, и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: „Молю тебя, святый владыко! будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и неслышахъ и не имый во устахъ своихъ обличенія,* по молодости моей и безпомощности,

а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего". Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". Въ это время расположеніе царя къ Алексѣю Адашеву достигло высшей степени: въ тотъ самый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: „Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бъ печаль мою утолилъ, и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія; избери судей праведныхъ отъ бояръ и вельможъ". Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно [26]. Такъ кончилось правленіе боярское.

Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверовосточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всея Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; они примкнули къ Московской дружинѣ, къ Москов-

скому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованіямъ новаго порядка вещей, перемѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіе Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсеня и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освобождаться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и поэтому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наслѣдуетъ малолѣтный сынъ его Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнымъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіямъ государей Московскихъ; какъ же поступятъ теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдываютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать навсегда исчезнувшую удѣльную старину, навсегда исчезнувшія отношенія, что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишенныя дѣйствительнаго существованія? Съумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка? но, не отказываясь при этомъ отъ старины, съумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? съумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ

упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благопріятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не съумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе; но гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей; а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы Великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на новыя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князья Бѣльскіе и Глинскіе, Литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ—и вотъ молодой царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона—и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева; Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо.

Важно было во время боярскаго правленія то обстоятельство, что трудная война съ Литвою уже прекратилась. Престарѣлый Сигизмундъ самъ не думалъ уже начинать новой войны и хлопоталъ только о томъ, чтобъ быть наготовѣ въ случаѣ, если, по

истеченіи перемирія, сама Москва вздумаетъ напасть на Литву. Въ сентябрѣ 1538 года Сигизмундъ послалъ сказать Литовской радѣ, что до истеченія перемирія съ Москвою остается только три года, и потому надобно думать, какъ быть въ случаѣ новой войны? „Что касается до начатія войны съ нашимъ непріятелемъ Московскимъ, то это дѣло важное, которое требуетъ достаточнаго размышленія. Не думаю, чтобъ жители великаго княжества Литовскаго могли одни оборонить свою землю безъ помощи наемнаго войска. Вамъ, радѣ нашей, извѣстно, что первую войну начали мы скоро безъ приготовленій, и хотя земскіе поборы давались, но такъ какъ заранѣе казна не была снабжена деньгами, то къ чему наконецъ привела эта война? когда денегъ не стало, мы принуждены были мириться; какую же пользу мы отъ этого получили? Если теперь мы не позаботимся, то по истеченіи перемирія непріятель нашъ Московскій, видя наше нерадѣніе, къ войнѣ неготовность, за́мки пограничные въ опущеніи, можетъ послать своё войско въ наше государство и причинить ему вредъ. Такъ, имѣя въ виду войну съ Москвою, объявляемъ вашей милости волю нашу, чтобъ въ остающіеся три года перемирныхъ на каждый годъ былъ установленъ поборъ: на первый годъ серебщизна по 15 грошей съ сохи, на второй по 12, на третій по 10; чтобъ эти деньги были собираемы и складываемы въ казну нашу и не могли быть употреблены ни на какое другое дѣло, кромѣ жалованья наемнымъ войскамъ“ [27].

Но когда перемиріе вышло, въ мартѣ 1542 года пріѣхали въ Москву Литовскіе послы, Янъ Глѣбовичъ, воевода Полоцкій и Никодимъ Техановскій. Приставамъ, которые должны были провожать пословъ, данъ былъ наказъ: „Пословъ встрѣтить на рубежѣ, и ночевать съ ними, не доѣзжая до Смоленска верстъ 10, а въ Смоленскѣ съ послами ни подъ какимъ видомъ не ночевать, и ѣхать съ послами мимо Смоленска бережно, чтобъ съ Смольнянами они не говорили ничего“. Смоленскъ по прежнему сдѣлалъ безплодными всѣ толки о вѣчномъ мирѣ; по прежнему ничѣмъ кончились толки и объ освобожденіи плѣнныхъ, котораго добивались Московскіе бояре; послы требовали за плѣнныхъ Чернигова и шести другихъ городовъ, они говорили боярамъ: „Людей государю нашему наголо никакъ не отдать; знаете и сами: государь нашъ король тѣхъ людей у государя вашего взялъ саблею, а государя нашего вотчину измѣнники предали; вы хотите того, и другого—и Смоленскъ

вамъ, и людей вамъ же“. Бояре отвѣчали, что великій князь Василій взялъ Смоленскъ съ Божіею волею. Могли согласиться только на продолженіе перемирія еще на семь лѣтъ, причемъ возникъ споръ о границахъ; по этому дѣлу отправленъ былъ въ Литву Сукинъ, которому, между прочимъ, данъ былъ такой наказъ: „Если станутъ говорить про великаго князя, не думаетъ ли государь жениться? то отвѣчать: „Съ Божіею волею онъ уже помышляетъ принять брачный законъ; мы слышали, что государь не въ одно мѣсто послалъ искать себѣ невѣсты. И откуда къ государю нашему будетъ присылка, и будетъ его воля, то онъ хочетъ это свое дѣло дѣлать“. Что станутъ въ отвѣтъ на это говорить, то записывать, и пріѣхавъ сказать государю великому князю“. Но въ Литвѣ не спросили о женитьбѣ малолѣтняго Іоанна [28].

Готовясь на всякій случай къ войнѣ съ Москвою, Сигизмундъ не переставалъ сноситься съ Крымомъ, гдѣ за него, противъ Москвы, дѣйствовалъ Семенъ Бѣльскій. Осенью 1540 года Бѣльскій писалъ королю, что онъ успѣлъ отвратить походъ Крымцевъ на Литву и взялъ съ хана клятву, что весною пойдетъ на Москву. Король благодарилъ за это своего вѣрнаго и добраго слугу, и послалъ ему сто копъ грошей, да королева отъ себя нѣкоторую сумму денегъ. Въ іюлѣ 1541 года Бѣльскій писалъ Сигизмунду: „Весною рано ханъ не могъ идти на Москву, потому что захворалъ; когда, выздоровѣвши, хотѣлъ выѣхать, пришли всѣ князья и уланы, и начали говорить, чтобъ царь не ѣздилъ на Москву, потому что тамъ собрано большое войско. Услыхавши это, я взялъ съ собою троихъ вельможъ, которые вашей милости служатъ, и просилъ царя, чтобъ ѣхалъ на непріятеля вашей милости. Я, слуга вашей милости, призывая Бога на помощь, царя и войско взялъ на свою шею, не жалѣя горла своего, чтобъ только оказать услугу вашей королевской милости. А передъ выѣздомъ нашимъ пріѣхали къ намъ послы отъ великаго князя Московскаго, отъ братьевъ моихъ и отъ митрополита и отъ всей рады и листы присяжные привезли съ немалыми подарками, прося насъ, чтобъ мы не поднимали царя на Москву, а князь великій и вся земля отдаются во всемъ въ нашу волю и опеку, пока великій князь не придетъ въ совершенныя лѣта. Но мы, помня слово свое, которое дали вашей милости, не вошли ни въ какія сношенія съ великимъ княземъ Московскимъ“. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это хвастов-

ство на умнаго Сигизмунда. Бѣльскій узналъ, что при дворѣ королевскомъ смѣются надъ опекуномъ великаго князя Московскаго, и писалъ опять Сигизмунду, вычисляя свои услуги, писалъ, что три раза поднималъ Ногаевъ на Москву, поднялъ Крымскаго хана и повоевалъ Московское государство, выплѣнилъ, выпалилъ, вывелъ людей, вынесъ добро, вредъ большой надѣлалъ, города побралъ, выпалилъ, выграбилъ, пушки побралъ, на двухъ мѣстахъ войско Московское поразилъ, великаго князя Московскаго и его бояръ изъ Москвы выгналъ[29].

Мы видѣли, что единовластіе Саипъ-Гирея и угрозы его поставили Московское правительство въ затруднительное положеніе. Чтобы не вести войны съ двухъ сторонъ, оно соглашалось терпѣть Сафа-Гирея въ Казани, лишь бы онъ сохранилъ прежнія подручническія отношенія къ Москвѣ. Но въ Крыму именно добивались уничтоженія этихъ отношеній, и, получивши отъ Іоанна грамоту съ изложеніемъ правъ Московскихъ государей на Казань, Саипъ задержалъ великокняжескаго гонца, отправленнаго къ Молдавскому господарю, и писалъ къ Іоанну: „Государскаго обычая не держалъ твой отецъ; ни одинъ государь того не дѣлывалъ, что онъ: нашихъ людей у себя побилъ. Послѣ, два года тому назадъ, посылалъ я въ Казань своихъ людей: твои люди на дорогѣ ихъ перехватали да къ тебѣ привели, и твоя мать велѣла ихъ побить. У меня больше ста тысячъ рати: если возьму въ твоей землѣ по одной головѣ, то сколько твоей землѣ убытка будетъ и сколько моей казнѣ прибытка? Вотъ я иду; ты будь готовъ; я украдкою нейду. Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать—въ моей землѣ не будешь". Бояре опредѣлили послать въ Крымъ окольничаго Злобина съ хорошими поминками, чтобы склонить хана къ принятію прежнихъ условій относительно Казани, т.-е., что великій князь не будетъ трогать Казани, но чтобъ Сафа-Гирей остался Московскимъ подручникомъ. Узнавши объ этомъ, ханъ прислалъ въ Москву большаго посла, Дивія-Мурзу, и писалъ въ грамотѣ: „Что ты отправилъ къ намъ большого своего посла Степана Злобина съ добрыми поминками, то помоги тебѣ Богъ, мы этого отъ тебя и ждали". Ханъ требовалъ, чтобъ великій князь напередъ далъ клятву въ соблюденіи союза передъ Дивіемъ-Мурзою, а потомъ прислалъ бы своего большого посла взять шерть съ него, хана; миръ Москвы съ Казанью поставленъ былъ необходимымъ условіемъ союзнаго договора. Въ дру-

гой грамотѣ ханъ писалъ, кому надобно присылать поминки: „Карачей своихъ я написалъ съ братьею и дѣтьми, а кромѣ этихъ нашихъ улановъ и князей написалъ еще по человѣку отъ каждаго рода, сто двадцать четыре человѣка, которые при насъ, да Калгиныхъ пятьдесятъ человѣкъ: пятьдесятъ человѣкъ немного, вели дать имъ поминки, и земля твоя въ покоѣ будетъ, и самому тебѣ не кручинно будетъ".

Злобинъ взялъ у хана шертную грамоту; но когда ее привезли въ Москву, то бояре увидали, что она написана не такъ: именно въ ней было обозначено, какія поминки великій князь постоянно долженъ былъ присылать въ Крымъ, на что Московское правительство, какъ мы видѣли, никогда не хотѣло согласиться, ибо это было бы все равно, что обязаться данью. Для окончательнаго рѣшенія дѣла въ Москву былъ присланъ большой посолъ Сулешъ-Мурза, сынъ Магмедина, племянникъ Аппака, родовой доброжелатель Московскій. Сулешъ согласился, чтобъ грамота была переписана въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣли ее бояре, и отправлена къ хану съ требованіемъ новой шерти. Ханъ въ отвѣтъ прислалъ грамоту съ *непригожими* словами, писалъ, что великій князь молодъ, въ несовершенномъ разумѣ; вслѣдствіе этого, когда Сулешъ сталъ проситься домой, то бояре велѣли отвѣчать ему: „Положи на своемъ разумѣ, съ чѣмъ тебя государю отпустить: царь такія непригожія рѣчи къ государю писалъ въ своей грамотѣ; и государю, что къ царю приказать, бить ли челомъ или браниться? Государь нашъ хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и въ братствѣ, но поневолѣ за такія слова будетъ воевать". Ханъ не довольствовался одними непригожими рѣчами: Крымцы опустошили Каширскія и Ростовскія мѣста [50]). Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то у Сулеша взяли лошадей и приставили къ нему стражу, а гонца ханскаго Егупа съ товарищами роздали по гостямъ; но когда языки, взятые у Татаръ, объявили, что ханъ нарочно послалъ рать, чтобъ великій князь положилъ опалу на Сулеша, на котораго Саипъ сердился за согласіе переписать шертную грамоту съ выпускомъ статьи о поминкахъ, то великій князь приговорилъ съ боярами пожаловать Сулеша, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сынъ и племянникъ всегдашнихъ Московскихъ доброжелателей.

Между тѣмъ Казанцы, надѣясь на защиту Крыма, начали опустошать пограничныя области Московскія. Въ 1539 году они подхо-

дили къ Мурому и Костромѣ; въ упорномъ бою, происходившемъ ниже Костромы, убили четверыхъ Московскихъ воеводъ, но сами принуждены были бѣжать и потерпѣли пораженіе отъ царя Шигъ-Алея и князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго. Въ декабрѣ 1540 Сафа-Гирей съ Казанцами, Крымцами и Ногаями подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи Владимірскихъ воеводъ и царя Шигъ-Алея изъ Касимова, ушелъ назадъ. Сафа-Гирей былъ обязанъ Казанскимъ престоломъ князю Булату; но существовала сторона, противная Крымской, какъ мы видѣли. Сначала эта сторона была слаба и не могла надѣяться на дѣятельныя движенія со стороны Москвы; но чрезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства перемѣнились: Сафа-Гирей окружилъ себя Крымцами, имъ однимъ довѣрялъ, ихъ обогащалъ. Это оттолкнуло отъ него и тѣхъ вельможъ, которые прежде были на сторонѣ Крымской; Булатъ теперь сталъ въ челѣ недовольныхъ и отъ имени всей Казанской земли прислалъ въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь простилъ ихъ и прислалъ подъ Казань воеводъ своихъ: „А мы великому князю послужимъ, царя убьемъ или схватимъ, да выдадимъ воеводамъ; отъ царя теперь Казанскимъ людямъ очень тяжко: у многихъ князей ясаки отнималъ, да Крымцамъ отдалъ; земскихъ людей грабитъ; копитъ казну да въ Крымъ посылаетъ" (1541 г.).

Великій князь отвѣчалъ Булату и всей землѣ, что прощаетъ ихъ и посылаетъ къ нимъ воеводъ. Дѣйствительно, бывшій передъ тѣмъ правитель, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, съ другими воеводами и многими людьми, дворцовыми и городовыми изъ 17 городовъ, отправился во Владиміръ съ порученіемъ наблюдать за ходомъ дѣлъ Казанскихъ, пересылаться съ недовольными. Зная, что война съ Казанью, съ Сафа-Гиреемъ есть вмѣстѣ и война съ Крымомъ, правительство, т.-е. князь Иванъ Бѣльскій и митрополитъ Іоасафъ, отправили войска и въ Коломну для наблюденія за южными границами. Ихъ предусмотрительность оправдалась: прибѣжали въ Москву изъ Крыма двое плѣнныхъ и сказали, что Сафа-Гирей свѣдалъ о движеніи Русскаго войска и далъ знать объ этомъ Саипъ-Гирею. Послѣдній началъ наряжаться на Русь, повелъ съ собою всю орду, оставилъ въ Крыму только стараго да малаго. Съ нимъ вмѣстѣ шелъ князь Семенъ Бѣльскій, Турецкаго султана люди съ пушками и пищалями, Ногаи, Кафинцы, Астраханцы, Азовцы, Бѣлогородцы (Акерманцы). Пошелъ ханъ на Русь съ великою по-

хвальбою. По этимъ вѣстямъ отправленъ былъ приказъ Путивльскому намѣстнику, чтобъ выслалъ станицу на поле, поперегъ дороги. Станичникъ ѣздилъ и объявилъ, что наѣхалъ на полѣ сакмы (слѣды) великія, шли многіе люди къ Руси, тысячь со сто и больше. Тогда двинулся изъ Москвы бояринъ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій; ему и воеводамъ, стоявшимъ на Коломнѣ, велѣно стать на берегу Оки, тамъ, гдѣ и прежде становились воеводы противъ хановъ. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ-Голицынъ съ однимъ изъ Татарскихъ царевичей долженъ былъ стать на Пахрѣ. Но боялись въ то же время нападенія царя Казанскаго, и потому царю Шигъ-Алею изъ Касимова и Костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. Въ іюлѣ пріѣхалъ съ поля станичникъ и сказалъ великому князю, что видѣлъ на этой сторонѣ Дона много людей: шли весь день полки и конца имъ не дождался. 28 іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру; воевода Глѣбовъ бился съ непріятелемъ въ посадахъ, много Татаръ побилъ и девять человѣкъ живыхъ прислалъ въ Москву. Тогда князь Булгаковъ съ Пахры былъ передвинутъ на Оку же, а на его мѣсто отправились другіе воеводы. Между-тѣмъ въ Москвѣ великій князь съ братомъ ходилъ въ Успенскій соборъ, молился у образа Владимірской Богородицы, у гроба Петра Чудотворца, и потомъ спрашивалъ у митрополита Іоасафа и у бояръ, оставаться ли ему въ Москвѣ, или ѣхать въ другіе города? Одни бояре говорили, что прежде, когда цари подъ городомъ Москвою стаивали, тогда государи наши были не малыя дѣти, истому великую могли поднять и о себѣ промыслить и землѣ пособлять; а когда Едигей приходилъ и подъ Москвою стоялъ, то князь великій Василій Дмитріевичъ въ городѣ оставилъ князя Владиміра Андреевича, да двоихъ родныхъ братьевъ своихъ, а самъ уѣхалъ въ Кострому; Едигей послалъ за нимъ въ погоню, и едва великаго князя Богъ помиловалъ, что въ руки Татарамъ не попалъ. А нынче государь малъ, братъ его еще меньше, скорой ѣзды и истомы никакой не могутъ поднять, а съ малыми дѣтьми какъ скоро ѣздить? Митрополитъ говорилъ: въ которые города государи отступали въ прежніе приходы татарскіе, тѣ города теперь не мирны съ Казанью; въ Новгородъ и Псковъ государи не отступали никогда по близости рубежей Литовскаго и Нѣмецкаго: а чудотворцевъ и Москву на кого оставить? великіе князья съ Москвы съѣзжали, а въ городѣ, для

обороны, братьевъ своихъ оставляли; князь великій Димитрій съ Москвы съѣхалъ, брата своего и крѣпкихъ воеводъ не оставилъ, и надъ Москвою что сталось? Господи, защити и помилуй отъ такой бѣды! А съѣзжали великіе князья съ Москвы для того, чтобъ собравшись съ людьми, Москвѣ пособлять и инымъ городамъ. А теперь у великаго князя много людей, есть кому его дѣло беречь и Москвѣ пособлять. Поручить лучше великаго князя Богу, Пречистой Его Матери, и чудотворцамъ Петру и Алексѣю: они о Русской землѣ и о нашихъ государяхъ попеченіе имѣютъ. Князь великій Василій этимъ чудотворцамъ сына своего и на руки отдалъ". Всѣ бояре сошли на одну рѣчь, что быть великому князю въ городѣ. Тогда призвали прикащиковъ городскихъ, велѣли запасы городскіе запасать, пушки и пищали по мѣстамъ ставить, по воротамъ, по стрѣльницамъ и по стѣнамъ людей расписать, и у посада по улицамъ надолбы дѣлать. Городскіе люди начали усердно работать и обѣщали другъ другу за великаго князя и за свои домы крѣпко стоять и головы свои класть. Пришли вѣсти, что ханъ уже на берегу Оки и хочетъ перевозиться. Великій князь писалъ къ воеводамъ, чтобы между ними розни не было, и когда царь переправится за рѣку, чтобъ за святыя церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали, съ царемъ дѣло дѣлали, а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ; котораго же Богъ возьметъ, того велитъ въ поминникъ записать, а женъ и дѣтей будетъ жаловать. Воеводы, прочтя грамоту, стали говорить со слезами: „Укрѣпимся, братья, любовію, помянемъ жалованіе великаго князя Василія; государю нашему великому князю Ивану еще не пришло время самому вооружиться, еще малъ. Послужимъ государю малому, и отъ большого честь примемъ, а послѣ насъ и дѣти наши; постраждемъ за государя и за вѣру христіанскую; если Богъ желаніе наше исполнитъ, то мы не только здѣсь, но и въ дальнихъ странахъ славу получимъ. Смертные мы люди: кому случиться за вѣру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будетъ, а дѣтямъ нашимъ отъ государя возданіе будетъ". У которыхъ воеводъ между собою были распри, и тѣ начали со смиреніемъ и со слезами другъ у друга прощенія просить. Когда же князь Дмитрій Бѣльскій и другіе воеводы стали говорить приказъ великокняжескій всему войску, то

ратные люди отвѣчали: „Рады государю служить и за христіанство головы положить, хотимъ съ Татарами смертную чашу пить“.

30 Іюля утромъ пришелъ Саипъ-Гирей къ Окѣ на берегъ и сталъ на горѣ; Татары готовились переправляться; передовой Русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Турунтая-Пронскаго, началъ съ нимъ перестрѣлку. Ханъ велѣлъ палить изъ пушекъ и стрѣлять изъ пищалей, чтобъ отбить Русскихъ отъ берега и дать своимъ возможность переправиться; передовой полкъ Пронскаго дрогнулъ было, но къ нему на помощь подоспѣли князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій, а за ними начали показываться князь Курбскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и наконецъ князь Дмитрій Бѣльскій. Ханъ удивился, призвалъ князя Семена Бѣльскаго, своихъ князей и началъ имъ говорить съ сердцемъ: „Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ: а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣстѣ никогда и не видывалъ“. Саипъ удалился въ свой станъ и былъ въ большомъ раздумьѣ; но когда услыхалъ, что къ Русскимъ пришли пушки, то ужъ не сталъ болѣе раздумывать, отступилъ отъ берега и пошелъ по той же дорогѣ, по какой пришелъ; двое воеводъ, князья Микулинскій и Серебряный, отправились въ слѣдъ за нимъ, били отсталыхъ Татаръ, брали въ плѣнъ. Плѣнные разсказывали, будто царь жаловался своимъ князьямъ на безчестіе, какое онъ получилъ, привелъ съ собою много людей, а Русской землѣ ничего не сдѣлалъ. Князья напомнили ему о Тамерланѣ, что приходилъ на Русь съ большими силами и взялъ только одинъ Елецъ; царь сказалъ на это: „Есть у великаго князя городъ на полѣ, именемъ Пронскъ, близко нашего пути: возьмемъ его и сдѣлаемъ съ нимъ то же, что Тамерланъ сдѣлалъ съ Ельцомъ; пусть не говорятъ, что царь приходилъ на Русь и ничего ей не сдѣлалъ“. 3 августа пришли Татары подъ Пронскъ, гдѣ воеводами были Василій Жулебинъ, изъ рода Свибловыхъ, да Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ бояръ. Цѣлый день бились Татары съ осажденными; князья и мурзы подъѣзжали къ городу, говорили Жулебину: „Сдай городъ: царь покажетъ милость; а не взявши города, царю прочь нейти“. Жулебинъ отвѣчалъ: „Божіимъ велѣніемъ городъ ставится, а безъ Божія велѣнія кто можетъ его взять? Пусть царь немного подождетъ великаго князя воеводъ, они за нимъ идутъ“. Царь велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ туры дѣлать и градобитныя приступы

припасать, хотѣлъ со всѣхъ сторонъ приступать къ городу; а воеводы Пронскіе всѣми людьми и женскимъ поломъ начали городъ крѣпить, велѣли носить на стѣны колья, камни, воду. Въ это время пріѣхали въ Пронскъ семь человѣкъ дѣтей боярскихъ отъ воеводъ Микулинскаго и Серебрянаго, съ вѣстью „чтобъ сидѣли въ городѣ крѣпко, а мы идемъ къ городу наспѣхъ со многими людьми и хотимъ съ царемъ дѣло дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ". Жители Пронска сильно обрадовались; а ханъ, узнавъ отъ плѣнника объ этой радости, велѣлъ сжечь туры и пошелъ прочь отъ города. Воеводы, не заставши его у Пронска, пошли за нимъ дальше къ Дону; но, приблизившись къ берегамъ этой рѣки, увидали, что Татары уже перевезлись. Тогда, отпустивъ за царемъ небольшой отрядъ, воеводы возвратились въ Москву, и была здѣсь радость большая; государь бояръ и воеводъ пожаловалъ великимъ жалованьемъ, шубами и кубками.

Весною слѣдующаго же 1542 года старшій сынъ Саиповъ, Иминъ-Гирей, напалъ на Сѣверскую область, но былъ разбитъ воеводами; въ августѣ того же года Крымцы явились въ Рязанской области; но, увидавъ предъ собою Русскіе полки подъ начальствомъ князя Петра Пронскаго, дрогнули, пошли назадъ; воеводы изъ разныхъ украинскихъ городовъ провожали ихъ до Мечи, причемъ на Куликовомъ полѣ русскіе сторожа побили татарскимъ. Счастливѣе былъ Иминъ-Гирей въ нападеніи своемъ на Бѣлевскія и Одоевскія мѣста въ декабрѣ 1544 года: тутъ его Татары ушли съ большимъ полономъ, потому что трое воеводъ, князья Щенятевъ, Шкурлятевъ и Воротынскій, разсорились за мѣста и не пошли противъ Крымцевъ. Ханъ писалъ великому князю: „Король даетъ мнѣ по 15,000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться— и то въ твоихъ же рукахъ; до сихъ поръ былъ ты молодъ, а теперь уже въ разумъ вошелъ, можешь разсудить, что тебѣ прибыльнѣе и что убыточнѣе?" Іоаннъ разсудилъ, что нѣтъ никакой прибыли продолжать сношенія съ разбойниками, и приговорилъ— своего посла въ Крымъ не посылать, а на Крымскихъ пословъ опалу положить, потому что Крымскій царь посланнаго къ нему подъячаго Ляпуна опозорилъ: носъ и уши ему зашивали, и, обнажа, по базару водили, на гонцахъ тридевять поминковъ берутъ и теперь московскихъ людей 55 человѣкъ себѣ полонили [31].

Нечего было надѣяться на какой-нибудь успѣхъ въ переговорахъ съ Крымомъ и потому, что съ Казанью надобно было покончить во что бы то ни стало. Послѣ неудачнаго похода Саипъ-Гиреева въ Казани хотѣли мира. Здѣсь Булатъ помирился съ Сафа-Гиреемъ и писалъ къ боярамъ, чтобъ просили великаго князя о мирѣ; царевна Горшадна писала о томъ же самому Іоанну. Но эта присылка не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій, и мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о казанскихъ дѣлахъ до весны 1545 года; внутреннее состояніе Московскаго государства, сверженіе Бѣльскаго, правленіе Шуйскихъ, колебанія новаго правительства послѣ казни Андрея Шуйскаго могутъ объяснить намъ это молчаніе. Первымъ важнымъ дѣломъ Іоаннова правленія съ того времени, какъ бояре начали страхъ имѣть передъ молодымъ великимъ княземъ, былъ походъ на Казань, объявленный въ апрѣлѣ 1545 года, не извѣстно по какому поводу. Князь Семенъ Пунковъ, Иванъ Шереметевъ и князь Давидъ Палецкій отправились къ Казани легкимъ дѣломъ на стругахъ; съ Вятки пошелъ князь Василій Серебряный; изъ Перми воевода Львовъ. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побилъ много непріятелей и сошелся съ Пунковымъ у Казани въ одинъ день и часъ, какъ будто пошли изъ одного двора. Сошедшись, воеводы побили много Казанцевъ и пожгли ханскіе кабаки; посылали дѣтей боярскихъ на Свіягу, и тамъ побили много людей. Послѣ этихъ незначительныхъ подвиговъ они возвратились назадъ и были щедро награждены: кто изъ воеводъ и дѣтей боярскихъ ни билъ о чемъ челомъ, всѣ получили по челобитью—такъ обрадовался молодой великій князь, что дѣло началось удачно, два ополченія возвратились благополучно. Не такова была судьба третьяго: Львовъ съ Пермичами пришелъ поздно, не засталъ подъ Казанью русскаго войска, былъ окруженъ Казанцами, разбитъ и убитъ. Но походъ, совершенный съ такимъ сомнительнымъ успѣхомъ, имѣлъ однако благопріятныя послѣдствія, усилилъ внутреннее безпарядье въ Казани, борьбу сторонъ: ханъ началъ подозрѣвать князей: „вы", говорилъ онъ: „приводили воеводъ московскихъ", и сталъ убивать князей. Тогда многіе изъ нихъ поѣхали въ Москву къ великому князю, а другіе разъѣхались по инымъ землямъ, и 29 іюля двое вельможъ, Кадышъ князь да Чура Нарыковъ, прислали въ Москву съ просьбою, чтобъ великій князь послалъ рать свою къ Казани, а они Сафа-Гирея и его Крымцевъ 30 человѣкъ выдадутъ. Іоаннъ отвѣ-

чалъ имъ, чтобъ они царя схватили и держали, а онъ къ нимъ рать свою пошлетъ. Въ декабрѣ великій князь самъ отправился во Владиміръ, вѣроятно для того, чтобъ получать скорѣе вѣсти изъ Казани; дѣйствительно, 17 генваря 1546 года дали ему знать, что Сафа-Гирей выгнанъ изъ Казани и много Крымцевъ его побито. Казанцы били челомъ государю, чтобъ ихъ пожаловалъ, гнѣвъ свой отложилъ и далъ имъ въ цари Шигъ-Алея. Въ іюнѣ бояринъ князь Дмитрій Бѣльскій посадилъ Шигъ-Алея въ Казани. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе Шигъ-Алея было дѣломъ только одной стороны, и едва князь Бѣльскій успѣлъ возвратиться изъ Казани, какъ оттуда пришла вѣсть, что Казанцы привели Сафа-Гирея на Каму, великому князю и царю Шигъ-Алею измѣнили, и Шигъ-Алей убѣжалъ изъ Казани; на Волгѣ взялъ онъ лошадей у Городецкихъ Татаръ и поѣхалъ степью, гдѣ встрѣтился съ русскими людьми, высланными къ нему великимъ княземъ.

Крымская сторона восторжествовала, и первымъ дѣломъ Сафа-Гирея было убіеніе предводителей стороны противной: убиты были князья—Чура, Кадышъ и другіе; братья Чуры и еще человѣкъ семьдесятъ московскихъ или Шигъ-Алеевыхъ доброжелателей успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислала Горная Черемиса бить челомъ великому князю, чтобъ послалъ рать на Казань, а они хотятъ служить государю, пойдутъ вмѣстѣ съ воеводами. Вслѣдствіе этого челобитья отправился князь Александръ Борисовичъ Горбатый и воевалъ до Свіяжскаго устья, привелъ въ Москву сто человѣкъ Черемисы. Въ концѣ 1547 года новый царь Московскій рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани: въ декабрѣ онъ выѣхалъ во Владиміръ, приказавши везти туда за собою пушки; онѣ были отправлены уже въ началѣ генваря 1548 года съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая, вмѣсто снѣга шелъ все дождь. Когда въ февралѣ самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго и остановился на островѣ Роботкѣ, то наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня стоялъ царь на островѣ Роботкѣ, ожидая пути; но пути не было; тогда, отпустивши къ Казани князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и приказавши ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ въ устьѣ Цивильскомъ, Іоаннъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ, что

не сподобилъ его Богъ совершить похода. Эти слезы замѣчательны: онѣ не были слѣдствіемъ только семнадцатилѣтняго возраста; онѣ были слѣдствіемъ природы Іоанна, раздражительной, страстной, впечатлительной. Бѣльскій соединился съ Шигъ-Алеемъ и вмѣстѣ подошли къ Казани; на Арскомъ полѣ встрѣтилъ ихъ Сафа-Гирей, но былъ втоптанъ въ городъ передовымъ полкомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго. Семь дней послѣ того стояли воеводы подлѣ Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявши изъ знатныхъ людей убитымъ Григорія Васильевича Шереметева. Осенью Казанцы напали на Галицкую волость подъ начальствомъ Арака-Богатыря, но Костромской намѣстникъ Яковлевъ поразилъ ихъ на-голову и убилъ Арака. Въ мартѣ 1549 года пришла вѣсть въ Москву о смерти Сафа-Гирея.

Медленность Московскаго правительства въ войнѣ съ Казанью во время малолѣтства Іоаннова, медленность, происходившая главнымъ образомъ отъ страха передъ ханомъ Крымскимъ, дорого стоила пограничнымъ областямъ, сильно опустошеннымъ Казанцами. Не менѣе, по свидѣтельству современниковъ, были опустошены и внутреннія области государства въ боярское правленіе [32]. Изъ словъ царя, сказанныхъ на лобномъ мѣстѣ, можемъ заключить вообще о состояніи правосудія въ Московскомъ государствѣ; лѣтописецъ Псковской сообщаетъ намъ подробности воеводскихъ насилій въ его родномъ городѣ. Въ правленіе Елены Псковичи были обрадованы выводомъ отъ нихъ дьяка Колтыря Ракова, установившаго многія новыя пошлины. Но радость ихъ была непродолжительна: въ первое правленіе Шуйскихъ намѣстниками въ Псковъ были отправлены извѣстный уже намъ князь Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Ивановичъ Реппинъ-Оболенскій: были эти намѣстники, говоритъ лѣтописецъ, свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе до христіанъ, и начали поклепцы добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй; дѣла его злы на пригородахъ, на волостяхъ, поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же люди давали ему подарки. Любопытно, что игумены, по словамъ лѣтописца, бѣжали въ Новгородъ: значитъ тамъ было лучше; вспомнимъ, что Новгородцы всѣмъ городомъ стояли за Шуйскихъ.

Смѣна Шуйскихъ Бѣльскимъ и митрополитомъ Іоасафомъ повлекла за собою перемѣну въ Псковѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ, терпѣвшихъ при прежнемъ правленіи. Смѣна верховнаго правителя необходимо вела за собою смѣну его родственниковъ и пріятелей въ областяхъ: жалобамъ на нихъ давалась вѣра. Мы видѣли, какъ могущественна была сторона Шуйскихъ, сколько знатныхъ родовъ входило въ нее, какъ живуча была она, даже лишенная главъ своихъ; но мы не можемъ сказать этого о сторонѣ Бѣльскихъ, и потому естественно было князю Ивану и митрополиту Іоасафу стараться пріобрѣсти народное расположеніе перемѣнами къ лучшему, опираться на это расположеніе въ борьбѣ съ могущественными соперниками; притомъ, если мы изъ предыдущихъ поступковъ Бѣльскаго не можемъ вывести выгоднаго заключенія о его благонамѣренности, то не должно забывать, что рядомъ съ нимъ въ челѣ управленія стоялъ митрополитъ Іоасафъ, котораго и видимъ печальникомъ за опальныхъ. Какъ бы то ни было, въ правленіе Бѣльскаго и Іосафа начали давать грамоты всѣмъ городамъ большимъ, пригородамъ и волостямъ; по этимъ грамотамъ жители получали право сами обыскивать лихихъ людей, по крестному цѣлованію, и казнить ихъ смертною казнію, не водя къ намѣстникамъ и къ ихъ тіунамъ. Псковичи взяли такую грамоту, и начали псковскіе цѣловальники и соцкіе судить лихихъ людей на княжомъ дворѣ, въ судьницѣ надъ Великою рѣкою, и смертною казнію ихъ казнить. Князь Андрей Шуйскій сведенъ былъ въ Москву, остался одинъ князь Репнинъ-Оболенскій, и была ему, говоритъ лѣтописецъ, нелюбка большая на Псковичей, что у нихъ какъ зерцало государева грамота. И была христіанамъ радость и льгота большая отъ лихихъ людей, отъ поклепцовъ, отъ намѣстниковъ, отъ ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ, которые по волостямъ ѣздятъ, и начали Псковичи за государя Бога молить. Злые люди разбѣжались, стала тишина, но ненадолго: опять намѣстники взяли силу.—Значитъ съ паденіемъ Бѣльскаго и митрополита Іосафа приверженцы Шуйскихъ повторили прежнее поведеніе въ областяхъ. Есть извѣстіе, что князь Андрей Шуйскій разорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины; крестьянъ разорялъ требованіемъ большаго числа подводъ для своихъ людей, ѣздящихъ къ нему изъ его деревень и обратно; каждый его слуга, каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, поз-

волялъ себѣ всякаго рода насилія. Насилія намѣстниковъ во Псковѣ питались и усиливались враждою между большими и меньшими людьми. Мы видѣли, какъ сильна была эта вражда и въ Новгородѣ во время его прежняго быта; но во Псковѣ въ описываемое время вражда эта имѣла еще другое основаніе: старые лучшіе люди, Псковичи, были выведены при великомъ князѣ Василіи и замѣнены Москвичами; слѣдовательно къ враждѣ сословной присоединялась теперь вражда туземцевъ, меньшихъ гражданъ, къ пришельцамъ незваннымъ. Подъ 1544 годомъ лѣтописецъ говоритъ: вражда была большая во Псковѣ большимъ людямъ съ меньшими, поѣздки частыя въ Москву и трата денегъ большая. Въ концѣ 1546 года, въ одну изъ любимыхъ поѣздокъ своихъ по монастырямъ, Іоаннъ заѣхалъ на короткое время во Псковъ: Печерскому монастырю далъ много деревень, но свою отчину Псковъ не управилъ ни въ чемъ, говоритъ лѣтописецъ, только все гонялъ на ямскихъ, и христіанамъ много убытка причинилъ. Лѣтомъ 1547 года 70 человѣкъ Псковичей поѣхали въ Москву жаловаться на намѣстника; поступокъ съ ними молодаго царя показываетъ привычку Іоанна давать волю своему сердцу: жалобщики нашли Іоанна въ селѣ Островкѣ; неизвѣстно, чѣмъ они разсердили его, только онъ началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палилъ бороды, зажигалъ волосы свѣчею, и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю; дѣло могло кончиться для нихъ очень дурно, какъ вдругъ пришла вѣсть, что въ Москвѣ упалъ большой колоколъ; царь поѣхалъ тотчасъ въ Москву, и жалобщики остались цѣлы [38].

Но если мы, принявъ свидѣтельство псковскаго лѣтописца, что въ правленіе князя Бѣльскаго Пскову было больше облегченія отъ насилій намѣстниковъ, распространимъ это извѣстіе и на другія области, если положимъ, что и вездѣ злоупотребленія уменьшились, то мы не должны однако думать, что губныя грамоты, о которыхъ говоритъ Псковской лѣтописецъ и которымъ онъ приписываетъ такую силу, начали даваться только въ правленіе Бѣльскаго: до насъ дошло нѣсколько губныхъ грамотъ отъ времени перваго правленія князей Шуйскихъ: такъ въ октябрѣ 1539 года даны были губныя грамоты Бѣлозерцамъ и Каргопольцамъ [34]: „Князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ, и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и соцкимъ, и десяцкимъ, и всѣмъ крестьянамъ, моимъ, великаго князя, митрополичьимъ, владычнимъ, кня-

жимъ, боярскимъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ, чернымъ, псарямъ, осочникамъ, перевѣстникамъ, бортникамъ, рыболовамъ, бобровникамъ, оброчникамъ и всѣмъ безъ исключенія. Били вы намъ челомъ, что у васъ въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе ваше грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ много людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ. Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ; но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая, а сами разбойниковъ обыскивать и ловить, безъ нашего вѣдома, не смѣете. Такъ вы бы, между собою свѣстясь, всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними старостъ да десяцкихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть, и между собою, въ станахъ и волостяхъ, лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали бы, по нашему крестному цѣлованію, въ правду безъ хитрости. Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто ихъ у себя держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко; а, допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертію. Я положилъ это на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ и отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостей продажи вамъ нѣтъ. Если разбойникъ съ пытки объявитъ о своихъ товарищахъ въ другихъ городахъ, то вы объ нихъ пишите грамоты въ тѣ города къ дѣтямъ боярскимъ, которые тамъ поставлены въ головахъ для этихъ дѣлъ, и обсылались бы между собою немедленно. Кого поймаете въ разбоѣ, доведете, казните, кто разбойниковъ поймалъ, въ какихъ дѣлахъ уличены—все это пишите на списокъ подлинно, а которые изъ васъ грамотѣ умѣютъ, тѣ прикладывали бы къ спискамъ руки. По недружбѣ другъ другу не мстите, безъ вины не берите и не казните никого, но обыскивайте накрѣпко. А не станете разбойниковъ обыскивать и брать, или не станете за разбойниками ѣздить, хватать ихъ и казнить, или станете разбойниковъ отпускать и имъ потакать, то я велю на васъ на всѣхъ взыскивать по жалобамъ тѣхъ людей, кого въ вашихъ волостяхъ

разобьютъ, безъ суда, вдвое, а самимъ вамъ отъ меня быть въ казни и въ продажѣ. А которыхъ разбойниковъ вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ, казните, тѣхъ имѣнія и подворья отдавайте людямъ, которыхъ поставите у себя въ головахъ, они же пусть отдаютъ тѣмъ людямъ, которыхъ казненные разбойники разбивали, смотря по ихъ искамъ; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите исцамъ, записывайте все на списки; а что послѣ этой раздачи останется, перепишите и положите гдѣ пригоже, и отпишите объ этомъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны".

Въ правленіе Бѣльскаго дана была губная грамота Галичанамъ въ такой формѣ: „Поставьте между собою у десяти дворовъ десяцкаго, у пятидесяти пятидесяцкаго, у ста соцкаго; и въ которые дворы какіе люди съ чѣмъ-нибудь пріѣдутъ, покупать ли соль, или проѣзжіе люди, объявляйте этихъ людей десяцкимъ, тѣ пусть объявляютъ ихъ пятидесяцкимъ, а пятидесяцкіе соцкимъ, соцкіе съ пятидесяцкими и десяцкими пусть этихъ людей осматриваютъ и записываютъ. Остановятся на дворахъ люди проѣзжіе незнакомые, и станутъ сказываться не по имянамъ и непутно, такихъ людей брать и приводить къ городовымъ прикащикамъ, и съ городовыми прикащиками обыскивать въ правду, безъ хитрости, какіе они люди? обыщете, что они люди добрые, то перепишите ихъ и отпустите безъ задержки. Если же окажутся лихіе люди, то пытайте ихъ накрѣпко съ городовыми прикащиками, а у пытки пусть стоитъ дворскій, да цѣловальники, да лучшіе люди; а что будутъ говорить съ пытки, тѣ рѣчи пусть записываетъ дьякъ земскій, а вы прикладывайте къ нимъ руки; уличеннаго разбойника, бивъ кнутомъ по всѣмъ торгамъ, казните смертію". Въ такой же формѣ въ 1541 году даны были губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря, по просьбѣ игумена Алексія: крестьяне должны были поставить себѣ прикащика въ головахъ и выбрать соцкихъ, пятидесяцкихъ, десяцкихъ. Въ 1549 году данъ былъ губной наказъ селамъ Кириллова монастыря: „Я, царь и великій князь, по ихъ челобитью пожаловалъ, велѣлъ у нихъ быть въ разбойныхъ дѣлахъ *въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ*, дѣтямъ боярскимъ (имена), да съ ними цѣловальникамъ, тѣхъ же селъ крестьянамъ (имена)". Здѣсь противъ прежнихъ грамотъ встрѣчаются уже подробности управы: „Поймаютъ татя въ первой татьбѣ,

то доправить на немъ исцевы иски, а въ продажѣ онъ намѣстнику; и волостелямъ, и ихъ тіунамъ; какъ скоро намѣстники, волостели и ихъ тіуны продажу свою на татѣ возьмутъ, то вы, старосты губные, велите его бить кнутомъ и потомъ выбить изъ земли вонъ. За второе воровство бить кнутомъ, отсѣкать руку и выбивать вонъ изъ земли; за третье воровство вѣшать. Дѣла небольшія выборнымъ головамъ можно рѣшать и не всѣмъ вмѣстѣ; но для большихъ они должны съѣзжаться изъ всѣхъ становъ и волостей въ городъ на Бѣлоозеро, и чего не смогутъ управить, пусть пишутъ къ боярамъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла. Въ суды намѣстничьи губные старосты не должны вступаться, а намѣстники въ суды губныхъ старостъ. Посуловъ и поминковъ старостамъ губнымъ и цѣловальникамъ въ разбойныхъ и воровскихъ дѣлахъ не брать ни подъ какимъ видомъ, и другъ за другомъ смотрѣть, чтобъ не брали.[35]

Еще въ правленіе Елены мы встрѣтили упоминовеніе о дѣтяхъ боярскихъ, которые живутъ въ думѣ. Во время боярскаго правленія встрѣчаемъ такое же извѣстіе съ любопытнымъ дополненіемъ; при описаніи пріема Литовскихъ пословъ, Глѣбовича и Тehановскаго, говорится: „Стояли у великаго князя для береженья, на правой сторонѣ бояринъ князь М. И. Кубенскій, а на лѣвой окольничій И. С. Воронцовъ. А сидѣли у великаго князя на правой сторонѣ бояринъ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій и иные бояре, а на лѣвой сторонѣ бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій и иные бояре. Да въ избѣ же были князья и дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ и которые въ думѣ не живутъ. А вотъ князья и дѣти боярскіе, которые въ думѣ не живутъ, а при послахъ въ избѣ были: князи Одоевскій, Трубецкой, Воротынскій, Оболенскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Суздальскіе, Стародубскіе, *Москва* (Ласкиревъ, Морозовъ, Шеины), *Переяславль* (кн. Куракинъ, Бутурлинъ и др.), *Юрьевъ, Волокъ* (кн. Хованскіе), *Можайскъ* (кн. Ногтевъ), *Вязма* (Годуновъ), *дворъ Тверской* (кн. Микулинскіе и др.), *Калуга, Дмитровъ* (кн. Охлябининъ), *Старица* (Умный Колычевъ), *Ловчіе* (Нагой, Дятловъ)“[36].

Безнарядье, послѣдовавшее за смертію великой княгини Елены, заставило бѣжать изъ Москвы извѣстнаго архитектора, Италіянца Петра (Петра Фрязина), который выѣхалъ изъ Рима при великомъ князѣ Василіи, принялъ православіе, женился въ Москвѣ, полу-

чилъ помѣстья. Въ 1539 году, будучи посланъ укрѣплять новый городъ Себежъ, Петръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ пробраться за границу, въ Ливонію. На вопросъ Дерптскаго епископа, что заставило его бѣжать изъ Москвы, Петръ отвѣчалъ: „Великаго князя и великой княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы въ землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства“ [37].

ГЛАВА III.

Казань, Астрахань, Ливонія.

Неудачный походъ на Казань 1550 года.—Основаніе Свіяжска; подчиненіе окрестныхъ племенъ и самой Казани.—Ненависть въ Казани къ царю Шигъ-Алею, подручнику Московскому.—Просьба Казанцевъ дать имъ въ намѣстники боярина Московскаго вмѣсто Шигъ-Алея.—Государь соглашается, но Казанцы не пускаютъ къ себѣ бояръ.—Походъ подъ Казань 1552 года.—Нашествіе Крымскаго хана. Осада и взятіе Казани.—Возвращеніе царя въ Москву.—Значеніе Казанскаго взятья.—Борьба съ пятью казанскими народами.—Отношенія Москвы къ Ногаямъ.—Покореніе Астрахани.—Отношенія къ народамъ прикавказскимъ.—Борьба съ Крымомъ.—Война и миръ съ Швеціею.—Война Ливонская.—Сношенія съ Швеціею, Даніею и Литвою.—Начало сношеній съ Англіею.

Смерть Сафа-Гирея, разстроивая Крымскую сторону, усиливая внутреннія волненія въ Казани, была какъ нельзя болѣе выгодна для предпріятій Московскаго царя. Крымцы и Казанцы ихъ приверженцы поспѣшили провозгласить ханомъ двухлѣтняго сына Сафа-Гиреева, Утемиша; но этимъ самымъ Казань теперь мѣнялась своимъ положеніемъ съ Москвою: долгое время она могла поддерживать свою независимость, благодаря малолѣтству Іоаннову; теперь, когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, въ послѣдней явился царь младенецъ. Казанцы понимали невыгоду своего положенія и потому отправили пословъ въ Крымъ просить помощи у взрослаго царя; но московскіе козаки побили этихъ пословъ и ярлыки ихъ переслали въ Москву. Въ іюлѣ 1549 года Казанцы прислали къ Іоанну грамоту, писали отъ имени Утемишъ-Гирея о мирѣ; царь отвѣчалъ, чтобъ прислали для переговоровъ добрыхъ людей. Добрые люди не являлись, и 24 ноября самъ Іоаннъ съ роднымъ братомъ Юріемъ вы-

ступилъ въ походъ, оставивъ оберегать Москву двоюроднаго, Владиміра Андреевича; во Владимірѣ сдѣланы были всѣ распоряженія; любопытно, что при этихъ распоряженіяхъ царь счелъ нужнымъ присутствіе митрополита; Макарій, по его вызову, ѣздилъ во Владиміръ, гдѣ увѣщевалъ воеводъ отложить на время похода мѣстническіе счеты и считаться по окончаніи войны. Подъ Казань пришелъ царь уже въ февралѣ 1550 года; приступъ къ городу не удался: множество людей было побито съ обѣихъ сторонъ, а потомъ настала оттепель, подули сильные вѣтры, полился дождь, малыя рѣчки попортило, а иныя прошли. Простоявши 11 дней подъ Казанью, Іоаннъ принужденъ былъ возвратиться назадъ. Это былъ уже второй походъ, предпринятый имъ лично и кончившійся неудачно. На этотъ разъ впрочемъ Іоаннъ не хотѣлъ возвратиться ни съ чѣмъ въ Москву: по примѣру отца, основавшаго Васильсурскъ, онъ заложилъ на устьѣ Свіяги Свіяжскъ: дьякъ Иванъ Выродковъ отправился съ дѣтьми боярскими на Волгу, въ Углицкій уѣздъ, въ отчизну князей Ушатыхъ рубить лѣсъ для церквей и стѣнъ городскихъ и везти его на судахъ внизъ по Волгѣ; а для поставленія города отправились весною на судахъ царь Шигъ-Алей съ двумя главными воеводами, княземъ Юріемъ Булгаковымъ (Голицынымъ-Патрикѣевымъ) и Данилою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицынымъ; туда же поѣхали съ войскомъ и казанскіе выходцы, которыхъ было тогда въ Москвѣ 500 человѣкъ. Князю Петру Серебряному изъ Нижняго велѣно было идти изгономъ на Казанскій посадъ; козаки стали по всѣмъ перевозамъ по Камѣ, Волгѣ и Вяткѣ, чтобъ воинскіе люди изъ Казани и въ Казань не ѣздили. Серебряный въ точности исполнилъ приказъ: явился внезапно передъ Казанскимъ посадомъ, побилъ много людей и живыхъ побралъ и полону Русскаго много отполонилъ.

24 мая пришелъ Шигъ-Алей съ воеводами на Свіягу; тотчасъ начали очищать отъ лѣсу мѣсто, гдѣ быть городу; очистивши гору, пѣли молебенъ, освятили воду и обошли съ крестами по стѣнному мѣсту; потомъ обложили городъ и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергія. Лѣса, который привезли сверху по Волгѣ, стало только на половину горы; другую половину сдѣлали тотчасъ же воеводы и дѣти боярскія своими людьми, и все окончили въ четыре недѣли. Слѣдствія построенія Свіяжска оказались немедленно: Горные Черемисы, увидавъ, что русскій го-

родъ сталъ въ ихъ землѣ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и воеводамъ съ челобитьемъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, простилъ, велѣлъ имъ быть у Свіяжскаго города, а воевать бы ихъ не велѣлъ, да пожаловалъ бы ихъ государь, облегчилъ въ ясакѣ и далъ имъ свою грамоту жалованную, какъ имъ впередъ быть. Государь ихъ пожаловалъ, далъ грамоту съ золотою печатью, и ясак ихъ отдалъ на три года. Шигъ-Алею и воеводамъ Іоаннъ послалъ золотые въ награду и приказъ—привести всю Горную сторону къ присягѣ и послать Черемисъ войною на казанскія мѣста, а съ ними отправить дѣтей боярскихъ и казанскихъ князей смотрѣть—прямо ли станутъ служить государю. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, Чувашъ, Мордву, и сказали имъ: „Вы государю присягнули: такъ ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга". Тѣ собрались большими толпами, перевезлись на луговую сторону и перешли къ городу на Арское поле. Казанцы и Крымцы вышли къ нимъ на встрѣчу и бились крѣпко; когда же изъ города вывезли пушки и пищали и начали стрѣлять, то Черемисы и Чуваши дрогнули и побѣжали. Казанцы убили у нихъ человѣкъ со 100, да съ 50 живыхъ взяли. Воеводы увидали, что горные люди служатъ прямо, и велѣли ихъ опять перевести на ихъ сторону. Показавши вѣрную службу, Горные начали ѣздить черезъ все лѣто въ Москву человѣкъ по пяти и по шестисотъ. Государь ихъ жаловалъ, князей, мурзъ и сотныхъ козаковъ кормилъ и поилъ у себя за столомъ, дарилъ шубами, доспѣхами, конями, деньгами.

Построеніе Свіяжска и отпаденіе Горной стороны скоро отозвались въ Казани, усиливъ сторону, противную Крымцамъ: начали рознитъся Казанцы съ Крымцами, говоритъ лѣтопись: Арскіе Чуваши пришли даже съ оружіемъ на Крымцевъ, крича: „отъ чего не бить челомъ государю?" пришли и на царевъ дворъ: но Крымцы—Уланъ Кащакъ съ товарищами побили ихъ; эта удача однако не поправила дѣла Гиреевъ, потому что казанскіе князья и мурзы одинъ за другимъ перебѣгали къ Русскимъ. Тогда Крымцы, видя, что при первомъ нападеніи московскихъ воеводъ Казанцы ихъ выдадутъ, собрались, пограбили все, что было можно, и побѣжали изъ Казани въ числѣ 300 человѣкъ, побросавъ женъ и дѣтей; они бѣжали вверхъ по Камѣ и вошли въ Вятку; но тутъ вятскій воевода Зюзинъ поразилъ ихъ на-голову и потопилъ; 46 человѣкъ

плѣнныхъ и въ томъ числѣ Уланъ Кащакъ были отосланы въ Москву и тамъ казнены смертію, за ихъ жестокосердіе, говоритъ лѣтописецъ. Бѣгство Крымцевъ отдало Казань въ руки русской сторонѣ: тотчасъ явились оттуда послы съ челобитьемъ, чтобъ государь пожаловалъ, плѣнить ихъ не велѣлъ, далъ бы имъ на государство царя Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея съ матерью Сююнбекою взялъ бы къ себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ, что хочетъ землю Казанскую пожаловать, если они царя, царицу, остальныхъ Крымцевъ и дѣтей ихъ выдадутъ и всѣхъ русскихъ плѣнниковъ освободятъ. Алексѣй Адашевъ отправился въ Свіяжскъ объявить Шигъ-Алею, что государь жалуетъ ему Казанское царство съ Луговою стороною и Арскою, но Горная сторона отойдетъ къ Свіяжску, потому что государь саблею взялъ ее до челобитья Казанцевъ. Это условіе сильно оскорбило Шигъ-Алея, но бояре прямо объявили ему, что рѣшеніе ни подъ какимъ видомъ измѣнено не будетъ; то же было объявлено и вельможамъ казанскимъ, когда они начали было говорить, что землю раздѣлить нельзя. Въ августѣ Шигъ-Алей посаженъ былъ въ Казани и, согласно условіямъ, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ насчиталось 60,000 человѣкъ.

Господство, насилія Крымцевъ поддерживали прежде Русскую сторону; тяжелыя условія, наложенныя теперь Русскимъ царемъ, возбудивши большое неудовольствіе, усилили сторону противную; хану, вельможамъ нестерпимо было отрѣзаніе Горной стороны; простые люди терпѣли большой убытокъ чрезъ освобожденіе русскихъ плѣнниковъ. Оставленные при новомъ ханѣ бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ уже въ сентябрѣ увѣдомили государя, что плѣнные освобождены не всѣ, что Шигъ-Алей знаетъ это, но смотритъ сквозь пальцы, боясь волненія. Въ Москвѣ не могли отказаться отъ предписанныхъ условій, не могли терпѣть, чтобъ русскіе люди томились въ плѣну въ подчиненномъ государствѣ и чтобъ русскій городъ Свіяжскъ былъ островомъ среди чужой земли; надѣялись кроткими мѣрами, ласкою заставить Шигъ-Алея и Казанцевъ забыть свои лишенія. Въ Казань поѣхали бояринъ князь Дмитрій Палецкій и дьякъ Клобуковъ: они повезли платье, сосуды, деньги хану, ханшѣ; князьямъ Казанскимъ и Городецкимъ, повезли царю и землѣ Казанской жалованное слово за службу; но при этомъ они должны были требовать освобожденія всѣхъ плѣнныхъ, въ противномъ случаѣ объявить, что государь, видя христіанство въ неволѣ, тер-

нѣть этого не будетъ. Шигъ-Алею должны были сказать, чтобъ онъ помнилъ жалованье царя и отца его, великаго князя Василія, прямилъ по шертнымъ грамотамъ, русскихъ плѣнниковъ всѣхъ освободилъ, и укрѣпилъ бы Казань крѣпко государю и себѣ, какъ Касимовъ городокъ, чтобъ при немъ и послѣ него было неподвижно, и кровь перестала бы литься на вѣки. Палецкій съ этимъ наказомъ поѣхалъ въ Казань, а изъ Казани въ Москву пріѣхали большіе послы съ челобитьемъ отъ Шигъ-Алея, чтобъ государь пожаловалъ, Горную сторону царю уступилъ, если же не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя нѣсколько ясаковъ съ нея; да пожаловалъ бы государь, далъ клятву царю и землѣ Казанской въ соблюденіи мира. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что съ Горной стороны не уступитъ Казани ни одной деньги, а клятву дастъ тогда, когда въ Казани освободятъ русскихъ плѣнныхъ всѣхъ до одного человѣка. Тогда же возвратились изъ Казани бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ и сказали, что Казанцы мало освобождаютъ плѣнныхъ, куютъ ихъ и прячутъ по ямамъ, а Шигъ-Алей не казнитъ тѣхъ, у кого найдутъ плѣнниковъ, оправдываетъ себя тѣмъ, что боится волненія: доносятъ ему, что князья казанскіе ссылаются съ Ногаями; онъ объ этомъ развѣдываетъ и дастъ знать государю. Дѣйствительно, въ ноябрѣ Шигъ-Алей и князь Палецкій дали знать, что казанскіе князья ссылаются съ Ногаями, хотѣли убить Шигъ-Алея и князя Палецкаго. Ханъ узналъ о заговорѣ, перехватилъ грамоты и велѣлъ перебить заговорщиковъ у себя на пиру, числомъ 70 человѣкъ, а другіе разбѣжались; онъ просилъ, чтобъ государь не отпускалъ изъ Москвы большихъ казанскихъ пословъ, потому что они также въ числѣ заговорщиковъ.

Это извѣстіе заставляло царя подумать о новомъ шагѣ впередъ относительно Казани. Отправился туда Алексѣй Адашевъ съ такими словами къ Шигъ-Алею: „Самъ онъ видитъ измѣну Казанцевъ, изначала лгутъ государямъ Московскимъ, брата его Еналея убили, его самого нѣсколько разъ изгоняли, и теперь хотѣли убить: *нужно непремѣнно, чтобъ онъ укрѣпилъ городъ русскими людьми*". Шигъ-Алей отвѣчалъ на это: „Прожить мнѣ въ Казани нельзя: сильно я раздосадовалъ Казанцевъ: обѣщалъ я имъ у царя и великаго князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалуетъ, Горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно,

и пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань государю крѣпка будетъ. Если же у меня Горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю". Князь Палецкій и Адашевъ говорили ему на это: „Если тебѣ къ государю бѣжать, такъ укрѣпи городъ русскими людьми". Алей не соглашался на это: „Я бусурманъ", говорилъ онъ: „не хочу на свою вѣру стать, и государю измѣнить не хочу же, ѣхать мнѣ некуда кромѣ государя; дай мнѣ, князь Дмитрій, клятву, что великій князь меня не убьетъ и придастъ къ Касимову что пригоже, такъ я здѣсь лихихъ людей еще изведу, пушки, пищали и порохъ перепорчу: государь приходи самъ да промышляй". Палецкій и Адашевъ отправились въ Москву, оставя въ Казани Ивана Черемисинова съ отрядомъ стрѣльцовъ беречь Алея отъ Казанцевъ и не держать государя безъ вѣсти. Когда Палецкій пріѣхалъ на Свіягу, то жившіе здѣсь князья, Чапкунъ и Бурнашъ, сказали ему, что въ народѣ ходятъ слухи: придетъ весна и Казанцы измѣнятъ государю, а Шигъ-Алея не любятъ: такъ государь бы своимъ дѣломъ промышлялъ, какъ ему крѣпче, а мы, говорили князья, государю дали правду и по правдѣ къ нему приказываемъ, что Казанцы непремѣнно измѣнятъ, тогда и Горныхъ не удержимъ.

Такъ прошелъ 1551 годъ. Дѣло приближалось къ развязкѣ. Казань не могла оставаться долго въ такомъ положеніи; послѣ кроваваго пира ненависть къ Алею достигла высшей степени; поддерживать долѣе силою ненавистнаго хана было бы очень неблагоразумно; двинуть большіе полки къ Казани, не дожидаясь перваго движенія со стороны ея жителей, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Алея и находившихся при немъ русскихъ стрѣльцовъ и дать Казанцамъ полное право къ возстанію; захватить городъ внезапно безъ вѣдома хана было нельзя, а ханъ не хотѣлъ измѣнить бусурманству. Но Казанцы сами пошли навстрѣчу намѣреніямъ Московскаго царя; ненависть къ Алею и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность борьбы съ Москвою, привели ихъ къ мысли предложить Іоанну полное подданство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Алея. Мы видѣли, что въ числѣ главныхъ враговъ послѣдняго были вельможи, отправленные послами въ Москву, и только это посольство избавило ихъ отъ участи постигшей товарищей ихъ на пиру ханскомъ; но погибли не всѣ, оставались еще лихіе люди, которыхъ Алей также обѣщалъ извести. Понятно, что эти люди,

трепеща каждую минуту за свою жизнь, должны были желать смѣны Алея какимъ бы то ни было способомъ, и понятно что они въ этомъ желаніи должны были прежде всего сойтись съ послами, задержанными въ Москвѣ и дѣйствовать черезъ нихъ. Въ генварѣ 1552 года эти послы явились къ Іоанну, и объявили, что имъ есть приказъ отъ Казанской земли бить челомъ государю, чтобъ царя Шигъ-Алея свелъ, далъ бы имъ въ намѣстники боярипа своего и держалъ бы ихъ какъ въ Свіяжскомъ городѣ; если же государь не пожалуетъ, то Казанцы измѣнятъ, будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Іоаннъ велѣлъ поговорить съ ними боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, за что царя не любятъ въ Казани, какъ его оттуда свести, какъ быть у нихъ намѣстнику, и какъ имъ въ томъ вѣрить? Послы отвѣчали, что Алей побиваетъ ихъ и грабитъ, женъ и дочерей беретъ силою; если государь пожалуетъ землю и хана сведетъ, то теперь здѣсь въ Москвѣ улановъ, князей, мурзъ и козаковъ человѣкъ съ триста, одинъ изъ нихъ поѣдетъ въ Казань, и Казанцы всѣ государю дадутъ правду, намѣстниковъ его въ городъ пустятъ и городъ весь государю сдадутъ, кому велитъ жить въ городѣ, кому на посадѣ, тѣмъ тамъ и жить, а другимъ всѣмъ по селамъ; царскіе доходы будутъ сбираться на государя, имѣнія побитыхъ бездѣтныхъ князей государь раздастъ кому хочетъ, и всѣ люди въ его волѣ—кого чѣмъ пожалуетъ. Если же Казанцы такъ не сдѣлаютъ, то пусть государь велитъ насъ всѣхъ здѣсь побить; если же Алей не захочетъ ѣхать изъ Казани, то государю стоитъ только взять у него стрѣльцовъ, и онъ самъ побѣжитъ.

Въ февралѣ отправился опять Алексѣй Адашевъ въ Казань, чтобъ свести Алея, и съ нимъ Татаринъ отъ пословъ съ грамотою къ Казанцамъ, въ которой описывалось, какъ они условились въ Москвѣ съ государемъ. Адашевъ объявилъ Алею, чтобъ пустилъ московскихъ людей въ городъ, а самъ пусть проситъ у государя чего хочетъ, все получитъ. Алей отвѣчалъ по прежнему, что бусурманскаго юрта не нарушитъ, но съѣдетъ въ Свіяжскъ, потому что въ Казани ему жить нельзя, Казанцы уже послали къ Ногаямъ просить другого царя. Заколотивъ нѣсколько пушекъ и отправивъ въ Свіяжскъ пищали и порохъ, 6 марта Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани на озеро ловить рыбу, взялъ съ собою многихъ князей, мурзъ, горожанъ и всѣхъ пятьсотъ стрѣльцовъ москов-

скихъ; выѣхавши за городъ, онъ сталъ говорить Казанцамъ: „Хотѣли вы меня убить, и били челомъ на меня царю и великому князю, чтобъ меня свелъ, что я надъ вами лихо дѣлаю, и далъ бы вамъ намѣстника; царь и великій князь велѣлъ мнѣ изъ Казани выѣхать и я къ нему ѣду, а васъ съ собою къ нему же веду, тамъ управимся". Этихъ князей и мурзъ, приведенныхъ Алеемъ въ Свіяжскъ, было восемьдесятъ четыре человѣка. Въ тотъ же день бояринъ князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій послалъ въ Казань двухъ козаковъ съ грамотами, что по челобитью казанскихъ князей государь царь Шигъ-Алея свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена; чтобъ они ѣхали въ Свіяжскъ присягать и когда присягнутъ, тогда онъ къ нимъ поѣдетъ. Казанцы отвѣчали, что государеву жалованью рады, хотятъ во всемъ исполнить волю государеву, только бы бояринъ прислалъ къ нимъ князей Чапкуна и Бурнаша, на чьи руки имъ даться. Чапкунъ и Бурнушъ отправились на другой день въ Казань вмѣстѣ съ Черемисиновымъ, и тотъ далъ знать Мукулинскому, что вся земля Казанская охотно присягаетъ государю, и лучшіе люди ѣдутъ въ Свіяжскъ. Лучшіе люди дѣйствительно пріѣхали на другой день вмѣстѣ съ Чапкуномъ и Бурнашомъ и присягнули, взявши съ Микулинскаго и товарищей его также клятву, что они будутъ жаловать добрыхъ казанскихъ людей. Послѣ этого Микулинскій отправилъ въ Казань Черемисинова съ толмачемъ приводить къ присягѣ остальныхъ людей и смотрѣть, нѣтъ ли какого лиха, для того же отправилъ Чапкуна, еще одного князя казанскаго и восемь человѣкъ дѣтей боярскихъ; они должны были занять дворы, которые князья обѣщались очистить и смотрѣть, чтобъ все было тихо, когда русскіе полки будутъ вступать въ городъ. Ночью Черемисиновъ далъ знать Микулинскому, что все спокойно: царскій дворъ опоражниваютъ, и сельскіе люди, давши присягу, разъѣзжаются по селамъ. Черемисиновъ писалъ, чтобъ намѣстникъ уже отправлялъ въ Казань свой легкій обозъ съ съѣстнымъ и прислалъ козаковъ съ сотню, потому что они на царевѣ дворѣ пригодятся на всякое дѣло, и по этой присылкѣ намѣстникъ отпустилъ обозъ съ семидесятью козаками, у которыхъ было 72 пищали.

Скоро двинулись къ Казани и бояре—князь Семенъ Микулинскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, князь Петръ Серебряный; сторожевой полкъ велъ князь Ромадановскій; у него были всѣ тѣ

Казанцы, которыхъ вывелъ царь Шигъ-Алей. По дорогѣ встрѣчали ихъ разные князья, били челомъ боярамъ, чтобъ ѣхали въ городъ, а они всѣ холопы государевы, всѣ въ его волѣ: въ Казань и изъ Казани ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскіе и сказывали, что всѣ люди государеву жалованью рады и что Иванъ Черемисиновъ продолжаетъ приводить къ присягѣ. Все шло какъ нельзя лучше до тѣхъ поръ, пока не отпросились у воеводъ въ Казань двое князей, Исламъ и Кебякъ, и мурза Аликей, братъ извѣстнаго Чуры. Пріѣхавши въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что Русскіе непремѣнно истребятъ ихъ всѣхъ, что объ этомъ говорятъ городскіе Татары, да и самъ Шигъ-Алей говоритъ тоже. Когда бояре подъѣхали къ Казани, то встрѣтилъ ихъ на Булакѣ Иванъ Черемисиновъ съ княземъ Кулалеемъ и объявилъ: „До сихъ поръ лиха мы никакого не видали; но теперь, какъ прибѣжали отъ васъ князья и стали говорить лихія слова, то люди замѣшались; съ нами выѣхали къ вамъ изъ города всѣ князья, одинъ Чапкунъ въ городѣ остался“. Бояре подъѣхали къ царевымъ воротамъ—ворота растворены, а люди бѣгутъ на стѣны. Тутъ пріѣхали къ воеводамъ уланъ Кудайкулъ, князь Лиманъ и другіе князья и стали бить челомъ, чтобъ не кручинились, возмутили землю лихіе люди; подождите, пока утихнутъ. Бояре отправили въ городъ улана Кудайкула и князя Бурнаша сказать жителямъ: „Зачѣмъ вы измѣнили? Вчера и даже сегодня еще присягали, и вдругъ измѣнили! А мы и клятву свою держимъ, ничего дурного вамъ не дѣлаемъ“. Дѣйствительно, русскіе ратные люди не обидѣли ничѣмъ посадскихъ людей, которые спокойно оставались въ домахъ своихъ со всѣмъ имуществомъ. Посланные возвратились съ отвѣтомъ: „Люди боятся побою, а насъ не слушаютъ“. Много было ссылокъ и рѣчей, но все понапрасну, и бояре, видя, что доброго дѣла нѣтъ, велѣли перехватать Кудайкула, Лимана и всѣхъ князей и козаковъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей, а Казанцы задержали у себя дѣтей боярскихъ, которые напередъ были отправлены съ обозами воеводскими. Простоявши полтора дня подъ Казанью, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску; посада Казанскаго не велѣли трогать, чтобъ не нарушить, съ своей стороны, ни въ чемъ крестнаго цѣлованія; а Казанцы, пославъ къ Ногаямъ просить царя, немедленно начали войну, стали приходить на Горную сторону, отводить ея жителей

отъ Москвы; но Горные побили ихъ отрядъ, взяли въ плѣнъ двухъ князей и привели къ воеводамъ: тѣ велѣли казнить плѣнниковъ.

Іоаннъ получилъ вѣсть объ этихъ событіяхъ 24 марта, и немедленно отправилъ на помощь къ воеводамъ въ Свіяжскъ шурина своего, Данила Романовича Захарьина-Юрьева, а царю Шигъ-Алею велѣлъ ѣхать въ свой городокъ Касимовъ. Въ апрѣлѣ царь созвалъ совѣтъ насчетъ рѣшительнаго похода на Казань; въ совѣтѣ было предложено много разныхъ мнѣній: говорили, чтобъ государь послалъ воеводъ подъ Казань, а самъ остался бы въ Москвѣ, потому что война будетъ не съ одними Казанцами, и съ Ногаями, и съ Крымомъ. Но опытъ показалъ, какъ нерѣшительны бывали воеводскіе походы подъ Казань: Іоаннъ объявилъ, что непремѣнно самъ хочетъ отправиться въ походъ. Рѣшено было отпустить водою, рать, нарядъ большой, запасы для царя и для всего войска, а самому государю, какъ приспѣетъ время, идти полемъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ пришли изъ Свіяжска дурныя вѣсти: князь Микулинскій писалъ, что Горные люди волнуются, многіе изъ нихъ ссылаются съ Казанцами, да и во всѣхъ мало правды, непослушаніе большое; но что хуже всего, въ русскомъ войскѣ открылась цынга, много уже померло, много лежитъ больныхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Царь, по этимъ вѣстямъ велѣлъ князьямъ Александру Борисовичу Горбатому и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться въ Свіяжскъ. Князья скоро достигли этого города; но вѣсти, присланныя ими оттуда къ Іоанну, были еще менѣе утѣшительны: Горные люди измѣнили всѣ, сложились съ Казанью и приходили къ Свіяжску на воеводскія стада; воеводы посылали на нихъ козаковъ, но Казанцы козаковъ разбили, убили 70 человѣкъ и пищали взяли, а болѣзнь не ослабѣваетъ, мретъ много людей. Отъ князя Михайлы Глинскаго изъ Камы ѣхали козаки въ судахъ на Свіягу за кормомъ: и тѣхъ козаковъ Казанцы всѣхъ перебили, плѣннымъ пощады не дали; перебили и всѣхъ дѣтей боярскихъ, которые пріѣхали напередъ въ Казань съ воеводскими обозами и были захвачены тамъ жителями; Казанцы уже получили царя отъ Ногаевъ—Астраханскаго царевича Едигера Магмета. Но отъ этихъ вѣстей въ Москвѣ не пришли въ уныніе: положено было прежде всего поднять духъ въ Свіяжскомъ войскѣ средствами религіозными, тѣмъ болѣе, что къ болѣзни физической тамъ присоединилась нравственная, сильный развратъ [38]. Изъ Бла-

говѣщенскаго собора перенесены были въ Успенскій мощи святыхъ отцовъ, съ нихъ освящена была вода и отправлена въ Свіяжскъ съ Архангельскимъ протопопомъ Тимоѳеемъ „мужемъ изряднымъ, наученнымъ богодухновенному писанію"; вмѣстѣ съ водою Тимоѳей повезъ также поученіе къ войску отъ митрополита Макарія. Въ это время пріѣхалъ изъ Касимова царь Шигъ-Алей и началъ говорить, чтобъ Іоаннъ не выступалъ въ походъ до зимы, потому что лѣтомъ должно ожидать прихода другихъ недруговъ, и потому что Казанская земля сильно укрѣплена природою, лежитъ въ лѣсахъ, озерахъ, болотахъ, зимою легче ее воевать. Іоаннъ отвѣчалъ ему, что уже воеводы со многими ратными людьми отпущены на судахъ съ большимъ нарядомъ и со всѣми запасами, а что у Казанцевъ лѣса и воды—крѣпости великія, то Богъ и непроходимыя мѣста проходимыми дѣлаетъ, и острые пути въ гладкіе претворяетъ.

Поручивъ царицѣ заниматься дѣлами благотворенія, освобождать изъ-подъ царской опалы, выпускать изъ темницъ, Іоаннъ выступилъ 16 іюня на свое дѣло въ Коломну; обѣдалъ въ селѣ Коломенскомъ, откуда отправился ночевать въ Островъ; но на дорогѣ встрѣтилъ гонца, станичника изъ Путивля, съ вѣстію, что идутъ многіе люди Крымскіе къ Украйнѣ, неизвѣстно, царь ли самъ идетъ или царевичъ, а уже Донецъ Сѣверскій перешли. Царь, ни мало не смутясь, продолжалъ путь въ Коломну и пришелъ туда 19 числа; тутъ пріѣхалъ новый гонецъ съ вѣстію, что идутъ многіе люди Крымскіе, ждутъ ихъ къ Рязани и къ Коломнѣ. Государь послалъ полки на берегъ: большому полку велѣлъ стать подъ Колычевымъ, передовому подъ Ростиславлемъ, лѣвой рукѣ подъ Голутвинымъ монастыремъ [39]; при этомъ было объявлено, что если придетъ царь Крымскій, то государь умыслилъ дѣлать съ нимъ прямое дѣло. 21 іюня пригналъ гонецъ изъ Тулы: пришли Крымцы къ Тулѣ, какъ видно царевичъ, и не со многими людьми. Государь послалъ къ Тулѣ князей Щепятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова, Воротынскаго, собрался и самъ выступить на другой день утромъ, какъ получилъ вѣсть, что приходило къ Тулѣ Татаръ немного, тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Іоаннъ по этимъ вѣстямъ, отпустилъ только воеводъ, а самъ пріостановился; но 23 числа, когда онъ сидѣлъ за столомъ, пригналъ гонецъ изъ Тулы съ вѣстію, что самъ царь пришелъ и приступаетъ къ городу, съ нимъ нарядъ большой и янычары Турецкіе. Іоаннъ велѣлъ по-

скорѣе служить вечерню, потому что никогда не нарушалъ церковнаго правила, всѣмъ воеводамъ велѣлъ поскорѣе перевозиться черезъ Оку, и самъ спѣшилъ къ Каширѣ, гдѣ назначено было перевозиться; но тутъ прискакалъ новый гонецъ и объявилъ, что хана уже нѣтъ у Тулы; 22 іюня пришли Крымцы къ Тулѣ и приступали цѣлый день, били по городу изъ пушекъ огненными ядрами, и когда во многихъ мѣстахъ въ городѣ дворы загорѣлись, ханъ велѣлъ янычарамъ идти на приступъ, но воевода князь Григорій Темкинъ, несмотря на то, что съ нимъ было немного людей въ Тулѣ, отбилъ приступъ; на другой день утромъ ханъ велѣлъ уже готовиться къ новому приступу, какъ пришла вѣсть, что Русскій царь идетъ къ городу; Туляне съ городскихъ стѣнъ увидали столпы пыли, закричали: „Боже милостивый! помоги намъ! Царь православный идетъ!“ и бросились на Татаръ; вышли изъ города не только ратные люди и всѣ мужчины, но даже женщины и дѣти бросились за ними; Татаръ много было побито въ этой вылазкѣ, и между ними шуринъ ханскій. Ханъ побѣжалъ въ степь, и три часа спустя явились подъ городомъ воеводы, отправленные Іоанномъ: они погнались за Татарами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ [40], отполонили много своихъ плѣнниковъ, взяли телѣги и верблюдовъ ханскихъ. Татары, взятые въ плѣнъ, разсказывали: царь потому пошелъ на Русь, что въ Крыму сказали, будто великій князь со всѣми людьми у Казани. У Рязани перехватили мы станичниковъ, и тѣ сказали, что великій князь на Коломнѣ ждетъ царя и хочетъ съ нимъ прямое дѣло дѣлать, царь тогда же хотѣлъ возвратиться въ Крымъ, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыдъ, то есть у великаго князя городъ Тула на полѣ, а отъ Коломны далеко, за великими крѣпостями—за лѣсами. Царь ихъ совѣта послушалъ и пошелъ къ Тулѣ.

Іоаннъ, получивъ эти вѣсти, возвратился въ Коломну, куда 1-го іюня пришли къ нему воеводы съ Тульскаго дѣла; они говорили, что, по словамъ станичниковъ, ханъ идетъ чрезвычайно поспѣшно, верстъ по 60 по 70 на день, и лошадей бросаетъ много. Избавившись такъ счастливо отъ Крымцевъ, царь началъ думать съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и всѣми воеводами, какъ идти къ Казани, на какія мѣста? Приговорили идти двумя дорогами: самому государю идти на Владиміръ и Муромъ, воеводъ отпустить на Рязань и Мещеру, чтоб они могли заслонить царя

отъ внезапнаго нападенія Ногаевъ, а сходиться на полѣ за Алатыремъ. Но когда надобно было выступать въ походъ, боярскіе дѣти Новогородцы начали бить челомъ, что имъ нельзя больше оставаться при войскѣ: съ весны были они на службѣ въ Коломнѣ; иные за Татарами ходили и на бояхъ бывали, а теперь еще идти въ такой долгій путь и тамъ стоять многое время! Государю была немалая скорбь отъ этого челобитья, которое останавливало дѣло въ самомъ началѣ; наконецъ онъ придумалъ средство, оказавшееся очень дѣйствительнымъ: онъ велѣлъ переписать служилыхъ людей и повѣстить: кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ государь хочетъ жаловать и будетъ подъ Казанью кормить; а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ. Услыхавъ эту повѣстку, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: „Готовы идти съ государемъ: онъ нашъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, промыслитъ нами какъ ему Богъ извѣститъ“.

3 іюля Іоаннъ выѣхалъ изъ Коломны съ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ: во Владимірѣ получилъ онъ пріятную вѣсть изъ Свіяжска, что цынга тамъ прекратилась; въ Муромѣ получилъ другую радостную вѣсть, что воеводы князь Микулинскій и бояринъ Данила Романовичъ ходили на Горныхъ людей и разбили ихъ, вслѣдствіе чего Горные люди по Свіягу рѣку внизъ и по Волгѣ снова присягнули государю. 20 іюля царь выступилъ изъ Мурома, шелъ частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу; было много всякаго овощу; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто бы сами приходили на убой, въ рѣкахъ множество рыбы, въ лѣсу множество птицъ. Черемисы и Мордва, испуганные походомъ многочисленнаго войска, приходили къ царю, отдаваясь въ его волю, и приносили хлѣбъ, медъ, мясо; что дарили, что продавали, кромѣ того мосты на рѣкахъ дѣлали. На рѣкѣ Сурѣ встрѣтили государя посланцы отъ Свіяжскихъ воеводъ и Горныхъ людей и объявили, что ходили бояре князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и Данила Романовичъ на остальныхъ Горныхъ людей и теперь уже всѣ Горные люди добили челомъ и приложились къ Свіяжскому городу. Іоаннъ позвалъ на обѣдъ посланцевъ изъ горныхъ людей, объявилъ, что прощаетъ ихъ народу прежнюю измѣну, и приказалъ мостить мосты по рѣкамъ и чистить тѣсныя мѣста по дорогѣ. За Сурою соединился государь съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру, и 13 августа до-

стигъ Свіяжска, куда воеводы пришли какъ въ свой домъ изъ долгаго и труднаго пути: дичь, рыба и черемисскій хлѣбъ имъ очень наскучили, а въ Свіяжскѣ почти каждаго изъ нихъ ожидали домашніе запасы, привезенные на судахъ; кромѣ того множество купцовъ наѣхало сюда съ разными товарами, такъ что можно было все достать. Ставши подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь совѣтовался съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ царемъ Шигъ-Алеемъ, съ боярами и воеводами, какъ ему, государю, своимъ дѣломъ промышлять, и приговорилъ идти къ Казани не мѣшкая, а къ Казанцамъ послать грамоты, что если захотятъ безъ крови бить челомъ государю, то государь ихъ пожалуетъ. Шигъ-Алей долженъ былъ писать къ родственнику своему, новому Казанскому царю Едигеру, чтобъ выѣхалъ изъ города къ государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ; самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному муллѣ и всей землѣ Казанской, чтобъ били челомъ, и онъ ихъ проститъ. 16 августа войска начали уже перевозиться чрезъ Волгу и становиться на Казанской сторонѣ; 18 самъ царь переправился за Волгу, 20 за Казанку и здѣсь получилъ отвѣтъ отъ Едигера: въ немъ заключалось ругательство на христіанство, на Іоанна, на Шигъ-Алея, и вызовъ на брань. Іоаннъ велѣлъ вынимать изъ судовъ пушки и все устроивать, какъ идти къ городу; тутъ пріѣхалъ къ нему служить Камай-Мурза съ семью козаками и разсказывалъ, что ихъ поѣхало человѣкъ съ двѣсти служить государю, но Казанцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣхъ перехватали; про Казань разсказывалъ, что царь Едигеръ и вельможи бить челомъ государю не хотятъ, и всю землю на лихо наводятъ; запасовъ въ городѣ много; остальное войско, которое не въ городѣ, собрано подъ начальствомъ князя Япанчи въ Арской засѣкѣ, чтобъ не пропускать русскихъ людей на Арское поле.

Царь созвалъ совѣтъ, разсказалъ Камаевы рѣчи, и разсуждалъ, какъ идти къ городу? Приговорили: самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею за Булакомъ; на Арскомъ полѣ стать большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича; правой рукѣ съ козаками за Казанкою; сторожевому полку на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его. Приказано было, чтобъ во всей рати приготовили на 10 человѣкъ туру, да чтобъ всякій человѣкъ приготовилъ по бревну на тынъ; приказано было также настрого, чтобъ

безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго повелѣнія, никто не смѣлъ броситься къ городу. 23 августа полки заняли назначенныя имъ мѣста; какъ вышелъ царь на лугъ противъ города, то велѣлъ развернуть свое знамя: на знамени былъ Нерукотворенный образъ, а на верху крестъ, который былъ у великаго князя Димитрія на Дону; когда отслужили молебенъ, царь подозвалъ князя Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка, и говорилъ имъ: „Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ Казанцевъ; вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други свои; припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе; если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ, а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ! Если милосердый Богъ милость Свою намъ пошлетъ, подастъ помощь, то я радъ васъ пожаловать великимъ жалованьемъ; а кому случится до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать“. Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ: „Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно померечь съ безбожными этими Агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется“. Тогда Іоаннъ, взглянувъ на образъ Іисусовъ, сказалъ громкимъ голосомъ, чтобъ всѣ слышали: „Владыко! о Твоемъ имени движемся!“

150,000 войска со 150 пушками обложили Казань, защищенную только деревянными стѣнами; но за этими стѣнами скрывалось 30,000 отборнаго войска. 23 же числа начались сшибки съ осажденными; при этихъ сшибкахъ, обыкновенно удачныхъ для русскаго войска, особенно удивлялись небывалому порядку: бились

только тѣ, которымъ было приказано; изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться.

Въ самомъ началѣ осады твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе: страшная буря сломила шатры, и въ томъ числѣ царскій, на Волгѣ разбило много судовъ, много запасовъ погибло; войско уныло; но не унывалъ царь: онъ послалъ приказъ двинуть новые запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью; ѣздилъ днемъ и ночью кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно; ставили туры, снабжали ихъ пушками; гдѣ нельзя было ставить туръ, тамъ ставили тынъ, такъ что Казань со всѣхъ сторонъ была окружена русскими укрѣпленіями: ни въ городъ, ни изъ города не могла пройти вѣсть. Казанцы безпрестанно дѣлали вылазки, бились отчаянно съ защитниками туръ, бились схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы въ городъ. Отъ безпрерывной пальбы по городу гибло въ немъ много людей; стрѣльцы и козаки, закопавшись во рвахъ передъ турами, также не давали Казанцамъ входить на стѣны, снимали ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами. Но скоро вниманіе осаждающихъ было развлечено: изъ лѣса на Арское поле высыпалъ непріятель многочисленными толпами, напалъ на русскіе полки, и хотя былъ отраженъ съ урономъ, однако не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ осаждающихъ: плѣнники объявили, что это приходитъ князь Япанча изъ засѣки, о которой говорилъ прежде Камай-Мурза. Послѣ этого Япанча не давалъ покоя Русскимъ: явится на самой высокой городской башнѣ большое знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на Русскихъ изъ лѣсу, а Казанцы изо всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія. Войско истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ изъ города, отъ наѣздовъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищѣ: съѣстные припасы вздорожали; но и сухого хлѣба ратнику было некогда поѣсть досыта; кромѣ того почти всѣ ночи онъ долженъ былъ проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Для истребленія лѣсныхъ наѣздниковъ отправились 30 августа князья—Александръ Борисовичъ Горбатый и Петръ Семеновичъ Серебряный; войско Япанчи, конное и пѣшее, высыпало къ нимъ навстрѣчу изъ лѣсу и потерпѣло рѣшительное пораженіе; побѣдители преслѣдовали его на разстояніи 15 верстъ, потомъ собрались и очистили лѣсъ, въ кото-

ромъ скрывались бѣглецы; 340 человѣкъ плѣнныхъ было приведено къ Іоанну. Онъ послалъ одного изъ нихъ въ Казань съ грамотами, писалъ, чтобъ Казанцы били челомъ, и онъ ихъ пожалуетъ; если же не станутъ бить челомъ, то велитъ умертвить всѣхъ плѣнниковъ; Казанцы не дали отвѣта и плѣнники были умерщвлены передъ городомъ [41].

На другой день, 31 августа, царь призвалъ *размысла* (инженера) Нѣмца, искуснаго въ разореніи городовъ, и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань. Потомъ призвалъ Камай-Мурзу и Русскихъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ изъ Казани, и спросилъ, откуда Казанцы берутъ воду, потому что рѣку Казанку давно уже у нихъ отняли? Тѣ сказали, что есть тайникъ, ключъ въ берегу рѣки Казанки у Муралеевыхъ воротъ, а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ. Царь сперва приказалъ воеводамъ сторожевого полка, князю Василію Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайникъ; но воеводы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, а можно подкопаться подъ тайникъ отъ каменной Даировой бани, занятой уже давно русскими козаками; царь послалъ для этого Алексѣя Адашева и размысла, но послѣднему велѣлъ для подкапыванія тайника отрядить учениковъ, а самому надзирать за большимъ подкопомъ подъ городъ. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ, наконецъ подкопались подъ мостъ, куда ходятъ за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами вошелъ въ подкопъ, и услыхавъ надъ собою голоса людей ѣдущихъ съ водою, далъ знать государю; царь велѣлъ поставить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху, и 4 сентября тайникъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ Казанцами, шедшими за водой, поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество Казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты; русскіе воспользовались этимъ, ворвались въ городъ и много перебили и поплѣнили Татаръ. Только послѣ этого несчастія осажденными овладѣло уныніе; обнаружилось разногласіе: одни хотѣли бить челомъ государю; но другіе не соглашались, начали искать воды, нашли одинъ смрадный потокъ и довольствовались имъ до самаго взятія города, хотя отъ гнилой воды заболѣвали, пухли и умирали. 6 сентября съ большимъ кровопролитіемъ взятъ былъ острогъ, построенный Казанцами въ 15 верстахъ отъ города, на Арскомъ полѣ, на горѣ между болотами. Взявши острогъ, воеводы пошли къ Арскому городищу, воюя и пожигая

села; отъ Арскаго городища возвратились другою дорогою къ Казани, повоевали Арскую сторону всю, многихъ людей побили, женъ и дѣтей въ плѣнъ взяли, а христіанъ многихъ изъ плѣна освободили; воевали они на 150 верстъ поперекъ, а въ длину до самой Камы; выжгли села, множество скота пригнали къ Казани въ полки.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались: дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ царевыхъ воротъ башню въ шесть саженей вышиною; внесли на нее много наряду, пищали полуторныя и затинныя; стрѣльцы начали стрѣлять съ башни въ городъ и побивали много народу. Осажденныя укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ городскими воротами, подъ стѣнами и рыли норы подъ тарасами: у всякихъ воротъ за рвами были у нихъ большіе тарасы, насыпанные землею; выползая изъ норъ, какъ змѣи, бились они безпрестанно, день и ночь съ осаждающими, особенно жестоко бились они, не давая придвигать туръ ко рву. Несмотря на то, князь Михайла Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву, противъ Арской башни и царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и русскими турами оставался одинъ ровъ, въ три сажени шириною и въ семь глубиною. Придвинувъ туры ко рву, осаждающіе разошлись обѣдать, оставивъ немногихъ людей подлѣ укрѣпленій; увидавши эту оплошность, Казанцы вылѣзли изо всѣхъ норъ, изъ-за тарасовъ и внезапно напали на туры; защитники ихъ дрогнули и побѣжали; но воеводы успѣли выстроить полки и ударили на Казанцевъ, которые были сбиты во рвы; русскіе били ихъ и тутъ, но они норами убѣгали въ городъ. Дѣло было кровопролитное, и хотя туры были спасены, но это спасеніе дорого стоило осаждающимъ, потерявшимъ много убитыми и ранеными: самъ князь Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и спасся только благодаря крѣпости своего доспѣха. Въ то время какъ ожесточенный бой кипѣлъ противъ Арской башни, Ногаи и Казанцы сдѣлали вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передового полка и ертоула; здѣсь воеводы были готовы, подпустили непріятеля къ турамъ, ударили на него со всѣхъ сторонъ и поразили безо всякаго для себя урона.

Видя, что русскій огонь не причиняетъ большаго вреда осажденнымъ, скрывающимся за тарасами, царь велѣлъ подкопать эти тарасы, и какъ взорветъ ихъ, придвинуть туры къ самымъ воротамъ, Арскимъ и царевымъ. 30 сентября тарасы взлетѣли на воз-

духъ съ людьми; бревна побили множество народа въ городѣ, остальные обезпамятѣли отъ ужаса и долго оставались въ бездѣйствіи; стрѣлы перестали летать изъ Казани. Пользуясь этимъ временемъ, воеводы утвердили туры подлѣ воротъ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ. Наконецъ Казанцы опомнились, выскочили изо всѣхъ воротъ и съ ожесточеніемъ напали на русскихъ. Въ это время Іоаннъ самъ показался у города; увидавъ его, русскіе съ новымъ рвеніемъ ударили на непріятеля, схватились съ нимъ въ воротахъ, на мостахъ, у стѣнъ, бились копьями и саблями, схватывались за руки; дымъ отъ пушечной и пищальной пальбы покрылъ городъ и сражающихся; наконецъ осаждающіе одолѣли, взобрались на стѣны, заняли Арскую башню, втѣснились въ самый городъ; князь Михайла Воротынскій послалъ сказать Іоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общій приступъ; но остальные полки не были приготовлены къ этому дню, и, по царскому приказанію, воиновъ вывели насильно изъ города. Стѣны, ворота и мосты были зажжены, въ Арской башнѣ утвердились русскіе люди; мосты и стѣна горѣли цѣлую ночь, изъ стѣны сыпалась земля; русскіе воеводы велѣли своимъ ратникамъ на занятыхъ мѣстахъ заставиться крѣпкими щитами, а туры засыпать землею; Татары также работали: ставили срубы противъ пробитыхъ мѣстъ и насыпали землею.

На другой день, 1-го октября, царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно; били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ былъ назначенъ на другой день, въ Воскресенье, 2 октября; во всѣхъ полкахъ велѣно было ратнымъ людямъ исповѣдываться и пріобщаться. Но прежде рѣшительнаго приступа царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ; къ городу былъ отправленъ Камай-Мурза съ предложеніемъ, чтобы Казанцы били челомъ государю; если отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Казанцы отвѣчали единогласно: „Не бьемъ челомъ! на стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся". Тогда царь велѣлъ готовиться къ приступу; по дорогамъ велѣлъ разставить также полки, чтобъ не пропускать Казанцевъ, если вздумаютъ бѣжать изъ города.

Въ ночь съ перваго числа на второе, съ Субботы на Воскресенье, Іоаннъ, проведши нѣсколько времени наединѣ съ духовникомъ, началъ вооружаться; князь Михайла Воротынскій прислалъ сказать ему, что размыслъ подставилъ уже порохъ подъ городскія стѣны, что Казанцы замѣтили его, и потому нельзя мѣшкать. Царь послалъ повѣстить во всѣ полки, чтобъ готовились немедленно къ дѣлу, а самъ пошелъ въ церковь, гдѣ велѣлъ поскорѣе совершать правило; на разсвѣтѣ, отпустивъ свой полкъ къ городу и велѣвъ ему дожидаться себя въ назначенномъ мѣстѣ, пошелъ къ обѣднѣ; здѣсь, когда дьяконъ оканчивалъ Евангеліе словами: *„и будетъ едино стадо и единъ пастырь“*, раздался сильный громъ, земля дрогнула: царь выступилъ изъ церковныхъ дверей и увидалъ, что городская стѣна взорвана, бревна и люди летятъ на высоту; вскорѣ послѣ этого, когда дьяконъ читалъ на ектеніи молитву о царѣ и вымолвилъ слова: *„покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“*, послѣдовалъ второй взрывъ сильнѣе прежняго, множество Казанцевъ виднѣлось на воздухѣ, одни перерванные пополамъ, другіе съ оторванными руками и ногами. Тогда Русское войско, воскликнувъ: „Съ нами Богъ!“ пошло на приступъ; Казанцы встрѣтили его крикомъ: „Магометъ! всѣ помремъ за юртъ!“ Въ воротахъ и на стѣнахъ началась страшная сѣча [42]. Одинъ изъ ближнихъ людей вошелъ въ церковь и сказалъ царю: „Государь! время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Если до конца отслушаемъ службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ“. Пріѣхалъ второй вѣстникъ и сказалъ: „Непремѣнно нужно ѣхать царю, надобно подкрѣпить войско“. Іоаннъ вздохнулъ глубоко, слезы полились изъ глазъ, онъ началъ молиться: „Не остави мене, Господи Боже мой! не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!“ Обѣдня уже оканчивалась, Іоаннъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, съѣлъ кусокъ просфоры, артоса, принялъ благословеніе духовника, сказалъ духовенству: „Простите меня и благословите пострадать за православіе, помогайте намъ молитвою!“ вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу, знамена Русскія развѣвались уже на стѣнахъ; присутствіе царя придало ратникамъ новыя силы; князь Воротынскій прислалъ сказать, что Русскіе люди уже въ городѣ, чтобъ царь помогъ имъ своимъ полкомъ; Іоаннъ велѣлъ

своему полку спѣшиться и идти на помощь, потому что на лошадяхъ въ городскія улицы въѣхать было нельзя по причинѣ страшной тѣсноты. Татары оказывали отчаянное сопротивленіе; нѣсколько часовъ Русскіе не могли сдѣлать ни шага впередъ; наконецъ имъ удалось взобраться на крыши домовъ и оттуда бить непріятеля. Но въ эту рѣшительную минуту многіе ратники, прельстившись добычею, перестали биться и бросились на грабежъ; Казанцы начали одолѣвать остальныхъ. Воеводы дали знать объ этомъ царю: тотъ послалъ новую помощь, которая и успѣла поправить дѣло. Русскіе пробились къ мечети, и здѣсь загорѣлась самая жаркая битва, въ которой погибъ главный Мулла. Съ другой стороны царь Едигеръ затворился въ своемъ дворѣ и крѣпко оборонялся; наконецъ, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ринулся въ нижнюю часть города къ воротамъ: спереди не давалъ ему проходу небольшой Русской отрядъ, бывшій подъ начальствомъ князя Курбскаго, а сзади напирало главное войско. По трупамъ своихъ, лежавшимъ наравнѣ съ стѣною, Татары взобрались на башню и закричали, что хотятъ вступить въ переговоры; Русскіе перестали биться и Татары начали говорить: „Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ: теперь мы отдаемъ вамъ царя живого и здорового; ведите его къ своему царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу". Выдавши царя вмѣстѣ съ тремя приближенными къ нему вельможами, Татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки, хотѣли пробиться прямо къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ русскихъ пушекъ поворотили налѣво внизъ, бросили доспѣхи, разулись и перебрели рѣку, въ числѣ 6000; двое князей Курбскихъ, Андрей и Романъ, обскакали непріятеля, врѣзались въ его ряды и были смяты; но троимъ другимъ воеводамъ—князьямъ Микулинскому и Глинскому и Шереметеву удалось нанести Казанцамъ окончательное пораженіе; только немногіе успѣли убѣжать въ лѣсъ и то раненые. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, потому что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, а брать въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Узнавши, что Казань въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственными руками вмѣстѣ съ духовникомъ водрузилъ крестъ, и велѣлъ поставить цер-

ковь во имя Нерукотвореннаго образа на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя во время взятія города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя, князь Владиміръ говорилъ: „Радуйся царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ! Ты по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ Агарянъ; тобою теперь бѣдные христіане освобождаются навѣки и нечестивое мѣсто освящается благодатію. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои и далъ бы тебѣ сыновей наслѣдниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ". Царь отвѣчалъ: „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою; буди воля Господня!" Пріѣхалъ и Шигъ-Алей съ поздравленіемъ; татарскому царю, поздравляющему съ разрушеніемъ Татарскаго царства, Іоаннъ счелъ приличнымъ отвѣчать оправданіемъ этого разрушенія: „Царь господинъ!" сказалъ онъ: „тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою; тебѣ упорство ихъ вѣдомо, какимъ злымъ ухищреніемъ много лѣтъ лгали; теперь милосердый Богъ праведный судъ свой показалъ, отомстилъ имъ за кровь христіанскую". Іоаннъ велѣлъ очистить отъ мертвыхъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ цареву двору и въѣхалъ въ городъ: впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Царь былъ встрѣченъ русскими плѣнниками, освобожденными отъ неволи; увидавши государя, они пали на землю со слезами и кричали: „Избавитель нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ; для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!" Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою по домамъ. Въѣхавши въ городъ, Іоаннъ велѣлъ воеводамъ гасить пожаръ; всѣ сокровища, взятыя въ Казани, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, онъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только царя Едигера, знамена царскія и пушки городскія. Побывъ нѣсколько времени на царевомъ дворѣ, возвратился назадъ въ станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь св. Сергія принести благодарную молитву чудотворцу, потомъ отправился къ столу, утѣшивъ все войско благодарными словами и обѣщаніемъ жаловать.

Казань была взята; но надобно было распорядиться насчетъ дикаго, воинственнаго народонаселенія, жившаго въ ея области: Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ чернымъ ясачнымъ людямъ жалованныя грамоты, писалъ, чтобъ шли къ нему безъ страха, онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какъ и прежнимъ Казанскимъ царямъ; Арскіе люди и Луговая Черемиса прислали съ челобитьемъ. 4 октября вся Казань была очищена отъ труповъ; царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы; отслужили молебенъ, освятили воду и съ крестами ходили по городскимъ стѣнамъ. На третій день, 6-го октября заложенная церковь Благовѣщенія уже была готова и освящена. Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстникомъ въ Казань: большого бояр͏ина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василія Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. 11-го октября Іоаннъ выступилъ въ обратный путь: самъ государь поѣхалъ Волгою въ судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Василь-Сурскъ съ княземъ Воротынскимъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ царь встрѣтилъ посланныхъ съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ князя Юрія Васильевича и отъ митрополита; тутъ онъ вышелъ изъ судовъ и поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владиміръ. Здѣсь ждала его новая радость; прискакалъ бояринъ Траханіотъ съ вѣстью о рожденіи перваго сына, Димитрія. Изъ Владиміра чрезъ Суздаль и Юрьевъ царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игуменъ и братія встрѣтили его съ крестами; въ селѣ Тайнинскомъ онъ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ, подъ Москвою кликами безчисленнаго множества народа: „Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому!“ У Срѣтенскаго монастыря встрѣченъ былъ митрополитомъ съ крестами; благословившись у митрополита, Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, которая оканчивалась такъ: „А тебѣ отцу своему и богомольцу и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ“. Тутъ царь, князь Владиміръ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: „И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, пот-

щились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ милость намъ Свою послалъ и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; поставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопреосвященный градъ Казанскій, по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое, и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ Нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя святыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь". Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ милость Божію и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ; по окончаніи рѣчи, митрополитъ и все духовенство пали также на землю предъ царемъ, благодаря его за труды. Здѣсь у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ переодѣлся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую: на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча барты, на грудь крестъ и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ. 8, 9, 10 ноября были столы у царя для знатнаго ду- духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго; кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48,000 рублей [43].

Награды соотвѣтствовали подвигу; соотвѣтствовали понятію, которое современники имѣли о немъ. Въ концѣ XIV вѣка Русскіе одержали впервые побѣду надъ Татарами, пришедшими напомнить имъ времена Батыя; Русскіе рѣшились защищаться отъ Татаръ, отражать ихъ нападенія, но долго еще не рѣшались вести съ ними войны наступательной; Іоанну III-му, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ Казани, удалось утвердить здѣсь свое вліяніе, посадить хана изъ своей руки; но этотъ ханъ, подъ конецъ жизни Іоанновой, свергнулъ съ себя зависимость отъ Москвы; въ княженіе Василія Іоанновича мы видѣли рядъ походовъ на Казань для возстановленія прежнихъ отношеній; въ малолѣтство же Іоанна IV-го Казань не только свергнула съ себя зависимость отъ Москвы, но даже приняла наступательный образъ дѣйствія, и сосѣднія области терпѣли

сильныя опустошенія. И вотъ, благодаря великодушнымъ усиліямъ молодого государя, Казань взята, присоединена окончательно къ Московскому государству, *завоевано Татарское царство*. Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: завоевано Татарское царство! Только нѣсколько лѣтъ назадъ молодой великій князь рѣшился принять этотъ страшный титулъ царя, означавшій до сихъ поръ преимущество татарскихъ хановъ, верховныхъ повелителей, передъ которыми преклонялись наши князья; вспомнимъ, что Іоаннъ III-й, требовавшій равенства съ императоромъ Германскимъ и султаномъ, не думалъ о равенствѣ съ царемъ Крымскимъ и билъ ему челомъ. И вотъ царство Татарское завоевано, и завоевано съ необыкновенными усиліями, которыя соотвѣтствовали усиліямъ сѣверо-восточной Руси для отраженія Мамая въ 1380 году; но слѣдствія усилій были совершенно различны; слѣдствіемъ усилій Донскаго было только отраженіе страшнаго царя; слѣдствіемъ усилій Іоанна IV было завоеваніе царства. Въ туманѣ самой отдаленной древности представлялись первые князья Русскіе, эти герои, завоевывавшіе чуждыя страны; давно миновались эти счастливыя времена и замѣнились временами усобицъ и нападеній поганыхъ, несшихъ розно Русскую землю. Недавно Русская земля начала опять собираться, но о пріобрѣтеніяхъ чуждыхъ земель не думали, ибо на присоединеніе областей Литовскихъ смотрѣли какъ на возвращеніе своего. Завоеваніе Казанскаго царства было, слѣдовательно, первымъ завоеваніемъ, и что всего важнѣе, завоеваніемъ Татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей завоевателей: понятно отсюда, почему Іоаннъ IV-й сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго; но имѣемъ право сказать, что, относительно всей массы русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV-го, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги Сѣверной войны, Полтавская по-

бѣда не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ Татарскаго царства. Притомъ завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолюбія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, напримѣръ, было стремленіе къ завоеванію прибалтійскихъ областей, завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка; подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ впечатлѣніе усиливалось еще разсказами о необыкновенныхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы подъ города, походъ Новгородскій, даже Смоленскій не могли идти въ сравненіе съ этимъ послѣднимъ походомъ Казанскимъ.

Въ исторіи восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе азіатскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая Орда рушилась, но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться; явились три царства Татарскихъ, изъ нихъ Астраханское, образовавшееся въ устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ восточной Европы; Крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ: но широкая степь отдаляла Московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства Казанскаго, основаннаго на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая сѣверо-восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи—внизъ по Волгѣ. Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей: издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ—Болгары; издавна, когда еще Русскій Славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, Болгаринъ слушалъ уже Коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ

бусурманствомъ. Это столкновеніе было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ; первые князья новой, сѣверо-восточной Руси—Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II, ведутъ войны съ Болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ-Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магометантство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ Татаръ, и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ татарскаго владычества это движеніе снова начинается: но тутъ Азія, Татары собираютъ послѣднія силы и утверждаются въ опасномъ мѣстѣ, основывается Казань. До тѣхъ поръ пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ Татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманіе историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя Московскаго. Пала Казань и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства; завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Мы видѣли, что до сихъ поръ колонизація Русская брала сѣверо-восточное направленіе; юго-восточная часть великой равнины не была ей доступна по причинѣ господства здѣсь кочевыхъ ордъ; но съ паденіемъ Казани, т.-е. со взятіемъ всей Волги во владѣніе Московскимъ государствомъ, русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона.

Около Казани сосредоточивались и укрѣпляли ее разные дикіе народы, жившіе въ привольныхъ для первобытнаго человѣка мѣстахъ по обѣимъ сторонамъ Волги, западной и восточной, горной и луговой: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры. Мы видѣли, какъ народонаселеніе горной стороны, Горные люди, послѣ разныхъ колебаній, должны были подчиниться Москвѣ вслѣдствіе основанія Свіяжска; мы видѣли также, что первымъ дѣломъ Іоанна по взятіи Казани была посылка къ этимъ народ-

цамъ съ приглашеніемъ вступить въ подданство Московское, войти къ Москвѣ въ тѣ же отношенія, въ какихъ находились они къ Казани. Они согласились, и дѣло казалось конченнымъ. Курбскій пишетъ, что въ думѣ, созванной для разсужденія объ устройствѣ новозавоеванной земли, нѣкоторые бояре совѣтовали царю остаться въ Казани до весны со всѣмъ войскомъ для окончательнаго искоренения бусурманскаго воинства, потому что кромѣ Татаръ въ землѣ Казанской обитали еще пять различныхъ народовъ; но царь не принялъ этого совѣта, а принялъ совѣтъ шурьевъ своихъ и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, также священниковъ и рѣшился возвратиться въ Москву. Мы не знаемъ, что именно представляли ему тѣ и другіе совѣтники въ пользу своихъ мнѣній; вѣроятно люди, совѣтовавшіе возвратиться, представляли, что странно держать цѣлое войско подъ Казанью изъ одного только опасенія возстаній Луговыхъ или Горныхъ людей, что войска, оставленнаго съ Казанскими намѣстниками, достаточно для защиты города, и что въ случаѣ опасности можно двинуть другіе полки; что неблагоразумно обнаруживать враждебныя намѣренія и такимъ образомъ вооружить противъ себя людей, присылающихъ съ челобитьемъ, готовыхъ платить ясакъ; но главное—мы не должны забывать состава и характера тогдашняго русскаго войска, не должны забывать, что служилые люди еще въ Коломнѣ отказывались отъ дальнѣйшаго похода, объявляя себя утомленными. Курбскій же пишетъ, что оставшіеся князья Казанскіе, какіе—неизвѣстно, соединившись съ Черемисами и другими народцами, подняли войну противъ Русскихъ. Лѣтописецъ складываетъ вину на бояръ, которымъ царь поручилъ промышлять казанскимъ дѣломъ: по его словамъ, они заботились только о кормленіяхъ, а казанское строеніе поотложили [44]. Какъ бы то ни было, не прошло еще двухъ мѣсяцевъ по возвращеніи царя въ Москву, какъ 20 декабря воеводы Васильсурскіе прислали вѣсть, что Луговые и Горные люди побили на Волгѣ гонцовъ, купцовъ и боярскихъ людей, возвращавшихся съ запасами изъ-подъ Казани. Царь послалъ приказаніе Свіяжскому намѣстнику, князю Петру Шуйскому, разыскать между Горными людьми, кто изъ нихъ разбойничалъ? Шуйскій отправилъ для розыску воеводу Бориса Солтыкова; тотъ перехваталъ разбойниковъ, числомъ 74 человѣка; однихъ повѣсили на мѣстѣ, другихъ у Свіяжска, имѣ-

ніе ихъ отдали истцамъ. Казанскій намѣстникъ, князь Горбатый, доносилъ, что онъ также перевѣшалъ 38 человѣкъ Казанцевъ и Вотяковъ, замышлявшихъ было дурное дѣло, что ясакъ собирается успѣшно. Въ концѣ 1552 и въ два первые мѣсяца 1553 года на счетъ Казани слѣдовательно могли быть спокойны въ Москвѣ; но 10 марта пришла дурная вѣсть: князь Горбатый писалъ, что Луговые люди измѣнили, ясаковъ не дали, сборщиковъ ясака убили, прошли на Арское поле, стали всѣ заодно и утвердились на высокой горѣ у засѣки; воеводы послали на нихъ козаковъ и стрѣльцовъ; тѣ разошлись по разнымъ дорогамъ и побиты были на-голову; стрѣльцы потеряли 350, а козаки 450 человѣкъ, послѣ чего мятежники поставили себѣ городъ на рѣкѣ Мешѣ, въ 70 верстахъ отъ Казани, землею стѣну насыпали и положили тутъ отсиживаться отъ Русскихъ. Чрезъ двѣ недѣли пришла другая вѣсть изъ Свіяжска, еще хуже: мятежники, Черемисы и Вотяки, пришли войною на горную сторону: князь Шуйскій отпустилъ противъ нихъ извѣстнаго уже намъ Бориса Солтыкова съ дѣтьми боярскими и Горными людьми; но Солтыковъ потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ; кромѣ него Русскіе потеряли 250 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными. По этимъ вѣстямъ, изъ Москвы отправился съ дѣтьми боярскими въ Вятку Данила Ѳедоровичъ Адашевъ, родной братъ Алексѣя; ему велѣно было искать измѣнниковъ по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ; сверху по Волгѣ шли на помощь Адашеву козаки. Адашевъ все лѣто ходилъ по тремъ рѣкамъ—Камѣ, Вяткѣ и Волгѣ, па перевозахъ, во многихъ мѣстахъ билъ Казанцевъ и Ногаевъ, и переслалъ въ Казань 240 человѣкъ плѣнныхъ. Въ сентябрѣ отправились изъ Москвы воеводы: князь Семенъ Микулинскій, Петръ Морозовъ, Иванъ Шереметевъ и князь Андрей Курбскій; зимою 1554 года начали они военныя дѣйствія, сожгли городъ на Мешѣ, который построили мятежники, били ихъ при всякой встрѣчѣ, воевали четыре недѣли, страшно опустошили всю страну, вверхъ по Камѣ ходили на 250 верстъ, взяли въ плѣнъ 6000 мущинъ, 15,000 женщинъ и дѣтей, слѣдствіемъ чего было то, что Арскіе и Побережные (при-Камскіе?) люди дали клятву быть неотступными отъ Казани и давать дань Государю. Но лѣтомъ взволновались Луговые люди; воеводы попробовали послать противъ нихъ двухъ казанскихъ князей съ Арскими, Побережными и Горными людьми, чтобъ испытать вѣрность послѣднихъ: опытъ

не удался; Казанцы не пошли на измѣнниковъ, соединились съ ними, побили тѣхъ Арскихъ и Горныхъ людей, которые оставались вѣрны, на Камѣ побили рыбаковъ, и начали приходить къ самой Казани на сѣнокосъ. Противъ нихъ отправился князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій: въ двѣ недѣли были опустошены 22 волости, мятежники, напавшіе на сторожевой полкъ, были разбиты на-голову. Толпы Луговыхъ явились на Арской сторонѣ; но Арскіе люди подѣлали остроги и отбились отъ нихъ съ помощію московскихъ стрѣльцовъ, которые стрѣльбою изъ пищалей наносили много вреда нападавшимъ; также остались вѣрны и Горные люди: они внезапно напали на Луговую сторону и повоевали ее; двое князей казанскихъ, отправленные воеводами вмѣстѣ съ стрѣльцами и новокрещеными народами, поразили войско мятежниковъ и привели въ Казань плѣнными многихъ князей и мурзъ, которые были всѣ казнены. Арскіе люди и Побережные продолжали отличаться вѣрностію: побили въ одну эту осень 1560 мятежниковъ всякихъ званій. Государь послалъ воеводамъ и вѣрнымъ Татарамъ жалованье—золотые. Но если Арскіе и Побережные люди всѣ были вѣрны и заплатили ясакъ исправно, то Луговые сотники—Мамичь-Бердей съ товарищами не пошли въ Казань и попрежнему разбойничали по Волгѣ, разбивая суда. Противъ нихъ отправились князь Иванъ Мстиславскій и бояринъ Данила Романовичъ. Въ чемъ состояли ихъ дѣйствія, мы не знаемъ; только весною 1556 года князь Петръ Ивановичъ Шуйскій далъ знать изъ Казани, что Арскіе люди и Побережные опять измѣнили, стоявшихъ у нихъ стрѣльцовъ побили и ссылаются съ главнымъ мятежникомъ—Мамичь-Бердеемъ, который взялъ уже себѣ царевича отъ Ногаевъ. Къ счастію Горные люди оставались попрежнему вѣрными и оказали важную услугу Москвѣ, освободивъ ее отъ Мамичь-Бердея: съ 2000 человѣкъ подступилъ онъ къ ихъ острогу, опустошивъ окрестныя мѣста: Горные люди завели съ нимъ переговоры, обѣщались дѣйствовать заодно противъ царскаго войска, и въ знакъ союза, позвали его къ себѣ на пиръ; Мамичь-Бердей пришелъ къ нимъ съ двумя стами своихъ: но эта стража была перебита на пиру, Мамичь-Бердей схваченъ живой и отвезенъ въ Москву. Государь пожаловалъ за это Горныхъ людей великимъ своимъ жалованьемъ и сбавилъ имъ ясака. Мамичь-Бердей объявилъ въ Москвѣ, что онъ уже убилъ призваннаго имъ

царя изъ Ногаевъ, потому что отъ него не было никакой пользы. Черемисы взоткнули голову убитаго на высокій колъ и приговаривали: „Мы было взяли тебя на царство для того, чтобъ ты съ своимъ дворомъ оборонялъ насъ: а вмѣсто того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только воловъ и коровъ нашихъ поѣли; такъ пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колѣ“.

Мятежники, лишившись Ногайской помощи, потерявъ Мамичь-Бердея, должны были выдержать нападенія боярина Петра Морозова: послѣдній весною 1556 года съ дѣтьми боярскими, козаками, стрѣльцами, новокрещеными инородцами выступилъ къ Чалымскому городку и сжегъ его, повоевавши и побивши многихъ людей, которые встрѣтили его на рѣкѣ Мешѣ и потерпѣли совершенное пораженіе: послѣ этого Морозовъ воевалъ десять дней, опустошилъ всѣ Арскія мѣста, побилъ многихъ людей, плѣнныхъ вывелъ безчисленное множество. Это было въ маѣ; въ іюнѣ Морозовъ вмѣстѣ съ воеводою Ѳедоромъ Солтыковымъ выступилъ въ новый походъ, за 50 верстъ только не дошелъ до Вятки: ратники его брали въ плѣнъ однихъ женщинъ и дѣтей, мущинъ всѣхъ побивали. Кромѣ того князь Петръ Шуйскій изъ Казани отпускалъ еще другіе отряды, вслѣдствіе чего Арская и Побережная сторона опустошены были въ конецъ; спасшіеся отъ меча и плѣна пришли въ Казань и добили челомъ. Весною слѣдующаго года князь Петръ Шуйскій велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ людямъ поставить на Камѣ городъ Лаишевъ, который долженъ былъ служить обороною противъ Ногаевъ; въ городѣ посажены были новокрещены и стрѣльцы, у которыхъ головами были дѣти боярскіе; новокрещенамъ воевода велѣлъ тутъ пашню пахать; также у Казани, по пустымъ селамъ велѣлъ всѣмъ пахать пашни, и русскимъ людямъ и новокрещенамъ. Но въ то же самое время Луговые люди продолжали волноваться: подъ начальствомъ богатыря Ахметека они напали на Горную сторону, но были поражены княземъ Ковровымъ, и Ахметекъ попался въ плѣнъ; другіе толпы Луговыхъ, приходившія на Арскія мѣста, были также побиты; а между тѣмъ изъ Казани, Свіяжска и Чебоксаръ ежедневно выходили русскіе отряды опустошать Луговую сторону. Наконецъ въ маѣ государь получилъ извѣстіе, что Луговые прислали бить челомъ о своихъ винахъ: Іоаннъ послалъ въ Казань и на Свіягу стряпчаго Ярцова

приводить Луговыхъ къ присягѣ. Ярцевъ возвратился съ извѣстіемъ, что вся Казанская земля успокоилась [45].

Такимъ образомъ послѣ взятія Казани нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобы усмирить всѣ народы, отъ нея прежде зависѣвшіе. Въ борьбѣ этихъ народовъ противъ Москвы, такъ же какъ и въ послѣдней борьбѣ самой Казани, принимаютъ дѣятельное участіе Ногаи, съ которыми до тѣхъ поръ не было у Москвы явно враждебныхъ столкновеній. Послы и купцы Ногайскіе часто пріѣзжали въ Москву, приводя съ собою на продажу большіе табуны лошадей; станы этихъ кочевниковъ раскидывались подъ Симоновымъ на берегу и въ другихъ подгородныхъ мѣстахъ. Купцы Ногайскіе при удобномъ случаѣ не могли удержаться отъ хищныхъ привычекъ, изъ людей торговыхъ становились разбойниками: такъ Московское правительство жаловалось князьямъ Ногайскимъ, что гости ихъ, идя по русскимъ украйнамъ, много вреда надѣлали, деревни грабили, жгли, людей головами брали и въ плѣнъ вели. Надобно было поддерживать дружескія сношенія съ Ногайскими князьями, посылать имъ подарки, чтобы они не мѣшались въ дѣла Казанскія, не соединялись съ Крымомъ. Намъ не нужно слѣдить въ подробности за сношеніями Московскаго правительства съ Ногайскими князьями, по однообразію этихъ сношеній: потомки Едигея обыкновенно такъ писали къ *бѣлому* князю Московскому: „Ты бы прислалъ намъ тѣ деньги, которыя обѣщалъ; доведешь намъ свою правду—и мы Казани не пособляемъ, а отъ Крыма бережемъ, потому что Крымскій ханъ намъ недругъ. Деньги пришли, а не пришлешь—то правда на твоей шеѣ. Большаго моего посла ты сухо отпустилъ, а меньшому послу мало поминковъ далъ: а еслибы ты намъ другъ былъ, то ты такъ ли бы дѣлалъ? Ты всякій годъ намъ лжешь. Если назовешь насъ себѣ друзьями, то пришли тѣ куны, которые посулилъ. А Казанскій царь ежедневно присылаетъ насъ звать, чтобъ мы съ нимъ Москву воевали“. Іоаннъ приказывалъ отвѣчать на это: „Въ грамотѣ къ намъ писалъ ты многія непригожія слова, и за такими словами непригоже въ дружбѣ быть. Если же впередъ станешь къ намъ дружбу свою дѣлать, то пришлешь къ намъ большаго посла, а мы съ нимъ пошлемъ къ тебѣ своего боярина, и что у насъ случится, то мы къ тебѣ пошлемъ“. Хотя за непригожія слова и не слѣдовало быть въ дружбѣ, однако враж-

да была опасна, и обѣщались подарки, если придетъ большой посолъ. За подарки Ногаи готовы были писать Іоанну: „Я твой козакъ и твоихъ воротъ человѣкъ; братству моему знамя то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною идти, то я, если смогу ихъ унять, уйму; если же не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю". Но мы видѣли, какое важное значеніе имѣла Казань для всей средней Азіи и для всего магометанскаго міра, который теперь, благодаря турецкому оружію, былъ не менѣе могуществепъ, какъ и во времена первыхъ калифовъ. Еще при отцѣ Іоанновомъ Крымскій ханъ обратилъ вниманіе султана на униженіе, какому подвергается магометанскій міръ, оставляя Казань въ зависимости отъ христіанскихъ государей Москвы; еще при отцѣ Іоанновомъ посолъ турецкій объявлялъ въ Москвѣ, что Казань есть юртъ султановъ; въ малолѣтство Іоанново Крымскій ханъ необходимымъ условіемъ міра поставлялъ то, чтобъ Москва отказалась отъ притязаній своихъ на Казань. Когда Іоаннъ, возмужавъ, показалъ ясно, что нисколько не думаетъ отказаться отъ этихъ притязаній, въ Бакчисараѣ и Стамбулѣ не могли оставаться равнодушными: Крымскому хану, по причинѣ отдаленія и неудобства сообщеній, нельзя было непосредственно помогать Казани, защищать ее отъ русскихъ; онъ могъ только нападеніемъ на Московскія украйны отвлекать царя отъ Казани, что онъ и попытался сдѣлать; поэтому султанъ писалъ къ Ногайскимъ князьямъ, чтобъ они, заключивъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, защищали Казань. По донесеніямъ нашихъ пословъ, султанъ такъ писалъ къ ногайскимъ князьямъ: „Въ нашихъ басурманскихъ книгахъ пишется, что Русскаго царя Ивана лѣта пришли; рука его надъ басурманами высока: Уже и мнѣ отъ него обиды великія; поле все и рѣки у меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю; козаки его съ Азова оброкъ берутъ; воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому царю также обиду дѣлаютъ великую: Перекопъ воевали. Русскіе же козаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ: какъ вы за это стоять не умѣете? Казань теперь какъ воюютъ! а въ Казани вѣдь наша же вѣра бусурманская. И мы всѣ бусурманы сговорились: станемъ отъ Русскаго царя борониться заодно" [46]. Ногаи исполнили султанову волю, посадили въ Казани царемъ Астраханскаго царевича Едигера; защищали ее сколько могли, боролись съ Рус-

скими и послѣ ея паденія. Но главною причиною слабости ихъ при этой борьбѣ, главною причиною успѣха Русскихъ въ Казани съ самаго начала, потомъ въ Астрахани, и между самими Ногаями, была постоянная усобица владѣтелей; усилится одинъ изъ нихъ и обнаружитъ враждебное расположеніе къ Москвѣ—Москва могла быть увѣрена, что найдетъ себѣ союзниковъ и даже подданныхъ въ другихъ князьяхъ, враждебныхъ ему родичахъ. Въ то время, какъ одинъ Астраханскій царевичъ Едигеръ бился съ Русскими на смерть въ Казани, родственникъ его, также Астраханскій царевичъ Шигъ-Алей, находился въ Русскомъ станѣ, другой царевичъ, Кайбула, владѣлъ Юрьевымъ, изгнанный изъ Астрахани царь Дербышъ-Алей, жилъ въ Звенигородѣ. Незадолго передъ тѣмъ преемникъ Дербыша, Астраханскій царь Ямгурчей, присылалъ въ Москву бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ ему себѣ служить и съ юртомъ; когда же, вслѣдствіе похода Іоаннова на Казань, началось между магометанами движеніе для ея защиты, то Ямгурчею трудно было держаться въ Астрахани въ качествѣ союзника Московскаго, и онъ обнаружилъ свою вражду къ Іоанну тѣмъ, что ограбилъ его посла. Одинъ ногайскій князь, Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, не ладилъ съ Москвою и благопріятно слушалъ предложенія султана, ограбилъ въ 1551 году московскаго посла, много дѣлалъ ему докукъ и безчестья, много словъ говорилъ жестокихъ и хвастливыхъ; но другой князь, Измаилъ постоянно держался Москвы и говорилъ Юсуфу: „Твои люди ходятъ торговать въ Бухару, а мои ходятъ къ Москвѣ; и только мнѣ завоеваться съ Москвою, то и самому мнѣ ходить нагому, да и мертвымъ не на что будетъ савоновъ шить“. Этотъ Измаилъ еще до взятія Казани предлагалъ царю овладѣть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его мѣсто посадить Дербыша; послѣ взятія Казани предложеніе возобновилось. Въ октябрѣ 1553 года пришли къ Іоанну послы отъ Ногаевъ, отъ мурзы Измаила и другихъ мурзъ съ челобитьемъ, чтобъ царь и великій князь пожаловалъ ихъ, оборонилъ отъ Астраханскаго царя Ямгурчея, послалъ бы рать свою на него и посадилъ бы въ Астрахани на его мѣсто царя Дербыша, а Измаилъ и другіе мурзы будутъ исполнять государеву волю. Царь велѣлъ Адашеву распросить хорошенько ногайскихъ пословъ, чего они хотятъ? и уговориться, какъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Астрахани?

Уговорились, что царь пошлетъ къ Астрахани воеводъ Волгою на судахъ съ пушками, а Измаилъ будетъ помогать имъ сухимъ путемъ, или дѣтей и племянниковъ своихъ пришлетъ къ Астрахани; если воеводы Астраханскій юртъ возьмутъ, то посадятъ здѣсь царемъ Дербыша; Измаилъ же послѣ этого долженъ идти войною на брата своего, князя Юсуфа, который царю и великому князю не прямитъ, пословъ его безчеститъ.

Предложеніе Измаила было какъ нельзя выгоднѣе для Москвы, которая получала возможность утвердить свою власть надъ Астраханью, всегда столь важною для русской торговли, и кромѣ того могла обезсилить враждебныхъ ногайскихъ князей, столь опасныхъ теперь для нея по союзу съ казанскими мятежниками. Но любопытно, какъ въ лѣтописи выставлены причины, которыя заставили Іоанна вооружиться противъ Астрахани: онъ вооружился, вопервыхъ, за свою обиду, потому что Ямгурчей царь присылалъ сначала пословъ бить челомъ, а потомъ измѣнилъ, и царскаго посла ограбилъ. При этомъ вспомнилъ царь о своемъ древнемъ отечествѣ: когда святый Владиміръ дѣлилъ волости дѣтямъ своимъ, то эту Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканомъ, отдалъ сыну своему Мстиславу, здѣсь былъ построенъ храмъ Пречистыя, здѣсь владѣли многіе государи христіанскіе, потомки св. Владиміра, сродники царя Ивана Васильевича; а потомъ вслѣдствіе междоусобныхъ браней русскихъ государей, перешла Астрахань въ руки царей нечестивыхъ ордынскихъ. И умыслилъ царь и великій князь послать рать свою на Астрахань.

Весною 1554 года, какъ прошелъ ледъ, 30,000 Русскаго войска, подъ начальствомъ князя Юрья Ивановича Пронскаго-Шемякина, поплыли Волгою подъ Астрахань; туда же отправились Вятскіе служилые люди подъ начальствомъ князя Александра Вяземскаго. 29 августа, когда царь, по обычаю, праздновалъ въ селѣ Коломенскомъ свои имянины съ духовенствомъ и боярами, прискакалъ гонецъ отъ князя Пронскаго съ вѣстію о взятіи Астрахани. 29 іюня, писалъ Пронскій, пришли они на Переволоку, что между Волгою и Дономъ, и отпустили напередъ князя Александра Вяземскаго и Данилу Чулкова съ дѣтьми боярскими и козаками Астраханскихъ людей поискать и языковъ добыть. Князь Александръ встрѣтился съ Астраханцами выше Чернаго острова, напалъ на нихъ и разбилъ наголову: ни одинъ человѣкъ не спасся. Плѣн-

ные сказали воеводамъ, что ихъ послалъ Ямгурчей царь провѣдывать про войско Московское, а самъ Ямгурчей стоитъ ниже Астрахани въ пяти верстахъ, въ городѣ людей мало, всѣ люди сидятъ по островамъ. Пронскій, оставя большія суда, пошелъ на спѣхъ къ Астрахани: князя Вяземскаго отпустилъ на Ямгурчеевъ станъ, а самъ пошелъ къ городу, куда прибылъ 2-го іюля: высадившись въ двухъ мѣстахъ, Русскіе двинулись на крѣпость и заняли ее безъ малѣйшаго сопротивленія, потому что защитники ея побѣжали при первомъ видѣ врага. То же самое случилось и съ княземъ Вяземскимъ, который, приблизившись къ царскому стану, не нашелъ тамъ никого: Ямгурчей ускакалъ къ Азову, отпустивши женъ и дѣтей на судахъ къ морю; царицы съ царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всѣмъ угламъ и дорогамъ. 7-го іюля настигнуты были толпы Астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ: часть ихъ была побита, другіе взяты въ плѣнъ, причемъ освобождено было много Русскихъ невольниковъ. Тогда остальные Астраханцы прислали съ челобитьемъ къ воеводамъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, побивать и разводить не велѣлъ, а велѣлъ бы служить себѣ и царю Дербышъ-Алею. Воеводы согласились на ихъ челобитье съ условіемъ, чтобъ они выдали всѣхъ Русскихъ невольниковъ, въ какой бы ордѣ ни были куплены; новой царь Дербышъ-Алей также ихъ пожаловалъ, лучшимъ людямъ велѣлъ жить у себя въ городѣ, а черныхъ отпустилъ по улусамъ: во всѣхъ улусахъ нашлось князей и мурзъ 500 человѣкъ, да черныхъ людей 7000; послѣ еще перехватали по дорогамъ бѣглецовъ и привели въ Астрахань 3000 человѣкъ. Давши царю Дербышъ-Алею городъ и наловивши ему подданныхъ, Пронскій обязалъ его клятвою давать Московскому государю каждый годъ 40,000 алтынъ да по 3000 рыбъ; рыболовамъ Русскимъ царскимъ ловить рыбу въ Волгѣ отъ Казани до Астрахани и до самаго моря безданно и безъявочно, Астраханскимъ же рыболовамъ ловить съ ними вмѣстѣ безобидно. Если умретъ царь Дербышъ-Алей, то Астраханцы не должны тогда искать себѣ другаго царя, а должны бить челомъ государю и его дѣтямъ, кого имъ государь на Астрахань пожалуетъ, тотъ и будетъ имъ любъ. По утвержденіи этихъ условій шертною грамотою, воеводы отправились въ Москву, отпустивши всѣхъ Астраханскихъ плѣнниковъ, взяли съ собою только царицъ съ дѣтьми да Русскихъ невольниковъ.

Въ февралѣ 1555 года пришла вѣсть, что союзникъ Московскій, князь Измаилъ убилъ брата своего Юсуфа и многихъ мурзъ, а дѣтей Юсуфовыхъ и племянниковъ всѣхъ выгналъ. Измаилъ писалъ Іоанну, что теперь вся Ногайская орда смотритъ на него и на союзныхъ ему мурзъ, а что они неотступны будутъ отъ царя и великаго князя до смерти; просилъ, чтобъ государь далъ имъ вольный торгъ въ Москвѣ, Казани и Астрахани. Служилый Татаринъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Юсуфу, задержанный послѣднимъ и освобожденный теперь Измаиломъ, разсказывалъ въ Москвѣ, что братья—Измаилъ и Юсуфъ рѣзались въ продолженіе нѣсколькихъ дней, пока Измаилъ не одолѣлъ окончательно Юсуфа; Ногайцевъ съ обѣихъ сторонъ пало множество; какъ орда Ногайская стала, такого падежа надъ ними не было. Такъ дорѣзывали кочевники другъ друга въ степяхъ приволжскихъ, приготовляя окончательное торжество Московскому государству! Измаилъ просилъ государя послать стрѣльцовъ и козаковъ на Волгу по перевозамъ для обереганія на случай прихода Юсуфовыхъ дѣтей; просьба была немедленно исполнена: стрѣлецкій голова Кафтыревъ и козачій атаманъ Павловъ отправились на Волгу. Побѣдитель Измаилъ долженъ былъ хлопотать о Русской помощи, ибо при степной войнѣ онъ не могъ быть покоенъ ни одного дня, пока былъ живъ хотя одинъ изъ сыновей убитаго Юсуфа. Положеніе Дербыша было также незавидное: въ постоянномъ ожиданіи нападеній отъ Ямгурчея, во враждѣ съ Крымскимъ ханомъ, что еще важнѣе, во враждѣ съ главою исламизма, султаномъ турецкимъ, съ тяжелымъ значеніемъ данника московскаго, посаженнаго на царство вопреки желанію Астраханцевъ. Вотъ почему онъ бросился на сторону Крыма и сыновей Юсуфовыхъ какъ только тѣ дали обѣщаніе избавить его отъ Ямгурчея. Въ апрѣлѣ 1555 года онъ далъ знать въ Москву, что приходилъ къ Астрахани царь Ямгурчей съ сыновьями Юсуфа, Крымцами и янычарами и приступалъ къ городу; но что онъ, Дербышъ, съ Астраханцами и русскіе козаки, оставленные Пронскимъ, отразили непріятелей. Здѣсь ханъ утаилъ самое важное. Въ маѣ оставленный въ Астрахани начальникъ русскаго отряда Тургеневъ далъ знать также о приходѣ Ямгурчея и сыновей Юсуфовыхъ, но при этомъ извѣщалъ, что Дербышъ вошелъ въ переговоры съ послѣдними, которые побили Ямгурчея съ братьею, а Дербышъ за это перевезъ ихъ на другую сторону Волги,

и такимъ образомъ далъ имъ возможность дѣйствовать противъ Измаила, что только и было имъ нужно: они напали врасплохъ на дядю и выгнали его. Самъ Тургеневъ встрѣтился съ Кафтыревымъ на Волгѣ и сказалъ, что Дербышъ отпустилъ его изъ Астрахани, но пословъ своихъ къ государю не отправилъ и ссылается съ Крымскимъ ханомъ: Кафтыревъ воротилъ Тургенева и съ нимъ вмѣстѣ поплылъ въ Астрахань со всѣми стрѣльцами и козаками. Пріѣхавши въ Астрахань, Кафтыревъ нашелъ городъ пустымъ: всѣ Астраханцы разбѣжались, испуганные слухомъ, что Московскій царь послалъ на нихъ свою рать и велѣлъ всѣхъ ихъ побить, а между тѣмъ изъ Крыма пришли уже къ нимъ три царевича съ пушками и пищалями. Кафтыревъ повѣстилъ Дербышу и всѣмъ Астраханцамъ, что царь и великій князь вовсе не хочетъ воевать ихъ, а напротивъ отправляетъ къ нимъ посла своего Мансурова съ милостями; отсылаетъ назадъ къ нимъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ царицъ, о которыхъ просилъ Дербышъ; отпускаетъ ихъ пословъ, новыхъ Дербышевыхъ и старыхъ Ямгурчеевыхъ, и даритъ имъ годовую дань. По этой повѣсткѣ Дербышъ и Астраханцы возвратились въ городъ. Тогда же была получена вѣсть, что Измаилъ, собравшись съ людьми, опять выгналъ племянниковъ и владѣетъ всѣми Ногаями. Осенью самъ Измаилъ прислалъ пословъ съ жалобою на Дербыша, что тотъ царю и великому князю не прямитъ, имъ, Ногаямъ, надѣлалъ много дурного: чтобъ государь ихъ отъ Дербыша оборонилъ, взялъ бы и Астрахань въ свое полное владѣніе, какъ Казань; такимъ образомъ и здѣсь сами ордынцы потребовали отъ отъ Москвы уничтоженія другого Татарскаго царства. За себя Измаилъ и всѣ мурзы прислали шертную грамоту, въ которой клялись—куда ихъ царь и великій князь пошлетъ—всюду ходить, и на всѣхъ недруговъ быть заодно. Измаилъ вздумалъ было писать себя отцемъ царю Московскому и требовать, чтобъ ему платили ежегодно съ Казани двадцать сотъ рублей. Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Мы для тебя велѣли свое астраханское дѣло дѣлать накрѣпко. И если астраханское дѣло сдѣлается, и понадобится тебѣ самому, или женамъ и дѣтямъ твоимъ жить въ Астрахани, то мы велѣли держать васъ здѣсь съ немногими людьми какъ можно васъ прокормить, и беречь васъ велѣли отъ вашихъ недруговъ. А если астраханское дѣло не сдѣлается, то вамъ и въ Казань пріѣздъ и отъѣздъ вольный съ немногими людьми, съ пятидесятью или шести-

десятью, какъ бы можно было ихъ въ Казани прокормить. А что писалъ ты къ намъ въ своихъ грамотахъ многія слова невѣжливыя, и мы на тебя погнѣвались, потому что тебѣ наше государство и прежнія дѣла вѣдомы, какъ прежніе князья ногайскіе и мурзы къ отцу нашему и къ намъ писали. И ты бъ впередъ бездѣльныхъ словъ не писалъ. А мы нынѣ гнѣвъ свой отложили для того, что на тебя отъ твоихъ недруговъ многія кручины пришли, и мы хотимъ за прежнюю твою дружбу тебѣ помогать". Измаилъ послѣ этого уже не писался отцемъ Іоанну, а писалъ: „Всего христіанства государю, бѣлому царю много много поклонъ"; просьбы были прежнія: „Пришли мнѣ трехъ птицъ, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красокъ много да бумаги много да 500,000 гвоздей". Въ мартѣ 1556 года Измаилъ опять далъ знать въ Москву, что Дербышъ измѣнилъ окончательно, соединился съ Крымскимъ ханомъ и Юсуфовыми дѣтьми, и московскаго посла Мансурова выбилъ изъ Астрахани; что онъ, Измаилъ, пошелъ уже подъ Астрахань чтобъ и государь посылалъ туда же рать свою. Въ то же самое время пришла изъ Казани вѣсть о возстаніи Мамичь-Бердея и о приходѣ къ нему царевича отъ Ногаевъ: это заставляетъ думать, что движеніе Казанское было въ связи съ Астраханскимъ, а толчекъ оба движенія, разумѣется, получили изъ Крыма. Чрезъ нѣсколько дней пришла вѣсть и отъ самого Мансурова: посолъ извѣщалъ, что Дербышъ измѣнилъ, побилъ князей, которые служили прямо царю и великому князю, къ нему Мансурову приступалъ три дня со всѣми людьми, но онъ отбился отъ Астраханцевъ въ маломъ городѣ у Волги, пошелъ на судахъ вверхъ по рѣкѣ и теперь у козаковъ на переволокѣ; изъ 500 человѣкъ народу у него осталось только 308: иные побиты, иные потонули, другіе съ голоду на дорогѣ померли. Государь немедленно въ томъ же мѣсяцѣ отправилъ къ Измаилу 50 козаковъ съ пищалями, и писалъ къ нему, что отпускаетъ рать свою Волгою на Астрахань, а полемъ послалъ для него, Измаила, и для Астраханскаго дѣла 500 козаковъ съ атаманомъ Ляпуномъ Филимоновымъ.

Волгою отправились подъ Астрахань стрѣльцы съ своими головами, Черемисиновымъ и Тетеринымъ, козаки съ атаманомъ Колупаевымъ, и Вятчане съ главнымъ головою Писемскимъ. Атаманъ Ляпунъ Филимоновъ предупредилъ ихъ, напалъ на Дербыша, по-

билъ у него много людей, много взялъ въ плѣнъ и сталъ дожидаться Черемисинова съ товарищами. Языки сказывали, что Крымскій ханъ прислалъ въ Астрахань 700 Татаръ и 300 янычаръ съ пушками и пищалями. Въ сентябрѣ, когда царь, по обыкновенію, былъ у Троицы для празднованія дня св. Сергія (25 числа), пришло донесеніе отъ Черемисинова: пріѣхалъ онъ въ Астрахань, а городъ пустъ: царь и люди выбѣжали, разогнанные атаманомъ Ляпуномъ; головы сѣли въ Астрахани, городъ укрѣпили и пошли къ морю; нашли суда всѣ астраханскія, посѣкли ихъ и пожгли, а людей не нашли, люди скрылись далеко на берегу. Пошли въ другой разъ Писемскій и Тетеринъ, нашли царя отъ берега верстъ съ 20, напали на него ночью и побили многихъ людей; на утро собрался царь Дербышъ съ мурзами Ногайскими и Крымскими и со всѣми Астраханцами, Русскіе пошли назадъ, Дербышъ преслѣдовалъ ихъ и бился, идучи весь день до Волги. Послѣ этого Дербышъ началъ пересылаться съ Черемисиновымъ, билъ челомъ, что измѣнилъ государю неволею, чтобъ государь ему милость показалъ; вмѣстѣ со всѣми Астраханцами поклялся, что поѣдутъ въ городъ и будутъ служить государю. Головы, въ ожиданіи прихода Астраханцевъ, укрѣпились въ городѣ, чтобы можно было сидѣть безстрашно; по Волгѣ козаковъ и стрѣльцовъ разставили, отняли всю волю у Ногаевъ, у Астраханцевъ отняли всѣ рыбныя ловли и перевозы. Дербышъ не приходилъ въ городъ по обѣщанію, клятвѣ своей измѣнилъ, отводилъ его отъ государя Крымскій воевода, присланный отъ Девлетъ-Гирея, да Юсуфовы дѣти. Но послѣніе недолго оставались на Крымской сторонѣ: началась опять рѣзня между Ногаями, три дня бились другъ съ другомъ два рода—Юсуфовы дѣти съ Шигъ-Мамаевыми дѣтьми, и слѣдствіемъ было то, что Юсуфовы дѣти помирились съ дядею Измаиломъ, убійцею отца ихъ, и прислали бить челомъ къ Русскимъ головамъ, что хотятъ служить государю, какъ служитъ ему дядя ихъ Измаилъ, будутъ кочевать у Астрахани, а дурнаго ничего дѣлать не будутъ; головы приняли ихъ челобитье, дали имъ суда, на чемъ ѣхать къ Измаилу и на чемъ кормиться на Волгѣ. Вслѣдствіе такого переворота въ степной политикѣ, судьба Астрахани рѣшилась такъ, что московскому стрѣльцу, сидѣвшему въ Астраханскомъ кремлѣ, ненужно было заряжать своей пищали: Юсуфовы дѣти бросились на стараго союзника своего Дербыша и про-

гнали его, отняли Крымскія пушки и прислали ихъ къ Черемисинову въ Астрахань; Дербышъ побѣжалъ къ Азову и не возвращался болѣе; черные люди Астраханцы начали послѣ этого приходить къ головамъ, присягать и бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ жить по старому у Астрахани и дань давать, казнить бы ихъ не велѣлъ: они люди черные, водилъ ихъ царь и князья неволею: много Астраханцевъ развели также Ногаи въ то время, какъ тѣ бѣгали отъ русскаго войска.

Такъ устья Волги окончательно закрѣпились за Москвою. Изъ Астраханскаго кремля Московской стрѣлецкій голова легко наблюдалъ за Ногаями, которые просили только позволенія кочевать безопасно подъ Астраханью, ловить рыбу на Волгѣ и торговать безпрепятственно. Государь велѣлъ козацкому атаману Ляпупу Филимонову утвердиться на Волгѣ у переволоки, и сотскому Кобелеву на рѣкѣ Иргызѣ для обереганія Ногаевъ отъ Русскихъ и Крымскихъ козаковъ, также для перевозки пословъ. Усобицы, не перестававшія между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этихъ застепныхъ русскихъ владѣній: сыновья Юсуфа недолго пожили въ мирѣ съ дядею Измаиломъ; осенью 1557 года они согнали его съ княженія; но это событіе не повело ни къ какой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Ногаевъ къ Русскому правительству: старшій изъ Юсуфовыхъ дѣтей, ставши княземъ, поклялся въ вѣрности государю и объявилъ: укрѣпится онъ на княженіи— будутъ служить царю и великому князю; сгонятъ ли его—все же онъ государевъ холопъ, и другой надежды у него нѣтъ ни на кого; а за то бы государь на него не сердился, что онъ разбранился съ Измаиломъ: у нихъ прошла кровь, Измаилъ отца у нихъ убилъ.

Причина, почему Ногаи такъ боялись Москвы, извѣстна; въ станѣ у сыновей Юсуфовыхъ говорили: „Если государь царь дастъ Измаилу пищальниковъ, то Ногаи всѣ пропали; государь взялъ всю Волгу до самаго моря, скоро возьметъ и Сарайчикъ, возьметъ весь Яикъ, Шамаху, Дербентъ, и намъ всѣмъ быть отъ него взятымъ. Наши книги говорятъ, что всѣ басурманскіе государи Русскому государю поработаютъ“. Русскіе посланцы доносили: „Ногаи изводятся; людей у нихъ мало добрыхъ, и тѣ голодны необычно и пѣши; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; земля ихъ пропала, другъ друга грабятъ“. Измаилъ, который прежде хотѣлъ писаться

отцемъ Іоанну, теперь долженъ былъ согласиться писать Іоанна государемъ; вмѣстѣ съ московскимъ посломъ убѣждали его къ этому собственные его люди, бывавшіе въ Москвѣ послами и знавшіе могущество царя; они говорили Измаилу: „Не стыдись, князь Измаилъ! пиши бѣлаго царя государемъ: Нѣмцы посильнѣе тебя, да и у нихъ государь всѣ города побралъ". Измаилъ опять осилилъ племянниковъ; но старшій изъ нихъ, Юнусъ, отъѣхалъ на службу въ Москву; русскій посолъ доносилъ: „Ногаи всѣ пропали, немного ихъ съ Измаиломъ осталось, да и тѣ въ розни; Измаилъ сильно боится Юнуса, потому что всѣ улусные люди Юнуса очень любятъ и желаютъ видѣть его на юртѣ; а кромѣ Юнуса юрта держать некому. Измаилъ не юртный человѣкъ, да и старъ уже; улусы у него метутся, грозятъ ему, хотятъ въ Крымъ бѣжать". Въ 1562 году Измаилъ писалъ царю: „Прежде братство и дружба твоя къ намъ была; прежде ты намъ говорилъ, что если возьмешь Казань, то намъ ее отдашь: ты Казань взялъ, а намъ ее не отдалъ. Потомъ Астрахань взялъ; хотѣлъ и ее также намъ отдать, и не отдалъ. Волга пала въ море 66-ю устьями, и этими рѣками всѣми ты владѣешь: бью челомъ, дай мнѣ одну изъ нихъ, Бузанъ! станутъ говорить: у друга своего, бѣлаго царя, одной рѣки не могъ выпросить! И твоему, и моему имени добрая ли то слава? Твоимъ жалованьемъ держу у себя слугъ своихъ. Голодны мы и въ нуждѣ большой; не откуда намъ деньгу взять: пожаловалъ бы ты, прислалъ 400 рублей". Царь отвѣчалъ: „Того слова не бывало, что будто мы хотѣли тебѣ Астрахань отдать. А о Бузанѣ мы сыскивали и нашли, что изстари по Бузанъ былъ рубежъ Астраханскій: и ты бъ велѣлъ людямъ своимъ кочевать по свой сторонѣ Бузана, а за Бузанъ не переходить". Измаилъ просилъ, чтобъ царь вывелъ изъ Астрахани враждебныхъ ему князей; Іоаннъ отвѣчалъ: „Этихъ князей скоро намъ вывести нельзя потому: какъ взяли мы Астрахань, то астраханскимъ князьямъ свое жалованное слово молвили, чтобъ они отъ насъ разводу и убійства не боялись. Такъ чтобъ въ другихъ земляхъ не стали говорить: вѣра вѣрѣ недругъ, и для того христіанскій государь мусульманъ изводитъ. А у насъ въ книгахъ христіанскихъ писано, не велѣно силою приводить къ нашей вѣрѣ. Богъ судитъ въ будущемъ вѣкѣ, кто вѣруетъ право или неправо, а людямъ того судить не дано".

Утвержденіе въ устьяхъ Волги открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣій въ Прикавказьѣ: князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ Крымцевъ, и потому, какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, бросились къ нему съ просьбами о союзѣ, свободной торговли въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею-неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на Востокъ, къ Кавказу и за него. Тотчасъ послѣ паденія Казани, въ ноябрѣ 1552 года, пріѣхали въ Москву двое Черкасскихъ князей съ просьбою, чтобъ государь вступился за нихъ и взялъ ихъ себѣ въ холопы. Въ августѣ 1555 года пріѣхали въ Москву князья Черкасскіе Жаженскіе [47], Сибокъ съ братомъ Ацымгукомъ да Тутырокъ, въ сопровожденіи 150 человѣкъ. Били они челомъ отъ всей земли Черкасской, чтобъ государь далъ имъ помощь на Турецкаго и Крымскаго царей; а они холопи царя и великаго князя съ женами и дѣтьми и во вѣки. Государь пожаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, насчетъ же Турецкаго царя велѣлъ имъ отмолвить, что Турскій султанъ въ миру съ царемъ и великимъ княземъ, а отъ Крымскаго государя хочетъ ихъ беречь какъ только можно. Князь Сибокъ просилъ, чтобъ государь велѣлъ окрестить сына его, а Тутарыкъ просилъ, чтобъ окрестили его самого. Лѣтомъ 1557 года пріѣзжали въ Москву другіе Черкасскіе князья. Тогда же двое князей Черкасскихъ Кабардинскихъ, Темрюкъ и Тизрютъ, прислали бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ имъ себѣ служить и велѣлъ бы Астраханскимъ воеводамъ дать имъ помощь на шамхала Тарковскаго; посолъ говорилъ: только государь ихъ пожалуетъ, какъ пожаловалъ Жаженскихъ князей, и поможетъ на недруговъ, то князь Грузинскій и вся земля Грузинская будутъ также бить челомъ государю въ службу, потому что Грузинскій князь въ союзѣ съ Кабардинскими князьями. Съ другой стороны изъ владѣній шамхала и князя Тюменскаго (съ береговъ Терека) пришли послы съ челобитьемъ, чтобъ государь велѣлъ имъ быть въ своемъ имени, приказалъ бы Астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ, а торговымъ людямъ далъ бы дорогу чистую: что государь велитъ себѣ прислать, то будутъ присылать каждый годъ. Черкасскіе князья просили помощи на шамхала, шамхалъ просилъ помощи на Черкасскихъ князей; Тюменскій мурза просилъ помощи на дядю сво-

его, Тюменскаго князя: посадилъ бы государь его на Тюмепѣ, а онъ холопъ государевъ; подданные шамхала просили, чтобъ государь далъ имъ другого владѣтеля, а они всею землею холопи государевы; ханы Хивинскій и Бухарскій присылали съ великимъ челобитьемъ, чтобъ государь далъ дорогу купцамъ ихъ въ Астрахань.

Легко понять, какъ смотрѣли на все это въ Крыму. Попытка отвлечь Іоанна отъ Казани нападеніемъ на Московскія украйны не удалось; дѣятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну безъ надежды на грабежъ не нравилось разбойникамъ: они умѣли только раздувать возстанія на Волгѣ и не умѣли ихъ поддерживать, вслѣдствіе чего Казань и Астрахань стали Московскими городами. По возвращеніи Іоанна изъ подъ Казани, Девлетъ-Гирей завелъ опять пересылку съ Москвою, осенью 1553 года прислалъ даже шертную грамоту, написанную точно такъ, какъ требовалъ царь, только безъ царскаго титула; прописано было даже, что если Московскій посолъ потерпитъ безчестіе въ Крыму, то государь Московскій имѣетъ право подвергнуть такому же безчестію Крымскаго посла у себя. Попрежнему ханъ жаловался, что Іоаннъ присылаетъ ему мало поминковъ, а если пришлетъ больше, то онъ и помирится крѣпче. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что дружбы подарками не покупаетъ; и чтобъ миръ съ ханомъ былъ крѣпче, велѣлъ строить городъ Дѣдиловъ въ степи противъ Тулы. Лѣтомъ 1555 года, поднявши Дербышъ-Алея въ Астрахани противъ Русскихъ, Девлетъ-Гирей вздумалъ опять попытаться напасть въ расплохъ на Московскія украйны. По обычаю — *въ одну сторону лукъ натянуть, а въ другую стрѣлять* [48]—ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на Черкасовъ. Обязавшись защищать этихъ новыхъ подданыхъ, Іоаннъ первый изъ Московскихъ государей рѣшился предпринять наступательное движеніе на Крымъ, и отправилъ боярина Ивана Васильевиса Шереметева съ 13,000 войска къ Перекопи въ Мамаевы луга, промыслить тамъ надъ стадами Крымскими и отвлечь хана отъ Черкасъ. Шереметевъ двинулся, но на дорогѣ получили вѣсть, что ханъ, вмѣсто Черкасъ, идетъ съ 60,000 войска къ Рязанскимъ или Тульскимъ украйнамъ. Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву, и царь, отправивъ тотчасъ же воеводъ, князя Ивана Өедоровича Мстиславскаго съ товарищами, въ походъ, самъ высту-

пилъ за ними на третій день съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ Коломну. Здѣсь дали ему знать, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Іоаннъ двинулся туда же; ханъ, узнавши, что самъ царь идетъ къ нему на встрѣчу, поворотилъ назадъ. Между тѣмъ Шереметевъ шелъ за ханомъ съ намѣреніемъ хватать малочисленные татарскіе отряды, когда они разсѣятся для грабежа по украйнѣ, и прежде всего отправилъ треть своего войска на Крымскій обозъ, который съ половиною лошадей Татары обыкновенно оставляли назади, въ разстояніи пяти или шести дней пути отъ главнаго войска, чтобъ лошади и верблюды могли удобнѣе прокормиться. Русскіе взяли обозъ, при которомъ нашли 60,000 лошадей, 200 аргамаковъ, 80 верблюдовъ, и прислали Шереметеву 20 языковъ, которые сказали ему, что ханъ идетъ къ Тулѣ; Шереметевъ продолжалъ идти за нимъ слѣдомъ; но въ это время ханъ уже узналъ о царскомъ походѣ и возвратился назадъ. Во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтился онъ съ отрядомъ Шереметева, который, несмотря на малочисленность своего войска, ослабленнаго уходомъ трети ратныхъ людей на Крымскій обозъ и еще не возвратившихся, вступилъ въ битву, бился съ полудня до ночи, потопталъ передовой полкъ, правую и лѣвую руку, взялъ знамя князей Ширинскихъ. Но Татары не ушли; надобно было приготовляться къ новой битвѣ на другой день, и Шереметевъ послалъ гонцовъ къ тому отряду, который ходилъ на обозъ, чтобъ спѣшилъ къ нему на помощь; но изъ этого отряда прискакали къ утру только немногіе, остальные съ добычею отправились въ ближайшіе русскіе города, кто въ Рязань, кто въ Мценскъ. Между тѣмъ ханъ ночью пыталъ двоихъ русскихъ плѣнниковъ: хотѣлось ему дознаться о числѣ войска, такъ храбро бившагося съ нимъ днемъ; одинъ изъ плѣнниковъ не вытерпѣлъ мукъ и разсказалъ, что у Шереметева людей мало, и тѣхъ цѣлая треть отпущена на татарскій обозъ. Ободренный этимъ извѣстіемъ, ханъ на разсвѣтѣ возобновилъ битву; бились до полудня; сначала и тутъ Русскіе успѣли разогнать Крымцевъ, и около хана оставались только янычары; но воевода Шереметевъ былъ тяжело раненъ и сбитъ раненымъ конемъ; Русскіе замѣшались безъ воеводы и потерпѣли сильное пораженіе; только двумъ воеводамъ, Басманову и Сидорову, удалось собрать около себя тысячъ съ пять или шесть ратныхъ людей и засѣсть въ лѣсномъ оврагѣ: три раза приступалъ къ нимъ ханъ со всѣмъ

войскомъ и всякій разъ безъ успѣха; наступилъ вечеръ; ханъ, боясь приближенія Русскаго войска, оставилъ Басманова и Сидорова въ покоѣ и поспѣшилъ переправиться за Сосну; Русскіе потеряли въ Судбищенской битвѣ 320 дѣтей боярскихъ и 34 стрѣльца. Царь переправился уже чрезъ Оку и приближался къ Тулѣ, когда ему дали знать, что Шереметевъ пораженъ и ханъ идетъ къ Тулѣ; мнѣнія раздѣлились между воеводами: одни говорили, что надобно идти назадъ за Оку и оттуда къ Москвѣ; другіе говорили, что не должно обращать тыла передъ врагомъ и помрачать прежнюю славу: хотя ханъ и одержалъ побѣду надъ Шереметевымъ, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, потому что битва была упорная, двухдневная. Царь принялъ послѣднее мнѣніе и продолжалъ походъ къ Тулѣ, но, пришедши туда, узналъ, что ханъ спѣшитъ въ Крымъ, дѣлаетъ по 70 верстъ въ день и догнать его нельзя, потому что между нимъ и царемъ уже четыре дня пути. Простоявши въ Тулѣ два дня, дождавшись сбора всѣхъ своихъ ратныхъ людей, Іоаннъ возвратился въ Москву.

Въ мартѣ слѣдующаго 1556 года ему дали знать, что ханъ опять собирается со всѣми людьми, хочетъ быть рано весною на Московскую украйну. Царь послалъ дьяка Ржевскаго съ козаками изъ Путивля на Днѣпръ, велѣлъ ему идти Днѣпромъ подъ Крымскіе улусы, добывать языковъ, провѣдывать про царя. Ржевскій пришелъ на рѣку Псёлъ, построилъ здѣсь суда, выплылъ въ Днѣпръ и пошелъ по наказу; въ то же время внизъ по Дону отправился другой отрядъ для наблюденій. Въ маѣ выбѣжалъ плѣнникъ изъ Крыма и принесъ вѣсть, что ханъ вышелъ и велѣлъ брать запасовъ на все лѣто. Тогда царь приговорилъ съ братьями и боярами идти въ Серпуховъ, здѣсь собраться съ людьми и идти на Тулу, изъ Тулы выйти на поле, дожидаться хана и дѣлать съ нимъ прямое дѣло, какъ Богъ поможетъ. Въ Серпуховъ пришелъ къ царю гонецъ отъ Чулкова, начальника того отряда, который плылъ Дономъ для вѣстей: Чулковъ писалъ, что встрѣтилъ близъ Азова 200 человѣкъ Крымцевъ, побилъ ихъ на—голову и узналъ отъ плѣнныхъ, что ханъ въ самомъ дѣлѣ собрался на Московскія украйны, но получилъ вѣсть, что царь готовъ его встрѣтить, и пошелъ было на Черкасъ, какъ прислали къ нему на Міусъ вѣсть изъ Крыма, что много русскихъ людей показалось на Днѣпрѣ у Исламъ-Керменя, и ханъ поспѣшилъ возвратиться. Эти русскіе

люди были ратники Ржевскаго, къ которому пристали на Днѣпрѣ 300 козаковъ Малороссійскихъ изъ Канева. Получивъ эти подкрѣпленія, Ржевскій пошелъ подъ Исламъ-Кермень; люди выбѣжали отсюда, заслышавъ о приходѣ небывалыхъ гостей, и русскимъ удалось только отогнать лошадей и скотъ; отъ Исламъ-Керменя Ржевскій поплылъ дальше къ Очакову, здѣсь взялъ острогъ, побилъ Турокъ и Татаръ и поплылъ назадъ; Турки преслѣдовали его: онъ засѣлъ въ засаду въ тростникѣ у Днѣпра, побилъ у непріятеля изъ пищалей много людей, а самъ отошелъ благополучно. У Исламъ-Керменя встрѣтилъ старшаго Крымскаго царевича (калгу) со всѣмъ Крымомъ, съ князьями и мурзами, сталъ противъ него на островѣ, перестрѣливался изъ пищалей шесть дней, ночью отогналъ у Татаръ конскія стада, перевезъ къ себѣ на островъ, потомъ переправился на западную, Литовскую, сторону Днѣпра и разошелся съ Крымцами благополучно. Ржевскій прислалъ сказать государю, что ханъ уже больше не пойдетъ къ Московскимъ украйнамъ, и потому, что боится царскаго войска, и потому, что въ Крыму моровое повѣтріе.

Походъ Ржевскаго произвелъ сильное движеніе въ Литовской украйнѣ, между козаками Малороссійскими; неслыханное дѣло: Московскіе люди явились на Днѣпрѣ и ходили внизъ, искали Татаръ и Турокъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ! Мы видѣли, что 300 Малороссійскихъ козаковъ не утерпѣли, чтобъ не проводить Московскаго дьяка въ его прогулкѣ на бусурмановъ. Когда прогулка удалась, не утерпѣлъ начальникъ всей украйны, староста Каневскій, князь Дмитрій Вишневецкій, истый козакъ по природѣ, достойный преемникъ Евстаѳія Дашковича. Въ сентябрѣ 1557 года въ Москву явился одинъ изъ атамановъ, провожавшихъ Ржевскаго подъ Очаковъ, и привезъ царю челобитье отъ Вишневецкаго, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служить, а что онъ, князь Дмитрій Ивановичъ, отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ и на Днѣпрѣ на Хортицкомъ островѣ, городъ поставилъ противъ Конскихъ Водъ у Крымскихъ кочевищъ. Царь послалъ къ нему двоихъ дѣтей боярскихъ съ опасною грамотою и съ жалованьемъ. Вишневецкій отвѣчалъ съ ними, что онъ, холопъ государевъ, далъ клятву пріѣхать въ Москву, но прежде обѣщалъ идти воевать Крымскіе улусы и Исламъ-Кермень, чтобъ показать свою службу царю и великому князю. Объ этой службѣ узналъ царь въ декабрѣ прямо

изъ Крыма: пріѣхалъ гонецъ отъ Девлетъ-Гирея съ извѣстіемъ, что ханъ отпускаетъ на окупъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ имъ на бою съ Шереметевымъ; въ грамотѣ ханъ писалъ, что онъ уже всю безлѣпицу оставляетъ и хочетъ крѣпкаго мира, для утвержденія котораго надобно съ обѣихъ сторонъ отправить добрыхъ пословъ. Посолъ Московскій Загрязскій, жившій, по обычаю, все это время въ Крыму, писалъ, что ханъ провелъ все лѣто въ тревогѣ, ожидая царскаго прихода въ Крымъ, посылалъ къ султану, чтобъ тотъ спасъ его отъ бѣды, что перваго октября Вишневецкій взялъ Исламъ-Кермень, людей побилъ, пушки вывезъ на Днѣпръ въ свой Хортицкій городъ; съ другой стороны Пятигорскіе Черкесы, двое князей, бывшихъ въ Москвѣ, взяли два города—Темрюкъ и Тамань; что ханъ хочетъ мириться и отправляетъ большихъ пословъ. Царь отвѣчалъ, что если ханъ хочетъ быть съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ, то пусть поклянется въ ней передъ Загрязскимъ и пришлетъ въ Москву добрыхъ пословъ. Но хану прежде всего хотѣлось выгнать Вишневецкаго съ Хартицкаго острова: весною 1557 года онъ приходилъ туда со всѣми своими людьми, приступалъ къ городку 24 дня, но принужденъ былъ отступить съ большимъ стыдомъ и урономъ. Вишневецкій, извѣщая объ этомъ царя, писалъ, что пока онъ будетъ на Хортицѣ, Крымцамъ ходить войною никуда нельзя. Но если таково было значеніе Хортицы, то Вишневецкій долженъ былъ понимать, что Крымцы и Турки не оставятъ его здѣсь въ покоѣ: осенью того же года пришла отъ него въ Москву иная вѣсть: онъ писалъ, что, услыхавъ о приближеніи войска Крымскаго, Турецкаго и Волошскаго къ его городку, онъ покинувъ его по недостатку съѣстныхъ припасовъ, отъ чего козаки его разошлись, что теперь онъ въ прежнихъ своихъ городахъ Черкасахъ и Каневѣ, и ждетъ царскихъ приказаній. Іоаннъ велѣлъ ему сдать Черкасы и Каневъ королю, потому что онъ съ нимъ въ перемирьѣ, а самому ѣхать въ Москву; здѣсь Вишневецкій получилъ въ отчину Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько селъ.

Ханъ ободрился уходомъ Вишневецкаго съ Хортицкаго острова и писалъ къ царю, что если онъ будетъ присылать ему поминки большіе и ту дань, какую Литовскій король даетъ, то правда въ правду и дружба будетъ, если же царь этого не захочетъ, то пусть размѣняется послами. Іоаннъ отвѣчалъ, что ханскія требованія къ

дружбѣ не ведутъ, и въ началѣ 1558 года отправилъ князя Вишневецкаго на Днѣпръ съ пятитысячнымъ отрядомъ, приказавши Черкесамъ помогать ему съ другой стороны. Ханъ боялся Іоанна, хотѣлъ помириться съ нимъ, но ему хотѣлось выторговать что-нибудь; зная, что даромъ ничего теперь не получитъ изъ Москвы, онъ рѣшился опустошать Литву, чтобъ и покормить свою орду и вмѣстѣ получить награду изъ Москвы. Посолъ Загрязскій возвратился въ Москву съ извѣстіемъ, что Девлетъ-Гирей присягнулъ царю въ дружбѣ и братствѣ и сына своего отпустилъ на Литву; но, давая шерть, ханъ выговаривалъ, чтобъ царь прислалъ ему казну, какая посылалась къ Магметъ-Гирею: тогда и дружба въ дружбу, а не пришлетъ, то и шерть не въ шерть; и потомъ, когда ханъ повоюетъ короля, то царю присылать въ Крымъ такую же дань, какую король даетъ. Но и это предложеніе въ Москвѣ не было принято: царь приговорилъ, что ханъ поминки беретъ и клятву даетъ, но всегда измѣняетъ, и потому новаго посла въ Крымъ не отправилъ, а послалъ гонца съ грамотою, въ которой писалъ, что захочетъ ханъ добра, то безлѣпицу и большіе запросы оставилъ бы. Въ маѣ пришло извѣстіе отъ Вишневецкаго, что онъ ходилъ къ Перекопи, но не встрѣтилъ ни одного татарина на Днѣпрѣ; улусовъ также не засталъ, потому что король далъ знать хану о приближеніи русскихъ, и ханъ забилъ всѣ улусы за Перекопь, а самъ сѣлъ въ осадѣ. Вишневецкій хотѣлъ провести лѣто въ Исламъ-Кермени, но государь велѣлъ ему быть въ Москвѣ, а на Днѣпрѣ оставить небольшіе отряды дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Крымцы пытались малыми толпами, человѣкъ въ 300, во 100, пробираться на Волгу, нападать на рыболововъ; но не имѣли нигдѣ успѣха: одни были побиты Горными, другіе русскими людьми. Лѣто и осень прошли, ханъ не явился: онъ ждалъ удобнаго времени; зимою въ концѣ 1558 года какіе-то Татары дали ему знать изъ Москвы, что здѣсь нѣтъ никого, что царь со всѣми своими силами отправился въ Ливонію къ Ригѣ. Девлетъ-Гирею такъ хотѣлось отомстить Іоанну за Ржевскаго, Вишневецкаго и особенно за то, что давно уже не получалъ поминковъ изъ Москвы, что онъ рѣшился даже на зимній походъ, лишь бы воспользоваться случаемъ и напасть врасплохъ на беззащитныя украйны. Собравши тысячъ до ста войска, ханъ отпустилъ его тремя отрядами на Рязань, Тулу и Каширу; но на рѣкѣ Мечѣ царевичъ Маг-

метъ-Гирей, предводительствовавшій главнымъ отрядомъ, узналъ, что Іоаннъ въ Москвѣ, спросилъ, гдѣ князь Вишневецкій и бояринъ Иванъ Шереметевъ, два человѣка, болѣе другихъ знакомые и страшные Крымцамъ, и узнавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а другой въ Рязани, поворотилъ назадъ, и, благодаря зимѣ, переморилъ лошадей и людей. Это нашествіе зимою показывало однако, что ханъ готовъ на самыя рѣшительныя мѣры, чтобъ только повредить Москвѣ, и потому государь принялъ съ своей стороны мѣры на 1559 годъ. Въ началѣ года отправлены были князь Вишневецкій съ 5000 на Донъ и окольничій Данила Адашевъ съ 8000 въ городокъ на Пселѣ, чтобъ оттуда выплыть на Днѣпръ и промышлять надъ Крымомъ. Весною Вишневецкій близь Азова разбилъ 250 Крымцевъ, пробиравшихся въ Казанскую область; Адашевъ сдѣлалъ больше: выплывши на лодкахъ въ устье Днѣпра, взялъ два турецкихъ корабля, высадился въ Крыму, опустошилъ улусы, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, московскихъ и литовскихъ. На татаръ, застигнутыхъ врасплохъ, напалъ ужасъ, такъ что они не скоро могли опомниться и собраться вокругъ хана, который потому и не успѣлъ напасть на Адашева въ Крыму, преслѣдовалъ его вверхъ по Днѣпру до Монастырки, мыса, близь Ненасытицкаго порога; но и здѣсь не рѣшился на него напасть и ушелъ назадъ. Въ Москвѣ все лѣто ждали хана, дѣлали приготовленія къ его пріему: царь распоряжалъ полки, намѣреваясь самъ выступить въ поле при первой вѣсти; но ханъ не приходилъ, приходили только раза два небольшіе отряды крымцевъ воевать украйны. Крымцамъ доставалось больше, съ одной стороны козаки малороссійскіе (черкасы) и донскіе громили ихъ улусы, съ другой ходили на нихъ ногаи и астраханцы; въ самомъ Крыму свирѣпствовалъ голодъ. Ханъ прислалъ съ мирными предложеніями, съ жалобами на нападеніе со всѣхъ сторонъ; царь отвѣчалъ ему, чтобъ онъ оставилъ безлѣпицы; когда будутъ добрыя дѣла между ними, тогда никто не будетъ нападать на Крымъ; царь отдавалъ на его разсужденіе, что лучше—вражда или миръ съ Москвою? и грозилъ, что русскіе люди узнали дорогу въ Крымъ, и полемъ и моремъ [49].

Извѣданная при наступательномъ движеніи на Крымъ слабость его жителей, храбрыхъ только при грабежѣ беззащитныхъ сельчанъ, и между тѣмъ постоянно опасныхъ государству своими внезапными нападеніями, заставляющими постоянно держать наготовѣ полки, что

при тогдашнемъ состоянiи военнаго устройства Московскаго было крайне затруднительно, побуждали приближенныхъ къ Іоанну людей совѣтывать ему покончить и съ Крымомъ точно такъ же, какъ онъ покончилъ съ Казанью и Астраханью. Іоаннъ не принялъ ихъ совѣтовъ, и конечно исторія должна въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдать его. Походы подъ Казань были легки, потому что населенныя области ея соприкасались съ населенными областями Московскаго государства; даже большія пустынныя или рѣдко-населенныя пространства представляли въ лѣсахъ и рѣкахъ своихъ обильную пищу для многочисленнаго войска; кромѣ того рѣки— Москва, Ока и Волга представляли другой удобнѣйшій путь; Волга же привязывала и Астрахань къ Московскому государству послѣ покоренія Казани. Но Крымъ отъ московскихъ украйнъ отдѣленъ былъ обширною степью, начинавшеюся подъ Тулою и Пронскомъ. Легко было ничтожнымъ отрядамъ Ржевскаго, Вишневецкаго, Адашева староваряжскимъ или новокозацкимъ обычаемъ спускаться на легкихъ лодкахъ внизъ по Днѣпру; но не могло идти такимъ путемъ громадное ополченіе, нужное для завоеванія Крыма: бѣдственные походы Голицына въ концѣ XVII вѣка, когда уже Малороссія была соединена съ Москвою, и не менѣе бѣдственные, относительно потери людей, хотя и блистательные походы фельдмаршала Миниха въ XVIII вѣкѣ, доказываютъ очевиднымъ образомъ невозможность большихъ походовъ въ Крымъ для Москвы XVI вѣка и вполнѣ оправдываютъ Іоанна. Но еслибы даже завоеваніе Крыма и было возможно въ половинѣ XVI вѣка, то возможно ли было его сохраненіе? Сколько нужно было усилій, чтобъ подчинить окончательно племена, обитавшія подлѣ Казани, какую истребительную войну нужно было вести для этого? Новыя возстанія, послѣ того уже какъ все казалось успокоеннымъ, привели въ отчаяніе нѣкоторыхъ вельможъ, такъ что они совѣтывали бросить навсегда эту несчастную страну: мы поймемъ это отчаяніе, когда вспомнимъ, что постояннаго войска не было, или если было, то въ зародышѣ. Казанскіе народцы были предоставлены самимъ себѣ въ возстаніяхъ противъ Москвы: Ногаи не могли доставить имъ сильной помощи, Крымцы еще менѣе. Но Крымскаго хана, въ походахъ его на Московскія украйны, провожали янычары турецкіе; турецкое войско должно было защищать его въ Крыму какъ магометанскаго владѣльца и какъ поручника султанова, слѣдовательно, дѣятель-

ная наступательная война съ Крымомъ влекла необходимо къ войнѣ съ Турціею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, предъ которою трепетала Европа: могло ли Московское государство, при тогдашнихъ средствахъ своихъ, бороться съ нею, вырвать изъ рукъ ея Крымъ и защитить потомъ отъ нея это застепное завоеваніе? Іоаннъ видѣлъ невозможность этого: Адашевъ, взявши въ плѣнъ нѣсколько Турокъ во время своего нападенія на Крымъ, отослалъ ихъ къ Очаковскимъ пашамъ, велѣвъ сказать имъ, что царь воюетъ съ врагомъ своимъ, Девлетъ-Гиреемъ, а не съ султаномъ, съ которымъ хочетъ быть въ вѣчной дружбѣ.

Московское государство могло съ успѣхомъ вступить въ окончательную борьбу съ магометанскимъ Востокомъ, съ Турціею не прежде, какъ по прошествіи двухсотъ лѣтъ, когда уже оно явилось Россійскою имперіею и обладало всѣми средствами Европейскаго государства. Теперь, слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ вниманіе правительства его должно было обращаться главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе этихъ средствъ, должно было для этого обращаться къ западу, гдѣ могло найти ихъ: и вотъ Іоаннъ, какъ скоро успокоилъ свои восточныя границы взятіемъ Казани, обращаетъ вниманіе на западъ. Здѣсь сначала занимала его война съ Швеціею, начавшаяся въ 1554 году вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ; ссоры эти могли бы уладиться и мирными средствами: но шведскаго короля раздражалъ обычай московскаго двора, который не хотѣлъ непосредственно сноситься съ нимъ, а предоставлялъ эти сношенія новгородскимъ намѣстникамъ, что король считалъ для себя униженіемъ. Шведы безуспѣшно осаждали Орѣшекъ, русскіе Выборгъ; но окрестности послѣдняго были страшно опустошены: русскіе продавали плѣннаго мужчину за гривну, дѣвку за пять алтынъ; Густавъ Ваза началъ войну, обнадеженный въ помощи Польской и Ливонской; но помощь эта не приходила, и престарѣлый король принужденъ былъ искать мира въ Москвѣ и заключить его какъ угодно было царю. Королевская грамота къ Іоанну начиналась такъ: „Мы, Густавъ, Божіею милостію Свейскій, готскій и вендскій король, *челомъ бью* твоему вельможнѣйшеству князю государю Ивану Васильевичу о твоей милости. Великій князь и царь всея русскія земли!“ Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы для королевскаго челобитья разлитіе крови христіанской велимъ унять. Если король свои гордостныя мысли оставитъ и за свое крестопреступленіе и за всѣ

свои неправды станетъ намъ бить челомъ покорно своими большими послами, то мы челобитье его примемъ и велимъ намѣстникамъ своимъ новгородскимъ подкрѣпить съ нимъ перемирье по старымъ грамотамъ, также и рубежи велимъ очистить по старымъ перемирнымъ грамотамъ; мы не захотимъ нигдѣ взять его земли черезъ старые рубежи, потому что, по своей государской справедливости, мы довольны своими землями, которыя намъ Богъ далъ изстарины. Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему съ нашими намѣстниками новгородскими не ссылаться, то онъ бы къ намъ и пословъ не отправлялъ, потому что старые обычаи порушиться не могутъ. Если самъ король не знаетъ, то купцовъ своихъ пусть спроситъ: новгородскіе пригородки—Псковъ, Устюгъ, чай знаютъ, сколькимъ каждый изъ нихъ больше Стекольны (Стокгольма)"? Большіе послы пріѣхали и опять начали просить о непосредственныхъ сношеніяхъ между государями; говорили: „Намѣстники новгородскіе люди великіе, но холопъ государю не братъ". Имъ отвѣчали: „Намѣстники новгородскіе люди великіе—князь Θедоръ Даировичъ внукъ казанскаго царя Ибрагима, князь Михайло Кисло и князь Борисъ Горбатый—суздальскіе князья отъ корня государей русскихъ; князь Булгаковъ—литовскому королю братъ въ четвертомъ колѣнѣ; теперь князь Михайла Васильевичъ Глинскій—дѣда его, князя Михаила Львовича, въ нѣмецкихъ земляхъ знали многіе; Плещеевъ, извѣстный государскій бояринъ родовъ за тридцать и больше. А про вашего государя въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, какого онъ рода, и какъ животиною торговалъ и въ шведскую землю пришелъ: это дѣлалось недавно, всѣмъ вѣдомо". Послы отвѣчали боярамъ: „Пожалуйста не кручиньтесь: мы эти слова припомянули на разговоръ, а не въ споръ; отъ государя нашего намъ приказано дѣлать по желанію вашего государя". Опредѣлено было, что Шведы своихъ плѣнныхъ выкупятъ, а русскихъ возвратятъ безденежно; король будетъ сноситься съ новгородскими намѣстниками; границы останутся по старинѣ. Послы били челомъ, чтобъ государь не велѣлъ вставлять въ грамоту, что миръ нарушенъ былъ королевымъ клятвопреступленіемъ; Іоаннъ согласился. Послы благодарили за такое великое государское жалованье и сказали: „У насъ такого государскаго жалованья и на мысли не было". Однако въ грамотѣ остались подобныя выраженія: „И за нарушеніе перемирья благовѣрный царь и

великій князь положилъ было гнѣвъ на Густава короля и на всю землю шведскую". Въ утвержденной грамотѣ постановлено было о взаимной свободной торговли между обоими государствами и о свободномъ проѣздѣ черезъ нихъ въ другія земли: „шведскимъ купцамъ въ отчину великаго государя, въ великій Новгородъ, въ Москву, въ Казань и Астрахань ѣздить вольно, имъ и посламъ шведскимъ ѣздить во всякія государства, въ Индію и Китай". Это условіе царь велѣлъ внести потому, что „гости и купцы отчинъ великаго государя изъ многихъ городовъ говорятъ, чтобъ имъ въ торговыхъ дѣлахъ была воля, которые захотятъ торговать въ шведской землѣ, и тѣ бъ торговали въ шведской землѣ, а которые захотятъ идти изъ шведской земли въ Любокъ и въ Антропъ (Любекъ и Антверпенъ), въ Испанскую землю, Англію, Францію—тѣмъ была бы воля и береженье, и корабли были бы имъ готовы" [50].

Такъ высказывалось стремленіе начать дѣятельныя торговыя связи съ западною Европою; но эти связи должны были зависѣть отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ; своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ на было. Эта замкнутость была тѣмъ болѣе нестерпима, что чувствовалась сильная потребность въ усвоеніи плодовъ Европейской гражданственности а людей, могущихъ принесть въ Москву эти плоды, ученыхъ и художниковъ, не пропускали враждебные сосѣди, справедливо опасавшіеся, что страшное матеріальными силами государство московское будетъ непобѣдимо, если пріобрѣтетъ еще науку, могущество духовное. Болѣе другихъ могущества Москвы должно было бояться самое слабое изъ сосѣднихъ государствъ—Ливонское: дѣйствительно, при сильной потребности имѣть непосредственное сообщеніе съ западною Европою, имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, взоры московскаго царя необходимо обращались на Ливонію, добычу легкую по ея внутреннему безсилію, увеличенному еще перемѣною исповѣданія католическаго на протестантское, и вмѣстѣ добычу, на которую имѣлись старыя права. Мы видѣли, что еще въ правленіе отца Іоаннова польское правительство стращало ливонцевъ этими правами. Понятно, что ливонцы болѣе другихъ хлопотали о томъ, чтобъ знанія не проникали въ Москву; но этими поступками они, разумѣется, усиливали только въ Московскомъ правительствѣ желаніе пріобрѣсти Балтійскіе берега и ускоряли, слѣдовательно, паденіе своего государства. Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ

Москвы Петръ Фрязинъ былъ представленъ дерптскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: „Знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ сказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ, и думаетъ ѣхать въ Москву, служить великому князю". Услыхавъ это, епископъ допытался объ этомъ нѣмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда [51]. Въ 1547 году семнадцатилѣтній Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте выпросилъ на это позволеніе у императора Карла V-го, набралъ 123 человѣка и привезъ уже ихъ въ Любекъ, какъ Ливонское правительство представило императору опасность, какая можетъ произойти отъ этого для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ, и достигло того, что Карлъ далъ магистру полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Вслѣдствіе этого Шлитте былъ задержанъ въ Любекѣ и посаженъ въ тюрьму, а набранные имъ люди разсѣялись; одинъ изъ нихъ, мейстеръ Гансъ, попытался было пробраться въ Москву, былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, освободился и отправился опять въ Москву, но былъ опять схваченъ въ двухъ миляхъ отъ русской границы и казненъ смертію [52].

Мы видѣли, что въ первой дошедшей до насъ договорной грамотѣ Русскихъ съ епископомъ Дерптскимъ, уже говорится о дани, которую послѣдній долженъ былъ платить великому князю, и говорится какъ о старинѣ. Въ Плеттенберговомъ договорѣ, заключенномъ въ 1503 году, условіе о дани съ Дерпта было подтверждено, но не было исполняемо 50 лѣтъ: Василію Іоанновичу, занятому дѣлами литовскими, особенно казанскими и крымскими, находившемуся въ союзѣ съ великимъ магистромъ, нельзя было думать о разрывѣ съ Ливоніею изъ-за Дерптской дани, нельзя было думать объ этомъ и въ малолѣтство Іоанново; но обстоятельства были не тѣ, когда въ 1554 году явились въ Москву Ливонскіе послы съ просьбою о продолженіи перемирія [53]. Высланный къ нимъ окольничій Алексѣй Адашевъ объявилъ, что Нѣмцы уже давно не платятъ дани съ Юрьевской волости, купцовъ обижаютъ, церкви и концы Русскіе за себя завели: за это неисправленіе государь положилъ свой гнѣвъ на магистра, епископа и на всю

землю Ливонскую, и намѣстникамъ своимъ перемирія не велѣлъ давать. Послы отвѣчали, что не знаютъ, о какой дани говоритъ окольничій: въ старыхъ грамотахъ своихъ они нигдѣ не находили чтобъ платилась съ ихъ земель дань великому князю. Адашевъ сказалъ имъ на это: „Удивительно, какъ это вы не хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ-за моря, вторгнулись въ отчину великихъ князей русскихъ, за что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, предки государевы позволили Нѣмцамъ жить въ занятой ими странѣ, съ условіемъ, чтобъ они платили дань великимъ князьямъ; но они обѣщаніе свое нарушили, дани не платили: такъ теперь должны заплатить всѣ недоимки. Послы согласились написать перемирную грамоту, по которой Дерптскій епископъ обязывался платить съ своей области дань въ Москву по гривнѣ нѣмецкой съ каждаго человѣка, исключая людей церковныхъ, и въ три года заплатить недоимки за 50 лѣтъ, церкви русскія и концы очистить и русскимъ людямъ во всемъ учинить управу безволокитно; русскимъ гостямъ и купцамъ съ литовскими и иностранными купцами дозволить свободную торговлю всякимъ товаромъ, кромѣ панцырей, пропускать въ Москву всѣхъ иностранцевъ, которые придутъ изъ-за моря служить царю, не помогать Польскому королю и великому князю Литовскому противъ Москвы. Но послы выговорили, что такъ какъ они согласились на дань безъ вѣдома магистра и епископа, то послѣдніе имѣютъ право и не согласиться на эти условія. Касательно церквей русскихъ самъ Ливонскій лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были разграблены въ Дерптѣ, Ревелѣ, Ригѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ протестантскими фанатиками; лѣтописецъ Ливонскій приводитъ по этому случаю и письмо Московскаго государя къ правительству Ордена: „Необузданные Ливонцы, противящіеся Богу и законному правительству: вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы Римскаго; если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе“. Лѣтописецъ прибавляетъ, что царь вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послалъ правителямъ Ливоніи бичъ, какъ символъ исправленія. Извѣстіе любопытное, показывающее намъ взглядъ тѣхъ Ливонцевъ, которые жа-

-лѣли о ниспроверженіи прежняго порядка вещей и въ войнѣ Московской, въ паденіи Ливоніи видѣли слѣдствія новаго порядка [34].

Для окончательнаго скрѣпленія договора отправился въ Дерптъ царскій посолъ Келарь Терпигоревъ, который потребовалъ отъ епископа, чтобъ тотъ безъ отлагательства исполнилъ обычную форму: при скрѣпленіи договоровъ, отрѣзалъ у грамоты посольскія печати и вмѣсто ихъ привѣсилъ печати свою и магистрову. Епископъ собралъ совѣтъ—что отвѣчать послу? Дѣло было трудное, а Терпигоревъ ни хотѣлъ дожидаться. Старый совѣтникъ, Яковъ Краббе, говорилъ: „Если же мы скрѣпимъ грамоту, то вѣдь это будетъ значить, что мы съ женами и дѣтьми вступимъ въ подданство къ великому князю. Мы должны или платить дань, или видѣть опустошеніе земли своей; что великій князь собралъ противъ насъ всѣ свои силы, это я знаю навѣрное". Всѣ сидѣли въ глубокомъ уныніи. Тутъ всталъ епископскій канцлеръ Голтшюръ и сказалъ: „Дѣло трудное и мы должны хлопотать о томъ, какъ бы, по крайней мѣрѣ, протянуть время. Позовемъ царскаго посла и скажемъ ему, что мы, съ своей стороны, согласны скрѣпить договоръ и скрѣпляемъ, но онъ не будетъ имѣть силы безъ согласія Римскаго императора, верховнаго господина страны". Мнѣніе Голтшюра было принято, и гонецъ поскакалъ къ императору съ просьбою, чтобъ тотъ отправилъ посольство въ Москву ходатайствовать у царя о сложеніи дани. Терпигоревъ былъ позванъ въ совѣтъ: въ присутствіи двухъ нотаріусовъ договоръ былъ скрѣпленъ новыми печатями, старыя посольскія отрѣзали, послѣ чего нотаріусы начали писать протестъ отъ имени императора. Терпигоревъ спросилъ у Краббе: „Что это они такое еще пишутъ?" Когда Краббе объяснилъ, въ чемъ дѣло, то посолъ рѣзко отвѣчалъ: „Какое дѣло моему государю до цесаря? дайте мнѣ только грамоту; а не принесете государю дани, такъ онъ ее возьметъ". Пришедши домой, онъ угостилъ провожавшихъ его гофъ-юнкеровъ водкой, вынулъ изъ пазухи договоръ, приказалъ слугѣ завернуть его въ шелковый платокъ, и сказалъ: „Смотри, береги мнѣ и откармливай этого теленка, чтобъ онъ выросъ и разжирѣлъ" [35].

Епископъ обязался въ три года выплатить всѣ недоимки; три года прошло, и въ февралѣ 1557 явились въ Москву Ливонскіе послы безъ денегъ, съ просьбою, чтобъ дань была сложена. Адашевъ отвѣчалъ имъ, что такъ какъ магистръ, архіепископъ Риж-

скій и епископъ Дерптскій нарушили договоръ, то государь будетъ самъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ. Іоаннъ не допустилъ къ себѣ пословъ, и они безъ дѣла уѣхали въ мартѣ мѣсгѣ, а въ апрѣлѣ царь отправилъ князя Шестунова строить городъ и гавань (корабельное пристанище) при устьѣ рѣки Нарвы, ниже Ивангорода; велѣлъ также положить заповѣдь въ Новгородѣ, Псковѣ и Ивангородѣ, чтобъ никто къ Нѣмцамъ съ товарами не ѣздилъ, если же пріѣдутъ Нѣмцы въ царскую отчину, то съ ними торговать безъ всякой зацѣпки. Въ ноябрѣ выступило въ походъ къ ливонскимъ границамъ сорокатысячное войско подъ начальствомъ царя Шигъ-Алея и воеводъ—князя Михаила Васильевича Глинскаго, царицына брата Данила Романовича и другихъ; подлѣ русскихъ полковъ шли Татары, Черемисы, Мордва, Черкесы Пятигорскіе. Нѣмцы прислали за опасною грамотою, и въ декабрѣ явились ихъ послы, били челомъ, чтобъ государь оставилъ поголовную дань по гривнѣ съ человѣка, а взялъ бы единовременно за прошлыя недоимки и за настоящія военныя издержки 45,000 ефимковъ (18,000 рублей по московскому счету), да ежегодно Юрьевъ будетъ платить по 1,000 золотыхъ венгерскихъ. Когда переговоры кончились, царь потребовалъ денегъ; но у пословъ денегъ не было: тогда раздраженный Іоаннъ, видя только желаніе Нѣмцевъ обмануть его и протянуть время, велѣлъ посламъ ѣхать назадъ, а войску своему двинуться въ Ливонію. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что послы отправились въ Москву безъ денегъ, понадѣявшись на обѣщанія московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Ливоніею, что если миръ будетъ заключенъ, то они дадутъ посламъ денегъ взаймы подъ вексель, но царь подъ смертною казнею запретилъ купцамъ давать посламъ денегъ въ займы. Послы просили, чтобъ оставили ихъ самихъ въ Москвѣ заложниками пока придутъ деньги изъ Ливоніи; но царь и на это не согласился. Одинъ изъ нѣмецкихъ же лѣтописцевъ разсказываетъ, что передъ отъѣздомъ позвали пословъ къ царскому столу и подали имъ пустыя блюда.

Въ генварѣ 1558 года вступило русское войско изъ Пскова въ Ливонію и страшно опустошило ее на пространствѣ 200 верстъ, вездѣ побивая нѣмецкіе отряды, выходившіе къ нему на встрѣчу. Погостивши мѣсяцъ съ огромною добычею возвратились ратные люди назадъ: Курбскій, находившійся въ числѣ воеводъ, говоритъ: „Земля была богатая, а жители въ ней гордые: отступили они отъ

вѣры христіанской, отъ обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотеческихъ, ринулись всѣ на широкій и пространный путь, на пьянство, невоздержаніе, на долгое спанье, лѣнь, на неправды и кровопролитіе междоусобное". По словамъ ливонскихъ лѣтописцевъ, развратъ въ ихъ странѣ въ это время дошелъ до такой степени, что его не стыдились, но гордились имъ, правители подавали примѣръ подчиненнымъ.

Оставивши Ливонію, царь Шигъ-Алей, царевичи, бояре и воеводы послали къ магистру грамоту, въ которой писали: „За ваше неисправленіе и клятвопреступленіе государь послалъ на васъ войну; кровь пролилась отъ васъ; если же хотите предъ государемъ исправиться и кровь унять, то присылайте къ государю съ челобитьемъ; а мы всѣ станемъ за васъ просить". Магистръ прислалъ за опасною грамотою для пословъ и получилъ ее; царь велѣлъ прекратить войну. Но жители Нарвы не хотѣли прекратить ее и продолжали стрѣлять на сосѣдній, только рѣкою Нарвою отдѣляемый отъ нихъ Ивангородъ. Воеводы Новгородскіе дали знать объ этомъ царю и послали сказать жителямъ Нарвы, что они нарушаютъ перемиріе; тѣ отвѣчали: „Князецъ стрѣляетъ, намъ его не унять". Получивши отъ царя приказъ начать непріятельскія дѣйствія, воеводы съ Ивангорода открыли сильную пальбу: Нарва не могла ее выдержать болѣе недѣли и 9 апрѣля, въ Великую субботу, выѣхали Нарвскіе начальники и били челомъ воеводамъ, чтобъ государь показалъ милость, взялъ ихъ въ свое имя, отъ магистра и всей земли Ливонской они отстали и за князьца не стоятъ: воровалъ онъ на свою голову. Они дали воеводамъ заложниковъ, двоихъ лучшихъ людей, а въ Москву послали депутатовъ. Когда последніе явились во дворецъ, то Алексѣй Адашевъ спросилъ ихъ: о чемъ они пріѣхали бить челомъ? какое государево жалованье хотятъ на себѣ видѣть? Депутаты отвѣчали, что они пріѣхали просить позволенія не отставать отъ магистра, а впрочемъ чѣмъ ихъ государь пожалуетъ. Адашевъ сказалъ имъ на это: „Вы чрезъ опасную грамоту стрѣляли на государевъ городъ и по людямъ: потомъ, видя бѣду, били челомъ, что отъ магистра отстали и хотите быть во всей государевой волѣ; воля государева такова: выдайте князьца, который у васъ начальствуетъ крѣпостью, а крѣпость сдайте нашимъ воеводамъ; тогда государь васъ пожалуетъ, изъ домовъ не разведетъ, старины вашей и торгу не нарушитъ, а бу-

дутъ владѣть и Вышгородомъ (кремлемъ) и Нарвою царскіе воеводы, какъ владѣли магистръ и князецъ: иначе тому дѣлу не бывать". Депутаты согласились и присягнули за всю землю Нарскую. Но когда Ивангородскіе воеводы послали сказать объ этомъ въ Нарву, тамошніе жители отвѣчали, что они не затѣмъ посылали депутатовъ въ Москву, чтобъ отстать отъ магистра: дѣло объяснилось тѣмъ, что они получили помощь отъ послѣдняго. Но эта помощь не спасла Нарвы. 11 мая, воспользовавшись сильнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ городѣ, Русскіе, не смотря на жестокое сопротивленіе жителей, овладѣли нижнимъ городомъ и приступили къ кремлю (Вышгороду), къ которому приступали до вечера, стрѣляя изъ пушекъ ивангородскихъ и взятыхъ въ нижнемъ городѣ, или собственной Нарвѣ. Наконецъ изъ Вышгорода прислали бить челомъ, чтобы воеводы пожаловали, приняли крѣпость со всѣмъ нарядомъ, но чтобъ князецъ съ новоприбывшими ратными людьми могъ свободно изъ нея выйти. Воеводы согласились: ратные люди и лучшіе граждане вышли, только безъ имущества, а черные присягнули быть въ подданствѣ у царя и дѣтей его во вѣки. Іоаннъ очень обрадовался пріобрѣтенію этого важнаго мѣста: послалъ тотчасъ изъ Новгорода архимандрита и протопопа, велѣлъ ставить церкви въ Нарвѣ, очищать ее отъ вѣры латинской и люторской; пожаловалъ воеводъ и дѣтей боярскихъ; далъ жалованную грамоту и жителямъ Нарвы; даже велѣлъ отыскать всѣхъ прежде взятыхъ плѣнниковъ, родомъ изъ Нарвы, и возвратить въ отечество.

Еще прежде взятія Нарвы пріѣхали въ Москву большіе послы Ливонскіе, во главѣ которыхъ былъ родной братъ магистра Ѳедоръ Фюрстенбергъ. Они привезли 66,000 талеровъ за недоимки и военныя издержки; касательно же дани съ Дерптской области просили, чтобъ царь не требовалъ теперь ее, потому что эта область опустошена въ конецъ и въ нѣсколько лѣтъ не поправится, и потому что царское войско взяло на войнѣ гораздо больше условленной суммы. Сначала Іоаннъ не хотѣлъ слышать объ этихъ условіяхъ; но потомъ купцы московскіе, желавшіе мира съ Ливоніею, не пожалѣли богатыхъ подарковъ для бояръ, и переговоры начали было подвигаться впередъ, какъ пришло извѣстіе о взятіи Нарвы. Адашевъ объявилъ посламъ, что Нѣмцы, взявши опасную грамоту, несмотря на то, двѣ недѣли стрѣляли по Ивангороду и

били людей; государь велѣлъ промышлять надъ Нарвою, и воеводы взяли ее; теперь государь велѣлъ промышлять надъ другими городами, а вѣрить Нѣмцамъ нельзя: клятвъ своихъ не исполняютъ. Если же они хотятъ мира, то магистръ, архіепископъ Рижскій и епископъ Дерптскій должны сдѣлать то же, что сдѣлали цари Казанскій, Астраханскій и Шигъ-Алей, должны сами явиться предъ государемъ съ данью со всей земли Ливонской, ударить ему челомъ и впредь во всемъ исполнять его волю, а города завоеванные останутся за Москвою [56]. Послы уѣхали, и война продолжалась. Нѣкоторые города сдавались безъ сопротивленія, воеводы строили въ нихъ православныя церкви, приводили жителей—Латышей и Нѣмцевъ къ присягѣ Московскому царю. Съ большимъ трудомъ взятъ былъ Нейгаузъ; магистръ Фюрстенбергъ не помогъ ему; онъ не смѣлъ вступить въ битву съ русскими войсками, имѣя не съ большимъ только 8,000 ратныхъ людей. По взятіи Нейгауза, онъ едва ушелъ отъ Русскихъ къ Валку: здѣсь, по старости, онъ сложилъ съ себя достоинство магистра и на его мѣсто былъ выбранъ Феллинскій коммандоръ Готгардъ Кетлеръ. Но и молодой магистръ такъ же мало былъ способенъ помочь Ордену, какъ и старый: нравственныя силы народонаселенія были истощены. Тщетно раздавался благородный голосъ дерптскаго бургомистра Тиле, который говорилъ, что нечего ждать помощи извнѣ, что надобно пожертвовать всѣмъ богатствомъ для спасенія родной страны, встать всѣмъ какъ одинъ человѣкъ и соединенными силами дать отпоръ врагу, а не дожидаться каждому мѣсту своей очереди. Никто не слушалъ его, никто не хотѣлъ жертвовать своимъ добромъ добру общему, и тѣ, которые прежде кричали, что скорѣе пожертвуютъ 100 рейхсталеровъ на войну съ Москвою, чѣмъ одинъ талеръ для дани царю, на покупку мира, тѣ теперь, когда бѣда пришла, не хотѣли жертвовать ничѣмъ ни для мира, ни для войны.

Въ іюлѣ русское войско, подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, обложило Дерптъ, гдѣ затворился епископъ Германъ Вейландъ съ гражданами и двумя тысячами [57] наемныхъ заморскихъ Нѣмцевъ; большая часть дворянъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, ночью покинула городъ [58]. Осажденные сначала защищались мужественно, отстрѣливались, дѣлали частыя вылазки, какъ слѣдуетъ рыцарскимъ мужамъ, по выраженію Курбскаго; но осаждающіе придвигались все ближе и ближе, отъ стрѣльбы ихъ ру-

шились стѣны, гибло много людей, остальные были измучены трудами при защитѣ города; послали къ магистру съ просьбою о помощи: посланный возвратился съ отвѣтомъ, что магистръ порицаетъ поступокъ дворянства, хвалитъ мужество епископа и гражданъ, желаетъ, чтобы они защитили городъ, но самъ не въ состояніи противиться такому сильному непріятелю и употребляетъ всѣ старанія, чтобъ увеличить свое войско; а московскій воевода объявилъ милость царскую, если осажденные сдадутся; въ противномъ случаѣ грозилъ, что не оставитъ въ живыхъ и малаго ребенка. Осажденные выпросили два дня сроку для размышленія, потомъ выпросили еще одинъ день, на четвертый объявили, что сдадутся на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Епископъ получаетъ для жительства своего монастырь Фалькенау, въ двухъ миляхъ отъ Дерпта, со всѣми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; подъ его вѣдомствомъ остаются латинское духовенство и церкви съ ихъ имуществомъ. 2) Дворяне, желающіе остаться подъ властію государя, удерживаютъ свои земли и людей, находятся подъ вѣдомствомъ епископа, и не могутъ быть выведены въ Россію. 3) Граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безо всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются какъ были, равно какъ и школы ихъ. 4) Городовое управленіе остается по старинѣ. 5) Браки съ заморскими Нѣмцами дозволяются. 6) Всѣ горожане и обитатели Дерпта, при его сдачѣ, могутъ выѣхать въ теченіе 8 дней изъ города со всѣмъ своимъ имѣніемъ, и чего не смогутъ взять съ собою, то могутъ оставить у своихъ пріятелей или въ своихъ домахъ и взять послѣ при удобномъ случаѣ. 7) Если потомъ они сами или дѣти ихъ захотятъ опять переселиться въ Дерптъ и жить подъ властію государя, то могутъ это сдѣлать. 8) Ратные люди могутъ выйти изъ города съ имѣніемъ и оружіемъ. 9) Иностранные купцы, нѣмецкіе и русскіе, не могутъ торговать въ Дерптѣ непосредственно другъ съ другомъ, а только съ дерптскими горожанами. 10) Русскіе ратные люди не будутъ становиться въ домахъ обывательскихъ. 11) Государь не будетъ выводить горожанъ или обывателей изъ Дерпта въ Россію или другія мѣста. 12) Всѣ преступленія, даже противъ государя, судятся городовымъ судомъ. 13) Право гражданства дается по старинѣ городовымъ управленіемъ; новый гражданинъ долженъ присягать государю и городовому упра-

вленію. 14) Городовое управленіе желаетъ, чтобъ на его судные приговоры могла быть аппелляція къ Рижскому городовому управленію.

18 іюля уполномоченные отъ епископа, дворянства, капитула, отъ городоваго совѣта и общины отправились съ этими условіями къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, который долженъ былъ скрѣпить ихъ. Шуйскій скрѣпилъ ихъ въ надеждѣ, что они будутъ утверждены и государемъ. Уполномоченные просили воеводу, чтобъ русское войско не вторгалось въ домы гражданъ, не пугало ихъ женъ и дѣтей. Это было обѣщано, и обѣщаніе строго исполнено. Епископъ, ратные люди и тѣ горожане, которые хотѣли выѣхать съ семействами изъ города, выѣхали подъ прикрытіемъ русскихъ отрядовъ, чтобъ съ ними не случилось ни малѣйшей непріятности. По вступленіи своемъ въ городъ, Шуйскій повѣстилъ, чтобъ ратные люди не смѣли обижать жителей подъ страхомъ жестокаго наказанія, а жители чтобъ не смѣли продавать ратнымъ людямъ крѣпкихъ напитковъ. По свидѣтельству современника и очевидца, Нѣмца, порядокъ былъ сохраненъ, нарушители его дѣйствительно подверглись строгимъ наказаніямъ; боярскіе дѣти ежедневно объѣзжали городъ, забирали всѣхъ пьяныхъ и дурно ведшихъ себя людей; жители не терпѣли никакого насилія и утѣшали себя этимъ въ несчастіи; Шуйскій объявилъ, что его домъ и уши будутъ отворены для каждаго, кто придетъ съ жалобою на русскихъ ратныхъ людей. Совѣтъ и община послали ему въ подарокъ вина, пива и разныхъ съѣстныхъ припасовъ; а Шуйскій чрезъ нѣсколько дней угостилъ членовъ совѣта и лучшихъ людей хорошимъ обѣдомъ въ замкѣ. 6 сентября царь далъ жителямъ Дерпта жалованную грамоту, въ которой нѣкоторыя изъ условій были дополнены, нѣкоторыя измѣнены: напримѣръ, въ городскомъ судѣ долженъ былъ засѣдать и русскій чиновникъ (Drost) для охраненія русскихъ людей; аппелляціи къ Рижскому городовому суду не были позволены; вмѣсто нихъ поставлена была аппелляція къ Дерптскому воеводѣ; дѣла же, которыхъ и воевода рѣшить не могъ, отсылались къ царю; на монетѣ долженъ быть съ одной стороны гербъ царскій, на другой городовой; на городовой печати долженъ быть царскій гербъ. Въ случаѣ нужды, ратные люди могутъ стоять въ домахъ черныхъ людей. Дерптскіе жители могутъ торговать безпошлинно въ Новгородѣ, Псковѣ, Иваньгородѣ и Нарвѣ, но если поѣдутъ съ торгомъ въ Казань, Астрахань или другія области Московскія, то должны платить пошлины

наравнѣ съ русскими купцами; свободно могутъ они отъѣзжать за море и торговать всякими товрами; если не захотятъ жить въ Дерптѣ, могутъ свободно выѣхать за границу со всѣмъ имуществомъ, заплативъ съ него десятую деньгу въ царскую казну. Если кто изъ Дерптскихъ жителей дойдетъ по своей винѣ смертной казни, то имущество его идетъ въ казну, которая платитъ его долги. Если преступникъ уйдетъ за море, то имущество его отбирается въ казну, которая изъ него платитъ его заимодавцамъ; если же онъ убѣжитъ со всѣмъ своимъ движимымъ имѣніемъ, то недвижимое все идетъ въ казну, которая ничего не платитъ заимодавцамъ: зачѣмъ они не обращаютъ вниманія на такихъ людей? Дерптскіе жители могутъ свободно покупать дома и сады и жить въ нихъ въ Новгородѣ, Псковѣ, Иваньгородѣ, Нарвѣ и во всѣхъ другихъ русскихъ областяхъ; равно какъ Новгородцы, Псковичи, Иваньгородцы, Нарвцы и всякіе русскіе люди могутъ покупать дома и сады въ Дерптѣ во всѣхъ мѣстахъ [59].

Такія льготы, данныя покорившемуся городу, показывали ясно намѣреніе царя завоевать Ливонію и удержать навсегда за собою это завоеваніе; дѣтямъ боярскимъ розданы были земли въ покоренныхъ областяхъ; князь Шуйскій послалъ въ Ревель съ требованіемъ, чтобы онъ послѣдовалъ примѣру Дерпта, что въ такомъ случаѣ государь дастъ ему большія привилегіи, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользовался прежде; въ противномъ же случаѣ да страшится царскаго гнѣва. Ревель не покорился; но покорилось нѣсколько другихъ городовъ, число которыхъ съ прежде завоеванными дошло къ осени уже до 20. Совершивши такой блистательный походъ, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились въ Москву въ сентябрѣ, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ. Этимъ удаленіемъ воспользовался магистръ Кетлеръ: собравши болѣе 10,000 войска, онъ осадилъ Рингенъ и взялъ его приступомъ, потерявши, какъ шелъ слухъ, 2000 человѣкъ [60]. Воеводы, остававшіеся въ Ливоніи, не могли собрать болѣе 2000 человѣкъ, не могли потому выдержать натиска Нѣмцевъ и, при встрѣчѣ съ магистромъ, обратились въ бѣгство; могли только бить отдѣльные отряды Нѣмцевъ, посылаемые за сборомъ кормовъ; Нѣмцы пробрались и въ собственно русскія владѣнія, сожгли посадъ у Псковского пригорода Краснаго, были и подъ Себежемъ, сожгли монастырь св. Николая. Взятіемъ Рингена впрочемъ магистръ долженъ былъ удовольство-

ваться: съ такимъ небольшимъ войскомъ, какое было у него, онъ не могъ предпринять осады болѣе значительныхъ городовъ и ушелъ назадъ въ концѣ октября. Во время осады Рингена всѣ мужчины были выведены изъ Дерпта во Псковъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока магистръ ушелъ назадъ въ Ригу; тогда ихъ возвратили къ семействамъ, которымъ въ ихъ отсутствіе не было сдѣлано ни малѣйшаго вреда, по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца; эта мѣра объясняется извѣстіемъ русскихъ лѣтописей, что Дерптскіе Нѣмцы ссылались съ магистромъ, звали его къ своему городу, гдѣ, по ихъ словамъ, у Русскихъ было мало войска [61]. Кетлеръ накликалъ месть своимъ походомъ: въ генварѣ 1559 года вступило въ Ливонію большое московское войско (130,000 по нѣмецкимъ извѣстіямъ), разбило Нѣмцевъ при Тирзенѣ и безъ сопротивленія уже цѣлый мѣсяцъ пустошило всю землю съ одной стороны до моря, съ другой до границъ Прусскихъ и Литовскихъ, не щадя младенцевъ во чревѣ матерей [62].

Ливонское правительство обратилось къ сыну Густава Вазы Шведскаго, герцогу Іоанну, правителю Финляндіи, съ просьбою ссудить 200,000 рейхсталеровъ и войско, предлагая въ залогъ нѣсколько земель въ Ливоніи. Молодой принцъ, желая распространенія своихъ владѣній на счетъ этой страны, былъ непрочь вступить въ переговоры; но старикъ отецъ посовѣтовалъ ему не вступаться никакимъ образомъ въ дѣло, ибо тогда нужно будетъ поссориться не съ одною Москвою, но также съ императоромъ, королями Польскимъ и Датскимъ, которые всѣ объявляютъ свои притязанія на Ливонію. Когда Ревельскія суда напали въ шведскихъ водахъ, при Біоркѣ и Ниландѣ, на лодки русскихъ купцовъ и овладѣли ими, перебивъ людей, то Ревельцевъ захватили за это въ Выборгѣ, и король отправилъ въ Финскій заливъ вооруженныя суда для безопасности русскихъ купцовъ, о чемъ далъ знать въ Москву. Іоаннъ такъ отвѣчалъ ему на это: „Ты писалъ къ намъ о неправдахъ Колыванскихъ людей (Ревельцевъ) и о своей отпискѣ, которую послалъ въ Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумѣли. Ты дѣлаешь гораздо что свое дѣло исправляешь; намъ твое дѣло полюбилось, и мы за это твою старость хвалимъ; и впередъ ты бы къ намъ свою службу исполнялъ и нашимъ губителямъ недружбу дѣлалъ“. Орденъ отправилъ пословъ и прямо въ Стокгольмъ къ Густаву, съ просьбою о по-

мощи; послы представили старому королю, что они ждутъ также сильной помощи отъ императора, нѣмецкихъ князей и короля Польскаго: что слѣдовательно ему, вмѣстѣ съ такими союзниками, нечего бояться Москвы. Густавъ отвѣчалъ имъ, что на помощь Нѣмцевъ и Поляковъ полагаться нечего: императору и нѣмецкимъ князьямъ впору отбиваться отъ Турокъ; а Польскій король обѣщалъ и ему помощь въ войнѣ Московской и обманулъ; точно такъ же поступилъ съ нимъ и Орденъ: но онъ не хочетъ помнить зла и будетъ просить царя за Ливонію. Эта просьба впрочемъ была не очень усильна; Густавъ писалъ Іоанну: „Мы просимъ васъ за Ливонцевъ собственно не для нихъ (потому что они и съ нами не очень хорошо поступили), но чтобъ угодить императору, который намъ приказывалъ и просилъ объ этомъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что мы немедленно хотимъ отправить посланника къ Ливонцамъ, велимъ спросить у нихъ, хотятъ ли они пасть въ ноги и все исполнить какъ слѣдуетъ? мы дадимъ вамъ знать, какой отвѣтъ получимъ отъ нихъ“. Шведскій посолъ говорилъ въ Москвѣ: „Его величество, государь мой, стоитъ теперь съ тяжкимъ оружіемъ, со многими кораблями, и не хочетъ пропускать ни датскихъ, ни нѣмецкихъ людей, которые захотятъ идти на помощь Ливонцамъ“. Іоаннъ отвѣчалъ Густаву: „Мы прежде думали, что ты отъ себя хлопочешь за Ливонцевъ, что такъ тебѣ надобно; а теперь ты пишешь, что дѣлаешь это для императора: такъ если ливонское дѣло тебѣ не очень надобно, то ты бы къ Ливонцамъ и не посылалъ, чтобъ они били мнѣ челомъ“ [63].

Ревельцы, не ожидая ни откуда безкорыстной помощи, обратились къ Датскому королю Христіану III прямо съ просьбою принять ихъ въ свое подданство, такъ какъ нѣкогда Эстонія и Ревель были подъ властію Даніи. Но и Христіанъ III, подобно Густаву Вазѣ, былъ старикъ приближавшійся къ гробу; онъ объявилъ посламъ Ревельскимъ, что не можетъ принять въ подданство ихъ страны, потому что не имѣетъ силъ защищать ее въ такомъ отдаленіи и отъ такого сильнаго врага; онъ взялся только ходатайствовать за нихъ въ Москвѣ; назначилъ пословъ, но умеръ, не отправивъ ихъ, и послы эти явились въ Москвѣ уже отъ имени наслѣдника Христіанова, Фридриха II-го. Король въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ, чтобъ царь запретилъ войскамъ своимъ входить въ Эстонію, какъ принадлежащую Даніи. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы ко-

роля отъ своей любви не отставимъ: какъ ему пригоже быть съ нами въ союзномъ пріятельствѣ, такъ мы его съ собою въ пріятельствѣ и союзной любви учинить хотимъ. Тому уже 600 лѣтъ, какъ великій государь русскій Георгій Владиміровичъ, называемый Ярославомъ, взялъ землю Ливонскую всю и въ свое имя поставилъ городъ Юрьевъ, въ Ригѣ и Колывани церкви русскія и дворы поставилъ и на всѣхъ ливонскихъ людей дани наложилъ. Послѣ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ невзгодъ, тайно отъ нашихъ прародителей, взяли было они изъ королевства Датскаго двухъ королевичей: но наши прародители за то на ливонскихъ людей гнѣвъ положили, многихъ мечу и огню предали, а тѣхъ королевичей Датскихъ изъ своей Ливонской земли вонъ выслали. Такъ Фридрихъ король въ нашъ городъ Колывань не вступалъ". На просьбу не притѣснять Ливонцевъ царь велѣлъ отвѣчать посламъ: „Всѣ Ливонцы отъ прародителей нашихъ извѣчные наши данники; какъ мы остались послѣ отца своего трехъ лѣтъ, то наши непріятели пограничные, видя то, наступили на наши земли, а люди Ливонской земли, смотря на наши невзгоды, перестали платить, и въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридни и палаты отдали Литовскимъ попамъ и купцамъ; въ Колывани русскія гридни и палаты колыванскіе люди за себя взяли, въ Юрьевѣ церковь Николы Чудотворца разорили, конюшни на томъ мѣстѣ поставили, а улицами русскими, палатами и погребами Юрьевцы сами завладѣли" [64]. Однако, желая, какъ видно, имѣть всѣ войска свои на южныхъ границахъ для дѣйствій противъ Крымцевъ, царь далъ Датскимъ посламъ опасную грамоту на имя ливонскихъ правителей; въ грамотѣ говорилось, что, для короля Фридриха, царь жалуетъ перемиріе Ордену отъ мая до ноября 1559 года; чтобъ въ это время или самъ магистръ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или прислалъ бы самыхъ знатныхъ людей для заключенія вѣчнаго мира. Но Кетлеръ понималъ, что челобитьемъ нельзя получить выгоднаго мира; видя, что нѣтъ помощи ни отъ Швеціи, ни отъ Даніи, онъ обратился къ третьему сосѣднему государю, который имѣлъ больше побужденій вступиться за Ливонію, чтобъ не дать Москвѣ усилиться на ея счетъ: Кетлеръ обратился къ королю Польскому.

Въ 1545 году старикъ Сигизмундъ сдалъ управленіе Литвою сыну своему Сигизмунду-Августу, о чемъ послѣдній и далъ знать Іоанну Московскому [65]. Въ 1548 году умеръ Сигизмундъ Старый;

срокъ перемирія исходилъ, но изъ Литвы не было никакой вѣсти; это впрочемъ происходило не отъ того, что новый король замышлялъ войну—войны меньше всего можно было бояться со стороны Сигизмунда-Августа, литовскаго Сарданапала; 1548 годъ онъ провелъ въ борьбѣ за жену свою Варвару, урожденную Радзивилъ, на которой онъ женился тайно отъ отца, матери и вельможъ польскихъ; теперь послѣдніе требовали развода; но когда дѣло шло о любимой женщинѣ, то Сигизмундъ-Августъ обнаруживалъ большую твердость: онъ отстоялъ Варвару. Въ то время, какъ на престолъ Польши и Литвы вошелъ государь съ такимъ характеромъ, молодой государь Московскій, принявши царскій титулъ, надѣвши вѣнецъ Мономаховъ, думалъ о томъ, какъ бы возвратить себѣ отчину Мономахову, древнюю Русь, Кіевъ. Но прежде всего и Московскому потомку надлежало совершить тѣ же подвиги, которыми прославился Кіевскій предокъ, т.-е. надлежало защитить Русь отъ *поганыхъ*. Замышляя окончательное низложеніе Казани, зная, что борьба съ Казанью есть вмѣстѣ и борьба съ Крымомъ, Іоаннъ не могъ желать возобновленія войны съ Литвою, и бояре написали къ епископу и воеводѣ Виленскимъ, чтобъ они съ другими панами радою наводили короля на миръ. Вслѣдствіе этой *задирки*, какъ тогда выражались, въ генварѣ 1549 года пріѣхали въ Москву Литовскіе великіе послы: Станиславъ Кишка, воевода Витепскій и Янъ Камаевскій, маршалокъ. О вѣчномъ мирѣ думать было нечего: Литва не хотѣла мириться безъ Смоленска; послы твердили: „Безъ отдачи Смоленска не мириться", бояре отвѣчали имъ: „Ни одной драницы изъ Смоленска государь нашъ не уступитъ". Но если Сигизмундъ-Августъ не хотѣлъ вѣчнаго мира безъ Смоленска, то Іоаннъ не хотѣлъ его и съ Смоленскомъ, онъ говорилъ боярамъ: „За королемъ наша вотчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витепскъ, и многіе другіе города русскіе, а Гомель отецъ его взялъ во время нашего малолѣтства: такъ пригоже ли съ королемъ теперь вѣчный миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, потому что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушать не хочу". И приговорилъ государь съ боярами вѣчнаго мира съ королемъ не заключать для того, чтобъ можно было доставать своихъ старинныхъ вотчинъ, а взять съ королемъ перемирье на время, чтобъ дать людямъ поотдохнуть и съ иными не-

другами управиться. Такъ если послы начнутъ допытываться у бояръ, какъ государь хочетъ вѣчнаго мира, то требовать уступки Гомеля, Полоцка и Витепска: Полоцка и Витепска требовать для того, чтобъ вѣчный миръ не состоялся; потому что если они отступятся отъ Гомеля, Смоленска, Себежа и Заволочья, то отъ вѣчнаго мира тогда отговориться будетъ непригоже. Заключили перемиріе на пять лѣтъ; но при написаніи грамоты встрѣтилось новое затрудненіе: Іоаннъ хотѣлъ написаться съ новымъ своимъ титуломъ, титуломъ царскимъ; послы никакъ не согласились, говоря что прежде этого не бывало; бояре отвѣчали: прежде не бывало потому, что Іоаннъ на царство еще не вѣнчался, а теперь вѣнчался по примѣру Владиміра Мономаха. Но это не убѣдило пословъ; они потребовали отпуска. Іоаннъ долго разсуждалъ съ боярами, можно ли уступить посламъ и написать грамоту безъ царскаго титула? Бояре говорили, что теперь, имѣя въ виду двухъ недруговъ, Казанскаго и Крымскаго, можно написать грамоту и безъ царскаго титула. Царь приговорилъ: „написать полный титулъ въ своей грамотѣ, потому что эта грамота будетъ у короля за его печатью; а въ другой грамотѣ, которая будетъ писаться отъ имени короля и останется у государя въ Москвѣ, написать титулъ по старинѣ безъ царскаго имени. Надобно такъ сдѣлать потому, что теперь Крымскій царь въ большой недружбѣ и Казанскій также: если съ королемъ разорвать изъ-за одного слова въ титулѣ, то противъ троихъ недруговъ стоять будетъ истомно, и если кровь христіанская прольется за одно имя, а не за землю, то не было бы грѣха передъ Богомъ. А начнетъ Богъ миловать, съ Крымскимъ дѣло подѣлается, и съ Казанью государь перевѣдается, то впередъ за царскій титулъ крѣпко стоять и безъ него съ королемъ дѣла никакова не дѣлать“. Относительно пословъ опредѣлено было—если не согласятся на титулъ, отпустить ихъ, и на отпускѣ приказать съ ними поклонъ къ королю, а руки имъ не давать, потому что въ отвѣтѣ на нихъ слово положено гнѣвное. Если послѣ отпуска они не начнутъ сами опять говорить о дѣлѣ и станутъ просить позволенія уѣхать назадъ въ Литву, то велѣть приставу *задрать* ихъ, чтобъ повидались опять съ боярами, и какъ пріѣдутъ на дворъ видѣться съ боярами, говорить имъ опять накрѣпко о титулѣ; и если никакъ не согласятся, то сдѣлать, какъ было положено, т.-е. написать царскій титулъ въ одной своей грамотѣ. Послѣ отпуска

Кишка и Камаевскій сами потребовали новыхъ переговоровъ, но и тутъ не соглашались на титулъ, а просили, чтобъ имъ дали на письмѣ о царскомъ поставленіи, какимъ образомъ государь на царство вѣнчался, и откуда предки его царское имя взяли? Царь приговорилъ съ боярами, что такой записки имъ не давать, потому что они составятъ на нее свои отвѣты, и тогда въ рѣчахъ будетъ говорить о томъ тяжело. Послы распростились и уже сѣли въ сани, но тутъ ихъ воротили и позволили имъ написать грамоту отъ королевскаго имени безъ царскаго титула.

Для взятія присяги съ короля въ ненарушеніи перемирія отправился въ Литву бояринъ окольничій Михайла Яковлевичъ Морозовъ; онъ долженъ былъ также требовать царскаго титула для Іоанна, получившаго этотъ титулъ отъ предковъ своихъ, именно отъ великаго князя кіевскаго Владиміра Мономаха. Король велѣлъ отвѣчать Морозову, что прежде ни самъ Іоаннъ, ни отецъ, ни дѣдъ его этого титула не употребляли; что же касается до великаго князя кіевскаго Мономаха, то, во-первыхъ, это дѣла давнія; во-вторыхъ, столъ кіевскій есть и будетъ въ рукахъ его, короля; слѣдовательно если уже кто имѣетъ право называться царемъ кіевскимъ, то конечно онъ, король, а не великій князь московскій; но такъ какъ этотъ титулъ не можетъ принести королю никакой славы и выгоды, то онъ его и не употребляетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ государи христіанскіе называютъ царемъ только императора римско-германскаго; если же король и великій князь московскій называютъ царями хана крымскаго и другихъ татарскихъ и поганскихъ господарей, то это ведется изъ старины, давно уже на славянскомъ языкѣ начали ихъ такъ называть, а сами они на своемъ языкѣ такъ себя не величаютъ.—Мы видѣли, какъ Іоаннъ объявилъ, что крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не захочетъ. Въ этомъ отношеніи лежало у него на совѣсти, что въ перемирныхъ грамотахъ вставлялось условіе: бѣглецовъ выдавать на обѣ стороны, и условіе это вмѣстѣ съ другими скрѣплялось крестнымъ цѣлованіемъ, а между тѣмъ на дѣлѣ никогда не исполнялось: „И ты, братъ нашъ, поразсуди, велѣлъ сказать царь Сигизмунду-Августу, чтобъ это неисполненіе на нашихъ душахъ не лежало: или вычеркнемъ условіе изъ грамоты, или уже будемъ исполнять его, станемъ выдавать всѣхъ бѣглецовъ“. Король не согласился уничтожить условіе; касательно же исполненія его отвѣ-

чалъ неопредѣленно, что онъ ничего не дѣлаетъ вопреки перемирной грамотѣ. Король защищался стариною, обычаемъ противъ новыхъ требованій Іоанновыхъ; Морозовъ долженъ былъ также напомнить ему грозную старину: „Если польется кровь, то она взыщется на тѣхъ, которые покою христіанскаго не хотѣли, а тому образцы были: Александръ король дѣда государя нашего не хотѣлъ писать государемъ всея Руси, а Богъ на чемъ поставилъ? Александръ король къ этому еще много и своего придалъ. А нынѣ тотъ же Богъ“. Король не исполнилъ и третьяго требованія Іоаннова: освободить двухъ плѣнныхъ вельможъ Московскихъ—князей Михайла Голицу и Ѳедора Оболенскаго-Овчину за 2000 рублей; вмѣсто денегъ онъ просилъ за нихъ городовъ и волостей: Чернигова, Мглина, Дрокова, Поповы горы, Себежа и Заволочья, на что, разумѣется, Іоаннъ не могъ согласиться.

Во время перемирія происходили ссылки между двумя дворами о разныхъ дѣлахъ. Въ 1550 году пріѣзжалъ въ Москву посолъ Станиславъ Едровскій, черезъ котораго король велѣлъ сказать Іоанну: „Докучаютъ намъ подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предкахъ твоихъ вольно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христіанамъ и жидамъ, въ Москву и по всей землѣ твоей съ товарами ходить и торговать; а теперь ты жидамъ не позволяешь съ товарами въ государство свое въѣзжать“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы къ тебѣ не разъ писали о лихихъ дѣлахъ отъ жидовъ, какъ они нашихъ людей отъ христіанства отводили, отравныя зелья къ намъ привозили и пакости многія нашимъ людямъ дѣлали: такъ тебѣ бы, брату нашему, не годилось и писать объ нихъ много, слыша ихъ такія злыя дѣла“. Еще при жизни Сигизмунда Стараго жиды Брестскіе были выгнаны изъ Москвы и товары ихъ сожжены за то, что они привозили продавать *мумею*. Важнѣе для обоихъ государствъ было требованіе Іоанна отъ короля: „Я послалъ грамоты всѣмъ своимъ порубежнымъ намѣстникамъ, чтобъ на нашихъ земляхъ позволяли твоимъ сторожамъ стеречь прихода Татарскаго, и велѣлъ своимъ намѣстникамъ беречь твоихъ сторожей, чтобъ имъ отъ нашихъ людей никакихъ обидъ не было. И ты бы также въ Каневѣ и въ Черкасахъ своимъ намѣстникамъ приказалъ накрѣпко, чтобъ они на своихъ земляхъ нашимъ сторожамъ мѣста дали, и какія вѣсти у твоихъ намѣстниковъ про Татаръ будутъ, и они бъ нашихъ намѣстниковъ безъ

совѣсти не держали". Король показалъ было большую учтивость: безъ окупа освободилъ изъ плѣна стараго воеводу, князя Михайлу Булгакова—Голицу, и прислалъ его въ Москву. Царь принялъ старика очень ласково, къ рукѣ звалъ, о здоровьѣ спросилъ, велѣлъ ему сѣсть, пожаловалъ шубою и звалъ обѣдать; Голица билъ челомъ, что онъ истомился, и царь велѣлъ ему ѣхать на подворье, а отъ стола своего послалъ ему съ кушаньемъ. Но и этотъ поступокъ не повелъ къ большой пріязни между двумя государями, потому что непризнаніе царскаго титула со стороны короля постоянно раздражало Іоанна; въ наказѣ послу Астафьеву, отправлявшемуся въ Литву, читаемъ: „Станутъ говорить: прежде Московскіе писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причинѣ пишется царемъ?—отвѣчать: государь нашъ учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ на царство Русское, когда ходилъ ратью на царя Греческаго Константина Мономаха, и царь Константинъ Мономахъ тогда добилъ ему челомъ и прислалъ ему дары: вѣнецъ царскій и діадиму съ митрополитомъ Ефесскимъ, киръ Неофитомъ, и на царство его митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и съ этого времени назывался царь и великій князь Владиміръ Мономахъ. А государя нашего вѣнчалъ на царство Русское тѣмъ же вѣнцомъ отецъ его Макарій митрополитъ, потому что теперь землею всею Русскою владѣетъ государь нашъ одинъ". Эти объясненія не помогали: король не называлъ Іоанна царемъ въ своихъ грамотахъ; за это Іоаннъ въ отвѣтныхъ грамотахъ не писалъ Сигизмунда-Августа королемъ; гонцы не брали такихъ грамотъ и уѣзжали съ пустыми руками.

Такъ было до Казанскаго похода; послѣ взятія Казани, въ ноябрѣ 1552 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Гайко, присланный отъ Виленскаго епископа и двоихъ Радзивиловъ (Николая Чернаго и Николая Рыжаго), самыхъ могущественныхъ вельможъ въ Литвѣ, къ митрополиту Макарію и боярамъ—князю Ивану Михайловичу Шуйскому и Данилу Романовичу Юрьеву. Гайко былъ принятъ Макаріемъ и двумя этими боярами въ митрополичьемъ домѣ, причемъ присутствовали трое владыкъ, архимандриты и игумены. Митрополитъ спрашивалъ о здоровьѣ пославшихъ сидя, а бояре вставши; митрополитъ звалъ Гайка къ рукѣ и посолъ цѣловалъ его руку; но когда бояре позвали его къ рукѣ и спросили о здоровьѣ, то

онъ, отступя, ударилъ имъ челомъ; послѣ пріема посолъ обѣдалъ у митрополита. Въ грамотѣ, посланной съ Гайкомъ, епископъ и Радзивилы писали, чтобъ митрополитъ и бояре наводили государя на вѣчный миръ, и чтобъ для его заключенія московскіе послы пріѣхали въ Литву. Митрополитъ, по царскому приказанію, отвѣчалъ Гайку, что онъ привезъ грамоту о государскихъ дѣлахъ, а не о церковныхъ, государскія же земскія дѣла до митрополита не касаются, о нихъ отвѣтъ дадутъ епископу и панамъ государскіе бояре; онъ же митрополитъ, если Богъ дастъ, по времени господину и сыну своему царю и великому князю Ивану станетъ напоминать и на то его наводить, чтобъ разлитія крови христіанской не было. Бояре отвѣчали панамъ, что вся вражда между государями пошла и ссылки прекратились отъ того, что король не даетъ Іоанну царскаго титула, а царь за это не называетъ Сигизмунда-Августа королемъ: „Мы думаемъ—писали бояре—что въ великомъ княжествѣ Литовскомъ старые паны радные еще есть и того не забыли, что никогда наши государи напередъ пословъ своихъ не посылали; великій князь Василій, несмотря на просьбы императора и папы, даже и на границу пословъ своихъ не отправилъ для переговоровъ съ литовскими послами; отецъ короля Сигизмунда не добился этого и въ малолѣтство Іоанна; а теперь государь уже не малолѣтный и враговъ своихъ побѣдилъ, Казань взялъ. Мы не только государю, но даже своимъ дядьямъ и братьямъ грамоты вашей показать не смѣли“.

Въ 1553 году пріѣхали послы отъ короля—Довойна и Воловичъ. Царь не позвалъ ихъ къ рукѣ, не пригласилъ къ обѣду, и вѣрющую грамоту велѣлъ отдать имъ назадъ, потому что царскаго имени въ ней не было. Послы говорили, что прежде толковъ о титулѣ нужно заключить вѣчный миръ, для котораго Іоаннъ долженъ уступить королю всѣ завоеванныя прежде у Литвы земли; послѣ этого уже можно начать дѣло о титулѣ, на который король не прежде можетъ согласиться, какъ получивъ согласіе императора и папы. Бояре отвѣчали, что императоръ и папа давно называютъ московскихъ государей царями, и что прежде рѣшенія о титулѣ никакого дѣла дѣлать не станутъ. Послы уѣхали. Тогда царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Намъ слѣдовало бы за свое имя стоять крѣпко; но теперь казанскіе люди еще не поукрѣпились совершенно, и мнѣ кажется, что для казанскаго дѣла надобно заключить съ ко-

ролемъ перемиріе на годъ или на два, чтобъ въ это время можно было Казань укрѣпить, а послѣ этого будемъ стоять за свое имя крѣпко". Бояре отвѣчали, что надобно заключить перемиріе именно для казанскаго дѣла: пословъ воротили съ дороги и заключили перемиріе на два года. Мы видѣли, что до сихъ поръ для оправданія принятаго имъ царскаго титула Іоаннъ указывалъ только на Владиміра Мономаха; теперь нашлись другія оправданія, и московскимъ посламъ, отправленнымъ въ Литву для подтвержденія двухлѣтняго перемирія, данъ былъ такой наказъ: „Когда спросятъ—почему великій князь называется царемъ?" отвѣчать: „Прародитель его, великій князь Владиміръ Святославичъ, какъ крестился самъ и землю Русскую крестилъ, такъ царь греческій и патріархъ вѣнчали его на царство Русское, и онъ писался царемъ, а какъ преставился, то и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ; потомъ говорить о Мономахѣ; наконецъ сказать, что царство Казанское взято и потому Іоаннъ сдѣлался царемъ".

Скоро взято было и другое царство—Астраханское. Іоаннъ послалъ объявить объ этомъ королю. Посланному между прочимъ данъ былъ наказъ: „Спросятъ: Черкесы почему государя вашего холопы?" отвѣчать: „Черкесы государей нашихъ старинные холопы, потому что бѣжали изъ Рязани". Поздравить Іоанна со взятіемъ Астрахани король послалъ дворянина своего, пана Тишкевича. Тишкевичъ былъ Русскій, православнаго исповѣданія, и потому просилъ, чтобъ ему было позволено принять благословеніе у митрополита. Царь назначилъ день, когда быть Тишкевичу у Макарія, и послалъ сказать послѣднему, чтобъ велѣлъ убрать у себя палату столовую, гдѣ будетъ принимать посла, и чтобъ на дворѣ у него было все прибрано, а во время пріема были бы у него владыки и архимандриты всѣ, которые въ Москвѣ, и было бы у него все порядочно (чиновно). Митрополитъ принялъ Тишкевича по-царски, какъ царь принималъ обыкновенно пословъ, спросилъ у него, какого онъ закона? и когда Тишкевичъ отвѣчалъ, что греческаго, далъ ему наставленіе о вѣрѣ и благословилъ. Тишкевичъ говорилъ наединѣ митрополиту, что по рубежамъ Литовскимъ живутъ все христіане Греческаго закона, которые скорбятъ, что между государями вражда, и по всему видно, что скоро наступитъ кровопролитіе. Тишкевичъ просилъ, чтобъ митрополитъ уговорилъ Іоанна отправить къ королю пословъ для заключенія вѣчнаго мира, но прибавилъ, что онъ го-

воритъ это отъ себя, потому что, какъ слышалъ онъ отъ Литовскихъ пановъ, Польскіе паны всею радою безпрестанно толкуютъ королю, чтобъ онъ началъ войну съ Московскимъ государемъ; о христіанствѣ же Польскіе паны не заботятся; они опредѣлили, чтобъ королю пословъ своихъ въ Москву не отправлять. А Литовскіе паны все скорбятъ, что между государями гнѣвъ воздвигается, и о христіанствѣ жалѣютъ. Митрополитъ отвѣчалъ, что такъ какъ Тишкевичъ говорилъ это отъ себя, и приказа и письма съ нимъ ни отъ кого нѣтъ, то бить челомъ государю нельзя; вражда же между государями идетъ за одно государское имя.

Перемиріе исходило. Виленскій епископъ Павелъ и Виленскій воевода Радзивилъ прислали Виленскаго купца Дементія съ грамотою къ митрополиту и князю Ивану Михайловичу Шуйскому, просили, чтобъ они постарались о продленіи перемирія. Дементій, подобно Тишкевичу, объявилъ, что эта посылка тайная, потому что Польская рада хочетъ войны. Митрополитъ отвѣчалъ, что хотя это и не его дѣло, однако, видя радѣнье епископа и Радзивила, какъ пастырь добрый, берется склонить бояръ и царя къ миру. Іоаннъ, занятой войною Шведскою, далъ опасную грамоту на пословъ Литовскихъ, причемъ отправлены были также списки съ грамотъ императора Максимиліана и султана Солимана, гдѣ Московскій государь называется царемъ. Въ 1556 году пріѣхалъ посолъ князь Збаражскій, и заключилъ перемиріе на шесть лѣтъ; о титулѣ не сговорились. Бояринъ Воронцовъ и казначей Сукинъ, отправленные въ Литву для подтвержденія перемирія, должны были повторить королю о правѣ Іоанна на царскій титулъ съ новыми прибавленіями, а именно: выставлено уже происхожденіе Рюрика отъ императора Августа; въ заключеніи сказано: „А теперь не только на Русскомъ господарствѣ Богъ насъ учинилъ съ этимъ титуломъ, но и Казанскаго и Астраханскаго государствъ титулы царскіе Богъ на насъ положилъ".

Мы видѣли, что Іоаннъ не хотѣлъ заключать вѣчнаго мира съ Литвою, желая непремѣнно возвратить отъ нея свою отчину—Кіевъ и другіе Русскіе города; несогласіе короля признать царскій титулъ Московскаго государя должно было ускорить разрывъ: несмотря на то, перемиріе продолжалось— сперва для Казанскаго дѣла, потомъ для Шведской войны; наконецъ Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на Ливонію; прибрежье Балтійское явилось въ его гла-

захъ важнѣе приднѣпровья, война съ Литвою отлагалась такимъ образомъ опять на неопредѣленное время; между тѣмъ должно было дѣйствовать и противъ Крымскаго хана; отвлекать его отъ нападеній на Московскія украйны, а съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Крыма можно было только въ союзѣ съ Литвою, владѣвшей низовьями Днѣпра. Въ февралѣ 1558 года пришла въ Москву вѣсть, что Крымскій царевичъ повоевалъ въ Литовской землѣ и на Подольѣ многія мѣста и досаду Литовской землѣ учинилъ многую. Царь созвалъ бояръ и говорилъ имъ: „Съ Крымскимъ мы оставили дѣло о дружбѣ; онъ былъ въ дружбѣ съ королемъ, а теперь и королю сдѣлалъ досаду большую: такъ теперь, пока они не помирились, *задрать* короля о дружбѣ, чтобъ отвести его отъ Крымскаго“. Приговорили послать къ королю съ грамотою Романа Алферьева, предложить Литвѣ союзъ противъ Крыма. Алферьевъ, возвратившись изъ Литвы, сказывалъ, что присылка царская королю и всей радѣ была за большую честь, всѣ люди его пріѣзду были рады и честь ему была большая; только паны опасаются одного, что Турецкій султанъ за Крымскаго хана вступится, а царь въ своемъ словѣ не устоитъ, и когда Литва будетъ воевать съ Турками, возьметъ у нея города. Королевскій посолъ Василій Тишкевичъ спросилъ Алексѣя Адашева, высланнаго къ нему для переговоровъ, на какихъ условіяхъ хочетъ Іоаннъ заключить вѣчный миръ? Въ отвѣтѣ Адашева высказалось ясно, какъ Іоаннъ, занявшись съ обычною своею страстію дѣлами Ливонскими, перемѣнилъ мысли относительно Литвы. „Прежнія дѣла должно всѣ отложить“, сказалъ Адашевъ, „и дѣлать между государями доброе дѣло на избаву христіанамъ; если же станемъ говорить по прежнему обычаю, станемъ просить у васъ Кракова, Кіева, Волынской земли, Подолья, Полоцка, Витебска и всѣ города Русскіе станемъ звать готовою вотчиною своего государя, а вы станете просить Смоленска, Сѣверской страны, Новгорода Великаго—то такими нелѣпыми рѣчами дѣло сдѣлается ли?“ Адашевъ требовалъ, чтобъ вѣчный миръ заключенъ былъ по перемирной грамотѣ; но Тишкевичъ отвѣчалъ, что такъ мириться нельзя, что Москва должна возвратить Литвѣ всѣ завоеванія отца и дѣда Іоаннова: „Пишетъ Златоустъ въ Златоструѣ“, говорилъ Тишкевичъ: „что у одного человѣка на дворѣ была змѣя, съѣла у него дѣтей и жену, да еще захотѣла съ нимъ вмѣстѣ жить; миръ, какого вы хотите, похожъ на это: съѣвши жену и

дѣтей, змѣя съѣстъ и самого человѣка. Нынѣшній государь вашъ конечно не таковъ, и видимъ, что онъ всякія дѣла по Богѣ дѣлаетъ, христіанство исправляетъ и утверждаетъ, по всей его державѣ христіанство и церкви христіанскія цвѣтутъ, какъ въ старину въ Іерусалимѣ при равноапостольномъ царѣ Константинѣ. Но нашему государю, не взявши своихъ отчинъ, мириться нельзя: какой это миръ—взявши да не отдать!“ Адашевъ отвѣчалъ: „Паны! положите вы на своемъ разумѣ: какъ говорить то, чего и во снѣ не пригрезиться? какъ тому взойти, что гнило посѣяно?—только понапрасну истому принимать“. Тишкевичъ объявилъ послѣднее слово: безъ возвращенія Смоленска миру вѣчному не быть; причемъ очень откровенно высказалъ опасенія литовскихъ пановъ: „Въ условія вѣчнаго мира будетъ внесено, что стоять на Крымскаго заодно: но Крымскій присяжникъ Турецкаго, Турецкій за Крымскаго наступитъ на нашего государя, вашъ государь нашему тогда не поможетъ, и нашъ до конца свою отчину погубитъ“. Адашевъ этотъ страхъ отговаривалъ, утверждалъ, что царь будетъ заодно съ королемъ на всѣхъ враговъ; но Тишкевичъ не оставлялъ своихъ сомнѣній и говорилъ: „Еслибы образцовъ не было, а то образцы живые: отецъ и дѣдъ вашего государя, что сдѣлали съ Литвою? избавившись отъ Крымскаго, вамъ не на кого больше броситься, какъ на насъ. Миру вѣчному теперь быть нельзя, а доброе перемирье, чѣмъ не миръ?“ Тишкевичъ просилъ, чтобъ перемиріе, заключенное на шесть лѣтъ княземъ Збаражскимъ продлить еще на нѣсколько лѣтъ; но царь не согласился. Въ заключеніе переговоровъ посолъ просилъ Іоанна отъ имени королевскаго помириться съ Ливонцами; Іоаннъ отвѣчалъ: „Ливонцы, извѣчные наши данники, церкви Божія разорили, образамъ Божіимъ поругались и намъ въ нашихъ даняхъ не исправились: за такія свои дѣла отъ насъ наказанье и приняли; сумѣютъ къ Богу исправиться и своимъ челобитьемъ нашъ гнѣвъ утолить, тогда мы ихъ пожалуемъ“.

Литовское правительство откровенно призналось, что не хочетъ союза съ Москвою противъ Татаръ, потому что Москва опаснѣе для нея, чѣмъ Крымъ. Чего прежде не бывало, московскіе ратные люди плавали по Днѣпру, иногда, воюя съ Крымцами, переходили на западную его сторону, сторожа московскіе стояли по Днѣпру. Въ Москвѣ старались предупредить жалобы на это: послу Ивову,

отправленному къ королю съ исчисленіемъ обидъ, нанесенныхъ Литовцами купцамъ московскимъ и порубежникамъ, былъ данъ такой наказъ: „Станутъ говорить: та ли государя вашего правда, что въ отчину нашего государя, въ Днѣпръ, вступается, и людей своихъ на Днѣпрѣ ставитъ, вотчины Черкасскія люди его пустошатъ и рыболововъ грабятъ?—отвѣчать: государь нашъ въ королевскія земли и воды не вступается ничѣмъ, рыболововъ наши люди не грабятъ и вотчинъ Черкасскихъ не пустошатъ; а стоятъ наши люди на Днѣпрѣ, берегутъ христіанство отъ Татаръ, и отъ этого стоянья ихъ на Днѣпрѣ не однимъ нашимъ людямъ оборона, но и королевской землѣ всей защита: бывалъ ли хотя одинъ Татаринъ за Днѣпръ съ тѣхъ поръ, какъ наши люди начали стоять на Днѣпрѣ? за такую христіанскую оборону надобно было вамъ нашихъ людей чтить, а вмѣсто того королевскіе козаки безпрестанно крадутъ у нихъ лошадей. Мы дѣлъ государскихъ не знаемъ, какъ между государями о Днѣпрѣ написано. А если о Днѣпрѣ между государями и письма нѣтъ, не положено, въ чьей онъ сторонѣ: такъ онъ Божій! кто захочетъ, тотъ на немъ и стоитъ. До сихъ поръ мы не слыхали, что противъ Крыма Днѣпръ королевскій; намъ кажется, что Днѣпръ нашъ, потому что течетъ изъ земли нашего государя“. Но въ Литвѣ дѣло шло не о Днѣпрѣ.

Дѣла ливонскія заставляли Іоанна желать вѣчнаго мира и союза съ Литвою; но эти дѣла не только не могли повести къ вѣчному миру, а ускорили еще разрывъ: 16 сентября 1559 года между Ливонскимъ правительствомъ и Сигизмундомъ-Августомъ заключенъ былъ въ Вильнѣ договоръ, по которому король обязался защищать Орденскія владѣнія отъ Москвы: за это архіепископъ и магистръ отдали ему 9 волостей подъ залогъ, съ условіемъ, что если они захотятъ ихъ послѣ выкупить, то должны заплатить 700,000 польскихъ гульденовъ. Сигизмундъ-Августъ обязался прежде всего отправить посла въ Москву съ требованіемъ, чтобъ царь не вступался въ Ливонію, потому что она отдалась подъ покровительство королевское. Съ этимъ требованіемъ пріѣхалъ въ Москву, въ генварѣ 1560 года, Мартинъ Володковъ. Отдавши королевскую грамоту, онъ просилъ повидаться съ Адашевымъ и говорилъ ему: „Поляки всею землею хотятъ того, чтобъ государь нашъ съ вашимъ государемъ началъ войну; но воевода Виленскій, Николай Радзивилъ, и писарь Литовскій Воловичъ стоятъ крѣпко,

чтобъ король съ государемъ вашимъ былъ въ любви. Поляки съ Радзивиломъ сильно бранятся, говорятъ, что воевода за подарки помогаетъ Русскому государю, говорятъ: намъ Ливонской земли нельзя выдать, и не станетъ король за Ливонскую землю, то мы не станемъ его за короля держать, и приговорили накрѣпко, что королю къ вашему государю посланника не отправлять. Такъ вы бы государя своего на то наводили, чтобъ онъ отправилъ къ нашему государю своего посланника, чтобъ о Ливонской землѣ сговориться: тутъ ужь непремѣнно Радзивилъ вступится въ дѣло и приведетъ его къ миру". Адашевъ отвѣчалъ, что государю къ королю отправлять посла не годится, потому что король вступился въ Ливонскую *данную* землю, и когда посолъ усумнился, точно ли Ливонія должна платить дань государю Московскому, то ему показали послѣднюю договорную грамоту съ обязательствомъ Дерптскаго епископа платить по гривнѣ съ человѣка. На требованіе королевское не вступаться въ Ливонію Іоаннъ отвѣчалъ: „Тебѣ очень хорошо извѣстно, что Ливонская земля отъ предковъ нашихъ по сіе время не принадлежала никакому другому государству кромѣ нашего, платила намъ дань, а отъ Римскаго государства избирала себѣ духовныхъ мужей и магистровъ для своего закона по утвержденнымъ грамотамъ нашихъ прародителей. Ты пишешь, что когда ты вздумалъ идти войною на Ливонскую землю, то я за нее не вступался и тѣмъ показалъ, что это не моя земля: знай, что по Всемогущаго Бога волѣ, начиная отъ великаго государя Русскаго Рюрика до сихъ поръ, держимъ Русское государство; и какъ въ зеркалѣ смотря на поведеніе прародителей своихъ, о бездѣльѣ писать и говорить не хотимъ. Шелъ ты и стоялъ на своихъ земляхъ, а на наши данныя земли не наступалъ и вреда имъ никакого не дѣлалъ: такъ зачѣмъ было намъ къ тебѣ писать о твоихъ земляхъ? какъ хотѣлъ, такъ на нихъ и стоялъ; если какую имъ истому сдѣлалъ, то самъ знаешь. А если магистръ и вся Ливонская земля, вопреки крестному цѣлованію и утвержденнымъ грамотамъ, къ тебѣ пріѣзжали и церкви наши русскія разорили, то за эти ихъ неправды огонь, мечъ и расхищеніе на нихъ не перестанутъ, пока не обратятся и не исправятся". Король отвѣчалъ: „Ты называешь Ливонію своею; но какъ же при дѣдѣ твоемъ была лютая война у Москвы съ Ливонцами и прекращена перемиріемъ?" какой государь съ своими подданными перемиріе заключаетъ?" Но

все это остроуміе, желаніе доказать другъ другу свои права на Ливонію ни къ чему не могли повести; дѣло могло рѣшиться только оружіемъ [66].

Въ то время, какъ Московское государство, чувствуя необходимость сообщенія съ западною Европою, съ такими усиліями старалось овладѣть берегами Балтійскаго моря, морскія государства западной Европы чувствовали столь же сильное стремленіе въ противоположную сторону—къ богатому Востоку, и слѣдствіемъ этого стремленія было заведеніе торговыхъ сношеній Россіи съ Англіею на пустынныхъ берегахъ Бѣлаго моря, которые долго должны были замѣнять для Московскаго государства завѣтные берега Балтійскіе. Въ половинѣ XVI вѣка англійскіе купцы замѣтили, что запросъ на ихъ товары въ дальнихъ и ближнихъ странахъ уменьшается, цѣны ихъ понизились, несмотря на то, что англійскіе купцы сами отвозили ихъ въ иностранныя гавани; между тѣмъ какъ требованія на иностранные товары увеличились, цѣны ихъ возвысились чрезмѣрно. Это обстоятельство заставило сильно задуматься лучшихъ гражданъ лондонскихъ; они стали искать средствъ, какъ помочь горю, и остановились на томъ же самомъ, которое обогатило Португальцевъ и Испанцевъ—именно на открытіи новыхъ странъ, новыхъ торговыхъ путей. Послѣ долгихъ совѣщаній съ знаменитымъ мореплавателемъ, Себастіаномъ Каботою, они рѣшились отправить три корабля для открытія сѣверныхъ частей свѣта и новыхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Составилась компанія, каждый членъ которой долженъ былъ внести 25 фунтовъ стерлинговъ; этимъ средствомъ собрали 6000 фунтовъ, купили три корабля и отправили ихъ въ сѣверныя моря подъ начальствомъ Гюга Уилльоуби и Ричарда Ченслера. Экспедиція отправилась 20 мая 1553 года; буря разнесла флотъ, и Ченслеръ на своемъ кораблѣ Edward Bonaventure одинъ достигъ Вардегуза, въ Норвегіи, мѣста, гдѣ онъ условился соединиться съ Уилльоуби. Но, потерявши семь дней въ напрасномъ ожиданіи, онъ рѣшился ѣхать далѣе, и благодаря постоянному дню, царствовавшему въ это время въ полярныхъ странахъ, скоро (24 августа) достигъ большого залива, въ которомъ замѣтилъ нѣсколько рыбачьихъ лодокъ; рыбаки, испуганные появленіемъ большого, никогда невиданнаго ими прежде судна, хотѣли было убѣжать, но были схвачены и приведены предъ Ченслера, который ободрилъ ихъ ласковымъ пріемомъ; послѣ этого

окрестные жители начали пріѣзжать съ предложеніемъ съѣстныхъ припасовъ. Англачане узнали отъ нихъ, что страна называется Россіею или Московіею и управляется царемъ Иваномъ Васильевичемъ, подъ властію котораго находятся обширныя земли. Русскіе, въ свою очередь, спросили у Англичанъ, откуда опи? тѣ отвѣчали, что они посланы королемъ Эдуардомъ VI, должны доставить отъ него нѣкоторыя вещи царю, ищутъ они только дружбы государя Русскаго и позволенія торговать съ его народомъ, отъ чего будетъ большая выгода и для Русскихъ, и для Англичанъ. Между тѣмъ мѣстное начальство, выборные головы холмогорскіе, отписали къ царю о прибытіи иностранцевъ, спрашивая что съ ними дѣлать? Царь отвѣчалъ, чтобъ пригласили Англичанъ пріѣхать къ нему въ Москву; если же они не согласятся на такое долгое и трудное путешествіе, то могутъ торговать съ Русскими. Но Ченслеръ не испугался долгаго и труднаго пути и отправился въ Москву еще до прихода отвѣтной грамоты царской; тщетно выборные головы откладывали день за день его поѣздку подъ разными предлогами, все дожидаясь вѣстей изъ Москвы: Ченслеръ объявилъ имъ рѣшительно, что если они не отпустятъ его въ Москву, то онъ отплыветъ тотчасъ же назадъ въ свою землю.

Проживъ 13 дней въ Москвѣ, Ченслеръ позванъ былъ къ государю, котораго увидалъ сидящимъ на тронѣ, съ золотою короною на головѣ, въ золотомъ платьѣ, съ богатымъ скипетромъ въ рукѣ; въ наружности Іоанна Ченслеръ нашелъ величіе, сообразное съ его высокимъ положеніемъ. Пріемъ и угощеніе Ченслера послѣдовало по обычному церемоніалу, пріема и угощенія пословъ. Получивъ отъ Іоанна грамоту, содержавшую благопріятный отвѣтъ на грамоту Эдуарда, въ которой король просилъ у всѣхъ государей покровительства капитану Уилльоуби, Ченслеръ отправился въ Англію, гдѣ уже не нашелъ въ живыхъ Эдуарда: на мѣсто его царствовала Марія. Отъ имени новой королевы и мужа ея Филиппа Испанскаго, Ченслеръ явился снова посломъ въ Москвѣ въ 1555 году; съ нимъ пріѣхали и двое агентовъ компаніи, составлявшейся для торговли съ Россіею. Ченслеръ и товарищи его были приняты милостиво царемъ, послѣ чего приступили къ переговорамъ съ дьякомъ Висковатовымъ и лучшими купцами московскими насчетъ будущей дѣятельности компаніи. Переговоры кончились тѣмъ, что Англичане получили слѣдующую льготную грамоту: 1) Члены, агенты и слу-

жители компаніи имѣютъ свободный путь всюду, вездѣ имѣютъ право останавливаться и торговать со всѣми безпрепятственно и безпошлинно, также отъѣзжать во всякія другія страны; 2) ни люди, ни товары не могутъ быть нигдѣ задержаны ни за какой долгъ или поруку, если сами Англичане не суть главные должники или поручники, ни за какое преступленіе, если не сами Англичане его совершили; въ случаѣ преступленія Англичанина, дѣло выслушиваетъ и рѣшаетъ самъ царь; 3) Англичане имѣютъ полную свободу нанимать себѣ разнаго рода работниковъ, брать съ нихъ клятву въ точномъ исполненіи обязанностей, при нарушеніи клятвы наказывать и отсылать ихъ, нанимать другихъ на ихъ мѣсто; 4) главный факторъ, назначенный компаніею въ Россію, управляетъ всѣми Англичанами, находящимися здѣсь, чинитъ между ними судъ и расправу; 5) если кто-нибудь изъ Англичанъ ослушается фактора, то Русскіе, какъ правительственныя лица, такъ и простые люди обязаны помогать ему приводить ослушника въ повиновеніе; 6) обѣщается строгое и скорое правосудіе англійскимъ купцамъ при ихъ жалобахъ на русскихъ людей; 7) если кто-нибудь изъ Англичанъ будетъ раненъ или убитъ въ Россіи, то обѣщается строгій и немедленный сыскъ, и преступникъ получитъ должное и скорое наказаніе въ примѣръ другимъ. Если случится, что служители купцовъ англійскихъ будутъ подвергнуты за какое-нибудь преступленіе смертной казни или другому наказанію, то имущество и товары хозяевъ ихъ не могутъ быть отобраны въ казну; 8) если Англичанинъ будетъ арестованъ за долгъ, то приставъ не можетъ вести его въ тюрьму, прежде нежели узнаетъ—главный факторъ или депутаты будутъ ли поруками заарестованнаго? если будутъ, то арестованный освобождается.

Ченслеръ отправился въ Англію съ русскимъ посломъ Осипомъ Непеею; страшная буря застигла ихъ у шотландскихъ береговъ, Ченслеръ утонулъ, но Непея спасся и достигъ Лондона, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ королемъ, королевою и русскою компаніей. Филиппъ и Марія, въ благодарность за льготы, данныя Англичанамъ въ Московскомъ государствѣ, дали и русскимъ купцамъ право свободно и безпошлинно торговать во всѣхъ мѣстахъ своихъ владѣній, гуртомъ и въ розницу, обѣщались, что возьмутъ ихъ подъ свое особенное покровительство, что имъ отведены будутъ въ Лондонѣ приличные домы для складки товаровъ, также и

въ другихъ городахъ англійскихъ, гдѣ окажется для нихъ удобнѣе; если корабли ихъ разбиты будутъ бурею, товары спасаются въ пользу владѣльцевъ безъ расхищенія; русскіе купцы будутъ судиться верховнымъ канцлеромъ. Наконецъ король и королева изъявили согласіе на свободный въѣздъ изъ Англіи въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, вслѣдствіе чего Непея уже вывезъ многихъ мастеровъ, медиковъ, рудознатцевъ и другихъ [39].

ГЛАВА IV.

Опричнина.

Причины неудовольствія между царемъ и Сильвестромъ.—Болѣзнь Іоанна и поведеніе нѣкоторыхъ вельможъ во время ея.—Поѣздка въ Кирилловъ монастырь.—Максимъ Грекъ.—Вассіанъ Топорковъ.—Бѣгство князя Семена Ростовскаго.—Разборъ свидѣтельствъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева.—Казни.—Нравственная порча Іоанна.—Ссылка князей Курлятева и Воротынскаго.—Поручныя записи.—Бѣгство Курбскаго въ Литву и переписка его съ Іоанномъ.—Впечатлѣніе, произведенное отъѣздомъ Курбскаго на царя.—Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы.—Учрежденіе опричнины.—Митрополитъ Филиппъ.—Гибель князя Владиміра Андреевича.—Казни новгородскія.—Сыскное измѣнное дѣло.—Духовное завѣщаніе Іоанна 1572 года.—Великій князь Симеонъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію развязки борьбы, начавшейся въ Ливоніи, мы должны обратить вниманіе на внутреннія перемѣны, происшедшія при дворѣ Московскомъ, въ отношеніяхъ царя къ близкимъ къ нему людямъ.

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году; сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра; съ другой стороны ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему человѣку, не принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ: самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра, то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностію и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіоз-

ныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ; но здѣсь то уже мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновеніе между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка. Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра; отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязаній послѣдняго; напримѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ, господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ, намѣреніе, за которое Петръ Великій такъ благоговѣлъ предъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи они совѣтовали царю покорить Крымъ: но мы говорили уже о неудобоисполнимости этого намѣренія. Іоаннъ отвергнулъ его и продолжалъ войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигали, болѣзни его самого, жены, дѣтей суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ Ливонцами. Безспорно, что Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія и противъ войны Ливонской онъ выставлялъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобъ воевать съ христіанами, слабыми, безвредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п.; но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя его, такъ и изъ другихъ извѣстій мы видимъ, что это былъ человѣкъ, иногда предававшійся мелочамъ; такъ, взявшись управлять совѣстію, нравственнымъ поведеніемъ молодого царя, онъ входилъ въ этомъ отношеніи въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго, безспорно, требовала сильнаго сдерживанія, но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра.

Несмотря однако на непріятныя столкновенія по причинѣ раз-

ности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ безъ сомнѣнія не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, еслибъ продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству, но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ казанскаго похода, онъ опасно занемогъ: ему предложили (вѣроятно братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣчности сыну своему, младенцу Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Удѣльный князь не замедлилъ выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другого любимца Іоаннова, окольничій Ѳедоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя противъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностію царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибы даже и не хотѣти того, должны были составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ ними ихъ стремленія: такъ извѣстно, что Іоаннъ, избирая какого-нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы, въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ [63]. Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева; быть можетъ послѣдніе сами пошли къ нимъ на встрѣчу, чтобъ имѣть для себя опору въ этихъ, все же стоявшихъ на первомъ планѣ людяхъ; очень вѣроятно, что Сильвестръ и Адашевъ дѣйствовали тутъ по прежнимъ отношеніямъ, прежнимъ связямъ: лѣтописецъ прямо говоритъ о давней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, главнымъ единомышленникомъ Сильвестра называетъ князя Дмитрія Курлятева или Шкурлятева, котораго мы видѣли прежде въ числѣ соумышленни-

ковъ Шуйскаго: съ него лѣтописецъ начинаетъ исчисленіе вельможъ, возставшихъ противъ Воронцова; любопытно также, что скоро послѣ московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ родного брата своего, князя Юрія, на дочери князя Димитрія Палецкаго, также одного изъ главныхъ совѣтниковъ Шуйскаго и подвергавшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ; отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чувство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою Византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра; Курбскій называетъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ: совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола князя Владиміра Андреевича.

Оставшійся вѣрнымъ Іоанну князь Владиміръ Воротынскій и дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобъ не упрямился, государя бы послушалъ и крестъ цѣловалъ племяннику; князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: „ты бъ со мною не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ“. Воротынскій отвѣчалъ ему: „Я далъ душу государю своему и великому князю Ивану Васильевичу и сыну его царевичу Дмитрію, что мнѣ служить имъ во всемъ въ правду; съ тобою они жь государи мои велѣли мнѣ говорить: служу имъ, государямъ своимъ, а тебѣ служить не хочу; за нихъ съ тобою говорю; а гдѣ доведется, по ихъ приказанію, и драться съ тобою готовъ“. И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Больной царь началъ имъ говорить: „Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значитъ у васъ другой государь есть: а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, велю вамъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарьинымъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли,

намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю-младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить; и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ". На это отозвался князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій; онъ придумалъ отговорку: „Намъ нельзя цѣловать крестъ не передъ государемъ; передъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?" Прямѣе высказался окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца: что было у него на душѣ больше чѣмъ у другихъ, то и вылилось: „Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею; а мы ужь отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія". И былъ мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ бояpахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру поцѣловали крестъ Димитрію слѣдующіе бояре: князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій князь Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Дмитрій Палецкій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый; тутъ же поцѣловали крестъ и Захарьины—Данило Романовичъ и Василій Михайловичъ. Но трое князей—Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій (сперва совѣтникъ Шуйскихъ возстававшій съ ними вмѣстѣ на Воронцова, потомъ отъѣзжикъ вмѣстѣ съ Глинскимъ)—трое этихъ князей продолжали говорить: „Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ: и чѣмъ нами владѣть Захарьинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу". Окольничій Солтыковъ донесъ, что князь Дмитрій Нѣмого, ѣдучи съ нимъ по площади, говорилъ: „Богъ знаетъ, что дѣлается! насъ бояре приводятъ къ присягѣ; а сами креста не цѣловали; а какъ служить малому мимо стараго? а вѣдь нами владѣть Захарьинымъ". Царь велѣлъ написать цѣловальную запись, по которой приводить къ присягѣ князя Владиміра Андреевича; эта запись замѣчательна тѣмъ, что въ ней право отъѣзда совершенно уничтожено: князей служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ мнѣ не принимать, также и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего приказанія, не принимать никого". Когда князь Владиміръ пришелъ къ Іоанну, то ему подали запись, и царь сказалъ ему, чтобъ онъ далъ на ней присягу; Вла-

диміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; тогда Іоаннъ сказалъ ему: „Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь креста цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ". Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: „Бояре! я боленъ, мнѣ ужь не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте". Бояре, поцѣловавшіе крестъ, начали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью: „Вы хотите владѣть, а мы вамъ должны будемъ служить: не хотимъ вашего владѣнья"! кричали они. А между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присягнувшіе бояре стали говорить Владиміру, что онъ и его мать поступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздаютъ; Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услыхали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? онъ государю добра хочетъ"! Бояре отвѣчали: „Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче". Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками.

На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобъ они присягали сыну его, царевичу Димитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводить ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами; присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: „Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить; а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы пожалуста не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ; а вы Захарьины! чего испугались? или думаете, что бояре васъ пощадятъ? вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына и мать его умерли, а жены моей на поруганіе не дали". Изъ послѣднихъ словъ видно, что Захарьины испугались сильнаго со-

противленія враждебной стороны, и царь долженъ былъ напомнить имъ, что ихъ судьба тѣсно связана съ судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованіямъ противной стороны и признаютъ царемъ Владиміра вмѣсто Димитрія, то и въ такомъ случаѣ пощажены не будутъ. Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ, какія мысли на душѣ у больнаго и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописи, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Подошелъ князь Иванъ Турунтай Пронскій и увидавши, что у креста стоитъ князь Воротынскій, не удержался и поспѣшилъ выместить на немъ то непріятное чувство, съ какимъ давалъ присягу: „Твой отецъ", сказалъ онъ Воротынскому: „да и ты самъ послѣ великаго князя Василія первый измѣнникъ, а теперь къ кресту приводишь!" Воротынскій нашелся, что отвѣчать: „Я измѣнникъ, а тебя привожу къ крестному цѣлованію, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его, царевичу Димитрію, ты прямой человѣкъ, а государю и сыну его креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь". Турунтай смутился, не нашелъ что сказать на это, и молча присягнулъ. Послѣ всѣхъ присягнули князь Курлятевъ и казначей Фуниковъ подъ предлогомъ болѣзни; пошли слухи, что они пересылались съ княземъ Владиміромъ и его матерью, хотѣли возвести его на престолъ. Но какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу, показалъ князь Дмитрій Палецкій: присягнувши Димитрію прежде другихъ, вмѣстѣ съ князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ, Палецкій, несмотря на то, послалъ сказать князю Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату князю Юрію (не могшему по состоянію умственныхъ способностей чѣмъ-либо управлять), и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить. По извѣстію одной лѣтописи, бояре насильно заставили присягнуть князя Владиміра Андреевича, объявивши ему, что иначе не выпустятъ изъ дворца; къ матери его посылали трижды съ требованіемъ, чтобъ и она привѣсила свою печать къ крестоприводной записи: „и много она бранныхъ рѣчей говорила. И

съ тѣхъ поръ пошла вражда, между боярами смута, а царству во всемъ скудость“, говоритъ лѣтопись [69].

Іоаннъ выздоровѣлъ.—Мы видѣли, какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства; эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ лобнаго мѣста, самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, Курбскій говоритъ, что на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: „Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ“. Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувство послѣ болѣзни. Но всего болѣе должны были поразить Іоанна бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его Ѳедора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра, слова, что послѣдній добра хочетъ государю, подозрительное отсутствіе князя Курлятева, самаго приближеннаго къ Сильвестру и Адашеву человѣка. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣряя имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей обязанныхъ ему всѣмъ, на благодарность которыхъ слѣдовательно онъ могъ положиться и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностію не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій; онъ не любилъ этихъ людей только какъ пріятныхъ слугъ, онъ уважалъ ихъ какъ людей высоко - нравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди, изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его семейство при воцареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Димитрія, сына старшаго брата и царя, какъ на самаго опаснаго для себя соперника, а извѣстно было какъ московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣлывались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей родичей; у Владиміра передъ глазами была участь его отца и родного дяди; понятно, слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарьиныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ были смотрѣть на людей, ведшихъ се-

мейство его прямо къ гибели, а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева! Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души, выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшной опасности располагало къ чувству иному, радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать всѣ установившіяся уже отношенія, тронуть одного значило тронуть всѣхъ, тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева значило тронуть ихъ самихъ, а это, по прежнимъ отношеніямъ, было очень трудно, къ этому вовсе не были приготовлены; трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступившей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться; наконецъ при явномъ рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева? они не подавали голоса противъ Димитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни—по выздоровленіи ѣхать на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, и дѣйствительно въ началѣ весны отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ: но малютка на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой Кирилловской поѣздкѣ: здѣсь являются на сцену лица Василіева княженія, является Максимъ Грекъ съ одной стороны и монахъ Іосифова Волоцкаго монастыря—съ другой, воскресаютъ прежнія отношенія, прежняя борьба, ведшая начало отъ временъ Іоанна III и Софіи Палеологъ. По свидѣтельству хранителей преданія Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ, молодой внукъ Софіи для начатія послѣдней кровавой борьбы съ ними нуждался въ совѣтѣ ученика Іосифова, тогда какъ другъ Вассіана Косого и жертва сына Софіина, Максимъ Грекъ старался оказать единомышленникамъ Вассіана послѣднюю услугу, отвращая Іоанна отъ поѣздки въ Кирилловъ монастырь, отъ свиданія съ ученикомъ Іосифа Волоцкаго. Мы нисколько не ручаемся за достовѣрность извѣстій князя Курбскаго; но эти извѣстія драгоцѣнны для насъ, какъ

выраженіе сознанія современниковъ о живой связи между событіями и лицами.

Мы видѣли, что Максимъ Грекъ изъ Іосифова Волоцкаго монастыря былъ переведенъ въ Тверской Отрочь, гдѣ съ нимъ обходились лучше, но все ему, какъ еретику, не позволяли пріобщаться св. Таинъ; князь Петръ Ивановичъ Шуйскій посѣтилъ Максима въ его нуждѣ, бесѣдовалъ съ нимъ; это заставило изгнанника обратиться къ нему съ письменною просьбою: „Я уже не прошу—писалъ Максимъ—чтобъ меня отпустили въ честную и всѣмъ православнымъ многожелаемую Святую Гору: знаю самъ, что такое прошеніе вамъ нелюбезно; одного прошу, чтобъ сподобили меня пріобщенія св. Таинъ". Потомъ въ этомъ же посланіи Максимъ проситъ, чтобъ ему прислали книгъ греческихъ, прибавляя, чтобъ исполнили его просьбу для успокоенія души великаго князя Василія. Просьба эта осталась безъ исполненія. Максимъ обратился съ нею къ митрополиту Макарію; но прося о св. Причастіи, Максимъ проситъ и о возвращеніи на Аѳонъ. Макарій разрѣшилъ ему ходить въ церковь и пріобщаться св. Таинъ, для чего Максимъ написалъ два отвѣщательныхъ слова, гдѣ очищалъ себя отъ обвиненій въ ереси; въ заключеніи перваго слова онъ говоритъ: „Если я правъ, то покажите мнѣ милость, избавьте отъ страданій, которыя терплю я столько лѣтъ, да сподоблюсь молиться о благовѣрномъ самодержцѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о всѣхъ васъ, если же не правъ, то отпустите меня на Святую Гору". Но на Святую Гору его не отпустили, несмотря на просьбы объ этомъ двухъ патріарховъ—Константинопольскаго и Александрійскаго. Максимъ сильно тосковалъ по духовной своей родинѣ, по Аѳонѣ: почти вездѣ въ сочиненіяхъ его, относящихся къ этому времени, слышны жалобы на задержку, просьбы о возвращеніи. Въ поученіи къ молодому царю онъ писалъ: „Царь есть образъ живой и видимый Царя небеснаго; но Царь небесный весь естествомъ благъ, весь правда, весь милость, щедръ ко всѣмъ. Цари греческіе унижены были за ихъ преступленія, за то, что похищали имѣнія подручниковъ своихъ... Благовѣрнѣйшій царь! Молю преславную державу благовѣрія твоего, прости меня, что откровенно говорю полезное къ утвержденію богохранимой державы твоей и всѣхъ твоихъ свѣтлѣйшихъ вельможъ. Долженъ я это дѣлать, съ одной стороны, боясь участи лѣниваго раба, скрывшаго талантъ госпо-

дина своего, съ другой, за многія милости и честь, которыми, въ продолженіи 9 лѣтъ, удостоивалъ меня государь мой, приснопамятный отецъ твой, князь великій и самодержецъ всея Руси, Василій Ивановичъ; онъ удостоилъ бы меня большой чести, еслибы, по грѣхамъ моимъ, не поклепали ему меня нѣкоторые небратолюбцы... Принявъ слово мое съ обычною тихостію твоею, даруй мнѣ, рабу твоему и нищему богомольцу возвращеніе на Святую Гору"! Въ другомъ мѣстѣ онъ обращается къ Іоанну съ такими словами: „Истинный царь и самодержецъ тотъ, кто правдою и благозаконіемъ старается устроить житейскія дѣла подручниковъ своихъ, старается побѣдить безсловесныя страсти и похоти души своей, т.-е. ярость, гнѣвъ напрасный... Разумъ не велитъ очи блудно наслаждать чужими красотами, преклонять слухъ къ пѣснямъ непристойнымъ и къ клеветамъ, по зависти творимымъ... Максимъ уже не говоритъ противъ обычая владѣть духовенству селами; но вооружается на духовныхъ, которые употребляютъ свое имѣніе не на прокормленіе бѣдныхъ, а на свое довольство и обогащеніе племянниковъ и сродниковъ; Максимъ увѣщеваетъ царя прекратить это; въ томъ же поученіи говоритъ: „Да не прельщаемъ себя, думая одною долгою молитвою получить свыше помощь". Оканчиваетъ намекомъ на свою судьбу: „Царь долженъ быть страннолюбивъ, заботиться, чтобъ иностранцамъ, приходящимъ къ нему, было хорошо". Безпорядки, бывшіе во время малолѣтства Іоаннова побудили Максима написать слово о Василіи: „Шествуя по пути жестокому и многихъ бѣдъ исполненному, нашелъ я жену, сидящую при пути, съ преклоненною къ колѣнамъ головою, горько стенящую и плачущую". Эта жена была *Василія* (власть, царство): „Владѣющіе мною, говорила Василія Максиму: „должны быть крѣпостію и утвержденіемъ для сущихъ подъ рукою ихъ людей, а не пагубою и смятеніемъ безпрестаннымъ". И въ этомъ сочиненіи видимъ намекъ на судьбу автора: Максимъ хвалитъ Мельхиседека за страннолюбіе.

Такова была дѣятельность Максима при Іоаннѣ: гоненія не заставили его перемѣнить характеръ этой дѣятельности, скрыть талантъ господина своего, по его собственнымъ словамъ: попрежнему онъ обличалъ и поучалъ. По просьбамъ Троицкаго игумена Артемія, Максимъ былъ переведенъ изъ Твери въ Троицкій монастырь: здѣсь нашелъ его Іоаннъ, отправляясь на Бѣлоозеро. Максимъ сталъ

уговаривать его не ѣздить въ такой далекій путь, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ: „Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобъ подвигнуть св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны, и вотъ почему: во время Казанской осады пало много храбрыхъ воиновъ христіанскихъ; вдовы ихъ, сироты, матери обезчадѣвшія въ слезахъ и скорби пребываютъ; такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царствующій городъ, чѣмъ исполнить неразумное обѣщаніе. Богъ вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ окомъ; также и святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ". Но Іоаннъ никакъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Тогда Максимъ чрезъ четырехъ приближенныхъ къ Іоанну людей, духовника Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго, автора разсказа, велѣлъ сказать ему: „Если не послушаешься меня, по Богѣ тебѣ совѣтующаго, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай, что сынъ твой умретъ на дорогѣ".

Что касается словъ Максима Іоанну о путешествіи, то надобно замѣтить, что они вполнѣ согласны со взглядомъ Максима, выраженнымъ въ его сочиненіяхъ. Какъ бы то ни было, Іоаннъ не послушался: изъ Троицкаго монастыря поѣхалъ въ Дмитровъ, а оттуда въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ нашелъ другого заточенника. Вассіанъ Топорковъ, монахъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, вслѣдствіе особеннаго расположенія великаго князя Василія къ этому монастырю и лично къ Вассіану, былъ въ 1525 году возведенъ на Коломенскую епископію, оставался вѣренъ преданію своего монастыря, дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ Даніиломъ, возбудилъ противъ себя ненависть людей, думавшихъ одинаково съ Патрикѣевыми и Курбскими, и въ 1542 году, тотчасъ послѣ вторичнаго торжества Шуйскихъ, долженъ былъ оставить епископію и удалиться въ Пѣсношскій монастырь. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ нему въ келью и спросилъ: „Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?" Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой

отвѣтъ: „Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который бы былъ умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ“. Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: „Еслибы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!“ Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василія, единомышленникъ митрополита Даніила; и догадка ихъ могла быть справедлива; говоримъ—догадка, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобъ другіе слышали.

Курбскій говоритъ, что отъ сатанинскаго силлогизма Топоркова произошла вся бѣда, то-есть перемѣна въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія впрочемъ могутъ быть легко соединены: Іоаннъ, подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клониться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова, самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя съ другой стороны уже въ 1554 году мы видимъ довольно значительное движеніе недовольныхъ: въ числѣ князей, не хотѣвшихъ присягать Димитрію, былъ князь Семенъ Ростовскій; въ іюлѣ 1554 года побѣжалъ въ Литву князь Никита Ростовскій, былъ схваченъ въ Торопцѣ и въ допросѣ показалъ, что отпустилъ его въ Литву бояринъ князь Семенъ Ростовскій объявить королю, что онъ самъ ѣдетъ къ нему съ братьями и племянниками. Князь Семенъ былъ схваченъ и показалъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и малоумства, скуденъ онъ разумомъ и добрыми дѣлами, попустому изъѣдаетъ царское жалованье и отцовское наслѣдство. Люди его, призванные къ допросу, показали, что онъ сносился съ литовскимъ посломъ Довойною, когда тотъ былъ въ Москвѣ, самъ

дважды видѣлся съ нимъ, разсказывалъ ему, что говорилось въ думѣ насчетъ мира съ Литвою, поносилъ государя, уговорился съ Довойною и послалъ человѣка своего къ королю за опасною грамотою. Князь Семенъ подтвердилъ всѣ эти показанія, утверждая, что все это дѣлалъ отъ малоумства, и что съ нимъ хотѣли бѣжать родственники его, князья Лобановы и Пріимковы. Царь съ боярами осудили его за дѣла и слова на смертную казнь и послали на позоръ вмѣстѣ съ товарищами; но митрополитъ съ владыками и архимандритами отпросили его отъ смертной казни, и онъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму, а людей его распустили. Самъ князь Семенъ извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду, но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву: „Если станутъ его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорить: „пожаловалъ его государь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ, въ разумѣ простъ и на службу негодится: однако захотѣлъ, чтобъ государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про землю, чтобъ государю досадить; государь вины его сыскалъ, что онъ государя съ многими землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить.—А станутъ говорить: съ княземъ Семеномъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне?—отвѣчать: къ такому дураку добрый кто пристанетъ? съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки“ [79].

Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженьѣ, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его. Въ 1560 году видимъ удаленіе Сильвестра и Адашева отъ двора. И удаленіе Сильвестра не много болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ; о послѣднемъ свидѣтельствуетъ Курбскій и свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, очень неудовлетворительно; о причинахъ удаленія говоритъ онъ же и потомъ самъ Іоаннъ въ отвѣтномъ письмѣ къ нему. Мы должны разсмотрѣть подробно оба эти свидѣтельства.

Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего

отгоняетъ отъ себя двухъ преждепоименованныхъ мужей, Сильвестра пресвитера и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да не возбраннно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клевещутъ и шепчутъ на-ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то чрезъ письма, то чрезъ митрополита, чтобы дана была имъ очная ставка съ клеветниками: „Не отрицаемся—писали они—и смерти, если будемъ обличены; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и передъ всею думою твоею“. Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: „Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; при томъ все войско и народъ любитъ ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого и не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ, по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ, не давали они тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Еслибъ не они были при тебѣ, и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все твое царство и самъ единъ управляешь имъ“. Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добра хотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что жь прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Мисаила Сукина, издавна знаменитаго злобою, Вассіана [71] неистоваго и другихъ, исполненныхъ лицемѣрія и безстыдства, сажаетъ ихъ близь себя, съ благодарностію слушаетъ ихъ, клевещущихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ? Читаютъ вины вышесказанныхъ

мужей заочно. Митрополитъ говоритъ: „Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобъ выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія". Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ". Итакъ осудили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю Корельскаго языка, въ Лопи дикой. Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ въ Ливоніи, назначается туда воеводою; но ненадолго: когда враги его услыхали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли поддаться ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ; и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею: черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили къ царю: „измѣнникъ твой отравился". А Сильвестръ пресвитеръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Бозѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ, и къ ласкателямъ умъ и уши приклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи провождалъ чистое житіе. Но клеветники, услыхавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобъ царь, услыхавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ, схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его".

Итакъ, по разсказу Курбскаго, сперва выходитъ, что дѣло началось отгнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отгнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ [72], что враги его потомъ, изъ зависти и страха составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки; слѣдовательно дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде; Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отвратилъ отъ него лице свое; что же заставило Іоанна отвратить лице отъ Сильвестра—объ этомъ Курбскій не говоритъ, и, перемѣшавши порядокъ событій какъ бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напереди, чтобъ замять

дѣло, обмануть читателя, удовлеторить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большемъ полку [73].

Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, причемъ прежде всего замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: „Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Адашева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола владычняго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта повиновался; но потомъ онъ восхитился властію и началъ совокупляться въ дружбу (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными, мало-по-малу начали они всѣхъ васъ бояръ въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, частію равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнивая къ вамъ; начали причитать васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые по уложенію дѣда нашего отобраны у васъ: они это уложеніе разрушили, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего, князя Димитрія Курлятева, ввели къ намъ въ синклитію, и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла; не докладывали намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ и дурные совѣты были хороши. Такъ было во внѣшнихъ дѣлахъ; во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться—все было ими опредѣлено,

а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ лѣтахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потомъ вошло въ обычай: я не смѣй слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ; а совѣтники его могли говорить мнѣ что имъ было угодно, обращались со мною не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; кто насъ послушается, сдѣлаетъ по нашему, тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ, тому богатство, слава и честь, попробую прекословить—и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то разорится. И такое утѣсненіе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіанскою хоругвію двинулись на безбожный языкъ Казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое доброхотство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю! Когда, по возвращеніи въ Москву, я занемогъ, то доброхоты эти возшатались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ уже нѣтъ, забывъ благодѣянія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что кромѣ нашихъ дѣтей другого государя себѣ не искать; хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ колѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ насладились такого доброхотства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія: на доброжелателей нашихъ подъ разными видами умышляли гоненія, князю Владиміру во всемъ потакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомянуть. Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ и мы наказали его съ милостію, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ измѣнникамъ нашимъ было хорошо, а мы терпѣли притѣсненіе; въ одномъ изъ этихъ притѣсненій и ты участвовалъ: извѣстно, что вы хотѣли судить насъ съ Курлятевымъ за Сицкаго. Началась война съ Ливонцами: Сильвестръ, съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ: заболѣю ли я, или царица, или дѣти—

все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношеніе и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнію не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдились его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ; а сынъ его и до сихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнію не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними сообщенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, приказъ нашъ и крестное цѣлованіе вмѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ въ первый чинъ возвратить и составить на насъ лютѣйшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ судъ и приняли“.

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объявляетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственнаго руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный; относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное; но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составивъ себѣ многочисленную и сильную партію, захотѣли полнаго подчиненія во всемъ: несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослу-

шаніе веленіямъ Божіимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія; во время болѣзни царя Сильвестръ, отецъ Адашева и пріятели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣриться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и ея братьевъ, и сами нескрывали своего нерасположенія къ нимъ. Послѣднее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасіею: „Како же убо воспомяну, яже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна". Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ извѣстіе о дѣлѣ съ Курлятевымъ и Сицкимъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ его съ Курбскимъ; но послѣднее выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасіею: „За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ не угодна; за одно малое слово ея они разсердились". Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ; время путешествія Іоанна съ больною женою намъ извѣстно: это было въ ноябрѣ 1559 года [74]; весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильверстъ надъ Іоанномъ: послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: „Сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники". Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ передъ судомъ Христовымъ; невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе на счетъ Сильвестра; помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себя называть Сильвестра невѣждою. Очень важно извѣстіе, находимое у Іоанна, извѣстіе о постепенности въ опалахъ: сперва удаленіе нѣкоторыхъ; взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣтники Сильвестра и Адашева стараются возвратить имъ прежнее значеніе—и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно,

трудно предположить, чтобъ многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не стараясь возвратить себѣ прежняго положенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Сильвестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь, объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій, очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаваться Ливонскіе города; Сильвестра Кириловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ очень важно, что Іоаннъ, при исчисленіи винъ Сильвестра и Адашева, ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи, и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстія Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева, и которому повѣрилъ Іоаннъ было началомъ опалы. Еслибъ Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, еслибъ это былъ главный пунктъ обвиненія, то что̀ могло помѣшать ему выставить его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи желая отвѣтить на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: „А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Еслибъ вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было: все учинилось отъ вашего самовольства“. Такимъ образомъ то, что̀ у Курбскаго является на первомъ планѣ, о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекѣ за нравственные безпорядки: это различіе легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій—борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ и потомъ движеніе стороны Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть обѣ причины; для этого онъ перемѣшалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ сзади и выставилъ причину не настоящую.

Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ.

Слѣдовательно имѣемъ право принять показаніе Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями; вдова эта была родомъ Полька и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго, ее обвиняли въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ; Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь; тогда же казнены были родственники Адашева: братъ Данила съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ Туровымъ, трое братьевъ Сатиныхъ, которыхъ сестра была за Алексѣемъ Адашевымъ, наконецъ родственники Адашевыхъ, Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми. Мы не можемъ только ручаться за извѣстія Курбскаго во всей ихъ полнотѣ: напримѣръ не знаемъ, дѣйствительно ли Данила Адашевъ былъ казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. На основаніи признаній самого Іоанна имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Іоанновой, происшедшей въ это время: мы видѣли, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его; бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ успокоенію страстей, къ очищенію души; но скоро Іоаннъ опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи; наконецъ Сильвестръ и Адашевъ удалились, но совѣтники ихъ оставались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія, опять возвращалась страшная эпоха Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ; около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ на устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія, въ это время новый ударъ—Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ на одинъ съ своими страстями, требововавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей; при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанновой переходы отъ зла къ добру и отъ добра ко злу были очень скоры. Какъ слѣдствія порчи нравственной выставляютъ двѣ казни: казнь князя Михайлы Реп-

пина и князя Димитрія Овчинина. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, призвалъ Репнина на пиръ, желая привязать его къ себѣ; когда все общество, развеселившись, надѣло маски и начало плясать, Репнинъ сталъ со слезами говорить Іоанну, что христіанскому царю неприлично это дѣлать; Іоаннъ въ отвѣтъ надѣлъ на него маску, говоря: „веселись, играй съ нами!" Репнинъ сорвалъ маску, растопталъ ее и сказалъ: „Чтобъ я бояринъ, сталъ такъ безумствовать и безчинствовать!" Іоаннъ разсердился и прогналъ его, а чрезъ нѣсколько дней велѣлъ убить его въ церкви подлѣ алтаря, во время чтенія евангельскаго, въ ту же ночь велѣлъ убить князя Юрія Кашина, когда тотъ шелъ въ церковь къ заутрени: убили его на самой церковной паперти. Причины этого послѣдняго убійства Курбскій не объявляетъ. Мы сочли себя въ правѣ упомянуть здѣсь объ этихъ казняхъ потому, что Курбскій въ первомъ посланіи своемъ къ царю уже говоритъ: „Зачѣмъ ты святую кровь воеводъ своихъ въ церквахъ божіихъ пролилъ, зачѣмъ мученическою ихъ кровью пороги церковные обагрилъ?" Іоаннъ въ отвѣтѣ, не отрицая казней, говоритъ однако: „Крови въ церквахъ никакой мы не проливали и пороговъ церковныхъ кровью не обагряли". Молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, племянникъ любимца великой княгини Елены, казненъ былъ, по одному извѣстію [75], за то, что поссорился съ молодымъ Ѳедоромъ Басмановымъ, любимцемъ Іоанна, и сказалъ ему: „Я и предки мои служили всегда съ пользою государю, а ты служишь гнусною содоміею". Но молчаніе Курбскаго о причинѣ казни Овчинина заподозриваетъ приведенное извѣстіе; Курбскій также противорѣчитъ его автору относительно того, какъ убитъ былъ Овчининъ.

Самымъ близкимъ человѣкомъ къ Сильвестру и Адашеву изъ бояръ былъ князь Дмитрій Курлятевъ; его съ женою и дочерьми сослали въ монастырь [76], Курбскій говоритъ, что ихъ всѣхъ постригли насильно, дочерей - младенцевъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ удавили. Князь Михайла Воротынскій съ семействомъ сосланъ былъ на Бѣлоозеро; до насъ дошли извѣстія, какъ содержались эти опальные вельможи; въ концѣ 1564 года приставы, отправленные при Воротынскихъ, писали, что въ прошломъ году не дослано было ссыльнымъ двухъ осетровъ свѣжихъ, двухъ севрюгъ свѣжихъ, полпуда ягодъ винныхъ, полпуда изюму, трехъ ведеръ сливъ: велѣно было дослать; князь Михаилъ билъ челомъ, что ему не прислали

государева жалованья: ведра романеи, ведра рейнскаго вина, ведра бастру, 200 лимоновъ, десяти гривенокъ перцу, гривенки шафрану, двухъ гривенокъ гвоздики, пуда воску, двухъ трубъ левашныхъ, пяти лососей свѣжихъ; деньгами шло князю, княгинѣ и княжнѣ 50 рублей въ годъ, людямъ ихъ, которыхъ было 12 человѣкъ, 48 рублей 27 алтынъ [77]. Мы не знаемъ, въ чемъ обвинялись эти лица, подвергшіяся смертной казни или заключенію; но знаемъ, въ чемъ обвинялись нѣкоторые вельможи, подвергшіеся было опалѣ, но прощенные. Въ 1561 году взято письменное обѣщаніе не отъѣзжать съ князя Василія Михайловича Глинскаго, который *проступилъ*. Въ 1562 году 29 человѣкъ поручились по князѣ Иванѣ Дмитріевичѣ Бѣльскомъ, что ему не отъѣхать ни въ какія государства, ни въ удѣлы, и за этихъ поручниковъ поручилось еще 120 человѣкъ; но въ томъ же году тотъ же Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій уже снова билъ челомъ за свою вину, что „преступилъ крестное цѣлованіе, и забывъ жалованье государя своего, измѣнилъ, съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ ссылался, грамоту отъ него себѣ опасную взялъ и хотѣлъ бѣжать отъ государя своего". Несмотря на это государь „холопа своего пожаловалъ, вины ему отдалъ". Въ записи Бѣльскій обѣщается: „Служить мнѣ государю своему, и потомъ сыну его большому, который на государствѣ будетъ. А которыя дѣти государя моего на удѣлахъ будутъ, мнѣ къ нимъ не отъѣхать; также мнѣ къ удѣльнымъ князьямъ ни къ кому не отъѣхать". Въ слѣдующемъ 1563 году Бѣльскій съ шестью другими боярами выручалъ другого отъѣзжика, князя Александра Ивановича Воротынскаго; за поручниковъ поручилось, по обыкновенію, еще 56 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1564 году выручень былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ также двойнымъ ручательствомъ [78]. Курбскій пишетъ, что Іоаннъ мучилъ Шереметева, допытываясь, гдѣ его богатство? Шереметевъ отвѣчалъ, что „оно руками нищихъ перенесено въ небесное сокровище ко Христу". Іоаннъ умилился, велѣлъ снять съ него тяжелыя оковы и перевести въ тюрьму болѣе сносную; но въ тотъ же день велѣлъ удавить брата его Никиту. Но извѣстіе, особенно о смерти Никиты Шереметева, сомнительно; что же касается до Ивана Шереметева, то извѣстно, что, давши запись, онъ долго оставался на прежнемъ мѣстѣ, и потомъ постригся въ Кирилловско-Бѣлозерскомъ мона-

стырѣ, мы видѣли его совѣтникомъ Шуйскихъ, дѣятельнымъ участникомъ въ сверженіи князя Ивана Бѣльскаго.

Вельможамъ, находившимся въ Москвѣ, трудно было отъѣхать; легче было сдѣлать это воеводамъ, находившимся на границахъ, въ Ливоніи: этимъ удобствомъ воспользовался одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и отъѣхалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ честію. Курбскій былъ въ числѣ самыхъ близкихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, но какъ видно изъ его собственныхъ показаній, до конца 1559 года пользовался особеннымъ расположеніемъ Іоанна; отправляя его въ это время вторично въ Ливонію, царь говорилъ ему: „Я принужденъ или самъ идти противъ Ливонцевъ, или тебя, любимаго моего послать: иди и послужи мнѣ вѣрно". Но эти отношенія Курбскаго къ царю должны были скоро перемѣниться вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева, потомъ опалъ и казней родственниковъ и друзей ихъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, неудачная битва Курбскаго съ Литовцами подъ Невлемъ заставила его опасаться гнѣва Іоаннова и отъѣхать. Курбскій, въ письмѣ къ Іоанну, такъ говоритъ о причинахъ отъѣзда: „Какого зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ я! какихъ бѣдъ и напастей на меня не воздвигъ ты? какихъ презлыхъ лжесплетеній не взвелъ ты на меня! приключившихся мнѣ отъ тебя различныхъ бѣдъ нельзя разсказать по порядку, за множествомъ ихъ. Не упросилъ я тебя умиленными словами, не умолилъ я тебя многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовалъ отъ тебя никакой милости архіерейскими чинами". Іоаннъ отвѣчаетъ ему: „Зачѣмъ ты за тѣло продалъ душу? Побоялся смерти по *ложному* слову своихъ друзей? отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнился ты на меня яростію! Ты за *одно слово мое гнѣвное* душу свою погубилъ". Но въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ пишетъ: „Зла и гоненій безъ причины отъ меня ты не принялъ, бѣдъ и напастей на тебя я не воздвигалъ; а какое наказаніе малое и бывало на тебѣ, такъ это за твое преступленіе: потому что ты согласился съ нашими измѣнниками; а ложныхъ обвиненій, измѣнъ, въ которыхъ ты не виноватъ, я на тебя не взводилъ; а которые ты проступки дѣлалъ, мы по тѣмъ твоимъ винамъ и наказаніе чинили. Если ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь перечесть, то какъ вся вселенная можетъ исписать ваши измѣны" и проч. Изъ этого уже

видно, что дѣло пошло не изъ-за одного слова гнѣвнаго, что Курбскій дѣйствительно подвергся опалѣ, претерпѣлъ наказаніе за свою связь съ Сильвестромъ и Адашевымъ: „потому что ты согласился съ нашими измѣнниками“; въ чемъ могло состоять наказаніе воеводѣ не отозванному, продолжавшему начальствовать войсками? быть можетъ въ отобраніи части имущества. Наконецъ *гнѣвное* слово за Невльскую битву могло быть рѣшительнымъ побужденіемъ для Курбскаго къ бѣгству, ибо изъ словъ Іоанновыхъ видно, что пріятели Курбскаго дали знать ему объ этомъ гнѣвѣ и дали знать въ томъ смыслѣ, что ему грозитъ смерть. Изъ подробностей о бѣгствѣ Курбскаго мы знаемъ, что онъ получилъ два письма: одно отъ короля Сигизмунда-Августа, другое отъ сенаторовъ—Николая Радзивила, гетмана литовскаго, и Евстафія Воловича, подканцлера литовскаго. Въ этихъ письмахъ король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить Московское государство и пріѣхать въ Литву. Потомъ Курбскій получилъ еще отъ короля и Радзивила грамоты: король обѣщалъ ему свои милости, Радзивилъ увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе. Курбскій отправился въ Литву, когда получилъ отъ короля опасную грамоту и когда сенаторы присягнули, что король исполнитъ данныя ему обѣщанія. Извѣстный литовскій ученый Воланъ, восхваляя своего благодѣтеля гетмана Радзивила, между другими важными заслугами его приводитъ и то, что по его стараніямъ Курбскій изъ врага Литвы сталъ ея знатнымъ обывателемъ [79].

Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени, не уступалъ въ этомъ отношеніи Іоанну: быть можетъ, одинакая начитанность, одинакая страсть къ книгамъ и служила прежде самою сильною связью между ними. Курбскій не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ; онъ вызвалъ его на словесный поединокъ; Іоаннъ, по природѣ своей, не могъ удержаться и отвѣчалъ. Началась драгоцѣнная для исторіи переписка, ибо въ ней высказались не одни только личныя, современныя отношенія противниковъ: въ ней высказались родовыя преданія, въ ней вскрылась историческая связь явленій. Кромѣ писемъ къ Іоанну, Курбскій въ Литвѣ написалъ еще сочиненіе о современныхъ событіяхъ съ цѣлію оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всемъ Іоанна; сочиненіе это имѣетъ для насъ такое же значеніе, какъ и переписка съ царемъ

Мы видѣли [80], что главное неудовольствіе князей и потомковъ прежней дружины на новый порядокъ вещей состояло въ томъ, что Московскіе государи перестали соблюдать древній обычай ничего не дѣлать безъ совѣта съ дружиною. За это негодовали особенно на великаго князя Василія Іоанповича; совѣтникъ послѣдняго, епископъ Вассіанъ Топорковъ, совѣтуетъ то же самое и сыну Василіеву, Іоанну. Разсказавъ о передачѣ этого правила, этого преданія отцовскаго и дѣдовскаго чрезъ Вассіана Іоанну, Курбскій восклицаетъ: „О гласъ воистину дьявольскій, всякія злости, презорства и забвенія исполненный! Ты забылъ, епископъ! что написано во второй книгѣ Царствъ; когда Давидъ совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ—ты забылъ, какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синклитскому совѣту? Чуть весь Израиль не погибъ! Ты забылъ, что̀ принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?“ Приведши многія другія св. Писанія въ подтвержденіе этой мысли, Курбскій выражаетъ ее такъ: „Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ“. Потомъ Курбскій хвалитъ Іоанна III, который совершилъ великіе подвиги только потому, что слушалъ совѣтниковъ своихъ; въ другомъ мѣстѣ Курбскій называетъ Іоанна III злымъ тираномъ, истребителемъ родственниковъ и дружины; но ни Курбскій, ни Іоаннъ IV не обращали вниманія на такія противорѣчія, очень естественныя у людей, пишущихъ подъ вліяніемъ страсти и стремящихся, во что бы то ни стало, защищать свою основную мысль. Курбскій не забывалъ, что онъ потомокъ князей ярославскихъ и смоленскихъ: говоря о вельможахъ, падшихъ жертвами Іоанна IV, отца его и дѣда, Курбскій не преминетъ прибавить ихъ родословную, не приминетъ сказать что то были благородныя княжата, потомки такихъ-то и такихъ-то князей; въ одномъ изъ писемъ къ царю Курбскій говоритъ: „Не знаю, чего еще у насъ хочешь? не только единоплеменныхъ

князей, потомковъ Владиміра Великаго, ты различными смертями поморилъ и отнялъ имущества движимыя и недвижимыя, чего еще дѣдъ и отецъ твои не успѣли разграбить, но могу сказать, что и послѣднихъ срачицъ твоему прегордому и царскому величеству мы не возбранили". Изъ этихъ словъ видно, что въ умѣ Курбскаго дѣятельность Іоанна IV представлялась окончаніемъ дѣятельности отца и дѣда, окончаніемъ борьбы государей московскихъ съ князьями единоплеменными; изъ этихъ же словъ видно, что потомкамъ князей не нравился новый титулъ царя, принятый Іоанномъ, потому что этотъ титулъ выдѣлялъ московскаго государя изъ среды остальныхъ князей единоплеменныхъ; Курбскій сопоставляетъ слова такъ: „твоему прегордому и царскому величеству". Но всего лучше выражаются чувства, которыя потомки князей питали къ государямъ московскимъ, въ слѣдующихъ словахъ Курбскаго; оправдываясь въ обвиненіи, что участвовалъ въ отравленіи царицы Анастасіи и въ умыслѣ возвести на престолъ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, Курбскій пишетъ: „Хотя я много грѣшенъ и недостоинъ, однако рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя смоленскаго Ѳедора Ростиславича; а князья этого племени не привыкли свою плоть ѣсть и кровь братій своихъ пить какъ у *нѣкоторыхъ* издавна ведется обычай: первый дерзнулъ Юрій московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михаила тверскаго, а за нимъ и прочіе; еще у всѣхъ на свѣжей памяти, что сдѣлано съ Углицкими и ярославскими и другими единокровными, какъ они всеродно были истреблены—слышать тяжко, ужасно! отъ груди материнской оторвавши, въ мрачныхъ темницахъ затворили и поморили; а внуку тому блаженному и *присновѣнчанному* (Димитрію) что сдѣлано? А твоя царица мнѣ убогому ближняя родственница. Вспоминаешь о Владимірѣ братѣ, будто мы его хотѣли на царство: я объ этомъ и не думалъ, потому что онъ былъ недостоинъ; но я еще тогда угадалъ грядущее твое мнѣніе на меня когда ты насильно взялъ сестру мою за этого своего брата, въ этотъ вашъ издавна кровопійственный родъ".

Мы видѣли, что московскіе великіе князья, начиная съ Іоанна III, признавая даже право отъѣзда за боярами и слугами вольными, старались однако удержать ихъ отъ пользованія этимъ правомъ посредствомъ клятвенныхъ записей и поручительствъ. Какъ смотрѣли сами князья и потомки старыхъ дружинниковъ на эти „про-

клятыя“ грамоты, которыми они принуждались отрекаться отъ своего драгоцѣннаго права, видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: „Ты называешь насъ измѣнниками, потому что мы принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловать, *какъ тамъ есть у васъ обычай*, а если кто не присягнетъ, тотъ умираетъ горькою смертію; на это тебѣ мой отвѣтъ: всѣ мудрецы согласны въ томъ, что если кто присягнетъ по неволѣ, то не на томъ грѣхъ, кто крестъ цѣлуетъ, но преимущественно на томъ, кто принуждаетъ, еслибъ даже и гоненія не было; если же кто во время прелютаго гоненія не бѣгаетъ, тотъ самъ себѣ убійца, противящійся слову Господню: „аще гонятъ васъ во градѣ бѣгайте въ другой“; образъ тому Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгая не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ“. Мы видѣли, что Іоаннъ, съ малолѣтства озлобленный на вельможъ, довѣрялъ болѣе дьякамъ, какъ людямъ новымъ, безъ старинныхъ преданій и притязаній; при немъ дьяки завѣдывали не только письменными и правительственными дѣлами, но являются даже воеводами, какъ напримѣръ Выродковъ и Ржевскій; конечно, это не могло нравиться Курбскому, и онъ вотъ что говоритъ о дьякахъ: „князь великій очень вѣритъ писарямъ, которыхъ выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей, или изъ простого всенародства, а дѣлаетъ это изъ ненависти къ вельможамъ своимъ“. Но касательно отъѣзда и дьяковъ, кромѣ Курбскаго, мы имѣемъ еще свидѣтельство двоихъ другихъ отъѣзжиковъ: это письмо стрѣлецкаго головы Тимоѳея Тетерина и Марка Сарыгозина къ дерптскому намѣстнику Морозову. Тетеринъ подпавшій опалѣ, постриженный въ монахи, убѣжалъ изъ монастыря въ Литву; на укорительное письмо воеводы Морозова къ князю Полубенскому, Тетеринъ и Сарыгозинъ отвѣчали слѣдующее: „Называешь ты насъ измѣнниками несправедливо; мы бы и сами, подобясь собакѣ, умѣли напротивъ лаять, да не хотимъ такъ безумствовать. Были бы мы измѣнниками, еслибы, не претерпѣвши малыя скорби, побѣжали отъ государева жалованья: а то и такъ виноваты, что долго не исполняли Христова слова и апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже отъ многихъ нестерпимыхъ мукъ и отъ поруганія ангельскаго образа. Ты, господинъ, бойся Бога больше, чѣмъ гонителя, и не зови православныхъ христіанъ, безъ правды мучимыхъ и прогнанныхъ, измѣнниками. Твое

честное Юрьевское намѣстничество не лучше моего Тимохина чернечества: былъ ты пять лѣтъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а теперь тебя государь пожаловалъ намѣстничествомъ Юрьевскимъ съ пригородами, жену у тебя взялъ въ закладъ, а доходу тебѣ не сказалъ ни пула; велѣлъ тебѣ двѣ тысячи проѣсть занявши, а Полукашину заплатить нечѣмъ; невѣжливо молвить: чай не очень тебѣ и вѣрятъ! Есть *великаго князя* (и Тетеринъ не хочетъ называть Іоанна царемъ) новые довѣренные люди, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ. Богъ за грѣхи у васъ умъ отнялъ, что вы надъ женами и дѣтками своими и надъ вотчинами головы кладете да и ихъ губите. Смѣемъ, государь, спросить: каково тѣмъ женамъ и дѣткамъ, у которыхъ мужей и отцовъ различными смертями побили безъ правды?“ [81]

Теперь обратимся къ отвѣтамъ Іоанна IV-го. Прежде всего онъ говоритъ о своемъ правѣ на самодержавный престолъ, правѣ древнемъ, неизмѣнномъ, неутраченномъ: „Самодержавства нашего начало отъ св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили“. Это право свое онъ противополагаетъ устарѣлому, утраченному праву Курбскаго на княжество Ярославское [82]. Такъ какъ основное положеніе Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ совѣтоваться съ боярами, что при Іоаннѣ и прежде тогда только было все хорошо, когда слушались этихъ совѣтовъ, и все пошло дурно, когда Іоаннъ удалилъ совѣтниковъ и сталъ управлять самъ—то, наоборотъ, основное положеніе Іоанна: царь не долженъ находиться ни подъ чьимъ вліяніемъ: „Эта ли совѣсть прокаженная—свое царство въ своей рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаему подвластными? Это ли православіе пресвѣтлое—быть обладаему рабами? Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи?“ Какъ защитникъ новаго порядка вещей, какъ потомокъ государей московскихъ, Іоаннъ, въ отвѣтъ потомку ярославскихъ князей, высказываетъ цѣль своего правленія и превосходство новаго порядка вещей. Приводя слова апостола Павла, царь сравниваетъ старую и новую Русь съ ветхимъ и новымъ завѣтомъ: „Какъ тогда, вмѣсто креста было потребно обрѣзаніе: такъ и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія

потребно самовольство. Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, которыми царство растлѣвается. Ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся. Неужели это сладко и свѣтъ—отъ добра удалиться и зло творить междоусобными бранями и самовольствомъ?“ Такимъ образомъ Іоаннъ дошелъ до самаго высокаго понятія о царской власти: „Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя“. Этому понятію онъ даетъ историческую опору, междоусобія, терзавшія землю, прекратились съ утвержденіемъ единовластія и самодержавія; слѣдствія неповиновенія—усобицы. При такомъ высокомъ понятіи о значеніи царя, Іоаннъ чувствовалъ, что отвѣтъ его на письмо Курбскаго, измѣнившаго подданнаго, есть недостойная царя слабость; но онъ былъ человѣкъ чувства, и потому не выдержалъ, отвѣчалъ; раскаяніе въ этой слабости видно изъ нѣкоторыхъ словъ: „До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить, не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и хотя неприлично говорить о винахъ ихъ, но выше было сказано“. На обвиненіе въ жестокости царь отвѣчаетъ: „Жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ также вольны“. На обвиненіе въ облыганіи своихъ подданныхъ измѣною отвѣчаетъ: „Если ужь я облыгаю, то отъ кого же другаго ждать правды? Для чего я стану облыгать? изъ желанія ли власти подданныхъ своихъ или рубища ихъ худого, или мнѣ припала охота ѣсть ихъ?“.

Курбскій принадлежалъ къ сторонѣ Сильвестра, укорялъ Іоанна особенно за удаленіе послѣдняго. Іоаннъ отвѣчаетъ на этотъ укоръ: „Ты считаешь свѣтлостію благочестивою, когда царство обладается попомъ невѣждою? Но всякое царство обладаемое попомъ разоряется. Тебѣ чего хотѣлось? Того же, что случилось въ Греціи? Эту погибель и намъ совѣтуешь?“ Курбскій, защищая свое мнѣніе о необходимости совѣта, выбиралъ примѣры изъ св. Писанія; Іоаннъ не менѣе Курбскаго изучилъ этотъ источникъ примѣровъ, и отвѣчаетъ своему сопернику: „Вспомни, что Богъ, изводя Израиля изъ работы, поставилъ не священника владѣть людьми и не многихъ правителей, но одного Моисея, какъ царя, поставилъ надъ ними;

и священствовать ему не повелѣлъ, Аарону брату его повелѣлъ священствовать, а въ людское устроеніе не мѣшаться; когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ священникамъ не подобаетъ брать на себя царскія дѣла! Такъ же Даѳанъ и Авиронъ захотѣли похитить себѣ власть; но и сами погибли и какую Израилю погибель навели, что вамъ боярамъ прилично! Послѣ былъ судьею Израилю Іисусъ Навинъ, а священникомъ Елеазаръ; съ тѣхъ поръ до Иліи жреца обладали судьи и спасали Израиля; когда же Илія жрецъ принялъ на себя священство и царство, то хотя самъ былъ праведенъ и добръ, но за дурное поведеніе сыновей самъ съ ними злою смертію погибъ и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида". Имѣя такое высокое понятіе о своемъ значеніи, Іоаннъ сильно оскорбленъ былъ грубымъ тономъ князя Курбскаго, помнившаго свое происхожденіе отъ одного родоначальника съ царемъ и противополагавшаго доблестный родъ Смоленскихъ Ростиславичей „издавна кровопійственному роду" князей Московскихъ: въ гнѣвныхъ выраженіяхъ Іоаннъ напоминаетъ Курбскому о должномъ уваженіи къ особѣ царя примѣромъ изъ Византійской исторіи: „Ты, собака, и того не разсудишь, какъ три патріарха собрались со множествомъ святителей къ нечестивому царю Ѳеофилу и многосложный свитокъ написали, но все такихъ хуленій, какъ ты, не написали, хотя и нечестивъ былъ царь Ѳеофилъ". Если въ письмахъ Курбскаго высказался потомокъ лишенныхъ владѣнія князей, то Іоаннъ въ своихъ письмахъ, не разъ обнаруживаетъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него поведеніе вельможъ во время его болѣзни. Оправдываясь въ казни вельможъ, царь говоритъ, что они превзошли всѣхъ измѣнниковъ древней исторіи, говоритъ, что императоръ Константинъ казнилъ родного сына, Ѳеодоръ Ростиславичъ, предокъ Курбскихъ, пролилъ въ Смоленскѣ множество крови въ самую Пасху, Давидъ казнилъ своихъ измѣнниковъ, и слѣдовательно Московскіе бояре должны быть также казнимы, потому что они „Богомъ имъ даннаго и родившагося у нихъ на царствѣ, преступивши крестную клятву, отвергли, и сколько могли зла сдѣлать, сдѣлали, всячески, словомъ и дѣломъ и тайными умышленіями, и почему же они менѣе тѣхъ заслужили злыхъ казней?" Въ другомъ мѣстѣ царь говоритъ: „Какъ во Израилѣ нѣкоторые, согласившись съ Авимелехомъ, отъ наложницы

Гедеоновой рожденнымъ, перебили въ одинъ день семьдесятъ законныхъ сыновей Гедеоновыхъ и воцарили Авимелеха, такъ и вы собацкимъ измѣннымъ обычаемъ хотѣли въ царствѣ царей достойныхъ истребить и воцарить дальняго родственника, хотя и не отъ наложницы рожденнаго. Такъ-то вы доброхотны, такъ-то вы душу за меня полагаете, что подобно Ироду, грудного младенца хотѣли погубить, смертію свѣта сего лишить, и воцарить вмѣсто его чужого? Такъ-то вы за меня душу полагаете и доброхотствуете?" Если Курбскій, бояринъ и потомокъ Ярославскихъ князей, ведетъ новый порядокъ вещей, начало зла, по его взгляду, отъ Іоанна III-го, если онъ называетъ кровопійственнымъ весь родъ Московскихъ князей, то Іоаннъ IV знаетъ также старину, знаетъ когда и какъ началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбскій называетъ Іоанна „лютостію, рожденною въ законопреступленіи и сладострастіи," то Іоаннъ, съ своей стороны, считаетъ себя въ правѣ называть Курбскаго рожденіемъ исчадія ехиднаго, измѣнникомъ прирожденнымъ. „Вы привыкли" говоритъ царь: „отъ прародителей своихъ измѣну чинить: какъ дѣдъ твой, князь Михайла Карамышъ, съ княземъ Андреемъ Углицкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи, такъ и отецъ твой, князь Михайла, съ великимъ княземъ Димитріемъ внукомъ на отца нашего Василія многія пагубныя смерти умышляли; также и матери твоей дѣдъ Василій и Иванъ Тучко многія пакостныя и укоризненныя слова дѣду нашему, великому государю Ивану, износили; такъ же и дѣдъ твой Михайла Тучковъ, при кончинѣ матери нашей, великой царицы Елены, дьяку нашему Циплятеву многія надменныя слова изрекъ; и такъ какъ ты рожденіе исчадія ехиднаго, то поэтому такъ и ядъ отрыгаешь". Мы видѣли, что Курбскій и подобные ему отъѣзжики считали присягу недѣйствительною, какъ вынужденную; Іоаннъ, съ своей стороны, утверждаетъ, что отъѣзжики нарушеніемъ присяги губятъ не только свои, но и прародителей своихъ души: „Какъ ты не постыдишься раба твоего Васьки Шибанова (который подалъ Іоанну письмо отъ своего господина)? онъ благочестіе свое соблюлъ: предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратахъ стоя, ради крестнаго цѣлованія тебя не отвергся, но хвалилъ тебя и былъ готовъ за тебя умереть. А ты такому благочестію не поревновалъ: отъ одного слова моего гнѣв-

наго не только свою собственную душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ; потому что дѣду нашему Богъ поручилъ ихъ въ работу, и они, давъ свои души, до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ".

Отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ дорого стоили Іоанну. Приверженцы падшей стороны Сильвестра и Адашева не захотѣли безпрекословно сносить гоненія, воздвигнутаго на нихъ царемъ: одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними, одинъ изъ самыхъ близкихъ прежде людей къ Іоанну, отъѣхалъ къ враждебному государю, мало этого, явился предводителемъ его полковъ въ войнѣ съ Москвою; но, что всего хуже, осмѣлился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщеніи; потомокъ князя Ѳедора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго, срывая свое сердце въ грамотѣ къ Іоанну, укоряя его въ убіеніи, заточеніи и разогнаніи *сильныхъ во Израили*, позабылъ, чему онъ подвергаетъ людей, равныхъ ему по происхожденію и прежнему положенію, которыхъ онъ явился представителемъ, тѣхъ сильныхъ во Израили, князей и воеводъ, которые не были казнены, заточены и прогнаны и продолжали наполнять дворъ царя Московскаго! Курбскій, въ глазахъ Іоанна, не былъ простымъ отъѣзжикомъ, оставившимъ отечество изъ страха только личной опалы: Курбскій былъ представителемъ цѣлой стороны; онъ упрекалъ Іоанна не за одного себя, но за многихъ, грозилъ ему небесною местію за многихъ. Іоаннъ зналъ, какъ велика была сторона Сильвестра и Адашева, какъ многочисленъ былъ сонмъ людей, издавна считавшихъ своимъ правомъ совѣтовать и, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжать. Онъ затронулъ теперь эту враждебную сторону, этотъ сонмъ, и вотъ онъ высказалъ свои стремленія въ лицѣ одного изъ главныхъ представителей своихъ. Къ чему послужатъ теперь клятвенныя записи, поручительства? Если еще можно удержать вельможъ отъ отъѣзда въ Москвѣ, во внутреннихъ областяхъ государства, то какъ удержать ихъ на границѣ? кого послать съ войскомъ? Но и внутри, если они уже такъ ожесточены и такъ ихъ много, то гдѣ безопасность? Понятно, къ какимъ чувствамъ такія мысли должны были повести человѣка страстнаго, воспріимчиваго, напуганнаго. Мысль: „враговъ много, я не въ безопасности, нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, въ случаѣ неудачи нужно при-

готовить убѣжище на чужбинѣ"—эта мысль стала теперь господствующею въ головѣ Іоанна.

Онъ сталъ готовиться къ борьбѣ; прежде всего нужно было испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту въ народѣ, или предастъ ихъ народъ? 3-го декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ семействомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ праздновалъ праздникъ Николая Чудотворца. Выѣздъ этотъ былъ не похожъ на прежніе, когда выѣзжалъ онъ на богомолье или на какія-нибудь потѣхи свои: теперь онъ взялъ съ собою иконы и кресты, золотомъ и каменьями дорогими украшенные, сосуды золотые и серебряные, платье, деньги и всю свою казну; которымъ боярамъ, дворянамъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ велѣлъ съ собою ѣхать, тѣмъ велѣлъ взять съ собою женъ и дѣтей; а дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которыхъ государь прибралъ выборомъ изо всѣхъ городовъ, тѣмъ велѣлъ ѣхать съ людьми, конями и со всѣмъ служебнымъ порядкомъ. Непогода и дурныя дороги задержали его въ Коломенскомъ двѣ недѣли. Какъ рѣки стали, онъ поѣхалъ въ село Тайнинское, изъ Тайнинскаго къ Троицѣ, отъ Троицы въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ митрополитъ Аѳанасій, Новгородскій архіепископъ Пименъ, Ростовскій Никандръ, бояре, окольничіе и всѣ приказные люди были въ недоумѣніи и уныніи отъ такого государскаго великаго, необычнаго подъема. Ровно черезъ мѣсяцъ, 3 генваря 1565 года ихъ недоумѣніе разрѣшилось: царь прислалъ изъ слободы къ митрополиту списокъ, въ которомъ исписаны были измѣны боярскія, воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, какія измѣны и убытки государству они дѣлали до его совершеннолѣтія. Царь гнѣвъ свой положилъ на богомольцевъ своихъ архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ своихъ, на дворецкаго и на конюшнаго, на окольничихъ, казначеевъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и на всѣхъ приказныхъ людей за то, что послѣ отца его бояре и всѣ приказные люди его государства людямъ много убытковъ дѣлали и казны его государскія расхитили, а прибытковъ казнѣ его государской никакой не прибавляли. Бояре и воеводы земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, кормленія, собравши себѣ великія богатства, о государѣ, государствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ обо-

понять, вмѣсто того христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться. А захочетъ государь бояръ своихъ или приказныхъ или служивыхъ людей понаказать—духовенство, сложась съ боярами, дворянами и со всѣми приказными людьми, государю по нихъ же покрываетъ. И царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ его Богъ наставитъ. Къ гостямъ же и къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ грамоту и велѣлъ ее передъ ними прочесть: въ ней царь писалъ, чтобъ они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Когда эти грамоты были прочтены, между боярами и народомъ раздались рыданія и вопли „Увы, горе! согрѣшили мы передъ Богомъ, прогнѣвали государя своего многими передъ нимъ согрѣшеніями и милость его великую превратили на гнѣвъ и на ярость! теперь къ кому прибѣгнемъ, кто насъ помилуетъ и кто избавитъ отъ нашествія иноплеменныхъ? какъ могутъ быть овцы безъ пастыря? увидавши овецъ безъ пастыря, волки расхитятъ ихъ!“ Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобъ онъ съ остальнымъ духовенствомъ умилостивилъ государя, упросилъ его не оставлять государства, владѣлъ бы имъ и правилъ какъ ему угодно; а государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ и въ казни его государская воля, „а мы всѣ своими головами идемъ за тобою, святителемъ, бить челомъ государю и плакаться“. Гости и всѣ горожане говорили то же: „чтобъ государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей; а за государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ“.

Духовенство и бояре явились въ Александровскую слободу и объявили Іоанну общее рѣшеніе, общую мольбу: пусть правитъ какъ ему угодно, только бы принялъ снова въ руки правленіе. Іоаннъ челобитье ихъ принялъ съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ своемъ государствѣ опричину; дворъ и весь свой обиходъ сдѣлать особый, бояръ, окольничихъ, дворецкихъ, казначеевъ, дьяковъ, всякихъ приказныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, стольниковъ, стряпчихъ и жиль-

щовъ назначить особыхъ; во дворцахъ—Сытномъ, Кормовомъ и Хлѣбенномъ назначить особыхъ ключниковъ, подключниковъ, сытниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, всякихъ мастеровъ, конюховъ, псарей и всякихъ дворовыхъ людей на всякій обиходъ, наконецъ стрѣльцовъ назначить себѣ особыхъ же. Назначены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на государскій обиходъ, изъ этихъ же доходовъ шло жалованье боярамъ, дворянамъ и всякимъ дворовымъ людямъ, которые будутъ въ опричнинѣ; а если этихъ доходовъ не достанетъ, то брать другіе города и волости; въ опричнину собрать князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ 1000 человѣкъ; помѣстья имъ будутъ розданы въ тѣхъ городахъ, которые взяты въ опричнину, а вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ этихъ городовъ вывесть и дать имъ земли въ другихъ городахъ. Также въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы и въ нихъ велѣно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, которые были отобраны въ опричнину, а прежніе обыватели переведены на другія улицы. Государство Московское, воинство, судъ, управу и всякія земскія дѣла приказалъ государь вѣдать боярамъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ, князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому и остальнымъ, конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ велѣлъ быть по своимъ приказамъ и чинить управу по старинѣ, а съ большими дѣлами приходить къ боярамъ; если же будутъ ратныя вѣсти или земскія великія дѣла, то боярамъ съ ними приходить къ государю. За подъемъ свой приговорилъ государь взять изъ земскаго приказа 100,000 рублей; а которые бояре, воеводы и приказные люди заслужили за великія измѣны смертную казнь, а иные опалу, у тѣхъ имѣнье отобрать въ казну; духовенству же, боярамъ и приказнымъ людямъ все это положить на государской волѣ.

Вслѣдствіе этой воли, какъ совѣтники Курбскаго, умышлявшіе съ нимъ на государя, жену и дѣтей его всякія лихія дѣла, были казнены: князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій съ молодымъ сыномъ Петромъ, родственники ихъ двое Ховриныхъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ и князь Петръ Горенскій; послѣдній былъ пойманъ на отъѣздѣ; о другихъ, кромѣ неопредѣленнаго обвиненія въ соумышленничествѣ съ Курбскимъ

ничего не знаемъ; не знаемъ о винѣ князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмого: о послѣднемъ знаемъ только, что во время болѣзни Іоанна онъ былъ обвиненъ въ расположеніи посадить на престолъ князя Владиміра Андреевича, у другихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отобрали имѣніе; иныхъ сослали въ Казань; бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ билъ челомъ за проступку и прощенъ за поручительствомъ; князь Василій Семеновичъ Серебряный выручен съ сыномъ изъ-подъ опалы. Левъ Матвѣевичъ Солтыковъ выручен съ двумя сыновьями. Въ слѣдующемъ году билъ челомъ за проступку и за двойнымъ ручательствомъ возвращенъ изъ ссылки съ Бѣлоозера князь Михайла Ивановичъ Воротынскій; въ томъ же году выручены были князья Иванъ Петровичъ Охлябининъ, бояринъ Овчинъ-Плещеевъ: первый обѣщался никуда не отъѣхать и въ чернецы не постригаться. Чего стоили самому Іоанну отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ, собственный отъѣздъ въ слободу, тревожное ожиданіе послѣдствій, какія будетъ имѣть посылка грамотъ въ Москву—чего стоило ему все это, видно изъ того, что когда онъ возвратился въ Москву, то нельзя было узнать его: волосы съ головы и съ бороды исчезли [33].

Страшному состоянію души Іоанновой соотвѣтствовало и средство имъ придуманное, или имъ принятое, ибо, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, планъ опричнины принадлежалъ Василію Юрьеву и Алексѣю Басманову съ нѣкоторыми другими [34]. Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратій, Іоаннъ заподозрилъ всѣхъ бояръ своихъ и схватился за средство, которое освобождало его отъ нихъ, освобождало отъ необходимости постояннаго, ежедневнаго сообщенія съ ними. Положить на нихъ на всѣхъ опалу безъ улики, безъ обвиненія, заточить, сослать всѣхъ, лишить должностей, сановъ, лишить голоса въ думѣ, и на ихъ мѣсто набрать людей новыхъ, незначительныхъ, *молодыхъ* какъ тогда называли—это было невозможно: прежняго любимца своего, Алексѣя Адашева, Іоаннъ не могъ провесть дальше окольничаго, не могъ далеко вести онъ и новыхъ своихъ любимцевъ. Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него, Іоаннъ такъ и сдѣлалъ. Дума, бояре распоряжались всѣмъ, только при вѣстяхъ ратныхъ и въ дѣлахъ чрезвычайной важности докладывали государю. Старые вельможи оста-

лись при своихъ старыхъ придворныхъ должностяхъ; но Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ подлѣ себя, и потому потребовалъ для себя особаго двора, особыхъ бояръ, окольничихъ и т. д.; но онъ не могъ бы совершенно освободиться отъ стараго вельможества, еслибъ остался жить въ старомъ дворцѣ, и вотъ Іоаннъ требуетъ новаго дворца; онъ не могъ не встрѣчаться со старыми вельможами при торжественныхъ выходахъ и т. п., еслибъ оставался въ Москвѣ, и вотъ Іоаннъ покидаетъ Москву, удаляется на житье въ Александровскую слободу. Но легко понять всѣ гибельныя слѣдствія такого удаленія главы государства отъ государства или земли, какъ тогда называли: напрасно Іоаннъ увѣрялъ гостей и простыхъ горожанъ московскихъ, что онъ противъ нихъ ничего не имѣетъ, чтобъ они остались спокойны; эти гости и простые люди очень хорошо понимали однако, что правителями надъ ними, къ которымъ они должны обращаться во всѣхъ дѣлахъ, остаются прежніе вельможи, и въ то же время слышали, что царь торжественно называетъ этихъ вельможъ своими недоброхотами, измѣнниками, удаляется отъ нихъ, окружаетъ себя толпою новыхъ людей, видѣли, что верховная власть отказывается отъ собственныхъ своихъ орудій, чрезъ которыя должна дѣйствовать, объявляетъ ихъ негодными для себя, и въ то же время признаетъ годными для государства, ибо оставляетъ ихъ при прежнемъ дѣйствіи, и такимъ образомъ расторгаетъ связь между государемъ и государствомъ, объявляя себя противъ правителей земли, необходимо объявляетъ себя и противъ самой земли. Несмотря на обнадеживаніе въ милости, эта вражда къ самой землѣ необходимо должна была обнаружиться, если не прямо чрезъ особу царя, то черезъ его новую дружину, чрезъ этихъ опричниковъ. Какъ произведеніе вражды, опричина, разумѣется, не могла имѣть благого, умиряющаго вліянія. Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрилъ вельможъ въ непріязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей вполнѣ преданныхъ ему; чтобы быть угоднымъ царю, опричникъ долженъ былъ враждовать къ старымъ вельможамъ, и для поддержанія своего значенія, своихъ выгодъ долженъ былъ поддерживать, поджигать эту вражду къ старымъ вельможамъ въ самомъ царѣ. Но этого мало: можно ли было поручиться, что въ такомъ количествѣ людей если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, очень многіе не захотятъ воспользоваться выгодами своего положенія, именно безнаказанностію; кто изъ зем-

скихъ правителей, заподозрѣнныхъ, опальныхъ, могъ въ судѣ рѣшить дѣло не въ пользу опричника? кто изъ заподозрѣнныхъ, опальныхъ могъ рѣшиться принести жалобу на человѣка приближеннаго, довѣреннаго, который имѣлъ всегда возможность увѣрить подозрительнаго, гнѣвливаго царя, что жалоба ложная, что она подана вслѣдствіе ненависти къ опричникамъ, изъ желанія вооружить противъ нихъ государя, которому они преданы, котораго защищаютъ отъ враговъ: если не всѣ опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою довѣренностію, то всѣ они, отъ большаго до малаго считали своею первою обязанностію другъ за друга заступаться. Цѣлая многочисленная толпа, цѣлая дружина временщиковъ! Послѣ этого неудивительно встрѣтить намъ отъ современниковъ сильныя жалобы на опричнину. Опричнина, съ своей стороны, не оставалась, какъ видно, безгласною: говорили противъ бояръ, что они крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ, держа города и волости, отъ слезъ и отъ крови богатѣютъ, лѣнивѣютъ; что въ московскомъ государствѣ нѣтъ правды; что люди приближаются къ царю вельможествомъ, а не по воинскимъ заслугамъ и не по какой другой мудрости, и такіе люди суть чародѣи и еритики, которыхъ подобно предавать жестокимъ казнямъ; что государь долженъ собирать со всего царства доходы въ одну свою казну, и изъ казны воинамъ сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ вѣрить [85].

Неудовольствіемъ, возбужденнымъ опричниною, хотѣли воспользоваться враги Москвы, и неудавшіяся попытки ихъ повели къ новымъ казнямъ, содѣйствовали еще болѣе утвержденію опричнины. Какой-то Козловъ, родомъ изъ московскихъ областей, поселился въ Литвѣ, женился здѣсь, отправленъ былъ гонцемъ отъ Сигизмунда Августа къ Іоанну и далъ знать королю, что успѣлъ склонить всѣхъ вельможъ московскихъ къ измѣнѣ; отправленный вторично въ Москву Козловъ вручилъ отъ имени короля и гетмана Хоткѣвича грамоты князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину, съ приглашеніемъ перейти на сторону короля. Грамоты были перехвачены; Іоаннъ велѣлъ написать, или вѣрнѣе, самъ написалъ отъ имени означенныхъ бояръ бранчивые отвѣты королю и гетману, которые и были отправлены съ Козловымъ [86]. Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій успѣли выпутаться изъ бѣды; не успѣлъ ста-

рикъ Челяднинъ, и былъ казненъ вмѣстѣ съ женою и соумышленниками, княземъ Иваномъ Куракинымъ-Булгаковымъ, Дмитріемъ Ряполовскимъ, тремя князьями Ростовскими, Петромъ Щенятевымъ, Турунтаемъ-Пронскимъ, казначеемъ Тютинымъ. Мы видѣли, что этотъ Челяднинъ участвовалъ въ возмущеніи народа противъ Глинскихъ послѣ пожара: князья Ростовскіе возбудили противъ себя гнѣвъ Іоанна съ тѣхъ поръ, какъ хотѣли всѣмъ родомъ отъѣхать въ Литву послѣ болѣзни царя; во время этой болѣзни князья Петръ Щенятевъ и Турунтай-Пронскій выказали себя явными приверженцами князя Владиміра Андреевича (1568 г.).

Мы видѣли, какъ духовенство русское могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія; но когда московскіе единовластители вступили въ послѣднюю борьбу съ остатками старины, съ притязаніями князей и дружины, то духовенство приняло на себя священную обязанность—среди этой борьбы сдерживать насиліе, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою побѣду; усердно помогая московскому государю сломить притязанія князей и членовъ дружины, духовенство въ то же время брало этихъ князей и членовъ дружины подъ свой покровъ, блюло надъ ихъ жизнію, какъ членовъ церкви; такъ утвердился обычай, что митрополитъ и вообще духовенство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруку. Митрополитъ Макарій, получившій митрополію вслѣдствіе торжества Шуйскихъ, являлся, по просьбѣ молодого Іоанна, ходатаемъ предъ Шуйскими за Воронцова, причемъ подвергался оскорбленіямъ; онъ пережилъ Шуйскихъ, пережилъ волненія, послѣдовавшія за ихъ паденіемъ, умѣлъ не сталкиваться съ Сильвестромъ и, если вѣрить Курбскому, защищалъ послѣдняго при его паденіи, видѣлъ возобновленіе казней, и умеръ 1563 году; онъ хотѣлъ нѣсколько разъ оставить митрополію, но былъ удерживаемъ царемъ и владыками. Пріемниками Макарія былъ монахъ Чудова монастыря Аѳанасій, бывшій прежде духовникомъ государевымъ. Выговаривая себѣ неограниченное право казнить своихъ лиходѣевъ, учреждая опричнину, Іоаннъ жаловался на духовенство, что оно покрывало виновныхъ и требовалъ у него отреченія отъ обычая печаловаться. Аѳанасій былъ свидѣтелемъ учрежденія опричнины, получилъ позволеніе отпечаловать боярина Яковлева, князя Воротынскаго, и въ 1566 году оставилъ митрополію по болѣзни. Въ преемники Аѳанасію былъ назначенъ Германъ, архіепископъ

Казанскій; но бесѣды его, по словамъ Курбскаго, не понравились любимцамъ Іоанновымъ; Германа отстранили и вызвали Соловецкаго игумена Филиппа, сына боярина Колычова; Филиппъ объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины; Іоаннъ разсердился; наконецъ Филиппъ уступилъ убѣжденіямъ, что его обязанность нейти прямо противъ царской воли, но утолять гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Филиппъ далъ запись: „въ опричнину ему и въ царскій домовый обиходъ не вступаться, а послѣ поставленья, за опричнину и за царскій домовый обиходъ митрополіи не оставлять" [87]. Но, отказавшись отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться. Начались казни вслѣдствіе дѣла Козлова; опричнина буйствовала; вельможи, народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло; онъ зналъ, что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника—и не хотѣлъ молчать. Тщетно Іоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій: встрѣчи были необходимы въ церквахъ, и здѣсь то происходили страшныя сцены заклинаній: „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святый!" говорилъ Іоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: „молчи и благослови насъ!"— Филиппъ: „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ".—Іоаннъ: „Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?"—Филиппъ: „Я пастырь стада Христова!—Іоаннъ: „Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, чтобъ не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!"—Филиппъ: „я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана: зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни"?—Царь выходилъ изъ церкви въ большомъ раздумьѣ: это раздумье было страшно опричникамъ; они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ новгородскомъ, суздальскомъ, рязанскомъ, благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ: послѣдній явно и тайно носилъ рѣчи неподобныя Іоанну на Филиппа; отправились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе обвиненій на судѣ соборномъ; защитниковъ Филиппу не было, все молчало. 8 ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ

изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочь монастырь. Въ 1569 году, проѣзжая Тверь на походѣ на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малюту Скуратова взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе; опричникъ задушилъ его. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія [88]. На мѣсто Филиппа возведенъ былъ троицкій архимандритъ Кириллъ.

Въ 1569 году дошелъ чередъ и до того, за приверженность къ которому уже многіе погибли, дошелъ чередъ до двоюроднаго брата царскаго, князя Владиміра Андреевича. Мы упоминали о клятвенной записи, насильно взятой съ Владиміра въ 1553 году; въ слѣдующемъ 1554 году, послѣ рожденія другого царевича, Ивана, государь взялъ съ двоюроднаго брата другую запись держать этого Ивана вмѣсто царя въ случаѣ смерти послѣдняго. До какой степени уже Іоаннъ не довѣрялъ брату послѣ своей болѣзни, доказываетъ слѣдующее обѣщаніе Владиміра: „Жить мнѣ въ Москвѣ на своемъ дворѣ; а держать мнѣ у себя на дворѣ своихъ людей всякихъ..... (число людей стерто), а больше того мнѣ людей у себя на дворѣ не держать, а всѣхъ своихъ служилыхъ людей держать въ своей отчинѣ“. Іоаннъ опредѣлилъ поведеніе Владиміра и въ томъ случаѣ, если начнутся междоусобія между молодымъ царемъ и роднымъ его братомъ; Владиміръ обязывается: „Если который братъ родной станетъ недругомъ сыну твоему царевичу Ивану и отступитъ отъ него, то мнѣ съ этимъ его братомъ въ дружбѣ не быть и не ссылаться съ нимъ; а пошлетъ меня сынъ твой, царевичъ Иванъ, на этого своего брата, то мнѣ на него идти и дѣлать надъ нимъ всякое дѣло безъ хитрости, по приказу сына твоего царевича Ивана. Князей служебныхъ съ вотчинами, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей сына твоего мнѣ никакъ къ себѣ не принимать. Которые бояре, дьяки ваши и всякіе люди нагрубили мнѣ чѣмъ-нибудь при тебѣ царѣ Иванѣ: и мнѣ за тѣ ихъ грубости не мстить имъ никому. Безъ бояръ сына твоего, которые написаны въ твоей духовной грамотѣ, мнѣ никакого дѣла не дѣлать, и не сказавши сыну твоему и его матери, мнѣ никакого дѣла не рѣшать. Если мать моя княгиня Евфросинья станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или

противъ его матери: то мнѣ матери своей не слушать, а пересказать ея рѣчи сыну твоему царевичу Ивану и его матери въ правду, безъ хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-нибудь зло надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дьяками, которые въ твоей духовной грамотѣ написаны: то мнѣ объявить объ этомъ сыну твоему и его матери въ правду, безъ хитрости; не утаить мнѣ этого никакъ, по крестному цѣлованію. А возьметъ Богъ и сына твоего царевича Ивана, и другихъ дѣтей твоихъ не останется: то мнѣ твой приказъ весь исправить твоей царицѣ, великой княгинѣ Анастасіи, по твоей духовной грамотѣ и по моему крестному цѣлованію". Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года взята была со Владиміра третья запись съ нѣкоторыми противъ прежней дополненіями; удѣльный князь обязался не держать у себя на московскомъ дворѣ болѣе 108 человѣкъ. Въ 1563 году, говоритъ лѣтопись, государь положилъ гнѣвъ свой на княгину Евфросинію и на сына ея, прислалъ къ царю въ слободу служившій у князя Владиміра Андреевича дьякъ Савлукъ Ивановъ бумагу, въ которой писалъ многія государскія дѣла, что княгиня Евфросинья и сынъ ея многія неправды къ царю чинятъ и для того держатъ его, Савлука, въ оковахъ въ тюрьмѣ; царь велѣлъ Савлука къ себѣ прислать, по его словамъ многіе сыски были, неисправленія ихъ сысканы, и предъ митрополитомъ и владыками царь княгинѣ Евфросиньи и сыну ея неправды ихъ извѣстилъ. Послѣ этого Евфросинья постриглась; у Владиміра были перемѣнены всѣ бояре и слуги: мы видѣли, что и отецъ Іоанна употребилъ то же средство въ отношеніи къ одному изъ братьевъ своихъ. Въ 1566 году царь перемѣнилъ брату удѣлъ: вмѣсто Старицы и Вереи далъ ему Дмитровъ и Звенигородъ [89]. По одному иностранному извѣстію, въ 1568 году князь Владиміръ Андреевичъ замышлялъ поддаться Сигизмунду Августу; въ генварѣ 1569 онъ погибъ [90].

Страшный огонь жегъ внутренность Іоанна, и для этого огня не было недостатка въ пищѣ: лѣтомъ 1569 года явился къ царю какой-то Петръ, родомъ Волынецъ, и донесъ, что Новгородцы хотятъ предаться Польскому королю, что у нихъ уже написана и грамота объ этомъ и положено въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Волынцемъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно отыскалъ грамоту

за образомъ и привезъ къ государю: подписи—архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ гражданъ оказались вѣрными; говорятъ, что этотъ Петръ, бродяга, наказанный Новгородцами, изъ желанія отомстить имъ, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ. Іоаннъ рѣшился разгромить Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 года онъ двинулся туда изъ Александровской слободы и началъ разгромъ съ границъ тверскихъ владѣній, съ Клина: по всей дорогѣ, отъ Клина до Новгорода, производились опустошенія, особенно много пострадала Тверь. 2 генвара 1570 года явился въ Новгородъ передовой отрядъ царской дружины, которому велѣно было устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города, чтобъ ни одинъ человѣкъ не убѣжалъ; бояре и дѣти боярскіе изъ того же передоваго полка бросились на подгородные монастыри, запечатали монастырскія казны; игуменовъ и монаховъ, числомъ болѣе 500, взяли въ Новгородъ и поставили на правежъ до государева пріѣзда; другіе дѣти боярскіе собрали ото всѣхъ новгородскихъ церквей священниковъ и дьяконовъ и отдали ихъ на соблюденіе приставамъ, по десяти человѣкъ каждому приставу; ихъ держали въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день съ утра до вечера били на правежѣ, правили по 20 рублей, подцерковныя и домовыя палаты у всѣхъ приходскихъ церквей и кладовыя именитыхъ людей были перепечатаны; гостей приказныхъ и торговыхъ людей перехватали и отдали приставамъ, дома, имущества ихъ были опечатаны, женъ и дѣтей держали подъ стражею. 6 числа пріѣхалъ самъ царь съ сыномъ Иваномъ, со всѣмъ дворомъ и съ 1500 стрѣльцовъ, сталъ на торговой сторонѣ, на Городищѣ. На другой день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правежѣ, бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день, въ воскресенье Іоаннъ отправился въ кремль къ св. Софіи къ обѣднѣ; на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его, по обычаю, владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ; но царь ко кресту не пошелъ и сказалъ архіепископу: „Ты злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце: съ своими единомышленниками, здѣшними горожанами хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ предать иноплеменникамъ, Литовскому королю Сигизмунду Августу; съ этихъ поръ ты не пастырь и не учитель, но волкъ хищникъ, гу-

битель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель". Проговоривши это, царь велѣлъ Пимену идти съ крестами въ Софійскій соборъ и служить обѣдню, у которой былъ самъ со всѣми своими, послѣ обѣдни пошелъ къ архіепископу въ столовую палату обѣдать, сѣлъ за столъ, началъ ѣсть, и вдругъ далъ знакъ своимъ князьямъ и боярамъ, по обычаю, страшнымъ крикомъ: по этому знаку начали грабить казну архіепископа и весь его дворъ, бояръ и слугъ его перехватали, самого владыку, ограбивъ, отдали подъ стражу, давали ему на кормъ ежедневно по двѣ деньги. Дворецкій Левъ Солтыковъ и духовникъ протопопъ Евстафій съ боярами пошли въ Софійскій соборъ, забрали тамъ ризницу и всѣ церковныя вещи, то же было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ. Между тѣмъ Іоаннъ съ сыномъ отправился изъ архіепископскаго дома къ себѣ на Городище, гдѣ начался судъ; къ нему приводили Новгородцевъ, содержавшихся подъ стражею, и пытали, жгли ихъ какою-то „составною мудростію огненною", которую лѣтописецъ называетъ *поджаромъ*; обвиненныхъ привязывали къ санямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда бросали въ рѣку; женъ и дѣтей ихъ бросали туда же съ высокаго мѣста, связавши имъ руки и ноги, младенцевъ привязавши къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, дѣти боярскіе и стрѣльцы ѣздили на маленькихъ лодкахъ по Волхову, съ рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплываетъ наверхъ, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали въ глубину; такъ дѣлалось каждый день въ продолженіе пяти недѣль. По окончаніи суда и расправы, Іоаннъ началъ ѣздить около Новгорода по монастырямъ, и тамъ приказывалъ грабить кельи, служебные домы, жечь въ житницахъ и на скирдахъ хлѣбъ, бить скотъ; пріѣхавши изъ монастырей, велѣлъ по всему Новгороду, по торговымъ рядамъ и улицамъ товары грабить, анбары, лавки разсѣкать и до основанія разсыпать; потомъ началъ ѣздить по посадамъ, велѣлъ грабить всѣ домы, всѣхъ жителей безъ исключенія, мужчинъ и женщинъ, дворы и хоромы ломать, окна и ворота высѣкать; въ то же время вооруженныя толпы отправлены были во всѣ четыре стороны, въ пятины, по станамъ и волостямъ, верстъ за 200 и за 250, съ приказаніемъ вездѣ пустошить и грабить. Весь этотъ разгромъ продолжался шесть недѣль. Наконецъ 13 февраля утромъ государь велѣлъ выбрать изъ каждой улицы по луч-

шему человѣку и поставить передъ собою. Они стали передъ нимъ съ трепетомъ, изможденные, какъ мертвецы: но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ и сказалъ: „Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳедорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ: вся эта кровь взыщется на нихъ измѣнникахъ; вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ благодарно, я вамъ вмѣсто себя оставлю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Петра Даниловича Пронскаго“. Въ тотъ же день Іоаннъ выѣхалъ изъ Новгорода по дорогѣ въ Псковъ; владыку Пимена, священниковъ и дьяконовъ, которые не откупились отъ правежа, и опальныхъ Новгородцевъ, которыхъ дѣло еще не было рѣшено, отослали съ приставами въ Александровскую слободу. Какое впечатлѣніе произвелъ на Новгородцевъ погромъ, всего лучше видно изъ слѣдующаго извѣстія: 25 мая 1571 г. въ церкви св. Параскевы на торговой сторонѣ у обѣдни было много народа; когда послѣ службы стали звонить въ колокола, вдругъ на всѣхъ напалъ таинственный ужасъ, всѣ побѣжали въ разныя стороны, мужчины, женщины, дѣти, толкали другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, купцы пометали лавки, отдавали товары собственными руками первому попавшемуся. Точно такое же извѣстіе о переполохѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ подъ 1239 годомъ, послѣ Батыева погрома.

Изъ Новгорода Іоаннъ направилъ путь къ Пскову, Псковичи боялись участи Новгородцевъ; по распоряженію воеводы, князя Токмакова, они встрѣтили Іоанна каждый передъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль; завидѣвъ царя всѣ падали на колѣна. Іоаннъ недолго прожилъ во Псковѣ, велѣлъ грабить имѣніе у гражданъ, кромѣ церковнаго причта, взялъ также казну монастырскую и церковную, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Но дѣло не кончилось Новгородомъ и Псковомъ: по возвращеніи царя въ Москву началось слѣдствіе о сношеніяхъ Новгородскаго архіепископа Пимена и Новгородскихъ приказныхъ людей съ боярами—Алексѣемъ Басмановымъ и сыномъ

его Ѳедоромъ, съ казначеемъ Фуниковымъ, печатникомъ Висковатовымъ, Семеномъ Яковлевымъ, съ дьякомъ Васильемъ Степановымъ, съ Андреемъ Васильевымъ, съ княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ; сношенія происходили о томъ, чтобъ сдать Новгородъ и Псковъ Литовскому королю, царя Іоанна извести, на государство посадить князя Владиміра Андреевича. Это *сыскное измѣнное дѣло* до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи. Извѣстны слѣдствія: казнены были князь Петръ Оболенскій-Серебряный, Висковатый, Фуниковъ, Очинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцовъ, сынъ извѣстнаго намъ Ѳедора и многіе другіе, 180 человѣкъ прощено; всего удивительнѣе встрѣтить между осужденными имена главныхъ любимцевъ Іоанновыхъ—Басмановыхъ и Вяземскаго, Вяземскій умеръ отъ пытокъ, Алексѣй Басмановъ, какъ говорятъ, былъ убитъ сыномъ Ѳедоромъ, по приказанію Іоанна. Владыка Пименъ Новгородскій сосланъ былъ въ Веневъ.[91]

Извѣстно намъ и состояніе души Іоанна, образъ его мыслей послѣ разсказанныхъ событій: къ 1572 году относится единственное дошедшее до насъ духовное завѣщаніе его. Въ этой духовной царь высказываетъ убѣжденіе, что онъ и семейство его непрочны на московскомъ престолѣ, что онъ изгнанникъ, ведущій борьбу съ своими врагами, что этой борьбѣ не видать близкаго конца, и потому Іоаннъ даетъ наставленіе сыновьямъ, какъ имъ жить до окончанія борьбы. Завѣщаніе начинается исповѣдью Іоанна, въ которой замѣчательны слѣдующія слова: „Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, струпы душевные и тѣлесные умножились, и нѣтъ врача который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мною поскорбѣлъ—и нѣтъ никого, утѣшающихъ я не сыскалъ, воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистію за любовь.“ Наставленіе дѣтямъ начинается словами Христа: „Се заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга... Сами живите въ любви, и военному дѣлу сколько возможно навыкайте. Какъ людей держать и жаловать и *отъ нихъ беречься*, и во всемъ умѣть ихъ къ себѣ присвоивать, вы бы и этому навыкли же: людей, которые вамъ прямо служатъ, жалуйте и любите, отъ всѣхъ берегите, чтобъ имъ притѣсненія ни отъ кого не было, тогда они прямѣе служатъ; а которые лихи, и вы бъ на тѣхъ опалы клали не скоро, по разсужденію, не яростію. Всякому дѣлу навыкайте, божественному, священному, иноческому, ратному,

судейскому, московскому пребыванію и житейскому свякому обиходу, какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствами что имѣетъ, то бы вы сами знали. Также и во всякихъ обиходахъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быть, и въ какой мѣрѣ кто держится— всему этому выучитесь: такъ вамъ люди и не будутъ указывать; а если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владѣть, а люди. А что, по множеству беззаконій моихъ, распростерся Божій гнѣвъ, изгнанъ я отъ бояръ, ради ихъ самовольства, отъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ, и вамъ моими грѣхами многія бѣды нанесены: то Бога ради не изнемогайте въ скорбяхъ... Пока васъ Богъ не помилуетъ, не освободитъ отъ бѣдъ, до тѣхъ поръ вы ни въ чемъ не раздѣляйтесь: и люди бы у васъ за одно служили, и земля была бы за одно и казна у обоихъ одна: такъ вамъ будетъ прибыльнѣе. А ты, Иванъ сынъ, береги сына Θедора, и своего брата, какъ себя, чтобы ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, всѣмъ былъ бы доволенъ, чтобъ ему на тебя не въ досаду, что не дашь ему ни удѣла, ни казны. А ты Θедоръ сынъ, у Ивана сына, а своего брата старшаго, *пока устроитесь*, удѣла и казны не проси, живи въ своемъ обиходѣ, смѣкаясь, какъ бы Ивану сыну тебя безъ убытка можно было прокормить, оба живите за одно и во всемъ устраивайте, какъ бы прибыточнѣе. Ты бы, сынъ Иванъ, моего сына Θедора, а своего брата младшаго, держалъ и берегъ и любилъ и жаловалъ и добра ему хотѣлъ во всемъ какъ самому себѣ, и на его лихо ни съ кѣмъ бы не ссылался, вездѣ былъ бы съ нимъ одинъ человѣкъ, и въ худѣ и въ добрѣ; а если въ чемъ передъ тобою провинится, то ты бы его понаказалъ и пожаловалъ, а до конца бъ его не разорялъ; а ссоркамъ бы отнюдь не вѣрилъ, потому что Каинъ Авеля убилъ, а самъ не наслѣдовалъ же. А дастъ Богъ, будешь ты на государствѣ, и братъ твой Θедоръ на удѣлѣ: то ты удѣла его подъ нимъ не подъискивай, на его лихо ни съ кѣмъ не ссылайся; а гдѣ по рубежамъ сошлась твоя земля съ его землею, ты его береги и накрѣпко смотри правды, а напрасно его не задирай и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество земли и богатства пріобрѣтъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать, и тогда все останется. А ты, сынъ мой Θедоръ, держи сына моего Ивана въ мое мѣсто отца

своего, и слушай его во всемъ какъ меня, и покоренъ будь ему во всемъ и добра желай ему какъ мнѣ, родителю своему, ни въ чемъ ему не прекословь, во всемъ живи изъ его слова, какъ теперь живешь изъ моего. Если, дастъ Богъ, будетъ онъ на государствѣ, а ты на удѣлѣ: то ты государства его подъ нимъ не подъискивай, на его лихо не ссылайся ни съ кѣмъ, вездѣ будь съ нимъ одинъ человѣкъ, и въ лихѣ и въ добрѣ; *а пока, по грѣхамъ, Иванъ сынъ государства не достигнетъ, а ты удѣла своего:* то ты съ сыномъ Иваномъ вмѣстѣ будь за одинъ, съ его измѣнниками и лиходѣями никакъ не ссылайся, если станутъ прельщать тебя славою, богатствомъ, честію, станутъ давать тебѣ города или право какое будутъ тебѣ уступать мимо сына Ивана, или станутъ на государство звать: то ты отнюдь ихъ не слушай, изъ Ивановой воли не выходи, какъ Иванъ сынъ тебѣ велитъ такъ и будь; и ничѣмъ не прельщайся; а гдѣ Иванъ сынъ пошлетъ тебя на свою службу, или людей твоихъ велитъ тебѣ на свою службу послать: то ты на его службу ходи и людей своихъ посылай, какъ сынъ мой Иванъ велитъ; а гдѣ порубежная Иванова земля сошлась съ твоею землею, и ты береги накрѣпко, смотри правды, а напрасно не задирайся и людскимъ вракамъ не потакай: потому что если кто и множество богатства и земли пріобрѣтетъ, но трилокотнаго гроба не можетъ избѣжать... И ты бъ, сынъ Өедоръ, сыну моему Ивану, а твоему брату старшему, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ, какъ мнѣ и себѣ; и во всемъ въ волѣ его будь до крови и до смерти: ни въ чемъ ему не прекословь; если даже Иванъ сынъ на тебя и разгнѣвается, или обидитъ какъ-нибудь: *то и тутъ старшему брату не прекословь, рати не поднимай и самъ собою не обороняйся;* бей ему челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ, гнѣвъ сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ по моему приказу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и ты ему добей челомъ, какъ ему любо; послушаетъ твоего челобитья—хорошо, а не послушаетъ—и ты самъ собою не обороняйся же".

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе останавливается, во-первыхъ, на желаніи царя, чтобъ дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ, Иванъ, не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ: ибо въ противномъ случаѣ удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ,

Во-вторыхъ, въ своемъ завѣщаніи Іоаннъ не довольствуется уже, подобно предшественникамъ, однимъ неопредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшаго вмѣсто отца; онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго не смѣть поднимать противъ него оружіе, не смѣть обороняться: этимъ приказомъ Іоаннъ уничтожаетъ законность междоусобій въ царскомъ семействѣ, ставитъ младшаго брата въ совершенно подданническія отношенія къ старшему; теперь уже младшіе братья не могутъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: „Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, то мы сами будемъ искать". Этимъ приказомъ Іоаннъ дорушиваетъ родовыя отношенія между князьями.

Что Іоаннъ не былъ увѣренъ въ счастливомъ для своего семейства окончаніи борьбы, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова завѣщанія: „Насъ родителей своихъ и прародителей, не только что въ государствующемъ градѣ Москвѣ или гдѣ будете въ другомъ мѣстѣ, *но если даже въ гоненіи и въ изгнаніи будете*, въ божественныхъ литургіяхъ, панихидахъ и литіяхъ, въ милостыняхъ къ нищимъ и препитаніяхъ, сколько возможно, не забывайте".

Іоаннъ благословляетъ старшаго сына „царствомъ Русскимъ (достоинствомъ), шапкою Мономаховою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему *царю* и великому князю Владиміру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всѣми шапками царскими и чиномъ царскимъ, что я примыслилъ, посохами и скатертью, а по-нѣмецки центурь. Сына же своего Ивана благословляю своимъ царствомъ Русскимъ (областью), чѣмъ меня благословилъ отецъ мой князь великій Василій и что мнѣ Богъ далъ". Здѣсь встрѣчаемъ важную отмѣну противъ распоряженій прежнихъ государей: удѣльный Ѳедоръ не получаетъ никакой части въ городѣ Москвѣ. Ему въ удѣлъ дано 14 городовъ, изъ которыхъ главный Суздаль; но показывается, что удѣльный князь не долженъ думать ни о какой самостоятельности: „удѣлъ сына моего Ѳедора ему же (царю Іоанну) къ великому государству". Наконецъ относительно опричнины Іоаннъ говоритъ такъ сыновьямъ въ завѣщаніи: „Что я учредилъ опричнину, то на волѣ дѣтей моихъ, Ивана и Ѳедора; какъ имъ прибыльнѣе, такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ" [92].

Дѣтямъ своимъ Іоаннъ давалъ на волю продолжать опричнину или уничтожить; но въ его собственное царствованіе трудно было ожидать ея прекращенія, ибо зло вызывало другое зло: въ 1571 году князь Иванъ Мстиславскій далъ слѣдующую запись: „Я, князь Иванъ Мстиславскій, Богу, святымъ Божіимъ церквамъ и всему православному христіанству вѣры своей не соблюлъ, государю своему, его дѣтямъ и его землямъ, всему православному христіанству и всей русской землѣ измѣнилъ, навелъ съ моими товарищами безбожнаго Крымскаго Девлетъ-Гирея царя“. По ходатайству митрополита Кирилла и 24 другихъ духовныхъ особъ, царь простилъ Мстиславскаго, взявши съ него означенную грамоту, за поручительствомъ троихъ бояръ, которые обязались, въ случаѣ отъѣзда Мстиславскаго, внести въ казну 20,000 рублей; за поручниковъ поручилось еще 285 человѣкъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ этого Мстиславскій опять билъ челомъ съ двумя сыновьями, что они предъ государемъ во многихъ винахъ виноваты [93]. Подобныя грамоты могли привести къ вопросу: можно ли по прежнему довѣрять правленіе земщиною Мстиславскому съ товарищами, и если самъ царь не хочетъ попрежнему сближаться съ земщиною, то не должно ли поставить въ челѣ ея человѣка, который бы по титулу своему и происхожденію могъ бы стать выше князей и бояръ, и между тѣмъ не имѣлъ бы съ ними ничего общаго, могъ бы быть вѣрнѣе ихъ? И вотъ въ одной лѣтописи подъ 1574 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: „казнилъ царь на Москвѣ у Пречистой на площади въ кремлѣ многихъ бояръ, архимандрита Чудовского, протопопа и всякихъ чиновъ людей много, а головы метали подъ дворъ Мстиславскаго. Въ то же время произволилъ царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича (крещенаго Татарина, Касимовскаго хана) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста, далеко, вмѣстѣ съ боярами“. Дѣйствительно, до насъ дошли грамоты, въ которыхъ отъ имени *великаго князя Симеона всея Руси* дѣлаются разнаго рода земскія распоряженія, какъ отъ имени царя, царь же Іоаннъ называется *государемъ княземъ Московскимъ*. Симеонъ впрочемъ не болѣе двухъ лѣтъ процарствовалъ въ Москвѣ; по словамъ лѣ-

тописи, онъ былъ сосланъ отсюда Іоанномъ, который далъ ему Тверь и Торжокъ [94]. Раздѣленіе на опричнину и земщину оставалось; но имя опричнины возбуждало такую ненависть, что царь счелъ за нужное вывести его изъ употребленія: вмѣсто названій опричнина и земщина видимъ названіе: дворъ и земщина; вмѣсто: города и воеводы опричные и земскіе—видимъ: города и воеводы дворовые и земскіе [95]. Между тѣмъ казни продолжались по разнымъ поводамъ: по поводу нашествія Крымскаго хана, когда Мстиславскій признался, что онъ съ товарищами привелъ; по поводу болѣзни и смерти невѣсты царской; погибли старые бояре—знаменитый воевода, князь Михайла Воротынскій, котораго мы видѣли уже прежде въ заточеніи въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, князь Никита Одоевскій, Михайла Яковлевичъ Морозовъ, князь Петръ Куракинъ и другія менѣе значительныя лица. Курбскій говоритъ, что Воротынскій былъ подвергнутъ пыткамъ по доносу раба, обвинявшаго его въ чародѣйствѣ и въ злыхъ умыслахъ противъ Іоанна; измученнаго пытками старика повезли въ заточеніе опять на Бѣлозеро, но на дорогѣ онъ умеръ.

Современныя Русскія свидѣтельства говорятъ, что Іоаннъ до конца жизни оставался съ одинаковымъ настроеніемъ духа, одинаково скоръ на гнѣвъ и на опалы; однако въ послѣднія восемь лѣтъ его жизни мы не встрѣчаемъ извѣстій о казняхъ.

ГЛАВА V.

Полоцкъ.

Успѣхи Русскихъ въ Ливоніи; ея распаденіе.—Мысль Іоанна жениться на сестрѣ короля Польскаго.—Взятіе Полоцка.—Переговоры о мирѣ съ Литвою.—Соборъ въ Москвѣ по поводу этихъ переговоровъ. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Прекращеніе ихъ по причинѣ болѣзни короля.—Мысль объ избраніи Іоанна ему въ преемники. — Царь дѣлаетъ Датскаго принца Магнуса вассальнымъ королемъ Ливоніи. — Сношенія съ Швеціею. — Неудачныя дѣйствія Магнуса противъ Ревеля.—Важность прибалтійскихъ береговъ для Россіи по отзывамъ враговъ ея.—Дѣла Крымскія. — Неудачный походъ Турецкаго войска къ Астрахани.—Нашествіе Крымскаго хана и сожженіе Москвы. — Вторичное нашествіе хана и отраженіе его княземъ Воротынскимъ.

Мы видѣли, что магистръ Кетлеръ, отчаявшись собственными средствами спасти Ливонію, заключилъ тѣсный союзъ съ Сигизмундомъ Августомъ. Обнадеженный этимъ союзомъ и получивши помощь людьми и деньгами изъ Германіи, отъ герцога Прусскаго, отъ жителей Риги и Ревеля, Кетлеръ началъ наступательное движеніе, разбилъ подъ Дерптомъ Московскаго воеводу Захарія Плещеева и осадилъ Дерптъ; осажденные сдѣлали не очень удачную вылазку, но успѣхи Нѣмцевъ этимъ и ограничились: приближалась зима, союзный отрядъ, приведенный герцогомъ Христофомъ Мекленбургскимъ, ушелъ; Кетлеръ съ своими Ливонцами хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть Лаисомъ, но два раза приступъ его былъ отбитъ гарнизономъ, находившимся подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Кашкарова: такимъ образомъ, по словамъ Нѣмецкаго лѣтописца, Кетлеръ, вслѣдствіе храбраго сопротивленія непріятеля, ничего не сдѣлалъ, со стыдомъ и урономъ долженъ былъ уйдти въ Оберпаленъ, куда достигъ съ большими трудностями, везя тяжелые

нарядъ по дурнымъ дорогамъ; здѣсь ратные люди, въ досадѣ на неудачу, и не получая жалованья, стали бунтовать и съ трудомъ были усмирены и разведены по зимнимъ квартирамъ, а тяжелый нарядъ отправленъ въ Феллинъ. Но безснѣжная зима не остановила Русскихъ: князья Мстиславскій, Петръ Шуйскій, Серебряный повоевали землю до Рижскаго залива, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и взяли Маріенбургъ; весною отправился отрядъ Русскихъ въ Эстонію, разбилъ Нѣмцевъ подъ Верпелемъ; съ другой стороны опустошали Ливонію Псковскіе сторонщики или вольница, плѣнниковъ и скота гоняли много, а нѣкоторыхъ Нѣмцы побивали. Весною же пришелъ князь Курбскій въ Ливонію, поразилъ стараго магистра Фюрстенберга подъ Вессенштейномъ и Феллиномъ; взятіе послѣдней крѣпости было цѣлію похода большой шестидесятитысячной Московской рати подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и Петра Шуйскаго; 12,000 войска подъ начальствомъ князя Барбашина отправились въ обходъ къ морю по слухамъ, что Фюрстенбергъ хочетъ отправить богатую казну въ Габзаль; лучшіе изъ воеводъ Ливонскихъ, ландмаршалъ Филиппъ Белль, съ 500-ми ратныхъ рѣшился напасть въ расплохъ на Барбашина, въ надеждѣ, что нечаянность уравняетъ силы, но обманулся: весь отрядъ его былъ истребленъ, самъ Белль, послѣдній защитникъ и послѣдняя надежда Лифляндскаго народа, по выраженію Курбскаго, съ одиннадцатью коммандорами и ста двадцатью рыцарями, попался въ плѣнъ. Курбскій съ большимъ уваженіемъ говоритъ о храбрости, остротѣ разума, доброй памяти и краснорѣчіи Белля; Русскіе воеводы обходились съ нимъ по товарищески, сажали вмѣстѣ съ собою за столъ и услаждались его рѣчами, разумомъ растворенными; изъ рѣчей этихъ Курбскій сохранилъ одну, въ которой Белль разсказывалъ исторію ордена и объяснялъ причины его паденія: „Когда мы, говорилъ Белль, „пребывали въ католической вѣрѣ, жили умѣренно и цѣломудренно, тогда Господь вездѣ насъ покрывалъ, отъ враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всемъ. А теперь, когда мы отступили отъ вѣры *церковной*, дерзнули ниспровергнуть законы и уставы святые, приняли вѣру новоизобрѣтенную, вдались въ невоздержаніе, уклонились къ широкому и пространному пути, вводящему въ погибель: теперь явственно обличаетъ насъ Господь за грѣхи наши и казнитъ насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки вамъ, врагамъ нашимъ; не трудившись, большихъ издержекъ

не дѣлая, вы овладѣли градами высокими, мѣстами твердыми, палатами и дворами пресвѣтлыми, отъ праотцевъ нашихъ сооруженными; не насадивши, наслаждаетесь садами и виноградниками нашими. Но что мнѣ говорить о васъ? Вы мечемъ взяли! А другіе безъ меча вошли даромъ въ наши богатства и стяжанія, нисколько не трудившись, обѣщая намъ помощь и оборону. Хороша ихъ помощь: стоимъ передъ врагами связанные! Но не думайте, что вы силою своею покорили насъ: Богъ за преступленіе наше предалъ насъ въ руки врагамъ!“ Тутъ Белль горько заплакалъ и привелъ въ слезы всѣхъ Русскихъ воеводъ; потомъ, утерши слезы, Белль прибавилъ съ радостнымъ лицемъ: „Впрочемъ благодарю Бога и радуюсь, что плѣненъ и страдаю за любимое отечество; если за него и умереть случится, то любезна будетъ мнѣ смерть“. Отсылая Белля въ Москву, воеводы просили царя, чтобъ не лишалъ его жизни; но на суровые вопросы Іоанна плѣнникъ отвѣчалъ сурово, и между прочимъ сказалъ: „Ты неправдою и кровопійствомъ овладѣваешь нашимъ отечествомъ, не такъ, какъ прилично царю христіанскому“. Іоаннъ разсердился и велѣлъ отрубить ему голову.

Воеводы осадили Феллинъ; Нѣмцы оборонялись храбро даже когда и внѣшнія стѣны были уже разбиты; но когда Русскіе стали стрѣлять огненными ядрами и зажгли городъ, то осажденные вступили въ переговоры, хотя у нихъ оставалась еще главная, необыкновенно твердая, почти неприступная крѣпость съ тремя другими побочными укрѣпленіями, 18 большихъ стѣнобитныхъ орудій и 450 среднихъ и малыхъ, всякаго рода запасовъ множество: по нѣмецкимъ извѣстіямъ дѣло объясняется тѣмъ, что гарнизонъ, не получая уже нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, не хотѣлъ болѣе служить. Тщетно старый Фюрстенбергъ предлагалъ ему все свое имущество: гарнизонъ сдалъ городъ Русскимъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ изъ него; но Фюрстенбергъ долженъ былъ отправиться въ Москву, причемъ воеводы обѣщали ему царскую милость; обѣщаніе было исполнено: старику дали въ кормленіе мѣстечко Любимъ въ Костромской области, гдѣ онъ и умеръ спокойно. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что когда Фюрстенберга и другихъ Ливонскихъ плѣнниковъ въ торжествѣ водили по Московскимъ улицамъ на-показъ народу, то одинъ изъ плѣнныхъ Татарскихъ хановъ сказалъ: „По дѣломъ вамъ, Нѣмцы! Вы дали великому князю въ руки розги, которыми онъ сначала насъ высѣкъ, а теперь сѣ-

четъ и васъ самихъ". Татаринъ разумѣлъ подъ розгами оружіе, которое русскіе заимствовали у нѣмцевъ.

Нѣсколько другихъ городовъ послѣдовали примѣру Феллина; русское войско безпрепятственно опустошало страну, разбивая вездѣ малочисленные нѣмецкіе отряды, осмѣливавшіеся выходить къ нему на встрѣчу; но князь Мстиславскій не могъ взять Вейссенштейна: этою неудачною попыткою кончился походъ 1560 года.

Несмотря на успѣхи русскихъ войскъ, завоеваніе орденскихъ владѣній было еще далеко до окончанія; но удары, нанесенные Іоанномъ ордену, ускорили его распаденіе: Эзельскій епископъ Мённиггаузенъ вошелъ съ датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ тайныя сношенія, продалъ ему свои владѣнія, Эзель и Пильтенъ, за 20,000 рейхсталеровъ и уѣхалъ съ этими деньгами въ Германію, несмотря на то, что, по обязательствамъ своимъ, не могъ располагать означенными землями безъ вѣдома и согласія орденскихъ властей. Датскій король, обязанный, по отцовскому завѣщанію, уступить брату своему Магнусу нѣсколько земель въ Голштиніи, вмѣсто ихъ отдалъ ему новую свою покупку, и Магнусъ весною 1560 года явился въ Аренбургѣ, гдѣ вступило къ нему въ службу много дворянъ, въ надеждѣ, что Данія не оставитъ его безъ помощи. Появленіе этого новаго лица въ Остзейскомъ краю было причиною новыхъ смутъ: когда земскіе чины собрались въ Пернау и пріѣхалъ Магнусъ въ качествѣ Эзельскаго администратора, то, вмѣсто какихъ-нибудь полезныхъ для земли рѣшеній, сеймъ былъ свидѣтелемъ сильной ссоры между Магнусомъ и магистромъ Кетлеромъ за земли, которыми Магнусъ хотѣлъ также завладѣть; едва дѣло не дошло до войны между ними; а между тѣмъ русскіе взяли Феллинъ. По удаленіи ихъ изъ-подъ Вейссенштейна междоусобная война дѣйствительно началась, только не между Магнусомъ и Кетлеромъ: встали крестьяне, объявили, что такъ какъ дворяне въ мирное время отягощаютъ ихъ страшными поборами, а въ военное не защищаютъ отъ непріятеля, то они не хотятъ имъ повиноваться; стали жечь замки, бить дворянъ; но при осадѣ замка Лоде потерпѣли пораженіе и усмирились. Ревельцы, видя, что московскіе ратные люди подъ самыми стѣнами ихъ уводятъ не только скотъ, но и людей, такъ что никому нельзя выйдти изъ города—отправили пословъ къ шведскому королю Ерику, сыну и наслѣднику Густава-Вазы, попросить у него денегъ взаймы и узнать, чего они могутъ

ожидать отъ него въ случаѣ, если московскія войска осадятъ ихъ городъ? Ерикъ отвѣчалъ, что денегъ онъ попустому не дастъ; но если Ревельцы захотятъ отдаться подъ его покровительство, то онъ не изъ властолюбія, а изъ христіанской любви и для избѣжанія московскаго невыносимаго сосѣдства, готовъ принять ихъ, утвердить за ними всѣ ихъ прежнія права и защищать ихъ всѣми средствами. Ревельцы стали думать: отъ императора и Римской имперіи нечего надѣяться помощи, отъ магистра также; Польша далеко, изъ нея также въ надлежащее время помощь не придетъ, притомъ же у нихъ съ Поляками разные обычаи, языкъ, вѣра; по дальности разстоянія нѣтъ у нихъ, какъ у Рижанъ, торговли съ Поляками и Литвою, покормиться отъ нихъ нечѣмъ; слѣдовательно отъ соединенія съ Польшею нѣтъ никакой выгоды, скорѣе конечное разореніе; Данія уже прежде отвергла ихъ предложеніе, и притомъ соединеніе съ Швеціею выгоднѣе по единству религіи и по близости: по открытому морю легко получить помощь, легко торговать. Подумавши такимъ образомъ, Ревельцы въ іюнѣ 1561 года присягнули въ вѣрности шведскому королю, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ.

Уже изъ побужденій, заставившихъ Ревельцевъ присоединиться къ Швеціи, легко было понять, что Ливонія захочетъ примкнуть къ Польшѣ: „Мы", говорили Ревельцы: „не кормимся отъ Польши и Литвы какъ Рижане"; слѣдовательно Рижане привязывались торговыми интересами, Двиною къ Литвѣ; дворянство ливонское не менѣе рижскихъ купцовъ желало соединенія съ Польшею, ибо ни въ одной другой странѣ не видало болѣе лестнаго положенія своихъ собратій, и вотъ Кетлеръ завелъ сношенія съ виленскимъ воеводою Николаемъ Радзивиломъ на счетъ присоединенія Ливоніи къ Польшѣ; въ ноябрѣ 1561 года дѣло было кончено: Ливонія, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ, отошла къ Польшѣ, а магистръ Кетлеръ получилъ Курляндію и Семигаллію съ титуломъ герцога и съ подручническими обязанностями къ Польшѣ. До насъ дошло любопытное изложеніе причинъ, по которымъ въ Польшѣ считали необходимымъ присоединеніе Ливоніи: „ни въ одной части государства нѣтъ такого количества городовъ, крѣпостей и замковъ, какъ въ Пруссіи; но Ливонія богатствомъ крѣпкихъ мѣстъ превосходитъ Пруссію, или, по крайней уже мѣрѣ, равняется ей. Государство же Польское особенно нуждается въ укрѣпленныхъ мѣ-

стахъ, потому что съ сѣвера и востока окружено дикими и варварскими народами. Ливонія знаменита своимъ приморскимъ положеніемъ, обиліемъ гаваней; если эта страна будетъ принадлежать королю, то ему будетъ принадлежать и владычество надъ моремъ. О пользѣ имѣть гавани въ государствѣ засвидѣтельствуютъ всѣ знатныя фамиліи въ Польшѣ: необыкновенно увеличилось благосостояніе частныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ королевство получило во владѣніе прусскія гавани, и теперь народъ нашъ не многимъ европейскимъ народамъ уступитъ въ роскоши относительно одежды и украшеній, въ обиліи золота и серебра; обогатится и казна королевская взиманіемъ податей торговыхъ. Кромѣ этого, какъ увеличатся могущество, силы королевства чрезъ присоединеніе такой обширной страны! Какъ легко будетъ тогда управляться съ Москвою, какъ легко будетъ сдерживать непріятеля, если у короля будетъ столько крѣпостей! Но главная причина, заставляющая насъ принять Ливонію, состоитъ въ томъ, что если мы ее отвергнемъ, то эта славная своими гаванями, городами, крѣпостями, судоходными рѣками, плодородіемъ страна перейдетъ къ опасному сосѣду. Или надобно вести войну противъ Москвы съ постоянствомъ, всѣми силами или заключить честный и выгодный миръ; но условія мира не могутъ назваться ни честными, ни выгодными, если мы уступимъ ей Ливонію. Но если мы должны непремѣнно выгнать москвитянъ изъ Ливоніи, то съ какой стати намъ не брать Ливоніи себѣ, съ какой стати отвергать награду за побѣду? Вмѣстѣ съ москвитянами должны быть изгнаны и Шведы, которыхъ могущество также опасно для насъ; но прежде надобно покончить съ Москвою [266]".

Это изложеніе причинъ, почему Польша должна была овладѣть, Ливоніею, показывало, почему и Москва стремилась къ тому же; но у Польши были прусскія гавани на Балтійскомъ морѣ, тогда какъ у Москвы не было никакихъ: вотъ почему Іоаннъ даже не хотѣлъ подѣлиться Ливоніею съ Сигизмундомъ-Августомъ, удержавши только свои завоеванія въ этой странѣ, ибо завоеванія его, за исключеніемъ Нарвы, ограничились внутренними областями, не имѣвшими для него важнаго значенія. Если въ Польшѣ хотѣли прежде покончить съ Москвою, а потомъ уже обратить свои силы противъ Швеціи, то и въ Москвѣ не хотѣли также имѣть дѣла съ двумя врагами вмѣстѣ, и въ начавшихся переговорахъ съ

Швеціей царь не упоминалъ о Ревелѣ. Переговоры эти были не очень дружественны по другой причинѣ: молодой король Ерикъ никакъ не могъ равнодушно подчиняться унизительному обычаю, по которому онъ былъ обязанъ сноситься не прямо съ царемъ, а съ намѣстниками новгородскими. Въ 1560 году Ерикъ прислалъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ перемирныя грамоты, написанныя при отцѣ его и скрѣпленныя только печатями новгородскихъ намѣстниковъ, были скрѣплены печатью царскою, чтобы впередъ ссылаться ему прямо съ царемъ, и чтобъ въ прежнихъ грамотахъ уничтожить условіе, по которому шведскій король обязывался не помогать королю польскому и магистру Ливонскому противъ Москвы. Чтобъ испугать Іоанна, сдѣлать его сговорчивѣе, шведскіе послы объявили, что императоръ, короли польскій и датскій уговариваютъ Ерика къ союзу противъ царя за Ливонію. Но имъ отвѣчали: „Того себѣ въ мысляхъ не держите, что государю нашему прародительскіе старинные обычаи порушить, грамоты перемирные переиначить; Густавъ король такимъ же гордостнымъ обычаемъ, какъ и государь вашъ теперь съ молодости помыслилъ, захотѣлъ было того же, чтобъ ему ссылаться съ государемъ нашимъ, и за эту гордость свою сколько невинной крови людей своихъ пролилъ и сколько землѣ своей запустѣнья причинилъ? Да то былъ человѣкъ разумный: грѣхомъ проступилъ, и за свою проступку великими своими и разумными людьми могъ и челомъ добить; а вашего разума разсудить не можемъ: съ чего это въ такую высость начали? Знаете и сами: за неправду ливонскихъ людей быстро лихое дѣло началось, а теперь укротить его кто можетъ? А въ казанской и астраханской землѣ? И не такія мѣста, великія государства гордостью было поднялись и въ старинахъ своихъ быть не захотѣли, тѣмъ государя нашего гнѣвъ на себя подвигли: и за ихъ неправды что съ ними случилось—сами знаете. А вашего государя, Ерика короля видимъ: не прибыло у него ни откуда ничего, на старой своей землѣ. Намъ кажется, что или король у васъ очень молодъ; или старые люди всѣ извелись, и совѣтуется онъ съ молодыми: по такому совѣту такія и слова“. Когда послы сказали, что царю не можетъ быть тяжело самому ссылаться съ королемъ, то бояре отвѣчали: „Тяжелѣе всего на свѣтѣ прародительскую старину порушить“. Старина не была нарушена: для подтвержденія перемирія отправлены были въ Швецію послы отъ имени новгородскихъ на-

мѣстниковъ: по наговору толмача шведскаго посольства, который жаловался королю, что имъ въ Новгородѣ и Москвѣ было большое безчестье, и московскихъ пословъ приняли очень дурно въ шведскихъ владѣніяхъ, причемъ Ерикъ былъ радъ сорвать свое сердце; послы писали въ Москву: „Отъ короля намъ было великое безчестье и убытокъ: въ Выборгѣ насъ рѣчами безчестили и бранили, корму не дали и своихъ запасовъ изъ судовъ взять не дали жь, весь день сидѣли мы въ заперти, не ѣвши“. По пріѣздѣ въ Швецію, отвели имъ комнаты безъ печей и лавокъ, къ королю заставили идти пѣшкомъ; позвавши на обѣдъ, король велѣлъ поставить передъ ними мясныя кушанья въ Петровъ постъ, зная, что они у приставовъ брали пищу постную; противъ поклона отъ намѣстниковъ новгородскихъ король съ мѣста не двинулся и шляпы не приподнялъ; три раза пословъ звали къ королю и три раза ворочали съ дороги [97].

Но эти непріятности не имѣли послѣдствій, ибо все вниманіе царя было обращено теперь на Литву. И здѣсь Іоаннъ хотѣлъ было сначала рѣшить дѣло мирнымъ образомъ, посредствомъ женитьбы своей на одной изъ сестеръ королевскихъ; кромѣ возможности дѣйствовать чрезъ это родство на мирное соглашеніе относительно Ливоніи, у Іоанна могла быть тутъ другая цѣль: бездѣтнымъ Сигизмундомъ Августомъ прекращался домъ Ягеллоновъ въ Литвѣ, и сестра послѣдняго изъ Ягеллоновъ переносила въ Москву права свои на это государство; о Польшѣ же, какъ увидимъ, Іоаннъ мало думалъ. Онъ спросилъ митрополита, можно ли ему жениться на королевской сестрѣ при извѣстной степени свойства между ними вслѣдствіе брака тетки его Елены съ невѣстинымъ дядею Александромъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что можно, и въ Москвѣ уже рѣшили, какъ встрѣчать королевну, гдѣ ей жить до перехода въ православіе; опредѣлили, что боярамъ на сговорѣ съ панами о крещеніи не поминать, а начнутъ сами паны говорить, чтобъ королевнѣ оставаться въ римскомъ законѣ, то отговаривать, приводя прежніе примѣры, примѣръ Софьи Витовтовны и сестры Олгердовой, которыя были крещены въ греческій законъ; если же паны не согласятся, то и дѣла не дѣлать. Ѳедору Сукину, отправленному въ Литву съ предложеніемъ, данъ былъ такой наказъ: „Ѣдучи дорогою до Вильны, разузнавать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ

тълъны, какова которая обычаемъ, и которая лучше? Которая изъ нихъ будетъ лучше, о той ему именно и говорить королю. Если большая королевна будетъ такъ же хороша какъ и меньшая, но будетъ ей больше 25 лѣтъ, то о ней не говорить, а говорить о меньшой; развѣдывать накрѣпко, чтобъ была не больна и не очень суха; будетъ которая больна или очень суха или съ какимъ-нибудь другимъ дурнымъ обычаемъ, то объ ней не говорить, говорить о той, которая будетъ здорова и не суха и безъ порока. Хотя бы старшей было и больше 25 лѣтъ, но если она будетъ лучше меньшой, то говорить о ней. Если нельзя будетъ довѣдаться, которая лучше, то говорить о королевнахъ безымянно; и если согласятся выдать ихъ за царя и великаго князя, то Сукину непремѣнно ихъ видѣть, лица ихъ написать и привезти къ государю. Если же не захотятъ показать ему королевенъ, то просить *парсонъ* (портретовъ) ихъ написанныхъ.—Сукинъ допытался, что младшая королевна, Екатерина, лучше, и потому сдѣлалъ королю предложеніе выдать ее за царя. Паны, отъ имени Сигизмундова, отвѣчали, что отецъ королевъ, умирая, приказалъ семейство свое императору, и потому король хочетъ это дѣло дѣлать такъ, какъ отецъ его дѣлывалъ, обослаться съ императоромъ и съ иными королями, своими пріятелями и родственниками — зятемъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ, и съ племянникомъ, королевичемъ Венгерскимъ. Притомъ теперь при королѣ нѣтъ польской рады; король долженъ обослаться съ нею, потому что королевны родились въ Польшѣ и приданое ихъ тамъ. Посолъ отвѣчалъ: „Мы видимъ изъ вашихъ словъ нежеланіе вашего государя приступить къ дѣлу, если онъ такое великое дѣло откладываетъ въ даль“. Такъ кончились первые переговоры. Когда послы были призваны въ другой разъ, то Сигизмундъ объявилъ имъ, что согласенъ выдать сестру Екатерину за царя; послы просили позволенія ударить ей челомъ, но паны отвѣчали: „И между молодыми (т.-е. незнатными) людьми не ведется, чтобъ, не рѣшивши дѣла, сестеръ своихъ или дочерей давать смотрѣть“. Послы говорили: „Не видавши намъ государыни королевны Катерины и челомъ ей не ударивши, что, пріѣхавъ, государю своему сказать? Кажется намъ, что у государя вашего нѣтъ желанія выдать сестру за нашего государя!“ Имъ отвѣчали, что нельзя видѣть королевну явно, потому что у ней всѣ придворные Поляки: они разскажутъ своимъ, что московскіе послы

королевну видѣли, и у Польской рады съ королемъ будетъ за это брань большая; а если послы хотятъ ее видѣть, то пусть смотрятъ тайно, какъ пойдетъ въ костелъ. Послы сперва не соглашались, но потомъ согласились.

Дѣло однако кончилось ничѣмъ: король хотѣлъ согласиться на бракъ своей сестры съ Іоанномъ только въ томъ случаѣ, еслибъ бракъ этотъ доставилъ ему выгодный миръ; посолъ его Шимковичъ явился въ Москву съ требованіемъ, чтобъ прежде дѣла о сватовствѣ заключенъ былъ миръ, для переговоровъ о которомъ вельможи съ обѣихъ сторонъ должны съѣхаться на границы, и до этого съѣзда Ливоніи не воевать. Сигизмундъ хотѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ, какъ прежде пользовался подобнымъ же положеніемъ Іоаннъ III-й московскій, когда Александръ Литовскій искалъ руки его дочери Елены; Іоаннъ III-й также прежде дѣла о сватовствѣ требовалъ заключенія мира; но если искательство родственнаго союза явилось теперь со стороны московскаго государя, то Іоаннъ IV-й однако вовсе не находился въ положеніи Александра, которому во что бы то ни стало нужно было заключить миръ и скрѣпить его женитьбою на Еленѣ: царь не согласился на порубежные переговоры; мы видѣли, что въ Москвѣ считали тяжелѣе всего на свѣтѣ нарушать прародительскіе обычаи, а эти обычаи требовали, чтобъ мирные переговоры велись въ Москвѣ [38]. Военныя дѣйствія начались наступательнымъ движеніемъ Литовскаго гетмана Радзивила на Русскихъ въ Ливоніи: послѣ пятинедѣльной осады онъ взялъ Тарвастъ въ сентябрѣ 1561 года; русскіе воеводы разбили Литовцевъ подъ Пернау и разорили Тарвастъ, оставленный Литовцами. 1562 годъ прошелъ въ опустошительныхъ набѣгахъ съ обѣихъ сторонъ; а между тѣмъ не прерывались и сношенія между обоими дворами: Сигизмундъ не имѣлъ ни средствъ, ни желанія вести дѣятельную войну, ему хотѣлось длить время переговорами. Посолъ Корсакъ пріѣзжалъ отъ него въ Москву, въ началѣ 1562 года, съ жалобами, что Іоаннъ обижаетъ короля и мира не хочетъ, хлопоталъ, чтобъ военныя дѣйствія были прекращены съ обѣихъ сторонъ впредь до ссылки; Іоаннъ отвѣчалъ Сигизмунду: „Во всемъ твоемъ писаньѣ не нашли мы ни одного такого дѣла, которое было бы прямо написанно: писалъ ты все дѣла ложныя, складывая на насъ неправду... Прежде этого ты послалъ къ намъ Яна Шимковича, а къ Перекопскому

писалъ, что Шимковичъ посланъ не дѣлать дѣло, а разодрать его; и прежде посылалъ ты къ Перекопскому свою грамоту, укорялъ въ ней насъ многими неподобными словами. И если уже такъ, то намъ отъ тебя больше чего ждать? всю неправду въ тебѣ мы достаточно высмотрѣли." Упреки Іоанна были справедливы: Сигизмундъ не переставалъ поднимать хана на Москву, писалъ ему, что Іоаннъ, несмотря на перемиріе съ Литвою, воюетъ Ливонію, находящуюся подъ защитою королевскою; что онъ, Сигизмундъ, не хочетъ нарушать клятвы и начать войну съ Москвою до истеченія перемирныхъ лѣтъ, но что хану теперь самое удобное время напасть на Москву, потому что почти всѣ полки ея находятся въ Ливоніи. Паны литовскіе, по старому обычаю, писали къ митрополиту и боярамъ, чтобъ они склоняли государя къ миру и къ уступкѣ Ливоніи, которая искони принадлежала королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ. Митрополитъ отвѣчалъ по царскому наказу: „И прежде бискупъ и воевода виленскій посланниковъ и гонцевъ своихъ къ намъ присылали не одинъ разъ, и мы имъ отвѣчали, что мы люди церковные, и намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ; также и теперь намъ до тѣхъ дѣлъ дѣла нѣтъ, то вѣдаютъ боговѣнчаннаго самодержца царя государя бояре и съ панами ссылаются. А мы, какъ пастыри христіанскіе, благовѣнчанному самодержцу напоминаемъ, чтобъ онъ съ пограничными своими сосѣдями имѣлъ миръ и тишину. Мы били челомъ государю, и онъ нашего челобитья не презрилъ, послалъ на литовскихъ пословъ опасную грамоту". Бояре отвѣчали: „Только вспомнить старину, какимъ образомъ гетманы литовскіе Рогволодовичей Данила да Мовколда на литовское княжество взяли, и какимъ образомъ великому государю Мстиславу Владиміровичу Мономашу къ Кіеву дань давали, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся вотчина государя нашего: потому что, начиная отъ великаго государя Владиміра, просвѣтившаго Русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а ваши государи посаженые государи: такъ который крѣпче—вотчинный ли государь или посаженный?—сами разсудите. Но такими рѣчами, сколько ихъ ни говорить на обѣ стороны, доброе дѣло не станется, а скорѣе къ разлитію крови христіанской придетъ; мы напомнили вамъ о Литвѣ только для того, что вы въ своей

грамотѣ писали непригоже, задираясь за искони вѣчную вотчину государя нашего... Какъ Ливонская земля повиновалась прежде нашему государю, о томъ не только намъ, но и многимъ землямъ извѣстно; что намъ о томъ и говорить, какъ Ягайло на дядю своего Кестутья нанималъ ливонскихъ Нѣмцевъ—вамъ это хорошо извѣстно, посмотрите въ вашихъ хроникахъ—найдете; и какъ Витовтъ, бѣгая отъ Ягайла, ливонскихъ Нѣмцевъ нанималъ—и то вамъ извѣстно же; и какъ Ягайло и Витовтъ ходили въ нѣмецкую землю къ Марьину городку (Маріенбургу), и сколько у нихъ Нѣмцы побили людей, и какъ литовскіе Нѣмцы съ Ягайломъ и Витовтомъ помирились на своей волѣ".

Добраго дѣла нельзя было достигнуть ни такими и никакими другими рѣчами, а только дѣломъ, и въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ двинулся къ литовскимъ границамъ; цѣлію похода былъ Полоцкъ, городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою. 31 генваря городъ былъ осажденъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ, а 15 февраля, послѣ того какъ 300 саженъ стѣны было выжжено, городъ сдался; воевода Полоцкій Довойна, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ королю, и епископъ отосланы были въ Москву, имѣніе ихъ, казна королевская, имѣніе пановъ и купцовъ богатыхъ, много золота и серебра отобрано было на царя; Жиды потоплены въ Двинѣ; но наемные воины королевскіе одарены шубами и отпущены числомъ больше 500 человѣкъ, дана имъ воля, вступить ли въ царскую службу, ѣхать ли къ королю или въ другія земли, потому что они пришельцы изъ чужихъ земель. Увѣдомляя митрополита о взятіи Полоцка, Іоаннъ велѣлъ ему сказать: „исполнилось пророчество русскаго угодника, чудотворца Петра митрополита о городѣ Москвѣ, что взыдутъ руки его на плещи враговъ его: Богъ несказанную свою милость взліялъ на насъ недостойныхъ, вотчину нашу, городъ Полоцкъ намъ въ руки далъ". Царь возвратился въ Москву такъ же торжественно, какъ изъ-подъ Казани: въ Іосифовомъ монастырѣ встрѣтилъ его старшій сынъ, царевичъ Иванъ; на послѣднемъ ночлегѣ къ Москвѣ, въ селѣ Крылацкомъ, встрѣтили его младшій сынъ, царевичъ Ѳедоръ, братъ Юрій, Ростовскій архіепископъ Никандръ съ другими епископами, архимандритами, игуменами. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ московскимъ

встрѣтилъ у церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ: Іоаннъ билъ имъ челомъ, что милостію Пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и ихъ молитвами Господь Богъ милосердіе Свое свыше послалъ, вотчину его, городъ Полоцкъ, въ руки далъ. Духовенство государю многолѣтствовало на его вотчинѣ, благодареніе великое и похвалы воздавало, что своимъ великимъ подвигомъ церкви святыя отъ иконоборцевъ люторей очистилъ и остальныхъ христіанъ въ православіе собралъ. Въ Полоцкѣ оставлены были трое воеводъ, князья: Петръ Ивановичъ Шуйскій, Василій и Петръ Семеновичи Серебряные-Оболенскіе, съ такимъ наказомъ: „укрѣплять городъ наспѣхъ, не мѣшкая, чтобъ было безстрашно; гдѣ будетъ нужно, рвы старые вычистить и новые покопать, чтобъ были рвы глубокіе и крутые; и въ острогѣ, которое мѣсто выгорѣло, велѣть задѣлать накрѣпко, стѣны въ три или четыре. Литовскихъ людей въ городъ (т.-е. въ крѣпость), пріѣзжихъ и тутошнихъ дѣтей боярскихъ, землянъ и черныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не пускать; а въ какой-нибудь день торжественный, въ великій праздникъ, попросятся въ Софійскій соборъ литовскіе люди, бурмистры и земскіе люди, то пустить ихъ въ городъ понемногу, учинивши въ это время береженье большое, прибавя во всѣ мѣста головъ; и ни подъ какимъ бы видомъ, безъ боярскаго вѣдома и безъ приставовъ, ни одинъ человѣкъ, ни шляхтичъ, ни посадскій, въ городъ не входилъ, въ городѣ должны жить одни попы у церквей съ своими семьями, а лишніе люди у поповъ не жили бы. Въ городѣ сдѣлать свѣтлицу, и ночевать въ ней каждую ночь воеводамъ съ своими полками поочередно; съ фонаремъ ходить по городу безпрестанно. Управу давать литовскимъ людямъ, разспрося про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычаи ведутся, по ихъ обычаямъ и судить; судебню сдѣлать за городомъ въ острогѣ, выбрать головъ добрыхъ изъ дворянъ кому можно вѣрить, и приказать имъ судить въ судебнѣ всякія дѣла безволокитно и къ присягѣ ихъ привести, чтобъ судили прямо, посуловъ и поминковъ не брали, а записывать у нихъ земскимъ дьякамъ, выбравъ изъ земскихъ людей, на судѣ быть съ ними бурмистрамъ. Кто изъ дѣтей боярскихъ, шляхты и посадскихъ людей останется жить на посадѣ, у тѣхъ бы не было никакого ратнаго оружія. Если въ какомъ-нибудь изъ нихъ воеводы примѣтятъ шатость, та-

жихъ людей, не вдругъ, затѣявши какое-нибудь дѣло, ссылать во Псковъ, въ Новгородъ, въ Луки Великія, а оттуда въ Москву".

Король, узнавши о взятіи Полоцка, послалъ къ хану крымскому съ выговорами зачѣмъ тотъ увѣрилъ его, что пойдетъ зимою на Москву и не пошелъ, а между тѣмъ Іоаннъ, безопасный съ этой стороны, пришелъ со всею своею землею въ Литву и взялъ Полоцкъ; королевская же рада прислала къ боярамъ просить, чтобъ московскія войска удержались отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій, что послы литовскіе будутъ къ Успеньеву дню въ Москвѣ. Іоаннъ велѣлъ унять войну; пересылки продолжались. Въ это время князь Дмитрій Вишневецкій оставилъ московскую службу по неизвѣстнымъ причинамъ и перешелъ опять въ Литву, но съ тѣмъ, чтобъ и здѣсь не долго оставаться. Гонцу Клобукову, отпраленному въ Литву, данъ былъ наказъ: „если спросятъ о Вишневецкомъ, то отвѣчать: „притекъ онъ къ государю нашему какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака же, а государю нашему и землѣ убытка никакого не учинилъ". Но на дѣлѣ въ Москвѣ не были равнодушны къ бѣгству удалого козака, который оказалъ такъ много услугъ царю противъ Крыма и могъ оказывать теперь услуги королю противъ царя; Клобукову наказано было развѣдывать: „Какъ пріѣхалъ князь Дмитрій Вишневецкій на королевское имя, то король ему жалованье далъ ли, и живетъ при королѣ ли, и въ какой верстѣ держитъ его у себя король? Да провѣдывать про Черкасскихъ—Алексѣя и Гаврилу—каковъ ихъ пріѣздъ былъ къ королю, и чѣмъ ихъ король пожаловалъ? Если Алешка Черкасскій пришлетъ къ гонцу и объявитъ, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то отвѣчать ему, что челобитье его будетъ донесено до государя".

Король по прежнему старался только протянуть время, чтобъ имѣть возможность собраться съ силами и поднять хана: теперь, по взятіи Полоцка, онъ менѣе чѣмъ когда-либо могъ надѣяться на заключеніе выгоднаго мира или даже перемирія. Онъ прислалъ гонца съ предложеніемъ продлить перемиріе вмѣсто Успеньева дня до Благовѣщенья; но царь не согласился, и продлилъ срокъ только до 6 декабря того же 1563 года. Увѣдомивъ объ этомъ хана, король велѣлъ сказать ему, что переговоры съ Москвою будутъ ведены только для освобожденія плѣнныхъ, взятыхъ въ Полоцкѣ, а миръ заключенъ не будетъ, чтобъ онъ, ханъ, поэтому шелъ не-

премѣнно зимою на Москву, которой всѣ силы тогда будутъ устремлены на Литву, что если и заключено будетъ перемиріе, то не далѣе, какъ только до іюля мѣсяца; посолъ королевскій долженъ былъ спросить у хана, надобно ли королю послать къ султану, чтобъ поднять и его на Іоанна? Эти сношенія остались тайною для Москвы; но обнаружились другія, и когда пріѣхали въ Москву послы литовскіе—крайчій Ходкѣвичъ и маршалокъ Воловичъ, то бояре встрѣтили ихъ упреками, что Троцкій воевода присылалъ въ Тарвастъ къ боярскому сыну князю Кропоткину съ грамотою, въ которой звалъ его отъѣхать къ королю, выставляя на видъ жестокости Іоанновы; перехвачены были грамоты Сигизмунда Августа къ королю шведскому, въ которыхъ онъ старался уговорить послѣдняго къ войнѣ съ Москвою; Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ: „Это ли брата нашего правда, что ссылается съ шведскимъ на насъ; а что онъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому братомъ ровнымъ, то это его дѣло, хотя бы и водовозу своему назвался братомъ—въ томъ его воля. А то брата нашего правда ли? къ намъ пишетъ, что лифляндская земля его вотчина, а къ шведскому пишетъ, что онъ вступился за убогихъ людей, за повоеванную и опустошенную землю; значитъ это уже не его земля! Насъ называетъ беззаконникомъ, а какія въ его землѣ безбожныя беззаконія совершаются, о томъ не думаетъ (Іоаннъ разумѣлъ здѣсь распространеніе протестантизма въ Сигизмундовыхъ владѣніяхъ). Братъ нашъ къ шведскому пригоже ли такое укорительное слово пишетъ, что Москвичи христіанскіе враги, что съ ними нельзя постояннаго мира, дружбы и союза имѣть? Потомъ епископы и паны оказали неподобную гордость: прежде они назывались братьями и грамотами ссылались съ нашими боярами, а теперь затѣяли ссылаться съ митрополитомъ, тогда какъ митрополитъ у насъ въ такой же чести, какъ наши братья: такъ пригоже ли подданнымъ нашимъ митрополиту братьями писаться?“ Послы сказали на это, что митрополитъ долженъ сноситься съ епископомъ виленскимъ, а не съ панами, и братство у него съ епископомъ; бояре отвѣчали, что епископъ митрополиту не ровня: надъ епископомъ есть еще архіепископъ, а потомъ уже митрополитъ. Бояре упрекали пословъ и въ нарушеніи послѣдняго перемирія: ротмистръ князь Михайла Вишневецкій съ бѣлгородскими татарами приходилъ на московскія

украйны; приходилъ къ Новгороду Сѣверскому съ казаками черкасскими и литовскими и бѣлгородскими татарами.

Когда начались переговоры о мирѣ, то бояре потребовали Волыни, Подоліи и Галича; послы отвѣчали, что это земли польскія а не литовскія, и они, какъ литовскіе послы, о чужихъ земляхъ говорить не могутъ, говорить о нихъ должны польскіе послы. Потомъ начались уступки: Іоаннъ сначала уступилъ подольскую землю, потомъ волынскую, потомъ Кіевъ съ днѣпровскими городами. Дѣло остановилось на полоцкомъ повѣтѣ и на орденскихъ владѣніяхъ, потому что послы, уступая Полоцкъ, какъ занятый русскими войсками, не уступали его повѣта и орденскихъ владѣній. Іоаннъ изъ послѣднихъ уступилъ еще Курляндію, назначилъ Двину границею между своими и королевскими владѣніями, и на этомъ условіи хотѣлъ заключить перемиріе лѣтъ на 10 или на 15; но послы не согласились. Тогда Іоаннъ, повинуясь требованіямъ своей природы, нарушилъ обычай, велѣлъ позвать пословъ къ себѣ и сталъ самъ съ ними говорить: „Я, государь христіанскій, презрѣлъ свою царскую честь, съ вами, брата своего слугами, изустно говорю; что надобно было боярамъ нашимъ съ вами говорить, то я самъ съ вами говорю: если у васъ есть отъ брата нашего указъ о любви и добромъ согласіи, какъ между нами доброе дѣло постановить, то вы намъ скажите.“ Ходкѣвичъ отвѣчалъ: „Милостивый государь великій князь! позволь передъ собою говорить нашему писарю (Гарабурдѣ), потому что я росъ при государѣ своемъ королѣ отъ молодыхъ дней, и языкъ мой русскій помѣшался въ пословицахъ съ польскимъ языкомъ, такъ что рѣчей моихъ и не узнать, что стану говорить“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Юрій! говори передъ нами безо всякаго сомнѣнія; если что и по-польски скажешь, мы поймемъ. Вы говорите, что мы припоминали и тѣ города, которые въ Польшѣ; но мы припомнили не новое дѣло: Кіевъ былъ прародителя нашего, великаго князя Владиміра, а тѣ всѣ города были къ Кіеву; отъ великаго князя Владиміра прародители наши великіе государи великіе князья русскіе тѣми городами и землями владѣли, а зашли эти земли и города за предковъ государя вашего невзгодами прародителей нашихъ, какъ приходилъ Батый на русскую землю, и мы припоминаемъ брату нашему не о чужомъ, припоминаемъ о своей искони вѣчной вотчинѣ. Мы у брата своего чести никакой не убавляемъ; а братъ нашъ описы-

ваетъ; наше царское имя не сполна, отнимаетъ что намъ Богъ далъ: изобрѣли мы свое, а не чужое; наше имя пишутъ полнымъ именованіемъ всѣ государи, которые и повыше будутъ вашего государя; и если онъ имя наше сполна описывать не хочетъ—то его воля, самъ онъ про то знаетъ. А прародители наши ведутъ свое происхожденіе отъ Августа кесаря, такъ и мы отъ своихъ прародителей на своихъ государствахъ государи, и что намъ Богъ далъ, то кто у насъ возьметъ? Мы свое имя въ грамотахъ описываемъ, какъ намъ Богъ далъ; а если братъ нашъ не пишетъ насъ въ своихъ грамотахъ полнымъ наименованіемъ, то намъ его описываніе не нужно". Бояре, въ разговорѣ съ послами, вывели такъ генеалогію государей московскихъ: Августъ кесарь, обладающій всею вселенною, поставилъ брата своего Пруса на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется прусская земля, а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика.

Но хотя Іоаннъ и объявилъ, что не нуждается въ царскомъ титулѣ отъ короля, хотя такимъ образомъ одно изъ препятствій къ миру было отстранено, однако теперь было другое препятствіе, важнѣйшее—Ливонія: Ходкѣвичъ не могъ согласиться на царскія условія, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Военныя дѣйствія открылись неудачею москвитянъ: въ несчастныхъ для московскаго войска мѣстахъ, недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, гетманъ Радзивилъ разбилъ князя Петра Ивановича Шуйскаго; послѣдній лишился жизни вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; двое воеводъ—Захаръ Плещеевъ и князь Иванъ Охлябнинъ были взяты въ плѣнъ; изъ дѣтей боярскихъ было убито не много, всѣ разбѣжались, потому что дѣло было къ ночи. Но и этою второю Оршинскою битвою, Литовское войско такъ же мало воспользовалось, какъ и первою; отъѣздъ Курбскаго не увлекъ другихъ воеводъ: начальствовавшій въ Полоцкѣ князь Петръ Щенятевъ не принялъ предложеній Радзивила и не сдалъ ввѣреннаго ему города; русскіе взяли Озерище, отразили Литовцевъ отъ Чернигова; дѣйствія Курбскаго въ Великолуцкой области состояли только въ опустошеніяхъ открытыхъ мѣстъ; въ Ливоніи дѣла шли съ перемѣннымъ счастіемъ.

Начались опять переговоры; опять пріѣхалъ гонецъ отъ епископа и пановъ къ митрополиту и боярамъ *для задирки;* но, согласно съ прежнимъ объявленіемъ, что митрополиту непригоже

сноситься съ епископомъ, гонца къ митрополиту не пустили, представлялся онъ только боярамъ, которые отвѣчали, что государь мира хочетъ и непріятельскія дѣйствія прекращаетъ. Опасную грамоту на литовскихъ пословъ царь отправилъ съ гонцомъ Желнинскимъ, которому данъ былъ такой наказъ: „если спросятъ про Андрея Курбскаго, для чего онъ отъ государя побѣжалъ, то отвѣчать: государь было его пожаловалъ великимъ жалованьемъ, а онъ сталъ государю дѣлать измѣнныя дѣла; государь хотѣлъ было его понаказать, а онъ государю измѣнилъ; но это не диво: ѣзжали изъ государства и не въ Курбскаго версту, да и тѣ измѣнники государству московскому не сдѣлали ничего; Божіимъ милосердіемъ и государя нашего здоровьемъ московское государство не безъ людей; Курбскій государю нашему измѣнилъ, собакою потекъ, собацки и пропадаетъ. А если спросятъ о Дерптскихъ Нѣмцахъ, для чего ихъ царь изъ Дерпта велѣлъ перевести въ Московскіе города?—отвѣчать: перевести Нѣмцевъ государь велѣлъ для того, что они ссылались съ магистромъ Ливонскимъ, велѣли ему придти подъ ихъ городъ со многими людьми и хотѣли государю измѣнить. Если спросятъ: зимою государь вашъ куда ѣздилъ изъ Москвы и опалу на многихъ людей для чего клалъ? — отвѣчать: государь зимою былъ въ слободѣ и положилъ опалу на бояръ и дворянъ, которые ему измѣнныя великія дѣла дѣлали, и за великія измѣны велѣлъ ихъ казнить". Желнинскому при встрѣчѣ съ Курбскимъ и другими измѣнниками запрещено было съ ними говорить. Когда пріѣхалъ литовскій гонецъ Юряга въ Москву, то приставу данъ былъ также наказъ, какъ съ нимъ говорить: „если спроситъ: что это теперь у государя вашего слыветъ опричнина?—отвѣчать: у государя никакой опричнины нѣтъ, живетъ государь на своемъ царскомъ дворѣ, и которые дворяне служатъ ему правдою, тѣ при государѣ и живутъ близко, а которые дѣлали неправды, тѣ живутъ отъ государя подальше: а что мужичье, не зная, зоветъ опричниной, то мужичьимъ рѣчамъ вѣрить нечего; воленъ государь, гдѣ хочетъ дворы и хоромы ставить, тамъ и ставитъ; отъ кого государю отдѣляться?"

Юряга пріѣзжалъ съ извѣстіемъ о большихъ послахъ, Ходкѣвичѣ и Тишкевичѣ; когда они пріѣхали въ Москву, приставамъ данъ былъ наказъ: „Если спросятъ послы о князѣ Михайлѣ Воротынскомъ, про его опалу, то отвѣчать: Богъ одинъ безъ грѣха, а

государю холопъ безъ вины не живетъ: князь Михайла государю погрубилъ, и государь на него опалу было положилъ; а теперь государь его пожаловалъ по старому, вотчину его старую, городъ Одоевъ и Новосиль, совсѣмъ ему отдалъ, и больше стараго". Послы о вѣчномъ мирѣ не сговорились; начали толковать о перемиріи, уступали Полоцкъ и въ Ливоніи всѣ земли, занятыя московскимъ войскомъ. Царь не согласился, требовалъ Риги и другихъ городовъ, уступая королю Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины. Послы не согласились и объявили, что всего легче миръ можетъ быть заключенъ при личномъ свиданіи государя съ королемъ на границахъ. Іоаннъ охотно согласился на это предложеніе, но требовалъ, чтобъ послы тутъ же положили, какъ быть съѣзду и всѣмъ церемоніямъ; послы отказались рѣшить такое важное дѣло и требовали сроку для пріѣзда новыхъ пословъ. Но государь приговорилъ съ боярами, что о съѣздѣ съ послами не говорить, потому что этими переговорами дѣло только затянется, а угадать нельзя, захочетъ ли король самъ быть на съѣздѣ, или не захочетъ? онъ только время будетъ проволакивать. Лучше отправить къ королю своихъ пословъ для переговоровъ о Ливонской землѣ и Полоцкомъ повѣтѣ; они провѣдаютъ на королѣ, какъ онъ хочетъ съ государемъ о Ливонской землѣ порѣшить? Да провѣдать бы посламъ въ Литвѣ про всѣ литовскія вѣсти, какъ король съ императоромъ и съ Поляками въ согласьи ли? какое его впередъ умышленіе? а въ то время, какъ государскіе послы будутъ у короля, государь велитъ готовиться къ своему большому походу на Ливонскую землю, велитъ всякаго запасу и наряду прибавить.

Согласіе короля на уступку всѣхъ городовъ и земель, занятыхъ Московскими войсками, заставило Іоанна задуматься; ему естественно представлялся вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать тяжелую войну, успѣхи которой были очень сомнительны? Оршинское пораженіе, отъѣздъ Курбскаго подавали мало надежды; перемиріе съ удержаніемъ всѣхъ завоеваній, и какихъ завоеваній?—Юрьева, Полоцка, такое перемиріе было славно; притомъ король слабъ здоровьемъ, бездѣтенъ: вся Литва безъ войны можетъ соединиться съ Москвою! Но, съ другой стороны, отказаться отъ морскихъ береговъ, отказаться слѣдовательно отъ главной цѣли войны, позволить Литовскому королю удержать за собою Ригу и другіе важные города Ливонскіе, взятые даромъ, благодаря Русскому же оружію—было

тяжело, досадно для Іоанна. Онъ не хотѣлъ рѣшить этого вопроса одинъ; но ему было недостаточно мнѣнія опальныхъ бояръ, мнѣнія людей, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ неискренности, въ злоумышленіяхъ; ему хотѣлось знать, что думаютъ другія сословія о войнѣ; но узнать объ этомъ, по его мнѣнію, было нельзя, ни чрезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ бояръ земскихъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ правды; обращаться ко всей землѣ въ видѣ выборныхъ не было новостію для Іоанна: мы видѣли, какъ онъ въ молодости своей созывалъ выборныхъ къ лобному мѣсту, чтобъ торжественно очистить себя отъ обвиненія въ прежнихъ бѣдствіяхъ народныхъ и сложить вину ихъ на бояръ. Лѣтомъ 1566 года царь велѣлъ собрать духовенство, бояръ, окольничихъ, казначеевъ, государевыхъ дьяковъ, дворянъ первой статьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, помѣщиковъ съ западныхъ, Литовскихъ границъ, Торопецкихъ и Луцкихъ, какъ людей, которымъ болѣе другихъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяковъ и приказныхъ людей, гостей, лучшихъ купцовъ Московскихъ и Смольнянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Духовенство—девять архіереевъ, четырнадцать архимандритовъ и игуменовъ, девять старцевъ—совѣтъ учинили такой: велико смиреніе государское! во всемъ онъ уступаетъ, уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, по Задвинью уступаетъ верстъ на 60 и на 70 на сторону, городъ Озерище, волость Усвятскую, въ Ливонской землѣ, въ Курской землѣ (Курляндіи) за Двиною 16 городовъ, да по сю сторону Двины 15 городовъ Ливонскихъ съ ихъ уѣздами и угодьями, плѣнныхъ Полочанъ отпускаетъ безъ окупу и безъ размѣны, а своихъ плѣнныхъ выкупаетъ: государская передъ королемъ правда великая! Больше ничего уступить нельзя, пригоже стоять за тѣ города Ливонскіе, которые король взялъ въ оберeганье—Ригу, Венденъ, Вольмаръ, Ранненбургъ, Кокенгаузенъ и другіе города, которые къ государскимъ порубежнымъ городамъ, Псковскимъ и Юрьевскимъ подошли; если же не стоять государю за эти города, то они укрѣпяться за королемъ, и впередъ изъ нихъ будетъ разореніе церквамъ, которыя за государемъ въ Ливонскихъ городахъ; да не только Юрьеву, другимъ городамъ Ливонскимъ и Пскову будетъ большая тѣснота: Великому Новгороду и другихъ городовъ торговымъ людямъ торговля затворится.

А въ Ливонскіе города король вступился и держитъ ихъ за собою не по правдѣ: потому что когда государь нашъ на Ливонскую землю наступилъ за ея неисправленіе, магистра, епископа и многихъ людей плѣномъ свелъ, города Ливонскіе побралъ и православіемъ просвѣтилъ, церкви въ нихъ поставилъ: тогда остальные нѣмцы, видя свое изнеможеніе, заложились за короля съ своими городами. А когда государь нашъ на Ливонскую землю не наступалъ, то король могъ ли хотя одинъ городъ Ливонскій взять? А Ливонская земля отъ прародителей, отъ великаго государя Ярослава Владиміровича, принадлежитъ нашему государю. А и то королева правда ли? будучи съ государемъ нашимъ въ перемирьи, королевскіе люди пришли да взяли нашъ городъ Тарвастъ и людей свели. И нашъ совѣтъ, что государю нашему отъ тѣхъ городовъ Ливонскихъ, которые король взялъ въ оберeганье, отступиться непригоже, а пригоже за нихъ стоять. А какъ государю за нихъ стоять, въ томъ его государская воля, какъ его Богъ вразумитъ; а намъ должно за него государя Бога молить; а совѣтовать о томъ намъ непригоже. А что королевы послы даютъ къ Полоцку земли по сю сторону вверхъ по Двинѣ на 15 верстъ, а внизъ на 5 верстъ, а за Двину земли не даютъ, рубежомъ Двину становятъ: то можно ли, чтобъ городу быть безъ уѣзда? и села и деревни безъ полей и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быть безъ уѣзда?"

Бояре, окольничіе и приказные люди говорили: „Вѣдаетъ Богъ да государь, какъ ему государю Богъ извѣститъ; а намъ кажется, что нельзя нѣмецкихъ городовъ королю уступить, и Полоцкъ учинить въ осадѣ. Если у Полоцка зарѣчье уступить, то и посады зарѣчные Полоцкіе будутъ въ королевой сторонѣ; по сю сторону Двины въ Полоцкомъ повѣтѣ все худыя мѣста, а лучшія мѣста всѣ за Двиною. И если въ перемирныя лѣта литовскіе люди за Двиною поставятъ городъ, то, какъ перемирье выйдетъ, Полоцку не простоять; а если въ Ливонскихъ городахъ у короля прибудетъ рати, тогда и Пскову будетъ нужда, не только Юрьеву съ товарищами. Такъ чѣмъ давать королю свою рать пополнять, лучше государю теперь съ нимъ на такомъ его высокомъ безмѣрьѣ не мириться. Государь нашъ много сходилъ ко всякому добру христіанскому, и на себя поступалъ; а литовскіе послы ни на какое доброе дѣло не сошли: какъ замѣрили великимъ безмѣріемъ, такъ больше того и не говорятъ; потому лучше теперь, прося у Бога

милости, государю промышлять съ королемъ по своей правдѣ: король надъ государемъ верха не взялъ: еще къ государю Божія милость больше прежняго. О съѣздѣ у бояръ, окольничихъ и приказныхъ людей такая мысль: литовскимъ посламъ о съѣздѣ отказать; боярамъ съ панами на рубежѣ быть непригоже и прежде этого не бывало; если же король захочетъ съ государемъ нашимъ съѣхаться и договоръ учинить, то въ этомъ государи вольны для покоя христіанскаго. Извѣстно, послы литовскіе все говорятъ о съѣздѣ для того, чтобъ немного поманить, а между тѣмъ съ людьми пособраться, съ Поляками утвердиться, Ливонскую землю укрѣпить, рати въ ней прибавить; а по всѣмъ вѣстямъ королю недосугъ, съ цесаремъ у него брань, и если Польша будетъ въ войнѣ съ цесаремъ, то Литовской землѣ помощи отъ Поляковъ нечего надѣяться. По всѣмъ этимъ государскимъ дѣламъ мириться съ королемъ непригоже; а намъ всѣмъ за государя головы свои класть, видя королеву высость, и надежду на Бога держать: Богъ гордымъ противится; во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь; а намъ какъ показалось, такъ мы и изъявляемъ государю свою мысль".—Печатникъ Висковатый сказалъ свою мысль отдѣльно, что можно заключить перемиріе съ королемъ и не требуя уступки ливонскихъ городовъ, но только чтобъ король вывелъ изъ нихъ свои войска и не мѣшалъ государю ихъ добывать, обязался бы также не помогать имъ и даже и послѣ истеченія перемирныхъ лѣтъ. Дворяне и дѣти боярскіе говорили согласно съ духовенствомъ и боярами; торопецкіе помѣщики сказали: „Мы холопи государевы, за одну десятину земли Полоцкаго и Озерищскаго повѣтовъ головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; мы холопи государскіе, теперь на коняхъ сидимъ, и за государя съ коня помремъ. Государя нашего передъ королемъ правда; какъ государь нашъ Ливонской земли не воевалъ, тогда король не умѣлъ вступаться, а теперь вступается. По нашему: за Ливонскіе города государю стоять крѣпко, а мы, холопи его, на государево дѣло готовы". Остальные отвѣчали въ томъ же смыслѣ.

Отобравши такія мнѣнія, Іоаннъ отправилъ въ Литву боярина Умнаго-Колычева съ наказомъ—не заключать перемирія не только безъ Ливоніи, но даже если король откажется давать ему титулъ царя и Ливонскаго, и не согласится выдать Курбскаго; въ наказѣ было также написано: „Если литовскіе паны станутъ говорить, чтобъ

царь далъ имъ на государство царевича Ивана, то отвѣчать: съ нами о томъ наказу никакого нѣтъ, и намъ о такомъ великомъ дѣлѣ безъ наказа какъ говорить? Если это дѣло надобно государю вашему или вамъ панамъ, то отправляйте къ государю нашему пословъ: воленъ Богъ да государь нашъ, какъ захочетъ дѣлать.— Если кто станетъ спрашивать: для чего государь вашъ велѣлъ поставить себѣ дворъ за городомъ?—отвѣчать: для своего государскаго прохладу; а если кто станетъ говорить, что государь ставитъ дворы для раздѣла, или для того, что положилъ опалу на бояръ, то отвѣчать: государю нашему для этого дворовъ ставить нечего: воленъ государь въ своихъ людяхъ—добрыхъ жалуетъ, а лихихъ казнитъ; а дѣлиться государю съ кѣмъ?—Кто станетъ говорить, что государь немилостивъ, казнитъ людей, и станутъ говорить про князя Василія Рыбина и про Ивана Карамышева, то отвѣчать: государь милостивъ, а лихихъ вездѣ казнятъ; и про этихъ государь сыскалъ, что они мыслили надъ нимъ и надъ его землею лихо.—Если паны-рада спросятъ: Вы говорили нашему государю на посольствѣ, чтобъ онъ отдалъ вашему государю князя Андрея Курбскаго и другихъ дѣтей боярскихъ, которые къ нашему государю пріѣхали: но прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобъ такихъ людей назадъ отдавать?—отвѣчать: государь нашъ приказалъ объ этихъ измѣнникахъ для того, что они между государями ссоры дѣлаютъ, и на большее кровопролитіе христіанское поднимаютъ.—А если спросятъ: какія отъ князя Андрея государю вашему измѣны?—отвѣчать: надъ государемъ, царицею Анастасіею и ихъ дѣтьми умышлялъ всякое лихое дѣло; началъ называться отчичемъ Ярославскимъ, хотѣлъ на Ярославлѣ государить".

Колычовъ увѣдомилъ Іоанна, что предложенія его отвергнуты, что посольству Московскому оказано въ Литвѣ большое безчестье, кормовъ не давали, что король отправилъ въ Москву гонца Быковскаго съ разметомъ, т.-е. съ объявленіемъ войны. Быковскій встрѣтилъ Іоанна на дорогѣ въ Новгородъ; царь принялъ его въ шатрѣ, вооруженный, всѣ окружавшіе были также въ доспѣхахъ; послѣ жалобъ на дурное обращеніе съ Колычовымъ, Іоаннъ сказалъ гонцу: „Ты не дивись, что мы сидимъ въ воинской приправѣ; пришелъ ты къ намъ отъ брата нашего Сигизмунда Августа, съ стрѣлами, и мы потому такъ и сидимъ". Быковскій отвѣчалъ жалобою, что послы Колычовъ съ товарищами, ничего добраго не

сдѣлали; когда у нихъ рѣшено было съ панами не начинать войны до 1-го октября 1567 года и начали писать грамоту, то послы не захотѣли взять этой грамоты, потому что въ ней Ходкѣвичъ былъ названъ администраторомъ Ливонскимъ. Свидѣтельствуясь Богомъ, что не отъ него начинается война, король объявлялъ ее чрезъ Быковскаго, съ обѣщаніемъ однако принять Московскаго посла. Царь и сынъ его царевичъ Іоаннъ, выслушавши королевскую грамоту, приговорили съ боярами задержать Быковскаго, за то, что въ грамотѣ, имъ привезенной, писаны супротивныя слова; имѣніе Быковскаго и товары пришедшихъ съ нимъ купцовъ были описаны въ казну. Іоаннъ отправился въ Новгородъ, оттуда выступилъ было въ походъ, но на совѣтѣ съ воеводами рѣшилъ ограничиться оборонительною войною. Въ началѣ 1568 года гетманъ Ходкѣвичъ осадилъ Московскую крѣпость Улу, но принужденъ былъ снять осаду, по причинамъ, о которыхъ онъ такъ доносилъ королю: „Прибывши подъ непріятельскую крѣпость Улу, я стоялъ подъ нею недѣли три, промышляя надъ нею всякими средствами. Видя, что наши простые ратные люди и десятники ихъ трусятъ, боятся смерти, я велѣлъ имъ идти на приступъ ночью, чтобъ они не могли видѣть, какъ товарищей ихъ будутъ убивать, и не боялись бы: но и это не помогло. Другіе ротмистры шли хотя и нескоро, однако кое-какъ волоклись; но простые и ратные люди ихъ всѣ попрятались по лѣсу, по рвамъ и по берегу рѣчному; несмотря на призывъ, увѣщанія, побои (дошло до того, что я собственныя руки окровавилъ), никакъ не хотѣли идти къ крѣпости, и чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ больше крылись и убѣгали: вслѣдствіе чего ночь и утро прошли безо всякой пользы. Также и нанятые мною козаки только что дошли до рва—и бросились бѣжать. Тогда я отрядилъ нѣмцевъ, пушкарей и слугъ моихъ (между ними былъ и Орелъ Москвичъ, который перебѣжалъ ко мнѣ изъ крѣпости): они сдѣлали къ стѣнѣ приметъ и запалили крѣпость; но наши ратные люди нисколько имъ не помогли и даже стрѣльбою не мѣшали осажденнымъ гасить огонь. Видя это, я самъ сошелъ съ коня и отправился къ тому мѣсту, откуда приказалъ ратнымъ людямъ двинуться къ примету: хотѣлъ я имъ придать духу, хотѣлъ или отслужить службу вашей королевской милости или голову свою отдать; но къ несчастію моему, ни того, ни другого не случилось. Послѣ долгихъ напоминаній, просьбъ, угрозъ,

побоевъ, когда ничто не помогло, велѣлъ я, Татарскимъ обычаемъ, кидать приметъ, дерево за деревомъ. Дѣло пошло было удачно, но храбрость москвичей и робость нашихъ всему помѣшали: нѣсколько москвичей выскочили изъ крѣпости, и, къ стыду нашему, зажгли приметъ, а наши не только не защитили его, но и разу выстрѣлить не смѣли, а потомъ побѣжали отъ шанцевъ. Когда я пріѣхалъ къ пушкамъ, то не только въ переднихъ шанцахъ, но и во вторыхъ и въ третьихъ не нашелъ пѣхоты, кромѣ нѣсколькихъ ротмистровъ, такъ что принужденъ былъ спѣшить четыре конныхъ роты и заставить стеречь пушки, ибо на пѣхоту не было никакой надежды".

Возвратившись въ Александровскую слободу, Іоаннъ оттуда писалъ къ боярамъ въ Москву, велѣлъ имъ поговорить о литовскомъ дѣлѣ и отписать къ нему въ слободу, мириться ли съ королемъ или не мириться? и въ то же время велѣлъ обходиться лучше съ Быковскимъ. Бояре отвѣчали, что надобно Быковскаго отпустить къ королю, и съ нимъ въ грамотѣ отписать королевскія неправды, что король государевыхъ пословъ, Колычова съ товарищами, задерживалъ не по прежнимъ обычаямъ, безчестилъ ихъ, и иныя неправды короля припомянуть, а послѣ въ той же грамотѣ королю написать поглаже, для того, чтобъ сношеній съ нимъ не порвать, и если король захочетъ прислать гонца или посланника, то дать ему чистую дорогу; а рухлядь Быковскому и купцамъ отдать или заплатить деньгами, чего стоитъ. Царь на это отвѣчалъ вторымъ запросомъ: мириться или не мириться, и если мириться, то на чемъ? Бояре отвѣчали, что когда король возобновитъ сношенія, тогда и разсуждать, смотря по его присылкѣ; Ливонской земли не уступать по прежнему приговору. Іоаннъ велѣлъ боярамъ сдѣлать такъ, какъ они думаютъ; но Быковскому и купцамъ всего имѣнія ихъ не отдали, и когда гонецъ на отпуску жаловался на это, то Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Чѣмъ мы тебя пожаловали, что велѣли тебѣ дать изъ своей казны, съ тѣмъ и поѣзжай: пришелъ ты къ намъ съ разметомъ, такъ довольно съ тебя и того, что мы крови твоей пролить не велѣли; а если будетъ между нами и братомъ нашимъ Сигизмундомъ королемъ ссылка о добромъ дѣлѣ, то твое и впередъ не уйдетъ". Въ грамотѣ къ королю Іоаннъ писалъ, что онъ за грубую его грамоту хотѣлъ было идти на него войною, но моровое повѣтріе помѣшало; задержка Быковскаго объя-

снялась такъ: „изстари велось — которые прiѣдутъ съ разметомъ, тѣмъ живота не давывали“.

Въ Литвѣ очень обрадовались возвращенiю Быковскаго, возобновленiю сношенiй, потому что состоянiе королевскаго здоровья заставляло думать о важныхъ перемѣнахъ; въ Москву прiѣхалъ гонецъ съ просьбою объ опасной грамотѣ на большихъ пословъ, и въ поклонѣ отъ короля назвалъ Iоанна *царемъ*; Iоаннъ велѣлъ печатнику спросить у гонца въ разговорѣ, что значитъ эта новость? гонецъ отвѣчалъ, что велѣли ему это сдѣлать паны радные, чтобъ почесть оказать государю. Слѣдствiемъ такой почести было то, что гонцу отдали задержанное имѣнiе Быковскаго; опасная грамота также была дана. Но уже по отъѣздѣ гонца пришла вѣсть, что Литовскiе воеводы, князья Полубенскiе, изъ Вольмара овладѣли нечаянно Изборскомъ: царь послалъ своимъ воеводамъ приказъ отнять Изборскъ у Литвы, и приказъ былъ исполненъ. Съ жалобою на Полубенскихъ и съ требованiемъ отпуска плѣннаго воеводы Изборскаго отправленъ былъ въ Литву сынъ боярскiй Мясоѣдовъ, которому поручено было развѣдать: „Которымъ обычаемъ слово въ Литвѣ и Польшѣ носится, что хотятъ взять на великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана, и почему это слово въ люди пущено? обманомъ или въ правду того хотятъ, и всѣ ли люди того хотятъ, и почему то слово дѣломъ не объявится, а въ людяхъ носится?“ — Мясоѣдову данъ былъ также наказъ: „станетъ съ нимъ говорить князь Андрей Курбскiй, или иной который государевъ измѣнникъ, то отвѣчать: съ измѣнникомъ что говорить? Вы своею измѣною сколько не лукавствуете бѣсовскимъ обычаемъ, а Богъ государю свыше подаетъ на враговъ побѣду, и вашу измѣну разрушаетъ; больше того не говорить ничего и пойти прочь; а съ простымъ измѣнникомъ и того не говорить: выбранивъ его, плюнуть въ глаза, да пойти прочь“.

Въ 1570 году прiѣхали большiе послы Литовскiй Янъ Кротошевскiй и Николай Тавлошъ. При переговорахъ начались опять споры о Полоцкихъ границахъ, насчетъ которыхъ никакъ не могли согласиться. Тогда послы, чтобъ облегчить дѣло, попросили позволенiя переговорить съ самимъ царемъ, и объявили, что ему особенно выгодно заключить миръ; когда Iоаннъ спросилъ — почему? то послы отвѣчали: „Рада государя нашего короны Польской и великаго княжества Литовскаго совѣтовались вмѣстѣ о

томъ, что у государя нашего дѣтей нѣтъ, и если Господь Богъ государя нашего съ этого свѣта возьметъ, то обѣ рады не думаютъ, что имъ государя себѣ взять отъ бусурманскихъ или отъ иныхъ земель, а желаютъ избрать себѣ государя отъ Славянскаго рода, по волѣ, а не въ неволю, и склоняются къ тебѣ, великому государю, и къ твоему потомству". Царь отвѣчалъ: „И прежде эти слухи у насъ были; у насъ Божіимъ милосердіемъ и прародителей нашихъ молитвами наше государство и безъ того полно, и намъ вашего для чего хотѣть? Но если вы насъ хотите, то вамъ пригоже насъ не раздражать, а дѣлать такъ, какъ мы велѣли боярамъ своимъ съ вами говорить, чтобъ христіанство было въ покоѣ". Іоаннъ въ длинной рѣчи (занимающей 44 страницы въ посольской книгѣ) разсказывалъ посламъ по порядку исторію отношеній Москвы къ Литвѣ въ его царствованіе, и заключилъ, что война не отъ него, а отъ короля. Когда Іоаннъ кончилъ, то послы сказали, что они нѣкоторыхъ рѣчей вполнѣ не поняли, потому что иныхъ Русскихъ словъ не знаютъ, и потому государь велѣлъ бы имъ дать рѣчь свою на письмѣ; Іоаннъ отвѣчалъ, что писарь ихъ все слышалъ и понялъ и можетъ имъ разсказать; писарь испугался и сказалъ: „Милостивый государь! такихъ великихъ дѣлъ запомнить невозможно: твой государскій отъ Бога дарованный разумъ выше человѣческаго разума".

Заключено было перемиріе на три года съ оставленіемъ всего какъ было, съ тѣмъ, чтобъ въ эти три года переговаривать о мирѣ. Для подтвержденія перемирія отправлены были въ Литву князья Канбаровъ и Мещерскій, которымъ данъ былъ такой наказъ: „если станутъ говорить: государь вашъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ многихъ людей казнилъ?—отвѣчать: развѣ вамъ это извѣстно? Если скажутъ, что извѣстно, то говорить: если вамъ это извѣстно, то намъ нечего вамъ и разсказывать: о которомъ лихомъ дѣлѣ вы съ государскими измѣнниками лазучествомъ ссылались, Богъ ту измѣну государю нашему объявилъ, потому надъ измѣнниками такъ и сталось: нелѣпо было это и затѣвать: когда князь Семенъ Лугвеній и князь Михайла Олельковичъ въ Новгородѣ были, и тогда Литва Новгорода не умѣла удержать; а чего удержать не умѣемъ, зачѣмъ на то и посягать? Если спросятъ: зачѣмъ государь вашъ казнилъ казначея Фуникова, печатника Висковатаго, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и подъячихъ многихъ?—отвѣчать: о чемъ

государскій измѣнникъ Курбскій и вы, паны радные, съ этими государскими измѣнниками ссылались, о томъ Богъ нашему государю объявилъ; потому они и казнены, и кровь ихъ взыщется на тѣхъ, которые такія дѣла лукавствомъ дѣлали, а Новгороду и Пскову за Литвою быть непригоже. Данъ былъ наказъ, какъ поступать посламъ въ случаѣ смерти Сигизмунда и избранія новаго короля: „Если король умеръ и на его мѣсто посадятъ государя изъ инаго государства, то съ нимъ перемирія не подтверждать, а требовать, чтобъ онъ отправилъ пословъ въ Москву, А если на королевствѣ сядетъ кто-нибудь изъ пановъ радныхъ, то посламъ на дворъ не ѣздить: а если силою заставятъ ѣхать и велятъ быть въ посольствѣ, то посламъ, вошедши въ избу, сѣсть, а поклона и посольства не править, сказать: „это нашъ братъ; къ такому мы не присланы; государю нашему съ холопомъ, съ нашимъ братомъ, не приходится черезъ насъ, великихъ пословъ, ссылаться". Послы присылали въ Москву пріятныя донесенія: „Изъ Вильны всѣ дѣла король вывезъ; не прочитъ впередъ себѣ Вильны, говоритъ: куда пошелъ Полоцкъ, туда и Вильнѣ ѣхать за нимъ; Вильна мѣстомъ и приступомъ Полоцка не крѣпче, а Московскіе люди къ чему приступятся, отъ того не отступятся. Обѣ рады хотятъ на королевство царя или царевича; у Турецкаго брать не хотятъ, потому что мусульманинъ и будетъ отъ Турокъ утѣсненіе; у цесаря взять — обороны не будетъ, и за свое плохо стоитъ; а царь государь воинственный и сильный, можетъ отъ Турецкаго султана и отъ всѣхъ земель оборонять и прибавленіе государствомъ своимъ сдѣлать. Хотѣли уже послать бить челомъ царю о царевичѣ, да отговорилъ одинъ Евстаѳій Воловичъ, по королевскому темному совѣту, потому что король придумалъ вмѣсто себя посадить племянника своего, Венгерскаго королевича, но королевичъ умеръ. Въ Варшавѣ говорятъ, что кромѣ Московскаго государя другаго государя не искать; говорятъ, что паны уже и платье заказываютъ по Московскому обычаю, и многіе уже носятъ; а въ королевнину казну собираютъ бархаты и камни на платье по Московскому же обычаю; королевнѣ очень хочется быть за государемъ царемъ".

Но Іоанна мало прельщало это *избраніе въ короли* его самого или сына его: и человѣку менѣе его разумному оно не могло казаться очень вѣроятнымъ; попрежнему его занимала одна задушевная мысль—пріобрѣсть Ливонію. Онъ соглашался наконецъ

отдать и Полоцкъ Литвѣ за Ливонію: но могъ ли король согласиться на это? Если бы даже Сигизмундъ-Августъ и сеймъ согласились предать ввѣрившіеся имъ города, то послѣдніе могли найти другихъ защитниковъ, какъ напримѣръ Ревель былъ уже во власти Шведовъ, да и безъ защитниковъ приморскіе города могли долго держаться противъ войска Московскаго. Однимъ словомъ, для достиженія непосредственнаго владычества надъ Ливоніею требовалось еще много крови, много времени; и вотъ Іоаннъ напалъ на мысль о владычествѣ посредственномъ, на мысль дать Ливоніи Нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ подручническія отношенія къ государю Московскому, какъ герцогъ Курляндскій къ Польскому королю. Въ 1564 году Іоаннъ предложилъ плѣннику своему, старому магистру Фюрстенбергу, возвратиться въ Ливонію и господствовать надъ нею, если согласится, отъ имени всѣхъ чиновъ и городовъ Ливонскихъ, присягнуть ему и потомкамъ его въ вѣрности, какъ своимъ наслѣдственнымъ верховнымъ государямъ; но Фюрстенбергъ отказался отъ предложенія, не соглашаясь измѣнить клятвѣ, данной имъ Римской имперіи. Такъ разсказываютъ Ливонскіе лѣтописцы; но другія вѣсти были получены при дворѣ Польскомъ въ концѣ 1564 года: сюда писали изъ Москвы, что посолъ отъ великаго магистра Нѣмецкаго ордена, возстановленнаго по имени въ Германіи, исходатайствовалъ у царя свободу Фюрстенбергу на слѣдующихъ пяти условіяхъ: 1) по возвращеніи въ Ливонію Фюрстенбергъ обязанъ возстановить всѣ греческія церкви; 2) всѣ главныя крѣпости Ливоніи остаются въ рукахъ московскихъ; 3) въ совѣтѣ магистра будутъ всегда засѣдать шесть московскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ онъ не можетъ рѣшать ничего; 4) если магистръ будетъ имѣть нужду въ войскѣ, то долженъ обращаться съ просьбою о немъ только въ Москву, а не къ другимъ государствамъ, развѣ получитъ на то согласіе царское; 5) по смерти Фюрстенберга царь назначаетъ ему преемника. Вѣсть объ этой сдѣлкѣ съ Фюрстенбергомъ сильно обезпокоила короля Сигизмунда-Августа; но въ генварѣ 1565 года пришло другое извѣстіе, что Фюрстенбергъ, сбираясь отправиться въ Ливонію, умеръ. Въ это время особенною благосклонностію царя пользовались двое плѣнныхъ ливонскихъ дворянъ — Іоганъ Таубе и Елертъ Крузе: они не переставали утверждать Іоанна въ мысли дать Ливоніи особаго владѣтеля съ вассальными обязанностями къ московскому

государю и, по смерти Фюрстенберга, указывали ему на двухъ людей, способныхъ замѣнить его, именно на преемника Фюрстенберга, Кетлера, теперь герцога Курляндскаго, и на Датскаго принца Магнуса, владѣтеля Эзельскаго. Чтобъ вести дѣло успѣшнѣе на мѣстѣ, Таубе и Крузе отправились въ Дерптъ, и оттуда написали сперва къ Кетлеру: тотъ отказался; тогда они обратились къ Магнусу, который принялъ предложеніе, и въ 1570 году пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Іоаннъ объявилъ его королемъ Ливонскимъ и женихомъ племянницы своей Евфиміи, дочери Владиміра Андреевича; жителямъ Дерпта позволено было возвратиться въ отечество; Магнусъ далъ присягу въ вѣрности на слѣдующихъ условіяхъ: 1) если царь самъ выступитъ въ походъ и позоветъ съ собою короля Магнуса, то послѣдній обязанъ привести съ собою 1500 конницы и столько же пѣхоты; если же царь самъ не выступитъ въ походъ, то и Магнусъ не обязанъ выступать; войско Магнусово получаетъ содержаніе изъ казны царской; если Магнусъ поведетъ свое войско отдѣльно отъ царя, то считается выше всѣхъ воеводъ московскихъ; если же Магнусъ не захочетъ самъ участвовать въ походѣ, то обязанъ внести въ казну царскую за каждаго всадника по три талера, а за каждаго пѣхотинца по полтора. Если самъ царь лично не ведетъ своихъ войскъ, то Магнусъ не обязанъ присылать ни людей, ни денегъ до тѣхъ поръ, пока вся Ливонія совершенно будетъ успокоена; 2) если Магнусъ будетъ вести войну въ Ливоніи, и царь пришлетъ туда же Московскихъ воеводъ, то король имѣетъ верховное начальство надъ войскомъ, совѣтуясь съ воеводами; 3) Магнусу, его наслѣдникамъ и всѣмъ жителямъ Ливоніи даруются всѣ прежнія права, вольности, суды, обычаи; 4) сохраняютъ они свою религію Аугсбургскаго исповѣданія; 5) города Ливонскіе торгуютъ въ Московскихъ областяхъ безпошлинно и безъ всякихъ зацѣпокъ. Наоборотъ, король Магнусъ даетъ путь чистый въ Московскія области всѣмъ заморскимъ купцамъ съ всякимъ товаромъ, также всякимъ художникамъ, ремесленникамъ и военнымъ людямъ; 6) если Рига, Ревель и другіе города Ливонскіе не признаютъ Магнуса своимъ королемъ, то царь обязывается помогать ему противъ всѣхъ городовъ и противъ всякаго непріятеля; 7) по смерти Магнуса и потомковъ его, преемникъ избирается по общему согласію всѣхъ Ливонцевъ.

Перемиріе, заключенное между Іоанномъ и Сигизмундомъ Августомъ, не позволяло новому Ливонскому королю дѣйствовать противъ городовъ, занятыхъ польскими гарнизонами, но второй по значительности, по богатству городъ въ Магнусовомъ королевствѣ, Ревель былъ занятъ Шведами. Мы видѣли, что желая обратить всѣ свои силы противъ непріятеля опаснѣйшаго, противъ Литвы, Іоаннъ желалъ сохранить миръ съ Швеціею, несмотря на захваченіе Ревеля; въ 1563 году Іоаннъ заключилъ съ королемъ Ерикомъ новое перемиріе на семь лѣтъ; Ерикъ опять настаивалъ на томъ, чтобъ ему сноситься прямо съ царемъ, и опять получилъ рѣшительный отказъ; царь велѣлъ отписать къ Ерику о безлѣпостномъ и неудовольственномъ его писаніи, писалъ къ нему въ своей грамотѣ многія странныя и подсмѣятельныя слова на укоризну его безумія, да и то написалъ: когда его царское величество будетъ съ своимъ дворомъ витать на шведскихъ островахъ, тогда королевское повелѣніе крѣпко будетъ; написалъ, что требованіе королевское—сноситься прямо съ царемъ—такъ отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли. Но скоро между обоими государями завязались очень дружественныя, непосредственныя сношенія. Мы должны нѣсколько остановиться на характерѣ Ерика, потому что онъ въ нѣкоторыхъ чертахъ можетъ служить намъ объясненіемъ характера Іоаннова. Густавъ-Ваза оставилъ четверыхъ сыновей: старшій Ерикъ получилъ королевское достоинство, трое остальныхъ герцогства: Іоаннъ Финляндское, Магнусъ Остерготландское, Карлъ Зедерманландское. Въ какихъ понятіяхъ о своемъ положеніи утверждался Ерикъ, всего лучше видно изъ разговора его съ любимцемъ своимъ Персономъ: „Покойный батюшка“, сказалъ однажды король: „поставилъ меня въ тяжелое положеніе, раздавши герцогства братьямъ“.—„Покойный король“, возразилъ Персонъ, „извинялся тѣмъ, что было бы гораздо хуже, еслибъ ваши братья были менѣе могущественны, чѣмъ вельможи; усобицу между королемъ и могущественными братьями предпочелъ онъ изгнанію королевскаго дома изъ государства и возвращенію чуждаго владычества; онъ хорошо зналъ, что въ случаѣ усобицы между братьями Швеція все же останется за его родомъ, но будетъ отнята у него, если власть вельможъ усилится, чему стоящій надъ ними могущественный герцогъ легко можетъ воспрепятствовать“. Отсюда Црикомъ, какъ Іоанномъ, овладѣла бояробоязнь, побѣдить которую

они оба были не въ состояніи; но понятно, что подозрѣніе, боязнь относительно вельможъ нисколько не исключали въ Ерикѣ подозрѣнія, боязни относительно братьевъ, и скоро поведеніе Іоанна, герцога Финляндскаго, дало поводъ къ усиленію этихъ чувствъ. Занятіе Ревеля влекло Швецію и къ войнѣ съ Польшею, ибо Сигизмундъ-Августъ, подобно Іоанну Московскому, объявлялъ притязанія на всѣ орденскія владѣнія; война началась дѣйствительно: шведскій генералъ Горнъ взялъ у Поляковъ Пернау и Ваттенштейнъ. Въ это время Іоаннъ Финлядскій объявилъ себя на сторонѣ Польши, сталъ совѣтовать брату заключить союзъ съ нею противъ Москвы и уступить Сигизмунду-Августу всѣ занятыя Шведами мѣста въ Ливоніи; мало того: Іоаннъ женился на сестрѣ Сигизмунда-Августа Екатеринѣ, за которую, какъ мы видѣли, безуспѣшно сватался царь; далъ шурину значительную сумму денегъ и въ залогъ взялъ нѣсколько мѣстъ въ Ливоніи; условія брачнаго договора остались тайною для Ерика, но разсказывали, что Іоаннъ въ немъ обѣщался вести себя какъ свободный и самостоятельный государь. Ерикъ приказалъ финляндскому дворянству двинуться въ Ливонію противъ Поляковъ, а Іоанну явиться въ Стокгольмъ предъ судъ за союзъ съ врагами государства. Іоаннъ отвѣчалъ тѣмъ, что заключилъ въ темницу посланцевъ королевскихъ, призвалъ Финновъ къ оружію, потребовалъ отъ нихъ присяги себѣ, какъ отдѣльному владѣльцу, и обратился съ просьбою о помощи въ Польшу и Пруссію. Шведскіе государственные чины приговорили его къ смерти; осажденный королевскимъ войскомъ въ Або и не получая ни откуда помощи, онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ принужденъ былъ сдаться, отвезенъ въ Швецію и заключенъ въ Грипсгольмскомъ замкѣ вмѣстѣ съ женою, которая отказалась разлучиться съ нимъ. Ерикъ не казнилъ брата, вопреки совѣту Персона, и въ остальное время колебался между страхомъ и раскаяніемъ: удалился отъ вельможъ; окружилъ себя любимцами низкаго происхожденія, которые, для собственныхъ выгодъ, все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ подозрительность, сдѣлали его мрачнымъ, суровымъ и наконецъ довели до припадковъ сумасшествія и бѣшенства. Слѣдствіемъ этого было то, что въ 1562 году въ Швеціи состоялся только одинъ смертный приговоръ, а въ 1563 пятьдесятъ, изъ нихъ тридцать два по дѣлу герцога Іоанна; всего до октября 1567 года осуждено было на смерть 232 человѣка; слова,

знаки причислялись къ государственнымъ преступленіямъ. Въ то же время, даже въ припадкахъ сумасшествія, Ерикъ обнаруживалъ сильную умственную дѣятельность: никто не писалъ такъ много и такъ скоро, какъ онъ. Находясь въ войнѣ съ Польшею и Даніею, Ерикъ естественно долженъ былъ желать сближенія съ царемъ московскимъ; сближеніе это произошло вслѣдствіе того, что Ерикъ обязался выдать Іоанну невѣстку свою Екатерину, жену заключеннаго герцога финляндскаго, за что царь уступалъ ему Эстонію, обѣщался помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и Гансейскими городами. Послѣ Іоаннъ оправдывалъ свое желаніе имѣть въ рукахъ Екатерину тѣмъ, что будто бы Ерикъ самъ предложилъ ее выдать, объявивши о смерти мужа ея, что онъ, Іоаннъ, вовсе не хотѣлъ жениться на ней или держать ее наложницею, но хотѣлъ имѣть ее въ своихъ рукахъ въ досаду брату ея, польскому королю, врагу своему, хотѣлъ чрезъ это вынудить у него выгодный для себя миръ; московскіе послы явились въ Швецію, чтобъ, по обычаю, взять съ короля присягу въ исполненіи договора; но Ерикъ не могъ исполнить его: онъ освободилъ брата Іоанна изъ заключенія; въ припадкѣ сумасшествія ему казалось, что онъ самъ уже въ заключеніи, а братъ царствуетъ; московскіе послы ждали цѣлый годъ: приходили къ нимъ вельможи съ объясненіемъ, что нельзя исполнить желаніе царя и выдать ему Екатерину, что это богопротивное дѣло и безславное для самого царя; послы отвѣчали: „Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру Польскаго короля Екатерину для своей царской чести, желая повышенья надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, Польскимъ королемъ". Когда хотѣли перевезти пословъ изъ Стокгольма въ село подъ предлогомъ лучшаго помѣщенія, то они объявили, что по своей волѣ не переѣдутъ, а пусть король дѣлаетъ, что хочетъ, ихъ вины передъ нимъ нѣтъ, пословъ въ село отсылаютъ за вину. Наконецъ ихъ допустили къ королю, который сказалъ имъ: „Мы не дали вамъ до сихъ поръ отвѣта потому, что здѣсь начались дурныя дѣла отъ дьявола и отъ злыхъ людей, и кромѣ того датская война намъ мѣшала". Потомъ Ерикъ, убѣждаясь въ необходимости схватить вторично брата, приказывалъ сказать посламъ, что выдастъ имъ Екатерину. Однажды пришелъ къ посламъ „дѣтинка молодъ, королевскій жилецъ": извѣстно, что Ерикъ, боясь вельможъ, бралъ изъ школъ

молодыхъ людей и давалъ имъ разныя порученія; молодой дѣтина объявилъ, что прислалъ его король, и велѣлъ говорить, чтобъ послы короля съ собою на Русь взяли; боится онъ бояръ своихъ и воли ему ни въ чемъ нѣтъ. 29 сентября 1568 года вспыхнуло возстаніе противъ Ерика, который призвалъ московскихъ пословъ и объявилъ имъ объ этомъ; послы спросили: какъ давно дѣло началось? Ерикъ отвѣчалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ отъ васъ изъ Руси послы мои пришли. Я былъ тогда въ Упсалѣ; у нихъ начала быть тайная измѣна, и я былъ у нихъ запертъ; еслибы не пришли въ мою землю датскіе люди, то мнѣ бы еще на своей волѣ не быть; но какъ датскіе люди пришли, то меня выпустили для того, что некому землю оборонять, и съ тѣхъ поръ стало мнѣ лучше. Если братъ Яганъ (Іоаннъ) меня убьетъ или въ плѣнъ возьметъ, то царь бы Ягана королемъ не держалъ". Объ Екатеринѣ Ерикъ сказалъ: „Я велѣлъ то дѣло посулить въ случаѣ. если Ягана въ живыхъ не будетъ; я съ братьями, и съ Польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всѣми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ чѣмъ всѣмъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя; а тому какъ статься, что у живого мужа жену взять?" Возстаніе кончилось низложеніемъ Ерика съ престола и возведеніемъ брата его Іоанна; при этомъ возстаніи солдаты ворвались къ московскимъ посламъ и ограбили ихъ. Новый король прислалъ въ Москву просить опасной грамоты для своихъ пословъ; опасную грамоту дали, но когда шведскіе послы пріѣхали, то ихъ ограбили и объявили имъ: „Яганъ король присылалъ къ царю и великому князю бить челомъ, чтобъ велѣлъ государь дать опасную грамоту на его пословъ и велѣлъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ съ нимъ миръ и сосѣдство учинять по прежнимъ обычаямъ. По этой грамотѣ царь и великій князь къ Ягану королю писалъ и опасную грамоту ему послалъ. Но Яганъ король, не разсмотря той отписки и опасной государевой грамоты, прислалъ пословъ своихъ съ бездѣльемъ, не по опасной грамотѣ. Яганъ пишетъ, чтобъ заключить съ нимъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ царское величество пожаловалъ было брата его Ерика короля, принялъ въ докончаніе для сестры Польскаго короля Екатерины. Если Яганъ король и теперь Польскаго короля сестру, Екатерину королеву, къ царскому величеству пришлетъ, то государь и съ нимъ

заключить миръ по тому приговору, какъ дѣлалось съ Ерикомъ королемъ: съ вами о королевнѣ Екатеринѣ приказъ есть ли?“ Послы отвѣчали: „Мы о Ягановой присылкѣ не знаемъ, что онъ къ царю писалъ; а пріѣхали мы отъ своего государя не браниться, пріѣхали мы съ тѣмъ, чтобъ государю нашему съ царемъ миръ и сосѣдство сдѣлать, и что съ нами государь нашъ наказалъ, то мы и говоримъ“. Посламъ объявили, что ихъ сошлютъ въ Муромъ; они стали бить челомъ боярамъ, чтобъ царь съ нихъ опалу снялъ и велѣлъ новгородскому намѣстнику заключить миръ съ ихъ королемъ по старинѣ, но съ тѣмъ чтобъ въ королеву сторону написаны были тѣ города Ливонскіе, которые царь уступилъ Ерику. Но тутъ явился въ Москву герцогъ Магнусъ, который, по увѣренію шведскихъ пословъ, много надѣлалъ имъ вреда, сильно раздраживъ противъ нихъ царя. Бояре приговорили, что шведскихъ пословъ надобно задержать; а государю дѣлать бы теперь ливонское дѣло и выслушать челобитье Датскаго королевича Магнуса, какимъ образомъ тому дѣлу быть пригоже; и какъ тѣ дѣла повершатся, тогда бъ государю шведскимъ дѣломъ промышлять. Царь, выслушавъ приговоръ, приказалъ шведскихъ пословъ отпустить въ Муромъ, и 21 августа 1570 года Магнусъ подошелъ къ Ревелю съ 25,000 русскаго войска и съ большимъ отрядомъ изъ Нѣмцевъ, потому что къ нему пристало много дворянъ и городскихъ жителей. Увѣщательная грамота, посланная къ Ревельцамъ, не подѣйствовала, и Магнусъ повелъ осаду; принудить жителей къ сдачѣ голодомъ не было никакой возможности, потому что шведскіе корабли снабдили ихъ всѣмъ нужнымъ; обстрѣливаніе города также не причинило ему большого вреда; Магнусъ отправилъ въ Ревель своего придворнаго проповѣдника увѣщевать осажденныхъ къ сдачѣ; но и это не помогло. Тогда Магнусъ, видя неудачу, сорвалъ сердце на Таубе и Крузе, сложилъ на нихъ всю вину, что они своими обѣщаніями привели его подъ Ревель, и, простоявши 30 недѣль подъ этимъ городомъ, 16 марта 1571 года зажегъ лагерь и отступилъ. Русскія войска отправились по дорогѣ къ Нарвѣ; Нѣмцы хотѣли было взять Виттенштейнъ, но и это не удалось, послѣ чего Магнусъ удалился въ Оберпаленъ. Таубе и Крузе, боясь отвѣтственности за неудачу предъ царемъ, которому они также обѣщали легкій успѣхъ относительно Ревеля, уѣхали въ Дерптъ, оттуда завели сношеніе съ королемъ польскимъ, обѣщая овладѣть

Дерптомъ въ его пользу, если онъ приметъ ихъ милостиво и дастъ тѣ же выгоды, какими пользовались они въ Москвѣ. Сигизмундъ-Августъ принялъ предложеніе, и они подговорили Розена, начальника нѣмецвой дружины, находившейся въ русской службѣ въ Дерптѣ, напасть въ расплохъ на Русскихъ въ воскресный день, въ послѣобѣденное время, когда тѣ, по обыкновенію своему, будутъ спать. Сначала заговорщики имѣли было успѣхъ, перебили стражу, отворилы тюрьмы, выпустили заключенныхъ, которые взяли оружіе убитыхъ и стали помогать заговорщикамъ; но когда послѣдніе обратились къ жителямъ, призывая ихъ къ оружію, то тѣ въ ужасѣ заперлись въ домахъ; русскіе дѣти боярскіе и стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ, заперлись также въ домахъ и вооружились, къ нимъ на помощь подоспѣли изъ посада расположенные тамъ стрѣльцы, также русскіе купцы съ оружіемъ всякаго рода, и заставили отрядъ Розена очистить городъ, причемъ раздраженные побѣдители не пощадили жителей, подозрѣвая ихъ въ соумышленничествѣ съ заговорщиками. Таубе и Крузе еще прежде вывезли свои семейства и пожитки изъ Дерпта, и теперь, видя неудачу заговора, отправились къ Полькому королю, который принялъ ихъ очень благосклонно. Магнусъ, узнавши о дерптскихъ событіяхъ, испугался царскаго гнѣва: отправивъ къ Іоанну грамоту съ увѣреніями, что ничего не зналъ о заговорѣ, онъ счелъ за нужное выѣхать изъ Оберпалена, и отправился въ прежнее свое владѣніе, на островъ Эзель. Но Іоаннъ спѣшилъ успокоить Магнуса, и когда невѣста его, Евфимія, умерла, предложилъ ему руку младшей сестры ея Маріи; Магнусъ согласился и прежнія отношенія возстановились.

Упорство Іоанна относительно пріобрѣтенія прибалтійскихъ областей всего лучше понимали и оправдывали враги его. Такъ Сигизмундъ-Августъ, старавшійся прекратить торговлю съ Нарвою, писалъ по этому поводу къ Елисаветѣ, королевѣ Англійской: „Московскій государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество пріобрѣтеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву: ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное, привозятъ не только произведенія художествъ, но пріѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которымъ онъ пріобрѣтаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими

подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?“ Англійское правительство не обращало вниманія на эти опасенія сосѣдей Іоанновыхъ и продолжала сношенія съ Москвою, стараясь доставить здѣсь своимъ подданнымъ какъ можно болѣе торговыхъ выгодъ; но царь, при дружелюбныхъ сношеніяхъ своихъ съ Елисаветою, имѣлъ въ виду еще и другое, кромѣ торговли. Если пріятель его Ерикъ шведскій просилъ московскихъ пословъ, чтобъ взяли его въ Русь, то Іоаннъ просилъ Елисавету дать ему убѣжище въ Англіи, если будетъ изгнанъ изъ отечества; Елисавета отвѣчала, что если когда-либо ея дорогой братъ, великій императоръ и великій князь, будетъ принужденъ оставить свою страну, вслѣдствіе ли заговора, или нападенія внѣшняго врага, то она приметъ его, жену его и дѣтей съ почестями, подобающими такому великому государю, что онъ будетъ проводить жизнь въ полной свободѣ и спокойствіи со всѣми тѣми, кого привезетъ съ собою, и будетъ пользоваться полною свободою относительно вѣры, будетъ отведено ему удобное мѣсто, гдѣ онъ и можетъ жить на своемъ содержаніи сколько времени ему будетъ угодно ²⁹.

Обратившн все вниманіе свое на Ливонію, Іоаннъ хотѣлъ быть спокоенъ со стороны Крыма. Онъ думалъ, что послѣ дѣйствій Вишневецкаго, Ржевскаго, Адашева и послѣ взятія Полоцка, ханъ могъ убѣдиться въ безполезности вражды съ могущественною Москвою и союза съ слабою Литвою. Чтобъ попытаться, нельзя ли склонить Девлетъ-Гирея къ миру, отправился въ Крымъ большой посолъ Аѳанасій Нагой. Завоеватель Казани и Астрахани въ грамотѣ своей къ Крымскому хану не хотѣлъ употреблять прежнихъ почтительныхъ выраженій, писать челобитье; Іоаннъ писалъ: „Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, Московскаго, Новгородскаго, Казанскаго, Астраханскаго, Нѣмецкаго и иныхъ—Великія Орды великому царю, брату моему Девлетъ-Гирею царю съ поклономъ слово“. И въ Крыму перемѣнили прежнее поведеніе относительно московскихъ пословъ: Нагой писалъ, что когда онъ шелъ къ хану и отъ хана, то зацѣпки ему не было никакой: встрѣчники и придверники о пошлинахъ не поминали. Посолъ такъ говорилъ хану именемъ своего государя: „Изначала дѣдъ нашъ великій государь Иванъ съ твоимъ

дѣдомъ Менгли-Гиреемъ царемъ дружбу и любовь держали великую и кому изъ нихъ надъ недругомъ Богъ помощь подастъ, другъ ко другу сеунчей (вѣстниковъ побѣды) посылывали, сами тому радовались, людей между собою жаловали и богатили, недруги ихъ подъ ихъ ногама были, а друзья ихъ, то слыша, радовались. Этою зимою ходили мы недруга своего короля воевать, сѣдши сами на́конь и со всѣми ратями своими многихъ земель, въ королеву землю пришли и, слава Богу, городъ Полоцкъ взяли. Мы было хотѣли и къ Вильнѣ идти: но рада королева большая къ нашимъ боярамъ прислала бить челомъ, чтобъ бояре упросили насъ изъ земли воротиться, а государь ихъ король сейчасъ же пришлетъ къ намъ пословъ своихъ бить челомъ о своемъ неисправленіи. Бояре наши били челомъ брату нашему, князю Владиміру Андреевичу, и вмѣстѣ съ нимъ падши къ нашимъ ногамъ, говорили: „Великій государь! вѣра у васъ съ королемъ одна, больше кровь зачѣмъ проливать! недруга своего землю ты воевалъ, рати твои богатствомъ и плѣномъ наполнились, городъ у него лучшій ты взялъ, недругъ твой прислалъ къ тебѣ бить челомъ и въ твоей волѣ хочетъ быть!"— И мы, не хотя братняго и боярскаго челобитья оскорбить, на свое государство пришли". Въ наказѣ Нагому было написано: „Если станутъ спрашивать о Казани, то отвѣчать: „О Казани что́ и говорить! Казань во всей государской волѣ, церкви въ городѣ и по уѣздамъ многія поставлены, въ городѣ и на посадѣ все русскіе люди живутъ, и многія земли роздалъ государь княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; этою зимою было на государской службѣ въ литовской землѣ однихъ казанскихъ людей съ 50,000, кромѣ русскихъ людей; астраханскихъ людей было тысячи съ двѣ, а въ дальніе походы государь астраханскихъ людей не беретъ, потому что имъ ходить далеко, а велѣлъ имъ государь ходить на тамошнія службы—въ Шавкалы, въ Юргенчъ, въ Дербентъ и въ иныя мѣста, куда государскіе воеводы пошлютъ.—Если вспомнятъ при какомъ-нибудь случаѣ о великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ и о царѣ Узбекѣ, и если самъ царь начнетъ говорить, то послу отвѣчать, что онъ еще молодъ, тѣхъ дѣлъ не слыхалъ, то вѣдаетъ Богъ да вы, государи; а если станутъ объ этомъ говорить безъ царя князья, то отвѣчать, что такіе разговоры къ доброму дѣлу нейдутъ, то дѣло было невзгодою государя нашего прародителей, а теперь Божіею волею Узбековъ юртъ у кого въ рукахъ?—сами

знаете; извѣстно, отъ кого на томъ юртѣ посланники и воеводы сидятъ; и по Узбекову юрту кому къ кому слѣдуетъ поминки посылать—знаете; Узбекъ и князь великій Иванъ уже минулися, а что теперь, то всѣми видимо, и что видимо, то минувшаго крѣпче; во всѣхъ государствахъ Богъ сегодня то повыситъ, а завтра иное".

На рѣчи Нагова ханъ отвѣчалъ: „король мнѣ даетъ казну ежегодно, а государь вашъ со мною бранится и казны и поминковъ, какъ было при прежнихъ царяхъ, не посылаетъ; если государь вашъ хочетъ со мною дружбы, то давай мнѣ казну, какъ давалъ Саипъ-Гирею царю, да и ту мнѣ казну давай же, что мнѣ король даетъ, да и сверхъ королевой казны поминки дай: а если не дастъ мнѣ казны и поминковъ, то мнѣ съ государемъ вашимъ для чего мириться и королеву казну изъ чего потерять?" Нагой отвѣчалъ: „Государю моему казны къ тебѣ не присылывать, и въ пошлину государь нашъ никому не даетъ ничего, государь нашъ дружбы не покупаетъ: станется между вами доброе дѣло, такъ государь нашъ тебѣ за поминки не постоитъ". Ханъ жаловался, что Іоаннъ велѣлъ схватить въ Путивлѣ посла его и держать въ Москвѣ подъ стражею; Нагой отвѣчалъ, что это сдѣлалось по распоряженію измѣнниковъ, которые были въ приближеніи у государя; но что теперь эти люди въ опалѣ. Одинъ изъ князей говорилъ Нагому: „Татаринъ любитъ того, кто ему больше дастъ, тотъ ему и другъ". Мирныя предложенія со стороны Іоанна дали хану случай торговаться съ королемъ: когда послѣдній прислалъ ему казну 36 телѣгъ со всякою рухлядью, то ханъ велѣлъ сказать ему, чтобъ присылалъ вдвое, иначе онъ помирится съ московскимъ и будетъ съ нимъ вмѣстѣ Литву воевать. Взявши казну отъ короля, ханъ дожидался богатыхъ поминковъ изъ Москвы, чтобъ помириться и съ нею, и потомъ смотрѣть, кто будетъ щедрѣе; новый посолъ царскій, Ржевскій, привезъ хану такіе поминки, которые ему очень полюбились: онъ оказалъ обоимъ посламъ, Ржевскому и Нагому, большія почести, даже ободрилъ ихъ, чего прежде не бывало, и далъ шертную грамоту царю.

Крымскіе ханы, по разбойничему характеру своей орды, не могли постоянно и долго имѣть въ виду высшихъ интересовъ: напуганный Ржевскимъ, Вишневецкимъ, Адашевымъ, прельщенный богатыми подарками, Девлетъ-Гирей позабылъ на время о Казани и

Астрахани; но мысль объ нихъ, мысль о томъ, что христіанскія церкви поставлены въ древнемъ убѣжищѣ мусульманства, безпокоила другаго владѣльца, который считалъ себя главою мусульманскаго міра, султана турецкаго. Отдаленность и другія заботы помѣшали Солиману II-му непосредственно заступиться за Казань и Астрахань; онъ поручилъ это дѣло Крымцамъ и Ногаямъ; но по мы видѣли, какъ они исполнили его порученіе. Теперь, управившись съ дѣлами и слыша жалобы магометанъ, Солиманъ рѣшился заняться сѣверомъ и отправить войско для завоеванія Астрахани. Но этого намѣренія прежде всего испугался Крымскій ханъ: зависимость отъ Турокъ сильно тяготила его; боясь болѣе всего увеличенія турецкаго могущества на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, на Дону и на Волгѣ, онъ всѣми силами началъ отвращать султана отъ похода на Астрахань; притомъ онъ зналъ, что вся тяжесть этого похода должна пасть на него: Крымцы любили только предпринимать опустошительные набѣги съ вѣрною надеждою на добычу, а теперь заставятъ ихъ предпринять трудный походъ, успѣхъ котораго былъ очень сомнителенъ, заставятъ осаждать городъ, биться съ Русскими, которые нелегко поддаются; и въ случаѣ даже успѣха грабить своихъ Татаръ имъ не дадутъ, а московскіе плѣнники достанутся Туркамъ. Нагой далъ знать Іоанну, что въ сентябрѣ 1563 года Турскій *хункеръ* (султанъ) прислалъ къ Девлетъ-Гирею чауша, съ приказаніемъ къ веснѣ запасъ готовить и лошадей кормить, а на весну идти на Астрахань; съ ханомъ Турскій посылаетъ своихъ царевичей; съ ними многихъ людей и янычаръ; велѣлъ Турскій хану приготовить тысячу телѣгъ подъ нарядъ; пойдутъ Турки съ большимъ нарядомъ на судахъ Дономъ до рѣчки Иловли, на устьѣ Иловли класть имъ нарядъ и телѣги въ малыя суда, и плыть Иловлею вверхъ до рѣчки Черепахи, до которой отъ Иловли будетъ у нихъ переволоки (въ нынѣшней Качалинской станицѣ) верстъ съ семь, а рѣчкою Черепахою идти имъ внизъ до Волги; за Волгу возиться имъ противъ Черепашскаго устья на Ногайскую сторону, и идти къ Астрахани сухимъ путемъ. Присылали къ Турскому бить челомъ Черкесы, также астраханскіе, ногайскіе и казанскіе люди, чтобъ Турскій послалъ людей на Астрахань, а они съ ними всѣ готовы вмѣстѣ промышлять; Астраханскіе Татары ждутъ только приходу Турскихъ людей, хотятъ городъ взять. Большая досада Турскому на государя, за

то, что когда бусурманы съ Прикавказья и изъ другихъ государствъ поѣдутъ на Астрахань къ Магометову гробу, то московскіе воеводы въ Астрахани ихъ не пропускаютъ. Девлетъ-Гирей отпустилъ чауша съ тѣмъ, что государь Московскій съ нимъ мирится, и послалъ своего человѣка къ Турскому отговорить, чтобъ къ Астрахани людей не посылалъ: „И возьмешь теперь Астрахань у великаго князя, все же ее тебѣ не удержать: опять ее великій князь возьметъ; только людей потеряешь, а корысти не получишь“. Нагой заключаетъ свое донесеніе слѣдующимъ извѣстіемъ: „Обѣдалъ у Ржевскаго ага япычарскій, который у хана живетъ съ янычарами, мы и стали его для вѣстей поить, и какъ онъ опьянѣлъ, то началъ намъ сказывать, что Турскій на весну къ Астрахани непремѣнно посылаетъ многихъ людей и хану велитъ идти; что у Турскаго нарядъ, и для подкоповъ буравы: заступы, топоры, лопаты и корыта—къ веснѣ все готово; но ханъ къ Астрахани идти не хочетъ и Турскому отговариваетъ“. Съ такими же вѣстями присылалъ самъ ханъ въ Москву, по словамъ его гонца, султанъ приказалъ на переволокѣ городъ поставить, а другой городъ противъ переволоки на Волгѣ, и между этими двумя городами переволоку прокопать и воду пропустить, чтобъ можно было этимъ мѣстомъ нарядъ везти, а пришедши къ Астрахани, поставить тамъ третій городъ и Астрахань покорить султану. Но вмѣстѣ съ этимъ ханъ извѣщалъ, что султанъ послушался его и отложилъ походъ.

Довольный поведеніемъ хана и шертною грамотою, Іоаннъ отправилъ къ нему третьяго посла, Писемскаго, съ поминками, причемъ писалъ ему: „Въ которомъ платьѣ мы тебѣ, брату своему, клятву дали, и мы то платье съ своихъ плечъ тебѣ, брату своему, послали: и ты бъ, братъ нашъ, то платье и носилъ на здоровье; а изъ которой чары мы пили, и мы ту чару съ черпалкою послали къ тебѣ же, и ты бъ изъ нея пилъ на здоровье“. Но долго жить въ согласіи съ ханомъ было нельзя: Нагой обѣщалъ Девлетъ-Гирею, что царь будетъ присылать ему такіе же поминки, какіе присылались Саипъ-Гирею; ханъ согласился, но Татары его не соглашались, требовали такихъ поминковъ, какіе отецъ Іоанновъ присылалъ Магметъ-Гирею; наконецъ всѣ согласились на Саипъ-Гиреевыхъ поминкахъ, и Нагой сбирался уже выѣхать изъ Крыма, какъ пріѣхалъ гонецъ Литовскій съ извѣстіемъ, что король посылаетъ двойную казну и берется присылать Саипъ-Гиреев-

скіе поминки, которые обѣщаетъ царь, если только ханъ разорветъ съ Москвою. Это дало хану поводъ торговаться съ московскимъ посломъ: онъ послалъ спросить Нагого: ручается ли онъ, что царь пришлетъ ему Магметъ-Гиреевскіе поминки? Нагой отвѣчалъ, что не ручается, и тогда ханъ рѣшилъ, что королева дружба выгоднѣе, и выступилъ къ Московскимъ украйнамъ, ибо король писалъ ему, что всѣ царскія войска на Ливонской границѣ. Дѣйствительно, вслѣдствіе шертной грамоты Девлетъ-Гиреевой, украйна была обнажена отъ войскъ, въ Рязани не было ни одного ратника; несмотря на то, Рязанцы, подъ предводительствомъ любимца Іоаннова, Алексѣя Басманова, и сына его Ѳедора, отбили всѣ приступы Татаръ, и ханъ, услыхавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, не сталъ ихъ дожидаться и ушелъ назадъ, потерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, потому что отдѣльные отряды его, разсѣявшіеся для грабежа, были побиты.

Опять слѣдовательно Іоанну нужно было не спускать глазъ съ южной украйны, или тягаться съ королемъ на Крымскомъ аукціонѣ, наддавать поминки разбойникамъ. Ханъ не отступался отъ своихъ требованій: чтобъ заставить царя согласиться на Магметъ-Гиреевскіе поминки, онъ сталъ требовать Казани и Астрахани; требовать, чтобъ Іоаннъ посадилъ въ Казани сына его Адыл-Гирея. Нагой отвѣчалъ на это требованіе: „Какъ тому статься? Въ Казани, въ городѣ и на посадѣ, и по селамъ государь нашъ поставилъ церкви, навелъ русскихъ людей, села и волости раздавалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья; а большихъ и среднихъ казанскихъ людей, Татаръ всѣхъ вывелъ, подавалъ имъ въ помѣстья села и волости въ московскихъ городахъ, а инымъ въ Новгородскихъ и Псковскихъ; да въ Казанской же землѣ государь поставилъ семь городовъ: на Свіягѣ, на Чебоксарѣ, на Сурѣ, на Алтырѣ, на Курмышѣ, въ Арскѣ и городъ Лаишевъ". Въ Москвѣ гонцамъ ханскимъ, присланнымъ съ требованіемъ Казани и Астрахани, данъ былъ отвѣтъ, что это требованіе къ доброму дѣлу нейдетъ. Гонцамъ за столомъ даны были, по обычаю, шубы, но полегче тѣхъ, которыя давались прежде; одинъ изъ гонцевъ сталъ жаловаться на это; въ отвѣтъ самъ царь сказалъ ему: „За то ли васъ намъ жаловать, что царь вашъ нарушилъ клятву, Рязань повоевалъ, а теперь Казани да Астрахани проситъ? Города и земли за чашею да за хлѣбомъ не берутся". Быть можетъ, самъ ханъ и

позабылъ бы о Казани и Астрахани, еслибъ ему не напоминали о нихъ. Нагой писалъ въ Москву: „Пришли въ Крымъ отъ Ногаевъ послы за миромъ, чтобъ съ ними ханъ помирился, и если онъ захочетъ воевать Казань и Астрахань, то они съ нимъ готовы идти. Вмѣстѣ съ Ногайскими послами пришелъ въ Крымъ казанецъ, Коштивлей уланъ и говоритъ, что былъ съ Ногаями въ Москвѣ, гдѣ видѣлся съ двумя луговыми Черемисинами, Лаишемъ и Ламбердеемъ: они приказали съ нимъ къ хану, чтобъ шелъ къ Казани или послалъ царевичей, а они всѣ ждутъ его приходу, какъ придетъ, всѣ ему передадутся и станутъ промышлять заодно надъ Казанью. Съ другой стороны, Черкесы прислали говорить хану, что царь Иванъ ставитъ на Терекѣ городъ и если онъ городъ поставитъ, то не только имъ пропасть, но и Тюменъ и Шевкалъ будутъ за Москвою". Ханъ отвѣчалъ Черкесамъ, что у него нѣтъ силы помѣшать царю ставить городъ; у него была сила только нападать въ расплохъ на Московскія украйны, и осенью 1565 года онъ подступилъ съ пушками къ Болхову; но тамъ были воеводы съ людьми ратными, они сдѣлали удачную вылазку, не дали Татарамъ даже сжечь посада, а между тѣмъ двое воеводъ, князья Бѣльскій и Мстиславскій, уже приближались съ большимъ войскомъ, ханъ по обыкновенію, бѣжалъ назадъ.

И послѣ этого нападенія ханъ прислалъ въ Москву гонцевъ съ требованіями Казани и Астрахани для вѣчнаго мира, богатыхъ даровъ для перемирія: царь отвѣчалъ имъ: „Мы, государи великіе, бездѣльныхъ рѣчей говорить и слушать не хотимъ". Царь не позволялъ также хану возобновлять прежнее поведеніе относительно пословъ Московскихъ: такъ въ наказѣ послу Алябьеву читаемъ: „Если станетъ ханъ говорить: посылалъ я къ брату своему, великому князю, гонца Мустафу съ добрымъ дѣломъ, а князь великій велѣлъ его ограбить Андрею Щепотьеву за то, что у Андрея Сулешъ взялъ имѣніе въ зачетъ нашихъ поминковъ: такъ я велю этотъ грабежъ Мустафѣ взять на тебѣ—отвѣчать: которыя поминки государь нашъ послалъ къ тебѣ съ Андреемъ Щепотьевымъ, эти поминки Андрей до тебя и довезъ; а Сулешъ у Андрея взялъ рухлядь силою, Андрей билъ тебѣ челомъ на Сулеша, а ты управы не далъ; Андрей билъ челомъ нашему государю, и государь велѣлъ ему за тотъ грабежъ взять на твоемъ гонцѣ; если же на мнѣ велишь взять что силою, то государь мой велитъ мнѣ взять вдвое

на твоемъ послѣ, и впередъ къ тебѣ за то посла не пришлетъ никакова". Нагой уже давно жилъ въ Крыму и не хотѣлъ выѣхать оттуда безъ окончательнаго договора о мирѣ и безъ посла ханскаго. Однажды ханъ попросилъ у него шубы бѣличьей для одного князя, Нагой не далъ; тогда мурзы сказали ему: „Ты шубы не далъ, такъ царь нашъ наложилъ на тебя опалу, высылаетъ тебя вонъ, а что нашъ посолъ задержанъ въ Москвѣ, то Крымъ пустъ не будетъ, много у нашего царя такихъ холопей, какіе на Москвѣ померли". Нагой отвѣчалъ: „Если царь вашъ отправитъ пословъ и насъ отпуститъ, то мы ѣхать ради, а станетъ высылать безъ пословъ и безъ дѣла, то мы не поѣдемъ; лучше намъ въ Крыму померетъ, чѣмъ ѣхать безъ посла". Пребываніе Нагова въ Крыму было необходимо для вѣстей, которыя становились все важнѣе и важнѣ вслѣдствіе неудовольствій, обнаруживавшихся въ Казани и Астрахани, и замысловъ въ Константинополѣ. Такъ Нагой доносилъ царю, что писали къ хану изъ Казани двое знатныхъ людей и вся Луговая Черемиса, просили прислать къ нимъ сына съ воинскими людьми, и какъ къ нимъ царевичъ придетъ, то они отъ Московскаго государя отступятъ и станутъ промышлять надъ Казанскимъ острогомъ; а по всѣмъ селамъ Московскіе служилые люди будутъ ихъ; и въ сборѣ у нихъ Луговой Черемисы 60.000. Нагайскіе князья также приказывали хану: „Пока мы были наги и безконны, до тѣхъ поръ мы дружили царю и великому князю; а теперь мы конны и одѣты: такъ если ты царевича въ Казань съ войскомъ отпустишь, то дай намъ знать, мы сыну твоему готовы на помощь". Ханъ не былъ въ состояніи отнять Казань у царя; но помириться ему съ Москвою было трудно: разбойники понимали, какая опасность грозитъ имъ отъ ея усиленія: „Была, пишетъ Нагой, дума у царевичей: думали царевичи, карачеи, уланы, князья, мурзы и вся земля, и придумали мириться съ королемъ: поѣхали къ царю и говорили ему, чтобъ помириться съ королемъ, а съ тобою государемъ не мириться: помириться тебѣ съ Московскимъ, говорили они хану, это значитъ короля выдать; Московскій короля извоюетъ, Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить и намъ отъ него не пробыть. Взялъ онъ два юрта бусурманскихъ, взялъ Нѣмцевъ; теперь онъ тебѣ поминки даетъ, чтобъ короля извоевать, а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть; онъ и Казанцамъ шубы давалъ; но вы этимъ шубамъ

не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ. Ханъ согласился съ ихъ мнѣніемъ и велѣлъ сказать Нагому, что не хочетъ быть въ мірѣ съ его государемъ. Нагой добился однако свиданія съ ханомъ, который сказалъ ему: „Ко мнѣ пришла вѣсть, что государь вашъ хочетъ на Терекѣ городъ ставить; если государь вашъ хочетъ быть со мною въ дружбѣ и братствѣ, то онъ бы города на Терекѣ не ставилъ, далъ бы мнѣ поминки Магметъ-Гиреевскіе: тогда я съ нимъ помирюсь. Если же онъ будетъ на Терекѣ городъ ставить, то хотя давай мнѣ гору золотую — мнѣ съ нимъ не помириться, потому что побралъ онъ юрты бусурманскія, Казань да Астрахань, а теперь на Терекѣ городъ ставитъ и несется къ намъ въ сосѣди". Въ томъ же смыслѣ ханъ послалъ грамоту самому Іоанну, царь приговорилъ съ боярами: отвѣчать, что Казани и Астрахани не отдастъ; на Терекѣ городъ построенъ для безопасности князя Темгрюка, тестя государева; а хочетъ ханъ, пусть пришлетъ царевича: государь выдастъ за него дочь Шигъ-Алееву и дастъ ему Касимовъ: Магметъ-Гиреевскихъ поминковъ не пошлетъ. Царь приговорилъ послать поминковъ на триста рублей, чтобъ съ ханомъ дѣла не порвать.

На предложеніе посадить сына въ Касимовѣ ханъ велѣлъ отвѣчать Нагому: „Просилъ я у вашего государя Казани и Астрахани государь вашъ мнѣ этого не даетъ, а что мнѣ даетъ и на Касимовъ царевича проситъ, того мнѣ не надобно: сыну моему и у меня есть что ѣсть; а не дастъ мнѣ государь вашъ Астрахани, такъ Турскій возьметъ же ее". Султанъ Селимъ, наслѣдникъ Солимана, дѣйствительно задумалъ опять о завоеваніи Астрахани; Нагой доносилъ: „Прислалъ Турскій весною (1567 года) къ хану съ грамотою; были у Турскаго изъ Хивы послы, да изъ Бухаръ, которые шли къ Меккѣ на Астрахань, и били челомъ Турскому, что государь московскій побралъ юрты бусурманскіе, взялъ Казань да Астрахань, разорилъ бусурманство, и учинилъ христіанство, воюетъ и другіе многіе бусурманскіе юрты; а въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходитъ ему въ Астрахани тамги на день по тысячѣ золотыхъ. И Турскій писалъ къ хану, чтобъ шелъ съ сыновьями этою весною къ Астрахани, а онъ, султанъ, отъ себя отпускаетъ туда же Крымъ-Гирея царевича, да Касима князя и людей съ нарядомъ, чтобъ Астрахань взяли и посадили тамъ царемъ Крымъ-Гирея царевича". Самъ ханъ

сказалъ Нагому: „Я бы съ государемъ вашимъ побранившись и помирился; да теперь на государя вашего поднимается человѣкъ тяжелый, Турскій царь, и меня на Астрахань посылаетъ; да и всѣ бусурманскія государства на государя вашего поднимаются за то, что государь вашъ побралъ бусурманскіе юрты". Нагой отвѣчалъ: Астрахань государю нашему далъ Богъ, и стоитъ за нее Богъ же да государь нашъ; вѣдаешь и самъ, что государь нашъ сидитъ на своемъ конѣ, и недругамъ свою недружбу мститъ". Ханъ сказалъ на это: „Оно такъ, государю вашему эти юрты Богъ поручилъ; но вѣдь и мы надѣемся на Бога же". Нагой отвѣчалъ: „Вѣкъ свой между собою государи ссылаются поминками, а царствами государи не ссужаются: этому статься нельзя".

Ханъ, по прежнему, боялся турецкаго сосѣдства болѣе, чѣмъ московскаго; онъ писалъ султану, что этимъ лѣтомъ къ Астрахани идти нельзя, потому что безводныхъ мѣстъ много, а зимою къ Астрахани идти—Турки стужи не подымутъ, къ тому же въ Крыму голодъ большой, запасами подняться нельзя; идти надобно ему съ сыновьями къ Астрахани на весну раньше и промышлять надъ городомъ; а если Астрахань не возьмутъ, то городъ поставить на Крымской сторонѣ, на старомъ городищѣ, и изъ него промышлять надъ Астраханью. Потомъ ханъ старался вовсе отклонять султана отъ похода на Астрахань: „У меня, писалъ онъ, вѣрная вѣсть, что московскій государь послалъ въ Астрахань 60,000 войска; если Астрахани не возьмемъ, то безчестіе будетъ тебѣ, а не мнѣ; а захочешь съ московскимъ воевать, то вели своимъ людямъ идти вмѣстѣ со мною на московскія украйны; если которыхъ городовъ и не возьмемъ, то, по крайней мѣрѣ, землю повоюемъ и досаду учинимъ". Ханъ прислалъ гонца въ Москву извѣстить о походѣ турецкаго войска подъ Астрахань и требовать, чтобъ царь отдалъ ему Астрахань лучше добромъ: „Мы, велѣлъ сказать ханъ, не захотѣли турецкимъ людямъ на нашъ юртъ дорогу проложить и потому послали къ тебѣ объявить о томъ". Іоаннъ отвѣчалъ: „Когда то ведется, чтобъ, взявши города, опять отдавать ихъ?"

Весною 1569 года пришло къ Кафу 17.000 турецкаго войска, съ которыми кафинскій паша Касимъ долженъ былъ идти къ Переволокѣ, каналомъ соединить Донъ съ Волгою, и потомъ взять Астрахань, или, по крайней мѣрѣ, основать вблизи ея крѣпость; ханъ съ 50.000 своихъ Татаръ также выступилъ въ походъ; су-

да съ пушками, подъ прикрытіемъ 500 ратниковъ, плыли отъ Азова Дономъ. На одномъ изъ судовъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, служившихъ гребцами, находился Семенъ Мальцевъ, отправленный изъ Москвы посломъ къ Ногаямъ и захваченный азовскими козаками. „Какихъ бѣдъ и скорбей не потерпѣлъ я отъ Кафы до Переволоки!“ пишетъ Мальцевъ: „жизнь свою на каторгѣ мучилъ, а государское имя возносилъ выше великаго царя Константина. Шли *каторги* (суда) до Переволоки пять недѣль; шли Турки съ великимъ страхомъ и живот свой отчаяли; которые были янычары изъ христіанъ, Греки и Волохи, дивились, что государевыхъ людей и козаковъ на Дону не было; еслибы такими рѣками Турки ходили по Фряжской и Венгерской землѣ, то всѣ были бы побиты; хотя бы козаковъ было 2,000 и они бы насъ руками побрали: такія на Дону крѣпости (природныя укрѣпленія, удобныя для засадъ) и мели.“ Достигши переволоки въ половинѣ августа, Турки начали рыть каналъ; но продолжать работу не было никакой возможности; Касимъ велѣлъ тащить суда по землѣ; ханъ совѣтовалъ уже возвратится; Татары, по его наказу, разглашали между Турками, что и въ случаѣ успѣха предпріятія имъ придется плохо: ибо въ сѣверныхъ странахъ зима продолжается девять мѣсяцевъ, а лѣтомъ ночи длятся не болѣе трехъ часовъ, слѣдовательно Турки должны будутъ или не спать всю ночь, или пренебрегать своими религіозными обязанностями, по которымъ они должны молиться два часа спустя по захожденіи солнца и потомъ опять на разсвѣтѣ. Ропотъ между турками усилился, но въ это время явились послы отъ Астраханцевъ и убѣдили пашу въ безполезности брать съ собою суда, обѣщаясь доставить ихъ сколько было нужно, лишь бы только Турки шли поскорѣе къ Астрахани и отняли ее у русскихъ. Но сдѣлать это было не очень легко: приблизясь къ Астрахани въ половинѣ сентября, Касимъ не рѣшился приступить къ ней, и, остановившись ниже города на старомъ городищѣ, рѣшился строить тутъ крѣпость и зимовать, а хана отпустить назадъ въ Крымъ. Но когда въ войскѣ узнали объ этомъ намѣреніи паши, то вспыхнуло возмущеніе: пришли Турки на пашу (разсказываетъ Мальцевъ) съ великою бранью, кричали: намъ зимовать здѣсь нельзя, помереть намъ съ голоду, государь нашъ всякій запасъ далъ намъ на три года, а ты намъ изъ Азова велѣлъ взять только на сорокъ дней корму, астраханскимъ же

людямъ насъ прокормить нельзя; янычары всѣ отказали: всѣ съ царемъ Крымскимъ прочь идемъ; ты государя взманилъ, и онъ по твоей *мантъ* не послушался Девлетъ-Гирея царя, а царь что ни писалъ къ государю, и намъ что ни говорилъ, и тебѣ передъ нами на Переволокѣ что ни говорилъ—все вышло правда. Но Мальцевъ не довольствовался только тѣмъ, что подмѣчалъ происходившее въ станѣ Турецкомъ: „Взяли Турки въ плѣнъ подъ Астраханью Никольскаго келаря Арсенія да игумнова человѣка и посадили этого человѣка со мною на одной цѣпи, и вотъ я его сталъ научать, велѣлъ говорить: слышалъ онъ отъ игумена, что князь Петръ Серебряный, а съ нимъ 30,000 судовъ рати, будетъ сейчасъ подъ Астрахань, а полемъ государь подъ Астрахань отпустилъ князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, а съ нимъ 100,000 войска, да и Ногаи съ нимъ будутъ, а Кизилбашскій (Персидскій) шахъ присылалъ къ нашему царю бить челомъ: Турскіе люди мимо Астрахани дороги ко мнѣ ищутъ, а ты бы великій царь сильною своею рукою помогъ мнѣ на Турскаго; и государь нашъ шаха пожаловалъ, послалъ къ нему посла своего, Алексѣя Хозникова, а съ нимъ 100 пушекъ да 500 пищалей.“ На другую ночь дѣйствительно Туркамъ дали знать о приходѣ московскихъ воеводъ, князя Петра Серебрянаго и Замятни Сабурова, съ большимъ войскомъ; извѣщали, что русскіе перехватали уже Ногаевъ, передавшихся на турецкую сторону, и что по выраженію Мальцева, все около Астрахани трепещетъ царя государя, единаго подъ солнцемъ страшила бусурмановъ и Латиновъ. Вслѣдствіе этихъ вѣстей Касимъ 20 сентября зажогъ свои деревянныя укрѣпленія и побѣжалъ съ ханомъ отъ Астрахани; въ 60 верстахъ встрѣтился ему гонецъ отъ султана: Селимъ писалъ, чтобъ Касимъ оставался зимовать подъ Астраханью, что весною получитъ онъ сильное подкрѣпленіе, и для отвлеченія московскихъ силъ пойдетъ на Русь Крымскій ханъ и Турецкій паша, зять султановъ. Но Касимъ продолжалъ бѣгство; мѣсяцъ шли Турки до Азова; ханъ велъ ихъ мимо Черкесовъ, Кабардинскою дорогою, по безводнымъ мѣстамъ: Турки, терпя нужду, называли Селима несчастнымъ, потому что послѣ вступленія на престолъ впервые отпустилъ рать свою въ походъ и такъ неудачно: мы и съ большихъ боевъ, говорили они, въ такой истомѣ не прихаживали, а еслибы еще на насъ непріятели пришли, то ни одинъ бы изъ насъ не возвратился.

Ханъ достигъ своей цѣли: Турки потеряли охоту возстанавливать мусульманскія царства на Волгѣ; но онъ находился въ затруднительномъ положеніи относительно Москвы: прежде онъ все стращалъ царя султаномъ; но предпріятіе султаново не удалось. Призвавши князя Сулеша, московскаго доброжелателя, ханъ говорилъ ему: „Съ чѣмъ мнѣ послать теперь въ Москву? не знаю, чего просить? Астраханскимъ походомъ я Турокъ истомилъ, пришедши подъ Астрахань, я за рѣку не переправился и къ городу не приступалъ; я такъ дѣлалъ и для Московскаго царя и для себя тутъ же: мнѣ не хотѣлось, чтобъ Астрахань была за Турскимъ, хотѣлъ я себѣ помочь, чтобъ Турскаго люди на Крымъ не ходили“. Ханъ прислалъ наконецъ гонца въ Москву съ грамотою, въ которой просилъ Казани и Астрахани, требовалъ размѣна пословъ — Нагого на Ямболдуя, давно уже задержаннаго въ Москвѣ, тысячи рублей денегъ, шубъ, кречетовъ. Іоаннъ ждалъ второго нашествія Турокъ, видѣлъ, что ханъ можетъ быть ему полезенъ въ этомъ случаѣ, и потому отвѣчалъ очень ласково: отказавши на-счетъ Казани и Астрахани, писалъ: „Мы бы тебѣ, брату своему, за Магметъ-Гиреевскіе поминки не постояли, но въ Москвѣ былъ пожаръ большой, и книги, въ которыхъ тѣ поминки значились, потерялись; а который ты намъ счетъ прислалъ Махметъ-Гиреевскимъ поминкамъ, то здѣсь старые люди говорятъ, что столько никогда не посылывалось, и ты бы, братъ нашъ, этотъ счетъ пересмотрѣлъ, и далъ намъ знать, какъ тебѣ съ нами впередъ въ дружбѣ и братствѣ быть“.

Но главная опасность грозила изъ Константинополя: если тяжело было при войнѣ Ливонской и при отсутствіи постояннаго войска держать рать на берегахъ Оки противъ хана, то еще тяжелѣе было держать другіе многочисленные полки въ отдаленной Астрахани; Іоаннъ зналъ, что султанъ на весну замышлялъ новый походъ къ этому городу, а ханъ въ то же время долженъ былъ идти къ Москвѣ, причемъ малѣйшій успѣхъ Турокъ въ низовьяхъ Волги служитъ знакомъ къ возстанію недовольныхъ Казанскихъ. Имѣя глаза постоянно обращенными къ берегамъ Балтійскаго моря, готовясь къ важнымъ событіямъ въ Литвѣ и Польшѣ, считая себя не безопаснымъ внутри государства, Іоаннъ долженъ былъ употребить всѣ средства, рѣшиться на важныя пожертвованія, чтобъ только склонить къ миру хана и султана. Соглашаясь

давать Магметъ-Гиреевскіе поминки первому, царь въ 1570 году отправилъ посла Новосильцева въ Константинополь подъ предлогомъ поздравленія Селима съ восшествіемъ на престолъ: посолъ долженъ былъ напомнить султану о прежнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ предшественниковъ его къ предшественникамъ Іоанновымъ, и главное внушить, что магометанство не терпитъ никакого притѣсненія въ новыхъ владѣніяхъ Московскихъ, завоеванныхъ у Татаръ; разсказавши о казанскихъ дѣлахъ при Іоаннѣ III, Василіи, Іоаннѣ IV, Новосильцевъ говорилъ султану: „Государь нашъ за такія ихъ неправды ходилъ на нихъ ратью, и за ихъ неправды Богъ надъ ними такъ и учинилъ. А которые Казанскіе люди государю нашему правдою служатъ, тѣ и теперь въ государскомъ жалованьи по своимъ мѣстамъ живутъ, а отъ вѣры государь ихъ не отводитъ, мольбищъ ихъ не рушитъ: вотъ теперь государь нашъ посадилъ въ Касимовѣ городкѣ царевича Саинъ-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велѣлъ устроить какъ ведется въ бусурманскомъ законѣ, и ни въ чемъ у него воли государь нашъ не отнялъ: а еслибъ государь нашъ бусурманскій законъ разорялъ, то не велѣлъ бы Саинъ-Булата среди своей земли въ бусурманскомъ законѣ устроивать“. Султанъ въ грамотѣ, присланной съ Новосильцевымъ, требовалъ, чтобъ Астраханскую дорогу отпереть, Русскій городъ, поставленный въ Кабардинской землѣ, покинуть, и отовсюду людей проѣзжихъ пропускать. Въ мартѣ 1571 года отправленъ былъ въ Константинополь новый посолъ, Кузьминскій; царь въ грамотѣ, съ нимъ отправленной, писалъ къ султану: „Желая быть съ тобою впередъ въ братствѣ и любви, мы показали братской любви знамя: городъ съ Терека рѣки, изъ Кабардинской земли велѣли снести и людей своихъ оттуда свести въ Астрахань; а что ты писалъ къ намъ о дорогѣ, то она была заперта для того, что многіе люди ходили воровскимъ обычаемъ, измѣны многія и убытки нашему городу Астрахани дѣлали; но теперь для тебя, брата нашего, дорогу мы отпереть велѣли всякимъ проѣзжимъ людямъ“. Кузьминскому было наказано: „Если станутъ говорить, что въ Астрахани кишени разорили и мертвецовъ грабили, то отвѣчать: это дѣлали безъ государскаго вѣдома воры, боярскіе холопи и козаки“. Кузьминскій долженъ былъ говорить отъ царскаго имени любимцу султанову, Магметъ-пашѣ: „Захочешь нашего жалованья и любви, то послужи намъ, введи

насъ съ своимъ государемъ въ любовь, чтобъ братъ нашъ, Селимъ султанъ, былъ съ нами въ братствѣ и любви, и заодно былъ бы на цесаря Римскаго, и Польскаго короля, и на Чешскаго, и на Французскаго, и на иныхъ королей и на всѣхъ государей Италійскихъ“ (западно-европейскихъ). Но благопріятнаго отвѣта не было: султанъ требовалъ Казани, Астрахани и даже подручничества, а между тѣмъ вѣсти о непріязненныхъ намѣреніяхъ султана и хана продолжали приходить въ Москву; все лѣто 1570 года прошло въ тревогахъ, въ ожиданіяхъ Татарскаго нашествія, войско стояло на Окѣ, самъ Іоаннъ два раза выѣзжалъ къ нему по вѣстямъ о приближеніи хана, но вѣсти оказались ложными, являлись малочисленныя толпы Татаръ, которыя легко были прогоняемы, и въ концѣ сентября бояре приговорили, что станичники, показывая большое непріятельское войско, солгали, что государю самому стоять въ Серпуховѣ не для чего, а постоятъ по берегу воеводы съ недѣлю послѣ 1-го октября, и потомъ разъѣдутся по домамъ. Весною 1571 года тревога возобновилась; воеводы — князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Михайло Ивановичъ Воротынскій, Иванъ Андреевичъ Шуйскій, Иванъ Петровичъ Шуйскій съ 50,000 войска отправились къ Окѣ; царь выступилъ съ опричниною въ Серпуховъ. На этотъ разъ тревога не была мнимая: ханъ, собравши 120,000 войска, пошелъ къ московскимъ украйнамъ; въ степи прибѣжали къ нему дѣти боярскіе—двое изъ Бѣлева, двое изъ Калуги, одинъ изъ Каширы, одинъ изъ Серпухова, и сказали, что „во всѣхъ городахъ московскихъ два года сряду былъ большой голодъ и моръ, много людей померло, а много другихъ государь въ опалѣ побилъ, остальные воинскіе люди и Татары всѣ въ Нѣмецкой землѣ; государя ждутъ въ Серпуховѣ съ опричниною, но людей съ нимъ мало; ты ступай прямо къ Москвѣ: мы проведемъ тебя чрезъ Оку, и если тебѣ до самой Москвы встрѣтится какое-нибудь войско, то вели насъ казнить“. Потомъ прибѣжали къ хану двое новокрещеныхъ Татаръ и сказали ему то же самое. Ханъ пошелъ по указанію измѣнниковъ, и неизвѣстно гдѣ переправился черезъ Оку, станичники, которые прошлаго года въ своихъ извѣстіяхъ даже преувеличивали опасность, теперь, должно быть, молчали; Іоаннъ, отрѣзанный отъ главнаго войска, поспѣшилъ отступить изъ Серпухова въ Бронницы, оттуда въ Александровскую слободу и изъ

слободы въ Ростовъ, какъ то дѣлывали въ подобныхъ случаяхъ и предшественники его, Димитрій Донской, Василій Димитріевичъ; онъ говорилъ объ измѣнѣ, говорилъ, что бояре послали къ хану дѣтей боярскихъ провести его безпрепятственно черезу Оку; князь Мстиславскій признался послѣ въ приведенной выше грамотѣ, что онъ навелъ хана—вотъ все, что мы имѣемъ для объясненія этого дѣла! Какъ бы то ни было, воеводы, узнавши, что ханъ за Окою, предупредили его, пришли въ Москву 23 мая и расположились въ ея предмѣстіяхъ, чтобъ защищать городъ. Татары явились на другой день, 24 мая, въ день Вознесенья, и успѣли зажечь предмѣстія: въ ясный день, при сильномъ вѣтрѣ, въ три часа пожаръ истребилъ сухую громаду деревянныхъ строеній, одинъ только кремль уцѣлѣлъ; по иностраннымъ извѣстіямъ войска и народу погибло до 800,000; допустивъ преувеличеніе при невозможности вѣрнаго счета, вспомнимъ однако, что при вѣсти о Татарахъ въ Москву сбѣжалось много народу изъ окрестностей, что во время пожара бѣжать было некуда: въ полѣ Татары, въ кремль не пускали: всего болѣе, говорятъ, погибло тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самые дальніе отъ непріятеля ворота: здѣсь, собравшись въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, они такъ стѣснились въ воротахъ и прилегавшихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ другъ у друга и верхніе давили нижнихъ. По русскимъ извѣстіямъ, людей погорѣло безчисленное множество; митрополитъ съ духовенствомъ просидѣли въ соборной церкви Успенія; первый бояринъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, задохнулся на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ, другихъ князей, княгинь, боярынь и всякихъ людей кто перечтетъ? Москва рѣка мертвыхъ не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы внизъ по рѣкѣ; хоронили только тѣхъ, у которыхъ были пріятели.

Пожаръ помѣшалъ Татарамъ грабить въ предмѣстіяхъ; осаждать кремль ханъ не рѣшился и ушелъ съ множествомъ плѣнныхъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 150,000, услыхавъ о приближеніи большого русскаго войска. Когда Іоаннъ возвращался въ Москву, то въ селѣ Братовщинѣ, на Троицкой дорогѣ, представили ему гонцовъ Девлетъ-Гиреевыхъ, которые подали царю такую грамоту отъ хана: „Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство применяю къ праху, надѣясь на величество Бо-

жіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бъ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами все свѣтное богатство намъ давать — ненадобно; желаніе наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ". Мы видѣли, какъ тяжела, опасна, несвоевременна была для Іоанна борьба съ Турціею и Крымомъ за Астрахань, какъ онъ и прежде готовъ былъ на важныя уступки, чтобъ только избавиться отъ этой борьбы. Теперъ гибельное нашествіе Девлетъ-Гирея и особенно обстоятельства этого нашествія должны были еще болѣе встревожить царя; успѣхъ надмевалъ хана; нужно было ждать скоро новаго нападенія, и Девлетъ-Гирей дѣйствительно готовился къ нему. Надобно было какъ можно долѣе не допускать его до этого, задержать переговорами, новыми уступками: Іоаннъ возобновилъ прежнія учтивости, въ отвѣтной грамотѣ написалъ челобитье хану: „Ты въ грамотѣ пишешь о войнѣ — отвѣчалъ царь — и если я объ этомъ же стану писать, то къ доброму дѣлу не придемъ. Если ты сердишься за отказъ въ Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотимъ тебѣ уступить, только теперь скоро этому дѣлу статься нельзя: для него должны быть у насъ твои послы, а гонцами такого великаго дѣла сдѣлать невозможно; до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ сроки, и земли нашей не воевалъ". Нагому писалъ Іоаннъ, чтобъ и онъ говорилъ то же самое хану и вельможамъ его: „а разговаривалъ бы ты съ князьями и мурзами въ разговорѣ безъ противорѣчія (не встрѣчно), гладко да челобитьемъ; провѣдывалъ бы ты о томъ накрѣпко: если мы уступимъ хану Астрахань, то какъ онъ на ней посадитъ царя? Нельзя ли такъ сдѣлать: чтобъ ханъ посадилъ въ Астрахани сына своего, а при немъ былъ бы нашъ бояринъ, какъ въ Касимовѣ, а нашимъ людямъ, которые въ Астрахани, насильства никакого не было бы, и дорога въ наше государство изо всѣхъ земель не затворилась бы, и нельзя ли намъ изъ своей руки посадить въ Астрахани ханскаго сына?" Большую уступку противъ принятаго обычая находимъ и въ наказѣ гонцу, отправленному съ этими грамотами въ Крымъ: „Если гонца безъ пошлины къ хану не пустятъ, и государеву дѣлу изъ-за этихъ

пошлинъ станутъ дѣлать поруху, то гонцу дать немного, что у него случится, и за этимъ отъ хана не ходить назадъ, а говорить обо всемъ смирно, съ челобитьемъ, не враздоръ, чтобъ отъ какихъ-нибудь рѣчей гнѣва не было".

На предложеніе Астрахани ханъ отвѣчалъ: „Что намъ Астрахань даешь, а Казани не даешь, и намъ то непригоже кажется: одной и той же рѣки верховье у тебя будетъ, а устью у меня какъ быть!" Въ другой грамотѣ ханъ писалъ: „Теперь у меня дочери двѣ, три на выданьѣ, да у меня же сыновьямъ моимъ царевичамъ двоимъ, троимъ обрѣзанье, ихъ радость будетъ, для этого намъ рухлядь и товаръ надобенъ: чтобъ купить эту рухлядь, мы у тебя просимъ двѣ тысячи рублей: учини дружбу, не *отнѣтываясь*, дай". Мы видѣли, какъ ханъ въ первой грамотѣ своей, написанной послѣ сожженія Москвы, притворился безкорыстнымъ, объявилъ, что не хочетъ богатства всего свѣта, хочетъ только юртовъ бусурманскихъ, воюетъ за вѣру: недолго однако онъ могъ выдерживать, и запросилъ опять денегъ; но Іоаннъ помнилъ хорошо первую грамоту и не упустилъ удобнаго случая поймать хана на словахъ, что очень любилъ; онъ отвѣчалъ гонцу ханскому: „Братъ нашъ Девлетъ-Гирей царь на то не надѣялся бы, что землю нашу воевалъ; сабля сѣчетъ временемъ, а если станетъ часто сѣчь, то притупѣетъ, а иногда и острее у нея изломается; проситъ онъ у насъ Казани и Астрахани: но безъ договора и безъ пословъ какъ такому великому дѣлу статься? А что писалъ онъ къ намъ о великихъ запросахъ, то намъ для чего ему запросы давать? землю нашу онъ вывоевалъ, и земля наша отъ его войны стала пуста, и взять ни съ кого ничего нельзя". Въ грамотѣ же къ хану Іоаннъ писалъ: „Ты въ своей грамотѣ писалъ къ намъ, что въ твоихъ глазахъ казны и богатства праху уподобились: и намъ вопреки твоей грамотѣ какъ можно посылать такіе великіе запросы? что у насъ случилось, двѣсти рублей, то мы и послали къ тебѣ. Іоаннъ разсчитывалъ на характеръ Татаръ, которые при видѣ большихъ денегъ забываютъ обо всякихъ высшихъ интересахъ, и потому послалъ наказъ Нагому—хлопотать у хана и царевичей, чтобъ дѣло о Казани и Астрахани оставили, и въ такомъ случаѣ обѣщать не только Магметъ-Гиреевскіе поминки, но и такіе, какіе посылаетъ король Польскій, даже обѣщать и Магметъ-Гиреевскіе и королевскіе поминки вмѣстѣ.

Но ханъ понялъ намѣреніе Іоанна длить время, мало надѣялся на переговоры, и лѣтомъ 1572 года со 120,000 войска двинулся опять къ Окѣ. Іоаннъ былъ въ Новгородѣ; но на Окѣ, у Серпухова, стояло Русское войско подъ начальствомъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго; ханъ, оставя тутъ двухтысячный отрядъ *травиться* съ Русскими и занимать ихъ, съ главнымъ войскомъ ночью перешелъ Оку; Воротынскій погнался за нимъ, и настигъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, на берегу Лопасни, въ Молодяхъ: здѣсь въ послѣднихъ числахъ іюля и въ первыхъ августа происходило нѣсколько сильныхъ схватокъ, которыя всѣ окончились неудачно для хана, и онъ принужденъ былъ бѣжать назадъ, потерявши много войска. Послѣ этого ханъ перемѣнилъ тонъ и прислалъ сказать Іоанну: „Мнѣ вѣдомо, что у царя и великаго князя земля велика и людей много: въ длину земли его ходъ девять мѣсяцевъ, поперекъ шесть мѣсяцевъ, а мнѣ не дастъ Казани и Астрахани! Если онъ мнѣ эти города отдастъ, то у него и кромѣ нихъ еще много городовъ останется. Не дастъ Казани и Астрахани, то хотя бы далъ одну Астрахань, потому что мнѣ срамъ отъ Турскаго: съ царемъ и великимъ княземъ воюетъ, а ни Казани, ни Астрахани не возьметъ и ничего съ нимъ не сдѣлаетъ! Только царь дастъ мнѣ Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоденъ я не буду: съ лѣвой стороны у меня Литовскій, а съ правой—Черкесы, стану ихъ воевать и отъ нихъ еще сытѣй буду: ходу мнѣ въ тѣ земли только два мѣсяца взадъ и впередъ“. Но Іоаннъ также перемѣнилъ тонъ; онъ отвѣчалъ хану, что не надѣется на его обѣщаніе довольствоваться только Литовскою да Черкесскою землею: „Теперь — писалъ онъ—противъ насъ одна сабля — Крымъ; а тогда Казань будетъ вторая сабля, Астрахань третья, Ногаи четвертая“. Гонцу, отправленному въ Крымъ, опять настрого было запрещено давать поминки, хотя въ грамотахъ продолжалось писаться челобитье. Іоаннъ не переставалъ колоть хана за первую его величавую грамоту о Казани и Астрахани: „Поминки я тебѣ послалъ легкіе — писалъ царь — добрыхъ поминковъ не послалъ: ты писалъ, что тебѣ ненадобны деньги, что богатство для тебя съ прахомъ равно“.[100].

ГЛАВА VI.

Стефанъ Баторій.

Состояніе Польши и Литвы при послѣднемъ Ягеллонѣ. — Смерть Сигизмунда-Августа и вопросъ объ избраніи новаго короля.—Переговоры съ Іоанномъ по этому случаю.—Избраніе Генриха Анжуйскаго.—Его бѣгство изъ Польши.—Новые выборы.—Избраніе Стефана Баторія.—Сношенія Іоанна съ Швецію и война въ Эстоніи и Ливоніи.—Наступательное движеніе Баторія. — Причины его успѣховъ. — Взятіе Полоцка, Сокола и другихъ крѣпостей Баторіемъ; нападеніе Шведовъ съ другой стороны.—Второй походъ Баторія.—Переговоры.—Третій походъ Баторія и осада Пскова.—Іезуитъ Поссевинъ.—Запольское перемиріе.—Разговоръ царя съ Поссевиномъ о вѣрѣ.—Перемиріе съ Швеціею.—Сношеніе съ Англіею о союзѣ.—Сношеніе съ императоромъ и Даніею.— Волненія Черемисскія.

Въ то время, какъ отношенія Іоанна къ Крымскому хану поправились, благодаря стойкости воеводъ московскихъ на берегахъ Лопасни, на западѣ, въ Литвѣ и Польшѣ происходили событія, которыя должны были имѣть великое вліяніе и на судьбы Московскаго государства и на судьбы всей восточной Европы: въ іюлѣ 1572 года умеръ Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ. Слѣдя изначала за отношеніями Польши и Литвы къ Руси мы видѣли происхожденіе и развитіе Польской аристократіи, видѣли возникновеніе шляхетской демократіи, видѣли и слѣдствія этихъ явленій для внутренняго состоянія и для внѣшнихъ отношеній Польши и Литвы при Казимирѣ Ягеллоновичѣ и дѣтяхъ его [101]. Царствованіе Сигизмунда I-го ознаменовалось борьбою между вельможами и шляхтою; и эту борьбу раздувала королева Бона, единоземка Екатерины Медичи и слѣдовавшая въ своемъ поведеніи одинакимъ съ нею правиламъ. Вельможи, чтобъ выдѣлиться изъ шляхты, стре-

мившейся къ уравненію себя съ ними, стали употреблять разныя средства: въ Польшѣ не былъ извѣстенъ княжескій титулъ, ибо потомство Пяста прекратилось все; князья были только въ Литвѣ, вслѣдствіе сильнаго развѣтвленія рода Рюрикова и Гедиминова; въ 1518 году могущественная вельможеская, но не княжеская литовская фамилія Радзивиловъ получила княжескій титулъ отъ нѣмецкаго императора; по примѣру Радзивиловъ многіе вельможи начали пріобрѣтать титулъ графовъ нѣмецкой имперіи; другіе установили майоратъ въ своихъ фамиліяхъ. Неудовольствіе шляхты высказалось, когда Сигизмундъ, по дѣламъ Валахскимъ, объявилъ всеобщее ополченіе служилаго сословія (посполитое рушеніе); шляхта, въ числѣ 150,000 собралась подъ стѣнами Львова и, послѣ сильныхъ волненій, составила грамоту (рокошъ), въ которой прописала всѣ свои обиды и просьбы. Старый король не могъ ее успокоить и принужденъ былъ распустить. Это событіе получило насмѣшливое прозваніе *пѣтушиной войны*. Если вельможи хотѣли выдѣлиться изъ шляхты, то шляхта, съ своей стороны, объявила, что имѣетъ право жизни и смерти надъ подвластнымъ ей сельскимъ народонаселеніемъ; старосты и палатины позволяли себѣ всякого рода насилія относительно городскихъ жителей; представители послѣднихъ были выгоняемы съ сейма шляхтою, которая, съ другой стороны, возставала противъ духовенства.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ-Августъ! Мать, королева Бона, воспитала его согласно съ своими правилами и цѣлями: она ослабила его душевныя силы, держа его постоянно среди женщинъ, не допуская ни до какихъ серіозныхъ занятій. Такое воспитаніе отразилось на поведеніи короля во время его правленія, и онъ былъ прозванъ *король-завтра*, по привычкѣ откладывать и медлить: мы видѣли, какъ эта привычка была выгодна для Іоанна IV-го. Сигизмундъ-Августъ три раза былъ женатъ: первая и третья жена, обѣ изъ австрійскаго дома, не могли привязать его къ себѣ; вторая, любимая жена, Варвара, вдова Гастольдъ урожденная Радзивилъ, которую онъ такъ мужественно отстоялъ противъ сената и сейма, требовавшихъ развода, скоро умерла послѣ своей побѣды и коронаціи; послѣднее время жизни Сигизмундъ-Августъ провелъ окруженный наложницами, которыя его грабили, колдуньями, которыхъ онъ призывалъ для возстановленія силъ, потерянныхъ отъ невоздерж-

ности; когда у него спрашивали, отчего онъ не займется нужными дѣлами, то онъ отвѣчалъ: „Для этихъ соколовъ (такъ онъ называлъ женщинъ) ни за что взяться не могу". Когда король умеръ, то въ казнѣ его не нашлось денегъ, чтобъ заплатить за похороны, не нашлось ни одной золотой цѣпи, ни одного кольца, которыя должно было надѣть на покойника. Но не отъ характера Сигизмунда-Августа только зависѣло внутреннее разстройство его владѣній, медленность въ отправленіяхъ государственной жизни: жажда покоя, изнѣженность, роскошь овладѣли высшимъ сословіемъ; и эта жажда покоя, отвращеніе отъ войны оправдывались политическимъ разсчетомъ — не давать посредствомъ войны усиливаться королевскому значенію, причемъ забыто было положеніе Польши, государства континентальнаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ могущественными сосѣдями. Кардиналъ Коммендоне, посолъ папскій, желая побудить Поляковъ къ войнѣ съ Турками, такъ говорилъ въ сенатѣ: „Не похожи вы стали на предковъ вашихъ: они не на пирахъ за чашами распространили государство, а сидя на коняхъ, трудными подвигами воинскими; они спорили не о томъ, кто больше осушитъ покаловъ, но о томъ, кто кого превзойдетъ въ искусствѣ военномъ" [102]. Тотъ же упадокъ нравственныхъ силъ въ польскихъ вельможахъ, ту же страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ замѣтилъ и московскій выходецъ, князь Курбскій: „Здѣшній король, пишетъ онъ, думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ да о маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, а еслибы даже на небо забился Турокъ, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проспятся, встанутъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены своими женами, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ, за кубки и болтаютъ съ своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ, и походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ Татаръ въ лѣсахъ, какое-нибудь имѣніе или скотъ — все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ". Но грабежомъ не ограничивались; Курбскій не говоритъ намъ того, что говорятъ современные

польскіе писатели; когда, по ихъ свидѣтельству, шляхтичъ убьетъ хлопа, то говоритъ, что убилъ собаку, ибо шляхта считаетъ кметовъ и всѣхъ сельчапъ за собакъ [103].

Послѣднему изъ Ягеллоновъ удалось довершить дѣло, бывшее историческою задачею его династіи: склонить Литву къ вѣчному соединенію съ Польшею. При Сигизмундѣ I стремленіе Литвы къ особности продолжало рѣзко высказываться; въ 1526 году послы отъ вельможъ литовскихъ такъ говорили королю: „Посолъ папскій, отправлявшійся въ Москву, говорилъ здѣсь, что ѣдетъ для склоненія государя московскаго къ принятію католической вѣры, и въ случаѣ, если великій князь согласится па это, то папа дастъ ему королевскій титулъ: но если отецъ святой хочетъ дать королевское достоинство непріятелю нашему, то лучше бы онъ далъ его сыну вашей милости, пану нашему, великому князю литовскому, за важныя услуги ваши и предковъ вашихъ, оказанныя вѣрѣ. Императоръ и папа послали было королевскую корону дядѣ вашему Витовту; но онъ умеръ, не дождавшись короны, которую задержали Поляки и до сихъ поръ отдать не хотятъ, не желая, чтобъ отчинное панство вашей милости получило такую честь. Удивительно намъ, что братья наши, Поляки, не хотятъ намъ, братьямъ своимъ, дать того, чего теперь не запрещаютъ взять Москвѣ. Они хотятъ, чтобы панство вашей милости, великое княжество Литовское, было всегда въ униженіи, чтобъ было присоединено къ коронѣ польской, о чемъ они уже давно хлопочутъ. Покорно просимъ вашу милость не допускать до того чтобы прирожденные слуги ваши стали подданными короны Польской. Объ этомъ ваша милость должны стараться для потомковъ своихъ: выгоднѣе будетъ потомкамъ вашимъ, если отчинное панство ваше будетъ отдѣльно отъ короны польской; такъ и теперь паны литовскіе охотно сына вашего выбрали па государство и присягнули ему, чего паны Поляки и до сихъ поръ сдѣлать не хотятъ; а еслибы великое княжество Литовское было присоединено къ коронѣ польской, то сынъ вашъ еще не былъ бы великимъ княземъ. Покорно просимъ приказать сенаторамъ польскимъ прислать сюда королевскую корону, назначенную для Витовта, чтобы сынъ вашъ могъ быть коронованъ королемъ еще при жизни вашей: потому что когда великое княжество Литовское будетъ королевствомъ, то уже не можетъ быть присоединено къ коронѣ польской, ибо корона въ корону

внесена быть не можетъ. Если же Поляки не согласятся прислать сюда короны, то ваша милость постаралась бы выпросить другую у папы и цесаря, и чего будетъ это стоить, мы охотно поднимемъ и ничего не пожалѣемъ“ [104].

Бездѣтность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить рѣшеніемъ вопроса о вѣчномъ соединеніи Литвы съ Польшею, ибо до сихъ поръ связью между ними служила только Ягеллонова династія. Для приведенія къ концу дѣла надобно было преодолѣть большія затрудненія: въ Литвѣ государствовала аристократія, боявшаяся тѣснаго соединенія съ государствомъ, гдѣ брала перевѣсъ шляхетская демократія; сюда присоединилось давнее соперничество двухъ народовъ: для заключенія договора о вѣчномъ соединеніи Литовцы не хотѣли ѣхать въ Польшу, а Поляки въ Литву. Наконецъ умеръ Николай Черный Радзивилъ, самый могущественный изъ вельможъ литовскихъ и самый сильный противникъ соединенія, и въ 1569 году созванъ былъ сеймъ въ Люблинѣ. Литовцы сначала и тутъ сильно упорствовали; но потомъ должны были согласиться на соединеніе (унію), когда увидѣли, что не поддерживаются Русскими; а Русскимъ было все равно, быть ли въ соединеніи съ Литвою или съ Польшею, ибо литовскіе вельможи вели себя въ отношеніи къ русскому народонаселенію вовсе не такъ, чтобъ могли заслужить его привязанность. Соединеніе послѣдовало явно въ ущербъ Литвѣ, которая должна была уступить Польшѣ Подляхію, Волынь и княжество Кіевское; Ливонія объявлена общею принадлежностію обоихъ государствъ; положено, что король избирается на общемъ сеймѣ; въ сенатѣ засѣдаютъ члены изъ обоихъ народовъ; на сеймахъ также происходятъ совѣщанія сообща.

Но въ то время, какъ, повидимому, дѣло соединенія Литвы съ Польшею было окончено, когда коренныя русскія области были непосредственно соединены съ королевствомъ Польскимъ, въ областяхъ Польши и Литвы все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, которое должно было повести къ отторженію русскихъ областей отъ Польши: распространялся протестантизмъ; это распространеніе вызвало католическое противодѣйствіе; на помощь католицизму явились іезуиты, раздули фанатизмъ въ католикахъ; борьбою съ протестантизмомъ не ограничились, начата была борьба съ православіемъ, которая окончилась отторженіемъ Малороссіи, присоединеніемъ ея къ Россіи Великой или Московскому государству.

Такъ отозвалось въ восточной Европѣ общее европейское движеніе, которымъ начинается новая исторія, движеніе религіозное.

Протестантизмъ началъ распространяться въ Польшѣ и Литвѣ еще при Сигизмундѣ I. Сосѣднія страны, которыя имѣли наиболѣе торговыхъ и политическихъ сношеній съ Польшею и Литвою, Пруссія и Ливонія, приняли торжественно протестантизмъ, отсюда онъ скоро распространился въ среднемъ городскомъ сословіи Польши и Литвы; но и высшее ихъ сословіе не могло долго оставаться нетронутымъ: богатые вельможи польскіе, литовскіе и русскіе путешествовали по всей Европѣ, женились на иностранкахъ протестантскаго исповѣданія, посылали сыновей своихъ въ нѣмецкія школы, гдѣ они напитывались новымъ ученіемъ, привозили съ собою книги, его содержащія. Сигизмундъ I враждебно встрѣтилъ протестантизмъ: онъ подтвердилъ право епископовъ наблюдать за поступками отпадшихъ отъ католицизма, увѣщевать еретиковъ и наказывать ихъ; издалъ постановленіе, по которому всякій, заразившійся ересью, терялъ дворянство, запретилъ вызывать учителей изъ Германіи и молодымъ людямъ посѣщать университеты и школы нѣмецкія. Иначе пошли дѣла при Сигизмундѣ-Августѣ, который былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ различнымъ ея исповѣданіямъ; склонялся то къ тому, то къ другому изъ нихъ, смотря по политическимъ и разнымъ другимъ отношеніямъ. Мы видѣли, что любимою женою его была вторая, Варвара, вдова Гастольдъ, урожденная Радзивилъ. Представителемъ могущественной фамиліи Радзивиловъ въ Литвѣ былъ двоюродный братъ королевы Варвары, Николай Черный Радзивилъ, князь Олицкій и Несвижскій, воевода виленскій, великій маршалъ и канцлеръ литовскій, и этотъ-то первый вельможа, имѣвшій, по родству съ королевою и личнымъ достоинствамъ, могущественное вліяніе на Сигизмунда-Августа, былъ ревностный протестантъ, употреблявшій всѣ свои могущественныя средства для распространенія новаго ученія въ Литвѣ. Онъ ввелъ его въ свои обширныя вотчины и помѣстья, вызвалъ изъ Польши самыхъ знаменитыхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, принималъ подъ свое покровительство всѣхъ отступившихъ отъ католицизма; простой народъ привлекалъ угощеніями и подарками, шляхту королевскими милостями, и такимъ образомъ почти все высшее сословіе приняло протестантизмъ; не съ меньшимъ успѣхомъ распространился онъ и въ городахъ; только

большинство сельскаго народонаселенія оставалось при прежнемъ исповѣданіи, особенно въ русскихъ православныхъ областяхъ. Радзивилу нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ, показать торжественно, что и король на сторонѣ протестантизма; для этого онъ уговорилъ Сигизмунда-Августа въ Вильнѣ поѣхать на богослуженіе въ протестантскую церковь, построенную противъ католической церкви св. Іоанна. Но къ чему одинъ съ сильною волею человѣкъ могъ склонить Сигизмунда-Августа, отъ того другой рѣшительный человѣкъ могъ отвратить его; узнавши что король поѣдетъ въ протестантскую церковь, доминиканецъ Кипріанъ, епископъ литопенскій, суффраганъ виленскій, вышелъ къ нему на встрѣчу, схватилъ за узду лошадь, и сказалъ: „Предки вашего величества ѣздили на молитву не этою дорогою, а тою". Сигизмундъ-Августъ растерялся и принужденъ былъ послѣдовать за Кипріаномъ въ католическую церковь.

Первымъ тяжелымъ ударомъ, который потерпѣлъ протестантизмъ въ Литвѣ, была смерть Николая Чернаго Радзивила, послѣдовавшая въ 1565 году; въ главѣ рода Радзивиловъ и въ главѣ протестантизма сталъ двоюродный братъ покойнаго, Николай рыжій Радзивилъ, но этотъ уже не имѣлъ такого значенія. Вторымъ бѣдствіемъ для протестантизма было внутреннее разъединеніе вслѣдствіе усиленія аріанъ или социніанъ. Между тѣмъ папа Пій V, слыша объ усиленіи протестантизма въ Польшѣ и Литвѣ, отправилъ къ двору Сигизмунда-Августа посла своего Коммендоне. Послѣдній нашелъ дѣла католицизма въ Польшѣ и Литвѣ въ жалкомъ состояніи: во время борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ, какъ протестантизмъ, между епископами католическими господствовала вражда, зависть; двое главныхъ епископовъ, Яковъ Уханскій, архіепископъ Гнѣзненскій и Филиппъ Падневскій, епископъ Краковскій, находились въ открытой враждѣ другъ съ другомъ; притомъ Уханскій оказывалъ явную склонность къ протестантизму, въ надеждѣ, что при торжествѣ послѣдняго, при разрывѣ съ Римомъ, но при сохраненіи іерархіи, онъ, какъ архіепископъ, будетъ независимымъ главою польскаго духовенства. Коммендоне, вывѣдавши состояніе дѣлъ, характеры и отношенія короля и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, началъ, въ тихихъ бесѣдахъ, внушать Сигизмунду-Августу, какъ онъ жалѣетъ объ его судьбѣ и судьбѣ цѣлаго государства, потому что когда разновѣрцы возьмутъ верхъ, то въ буйствѣ сво-

емъ не пощадятъ ничего, ниспровергнутъ всѣ учрежденія, божескія и человѣческія, всѣ права и обычаи, потрясутъ наконецъ и самый тронъ, приводилъ ему примѣръ современной Франціи и Германіи, обуреваемыхъ религіозными войнами вслѣдствіе того, что государи въ самомъ началѣ не подавили еретическихъ ученій. Король, который всего болѣе боялся междоусобныхъ войнъ, принялъ къ сердцу внушенія Коммендоне и охладѣлъ къ протестантизму; этому охлажденію способствовало и поведеніе протестантовъ, которые, желая пріобрѣсти расположеніе шляхты, противились королевскимъ требованіямъ насчетъ большихъ поборовъ, необходимыхъ для успѣшнаго веденія войны съ Москвою. Съ другой стороны на помощь католицизму явилась дружина, съ которою вѣрна была побѣда надъ раздѣленнымъ и потому ослабѣвшимъ протестантизмомъ: эта дружина была іезуиты. Валеріанъ Проташевичъ, епископъ Виленскій, думая о средствахъ, какъ помочь своему дѣлу въ борьбѣ съ ересью, обратился за совѣтомъ къ кардиналу Гозіушу, епископу Варминскому въ Пруссіи, знаменитому предсѣдателю Тридентинскаго собора, считавшемуся однимъ изъ главныхъ столповъ католицизма не въ одной Польшѣ, но и во всей Европѣ. Гозіушъ, совѣтуя всѣмъ польскимъ епископамъ вводить въ свои епархіи іезуитовъ, присовѣтовалъ то же самое и Проташевичу. Тотъ исполнилъ совѣтъ, и въ Вильнѣ былъ основанъ іезуитскій коллегіумъ подъ управленіемъ Станислава Варшевицкаго. Сначала іезуитскія школы мало наполнялись: православные и протестанты не пускали въ нихъ дѣтей своихъ; виленскій капитулъ запрещалъ и католикамъ отдавать дѣтей къ іезуитамъ, боясь, чтобъ его каѳедральное училище не упало; но Варшевицкій не унывалъ, искалъ всюду средства доставить своему коллегіуму уваженіе и силу, дѣйствовалъ неутомимо, училъ въ школахъ, говорилъ проповѣди, проникалъ въ дома значительныхъ иновѣрцевъ для обращенія ихъ къ католицизму, и старанія его начали приносить пользу.

Въ такомъ состояніи находилась Польша и Литва, когда умеръ Сигизмундъ-Августъ и надобно было думать объ избраніи ему преемника; легко понять, какое важное вліяніе при этомъ избраніи должно было имѣть религіозное движеніе. Протестанты, сильные въ сенатѣ и между шляхтою, хотѣли выбрать короля протестанта, или, по крайней мѣрѣ, такого, который далъ бы имъ полную свободу въ отправленіи ихъ богослуженія. Коммендоне видѣлъ эту

опасность для католицизма, и тѣмъ болѣе былъ встревоженъ, что между католиками замѣчалъ совершенное равнодушіе; многіе изъ нихъ смотрѣли на протестантовъ не какъ на еретиковъ, противниковъ истиннаго ученія церкви, но какъ на людей, желающихъ только ограничить чрезмѣрное могущество духовенства. Для достиженія своей цѣли, т.-е. для того, чтобъ новый король былъ католикъ и выбранъ католиками, Коммендоне нашелъ единственное средство въ личныхъ и родовыхъ отношеніяхъ между вельможами, причемъ онъ старался утушать вражду между католиками и поджигать ее между протестантами. Въ челѣ польскаго вельможества стояли тогда Петръ Зборовскій, воевода Сандомирскій, и Янъ Фирлей, маршалокъ великій коронный и воевода Краковскій, оба протестанты. Краковское воеводство, полученное недавно Фирлеемъ, было причиною злой вражды между этими обоими вельможами: ибо и Зборовскій также его добивался, но король Сигизмундъ-Августъ, по просьбамъ любовницы, предпочелъ Фирлея. Этою враждою между Зборовскимъ и Фирлеемъ воспользовался Коммендоне: онъ сталъ внушать Зборовскому, что въ домѣ Фирлея сходятся паны и идетъ тамъ дѣло о томъ, чтобъ Фирлея выбрать въ короли. Зборовскій повѣрилъ, ненависть превозмогла надъ привязанностію къ вѣрѣ, и онъ далъ слово, что хотя онъ и самъ протестантъ, однако не позволитъ, чтобъ престолъ достался протестанту. Между вельможами католиками первое мѣсто занималъ Албертъ Ласкій, знаменитый своимъ воинственнымъ духомъ и потому любимый молодежью: его-то особенно постарался Коммендоне привлечь на свою сторону, и составилъ изъ него, изъ Андрея Зборовскаго и Николая Паца, епископа Кіевскаго, тріумвиратъ, въ которомъ католическая сторона нашла для себя сильную опору и руководство.

Уладивши такимъ образомъ дѣло въ Польшѣ, Коммендоне обратился къ Литвѣ: здѣсь самыя сильныя фамиліи были — Радзивиловъ и Ходкѣвичей, изъ соперничества находившіяся во враждѣ другъ съ другомъ. Мы видѣли, что могущество Радзивиловъ и вмѣстѣ дѣло протестантизма въ Литвѣ поникли вслѣдствіе смерти Николая Чернаго Радзивила, ибо братъ его, Николай Рыжій Радзивилъ, не наслѣдовалъ его значенія; у Чернаго осталось нѣсколько сыновей; старшаго изъ нихъ, Николая Кристофа, который извѣстенъ подъ прозвищемъ Сиротка, отецъ отправилъ въ Германію, для того, чтобъ молодой человѣкъ окрѣпъ тамъ въ протестант-

скомъ ученіи; но когда, по смерти отца, Николай Кристофъ отправился въ Италію, въ Римъ, то прежнее германское вліяніе не могло устоять передъ италіанскимъ, и Радзивилъ возвратился въ Литву католикомъ; младшіе братья послѣдовали примѣру старшаго; но Николай Рыжій и его потомство остались вѣрны протестантизму: такимъ образомъ родъ Радзивиловъ раздѣлился на двѣ линіи—католическую и протестантскую. Янъ Ходкѣвичъ, бывшій прежде протестантомъ, также вслѣдствіе іезуитскаго противодѣйствія и стараній Коммендоне, обратился въ католицизмъ. Коммендоне теперь нужно было только помирить Сиротку Радзивила съ Ходкѣвичемъ, что было сдѣлать легко, ибо личной вражды между ними, какъ у Фирлея съ Зборовскимъ, не было. Приготовивши сильныя средства для избранія короля-католика въ Польшѣ и Литвѣ, Коммендоне началъ внушать, что всего лучше выбрать одного изъ сыновей императора Максимиліана, въ Литвѣ и Радзивилъ и Ходкѣвичъ были согласны на это: Радзивилъ по давней связи своего рода съ австрійскимъ домомъ, Ходкѣвичъ изъ боязни, чтобъ выборъ не палъ на царя московскаго, къ которому онъ питалъ сильное нерасположеніе, предводительствуя постоянно литовскими войсками, дѣйствовавшими противъ Москвы. Но Радзивилъ и Ходкѣвичъ одни не могли помѣшать избранію царя или царевича московскаго: еще въ 1564 году Коммендоне доносилъ въ Римъ, что всѣ жители Кіева благопріятствуютъ московскому государю по причинѣ вѣры; по смерти Сигизмунда-Августа онъ доносилъ также о движеніи православнаго народонаселенія въ Литвѣ въ пользу царя московскаго; до насъ дошла любопытная статья, составленная аббатомъ Джіованни, въ которой исчисляются всѣ побужденія къ избранію московскаго царя и всѣ препятствія къ этому: препятствуетъ избранію царя вопервыхъ то, что онъ постоянно враждовалъ съ короною Польскою и оскорблялъ ее тѣмъ, что завоевалъ два княжества въ Литвѣ; вторымъ препятствіемъ служитъ греческая вѣра имъ исповѣдуемая; третьимъ суровость права, жестокое обращеніе съ боярами; будутъ препятствовать ему также императоръ германскій и султанъ турецкій: каждый изъ нихъ боится имѣть его въ сосѣдствѣ, особенно Турокъ, который не захочетъ имѣть въ сосѣдствѣ государя могущественнаго и воинственнаго, и, что всего опаснѣе, государя греческой вѣры, способнаго слѣдовательно возбуждать греческое народонаселеніе къ возстанію

противъ Турокъ; наконецъ препятствуетъ выбору царя у Поляковъ мысль, что средоточіе и величество цѣлаго государства перенесутся въ Москву. Напротивъ, къ выбору царя побуждаютъ: его могущество, возможность доставить безопасность и спокойствіе Литвѣ; сходство языка и обычаевъ; одни враги — Татары и Германская имперія; примѣръ Ягайла, великаго князя литовскаго, который, будучи избранъ въ короли, изъ врага Польши и язычника сталъ другомъ и христіаниномъ. Примѣръ того же Ягайла заставляетъ надѣяться, что царь болѣе будетъ жить въ Польшѣ, чѣмъ въ Москвѣ, ибо сѣверные жители всегда стремятся къ южнымъ странамъ; притомъ же стремленіе расширить или охранить свои предѣлы на югозападѣ, въ сторонѣ Турціи или Германской имперіи, заставитъ царя жить болѣе въ Польшѣ, можно обязать его клятвою не нарушать законовъ и правъ польской шляхты, какъ было сдѣлано съ Ягайломъ. Что же касается до греческой вѣры, то протестанты не обращаютъ на это никакого вниманія; притомъ же государь московскій хотѣлъ нѣкогда соединиться съ латинскою церковію. Наконецъ у него много денегъ, посредствомъ которыхъ онъ можетъ пріобрѣсти себѣ много доброжелателей.

Такъ думали сначала въ Польшѣ, но потомъ согласнѣе были на выборъ царевича Θеодора, чѣмъ самого царя; этимъ выборомъ удовлетворилось православное народонаселеніе; онъ не былъ противенъ протестантамъ; Литва пріобрѣтала безопасность со стороны Москвы, а между тѣмъ избавлялась отъ непосредственныхъ отношеній къ Іоанну, котораго характеръ былъ извѣстенъ въ Польшѣ, еще извѣстнѣе въ Литвѣ. Давши знать царю чрезъ гонца Воропая о смерти Сигизмунда-Августа, польская и литовская рада тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть царевича Θеодора королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Іоаннъ, по обычаю, самъ отвѣчалъ Воропаю длинною рѣчью: „Пришелъ ты ко мнѣ отъ пановъ своихъ польскихъ и литовскихъ, и принесъ мнѣ отъ нихъ грамоту съ извѣщеніемъ, что братъ мой Сигизмундъ-Августъ умеръ, о чемъ я и прежде слышалъ да не вѣрилъ, потому что насъ, государей христіанскихъ, часто морятъ, а мы все до воли Божіей живемъ. Но теперь уже я вѣрю и жалѣю о смерти брата моего; особенно же жалѣю о томъ, что отошелъ онъ къ Господу Богу, не оставивши по себѣ ни брата, ни сына, который бы позаботился объ его душѣ и о тѣлѣ, по королевскому достоинству.

Ваши паны польскіе и литовскіе теперь безъ главы; потому что, хотя въ коронѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ и много головъ, однако одной доброй головы нѣтъ, которая бы всѣми управляла, къ которой бы всѣ вы могли прибѣгать, какъ потоки или воды къ морю стекаютъ. Не малое время были мы съ братомъ своимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ ссорѣ; но потомъ дѣло начало было клониться и къ доброй пріязни между нами. Прежде чѣмъ пріязнь эта окончательно утвердилась, Господь Богъ взялъ его къ себѣ; за нашимъ несогласіемъ басурманская рука высится, а христіанская низится и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь безъ государя, захотятъ меня взять въ государи, то увидятъ какого получатъ во мнѣ защитника и добраго государя, сила поганская тогда выситься не будетъ; да не только поганство, Римъ и ни одно королевство противъ насъ не устоитъ, когда земли ваши будутъ одно съ нашими. Въ вашей землѣ многіе говорятъ, что я золъ: правда, я золъ и гнѣвливъ, не хвалюся; однако пусть спросятъ меня, на кого я золъ? Я отвѣчу, что кто противъ меня золъ, на того и я золъ, а кто добръ, тому не пожалѣю отдать и эту цѣпь съ себя и это платье". Тутъ Малюта Скуратовъ прервалъ его: „Царь и государь преславный!" сказалъ онъ, „казна твоя не убога, въ ней найдешь, кого чѣмъ подарить".— Іоаннъ продолжалъ: „Паны польскіе и литовскіе знаютъ о богатствѣ дѣда и отца моего: но я вдвое богаче ихъ казною и землями. Неудивительно, что ваши паны людей своихъ любятъ, потому что и тѣ пановъ своихъ любятъ; а мои люди подвели меня къ крымскимъ Татарамъ, которыхъ было 40,000, а со мною только 6,000: ровно ли это? Притомъ же я ничего не зналъ: хотя передо мною и шли шестеро воеводъ съ большими силами, но они не дали мнѣ знать о Татарахъ: хотя бы моимъ воеводамъ и трудно было одолѣть такого многочисленнаго непріятеля, однако пусть бы, потерявши нѣсколько тысячъ своихъ людей, принесли ко мнѣ хотя бичъ или плеть татарскую: я и то съ благодарностью бы принялъ. Я не силы татарской боялся, но видѣлъ измѣну своихъ людей, и потому своротилъ немного на сторону отъ Татаръ. Въ это время Татары вторглись въ Москву, которую можно было бы оборонить и съ тысячью человѣкъ: но когда большіе люди оборонять не хотѣли, то меньшимъ какъ было это сдѣлать? Москву уже сожгли, а я ничего объ этомъ не зналъ. Такъ разумѣй, ка-

кова была измѣна моихъ людей противъ меня! Если кто и былъ послѣ этого казненъ, то казненъ за свою вину. Спрашиваю тебя: у васъ измѣнника казнятъ или милуютъ? Думаю, что казнятъ. Вотъ у васъ въ Вильнѣ Викторинъ, который ко мнѣ писалъ, но я ему не отвѣчалъ. Взвели на меня, будто я этого Викторина подучалъ извести брата моего: но Богъ свидѣтель, что я объ этомъ не думалъ и Викторину не приказывалъ, а если онъ ко мнѣ и писалъ объ этомъ, то письмо его до меня не дошло; Викторина схватили и казнили; видишь, что и въ вашихъ земляхъ измѣнниковъ не милуютъ. Такъ скажи панамъ польскимъ и литовскимъ, чтобъ посовѣтовавшись между собою обо всемъ и уговорившись, отправляли скорѣе ко мнѣ пословъ. А если Богу будетъ угодно, чтобъ я былъ ихъ государемъ, то напередъ обѣщаю Богу и имъ, что сохраню всѣ ихъ права и вольности и, смотря по надобности, дамъ бо́льшія. Я о своей добротѣ или злости говорить не хочу; еслибы паны польскіе и литовскіе ко мнѣ или къ дѣтямъ моимъ своихъ сыновей на службу присылали, то узнали бы, какъ я золъ и какъ я добръ. Пусть не дивятся тому, что измѣнники мои говорятъ обо мнѣ: у нихъ уже такой обычай говорить о государяхъ своихъ дурно; какъ бы я ихъ ни учестилъ и ни обдарилъ, они все не перестанутъ говорить обо мнѣ дурно. Есть люди, которые пріѣхали изъ моей земли въ вашу: надобно бояться, чтобъ не ушли они въ другую землю, въ орду или въ Турцію, если почуютъ, что паны польскіе и литовскіе хотятъ взять меня въ государи. Пусть паны ваши постараются задержать ихъ; а я, клянусь Богомъ, не буду имъ мстить. Курбскій къ вамъ пріѣхалъ: онъ отнялъ у него (указывая на старшаго сына) мать, а у меня жену; а я свидѣтельствуюсь Богомъ, не думалъ его казнить, хотѣлъ только посбавить у него чиновъ, уряды отобрать, и потомъ помиловать; а онъ, испугавшись, отъѣхалъ въ Литву. Пусть паны ваши отнимутъ у него уряды и смотрятъ, чтобъ онъ куда-нибудь не ушелъ. Что касается до Ливоніи, то, когда буду вашимъ государемъ, Ливонія, Москва, Новгородъ и Псковъ одно будутъ. А если меня въ государи взять не захотятъ, то пусть пріѣзжаютъ ко мнѣ великіе послы для добраго постановленія. Я за Полоцкъ не стою и со всѣми его пригородами уступлю и свое Московское, пусть только уступятъ мнѣ Ливонію по Двину; и заключимъ мы вѣчный миръ съ Литвою; я и на дѣтей своихъ наложу клятву, чтобъ не вели войны съ Литвою, пока

родъ нашъ не прекратится. А если паны хотятъ взять себѣ въ государи кого-нибудь изъ сыновей моихъ, то ихъ у меня только два, какъ два глаза у головы; отдать котораго-нибудь изъ нихъ все равно, что изъ человѣка сердце вырвать. Есть въ вашей землѣ польскіе и литовскіе люди вѣры Мартына Лютера, которые образа истребляютъ: имъ не хочется имѣть меня государемъ. Но я объ нихъ ничего не буду говорить, потому что священное писаніе дано не на брань и не на гнѣвъ, а на тихость и покорность. Не забудь сказать панамъ своимъ польскимъ и литовскимъ, чтобъ отправляли сюда пословъ своихъ немедленно, людей добрыхъ, чтобъ изъ добраго постановленія не вышло дурного."

Изъ этихъ словъ Іоанна прежде всего оказывается, что онъ въ это время хотѣлъ быть избраннымъ въ короли: отсюда стараніе отклонить отъ себя упрекъ въ бѣгствѣ предъ ханомъ, оправдать жестокость свою относительно бояръ. Въ Польшѣ и Литвѣ, при жизни еще Сигизмунда-Августа и тотчасъ по смерти его многіе могли также желать избранія Іоанна въ короли, разсуждали при этомъ о полезныхъ и вредныхъ слѣдствіяхъ такого избранія, взвѣшивали ихъ; находя важныя препятствія въ характерѣ Іоанна, въ трудности соединить интересы двухъ самостоятельныхъ государствъ, при управленіи однимъ государемъ, обращались къ одному изъ сыновей Іоанновыхъ; но при этомъ упускали изъ вниманія главное: невозможность согласить выгоды обоихъ государствъ при самомъ соединеніи; разсуждая о выборѣ Іоанна или сына его, смотрѣли на Москву и Литву какъ на государства, неимѣвшія до сихъ поръ никакихъ столкновеній между собою, или думали, что Іоаннъ, прельщенный честію видѣть себя или одного изъ сыновей своихъ на Польскомъ престолѣ, согласится на всѣ уступки въ пользу Литвы; естественно было и самому Іоанну въ началѣ смотрѣть на дѣло такимъ же образомъ; главное препятствіе къ избранію онъ находилъ въ своемъ характерѣ, въ поведеніи относительно бояръ, которое должно было прежде всего безпокоить вельможъ польскихъ и литовскихъ, привыкшихъ къ совершенно иному порядку вещей; онъ думалъ, что обѣщаніемъ сохранить ненарушимо и даже распространять права и вольности пановъ и шляхты и извиненіемъ своей гнѣвливости боярскою измѣною, онъ отстранитъ самыя важныя препятствія къ избранію, и упускалъ изъ виду главное: соглашеніе выгодъ Москвы и Литвы; или думалъ, что Польша и Лит-

ва, прельщенныя выгодами имѣть королемъ такого могущественнаго государя, какъ онъ, согласятся на его требованія, тѣмъ болѣе, что онъ старался, по возможности, умѣрять эти требованія. Но скоро обнаружилось, что было главное въ дѣлѣ, что преимущественно препятствовало избранію? То же, что давно уже было непреодолимымъ препятствіемъ къ заключенію вѣчнаго мира между Москвою и Литвою: спорныя земли, число которыхъ увеличилось теперь Ливоніею. Іоаннъ хотѣлъ самъ быть королемъ: здѣсь прельщала его мысль о возможности вѣчнаго тѣснаго соединенія трехъ державъ; но рада польская и литовская преимущественно указывали ему на сына его, избраніе же послѣдняго не могло ничѣмъ прельстить Іоанна, ибо кто могъ поручиться, что по смерти его война между родными братьями не вспыхнула бы гораздо сильнѣе чѣмъ между государями, совершенно чуждыми другъ другу? Отъ пріѣзда Воропая до пріѣзда новаго посла литовскаго, Гарабурды, прошло мѣсяцевъ шесть: Іоаннъ имѣлъ время подумать о дѣлѣ, которое и представилось ему уже въ иномъ видѣ. Избраніе сына представлялось ему столь же невыгоднымъ какъ и прежде; собственное избраніе представило ему новыя трудности: онъ долженъ былъ управлять двумя самостоятельными государствами, переѣзжать изъ одного въ другое; и у себя, въ Московскомъ государствѣ, боялся онъ измѣны боярской, окружилъ себя опричниною, а теперь долженъ будетъ ѣхать въ Польшу, отдать себя въ руки своевольнымъ панамъ и шляхтѣ, подъ конецъ жизни подчиниться тому, что противорѣчило стремленіямъ всей его жизни. Отсюда естественно должно было у него родиться желаніе быть избраннымъ только въ великіе князья Литовскіе отдѣльно отъ Польши. Здѣсь уничтожалось главное препятствіе относительно сопоставленія двухъ государствъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло уступить первенства другому, ибо Литва, привыкнувъ занимать второстепенное положеніе при Польшѣ, легко могла занять такое же при соединеніи съ царствомъ московскимъ; притомъ въ Литвѣ преимуществовалъ элементъ русскій; большую часть великаго княжества составляли земли, которыя Іоаннъ считалъ своими отчинами; по многочисленности православнаго народонаселенія дать здѣсь господство православію было легко; вслѣдствіе близости и второстепеннаго положенія Литвы управлять ею и ладить съ панами было легче.

Но если дѣло избранія самому Іоанну представлялось уже иначе, то въ Польшѣ и Литвѣ желаніе видѣть его королемъ не могло усиливаться: другіе государи, желавшіе избранія, отправили въ Польшу пословъ, которые и поддерживали ихъ дѣло; мы видѣли какъ дѣйствовалъ Коммендонс для того, чтобъ былъ избранъ король-католикъ; но Іоаннъ ждалъ къ себѣ пословъ польскихъ и литовскихъ, и никакъ не хотѣлъ унижаться до искательства и просьбъ. Православное народонаселеніе Литвы желало видѣть королемъ Іоанна, но оно не могло имѣть перевѣса на сеймѣ; притомъ же въ это время религіозный интересъ православнаго народонаселенія не былъ затронутъ, и потому не стоялъ на первомъ планѣ; другіе интересы преобладали.

Іоаннъ, какъ мы видѣли, наказывалъ Воронаю, чтобъ рада польская и литовская немедленно прислали къ нему уполномоченныхъ для окончательныхъ переговоровъ; литовская рада тотчасъ же дала знать польской объ этомъ требованіи царя съ просьбою удовлетворить ему какъ можно скорѣе, потому что замедленіе можетъ грозить большою опасностію для Литвы. Но прошелъ 1572 годъ, и польскіе уполномоченные не являлись; въ началѣ 1573 литовская рада принуждена была отправить къ Іоанну отъ одной себя посла Михаила Гарабурду. Послѣдній оправдывалъ медленность пановъ моровымъ повѣтріемъ, распространившимся въ Польшѣ и Литвѣ, которое помѣшало имъ съѣзжаться, объявилъ, что литовскіе паны сами хотятъ и польскихъ пановъ будутъ приводить на то, чтобъ избранъ былъ или самъ царь, или сынъ его Ѳеодоръ, и потому просилъ Іоанна дать рѣшительный отвѣтъ, самъ ли онъ хочетъ быть избранъ въ короли, или дать сына; въ обоихъ случаяхъ необходимо обязательство въ ненарушеніи правъ и вольностей шляхетскихъ; при опредѣленіи границъ между государствами Іоаннъ долженъ уступить Литвѣ четыре города—Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище; если же царевичъ Ѳеодоръ будетъ избранъ въ короли, то отецъ долженъ дать ему еще нѣсколько городовъ и волостей.— Іоанну не понравились рѣчи Гарабурды; онъ отвѣчалъ ему: „Ты говорилъ, что паны радные такъ долго не присылали къ намъ по причинѣ мороваго повѣтрія: это воля Божія; а надобно было бы панамъ подумать, чтобъ дѣло поскорѣе уладить, потому что безъ государя землѣ быть невыгодно. Паны радные литовскіе не хотятъ выбирать себѣ государя безъ короны польской—на то ихъ воля.

Ты говорилъ о подтвержденіи правъ и вольностей: дѣло извѣстное, что въ какихъ земляхъ какіе обычаи есть, отмѣнять ихъ не годится. Ты говорилъ, чтобъ мы возвратили Литвѣ Смоленскъ и Полоцкъ, Усвятъ и Озерище. Это пустое: для чего намъ уменьшать свое государство? Хорошо государства увеличивать, а не уменьшать. Для чего я вамъ дамъ сына своего, князя Ѳеодора, къ убытку для своего государства? Хотятъ, чтобъ я далъ сыну еще другіе города и волости: но и безъ нашихъ городовъ и волостей въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ много есть городовъ и волостей, доходами съ которыхъ мы и сынъ нашъ можемъ содержать свой дворъ. И то по нашему не годится, что по смерти государя государство не принадлежитъ потомкамъ его, что корона Польская и великое княжество Литовское не будутъ въ соединеніи съ государствомъ Московскимъ; такъ нельзя, такъ мы сына своего Ѳеодора не дадимъ. Знаемъ, что цесарь и король французскій прислали къ вамъ: но намъ это не примѣръ, потому что кромѣ насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно чрезъ двѣсти лѣтъ; потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно. Корона польская и великое княжество Литовское государства не голыя, пробыть на нихъ можно, а нашъ сынъ не дѣвка, чтобъ за нимъ еще приданое давать. Если паны радные польскіе и литовскіе хотятъ нашей пріязни, то прежде всего пусть пишутъ титулъ нашъ сполна, потому что мы наше царское имя получили отъ предковъ своихъ, а не у чужихъ взяли. Вовторыхъ, если Богъ возьметъ сына нашего Ѳеодора съ этого свѣта и останутся у него дѣти, то чтобы корона Польская и великое княжество Литовское мимо дѣтей сына нашего другого государя не искали; а не будетъ у нашего сына дѣтей, то Польша и Литва отъ нашего рода не отрывались бы; и если кто изъ нашего рода умретъ, тѣло его привозить для погребенія сюда. А наши дѣти и потомки, кто будетъ на коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ нарушать не будутъ; и пусть Польша и Литва соединятся съ нашимъ государствомъ, и въ титулѣ нашемъ писалось бы напередъ королевство Московское, потомъ корона Польская и великое княжество Литовское; стоять и обороняться отъ всѣхъ непрія-

телей имъ заодно, а Кіевъ для нашего царскаго именованія уступить нашему государству. Что прежде наша отчина была по рѣку Березыню, того мы, для покою христіанскаго, отступаемся, но Полоцкъ со всѣми пригородами и вся земля Ливонская въ нашу сторону, къ государству Московскому, и безъ этихъ условій сына нашего Θедора отпустить къ вамъ на государство нельзя; къ тому же онъ несовершеннолѣтній, противъ непріятелей стоять не можетъ. Что же касается до вѣчнаго мира, то мы хотимъ его на такихъ условіяхъ: Полоцкъ со всѣми пригородами и Курляндія къ Литвѣ, а Ливонія къ Москвѣ; Двина будетъ границею, а Полоцку и его пригородамъ съ нашими землями граница будетъ по старымъ межамъ; и быть бы всѣмъ тремъ государствамъ на всѣхъ непріятелей заодно, а въ короли выбрать цесарскаго сына, который долженъ быть съ нами въ братствѣ и подтвердить вѣчный миръ; мы готовы жить съ цесарскимъ сыномъ точно такъ же, какъ бы жили съ своимъ сыномъ Θедоромъ, еслибъ дали его вамъ въ государи. Знаю, что нѣкоторые изъ Поляковъ и изъ нашихъ хотятъ выбрать меня самого въ короли, а не сына моего: и гораздо лучше, еслибъ я самъ былъ вашимъ государемъ". Гарабурда отвѣчалъ на это, „что паны и шляхта рады выбрать его въ государи, но чтобы онъ объявилъ, какъ этому статься? онъ долженъ будетъ безпрестанно переѣзжать изъ одного государства въ другое, и все по отдаленности не будетъ въ состояніи надлежащимъ образомъ оборонять свои государства; большое будетъ затрудненіе и относительно суда королевскаго; наконецъ безъ принятія римской вѣры онъ не можетъ быть коронованъ". Царь велѣлъ ему пріѣзжать за отвѣтомъ на другой день, и когда посолъ явился, сталъ опять ему говорить: „Мы на Московскомъ королевствѣ, въ Польшѣ и Литвѣ государемъ быть хотимъ, и управлять всѣми этими государствами можемъ, и, пріѣзжая, по нѣскольку времени оставаться въ каждомъ. Причины, тобою приведенныя, дѣлу не мѣшаютъ; въ титулѣ нашемъ стоять прежде королевству Московскому, потомъ Польшѣ и Литвѣ; а для имени написать къ Московскому государству Кіевъ одинъ, безъ пригородовъ; Полоцкъ съ пригородами и Курляндію къ Литвѣ, а Ливонію къ нашему государству Московскому; полный титулъ будетъ такой: „Божіею милостію господарь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, Кіевскій, Владимірскій, Московскій, король Польскій и великій

князь Литовскій и великій князь Русскій, великаго Новгорода, царь Казанскій, царь Астраханскій", а потомъ расписать области русскія, польскія и литовскія по старшинству. Вѣрѣ нашей быть въ почетѣ; церкви въ нашихъ замкахъ, волостяхъ и дворахъ, каменныя и деревянныя, вольно намъ ставить; митрополитовъ и владыкъ почитать намъ по нашему обычаю; правъ и вольностей панскихъ и шляхетскихъ не нарушать, а увеличивать. Вольно намъ будетъ въ старости отойти въ монастырь и тогда паны и вся земля выбираютъ себѣ въ государи изъ нашихъ сыновей, который имъ будетъ любъ; а самъ я неугоднаго имъ назначать не буду. А еслибы великое княжество Литовское захотѣло нашего государствованія одно, безъ короны Польской, то намъ еще пріятнѣе. Мы на великомъ княжествѣ Литовскомъ быть хотимъ: хотимъ держать государство Московское и великое княжество Литовское за одно, какъ были прежде Польша и Литва; титулъ нашъ будетъ какъ прежде было сказано; а которыя земли литовскія забраны къ коронѣ Польской, тѣ будемъ отыскивать и присоединимъ ихъ къ Литвѣ, кромѣ одного Кіева, который долженъ отойти къ Москвѣ. Еще надобно уговориться о дворовыхъ людяхъ, безъ которыхъ я не могу ѣхать въ Польшу и Литву: этихъ людей немного (опричнина). И то еще тебѣ объявляю, что буду ѣздить въ Польшу и Литву не одинъ, а съ дѣтьми, потому что они по лѣтамъ своимъ еще не могутъ безъ насъ оставаться; доходятъ до насъ слухи изъ вашихъ сторонъ, что Поляки и Литовцы хотятъ взять у насъ сына обманомъ, чтобъ отдать его турецкому. Не знаю, правда ли это, или злые люди выдумали: только я долженъ тебѣ объ этомъ объявить, потому что теперь хочу все высказать. Особенно объявляю тебѣ то, что я ужь старѣю, и въ такія три обширныя государства ѣздить мнѣ для управленія трудно: такъ лучше было бы, еслибы Польша и Литва взяли въ государи цесарскаго сына, а съ нами заключили вѣчный миръ, на условіяхъ, какія я уже сказалъ; и намъ это было бы спокойнѣе, да и землямъ также. Но если Польша и Литва не хотятъ цесарскаго сына, а хотятъ насъ, то мы согласны быть ихъ государемъ; только паны должны дать присягу и грамоту, что имъ надъ нами и надъ нашими дѣтьми ничего дурнаго не дѣлать и ни одного государя противъ насъ неподводить, ни въ какое государство насъ не выдать, и никакой хитрости не замышлять, чтобъ намъ и дѣ-

тямъ нашимъ можно было безпечно пріѣзжать для разныхъ дѣлъ въ Польшу и Литву, какъ въ свою землю. А если и одно великое княжество Литовское, безъ Польши, захочетъ нашего государствованія, то это намъ еще пріятнѣе. Скажи панамъ раднымъ, чтобъ не выбирали въ короли Француза, потому что онъ будетъ больше желать добра турецкому, чѣмъ христіанству; а если возьмете Француза, то вы, Литва, знайте, что мнѣ надъ вами промышлять. Еще объявляю тебѣ: изъ вашихъ земель многіе писали ко мнѣ, чтобъ я шелъ съ войскомъ къ Полоцку, а тогда вы будете намъ бить челомъ, чтобъ, не пустоша земли, былъ я вашимъ государемъ. Другіе писали такія вещи, которыя къ дѣлу нейдутъ, иные просили у насъ денегъ и соболей, за что обѣщали хлопотать, чтобъ сынъ нашъ былъ выбранъ въ короли; скажи это панамъ раднымъ".—Когда Гарабурда уже совсѣмъ былъ готовъ отправиться въ обратный путь, пришли къ нему: окольничій Умный-Колычовъ, думный дворянинъ Плещеевъ, дьяки—Андрей и Василій Щелкаловы, и сказали отъ имени Іоанна. „Если великое княжество Литовское хочетъ видѣть его своимъ государемъ, то онъ на это согласенъ; и будьте покойны, Польши не бойтесь: господарь помиритъ съ нею Литву". Потомъ изъ Новгорода присланы были пункты (главизны), о которыхъ статьяхъ писарю Гарабурдѣ не изъявлено: 1) короноваться и ставиться на корону Польскую и в. к. Литовское государю нашему по христіанскому обычаю, отъ архіепископовъ и епископовъ, и римскаго закона бискупамъ по римскому закону въ то время не дѣйствовать, а быть бискупамъ въ своемъ чину съ панами радными. 2) Божьимъ судомъ царское величество и его сынъ царевичъ Иванъ Ивановичъ не имѣютъ у себя супругъ, а царевичъ князь Ѳедоръ Ивановичъ приближается къ тому возрасту, когда жениться надобно: такъ паны радные волю бы дали царскому величеству въ Русскомъ царствѣ, въ коронѣ Польской и в. к. Литовскомъ выбирать и высматривать изъ подданныхъ кого пригоже по ихъ государскому чину. А у государей жениться царскому величеству нейдетъ, къ пожитью несхоже, потому что такъ высмотрѣть напередъ нельзя. А если выйдетъ такой случай, что можно будетъ жениться и на государской дочери, то царское величество будетъ говорить о томъ съ панами радными. А у государей нашихъ издавна ведется, что выбираютъ и высматриваютъ себѣ въ супруги изъ подданныхъ своихъ. 3) Когда государь прі-

ѣдетъ съ своими дѣтьми на корону Польскую, и учинится мятежъ между государемъ и землею, и помириться нельзя будетъ, то паны должны отпустить царя и дѣтей его безо всякой зацѣпки.

Рѣчи Іоанна Гарабурдѣ, высказавшееся въ нихъ колебаніе, желаніе и нежеланіе быть выбраннымъ, условія выбора, предложенныя царемъ, явное нежеланіе дать сына въ короли — все это не могло усилить московскую сторону на сеймѣ; послы московскіе не являлись съ льстивыми словами, обѣщаніями и подарками для пановъ — и Ходкѣвичу легко было заглушить голосъ приверженцевъ царя. Сторона, хотѣвшая императора Максимиліана или сына его Эрнеста, также не могла осилить: причиною неуспѣха была, вопервыхъ, медленность Максимиліана; и онъ думалъ сначала, что не онъ Поляковъ, но Поляки будутъ просить его принять ихъ корону; потомъ, когда были имъ высланы великіе послы, Розенбергъ и Перштейнъ, то они уже не могли поправить дѣла, и кромѣ того — не хотѣли: оба посла были Чехи, свита ихъ состояла также изъ Чеховъ; подружившись съ Поляками на частыхъ пирушкахъ, Чехи стали вспоминать, что и они прежде пользовались такими же вольностями, какія теперь въ Польшѣ, но домъ австрійскій отнялъ ихъ у нихъ и утѣсняетъ ихъ поборами, хочетъ истребить ихъ языкъ, и, какъ братья, предостерегали Поляковъ, чтобы они береглись австрійскаго ига. Послы отъ князей имперскихъ, явно хлопоча за Эрнеста, сына Максимиліанова, тайно совѣтовали Полякамъ совершенно иное; къ этому присоединялось еще извѣстное нерасположеніе Поляковъ къ Австрійскому дому. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было французскому послу Монлюку составить многочисленную и сильную сторону для Генриха Анжуйскаго, брата французскаго короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Въ публичной рѣчи своей Монлюкъ не щадилъ лести Полякамъ, называлъ государство ихъ оградою христіанства, хвалилъ ихъ обычаи, утверждалъ, что Французы и Поляки похожи другъ на друга болѣе всѣхъ другихъ народовъ; не былъ скупъ и на обѣщанія: по его словамъ, Генрихъ заведетъ флотъ, посредствомъ котораго всего скорѣе воспрепятствуетъ Нарвской торговлѣ; приведетъ въ цвѣтущее состояніе Краковскую академію, снабдивши ее учеными людьми; отправитъ на свой счетъ въ Парижъ сто польскихъ шляхтичей для занятія науками; наберетъ для польской службы отрядъ гасконскихъ стрѣл-

ковъ. Начались совѣщанія; послышались голоса въ пользу избранія одного изъ своихъ; но противъ этого избранія вооружился славный своими талантами, краснорѣчіемъ, ученостію Янъ Замойскій, староста Бѣльзскій, приверженецъ шляхетскаго равенства, приверженецъ французскаго принца. При подачѣ голосовъ большинство оказалось за Генрихомъ; Монлюкъ поспѣшилъ присягнуть за него въ сохраненіи условій, знаменитыхъ Pacta Conventa; волновались протестанты подъ предводительствомъ Фирлея: имъ, разумѣется, не хотѣлось имѣть королемъ брата Карла IX и ждать повторенія Варѳоломеевской ночи въ Краковѣ или Варшавѣ; но Монлюкъ успокоилъ и протестантовъ, давши за Генриха присягу въ сохраненіи всѣхъ ихъ правъ и вольностей. Въ августѣ 1573 года двадцать польскихъ пословъ, въ сопровожденіи 150 человѣкъ шляхты, пріѣхали въ Парижъ за Генрихомъ. Начали говорить объ условіяхъ: Поляки потребовали, чтобъ не только Генрихъ подтвердилъ право протестантовъ польскихъ, но чтобъ и французскіе гугеноты получили свободу вѣроисповѣданія, ибо таково было обѣщаніе Монлюка; спросили послѣдняго, какъ онъ могъ, мимо наказа, давать подобныя обѣщанія? Монлюкъ отвѣчалъ, что дѣйствительно не имѣлъ объ этомъ наказа, но принужденъ былъ обѣщать, чтобъ заградить уста непріятелямъ Франціи, чтобъ успокоить протестантовъ, взволнованныхъ вѣстями о Варѳоломеевской рѣзнѣ; другіе послы, желая помѣшать избранію Генриха, разглашали, что онъ принималъ участіе въ убійствахъ; онъ, Монлюкъ, отвергалъ это, увѣряя, что рѣзня произошла случайно: „Но если она произошла безъ вѣдома королевскаго“, возражали польскіе протестанты: „то король обязанъ наказать ея виновниковъ и дать французскимъ протестантамъ обезпеченіе ихъ правъ“.—„Я не зналъ, что отвѣчать имъ“, говорилъ Монлюкъ: „и боясь, чтобъ это обстоятельство не помѣшало избранію, далъ требуемую присягу: но такъ какъ это не касалось Польши, то король не обязанъ исполнять обѣщаніе.“ Польскіе послы однако не переставали требовать исполненія обѣщанія; тогда Лавро, папскій нунцій, взялся уладить дѣло: въ худомъ платьѣ ночью пробирался онъ къ польскимъ посламъ изъ католиковъ, къ епископу Познанскому и Алберту Ласкому, которые сначала не очень склонялись на его требованія; наконецъ угрозами католикамъ, обѣщаніями протестантамъ ему удалось достигнуть того, что послы перестали настаивать на исполненіи Монлюкова обѣщанія. Это из-

вѣстіе всего лучше показываетъ намъ, какъ сильна была въ это время протестантская сторона въ Польшѣ и Литвѣ, и какъ у самихъ католиковъ не было еще религіозной нетерпимости.

Въ началѣ 1574 года Генрихъ пріѣхалъ въ Польшу; протестанты требовали, чтобъ онъ повторилъ присягу въ сохраненіи ихъ правъ; король уклонялся; они криками своими прервали коронаціонный обрядъ, волновали сеймъ. Партіи боролись; Генрихъ, оказывая явное пристрастіе къ Зборовскимъ, поджигалъ еще болѣе эту борьбу; отсюда крики противъ короля, пасквили, ссоры съ Французами; рѣдкій день проходилъ безъ убійства, совершеннаго тою или другою стороною; наконецъ явно была высказана угроза, что Генрихъ будетъ свергнутъ съ престола, если не станетъ лучше исполнять своихъ обязанностей. Генрихъ не привыкъ къ этимъ обязанностямъ во Франціи и жаловался, что Поляки изъ королей хотятъ низвести его до званія парламентскаго судьи; кромѣ лѣни, страсти къ пустымъ забавамъ, Генриху было трудно заниматься дѣлами еще и потому, что онъ не зналъ ни по-польски, ни по-латыни; кромѣ своего языка зналъ только немного по-италіански, и потому сидѣлъ какъ нѣмой въ сенатѣ и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вырваться изъ него; цѣлыя ночи проводилъ безъ сна въ пирушкахъ и въ карточной игрѣ, проводилъ все время съ своими Французами, убѣгая отъ Поляковъ; щедрости и расточительности своей не зналъ мѣры, во дворцѣ былъ такой безпорядокъ, такая бѣдность, что иногда нечего было приготовить къ обѣду, нечѣмъ накрыть стола. Въ такомъ положеніи находился Генрихъ, когда получилъ вѣсть о смерти брата, Карла IX-го, причемъ мать, Екатерина Медичи, требовала, чтобъ онъ какъ можно скорѣе возвращался во Францію. Не успѣвши затаить этого извѣстія, король объявилъ объ немъ сенаторамъ; тѣ отвѣчали, что надобно созвать сеймъ, который одинъ можетъ позволить ему выѣхать изъ государства; но Генрихъ зналъ, какъ медленно собирается сеймъ, не надѣялся даже получить его согласія на отъѣздъ, слышалъ о враждебныхъ ему движеніяхъ во Франціи, и тайно ночью убѣжалъ за границу.

По отъѣздѣ Генриха въ Польшѣ не знали что дѣлать: объявлять ли безкоролевье, или нѣтъ? рѣшили безкоролевья не объявлять, но дать знать Генриху, что если черезъ девять мѣсяцевъ онъ не возвратится въ Польшу, то сеймъ приступитъ къ избранію новаго

короля. Въ Москву поспѣшили отправить отъ имени Генриха пословъ съ извѣстіемъ о восшествіи его на престолъ и вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ во Францію, причемъ будто бы онъ поручилъ панамъ раднымъ сноситься съ иностранными государями. Іоаннъ отвѣчалъ, что уже отправилъ въ Польшу гонца своего Ельчанинова съ требованіемъ опасной грамоты для пословъ, которые должны ѣхать къ Генриху поздравлять его съ восшествіемъ на престолъ; что Ельчаниновъ будетъ дожидаться возвращенія короля, а у пановъ радныхъ не будетъ: государь ссылается только съ государемъ, а паны съ боярами; если же прежде была ссылка между нимъ, Іоанномъ и панами, то потому что у нихъ не было короля, и они присылали бить челомъ, прося его или сына его на господарство, но теперь есть у нихъ король, мимо котораго съ панами ссылаться непригоже.—Ельчанинову долго было дожидаться Генриха; онъ дождался сейма, во время котораго пришелъ къ нему тайно ночью литовскій панъ, староста Жмудскій, и говорилъ: „Чтобы государь прислалъ къ намъ въ Литву посланника своего добраго, а писалъ бы къ намъ грамоты порознь съ жаловальнымъ словомъ: къ воеводѣ виленскому грамоту, другую ко мнѣ, третью къ пану Троцкому, четвертую къ маршалку, Сироткѣ Радзивилову, пятую ко всему рыцарству, прислалъ бы посланника тотчасъ не мѣшкая; а королю Генриху у насъ не бывать. Я своей вины предъ государемъ не вѣдаю ни въ чемъ, а государь ко мнѣ не отпишетъ ни о какихъ дѣлахъ и себѣ служить не велитъ; намъ безмѣрно досадно, что мимо насъ хотятъ Поляки государя на государство просить, а наша вѣра лучше съ московскою сошлась, и мы всѣ, Литва, государя желаемъ къ себѣ на государство. Если мы умолимъ Бога, а государя упросимъ, что будетъ у насъ въ Литвѣ на государствѣ, то Поляки всѣ придутъ къ государю головами своими бить челомъ; а государю извѣстно, что когда у насъ прежде былъ король Витовтъ, то онъ всегда жилъ въ Вильнѣ: и теперь намъ хочется того же, чтобъ у насъ король былъ въ Вильнѣ, а въ Краковъ бы ѣздилъ на время; но государь какъ будто черезъ пень колоду валитъ“. Далѣе староста говорилъ, что Литва, согласно царскому желанію, хочетъ избрать императорскаго сына, но Поляки хотятъ выбрать пріятеля султанова; говорилъ, что имъ трудно принять условіе относительно наслѣдственности короны въ потомствѣ царя; но если они милость и ласку государскую познаютъ, то отъ

потомства его никогда не отступятъ, хотя бы и другой народъ не согласился; потомъ еще жестоко людямъ кажется то, что государь говоритъ о Кіевѣ и Волынской землѣ и что вѣнчать его на царство будетъ митрополитъ московскій. Изъ Поляковъ Яковъ Уханскій, епископъ Гнѣзненскій, прислалъ Ельчанинову образцы грамотъ, какія царь долженъ прислать къ духовенству, панамъ, ко всему рыцарству и къ каждому пану въ особенности; въ общихъ грамотахъ Іоаннъ долженъ былъ просить объ избраніи, обозначить въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а христіанинъ, крещенъ во имя св. Троицы, что Поляки и Русскіе, будучи одного племени, славянскаго или Сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть одного государя. Замѣчательны образцы грамотъ къ нѣкоторымъ вельможамъ; напримѣръ къ одному царь долженъ былъ написать: „Ты меня знаешь, и я тебя знаю, что у тебя большая сума (калита); я не калиты твоей хочу, хочу тебя имѣть своимъ пріятелемъ, потому что ты умный человѣкъ на всякія дѣла, умѣешь совѣтовать такъ, что не только калита, но и сундуки будутъ.

Іоаннъ находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны тяжело ему было унизиться до искательства, невѣренъ былъ успѣхъ и затруднительно положеніе въ случаѣ успѣха; съ другой непріятно было и видѣть себя обойденнымъ, особенно когда выборъ падетъ на человѣка нежеланнаго, съ которымъ надобно будетъ опять начинать войну за Ливонію. Выслушавши донесеніе Ельчанинова, царь приговорилъ послать гонца Бастанова къ панамъ съ требованіемъ опасной грамоты для большихъ пословъ. Бастановъ доносилъ, что по всѣмъ слухамъ литовская рада хочетъ выбирать московскаго государя; папскій нунцій доносилъ въ Римъ, что вельможи ни подъ какимъ видомъ не хотятъ московскаго царя, но народъ показываетъ къ нему расположеніе; въ другомъ письмѣ доносилъ, что московскаго государя желаетъ все мелкое дворянство, какъ польское, такъ и литовское, въ надеждѣ чрезъ его избраніе высвободиться изъ-подъ власти вельможъ. Узнавши отъ Бастанова о возможности успѣха, Іоаннъ велѣлъ немедленно отпустить въ Польшу посланника Новосильцова съ грамотами къ Уханскому, къ Краковскому архіепископу и свѣтскимъ панамъ; въ грамотѣ къ Уханскому, царь увѣрялъ, что вѣры и почестей духовенства не порушитъ, самому Уханскому обѣщалъ большія награды, если его стараніемъ будетъ избранъ въ короли: „Мы

тебя за твою службу почестями и казною наградимъ; дай намъ знать, какого отъ насъ жалованья хочешь, и мы станемъ къ тебѣ свое великое жалованье держать". Но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было мало; Іоаннъ ни слова не говорилъ, отказывается ли онъ отъ прежнихъ своихъ условій, а на сеймѣ не хотѣли слышать ни о какихъ другихъ условіямъ, кромѣ тѣхъ на которыхъ былъ избранъ прежде Генрихъ; кромѣ того Новосильцевъ былъ посланникомъ *легкимъ*, и потому не могъ такъ дѣйствовать, какъ дѣйствовали уполномоченные другихъ соискателей. Эти обстоятельства опять произвели то, что сторона московская особенно между Поляками, упала, и выдвинулись впередъ двѣ стороны: сторона вельможъ, которые хотѣли избрать императора Максимиліана, и сторона шляхты, хотѣвшей избрать Пяста, т.-е. когонибудь изъ природныхъ Поляковъ или по крайней мѣрѣ, не Австрійца, не кандидата стороны вельможеской.

Въ ноябрѣ 1575 года начался избирательный сеймъ; приступили прежде всего въ выслушанію пословъ иностранныхъ. Послы императорскіе, отъ имени своего государя, предлагали въ короли сына его, эрцгерцога Эрнеста, превозносили достоинства этого князя, говорили, что вслѣдствіе частаго обращенія съ Чехами онъ легко понимаетъ ихъ языкъ; легко поэтому можетъ научиться и и по-польски, а прежде чѣмъ научиться, будетъ употреблять языкъ латинскій, которымъ владѣетъ совершенно свободно и который у Поляковъ во всеобщемъ употребленіи; выставляли на видъ выгоды Эрнестова избранія, вслѣдствіе котораго Польша вступитъ въ союзъ съ австрійскимъ домомъ, владѣтелями, германскими, италіанскими, королемъ испанскимъ и наконецъ съ царемъ московскимъ. Послѣ императорскихъ говорили послы брата Максимиліанова, эрцгерцога Фердинанда, также превозносили достоинства своего государя, его военное искусство, знаніе чешскаго языка, обѣщали, что Фердинандъ будетъ вносить въ Польшу большую часть доходовъ своихъ, именно 150,000 талеровъ, ежегодно, и еще 50,000 талеровъ на поправку и постройку пограничныхъ крѣпостей, переведетъ и сильные полки нѣмецкой пѣхоты для отраженія непріятеля.— Посолъ Шведскій началъ свою рѣчь увѣщаніями сейму употребить всѣ усилія для войны съ Москвою, обѣщая, что шведскій король, съ своей стороны, употребитъ для этой цѣли третью часть податей; для прекращенія же споровъ за Ливонію между Польшею и Шве-

цiею, предлагалъ, чтобъ Поляки уступили Швецiи свою часть Ливонiи, а король шведскiй откажется за это отъ всѣхъ своихъ претензiй: отъ денегъ, которыя польское правительство взяло у него въ займы и уже четырнадцать лѣтъ не платитъ, отъ приданаго своей жены, не отданнаго еще ей, отъ денегъ, и земель, слѣдующихъ ей по наслѣдству; или пусть Польша отдастъ свою часть Ливонiи на вѣки въ ленное владѣнiе шведскому королевичу Сигизмунду, которому отецъ отдастъ и свою часть этой страны. Потомъ посолъ приступилъ къ главному вопросу: предлагалъ избрать или короля своего Iоанна, или, что для послѣдняго будетъ одинаково прiятно, избрать въ королевы сестру покойнаго Сигизмунда-Августа, Анну; приводилъ въ примѣръ Англичанъ, которые, поручивъ правленiе королевѣ, достигли наивысшей степени благоденствiя; говорилъ, что только однимъ этимъ способомъ уладятся дѣла польскiя и шведскiя, ливонскiя и московскiя; будетъ крѣпкiй союзъ между двумя сосѣдними государствами, будетъ у нихъ мiръ съ Турками, Татарами и Германiею, Московитяне будутъ изгнаны изъ Ливонiи, Наврская торговля, столь вредная для Польши и столь выгодная для Москвы, прекратится; королева Анна, зная языкъ и обычаи народные, могла бы выслушивать каждаго и всякому оказывать справедливость, не была бы изъ числа тѣхъ, которые сидятъ на тронѣ глухими и нѣмыми и презираютъ обычаи польскiе (намекъ на Генриха): всѣ права и привилегiи были бы подтверждены. А еслибы тутъ же сеймъ назначилъ наслѣдникомъ королевны Анны единственнаго сына шведскаго короля и, по матери, единственную отрасль Ягеллонова рода, Сигидмунда, знающаго въ совершенствѣ языки польскiй и шведскiй и достаточно латинскiй, италiанскiй и нѣмецкiй, тогда король и королева шведскiе ничего не пожалѣли бы для сына своего, который явился бы въ Польшу съ значительною суммою денегъ для шляхты.—Еще прежде, въ 1574 году, послѣ бѣгства Генриха, султанъ присылалъ грамоту съ требованiемъ, чтобъ Поляки ни выбирали австрiйца, который необходимо вовлечетъ ихъ въ войну съ Портою; пусть выберутъ кого-нибудь изъ своихъ, напримѣръ, Яна Костку, воеводу Сендомирскаго; а если хотятъ изъ чужихъ, то короля шведскаго или Стефана Баторiя, князя Седмиградскаго. Посолъ отъ Баторiя явился на сеймъ, и послѣ обычнаго исчисленiя доблестей своего князя, приступилъ къ обѣщанiямъ: сохранять ненарушимо права па-

новъ и шляхты, сообразоваться во всемъ съ ихъ волею; заплатить всѣ долги королевскіе; обратно завоевать все, отнятое Москвою, для чего приведетъ свое войско; сохранять миръ съ Турками и Татарами; лично предводительствовать войсками; прислать 800,000 злотыхъ на военныя издержки, выкупить плѣнную шляхту изъ земель русскихъ, захваченную въ послѣднее татарское нашествіе. Наконецъ выступилъ посолъ отъ Альфонса II-го, герцога Феррарскаго, который между прочимъ обѣщалъ снабдить Краковскую академію людьми учеными, привести въ Польшу художниковъ и содержать ихъ на своемъ жалованьи, воспитывать въ Италіи на свой счетъ пятьдесятъ молодыхъ шляхтичей польскихъ.—Московскихъ пословъ не было: никто не восхвалялъ достоинствъ Іоанна, никто не говорилъ о его обѣщаніяхъ.

Раздвоеніе, соперничество, господствовавшія между вельможами и шляхтою въ Польшѣ, выразились на сеймѣ; 12 декабря австрійская партія, состоявшая преимущественно изъ вельможъ, провозгласила королемъ императора Максимиліана, а 14-го шляхта провозгласила королевну Анну съ тѣмъ, чтобъ она вышла замужъ за Стефана Баторія. Австрійская сторона имѣла большія надежды восторжествовать надъ стороною противною, потому что Литва и Пруссія преимущественно держались Максимиліана, но въ началѣ самъ императоръ повредилъ своему успѣху медленностію: когда явились къ нему послы польскіе отъ стороны, его избравшей, съ извѣстіемъ объ избраніи, то онъ сталъ толковать съ ними о перемѣнѣ условій, на которыхъ былъ избранъ, условій Генриховыхъ, требовалъ, чтобъ въ эти условія по крайней мѣрѣ внесены были два слова: по возможности (pro posse); говорилъ, что нѣкоторыя статьи касаются не одного его, но всей имперіи, и что такъ какъ вслѣдствіе двойного избранія онъ не можетъ безъ помощи оружія сдѣлаться королемъ польскимъ, то не можетъ ни на что рѣшиться одинъ; предлагалъ, чтобъ для примиренія обѣихъ сторонъ, королевою оставалась Анна, по мужемъ ея и королемъ былъ назначенъ сынъ его эрцгерцогъ Эрнестъ вмѣсто Баторія. По всему было видно, что старикъ Максимиліанъ, и въ молодости не отличавшійся большою энергіею, охладѣлъ къ желанію получить польскій престолъ, когда видѣлъ, что надобно добывать его оружіемъ. Также медленно велъ онъ и переговоры съ Москвою, которой интересы были теперь тѣсно связаны съ интересами австрійскаго дома.

Мы видѣли, что союзы, заключенные между Москвою и Австріею противъ Польши при Іоаннѣ III-мъ и сынѣ его Василіи, кончились ничѣмъ; при Іоаннѣ IV сношенія возобновились по поводу дѣлъ ливонскихъ: въ 1559 году императоръ Фердинандъ I-й писалъ Іоанну, чтобъ онъ не воевалъ Ливоніи, принадлежащей къ священной Римской имперіи, и возвратилъ завоеванныя уже мѣста. Іоаннъ отвѣчалъ, что если цесарь захочетъ быть съ нимъ въ любви и братствѣ, то пусть пришлетъ великихъ пословъ, съ которыми обо всѣхъ дѣлахъ договоръ учинится. Великіе послы не пріѣзжали, и, несмотря на то, мы видѣли, что Іоаннъ требовалъ отъ Поляковъ и Литвы избранія австрійскаго эрцгерцога въ короли: это требованіе царя объясняется требованіемъ султана не выбирать императора или его сына; враждебныя отношенія Австріи къ Турціи обезпечивали московское государство въ томъ, что между Польшею и Турціею не будетъ заключено союза, и что польскій король изъ австрійскаго дома, опасаясь постоянно Турціи, будетъ искать московскаго союза, для котораго не пожалѣетъ Ливоніи. Въ іюлѣ 1573 года пріѣхалъ въ Москву императорскій гонецъ Павелъ Магнусъ съ грамотою, въ которой Максимиліанъ II-й предлагалъ Іоанну соединенными силами противиться возведенію на Польскій престолъ Генриха французскаго; гонецъ разсказывалъ о Варѳоломеевской ночи, которая очень опечалила его государя: „Король Французскій воевалъ съ королемъ Наварскимъ и умыслилъ злодѣйскимъ обычаемъ, чтобъ съ нимъ помириться; помирившись, сговорилъ сестру свою за Наварскаго короля, и тотъ пріѣхалъ на свадьбу, и съ нимъ много большихъ людей пріѣхало; тутъ король Французскій зятя своего, Наварскаго короля, схватилъ и посадилъ въ тюрьму, и теперь сидитъ въ тюрьмѣ; а людей его всѣхъ до одного съ женами и дѣтьми въ ту же ночь побилъ, и сказалъ, что побилъ ихъ за вѣру, что они не его вѣры; побилъ и своихъ людей, которые одной вѣры съ королемъ Наварскимъ: всего въ то время побилъ до 100,000. Всѣмъ христіанскимъ государямъ пригоже о томъ жалѣть и кручиниться, а съ тѣмъ злодѣемъ Французскимъ не знаться. А вотъ теперь Французскій король брата своего отпускаетъ на Польское королевство, по ссылкѣ съ Турецкимъ султаномъ: и отъ того цесарю кручина. Цесарю хотѣлось, чтобъ на коронѣ Польской былъ или сынъ его, или государь Московскій, и у нихъ была бы по старинѣ любовь и братство; а при-

говорилъ цесарь, чтобъ государство подѣлить: Польскую корону къ цесарю, а Литовское великое княжество къ московскому государству и стоять бы имъ заодно противъ Турецкаго и противъ всѣхъ Татарскихъ государей. А если королевичъ Французскій будетъ на коронѣ Польской, то съ Турецкимъ у нихъ будетъ союзъ; а христіанству будетъ большая невзгода и пагуба".

Іоаннъ отправилъ въ Вѣну гонца Скобельцына — выразить императору всю готовность свою стараться о томъ, чтобъ Польша и Литва не отошли отъ ихъ государствъ; о Варѳоломеевской ночи писалъ: „Ты, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что у Французскаго короля въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ перебито вмѣстѣ и съ грудными младенцами: христіанскимъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчіе французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ и столько крови безъ ума пролилъ". Скобельцынъ возвратился безо всякаго отвѣта, съ жалобами на дурное обхожденіе съ нимъ гонца императорскаго Павла Магнуса; скоро пріѣхалъ и послѣдній съ жалобами на Скобельцына, обвинялъ его въ томъ, что онъ не хотѣлъ взять цесарской грамоты, о самомъ цесарѣ говорилъ невѣжливо: „на языкѣ-то у него сладко, а у сердца горько", велъ себя неприлично. Царь велѣлъ позвать Скобельцына къ отвѣту, и тотъ во всемъ оправдывался: напримѣръ, грамоты императорской онъ не захотѣлъ взять потому, что въ ней Іоаннъ не былъ названъ царемъ. Іоаннъ отписалъ императору, что, вслѣдствіе его жалобъ, онъ положилъ опалу на Скобельцына, но при этомъ далъ понять, что вина послѣдняго и правота Павла Магнуса вовсе въ его глазахъ не доказаны: „мы велѣли ближнимъ своимъ людямъ Скобельцына разспросить передъ твоимъ гонцомъ Павломъ, и Скобельцынъ сказывалъ, что Павелъ взялъ у него въ долгъ 400 ефимковъ, а отдалъ только 138, и много безчестья ему дѣлалъ, а потому и взводитъ на него такія дѣла. Нашимъ гонцамъ на обѣ стороны пригоже такихъ дѣлъ впередъ не дѣлать и до насъ кручинъ не доносить, чтобъ отъ ихъ бездѣльныхъ вракъ между нами братской любви порухи не было". Потомъ пріѣзжали въ Москву другіе гонцы съ извиненіями, что Максимиліанъ, за большими недосугами, не могъ условиться съ царемъ на-счетъ дѣлъ Польскихъ; эти извиненія очень сердили Іоанна; сердило его и то, что вмѣсто пословъ являлись отъ императора купцы, хотѣвшіе выгодно поторго-

вать въ Москвѣ. Наконецъ въ декабрѣ 1575 года явились великіе послы: Іоганъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Приставъ, провожавшій ихъ, доносилъ государю о рѣчахъ толмачей посольскихъ, взятыхъ въ Польшѣ: „Литовскимъ людямъ не хотѣлось пословъ чрезъ свою землю пропускать; но, боясь цесаря, пропустили, а слово объ нихъ въ Литвѣ такое: идутъ послы отъ цесаря къ Московскому государю на совѣтъ, чтобъ имъ заодно промыслить и литовскую землю между собою раздѣлить". Іоаннъ хотѣлъ дать понять посламъ, какъ поздно они пріѣхали, какъ неприлично было императору въ продолженіе столь долгаго времени, при столь важныхъ взаимныхъ интересахъ, присылать однихъ гонцовъ да купцовъ; онъ велѣлъ остановить пословъ въ Дорогобужѣ, куда явились бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, князь Сицкій и дьякъ Андрей Щелкаловъ съ такимъ наказомъ отъ царя: „Пріѣхавши въ Дорогобужъ, устроить съѣзжій дворъ, и, сославшись съ цесаревыми послами, съѣхаться съ ними на этомъ дворѣ, и спросить ихъ отъ имени государя, за какимъ дѣломъ присланы они отъ цесаря? Если послы откажутся объявить, зачѣмъ они присланы, то понуждать ихъ къ тому, нѣсколько разъ съ ними съѣзжаться и говорить имъ: „Не дивитесь, что государь велѣлъ васъ на дорогѣ спрашивать, не давая вамъ своихъ очей видѣть, всякое дѣло живетъ по случаю: прежде не бывало, чтобъ пословъ на дорогѣ спрашивали о дѣлѣ; но не бывало прежде и того, чтобъ такіе ближніе люди ѣздили такъ далеко говорить съ послами о дѣлѣ; случилось такъ потому, что отъ государя вашего, цесаря Максимиліана, пріѣзжали къ государю нашему торговые люди, а сказывались посланниками и гонцами; государь нашъ велитъ имъ почесть оказывать, какъ пригоже посланникамъ и гонцамъ, а посмотрятъ—такъ это гости, торговые люди! Вотъ почему теперь государь и послалъ насъ, ближнихъ своихъ людей, спросить васъ, какіе вы люди у цесаря и по прежнему ли обычаю пріѣхали?" — Послы отвѣчали, что такія рѣчи имъ очень прискорбны и что они не могутъ передать цесаревыхъ рѣчей никому другому, кромѣ самого великаго государя; если торговые люди назывались посланниками и гонцами, то цесарь велитъ ихъ за то казнить, а они, послы, ближніе люди у цесаря и пріѣхали за тѣмъ, чтобъ подтвердить прежній союзъ, уговориться и о литовскомъ дѣлѣ и о всякомъ христіанскомъ прибыткѣ. — Максимиліанъ прежде писалъ, что ему нельзя

вступить въ переговоры съ Московскимъ государемъ за великими недосугами; Іоаннъ, узнавши объ отвѣтѣ Кобенцеля и Принца, послалъ имъ такую грамоту: „Вы бы о томъ не поскорбѣли, что мы вамъ теперь очей своихъ вскорѣ видѣть не велѣли, потому что у насъ много дѣла, были мы въ отъѣздѣ; а какъ пріѣдемъ въ Можайскъ, то сейчасъ же велимъ вамъ быть у насъ".

Содержаніемъ посольскихъ рѣчей были два требованія, чтобъ Іоаннъ содѣйствовалъ избранію эрцгерцога Эрнеста въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, и чтобъ оставилъ въ покоѣ Ливонію. „Избраніе Эрнеста въ короли, говорили послы, будетъ очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнестъ, цесарь, король испанскій, папа римскій, и другіе христіанскіе государи вмѣстѣ на сухомъ пути и на морѣ нападете на главнаго недруга вашего, султана турецкаго, и въ короткое время выгоните невѣрныхъ въ Азію: тогда, по волѣ цесаря, папы, короля испанскаго, эрцгерцога Эрнеста, князей императорскихъ и всѣхъ орденовъ, все царство Греческое восточное будетъ уступлено твоему величеству и ваша пресвѣтлость будете провозглашены Восточнымъ цесаремъ". Іоаннъ велѣлъ сказать посламъ, что, на основаніи прежнихъ предложеній со стороны императора, на престолъ польскій долженъ быть возведенъ эрцгерцогъ Эрнестъ, но Литва должна отойти къ московскому государству. Послы отвѣчали, что этому статься нельзя, ибо у короны польской съ великимъ княжествомъ литовскимъ крѣпкое утвержденье, чтобъ другъ отъ друга не отстать и быть подъ однимъ государемъ; что же касается до Кіева, то эрцгерцогъ Эрнестъ, какъ будетъ избранъ въ короли, для братской любви, уступитъ его вмѣстѣ съ другими немногими мѣстами царю, ибо и цесарю извѣстно, что Кіевъ искони царская отчина; о Ливоніи же цесарь велѣлъ намъ только помянуть, а много о ней не велѣлъ говорить; просимъ только, чтобъ государь вашъ не велѣлъ воевать Ливоніи до пріѣзда другихъ большихъ пословъ императорскихъ, князей удѣльныхъ и великихъ людей. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ, и въ отвѣтѣ этомъ высказалось сомнѣніе относительно цесаревыхъ обѣщаній: „Если между государями такое дѣло начинается о союзѣ, вѣчномъ братствѣ и дружбѣ, то надобно, чтобъ это было крѣпко и неподвижно. У нашего государя въ обычаѣ: кому слово молвитъ о братствѣ и о любви, и то живетъ крѣпко и неподвижно, инако слово его не живетъ; не такъ бы случилось,

какъ съ Владиславомъ, королемъ венгерскимъ: заключилъ онъ союзъ съ цесаремъ и со многими нѣмецкими государями, захотѣли стоять противъ турецкаго султана; а какъ на него пришелъ турецкій, то цесарь и нѣмецкіе государи ему не пособили, выдали его, и Турки рать его побили и самого убили. Пусть бы всѣ союзные Максимиліану государи, папа Римскій, короли испанскій, датскій, герцоги, графы и всякіе начальники прислали къ нашему государю пословъ вмѣстѣ съ цесаревыми и утвердили бы докончанье — стоять всѣмъ на всѣхъ недруговъ заодно. Послы отвѣчали, что цесарь скорѣе кровь на себѣ увидитъ или государства своего лишится, чѣмъ слову своему измѣнитъ. Послѣ этихъ переговоровъ Іоаннъ отпустилъ пословъ съ такими рѣчами къ императору: „Хотимъ, чтобъ брата нашего дражайшаго сынъ, Эрнестъ князь австрійскій, былъ на коронѣ польской, а литовское великое княжество съ Кіевомъ было бы къ нашему государству московскому; ливонская же земля изначала была наша вотчина и нашимъ прародителямъ ливонскіе Нѣмцы дань давали; да забывъ правду, отъ насъ отступили, и потому надъ ними такъ и сталось, ливонской землѣ и курской (Курляндіи) всей быть къ нашему государству; да и потому ливонской землѣ надобно быть за нами, что мы уже посадили въ ней королемъ голдовника (подручника, вассала) своего Магнуса: такъ братъ бы нашъ дражайшій, Максимиліанъ цесарь, въ ливонскую землю не вступался и этимъ бы намъ любовь свою показалъ; а мы ливонской земли достаемъ и впередъ хотимъ искать. Къ панамъ польскимъ пошлемъ, чтобъ они выбрали въ короли Эрнеста князя, а къ литовскимъ, чтобъ оставались за нами; если Литва не согласится отстать отъ Польши, то пусть и она выбираетъ Эрнеста; если же и Польша и Литва не согласятся имѣть государемъ ни насъ, ни Эрнеста, то намъ съ цесаремъ Максимиліаномъ надъ ними промышлять сообща и въ неволю приводить“.—То же самое долженъ былъ говорить Максимиліану и отправленный къ нему царскій посолъ, князь Сугорскій, о Ливоніи же долженъ былъ прибавить: „Государю ни за что такъ не стоять, какъ за свою вотчину, Лифляндскую землю“,

Но Кобенцель и Принцъ вели переговоры съ московскими боярами, когда владѣнія Ягеллоновъ подѣлились уже, только не между Іоанномъ и Эрнестомъ, а между Максимиліаномъ и Баторіемъ. Съ вѣстію объ избраніи Максимиліана и Баторія пріѣхалъ къ ца-

рю изъ Литвы московскій гонецъ Бастановъ; но онъ доносилъ, что въ Литвѣ многіе не надѣются, чтобъ кто-нибудь изъ избранныхъ утвердился на престолѣ, а думають, что царь еще можетъ взять верхъ надъ обоими; такъ приходилъ къ Бастанову каштелянъ минскій Янъ Глѣбовичъ и говорилъ: „Чтобъ государю послать раньше, не мѣшкая къ панамъ раднымъ и къ рыцарству? А тѣмъ у насъ не бывать ни одному на королевствѣ, вся земля хочетъ государя царя". То же самое говорилъ ему и молодой Радзивилъ, сынъ воеводы виленскаго. Литовская рада отправила посольство къ Іоанну съ объявленіемъ, что избранъ Максимиліанъ по приказу царскому; возвратился Новосильцевъ; онъ тоже доносилъ, что царь могъ бы имѣть успѣхъ, еслибъ дѣйствовалъ скорѣе и рѣшительнѣе: когда онъ отдалъ царскую грамоту съ жалованнымъ словомъ Яну Ходкѣвичу, то послѣдній сказалъ ему: „Только бы государь такія грамоты прежде къ намъ присылалъ, то давно былъ бы избранъ. Государь домогался отъ насъ опасныхъ грамотъ на своихъ пословъ; но я приказывалъ съ Ельчаниновымъ, чтобъ государь отправлялъ пословъ скорѣе и безъ опасныхъ грамотъ: опасныя грамоты потому не посланы, что къ нимъ всѣ паны радные прикладываютъ свои печати, но изъ пановъ одни служатъ вашему государю, а другіе его не хотятъ, и потому опасными грамотами волочатъ, печатей своихъ не прикладываютъ; услыхавши о гонцѣ Бастановѣ, я думалъ, что онъ ѣдетъ къ намъ съ грамотами, съ жалованнымъ словомъ и указомъ, но онъ пріѣхалъ ни съ чѣмъ; мы уже поневолѣ выбрали Максимиліана; Максимиліанъ цесарь старъ и боленъ, и мы тебя затѣмъ держимъ, что ждемъ отъ цесаря присылки, думаемъ что онъ откажется отъ престола; Ляхи обираютъ на государство Обатуру (Баторія) и къ намъ уже въ другой разъ присылаютъ, чтобъ мы его выбрали; но намъ ни подъ какимъ видомъ Обатуру на государство не брать, Обатура турецкій посаженникъ, и какъ намъ отдать христіанское государство бусурманамъ въ руки? Ты ѣдешь къ Полякамъ, такъ самъ увидишь польскую правду: они ни за что не пошлютъ съ тобою опасной грамоты на государевыхъ пословъ, а я царю государю радъ служить всею своею душою, только бы государь у насъ вольностей нашихъ не отнялъ, потому что мы люди вольные". То же говорилъ и Николай Радзивилъ на тайномъ свиданіи съ Новосильцевымъ, а шляхтичъ Голубь говорилъ: „Паны за посулы выбира-

ютъ цесаря и Обатуру; но рыцарство всею землею ихъ не хочетъ, а хочетъ царя; паны радные увязли въ посулахъ, и сами не знаютъ какъ быть".

Паны дѣйствительно находились въ затруднительномъ положеніи, выбравши двухъ королей: ихъ вывели изъ этого затрудненія медленность Максиміана и быстрое движеніе Баторія, который, подтвердивши всѣ предложенныя ему условія, 18 апрѣля 1576 года уже имѣлъ торжественный въѣздъ въ Краковъ, а 1-го мая короновался. Максимиліанъ въ апрѣлѣ 1576 года писалъ къ царю: „Думаемъ, ты давно уже знаешь, что мы въ прошломъ декабрѣ съ великою славою и честью выбраны на королевство Польское и великое княжество Литовское, думаемъ, что вашему пресвѣтлѣйшеству то будетъ не въ кручину". Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы твоему избранію порадовались; но послѣ узнали, что паны мимо тебя выбрали на королевство Стефана Баторія, воеводу Седмиградскаго, который уже пріѣхалъ въ Краковъ, короновался и женился на королевнѣ Аннѣ, и всѣ паны, кромѣ троихъ, поѣхали къ нему. Мы такому непостоянному разуму у пановъ удивляемся; чему вѣрить, если слову и душѣ не вѣрить? Такъ ты бы, братъ нашъ дражайшій, промышлялъ о томъ дѣлѣ поскорѣе, пока Стефанъ Баторій на тѣхъ государствахъ крѣпко не утвердился; и къ намъ отпиши съ скорымъ гончикомъ, съ легкимъ какъ намъ своимъ и твоимъ дѣломъ надъ Польшею и Литвою промышлять, чтобъ тѣ государства мимо насъ не прошли и Баторій на нихъ не утвердился. А тебѣ самому хорошо извѣстно: если Баторій на нихъ утвердился изъ рукъ мусульманскихъ, то намъ, всѣмъ христіанскимъ государямъ, будетъ къ великому убытку". Но Максимиліанъ, вмѣсто того, чтобъ промышлять вмѣстѣ съ царемъ надъ Польшею, сердилъ его просьбами не трогать убогой Ливоніи, тогда какъ Іоаннъ, наоборотъ, видя что въ Польшѣ сдѣлалось не такъ, какъ онъ желалъ, рѣшился, во что бы то ни стало, покончить съ Ливоніею.

Мы видѣли, что здѣсь, кромѣ Поляковъ, Іоаннъ долженъ былъ воевать и съ Шведами, занявши Ревель. Послѣ неудачной осады этого города, Іоаннъ въ концѣ 1571 года самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, приказавши полкамъ собираться въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ для войны со Шведами въ Эстоніи и Финляндіи. Но прежде ему хотѣлось попробовать, не согласятся ли Шведы, испуганные его приготовленіями, уступить безъ войны Эстонію. Для этого онъ при-

звалъ шведскихъ пословъ и предложилъ имъ не начинать войны до весны будущаго года, если король Іоаннъ пришлетъ другихъ пословъ въ Новгородъ, съ ними 10,000 ефимковъ за обиду прежнихъ московскихъ пословъ, ограбленныхъ во время возстанія на Эрика, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по нѣмецкому обычаю, пришлетъ также рудознатцевъ, обяжется свободно пропускать въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, также лѣкарей, художниковъ и ратныхъ людей. Послы подписали эту грамоту; говорили, что король во всемъ исправится и добьетъ челомъ; необходимымъ условіемъ мира Іоаннъ поставилъ отреченіе короля отъ Эстоніи; кромѣ того требовалъ, чтобъ король заключилъ съ нимъ союзъ противъ Литвы и Даніи и, въ случаѣ войны, давалъ ему 1000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ требовалъ, чтобъ король включилъ въ царскій титулъ названіе шведскаго и присылалъ свой гербъ для помѣщенія его въ гербъ московскій; царь оправдывалъ себя предъ послами относительно требованія королевы Екатерины отъ Эрика: „Мы просили у Эрика сестры Польскаго короля, Екатерины, для того, чтобъ намъ было къ повышенію надъ недругомъ нашимъ, Польскимъ королемъ: чрезъ нее хотѣли мы съ нимъ доброе дѣло постановить; а про Іоанна намъ сказали, что онъ умеръ и дѣтей у него не осталось“. Всѣ эти требованія относительно титула и герба были не иное что, какъ запросы, считавшіеся необходимыми въ то время; отъ нихъ запрашивающій легко отказывался, смотря по большей или меньшей твердости, оказываемой противною стороною; тонъ этихъ запросовъ, разумѣется, соотвѣтствовалъ значенію тѣхъ государствъ, къ которымъ обращались съ запросами: мы видѣли, какія формы допускались въ сношеніяхъ съ Швеціею и Даніею: *челобитья, пожалованіе* и т. п. Но эти формы давно уже оскорбляли королей шведскихъ; понятно, какъ долженъ былъ оскорбиться король Іоаннъ запросами царя, особенно при сильной личной ненависти его за дѣло о Екатеринѣ. Онъ не отправилъ новыхъ пословъ для заключенія мира; мало этого: Орѣшковскій намѣстникъ, князь Путятинъ, доносилъ государю, что Выборгскій королевскій намѣстникъ писалъ ему непригоже, будто бы самъ царь просилъ мира у шведскихъ пословъ. Іоаннъ отвѣчалъ на это королю такою грамотою: „Скипетродержателя Россійскаго царства грозное повелѣніе съ великосильною заповѣдію: послы твои уродственнымъ обычаемъ нашей

степени величество раздражили; хотѣлъ я за твое недоумѣтельство гнѣвъ свой на твою землю простреть: но гнѣвъ отложилъ на время, и мы послали къ тебѣ повеленіе, какъ тебѣ нашей степени величество умолить. Мы думали, что ты и Шведская земля въ своихъ глупостяхъ сознались уже; а ты точно обезумѣлъ, до сихъ поръ отъ тебя никакого отвѣта нѣтъ, да еще Выборгскій твой прикащикъ пишетъ, будто нашей степени величество сами просили мира у вашихъ пословъ! Увидишь нашего порога степени величества прощенье этою зимою; не такое оно будетъ какъ той зимы! Или думаешь, что по прежнему воровать шведской землѣ, какъ отецъ твой черезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? Что тогда доспѣлось Шведской землѣ? А какъ братъ твой обманомъ хотѣлъ отдать намъ жену твою, а его самого съ королевства сослали! осенью сказали, что ты умеръ, а весною сказали, что тебя сбили съ государства. Сказываютъ, что сидишь ты въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ) въ осадѣ, а братъ твой Эрикъ къ тебѣ приступаетъ. И то уже ваше воровство все наружѣ: опрометываетесь точно гадъ разными видами. Земли своей и людей тебѣ не жаль; надѣешься на деньги, что богатъ. Мы много писать не хотимъ, положили упованіе на Бога. А что Крымскому безъ насъ отъ нашихъ воеводъ приключилось, о томъ спроси, узнаешь, Мы теперь поѣхали въ свое царство на Москву, и опять будемъ въ своей отчинѣ, въ великомъ Новгородѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и ты тогда посмотришь, какъ мы и люди наши станемъ у тебя міра просить“.

Король отвѣчалъ на это браннымъ же письмомъ, писалъ не по пригожу. Тогда Іоаннъ въ концѣ 1572 года вступилъ въ Эстонію съ 80,000 войска; Виттенштейнъ былъ взятъ приступомъ, при которомъ палъ любимецъ царскій, Малюта Скуратовъ Бѣльскій: плѣнные Шведы и Нѣмцы, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ, были сожжены. Овладѣвши Виттенштейномъ, Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, а къ шведскому королю отправилъ новое письмо: „Что въ твоей грамотѣ написана брань (лая), на то отвѣтъ послѣ; а теперь своимъ государскимъ высокодостойнѣйшія чести величества обычаемъ подлинный отвѣтъ со смиреніемъ даемъ: вопервыхъ, ты пишешь свое имя впереди нашего—это непригоже, потому что намъ цесарь Римскій братъ и другіе великіе государи; а тебѣ имъ братомъ назваться невозможно, потому что шведская земля тѣхъ государствъ честію ниже. Ты говоришь, что шведская земля вот-

чина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ, и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ былъ ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была, укажи намъ это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьяго рода. Мы просили жены твоей Екатерины за тѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, польскому королю, а у него взять лифляндскую землю безъ крови; намъ сказали, что ты умеръ; а дѣтей послѣ тебя не осталось: еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены твоей и не просили; мы тебя объ этомъ подлинно извѣстили; а много говорить объ этомъ не нужно: жена твоя у тебя, никто ея не хватаетъ; и такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно; и впередъ объ этой безлѣпицѣ говорить много не нужно, а станешь говорить, то мы тебя не будемъ слушать. А что ты писалъ намъ о братѣ своемъ Эрикѣ, что мы для него съ тобою воюемъ—такъ это смѣшно: братъ твой Эрикъ намъ ненуженъ, вѣдь мы къ тебѣ о немъ ни съ кѣмъ не приказывали и до него не говорили: ты бездѣлье говоришь и пишешь, никто тебя не трогаетъ съ женою и съ братомъ, вѣдайся себѣ съ ними какъ хочешь. Спѣси съ нашей стороны никакой нѣтъ, писали мы по своему самодержавству, какъ пригоже". Приведя изъ договорныхъ грамотъ съ Густавомъ Вазою мѣсто: „Архіепископу Упсальскому на томъ руку дать за все королевство шведское", Іоаннъ продолжаетъ: „Еслибъ у васъ совершенное королевство было, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были бы; землю къ великимъ государямъ не приписываютъ; послы не отъ одного отца твоего, но отъ всего королевства шведскаго, а отецъ твой въ головахъ, точно староста въ волости. О печати мы къ тебѣ для того писали, что тебѣ хочется мимо намѣстниковъ съ нами самими ссылаться: но даромъ тебѣ этого не видать; а если хочешь изъ-за этого кровь проливать—про то ты знаешь. Твоего титула и печати мы такъ запросто не хотимъ: если хочешь съ нами ссылаться мимо намѣстниковъ, то ты намъ покорись и поддайся и почти насъ, чѣмъ пригоже: тогда мы тебя пожалуемъ, отъ намѣстниковъ отведемъ, а даромъ тебѣ съ нами ссылаться непригоже и по государству, и по отечеству; безъ твоего жь покоренія титула твоего и печати не хотимъ. Въ прежнихъ хроникахъ и лѣтописцахъ писано, что съ великимъ государемъ Георгіемъ Ярославомъ на многихъ бит-

вахъ бывали варяги; а варяги нѣмцы, и если его слушали, то подданные были. А что просишь нашего титула и печати, хочешь нашего покоренія—такъ это безуміе: хотя бы ты назвался и всей вселенной государемъ, но кто же тебя послушаетъ!“.

Русскіе воеводы продолжали военныя дѣйствія въ Эстоніи: взяли Нейгофъ и Каркусъ; но въ чистомъ полѣ, какъ почти всегда, по недостатку военнаго искусства, они не могли съ успѣхомъ бороться противъ шведовъ, хотя и малочисленныхъ: близъ Лоде они потерпѣли пораженіе отъ шведскаго генерала Клауса Акесона Тотта. Вѣсть объ этомъ пораженіи и о возстаніи Черемисъ въ Казанской области заставила Іоанна снова предложить миръ королю шведскому. Съ этимъ предложеніемъ отправленъ былъ гонецъ Чихачевъ. Король, думая, что привезенная имъ царская грамота написана въ прежнемъ тонѣ, не хотѣлъ брать ее отъ гонца, велѣлъ прежде взять ее вельможамъ и прочесть. Но въ наказѣ посламъ прежде всего говорилось, чтобъ не отдавать грамоту никому кромѣ самаго государя, вслѣдствіе чего произошли сильные споры между Чихачевымъ и шведами: „Пріѣхалъ ты въ нашего государя землю, такъ и долженъ исполнять нашу волю, что намъ надобно“, говорили шведы.—„Пріѣхалъ я въ вашего государя землю, а волю мнѣ исполнять царскаго величества, своего государя а не вашаго“, отвѣчалъ Чихачевъ. Шведы грозили, что, не дадутъ ему съѣстныхъ припасовъ; гонецъ отвѣчалъ: „Пусть умру съ голоду: однимъ мною у государя не будетъ ни ладно, ни безлюдно“. Шведы говорили ему: „Ты это сдѣлалъ негораздо, что ѣхалъ безъ королевской опасной грамоты; самъ знаешь, что государь твой нашему государю большой недругъ, такой, какого еще не бываетъ: государя нашего короля хотѣлъ извести, государыню нашу королеву хотѣлъ къ себѣ взять, землю повоевалъ, два города взялъ, пословъ нашихъ безчестилъ, да писалъ къ нашему государю грамоту неподобную, такую, что нельзя слышать и простому человѣку; и надъ тобою государь нашъ сдѣлаетъ то же, если не отдашь намъ грамоты своего государя“. Чихачевъ не далъ. Тогда одинъ изъ шведовъ ударилъ гонца въ грудь, примахавалъ къ шеѣ обухомъ и топоромъ, кричалъ: „отсѣку голову!“ бранилъ непристойными словами. Чихачевъ сказалъ ему: „Еслибъ я, царскаго величества холопъ, сидѣлъ теперь на своемъ конѣ, то ты бы меня, мужикъ, такъ не безчестилъ, умѣлъ бы я тебѣ отвѣтъ дать; а

я сюда не драться пріѣхалъ“. Стали гонца и людей его обыскивать, раздѣвали, разували; все искали царской грамоты, но не нашли; перешарили всѣ вещи, разломали сундуки съ образами, раскидывали по лавкамъ, и уходя пригрозили гонцу: „Уже быть тебѣ на огнѣ, если грамоты не отдашь“. Но угроза не подѣйствовала, и король принялъ Чихачева, самъ взялъ отъ него грамоту, послѣ пріема вельможи пріѣхали подчивать гонца и говорили: „Теперь грамоту государь твой написалъ не по старому, можно между государями дѣлу статься, а король думалъ, что письмо будетъ по-старому“. Чихачевъ былъ задержанъ; король писалъ Іоанну, что онъ задержалъ гонца и не отпуститъ его до тѣхъ поръ, пока царь не отпуститъ двоихъ шведскихъ толмачей, задержанныхъ имъ отъ прежняго посольства; писалъ, что не пришлетъ великихъ пословъ, опасаясь, чтобъ и съ ними не поступлено было такъ же, какъ съ прежними, а что послы отъ обоихъ государей должны съѣхаться на границѣ для мирнаго постановленія. Іоаннъ отвѣчалъ, чтобъ король присылалъ великихъ пословъ, потому что на рубежѣ посламъ ни о чемъ нельзя уговориться: а нашего гонца тебѣ держать было назачѣмъ: толмачей мы оставили въ своемъ государствѣ поучить учениковъ, и одинъ умеръ, а другой учитъ двоихъ учениковъ шведскому языку и живетъ безъ всякой нужды; прежде ваши толмачи русской грамотѣ въ нашемъ государствѣ учивались, и только что толмачъ твой отдѣлается, мы его къ тебѣ и отпустимъ“. Король отвѣчалъ прежнее: „не хотимъ къ тебѣ великихъ пословъ посылать, потому что ты, мимо опасной грамоты, дурно обошелся съ нашими послами; ты разрушилъ миръ, ты и долженъ отправлять къ намъ пословъ, а не хочешь, вышли ихъ на границу. Ты пишешь, что толмачи учатъ твоихъ русскихъ ребятъ: но мы отправили ихъ съ нашими послами для нашего дѣла по нашему наказу, а не у подданныхъ твоихъ дѣтей учить; если хочешь русскихъ дѣтей учить шведскому языку, то какъ будетъ миръ, договорись объ этотъ съ нашими намѣстниками выборгскими, и противъ всякой правды не задерживай нашихъ слугъ“. Толмачъ отосланъ былъ на размѣнъ, и князь Сицкій отправился на рубежъ, на рѣку Сестру, куда съ шведской стороны пріѣхалъ адмиралъ Флемингъ. Начали споръ, гдѣ посламъ вести переговоры; Флемингъ требовалъ, чтобъ вести ихъ на мосту, въ шатрахъ; Сицкій отвѣчалъ, что такихъ великихъ дѣлъ на мосту не дѣлаютъ, и

настоялъ, чтобы шведъ перешелъ на русскій берегъ рѣки. Мира заключить не могли; царь требовалъ Эстоніи и присылки 200 человѣкъ шведовъ нарядныхъ для войны съ Крымомъ, и за это уступалъ королю право сноситься прямо съ нимъ; но король требовалъ послѣдняго безо всякихъ уступокъ съ своей стороны: заключили только перемиріе на два года (отъ 20 іюля 1575 до 20 іюля 1577 года) между Финляндіею и Новгородскою областью, дѣло же объ Эстоніи должно было рѣшиться оружіемъ, если король не поспѣшитъ отправить своихъ великихъ пословъ въ Москву для заключенія мира; въ договорной грамотѣ употреблены были прежнія выраженія: король *билъ челомъ* царю.

Это странное перемиріе объясняется желаніемъ Іоанна сосредоточить всѣ свои силы въ Ливоніи, не развлекаясь войною въ другихъ мѣстахъ. Онъ не оставлялъ прежняго плана—сдѣлать изъ Ливоніи вассальное королевство, выдалъ племянницу свою, Марію Владиміровну, за Магнуса, но далъ послѣднему только городокъ Каркусъ и не далъ вовсе назначенныхъ въ приданое за Маріею денегъ, потому что измѣна четверыхъ иностранцевъ, находившихся въ русской службѣ и пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Іоанна, Таубе, Крузе, Фаренсбаха и Вахтмейстера, сдѣлали царя подозрительнымъ: онъ боялся, чтобъ Магнусъ на русскія деньги не нанялъ войска, съ которымъ сталъ бы дѣйствовать противъ русскихъ. Немедленно по заключеніи мира со шведами московскія войска явились подъ Пернау и овладѣли имъ, потерявши на приступахъ 7,000 человѣкъ, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ; воевода Никита Романовичъ Юрьевъ обошелся очень милостиво съ жителями Пернау, позволилъ имъ со всѣмъ добромъ выйти изъ города, и чего не могли тутъ захватить съ собою, то взять послѣ. Гелметъ, Ермисъ, Руэнъ, Пуркель сдались русскимъ тотчасъ по завоеваніи Пернау. Въ началѣ 1576 года 6,000 русскихъ вторгнулись снова въ Эстонію; Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались имъ безъ выстрѣла; жители Габсаля вечеромъ послѣ сдачи затѣяли пиры, танцы; русскіе удивлялись этому и говорили: „Что за странный народъ нѣмцы! еслибы мы, русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы поднять глазъ на честнаго человѣка, а царь нашъ не зналъ бы, какою казнію насъ казнить“. Эзель былъ опустошенъ; Падисъ сданъ послѣ однодневной осады: шведы тщетно покушались взять его снова.

Въ генварѣ 1577 года 50,000 русскаго войска явилось подъ Ревелемъ и расположилось здѣсь пятью лагерями; у осаждающихъ было три орудія, стрѣлявшія ядрами отъ 52 до 55 футовъ, 6 орудій стрѣляли ядрами отъ 20 до 30 фунтовъ; четыре стѣнобитныхъ орудія бросали каменныя массы въ 225 фунтовъ; изъ 15 орудій стрѣляли ядрами отъ 6 до 12 фунтовъ; при каждомъ орудіи находилось по 700 ядеръ; но если по тогдашнему времени этотъ нарядъ и считался значительнымъ, то въ Ревелѣ было его въ пять разъ больше, притомъ осажденные приняли всѣ мѣры противъ пожаровъ, которые должны были произойдти отъ стрѣльбы осаждающихъ; удалены были всѣ удобовозгорающіеся предметы; кромѣ того, что каждый житель долженъ былъ сторожить свой домъ днемъ и ночью, отряды безпрестанно разъѣзжали по ночамъ, смотрѣли, не упало ли гдѣ раскаленное ядро; составленъ былъ отрядъ изъ 400 крестьянъ подъ предводительствомъ Иво Шенкенберга, прозваннаго Аннибаломъ, сына Ревельскаго монетчика; эти храбрецы вмѣстѣ съ шведскими и нѣмецкими ландскнехтами дѣлали днемъ и ночью безпрестанныя вылазки. Послѣ полуторамѣсячнаго безуспѣшнаго обстрѣливанія русскіе сняли осаду и удалились. По уходѣ московскихъ войскъ въ Ревелѣ объявлена была свобода всѣмъ ратнымъ людямъ идти опустошать русскія владѣнія въ Ливоніи, и вотъ поднялись всѣ уличные бродяги, даже калѣки на добычу; ограбленные крестьяне присоединились къ толпамъ грабителей, чтобъ грабить свою же братью.

Лѣтомъ самъ царь выступилъ въ походъ изъ Новгорода, но вмѣсто того, чтобъ идти къ Ревелю, какъ думали, направилъ путь въ Польскую Ливонію; правитель Ливоніи, Ходкѣвичъ, не рѣшился съ своимъ малочисленнымъ войскомъ противиться Іоанну, и удалился. Городъ за городомъ сдавались царю и его воеводамъ съ одной стороны, королю Магнусу съ другой. Но скоро между ними возникло неудовольствіе: Магнусъ сталъ требовать, что уже время ему, названному королю Ливонскому, войдти во владѣніе всѣми мѣстами, которыя заняты были русскими; но до Іоанна доходили уже вѣсти о сношеніяхъ Мгнуса съ польскимъ королемъ и герцогомъ Курляндскимъ, и потому на требованіе Магнуса онъ отвѣчалъ; „Хочешь брать у насъ города—бери: мы здѣсь отъ тебя близко; ты объ этихъ городахъ не заботься: ихъ и безъ тебя берегутъ. Приставовъ въ твои городки, сколько Богъ помощи по-

дастъ, пошлемъ, а деньги у насъ—сухари, какіе случились. Если не захочешь насъ слушать, то мы готовы; а тебѣ отъ насъ нашу отчину отводить не слѣдовало. Если тебѣ нечѣмъ на Кеси жить, то ступай въ свою землю за море, то мы свою вотчину, Лифляндскую землю, и безъ тебя очистимъ". Велѣвъ своимъ воеводамъ занять города, которыми овладѣлъ Магнусъ, и приблизившись къ Вендену, гдѣ находился самъ Ливонскій король, Іоаннъ приказалъ ему явиться къ себѣ; Магнусъ отправилъ къ нему сперва двоихъ пословъ; но Іоаннъ велѣлъ ихъ высѣчь и отослать назадъ въ Венденъ. Жители этого города умоляли Магнуса, чтобъ не раздражалъ царя дальнѣйшимъ безполезнымъ сопротивленіемъ, ѣхалъ бы къ нему самъ и умолялъ за себя и за нихъ. Магнусъ поѣхалъ въ царскій станъ, впустивши прежде русскихъ ратныхъ людей въ городъ; но замокъ не былъ сданъ. Увидавши Іоанна, Магнусъ бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ о помилованіи. „Еслибъ ты не былъ королевскимъ сыномъ" отвѣчалъ ему Іоаннъ: „то я бы научилъ тебя, какъ мнѣ противиться и забирать мои города". Магнуса отдали подъ стражу. Въ это время нѣмцы, укрывшіеся въ Венденскомъ зàмкѣ, начали стрѣлять; одно ядро чуть-чуть не задѣло самаго царя; тогда Іоаннъ поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного нѣмца въ Венденѣ. Уже три дня продолжалась осада зáмка; осажденные видѣли, что долѣе защищаться нельзя, рѣшились взорвать себя на воздухъ, чтобъ не ждать мучительной смерти и не видать, какъ татары будутъ безчестить ихъ женъ и дочерей. Духовенство одобрило это рѣшеніе, и 300 человѣкъ, большею частію благороднаго происхожденія, заперлись въ комнатѣ, подъ которую подкатили четыре бочки пороха; пріобщившись св. таинъ, зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ. Жители города испытали то, отъ чего осажденные въ крѣпости избавились добровольною смертію.

Овладѣвши еще нѣсколькими мѣстами, Іоаннъ окончилъ походъ; въ Дерптѣ онъ простилъ Магнуса, опять далъ ему нѣсколько городовъ въ Ливоніи и право называться королемъ ея; Магнусъ отправился въ Каркусъ къ женѣ; Іоаннъ черезъ Псковъ въ Александровскую слободу. Но съ отбытіемъ царя дѣла пошли иначе въ Ливоніи. Шведы напали на Нарву, Поляки явились въ южной Ливоніи и брали здѣсь городъ за городомъ; взяли даже Венденъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе Русскихъ; Магнусъ передался

Полякамъ. Осенью 1578 года русскіе воеводы осадили Венденъ, но послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ сняли осаду, заслышавъ о приближеніи непріятельскаго войска. Поляки напали на нихъ вмѣстѣ со Шведами; Татарская конница не выдержала и обратилась въ бѣгство, Русскіе отступили въ свой лагерь и отстрѣливались тамъ до самой ночи; четверо воеводъ—князь Иванъ Голицынъ, Ѳедоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкій и дьякъ Андрей Щелкаловъ, воспользовавшись ночною темнотою, убѣжали съ конницею изъ стана; но воеводы, которымъ ввѣренъ былъ нарядъ, не захотѣли покинуть его и были захвачены на другое утро непріятелемъ; пушкари не отдались въ плѣнъ: видя, что непріятель уже въ станѣ, они повѣсились на своихъ орудіяхъ. При этомъ пораженіи погибло четверо воеводъ, четверо было взято въ плѣнъ; всего, по счету ливонскихъ лѣтописцевъ, Русскихъ погибло 6,022 человѣка изъ 18,000 [165]. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу; въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ, назначенный для осады Ревеля; но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на русской почвѣ.

Мы видѣли, какъ Стефанъ Баторій быстрымъ движеніемъ предупредилъ медленнаго Максимиліана и короновался въ Краковѣ; Литва, Пруссія, державшіяся Максимиліана, не видя со стороны его ни малѣйшаго движенія, должны были признать королемъ Стефана; упорно стоялъ за Максимиліана только одинъ Данцигъ по особеннымъ причинамъ: въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа жители Данцига были оскорблены распоряженіями Польскаго правительства, нарушавшими ихъ права и выгоды; лица, наиболѣе участвовавшія въ этихъ распоряженіяхъ, были самыми сильными приверженцами короля Стефана; отсюда нерасположеніе жителей Данцига къ послѣднему, отъ котораго они не надѣялись ничего для себя хорошаго; они объявили, что до тѣхъ поръ не признаютъ Стефана королемъ, пока не будутъ подтверждены ихъ права и пока не будетъ сдѣлано какого-нибудь соглашенія съ императоромъ. Извѣстіе о смерти послѣдняго привело ихъ въ большое затрудненіе; но надѣясь на проволочки сеймовъ, они рѣшились продолжать борьбу уже теперь во имя однихъ своихъ правъ, стали нападать на смежныя съ ихъ городомъ шляхетскія земли, разорять католическія церкви. Дѣло могло быть рѣшено только оружіемъ, и Ба-

торій осадилъ Данцигъ. Волненія противной стороны, непріятности на сеймѣ, наконецъ осада Данцига заставляла до времени не разрывать съ Москвою. Въ іюлѣ 1576 года онъ отправилъ къ Іоанну пословъ—Груденскаго и Буховецкаго съ предложеніемъ не нарушать перемирія и прислать опасную грамоту на великихъ пословъ; о томъ же писали и паны радные къ боярамъ. Бояре отвѣчали панамъ: „Мы удивились, что господарь вашъ не называетъ нашего господаря царемъ и великимъ княземъ Смоленскимъ и Полоцкимъ и отчину нашего господаря, землю Лифляндскую, написалъ въ своемъ титулѣ. Господарь вашъ пришелъ на королевство Польское съ небольшаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, которое подчинено было Венгерскому государству; а нашего государя всѣ его братья, великіе государи, главные на своихъ королевствахъ, называютъ царемъ: такъ вамъ бы, паны, пригоже было совѣтовать Стефану королю, чтобъ впередъ такихъ дѣлъ не начиналъ, которыя къ разлитію христіанской крови приводятъ“. Пословъ не позвали обѣдать за то, что они не объявили о родствѣ Баторія; но опасную грамоту на великихъ пословъ дали.

Узнавши о походѣ Іоанна въ Ливонію въ 1577 году, о взятіи тамъ городовъ у Поляковъ, Баторій писалъ Іоанну съ упрекомъ, что, пославши опасную грамоту и не объявивши войны, забираетъ у него города. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ Божіею волею отчину свою Лифляндскую землю очистили, и ты бы свою досаду отложилъ. Тебѣ было въ Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли съ Седмиградскаго княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю; о Лифляндской землѣ съ Польшею и Литвою что велось, то дѣлалось до тебя: и тебѣ было тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались до тебя, передъ себя брать непригоже. Отъ нашего похода въ Лифляндскую землю наша опасная грамота не порушилась; непріязни мы тебѣ никакой не оказали, искали мы своего, а не твоего, Литовскаго великаго княжества и литовскихъ людей ничѣмъ не зацѣпили. Такъ ты бы кручину и досаду отложилъ и пословъ своихъ отправлялъ къ намъ не мѣшкая“. Эти послы, воевода Мазовецкій, Станиславъ Крыйскій, и воевода Минскій, Николай Сапѣга, пріѣхали въ Москву въ генварѣ 1578 года. Начали говорить о вѣчномъ мирѣ; но съ обѣихъ сторонъ предложили такія условія, которыя давно уже дѣлали вѣчный миръ невозможнымъ: кро-

мѣ Ливоніи, Курляндіи и Полоцка царь требовалъ Кіева, Канева, Витебска, и въ оправданіе своихъ требованій вывелъ родословную Литовскихъ князей отъ Полоцкихъ Рогволодовичей: „эти князья (Гедиминовичи), говорилъ онъ, были славные великіе государи наши братья, во всей вселенной вѣдомые и по родству (по колѣнству) намъ братья; поэтому корона Польская и великое княжество Литовское наши вотчины; ибо изъ этого княжескаго рода не осталось никого, а сестра королевская государству не отчичь. Князья и короли польскіе были въ равенствѣ, въ дружбѣ и любви съ князьями Галицкими и другими въ той украйнѣ, о Седмиградскомъ же государствѣ нигдѣ не слыхали; и государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть непригоже; а захочетъ съ нами братства и любви, такъ онъ бы намъ почетъ оказалъ“. Послы оскорбились и указывали на царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія; Іоаннъ велѣлъ отвѣчать имъ на это: „Давида царя Богъ избралъ, а не люди; слышите Соломона, Духомъ Святымъ глаголющаго: „Горе дому, имъ же жена обладаетъ, и горе граду, имъ же мнози обладаютъ“. Въ томъ ваша воля: мятежемъ человѣческимъ хотя бы кого и хуже родомъ выбрали—то вамъ государь; а намъ съ кѣмъ пригоже быть въ братствѣ, тотъ намъ и братъ, а съ кѣмъ непригоже, тотъ намъ и не братъ. Здѣсь слухи были, что вы хотѣли посадить на королевство и Яна Костку; и воевода Виленскій Николай Радзивилъ хотѣлъ также на государство; такъ неужели по вашему избранью и этихъ намъ надобно считать братьями? Вы говорите, что мы вашего государя укоряемъ: но мы его не укоряемъ, пишемъ про него правду; можно было бы намъ про него и хуже писать; да не хотимъ для христіанства. Государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во всѣхъ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ милосердіемъ помиловалъ, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божію милосердію полюбили его: изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ недостоинъ, но Богъ его помиловалъ, да вы его полюбили не по достоинству“.

Согласились продолжить перемиріе еще на три года, отъ 25 марта 1578; въ грамотѣ, написанной отъ имени царя, внесено было условіе: „Тебѣ, *сосѣду* (а не брату) нашему, Стефану королю въ вашей отчинѣ, Лифляндской и Курляндской землѣ, въ наши города, мызы, пристанища морскія, острова и во всякія угодья не

вступаться, не воевать, городовъ не засѣдать, новыхъ городовъ не ставить, изъ Лифляндіи и Курляндіи людей и городовъ къ себѣ не принимать до перемирнаго срока“. Но въ Польской грамотѣ, написанной послами отъ имени Стефана, этого условія не было. Московскіе послы, Карповъ и Головинъ, поѣхали къ Стефану, чтобъ присутствовать при его присягѣ въ сохраненіи перемирія; но Баторій уже не хотѣлъ мириться: въ концѣ 1577 года жители Данцига присягнули ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ: король оказалъ имъ снисхожденіе, ибо все вниманіе его было обращено на востокъ. Въ февралѣ 1578 года созванъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, гдѣ разсуждали, съ которымъ изъ двухъ непріятелей должно начать сперва войну—съ ханомъ Крымскимъ или царемъ Московскимъ? Татары, во время похода подъ Данцигъ, нападали на польскія границы: слѣдовало бы имъ отомстить; но какой добычи можно надѣяться отъ народа бѣднаго, кочевого? притомъ надобно бояться, чтобъ война татарская не возбудила Турковъ противъ Польши, ибо ханъ подручникъ Турецкій. Силы московскія огромны: но чѣмъ могущественнѣе непріятель, тѣмъ славнѣе побѣда надъ нимъ, а наградой будетъ Ливонія — край богатый и, по приморскому положенію своему, могущій принести большія выгоды. Положено было вести войну наступательную; вычислено, сколько нужно войска для нея, сколько денегъ для войска: назначены поборы. Для всѣхъ этихъ приготовленій нужно было время, а потому Баторій въ мартѣ 1578 года писалъ царю, чтобъ тотъ не предпринималъ военныхъ дѣйствій въ Ливоніи до возвращенія пословъ своихъ изъ Литвы, съ которыми паны будутъ вести переговоры объ этой странѣ. Царь почти цѣлый годъ держалъ гонца Баторіева и медлилъ отвѣтомъ, дожидаясь слѣдствій похода воеводъ своихъ въ Ливонію; Баторій поступалъ такимъ же образомъ съ послами Московскими: ихъ задерживали на дорогѣ, спорили о титулѣ государей, наконецъ представили королю въ Краковѣ; принимая ихъ, Баторій не хотѣлъ, вставши, спросить о здоровьѣ царя, какъ водилось прежде; послы, видя нарушеніе стараго обычая, не хотѣли править посольство; тогда Воловичъ, подканцлеръ Литовскій, сказалъ имъ: „Пришли вы не съ обычаемъ, къ обычаю; вашего приказа здѣсь не будутъ слушать; какъ здѣсь вамъ скажутъ, такъ и дѣлайте, если за вами есть дѣло, то ступайте къ рукѣ королевской и правьте посольство, а государь нашъ

Стефанъ король не встанетъ, потому что вашъ государь противъ его поклона не всталъ". Послы отвѣчали, что король царю не ровня, да и потому еще царь не всталъ, что тогда неизвѣстно было, чего хочетъ король, мира или войны, а теперь заключено перемиріе. Имъ отвѣчали, что они могутъ ѣхать назадъ; послы уѣхали назадъ ни съ чѣмъ и были еще задержаны въ Литвѣ.

Іоаннъ, обезпокоенный дурнымъ оборотомъ своихъ дѣлъ въ Ливоніи и задержкою пословъ въ Литвѣ, писалъ къ Стефану: „Ты, сосѣдъ нашъ, мимо прежняго обычая пословъ нашихъ задержалъ; дѣло, которое, по договору пословъ твоихъ, крестнымъ цѣлованіемъ утверждено, до сихъ поръ еще не довершено, чего никогда прежде ни при какихъ государяхъ не бывало, да и ни въ какихъ земляхъ христіанскихъ не ведется; а посламъ нашимъ съ твоими панами о Лифляндской землѣ говорить нечего, потому что съ ними объ этомъ наказа нѣтъ; то дѣло особенное, а ты для него шли къ намъ своихъ великихъ пословъ немедленно". Между тѣмъ еще въ декабрѣ 1578 года царь приговорилъ съ боярами, какъ ему, прося у Бога милости, идти на свое государево и земское дѣло на Нѣмецкую и Литовскую землю; распорядивъ полки, онъ въ іюлѣ 1579 года выѣхалъ въ Новгородъ, куда явились къ нему послы Карповъ и Головинъ съ извѣстіемъ, что Баторій идетъ къ московскимъ границамъ; вмѣстѣ съ этимъ они доносили, что изъ Литовской шляхты идутъ съ Баторіемъ немногіе охочіе люди, которые захотѣли идти на своихъ грошахъ, а которые не захотѣли, тѣ нейдутъ; изъ польскихъ пановъ и шляхты никто нейдетъ, кромѣ наемныхъ людей. Говорилъ король панамъ и шляхтѣ, чтобъ шли съ нимъ всею землею къ Смоленску или Полоцку; но паны радные королю отговариваютъ, чтобъ онъ отъ литовскихъ границъ войны не начиналъ. Король говорилъ имъ: если вы сами съ мною идти не хотите, то дайте людей, я и безъ васъ пойду; но паны ему отговариваютъ, чтобъ къ Полоцку и Смоленску никакъ не ходилъ, а стоялъ бы за Ливонію. Король говорилъ панамъ, чтобъ шли съ нимъ всею землею въ Ливонію доступать тѣхъ городовъ, которые Москва захватила, но паны ему отговариваютъ, чтобъ онъ самъ и въ Ливонію не ходилъ, а послалъ бы наемныхъ людей, защищать тѣ города, которые за нимъ, а надъ другими промышлять; паны большіе людей королю посулили, а шляхта людей дать не хочетъ, говоритъ: вѣдь съ насъ деньги на наемныхъ лю-

дей уже взяты! Паны, желая потѣшить короля, начали уговаривать шляхту, чтобъ шла съ нимъ въ Ливонію; но немного нашлось охотниковъ, и до сихъ поръ у короля еще не улажено, куда ему идти. А во всей землѣ, въ Польшѣ и Литвѣ, у шляхты и у черныхъ людей у всѣхъ одно слово, что у нихъ Стефану королю на королевствѣ не быть, а пока у нихъ Стефанъ король на королевствѣ будетъ, до тѣхъ поръ ни въ чемъ добру не бывать, а сколько имъ себѣ государей не выбирать, кромѣ сыновей Московскаго государя или Датскаго короля никого имъ не выбрать; а больше говорятъ во всей землѣ всякіе люди, чтобъ у нихъ быть на государствѣ Московскаго государя сыну.

Донесенія пословъ были справедливы: Баторій находился не въ завидномъ положеніи предъ началомъ московской войны. Отвращеніе къ войнѣ, какъ мы видѣли, уже давно овладѣло Поляками и Литовцами; частныя выгоды преобладали надъ общимъ дѣломъ: Литовцы боялись подвергнуть опасности свои предѣлы и требовали, чтобъ король перенесъ войну въ Ливонію. Но величіе Баторія оказалось именно въ томъ, что онъ успѣлъ преодолѣть всѣ эти препятствія. Какъ полководецъ, Баторій въ восточной Европѣ произвелъ тотъ переворотъ въ способѣ веденія войны, какой уже давно произведенъ былъ на Западѣ. Какъ въ Московскомъ государствѣ, такъ въ Польшѣ и Литвѣ, почти не было постояннаго войска; служилое или дворянское сословіе собиралось подъ знамена по призыву государей, и составляло конницу; о пѣхотѣ же польской можемъ имѣть ясное понятіе изъ приведеннаго выше донесенія гетмана Хоткѣвича объ осадѣ Улы. Такимъ образомъ войско въ восточной Европѣ сохраняло еще прежній, средневѣковой, или, лучше сказать, азіатскій характеръ: въ немъ преобладала конница, тогда какъ на Западѣ этотъ характеръ уже измѣнился: здѣсь конница видимо уступала первое мѣсто пѣхотѣ, здѣсь государи давно уже убѣдились въ необходимости имѣть подъ руками постоянное войско, состоявшее первоначально изъ наемныхъ ратниковъ. Мы видѣли характеръ нашихъ войнъ не только до Іоанна III-го, но при немъ, при сынѣ и внукѣ его, войнъ съ Литвою: ратныя толпы входили въ непріятельскую землю, страшно опустошали ее, рѣдко брали города, и возвращались назадъ, хвалясь тѣмъ, что пришли по здорову съ большою добычею; Литовцы платили тѣмъ же; но движенія съ ихъ стороны были слабѣе, вслѣдствіе указанныхъ уже

прежде причинъ, и потому Москва выходила постоянно съ выгодами изъ войнъ съ Литвою. Несмотря однако на это, даже и въ войскахъ литовскихъ, или, лучше сказать, между вождями литовскими, не говоря уже о Шведахъ, легко было замѣтить большую степень военнаго искусства, чѣмъ въ войскахъ или воеводахъ московскихъ: это было видно изъ того, что во всѣхъ почти значительныхъ столкновеніяхъ съ западными непріятелями въ чистомъ полѣ московскія войска терпѣли пораженіе: такъ было въ битвахъ при Оршѣ, при Улѣ, въ битвѣ при Лоде, при Венденѣ. Непріятели Московскаго государства понимали это очень хорошо и потому старались всѣми силами не допускать въ него искусства, при которомъ оно было бы непобѣдимо, не пропускать въ него искусныхъ ратныхъ людей, мастеровъ, не пропускать снарядовъ военныхъ. И въ Москвѣ понимали это также очень хорошо; отсюда осторожность московскихъ воеводъ, нежеланіе вступать въ битвы съ войсками, на сторонѣ которыхъ видѣлось большее искусство; мы должны отдать честь московскимъ воеводамъ за то, что они не полагались на многочисленность своихъ войскъ, сознавая превосходство качества надъ количествомъ, превосходство искусства надъ матеріальною силою. Понималъ это очень хорошо, если не лучше всѣхъ, самъ царь Іоаннъ: отсюда господствующее, неодолимое въ немъ желаніе овладѣть Ливоніею, овладѣть путями, ведущими къ образованнымъ народамъ; отсюда желаніе имѣть въ своей службѣ искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ иностранцевъ, каковъ былъ Фаренсбахъ и другіе; отсюда домогательство, чтобъ шведскій король прислалъ ему отрядъ ратныхъ людей, обученныхъ, вооруженныхъ поевропейски; отсюда осторожность, уклончивость, робость, происходившія въ немъ отъ отсутствія надежды на успѣхъ, безъ особенныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ соединеніи съ родовыми, отъ предковъ заимствованными осторожностію и уклончивостію. И вотъ въ это время, когда Московское правительство такъ хорошо сознавало у себя недостатокъ военнаго искусства и потому такъ мало надѣялось на успѣхъ въ рѣшительной войнѣ съ искуснымъ, дѣятельнымъ полководцемъ, на престолѣ Польши и Литвы явился государь энергическій, славолюбивый, полководецъ искусный, понявшій, какими средствами онъ можетъ побѣдить соперника, располагавшаго большими, но только одними матеріальными средствами. Средства Баторія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная

пѣхота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество надъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, незнающимъ, откуда ждать нападенія. Вотъ главныя причины успѣха Баторіева, причины недѣятельности московскихъ воеводъ, робости Іоанна; мы не можемъ согласиться съ Курбскимъ и писателями, слѣпо ему слѣдовавшими, что причина неуспѣха заключалась исключительно въ поведеніи Іоанна, истребившаго храбрыхъ, искусныхъ воеводъ своихъ; ибо странно было бы говорить объ искусствѣ воеводъ московскихъ, назначавшихся не по военнымъ способностямъ, а по мѣсту, которое они занимали въ думѣ, когда каждый бояринъ, какъ бояринъ, былъ въ то же время и воеводою, хотя бы не имѣлъ ни малѣйшихъ военныхъ способностей; да и гдѣ было узнать эти способности? въ битвахъ съ Казанцами и Крымцами? Князь Петръ Шуйскій считался знаменитымъ воеводою: но что онъ сдѣлалъ въ битвѣ при Улѣ (второй Оршинской)? Отецъ Іоанновъ не истреблялъ воеводъ своихъ: но какъ вели они себя при наступательномъ движеніи Сигизмунда I-го, которое окончилось первою Оршинскою битвою? Видимъ то же отступленіе, ту же страшную неудачу, какъ и въ войнѣ съ Баторіемъ: разница только въ томъ, что Сигизмундъ съ княземъ Острожскимъ не имѣли средствъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, какія приготовилъ себѣ Баторій съ Замойскимъ. Наконецъ, мы привыкли думать, что Іоаннъ располагалъ громадными войсками, которыя однако, вслѣдствіе робости его, оставались въ бездѣйствіи; но о числѣ войскъ московскихъ, во время войны съ Баторіемъ, мы не имѣемъ достовѣрныхъ показаній, на свидѣтельство же псковского лѣтописца, въ этомъ отношеніи, менѣе всего можно полагаться.

Приготовившись къ войнѣ, Баторій въ іюнѣ 1579 года отправилъ въ Москву гонца съ ея объявленіемъ: причиною разрыва выставлялъ онъ вступленіе Іоанна въ Ливонію, несмотря на перемиріе съ Литвою. Въ іюлѣ, собравши войско подъ Свиремъ, король держалъ совѣтъ, въ какую сторону лучше предпринять походъ? Литовскіе паны попрежнему совѣтовали идти черезъ Ливонію ко Пскову, потому что взятіе этого богатаго города можетъ вознаградить войско за труды, а взять его не трудно, потому что по отдаленности отъ театра войны имъ мало занимались въ послѣднее

время, прежнія стѣны должны быть уже ветхи. Но король былъ противнаго мнѣнія: такъ какъ, говорилъ онъ, война предпринимается для освобожденія Ливоніи, то странно было бы перенести войну въ край и безъ того уже опустошенный; притомъ Ливонія усѣяна городами и зáмками, осада которыхъ повела бы къ большому замедленію; наконецъ, переведши всѣ войска въ Ливонію, надобно было бы оставить Литву безъ прикрытія. Можно не чрезъ Ливонію, а чрезъ непріятельскую землю пуститься ко Пскову: но тогда въ тылу останется много непріятельскихъ крѣпостей и, углубившись такъ далеко въ непріятельскую землю, трудно было бы возвратиться, трудно было бы получить подкрѣпленія. Лучше всего взять прежде Полоцкъ: чрезъ это обезпечится и Ливонія и Литва, отъ которой войско не удалится, потому что Полоцкъ, лежащій надъ Двиною, служитъ одинаково ключемъ къ этимъ обѣимъ странамъ, кромѣ того взятіемъ Полоцка обезпечится судоходство по Двинѣ, важное для Литвы и Ливоніи, особенно для города Риги. Іоаннъ не зналъ объ этомъ мнѣніи Баторія; думалъ, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ ведена въ Ливоніи, зналъ, что таково мнѣніе большинства въ Польшѣ и Литвѣ, и потому отправилъ большое войско за Двину въ Курляндію; войско это ограничилось, по обычаю, опустошеніемъ страны, и должно было скоро вернуться назадъ, ибо непріятель явился тамъ, гдѣ его не ждали: въ началѣ августа Баторій осадилъ Полоцкъ. Осажденные воеводы, князь Василій Телятевскій, Петръ Волынскій, князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій держались въ дубовой крѣпости болѣе трехъ недѣль съ необыкновеннымъ мужествомъ; жители, старики и женщины бросались всюду, гдѣ вспыхивалъ пожаръ, и тушили его, на веревкахъ спускались со стѣнъ, брали воду и подавали въ крѣпость для гашенія огня; множество при этомъ падало ихъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но на мѣсто убитыхъ сейчасъ же являлись новые работники. Нелегко было и осаждающимъ: съ большимъ трудомъ могли они добывать съѣстные припасы въ странѣ малолюдной, лѣсистой и притомъ еще опустошенной недавнею войною; царь, узнавши объ осадѣ Полоцка, двинулъ туда передовые отряды подъ начальствомъ окольничихъ Бориса Шеина и Ѳедора Шереметева; но эти воеводы, увидавъ, что всѣ дороги къ Полоцку были загорожены войсками Баторія, заняли крѣпость Соколъ и оттуда препятствовали подвозу съѣстныхъ при-

пасовъ къ осаждающимъ, избѣгая столкновенія въ чистомъ полѣ съ высланными противъ нихъ полками подъ начальствомъ Христофа Радзивила и Яна Глѣбовича. Кромѣ того, погода стояла дождливая, дороги испортились, обозныя лошади падали, ратники не могли найти сухого мѣста подъ шатрами; особенно страдали Нѣмцы, привыкшіе вести войну въ странахъ богатыхъ, густо населенныхъ; въ противоположность имъ Венгры отличались терпѣливостію и неутомимостію.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ король созвалъ военный совѣтъ: бо̀льшая часть воеводъ была того мнѣнія, что надобно идти на приступъ; но король не согласился: „Если приступъ не удастся, „говорилъ онъ: „то что тогда останется дѣлать? отступить со стыдомъ!“ Обѣщаніемъ большихъ наградъ онъ уговорилъ Венгровъ подобраться къ стѣнамъ крѣпости и зажечь ихъ со всѣхъ сторонъ. Выбравши ясный день, 29 августа, Венгры бросились къ стѣнамъ и зажгли ихъ; пламя быстро распространилось, и осажденные не могли потушить пожара въ продолженіе цѣлаго дня; а между тѣмъ король, съ большею частію войска, стоялъ на дорогѣ къ Соколу, боясь, чтобъ тамошніе воеводы, увидя зарево, не явились на помощь къ Полоцку. Помощь однако не приходила, и осажденные начали думать о сдачѣ; десятеро Русскихъ спустились со стѣнъ къ осаждающимъ для переговоровъ, но Венгры умертвили ихъ: они не хотѣли допускать до переговоровъ, хотѣли взять городъ приступомъ, ибо въ такомъ случаѣ они получили бы право разграбить его; особенно прельщала ихъ церковь св. Софіи, о богатствахъ которой наслышались. Съ этою цѣлію Венгры, безъ приказа королевскаго, кинулись въ городъ сквозь пылавшія стѣны, за ними польская пѣхота; но осажденные уже успѣли выкопать ровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прогорѣла стѣна, встрѣтили нападающихъ залпомъ изъ пушекъ и прогнали ихъ. На другой день пожаръ и напоръ осаждающихъ возобновились; тогда стрѣльцы съ воеводою Волынскимъ выслали переговорщиковъ, и городъ былъ сданъ съ условіемъ свободнаго выхода всѣмъ ратнымъ людямъ: нѣкоторые изъ нихъ вступили въ службу королевскую; но владыка Кипріанъ и другіе воеводы, кромѣ Волынскаго, никакъ не хотѣли соглашаться на сдачу; они уже давно замышляли взорвать крѣпость, но не были допускаемы до этого ратными людьми, и когда послѣдніе уже сдали городъ, владыка и воеводы заперлись въ церкви св. Софіи и объ-

явило, что только силою можно будетъ ихъ взять оттуда, что и было исполнено со стороны непріятеля. Добыча, найденная въ Полоцкѣ, обманула ожиданія осаждающихъ; самую драгоцѣнную ея часть составляла библіотека, содержавшая въ себѣ много лѣтописей и твореній св. отцовъ греческихъ въ славянскомъ переводѣ; все это погибло. Тѣ изъ Русскихъ, которые рѣшились переселиться въ Литву, были не очень щедро награждены Баторіемъ: до насъ дошла грамота его къ дворному конюшему литовскому такого содержанія: „Многіе стрѣльцы и другіе люди московскіе, послѣ взятія Полоцка и прочихъ крѣпостей русскихъ, поддались намъ, и мы ихъ надѣлили пустыми участками земли въ старостве Гродненскомъ: но имъ нечѣмъ обработывать этихъ участковъ. Такъ приказываемъ тебѣ взять у подданныхъ нашихъ въ Литвѣ клячь самыхъ негодныхъ и мелкихъ, штукъ съ полтораста, и подѣлить ихъ между этими москвичами“.

25 сентября былъ зажженъ и взятъ Соколъ съ страшною рѣзнею: старый полковникъ Вейеръ, служившій у Баторія, говорилъ, что бывалъ онъ на многихъ битвахъ, но нигдѣ не видалъ такого множества труповъ, лежавшихъ на одномъ мѣстѣ. Взято было и нѣсколько другихъ близлежащихъ крѣпостей; съ другой стороны князь Константинъ Острожскій опустошилъ область сѣверскую до Стародуба и Почепа, а староста Оршанскій Кмита—Смоленскую, Шведы опустошали Карелію и землю Ижерскую, осаждали Нарву, но были отъ нея прогнаны.

Походъ 1579 года былъ конченъ Баторіемъ; онъ возвратился въ Вильну. Еще въ половинѣ сентября онъ отправилъ къ царю грамоту, въ которой писалъ, что по восшествіи на престолъ главнымъ стараніемъ его было сохранить миръ со всѣми сосѣдями и вездѣ онъ успѣлъ въ этомъ; одинъ только царь прислалъ ему гордую грамоту, въ которой требовалъ Ливоніи и Курляндіи; „такъ какъ намъ не годилось, заключаетъ король, исполнить это требованіе, то мы сѣли на коня и пошли подъ отчинный нашъ городъ Полоцкъ, который Господь Богъ намъ и возвратилъ: слѣдовательно кровь христіанская проливается отъ тебя“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Другіе господари, твои сосѣди, согласились съ тобою жить въ мирѣ, потому что имъ такъ годилось; а намъ, какъ было пригоже, такъ мы съ тобою и сдѣлали; тебѣ это не полюбилось; а гордымъ обычаемъ грамоты мы къ тебѣ не писывали и не дѣлывали ничего.

О Лифляндской же землѣ и о томъ, что ты взялъ Полоцкъ, теперь говорить нечего; а захочешь узнать нашъ отвѣтъ, то для христіанскаго покоя присылай къ намъ пословъ великихъ, которые бы доброе дѣло между нами по пригожу постановить могли. Мы съ тобою хотимъ доброй пріязни и братства и по всѣмъ своимъ границамъ запретили вести войну; распорядись и ты также по всѣмъ своимъ границамъ, пока послы великіе между нами братство и добрую пріязнь поставятъ; бояре наши били намъ челомъ, чтобъ мы кровопролитія въ христіанствѣ не желали и велѣли имъ обосляться съ твоими панами: мы на просьбу ихъ согласились". Царь, по требованію Баторія, отпустилъ гонца его, Лопатинскаго, который былъ задержанъ за то, что привезъ объявленіе войны; при отпускѣ царь велѣлъ сказать ему: „Пришелъ ты къ намъ отъ своего государя съ грамотою, въ которой Стефанъ король многія укоризненныя слова намъ писалъ, и нашу перемирную грамоту съ тобою къ намъ прислалъ: людей, которые съ такими грамотами пріѣзжаютъ, вездѣ казнятъ; но мы, какъ господарь христіанскій, твоей убогой крови не хотимъ и по христіанскому обычаю тебя отпускаемъ". Съ Лопатинскимъ отправленъ былъ особый гонецъ, который долженъ былъ требовать освобожденія плѣнныхъ на размѣнъ и на выкупъ. Это было въ январѣ 1580 года; въ мартѣ Стефанъ отвѣчалъ: „Мы къ тебѣ пословъ своихъ посылали, но ты отправилъ ихъ съ необычнымъ и къ доброй пріязни непригожимъ постановленіемъ, а твои послы, бывшіе у насъ, ничего добраго не постановили: такъ послѣ этого теперь намъ посылать къ тебѣ пословъ своихъ непригоже; присылай ты своихъ къ намъ и присылай немедленно. А что пишешь объ освобожденіи плѣнныхъ, то самъ разсуди, приличное ли теперь къ тому время? А нужды имъ у насъ никакой нѣтъ". Паны прислали боярамъ опасную грамоту на московскихъ пословъ. Царь приговорилъ послать отъ бояръ къ панамъ съ отвѣтомъ, что они прислали опасную грамоту не по пригожу, высоко, мимо прежняго обычая; пусть лучше наводятъ государя своего на то, чтобъ отправлялъ пословъ въ Москву немедленно. Іоаннъ отправилъ отвѣтъ свой Баторію съ дворяниномъ Нащокинымъ: „Мы пословъ твоихъ—писалъ царь—приняли и отпустили по прежнимъ обычаямъ, по неволѣ они ничего не дѣлали, безчестья и нужды имъ никакой не было. А наши послы у тебя ничего не постановили потому, что ты не хотѣлъ подтвердить по-

становленнаго твоими послами у насъ, вставилъ новое дѣло, нашихъ пословъ обезчестилъ, принялъ ихъ не по прежнимъ обычаямъ и безъ дѣла къ намъ отослалъ; а потомъ прислалъ къ намъ гонца Лопатинскаго съ грамотою, и какія рѣчи писалъ ты въ этой грамотѣ—самъ знаешь. Если намъ теперь всѣ эти дѣла между собою поминать, то никогда христіанство покоя не получитъ: такъ лучше намъ позабыть тѣ слова, которые прошли между нами въ кручинѣ и въ гнѣвѣ: ты бы, какъ государь христіанскій, дѣло гнѣвное оставилъ, а пожелалъ бы съ нами братской пріязни и любви; а мы, съ своей стороны, всѣ дѣла гнѣвныя оставили, и ты бы, по обычаю, отправилъ къ намъ своихъ пословъ". Въ случаѣ нужды Пащокинъ долженъ былъ согласиться на отправленіе царскихъ пословъ въ Литву; касательно поведенія своего московскіе гонцы получали въ это время такой наказъ: „Будетъ въ чемъ нужда, то они должны приставамъ говорить объ этомъ слегка, а не браниться и не грозить; если позволятъ покупать съѣстные припасы, то покупать, а не позволятъ—терпѣть; если король о царскомъ здоровьѣ не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то пропустить это безъ вниманія, ничего не говорить; если станутъ безчестить, тѣснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а *прытко* объ этомъ не говорить, терпѣть".

Баторій отвѣчалъ, что онъ уже садится на коня и выступаетъ съ войсками своими туда, куда Господь Богъ укажетъ дорогу, впрочемъ будетъ ждать московскихъ пословъ пять недѣль, считая отъ 14-го іюня. Іоаннъ отвѣчалъ на это, что онъ уже назначилъ пословъ—стольника, князя Ивана Сицкаго-Ярославскаго и думнаго дворянина Романа Пивова; но что въ такой короткій срокъ, какъ назначилъ король, имъ не поспѣть и на границы, не только въ Вильну. Баторій отвѣчалъ, что всѣ эти отсрочки ведутъ только къ упущенію удобнаго времени для войны; что онъ выступаетъ въ походъ, но что это выступленіе нисколько не препятствуетъ московскимъ посламъ пріѣхать къ нему для переговоровъ туда, гдѣ онъ будетъ находиться съ войскомъ. Ясно было, что Баторій пересылался съ царемъ только для того, чтобъ выиграть время, чтобъ собраться съ силами, достаточными для успѣшнаго похода. Для этого ему нуженъ былъ почти цѣлый годъ: вмѣсто благодарности многіе встрѣтили его съ упреками; упреки эти были опровергнуты на

сеймѣ, благодаря искусству и краснорѣчію знаменитаго канцлера Замойскаго; но нельзя было скоро дѣйствовать при недостаткѣ денегъ, при медленности съ какой собирались войска. Деньги король кое-какъ собралъ, пожертвовалъ свои, занялъ у частныхъ людей, причемъ также много помогъ ему Замойскій; братъ Баторія, князь Седмиградскій, прислалъ опять значительный отрядъ Венгровъ; но все еще было мало пѣхоты: шляхта никакъ не хотѣла служить въ ней; надобно было набирать ее изъ городскихъ жителей, но послѣдніе не были такъ привычны къ военной службѣ, были изнѣжены спокойнымъ пребываніемъ въ городахъ; придумали средство составить пѣхоту изъ людей крѣпкихъ, способныхъ къ перенесенію трудовъ и лишеній: положили въ королевскихъ имѣніяхъ изъ 20 крестьянъ выбирать одного, котораго, по выслугѣ срочнаго времени, освобождать навсегда самого и все потомство отъ всѣхъ крестьянскихъ повинностей. Въ Москвѣ также не теряли времени, собирали деньги и войско: но здѣсь не было искусныхъ въ военномъ дѣлѣ иностранныхъ дружинъ, здѣсь не было полководцевъ, которые бы могли равняться съ Баторіемъ. Не зная ничего о намѣреніяхъ послѣдняго, Іоаннъ долженъ былъ опять растянуть свои войска, послать полки и къ Новгороду, и ко Пскову, къ Кокенгаузену и къ Смоленску; сильные полки должны были оставаться также на южныхъ границахъ, гдѣ могъ явиться ханъ; на сѣверозападѣ надобно было отбиваться отъ Шведовъ. При отправленіи къ литовскимъ границамъ крещеннаго татарскаго царевича, великаго князя Симеона Бекбулатовича, и боярина князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, въ разрядѣ читаемъ: „То дѣло государь положилъ на Богѣ, на великомъ князѣ Симеонѣ и бояринѣ И. Ѳ. Мстиславскомъ съ товарищами: какъ ихъ Богъ вразумитъ, и какъ будетъ пригоже государева и земскаго дѣла беречь и дѣлать“. По монастырямъ отправлены были грамоты: „Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ, литовскій король, со многими силами; мы къ нему посылали о мирѣ съ покореніемъ, но онъ съ нами мириться не хочетъ, и на нашу землю идетъ съ ратью. И вы бъ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ праведный свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго христіанства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бы христіанству побѣды далъ на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ“.

Баторій рѣшилъ двинуться къ Великимъ Лукамъ; но чтобы скрыть это отъ непріятеля, приказалъ войску собраться подъ Часниками; мѣсто это расположено надъ рѣкою Улою такимъ образомъ, что находится въ равномъ разстояніи и отъ Великихъ Лукъ и отъ Смоленска, вслѣдствіе чего до послѣдней минуты оставалось неизвѣстнымъ, къ которому изъ этихъ городовъ король направитъ путь. Онъ выступилъ къ великимъ Лукамъ съ 50,000 войска, въ числѣ котораго находилось 21,000 пѣхоты. Деревянная крѣпость Велижъ была зажжена калеными ядрами и сдалась; Усвятъ послѣдовалъ ея примѣру. Баторій стоялъ уже у Великихъ Лукъ, какъ явились къ нему въ станъ послы московскіе—князь Сицкій и Пивовъ; отъ самой границы ихъ уже встрѣчали непріятностями, дерзостями: посланный къ нимъ навстрѣчу на рубежъ отъ оршанскаго воеводы Филона Кмиты назвалъ послѣдняго воеводою Смоленскимъ; послы сказали на это: „Филонъ затѣваетъ нелѣпость, называя себя воеводою смоленскимъ; онъ еще не тотъ Филонъ, который былъ у Александра Македонскаго; Смоленскъ вотчина государя нашего; у государя нашего Филоновъ много по острожнымъ воротамъ". Когда послы поѣхали къ королю въ станъ, то гайдуки начали стрѣлять изъ ручницъ возлѣ лошадей польскихъ и пыжи падали на пословъ. Король, принимая ихъ, противъ государева имени и поклона не всталъ, шапки не снялъ, о здоровьѣ государевомъ не спросилъ. Послы требовали, чтобъ Баторій снялъ осаду Лукъ, и тогда они станутъ править ему посольство, ибо имъ наказано править посольство въ землѣ королевской, а не подъ государевыми городами. На это имъ паны отвѣчали: „Ступайте на подворье!" а Виленскій воевода говорилъ имъ въ слѣдъ: „Ступайте на подворье! пришли съ бездѣльемъ, съ бездѣльемъ и пойдете." Послы просили, чтобъ король отошелъ, по крайней мѣрѣ, отъ Лукъ на то время, когда они станутъ править посольство: не согласились; просили, чтобъ не велѣлъ въ это время промышлять надъ городомъ: не согласились и на это; послы начали править посольство, уступали королю Полоцкъ, Курляндію, 24 города въ Ливоніи; но король требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новгорода. Послы просили позволенія отправить гонца въ Москву за новымъ наказомъ; гонецъ былъ отправленъ, но Баторій не дожидался его возвращенія: послѣ долгихъ стараній Замойскому удалось наконецъ зажечь крѣпость; осажденные

начали переговоры о сдачѣ; но Венгры, боясь лишиться добычи, самовольно ворвались въ городъ и начали рѣзать всѣхъ, кто ни попадется. Поляки послѣдовали ихъ примѣру; Замойскому удалось спасти только двоихъ воеводъ. Князь Збаразскій съ польскою, венгерскою и нѣмецкою конницею разбилъ князя Хилкова подъ Торопцомъ; Невль какъ скоро былъ зажженъ, сдался; Озерище сдалось еще прежде пожара; крѣпкое Заволочье отбило первый приступъ, но потомъ также принуждено было поддаться Замойскому. Не такъ счастливъ былъ Оршанскій воевода Филонъ Кмита: съ 9000 Литвы онъ подошелъ къ Смоленску съ тѣмъ, чтобъ сжечь посады; но въ деревнѣ Настасьинѣ пришли на него царскіе воеводы, Иванъ Михайловичъ Бутурлинъ съ товарищами, и сбили съ станомъ; Кмита вечеромъ сталъ въ крѣпкомъ мѣстѣ въ обозѣ, а ночью ушелъ изъ него; Бутурлинъ на другой день погнался за непріятелемъ, настигъ его въ 40 верстахъ отъ Смоленска, на Спасскихъ лугахъ, и разбилъ, взялъ знамена, шатры, 10 пушекъ, 50 затинныхъ пищалей и 370 плѣнныхъ. Баторій взятіемъ Лукъ кончилъ свой походъ 1580 года; но военныя дѣйствія на этотъ разъ продолжались и зимою: въ февралѣ 1581 года Литовцы пришли ночью къ Холму, взяли его и оставили за собою, выжгли Старую Русу, въ Ливоніи взяли замокъ Шмильтенъ, и вмѣстѣ съ Магнусомъ опустошили Дерптскую область до Нейгаузена, до границъ русскихъ. Съ другой стороны шведскій полководецъ Понтусъ Делагарди вошелъ въ Карелію, въ ноябрѣ 1580 взялъ Кексгольмъ причемъ, по извѣстіямъ ливонскихъ лѣтописцевъ, было истреблено 2000 русскихъ. Въ Эстоніи шведы осадили Падисъ (въ 6 миляхъ отъ Ревеля): осажденные, подъ начальствомъ воеводы Чихачева, терпѣли страшный голодъ, 13 недѣль не отвѣдывали хлѣба, переѣли всѣхъ лошадей, собакъ, кошекъ, сѣно, солому, кожи, нѣкоторые тайно отвѣдали, какъ пишутъ, и человѣческаго мяса; наконецъ въ декабрѣ непріятель взялъ городъ вторымъ приступомъ. Въ началѣ 1581 года Делагарди оставилъ Карелію и неожиданно явился въ Ливоніи подъ Везенбергомъ, который, послѣ сильнаго обстрѣливанія, сдался въ мартѣ подъ условіемъ свободнаго выхода осажденнымъ. Въ томъ же мѣсяцѣ московскіе воеводы, по старому обычаю, ходили изъ Можайска опустошать литовскія земли, были у Дубровны, Орши, Могилева, подъ Шкловымъ, имѣли удачную

битву съ литовскими войсками и возвратились благополучно въ Смоленскъ.

А между тѣмъ Баторій хлопоталъ о третьемъ походѣ, занялъ деньги у герцога прусскаго, курфирстовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго. На сеймѣ, собранномъ въ февралѣ 1581 года, объявилъ, что мало радоваться успѣхамъ военнымъ, надобно пользоваться ими; если не желаютъ или не надѣются покоренія цѣлаго московскаго государства, то, по крайней мѣрѣ, не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не закрѣпятъ за собою всей Ливоніи. Потомъ объяснялъ, какъ вредно каждый годъ отрываться отъ войска и спѣшить на сеймъ для вытребованія денежныхъ поборовъ; что отъ этого собственное войско ослабѣваетъ, а непріятелю дается время возстановлять свои силы, что запоздалое собираніе денегъ заставляетъ терять самое удобное для военныхъ дѣйствій время, что единственное средство для избѣжанія этихъ невыгодъ— двухлѣтній поборъ. Сеймъ сначала противился королевскому предложенію, потомъ согласился. Но при концѣ сейма земскіе послы просили короля, чтобъ слѣдующимъ, третьимъ походомъ постарался окончить войну, ибо шляхта и особенно ея крестьяне совершенно изнурены поборами и далѣе выносить ихъ не въ состояніи. Король отвѣчалъ чрезъ Замойскаго, что онъ не длитъ нарочно войны, предпринятой для общаго спокойствія и выгоды: непріятель теперь въ такомъ положеніи, что легко довести его до послѣдней крайности, продля хотя немного войну; что, исполняя желаніе земли, онъ не будетъ препятствовать заключенію мира, какъ скоро принудитъ непріятеля уступить ему всю Ливонію.

Переговоры о мирѣ продолжались во все это время; Сицкій и Пивовъ ѣхали за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до Варшавы: приставы, державши долго пословъ, повели ихъ за королемъ къ Полоцку; на дорогѣ литовскіе люди пословъ безчестили, посольскихъ людей били, грабили, корму людскаго и конскаго посламъ не давали, отчего много лошадей у нихъ попадало. Въ недостаткѣ корма впрочемъ послѣ предъ послами объяснились и извинились, и Баторій старался вознаградить пословъ за прежнія нужды, даря ихъ винами иностранными и медомъ старымъ. Но потомъ опять послы начали терпѣть нужду, и приставъ на ихъ жалобы отвѣчалъ: „Вамъ все кормъ давай! вѣдь доброму дѣлу не бывать; тѣ гроши, что было вамъ на кормъ давать, надобны еще на дру-

тія дѣла“. Въ Варшавѣ паны радные польскіе говорили посламъ великія задорныя рѣчи и непригожія слова; да и въ радѣ сидя, говорили высокія и задорныя слова, а гладко и склонно никто ничего не говорилъ; послы противъ ихъ разговоровъ молчали, а отговаривали имъ безъ брани, слегка, по государеву наказу. Послы предлагали заключить перемиріе на томъ условіи, что каждому владѣть, чѣмъ владѣетъ, но паны съ этимъ предложеніемъ и къ королю не пошли. Царь прислалъ къ королю гонца съ требованіемъ опасной грамоты на новыхъ пословъ: „Этимъ посламъ—писалъ Іоаннъ—мы велѣли договориться подробно на счетъ Лифляндской земли, какъ дѣлу пригоже статься; тогда, по договору, и людей изъ Лифляндской земли велимъ вывести; а до тѣхъ поръ ты бы, братъ нашъ, людей не собиралъ и убытка казнѣ своей не дѣлалъ“. Гонцу было наказано: „Если король о царскомъ здоровьѣ не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то объ этомъ ничего не говорить. Послами были отправлены думные дворяне Пушкинъ и Писемскій; имъ данъ былъ такой наказъ: „Послы не должны отдавать вѣрющей грамоты никому, кромѣ короля, должны требовать, чтобъ ихъ непремѣнно представили Баторію, а если станутъ ихъ укорять, или безчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, безчестье и брань отвѣчать, смотря по дѣлу, что будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ, слегка, а не браниться, противъ побоевъ терпѣть, и стоять накрѣпко, чтобъ ихъ отпустили къ королю, а пока у короля не будутъ, до тѣхъ поръ грамоты вѣрющей никому не давать и посольства ни передъ кѣмъ не править. Если король не встанетъ и велитъ о государевомъ здоровьѣ спрашивать панамъ, то и за этимъ не останавливаться, о государевомъ здоровьѣ говорить, грамоту вѣрющую подавать, посольство править; если будутъ ихъ на посольствѣ бранить или бить—говорить одно, чтобъ дали посольство исправить, и ни за чѣмъ не останавливаться, самимъ не задирать и невѣжливыхъ словъ королю не говорить. Если паны станутъ говорить, чтобъ государя царемъ не писать, и за этимъ дѣло остановится, то посламъ отвѣчать: Государю нашему царское имя Богъ далъ, и кто у него отниметъ его? Государи наши не со вчерашняго дня государи, извѣчные государи; а если государь вашъ не велѣлъ нашего государя царемъ писать, то государь нашъ для покоя христіанскаго не велѣлъ себя царемъ писать; все равно, какъ его ни

напиши, во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь. Если же станутъ спрашивать: кто же это со вчерашняго дня государь?—отвѣчать: мы говоримъ про то, что нашъ государь не со вчерашняго дня государь, а кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ. Если не захотятъ писать государя братомъ королю, то отвѣчать: государи наши извѣчные государи; государю нашему братья Турецкій цезарь и другіе великіе государи, и то нашему государю не важно, что съ вашимъ государемъ писаться братомъ, и если государь вашъ этого не хочетъ, то мы просто напишемъ безъ братства, что взяли перемирье государь съ государемъ. А если станутъ говорить, чтобъ въ перемирной грамотѣ написать такъ отъ имени короля: учинили мы тебя (царя) въ братствѣ, и въ дружбѣ, и въ любви—то и за этимъ дѣло не останавливать; если король не согласится писать царя Смоленскимъ, то согласиться и на это". Любопытно, что, соглашаясь на все, приказывая посламъ терпѣть все, Іоаннъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи уколоть Баторія, что онъ со вчерашняго дня государь.

Послы пріѣхали съ предложеніемъ королю всей Ливоніи, за исключеніемъ только четырехъ городовъ; но король не только попрежнему требовалъ всей Ливоніи, но прибавилъ еще новыя требованія: потребовалъ уступки Себежа и уплаты 400,000 золотыхъ венгерскихъ за военныя издержки. Это вывело изъ терпѣнія Іоанна. Послы отказались продолжать переговоры, просили дозволенія послать къ своему государю за новымъ наказомъ. Есть также извѣстіе, что послы дали знать ему о затруднительномъ положеніи Баторія, который потерялъ брата, князя Седмиградскаго, и могъ быть вовлеченъ, по этому случаю, въ большія хлопоты. Когда явился гонецъ Баторіевъ съ требованіемъ новаго наказа посламъ, то царь противъ королевскаго имени не всталъ, о здоровьѣ королевскомъ не спросилъ, потому что и король этого не дѣлалъ; гонцу не было поставлено скамьи, поминковъ у него не взяли, обѣдать не позвали, потому что Стефанъ король на кровопролитіе христіанское стоитъ безпрестанно. Іоаннъ отправилъ съ гонцомъ къ Стефану грамоту, начинавшуюся такими словами: „Мы смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, *по Божіему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію*." Изложивши условія мира, предложенныя посламъ, царь пишетъ: „Мы такого превозношенья не слыхали нигдѣ, и дивимся, что ты мириться хочешь, а паны твои такое без-

мѣрье говорятъ. Они говорили нашимъ посламъ, что тѣ пріѣхали торговать Лифляндскою землю: наши послы торгуютъ Лифляндскою землею; и это не хорошо; а это хорошо, что паны твои нами и нашими государствами играютъ, и въ гордости своей хотятъ того, чему нельзя статься: это не торговля, разговоръ! Когда на вашемъ государствѣ были прежніе государи христіанскіе, благочестивые, которые о кровопролитіи христіанскомъ жалѣли, тогда паны-рада съ нашими послами разговорныя рѣчи говаривали и многіе приговоры дѣлывали, чтобъ на обѣ стороны любо было. Съѣзжаются, бывало, много разъ, и побранятся, и опять помирятся, дѣлаютъ долго не въ одинъ часъ. А теперь видимъ и слышимъ, что въ твоей землѣ христіанство умаляется, потому твои паны-рада, не жалѣя христіанской крови, дѣлаютъ скоро". Укоривъ Баторія въ нарушеніи перемирія, заключеннаго его послами въ Москвѣ, Іоаннъ продолжаетъ: „Никогда этого не бывало; и если ты прежнихъ государей Польскихъ пишешь предками своими, то зачѣмъ по ихъ уложенью не ходишь? Ты пришелъ со многими землями и съ нашими измѣнниками, Курбскимъ, Заболоцкимъ, Тетеринымъ и другими; наши воеводы и люди противъ тебя худо бились, городъ Полоцкъ измѣною тебѣ отдали; а ты, идучи къ Полоцку, грамоту писалъ ко всѣмъ нашимъ людямъ, чтобъ они намъ измѣняли, а тебѣ съ городами поддавались, насъ за нашихъ измѣнниковъ карать хвалился; надѣешься не на воинство, на измѣну! Мы, не желая, чрезъ крестное цѣлованіе, начинать съ тобою войну, сами противъ тебя не пошли и людей большихъ не послали, а послали въ Соколъ немногихъ людей провѣдать про тебя. Но твой воевода Виленскій, пришедши подъ Соколъ со многими людьми, городъ сжегъ новымъ умышленьемъ, людей побилъ и мертвыми поругался беззаконно, чего и у невѣрныхъ не слыхано. Называешься государемъ христіанскимъ, а дѣла при тебѣ дѣлаются не по христіанскому обычаю. Христіанское ли то дѣло, что твои паны крови христіанской не жалѣютъ, а издержекъ жалѣютъ: если тебѣ убытокъ, такъ ты бы Зиволочья не бралъ, кто тебѣ объ этомъ челомъ билъ? Что это за миръ: казну у насъ взявши, обогатившись, насъ изубытчавши; на нашу же казну людей нанявши, землю нашу Лифляндскую взявши, наполнивши ее своими людьми, да немного погодя, собравшись еще сильнѣе прежняго, насъ же воевать и остальное отнять! Ясно; что хочешь безпрестанно воевать,

а не мира ищешь. Мы бы тебѣ и всю Лифляндію уступили, да вѣдь тебя этимъ не утѣшишь; и послѣ ты все-равно будешь кровь проливать. Вотъ и теперь, у прежнихъ пословъ просилъ одного, а у нынѣшнихъ просишь уже другого, Себежа; дай тебѣ это, ты станешь просить еще, и ни въ чемъ мѣры себѣ не поставишь. Мы ищемъ того, какъ бы кровь христіанскую унять, а ты ищешь того, какъ бы воевать; такъ зачѣмъ же намъ съ тобою мириться? и безъ миру то же самое будетъ". Посламъ отправленъ былъ наказъ уступить королю завоеванные имъ русскіе города, но за то требовать въ Ливоніи Нарвы, Юрьева и 36 другихъ замковъ, и на такихъ только условіяхъ заключить перемиріе на шесть или на семь лѣтъ. Паны возразили, что эти условія новыя: послы отвѣчали, что такъ какъ король перемѣнилъ прежнія условія, то и царь сдѣлалъ то же, что другого имъ наказа нѣтъ—и уѣхали на свое подворье. Переговоры кончились, Баторій выступилъ въ походъ, а къ Іоанну послалъ грамоту, наполненную ругательствами, называлъ его Фараономъ московскимъ, волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ, человѣкомъ, исполненнымъ яда, ничтожнымъ, грубымъ: „Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ съ своими войсками—пишетъ между прочимъ Баторій—для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ? и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься!" Наконецъ Баторій вызываетъ Іоанна на поединокъ. Гонца, привезшаго эту грамоту, государь обѣдать не звалъ и корму вмѣсто стола дать ему не велѣлъ.

Передъ выступленіемъ въ походъ Баторій созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, куда направить путь? Почти всѣ были того мнѣнія, что надобно идти ко Пскову, ибо овладѣніе этимъ городомъ предастъ въ руки королю всю Ливонію, за которую и ведется собственно война. Король и съ нимъ нѣкоторые воеводы были не прочь идти прямо къ Новгороду, ибо оттуда приходили вѣсти, что служилые люди готовы отложиться отъ Іоанна; но, съ другой стороны, было опасно, идя къ Новгороду, оставить за собой такой крѣпкій городъ, какъ Псковъ, гдѣ сосредоточены были почти всѣ силы непріятеля. Это соображеніе заставило Баторія согласиться съ большинствомъ и выступить ко Пскову. Каменныя стѣны крѣпости Острова не устояли противъ стрѣльбы, и крѣпость сдалась. 26 августа Польскія войска подошли ко Пскову, гдѣ началь-

ствовали двое бояръ князей Шуйскихъ, Василій Ѳедоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ, сынъ извѣстнаго воеводы Петра и внукъ Ивана знаменитаго правителя въ малолѣтство Іоанново; Псковъ славился какъ первая крѣпость въ московскомъ государствѣ: въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій главною заботою Псковичей было укрѣпленіе своего города, подверженнаго безпрестаннымъ нападеніемъ нѣмцевъ; теперь обветшавшія укрѣпленія были возобновлены и городъ снабженъ многочисленнымъ нарядомъ (артиллеріею); войска, по иностраннымъ непріятельскимъ показаніямъ, было во Псковѣ до 7,000 конницы и до 50,000 пѣхоты, включая сюда тѣхъ обывателей, которые несли воинскую службу; число осаждающихъ простиралось до 100,000. Король, обозрѣвши городъ и узнавши отъ плѣнныхъ о его средствахъ, увидалъ свою ошибку, увидалъ, что свѣдѣнія, полученныя имъ прежде о состояніи Пскова, были невѣрны. Онъ увидѣлъ прежде всего, что у него мало пѣхоты, что для приступа надобно было имѣть ея втрое болѣе, чѣмъ сколько было въ самомъ дѣлѣ; и пороховыхъ запасовъ для осады такого города было недостаточно. 1-го сентября осаждающіе начали свои работы, *копали борозды* (вели траншеи); 7 сентября открыли пальбу, 8 пробили стѣну и пошли на приступъ, который сначала былъ удаченъ: непріятель ворвался въ проломы, занялъ двѣ башни—Покровскую и Свиную и распустилъ на нихъ свои знамена; осажденные потеряли духъ и начали уже отступать; но воевода, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, второй по мѣсту и первый по мужеству, угрозами, просьбами и слезами, успѣлъ удержать ихъ съ одной стороны, а съ другой сдѣлалъ то же Печерскій игуменъ Тихонъ, вышедшій къ нимъ на встрѣчу съ иконами и мощами. Сопротивленіе возобновилось съ новою силою; осажденные взорвали Свиную башню, занятую Поляками, и согнали Венгровъ съ Покровской. Приступъ былъ отбитъ: осажденные потеряли 663 человѣка убитыми; 1626 человѣкъ ранеными; осаждающіе же болѣе 5,000 человѣкъ убитыми, и въ томъ числѣ Гавріила Бекеша искуснаго предводителя Венгерскаго. Послѣ этого осаждающіе долго не могли ничего предпринять, ибо не было пороху; послали за нимъ къ герцогу Курляндскому, въ Ригу; привезли, но и тутъ попытки овладѣть городомъ остались тщетными, не удалась даже попытка овладѣть Печерскимъ монастыремъ; а между тѣмъ начались морозы, войско терпѣло большую нужду и волновалось, требовало

прекращенія войны; но снять осаду Пскова и возвратиться на зиму домой значило погубить дѣло, и Баторій, во что бы то ни стало, рѣшился оставить войско зимовать подъ Псковомъ. Дѣло было чрезвычайно трудное, но у короля былъ Замойскій! Главною заботою послѣдняго было введеніе дисциплины въ войнѣ, причемъ самое сильное препятствіе встрѣчалъ онъ въ молодыхъ панахъ и шляхтѣ, привыкшихъ къ своеволію, но Замойскій не смотрѣлъ ни на что: чѣмъ знатнѣе былъ преступникъ, тѣмъ, по его мнѣнію, строже долженствовало быть наказаніе: такъ онъ держалъ въ оковахъ дворянина королевскаго, поступившаго вопреки воинскому уставу, и не выпускалъ его несмотря на просьбы цѣлаго войска: предъ цѣлымъ войскомъ выставлялъ на позоръ своевольныхъ шляхтичей. Въ нужныхъ случаяхъ наказывалъ тѣлесно, вѣшалъ преступниковъ, строго наказывалъ также женщинъ, осмѣливавшихся пробираться въ обозъ. Легко понять, какую ненависть возбудилъ противъ себя Замойскій такимъ поведеніемъ; кричали: „онъ съ молодыхъ лѣтъ зналъ только, что за книгами сидѣлъ, въ Италіанскихъ школахъ учился, военнаго дѣла не смыслитъ, совѣтуетъ королю упорно держаться подъ Псковомъ, и этимъ совѣтомъ все войско сгубитъ!“ Безсмысленная шляхта укоряла Замойскаго за ученость; а самъ Замойскій признавался, что наука сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, повторяя съ гордостію; Patavium virum me fecit (Падуа, Падуанскій университетъ, сдѣлалъ меня человѣкомъ). Кричали, что Замойскій покинетъ войско подъ Псковомъ на жертву голоду и холоду, а самъ уѣдетъ съ королемъ на сеймъ подъ предлогомъ исполненія канцелярскихъ обязанностей; король уѣхалъ, но Замойскій остался при войскѣ. Кромѣ Пскова военныя дѣйствія происходили на верхней Волгѣ, въ Ливоніи, въ Новгородской области. Къ Волгѣ пробрались Христофъ Радзивилъ, Филонъ Кмита и Гарабурда, но далеко не пошли, боясь сильныхъ полковъ царскихъ; важнѣе были наступательныя движенія шведовъ: они взяли Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель, Нарву, гдѣ пало 7,000 русскихъ, Виттенштейнъ; наконецъ Делагарди перенесъ войну и на русскую почву, взялъ Ивангородъ, Яму, Копорье. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда царь рѣшился начать снова мирные переговоры съ Баторіемъ, причемъ посредникомъ явился папскій посолъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ.

Въ 1550 году Шлиттъ, котораго Іоаннъ отправилъ въ Германію для вызова ученыхъ и художниковъ, самовольно возбудилъ въ императорѣ и папѣ надежду на присоединеніе Московскаго государства къ Римской церкви, и папа Юлій III назначилъ было уже посольство къ государю съ предложеніемъ королевскаго титула, за что царь долженъ былъ поклясться въ повиновеніи апостольскому престолу. Въ 1561 году папа Пій IV предлагалъ Іоанну отправить пословъ своихъ на Тридентскій соборъ. На всѣ эти предложенія не обращалось вниманія въ Москвѣ; но когда Баторій сталъ грозить опасною войной, то Іоаннъ отправилъ къ папѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторія *посаженника* султанова, и объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ въ любви и согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, въ наказѣ которому говорилось: „Пріобрѣтя расположеніе и довѣренность государя Московскаго, приступайте къ дѣлу, внушайте какъ можно искуснѣе мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою церкви первосвященника римскаго, признаваемаго таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наводите царя на мысль, какъ неприлично такому великому государю признавать митрополита Константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но симоніанъ и рабъ Турокъ: что гораздо лучше и славнѣе для него будетъ, если онъ, вмѣстѣ съ другими государями христіанскими, признаетъ главою церкви первосвященника Римскаго; съ этою цѣлію возьмите съ собою изложеніе вѣры, составленное на Тридентскомъ соборѣ, въ Греческомъ переводѣ. Такъ какъ, быть можетъ, монахи или священники московскіе, частію по грубости своей и отвращенію къ латинской церкви, частію изъ опасенія потерять свое значеніе, будутъ противиться нашему благочестивому намѣренію, и употребятъ всѣ усилія, чтобъ не допустить государя оставить греческую вѣру, то старайтесь всѣми силами пріобрѣсть ихъ расположеніе; болѣе всего старайтесь пріобрѣсти свѣдѣнія обо всемъ касающемся вѣры этого народа. Внушайте государю, какія великія слѣдствія будетъ имѣть союзъ христіанскихъ государствъ противъ Турокъ, внушайте, что на его долю достанется большая часть славы и выгодъ, что ему, какъ сосѣднему и могущественнѣйшему владѣтелю, должны будутъ достаться многія страны турецкія; вы должны узнать подробно о коли-

чествѣ и качествѣ военныхъ силъ московскихъ, сколько пѣхоты, конницы, съ какой стороны государь Московскій думаетъ лучше напасть на Турокъ, нѣтъ ли какого сосѣдняго народа, съ которымъ бы можно было вступить въ союзъ. Но послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ, воспламенивши желанія государя къ славнымъ подвигамъ, вы обратитесь опять къ главному—къ духовному союзу. Если встрѣтите затрудненія, не теряйте духа, дѣлайте что можете, употребите всѣ средства, чтобъ получить отъ вашего посольства хотя какой-нибудь плодъ; вы должны испросить позволеніе на постройку одной или нѣсколько католическихъ церквей въ Москвѣ для тѣхъ католиковъ, которые будутъ пріѣзжать по торговымъ дѣламъ; объясните, что иначе никогда не установятся торговыя сношенія съ католическими народами". Другого рода наказъ данъ былъ царемъ приставу, который отправлялся встрѣтить и провожать Поссевина: „Если посолъ станетъ задирать и говорить о вѣрѣ, греческой или римской, то приставу отвѣчать: грамотѣ не учивался, да не говорить ничего про вѣру".

18 августа пріѣхалъ Поссевинъ къ Іоанну въ Старицу. Между прочими дарами папа прислалъ царю съ Антоніемъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ и писалъ: „Посылаю твоему величеству книгу о Флорентійскомъ соборѣ печатную; прошу, чтобъ ты ее самъ читалъ и своимъ докторамъ приказалъ читать: великую отъ того Божію милость и мудрость, и разумъ получишь; а я отъ тебя только одного хочу, чтобъ святая и апостольская церковь съ тобою въ одной вѣрѣ была, а все прочее твоему величеству отъ насъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей будетъ готово". Поссевинъ, заѣзжавшій къ Баторію, объявилъ, что послѣдній не хочетъ мириться безо всей Ливоніи; пересказывалъ собственныя слова Баторія: „Если государь Московскій", говорилъ король, „не хочетъ уступить мнѣ малыхъ городковъ ливонскихъ, то я пойду къ которому-нибудь большому его городу, къ Пскову или къ Новгороду, и только возьму одинъ который-нибудь большой городъ, то всѣ нѣмецкіе города будутъ мои" — „И я", говорилъ Поссевинъ: „какія рѣчи у короля слышалъ, тѣ государю и объявляю, а что государь мнѣ объявитъ, то я Стефану королю объявлю, а хочу свою душу и голову отдать за государскую милость".—Исполняя наказъ, Антоній просилъ, чтобъ позволено было построить въ Москвѣ католическую церковь для купцовъ ве-

неціанскихъ; говорилъ о необходимости союза всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, но давалъ знать, что союзъ этотъ не можетъ быть крѣпокъ, если всѣ государи не будутъ принадлежать къ одному исповѣданію; уговаривая Іоанна къ соединенію съ Римомъ, Поссевинъ говорилъ: „Къ царствамъ и богатствамъ, которыхъ у тебя много, къ славѣ той, которую ты пріобрѣлъ расширеніемъ земли своей, прибавь славу единенія съ вѣрою апостольскою, и тогда великое множество небеснаго благословенія получишь“. Царь отвѣчалъ: „Мы никогда не желали и не хотимъ, чтобъ кровопролитіе въ христіанствѣ было; и Божіимъ милосердіемъ отъ младенчества нашего чрезъ много лѣтъ кровопролитіе въ христіанствѣ не велось. Но ненавидящій добра врагъ съ своими сосудами ввелъ въ Литовской землѣ новую вѣру, что называется Лютеръ Мартынъ; въ нашихъ странахъ эта вѣра сильно распространилась; и какъ это ученіе утвердилось, такъ въ христіанствѣ и кровопролитіе началось, а какъ и которымъ обычаемъ началось, и почему между ними и Стефаномъ королемъ недружба стала, мы тебѣ объ этомъ послѣ скажемъ; а теперь извѣщаемъ тебѣ, какъ намъ быть въ дружбѣ и въ любви съ папою и цесаремъ Рудольфомъ. Что наивысшій папа Григорій хочетъ между всѣми нами государями христіанскими мирное постановленіе утвердить, то намъ пріятельно и любительно. Его пресвѣтлѣйшеству опасную грамоту даемъ, что посламъ его къ намъ пріѣхать и отъѣхать добровольно; а дѣти наши въ нашей волѣ: Иванъ сынъ еще государскимъ именемъ не почтенъ, а Ѳедоръ еще не въ томъ возрастѣ, чтобъ могъ съ нами государствомъ править, и потому ихъ въ опасную грамоту писать не нужно, тѣмъ болѣе, что наше слово ни отъ кого превратно не будетъ, у насъ не такъ, какъ въ другихъ государствахъ дѣти, братья и вельможи превращаютъ слово государево. Венеціанамъ въ наше государство пріѣзжать вольно съ попами и со всякими товарами, а церквамъ Римскимъ въ нашемъ государствѣ быть не пригоже, потому что до насъ этого обычая здѣсь не бывало, и мы хотимъ по старинѣ держать“. Затѣмъ Іоаннъ приступилъ къ главному дѣлу: отпуская Поссевина быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, Іоаннъ объявилъ ему условія, на которыхъ можетъ помириться съ королемъ: царь уступалъ послѣднему 66 городовъ въ Ливоніи, кромѣ того русскіе города: Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, а за собою ос-

тавлялъ 35 городовъ ливонскихъ. Объясняя свои права на Ливонію, Іоаннъ говорилъ: „Паны радные говорятъ, что еслибъ Ливонія была изстари нашею, то предки наши съ нею перемирія не заключали бы: эта земля была особная, а у насъ была вотчиною *въ прикладъ*, жили въ ней все нѣмецкіе люди, а писали перемирныя грамоты съ нашими вотчинами, Новгородомъ и Псковомъ, по нашему желанью, какъ мы имъ велимъ, точно такъ, какъ мужики волостные между собою записи пишутъ, какъ имъ торговать, а не такъ, какъ государи между собою перемирныя грамоты пишутъ; Лифляндія была нашею прикладною вотчиною точно такъ, какъ у Стефана короля Пруссія, пишется онъ Прусскимъ, а въ Пруссіи свой князь. Ты говоришь, чтобъ намъ обратить всѣ свои силы на Турецкаго; но какъ намъ это сдѣлать, пока между нами и Стефаномъ королемъ не будетъ мира? Мы велѣли посламъ своимъ поступаться; но онъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ. Онъ проситъ у насъ денегъ за убытки: онъ же насъ воюетъ, намъ же ему убытки платить; такъ не ведется и въ бусурманскихъ государствахъ; а кто его заставлялъ убытчиться? Удивляемся, какъ это Стефанъ король дѣлаетъ, что ни въ какихъ государствахъ не ведется; уцѣпится за которое дѣло, да и хочетъ на своемъ поставить. Стефанъ король тебѣ говорилъ, что не хочетъ съ нами мириться до тѣхъ поръ, пока не отдамъ ему обѣщанной земли: но этому какъ статься? Хотя бы ему и уступили Ливонію, но впередъ миру не будетъ же! Онъ и такъ на насъ всю Италію (т.-е. Западную Европу) поднялъ. Недавно къ намъ привели плѣнника, Французскаго человѣка: ясно, что онъ на насъ всю Италію поднялъ. Тутъ которому миру быть, что на одну сторону высоко, а на другую низко? добро то миръ, чтобъ на обѣ стороны ровно было. Да и потому намъ нельзя уступить королю всей Лифляндской земли: если намъ ее всю уступить, то намъ не будетъ ссылки ни съ папою, ни съ цесаремъ, ни съ какими другими государями италійскими и съ поморскими мѣстами, развѣ только, когда король польскій захочетъ пропустить нашихъ пословъ. Король называетъ меня Фараономъ и проситъ у меня 400,000 червонцевъ; но Фараонъ Египетскій никому дани не давалъ."

Касательно соединенія съ Римскою церковію, Іоаннъ отвѣчалъ Поссевину: „Мы тебя теперь отпускаемъ къ Стефану королю за важными дѣлами наскоро, а какъ будешь у насъ отъ короля Сте-

фана, тогда мы тебѣ дадимъ знать о вѣрѣ". Но для Поссевина самымъ важнымъ дѣломъ было дѣло о соединеніи церквей, а потому, получивъ такой неудовлетворительный для себя отвѣтъ, мало надѣясь отъ будущаго свиданія и переговоровъ съ царемъ уже по рѣшительному отказу на счетъ построенія католической церкви, Поссевинъ не могъ быть безпристрастнымъ посредникомъ при мирныхъ переговорахъ: онъ видѣлъ явную выгоду для Римской церкви въ томъ, чтобъ вся Ливонія была за королемъ Польскимъ, ибо, при помощи послѣдняго, легко было возстановить здѣсь падшій католицизмъ; въ одной изъ записокъ Поссевина, хранящейся въ Ватиканскомъ архивѣ, говорится: „Есть надежда, что при помощи Божіей, оказанной католичнѣйшему королю, вся Ливонія скоро отойдетъ къ Польшѣ, и тогда не должно упускать случая къ возстановленію здѣсь католической религіи, при королѣ, который среди заботъ военныхъ не оставляетъ святыхъ мыслей о поддержаніи и распространеніи истинной вѣры. Кромѣ того на Руси, въ Подолѣ, Волыни, Литвѣ и Самогитіи жители упорно держатся греческаго исповѣданія, хотя имѣютъ господъ католиковъ. Сенатъ, и особенно король, подозрѣвающій ихъ вѣрность, желаетъ обратить ихъ въ католицизмъ: ибо найдено, что жители этихъ областей, по приверженности къ своимъ единовѣрцамъ, москвичамъ, публично молятся о дарованіи имъ побѣды надъ Поляками". Вотъ почему главнымъ стараніемъ Поссевина, по пріѣздѣ къ королю, было убѣдить Іоанна, что Стефанъ, несмотря на неудачу подъ Псковомъ, рѣшился во что бы то ни стало овладѣть этимъ городомъ, если царь не поспѣшитъ заключить миръ съ уступкою всей Ливоніи. Тогда Іоаннъ съ сыномъ и съ боярами приговорилъ: „Теперь по конечной неволѣ, смотря по нынѣшнему времени, что литовскій король со многими землями и шведскій король стоятъ заодно, съ литовскимъ бы королемъ помириться на томъ: ливонскіе бы города, которые за государемъ, королю уступить, а Луки Великія и другіе города, что король взялъ, пусть онъ уступитъ государю: а помирившись съ королемъ Стефаномъ, стать на шведскаго, для чего тѣхъ городовъ, которые шведскій взялъ, а также и Ревель, не писать въ перемирныя грамоты съ королемъ Стефаномъ". Уполномоченными для веденія переговоровъ назначены были князь Елецкій и печатникъ Алферьевъ; имъ данъ былъ наказъ держаться за Ливонію до послѣдней крайности; чтобъ склонить Поссевина на свою

сторону, они должны были сказать ему: „Если государь нашъ уступитъ всю Ливонію и не будетъ у него пристаней морскихъ то ему нельзя будетъ ссылаться съ папою, цесаремъ и другими поморскими государями, нельзя будетъ ему войти съ ними въ союзъ противъ бусурманскихъ государей: какой же это миръ?“ Послы должны были заключить перемиріе на 12 лѣтъ, если же литовскіе послы никакъ не согласятся на перемиріе, то заключить вѣчный миръ.

Въ декабрѣ 1581 года, въ деревнѣ Киверова Гора, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, начались мирные переговоры; со стороны короля уполномоченными были—Янушъ Збаражскій, князь Албрехтъ Радзивилъ и секретарь великаго княжества Литовскаго, Гарабурда. Когда московскіе послы начали требовать части Ливоніи, то паны отвѣчали имъ: „Что вы ни говорите, а государю нашему безъ Лифляндской земли не помириться; вы, какъ видно, присланы говорить, а не дѣлать; мы не хотимъ торговать Лифляндскою землею; намъ государь велѣлъ все окончить въ три дня, и потому вы съ нами говорите раньше, а намъ безо всей Лифляндской земли не мириться, ни одной пяди не уступимъ“. Они, пишутъ послы, хотѣли разъѣхаться и прервать переговоры, но Антоній ихъ уговаривалъ и ворочалъ не одинъ разъ. Заключили перемиріе на 10 лѣтъ, отъ 6 генваря 1582 года, на условіяхъ, на которыя, какъ мы видѣли, рѣшился царь въ совѣтѣ съ сыномъ и боярами. Сдѣлавши главное дѣло, стали спорить о титулахъ и выраженіяхъ въ договорной грамотѣ. Московскіе послы хотѣли писать своего государя царемъ; Поссевинъ возражалъ, что король не можетъ дать ему этого титула безъ повелѣнія папы: „Уговорить пановъ и Антонія никакъ было нельзя“, пишутъ послы: „Антоній стоитъ съ панами за одно“. Вслѣдствіе чего положили написать Іоанна царемъ, государемъ лифляндскимъ и Смоленскимъ только въ московской грамотѣ. Въ договорѣ упоминалось о Поссевинѣ, какъ послѣ папы Григорія XIII; Поссевинъ, услыхавъ это выраженіе: папы Григорія XIII, закричалъ съ сердцемъ: „Государь вашъ пишетъ папу какъ простого попа, а цесарь и всѣ государи христіанскіе пишутъ папу намѣстникомъ Христовымъ и учителемъ всего христіанства“. Когда московскіе послы хотѣли написать, что царь *уступаетъ* королю Курляндію и Ливонію, то Поссевинъ опять сталъ кричать, „Вы пришли воровать, а не посольствовать!“ У Алферьева

вырвалъ изъ рукъ грамоту, кинулъ ее въ двери князя Елецкаго, взялъ за воротникъ за шубу, перевернулъ, пуговицы оборвалъ и кричалъ: „Подите отъ меня изъ избы вонъ, я съ вами не стану ничего говорить!“ Послѣ этой сцены посламъ дали знать, чтобъ они сбирались домой, что переговоры кончились; тогда они, по конечной неволѣ, собрались написать, что царь уступаетъ тѣ города въ Ливоніи, которые еще за нимъ, а не тѣ которые уже завоеваны Поляками.

Узнавши о заключеніи перемирія, царь велѣлъ отпустить королевскаго гонца, который привезъ упомянутую бранчивую грамоту; сначала было этому гонцу дали отвѣтную грамоту также бранчивую; но теперь ее у него взяли и дали другую, въ которой царь писалъ: „Прислалъ ты къ намъ грамоту, и въ ней писалъ многія укорительныя и жестокія слова; слова бранныя между нами были прежде, а теперь между нами мирное постановленіе, и намъ государямъ великимъ о такихъ дѣлахъ бранныхъ, которыя гнѣвъ воздвигаютъ, писать непригоже“. Въ іюнѣ 1582 года пріѣхали въ Москву литовскіе послы, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора, и вытребовали новое обязательство, чтобъ царь не воевалъ Эстоніи въ продолженіи десяти лѣтъ. Приставамъ посольскимъ давался такой наказъ: „Если послы станутъ хвалиться, что король у государя много городовъ взялъ и королевскіе люди землю государеву во многихъ мѣстахъ воевоевали, и нигдѣ королю и его людямъ отъ государя встрѣчи не было, то отвѣчать: вы на ту уступчивость не смотрите, сколько городовъ государь нашъ уступилъ Стефану королю въ своей вотчинѣ, въ Лифляндской землѣ; а вамъ этимъ хвастаться нечего, то дѣло Божіе, на одной мѣрѣ не стоитъ, а безмѣрнаго и гордаго Богъ смиряетъ, на смиреннаго же призираетъ. Намъ объ этомъ теперь говорить не надобно, то все въ Божіей рукѣ; но теперь о томъ говорить пригоже, чтобъ между государями были братство и любовь и христіанству покой, а такое безмѣріе пригоже оставлять“. Между тѣмъ непріязненныя дѣйствія по границамъ продолжались: витебскій воевода Пацъ поставилъ городъ въ Велижской волости на устьѣ рѣки Межи, на важномъ мѣстѣ, гдѣ искони шелъ водный путь изъ Смоленска и Бѣлой къ Лукамъ и Торопцу. Царь послалъ жаловаться на это королю, впрочемъ наказалъ посламъ: если король захочетъ разорвать миръ изъ-за Велижской волости,

то стоять за нее накрѣпко; но въ конечной неволѣ уступить всю Велижскую волость въ королевскую сторону. Король велѣлъ сломать городокъ, поставленный Пацомъ, и вообще принималъ московскихъ пословъ очень ласково. Причиною тому были непріятности, встрѣченныя на сеймѣ, враждебныя столкновенія съ Швеціею за Эстонію, наконецъ угрозы Крымскаго хана и султана, озлобленныхъ нападеніями малороссійскихъ козаковъ. Антоній Поссевинъ, пріѣхавши въ Москву по заключеніи мира, говорилъ Іоанну: „Король Стефанъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ желаетъ Московской землѣ прибытка, а не завладѣть ею хочетъ: онъ хочетъ, чтобъ всякимъ московскимъ торговымъ людямъ былъ вольный проѣздъ чрезъ его земли, а литовскимъ людямъ точно такъ же во всѣ московскія земли, чтобъ оба государства всякими прибытками полнились. Король Стефанъ хочетъ идти на Перекопскаго, чтобъ тотъ впередъ христіанской крови не разливалъ, говоритъ: Перекопскій съ обоихъ насъ, государей, беретъ деньги, а наши земли воюетъ безпрестанно. Стефанъ король пойдетъ на него съ одной стороны, а съ другой пошелъ бы на него государь московскій или рать свою послалъ. Когда король самъ пойдетъ на Перекопскаго, то государь прислалъ бы къ нему въ обозъ человѣка добраго посмотрѣть, какъ онъ пойдетъ противъ Перекопскаго мстить за кровь христіанскую. А что мы теперь съ обѣихъ сторонъ даемъ Перекопскому деньги, то лучше эти деньги отдать своимъ людямъ и защитить христіанство отъ басурманъ. Королевскимъ бы людямъ ходить противъ Перекопскаго чрезъ государеву землю какъ по своей землѣ, а государевымъ людямъ ходить чрезъ королевскую землю, по водѣ и по суху, какъ по своей землѣ, чтобы между государями было все заодно. Король говорилъ также Антонію, что онъ, Стефанъ, на государствѣ пришлецъ, ни Полякъ, ни Литвинъ, родомъ Венгерецъ, пришелъ онъ на то, чтобъ правду и любовь сыскать, а христіанство освободить отъ басурманъ, чтобъ при его государствованіи не было отъ Перекопскаго разлитія крови христіанской“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Намъ теперь нельзя послать рать свою на Перекопскаго, потому что наши люди истомилися отъ войны съ королемъ Стефаномъ, да и потому, что послы наши писали изъ Крыма о мирѣ, который они заключили съ ханомъ. Мы не знаемъ еще, на какихъ условіяхъ заключенъ этотъ миръ, и если король хо-

четъ стоять съ нами заодно на басурманъ, то онъ бы приказалъ объ этомъ съ своими послами“.

Послѣ этого Поссевинъ сталъ просить позволенія говорить съ царемъ наединѣ о вѣрѣ; Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ тобой говорить готовы, только не наединѣ: намъ безъ ближнихъ людей какъ быть? Да и то поразсуди: ты по наказу наивышняго папы и своею службою, между нами и Стефаномъ королемъ мирное постановленіе заключилъ, и теперь между нами, далъ Богъ, христіанство въ покоѣ; а если мы станемъ говорить о вѣрѣ, то каждый по своей вѣрѣ ревнитель, каждый свою вѣру будетъ хвалить, пойдетъ споръ, и мы боимся, чтобъ отъ того вражда не воздвиглась“. Антоній настаивалъ, говорилъ, что брани быть не можетъ при разговорѣ о вѣрѣ: „Ты государь великій, а мнѣ, наименьшему вашему подданданному, какъ бранныя слова говорить? Папа Григорій XIII, сопрестольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи вѣры, а вѣра Римская съ Греческою одна. Папа хочетъ, чтобъ во всемъ мірѣ была одна церковь: мы бы ходили въ Греческую, а Славяне греческой вѣры приходили бы въ наши церкви. Если греческія книги не сполна въ твоемъ государствѣ переведены, то у насъ есть подлинныя греческія книги, Іоанна Златоустаго собственноручныя и другихъ великихъ святителей. Ты будешь съ папою, цесаремъ и другими государями въ любви, и будешь не только на прародительской вотчинѣ на Кіевѣ, но и въ Царь-Градѣ государемъ будешь; папа, цесарь и всѣ государи о томъ будутъ стараться“. Іоаннъ говорилъ: „Намъ съ вами не сойтись о вѣрѣ; наша вѣра христіанская съ издавнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а Римская церковь сама по себѣ: мы въ христіанской вѣрѣ родились и Божіею благодатіею дошли до совершеннаго возраста, намъ уже пятьдесятъ лѣтъ съ годомъ, намъ уже не для чего перемѣняться и на большое государство хотѣть; мы хотимъ въ будущемъ принять малое, а въ здѣшнемъ мірѣ и цѣлой вселенной не хотимъ, потому что это къ грѣху поползновеніе; намъ мимо своей вѣры истинной, христіанской, другой вѣры хотѣть нечего. Ты говоришь, что ваша вѣра Римская съ Греческою одна: но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую; греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Еѳіопіи предварить рука ея къ Богу, а Еѳіопія все равно, что Византія, Византія же просіяла въ христіанствѣ, потому и грече-

ская слыветъ вѣра; а мы вѣру истинную христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашею вѣрою христіанскою римская вѣра во многомъ не сойдется; но мы объ этомъ говорить не хотимъ, чтобъ не было сопротивныхъ словъ. Да намъ на такое великое дѣло и дерзнуть нельзя безъ благословенія отца нашего и богомольца митрополита и всего освященнаго собора. Ты, Антоній, хочешь говорить: но ты за тѣмъ отъ папы присланъ, и самъ ты попъ, такъ ты и смѣло говоришь".

Поссевинъ продолжалъ настаивать и увѣрять, что брани никакой не будетъ. Іоаннъ началъ опять говорить: „Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобою не хотимъ, чтобъ тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло, у тебя борода подсѣчена; а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно не только попу, но и мірскимъ людямъ; ты въ римской вѣрѣ попъ, а бороду сѣчешь: и ты намъ скажи, отъ кого ты это взялъ, изъ котораго ученья?" Поссевинъ отвѣчалъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ. Іоаннъ продолжалъ: „Сказывалъ намъ нашъ паробокъ, который былъ посланъ въ Римъ, что папу Григорія носятъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ, и вотъ первое, въ чемъ нашей вѣрѣ христіанской съ Римскою будетъ разница: въ нашей вѣрѣ крестъ Христовъ на враговъ побѣда, чтимъ его, у насъ не водится крестъ ниже пояса носить". Поссевинъ отвѣчалъ: „Папу достойно величать: онъ глава христіанъ, учитель всѣхъ государей, сопрестольникъ апостола Петра Христова сопрестольника. Вотъ и ты, государь великій, и прародитель твой былъ на Кіевѣ великій князь Владиміръ: и васъ, государей, какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать". Тутъ Поссевинъ поклонился царю въ ноги низко. Но это не произвело благопріятнаго впечатлѣнія: Іоаннъ отвѣчалъ: „Говоришь про Григорія папу слова хвастливыя, что онъ сопрестольникъ Христу и Петру апостолу, говоришь это мудрствуя о себѣ, а не по заповѣдямъ Господнимъ; вы же не нарицайтеся учителіе и проч. Насъ пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ всѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиренье показывать, а не возноситься превыше царей гордостію. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако; тѣ, которые его носятъ, не ангелы; папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопрестольникомъ ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же, который папа по Христову ученію, по преданію апо-

столовъ и прежнихъ папъ—отъ Сильвестра до Адріана—ходитъ; тотъ папа сопрестольникъ этимъ великимъ папамъ и апостоламъ, а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ, а не пастырь". Поссевинъ сказалъ на это: „Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить", и замолчалъ.

Видя неудачу въ главномъ намѣреніи, іезуитъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, достигнуть двухъ цѣлей, могшихъ, по его мнѣнію, содѣйствовать мало-по-малу сближенію Русскихъ съ западною церковію: онъ настаивалъ, чтобъ католикамъ позволено было имѣть свою церковь въ Москвѣ, и чтобъ царь отпустилъ нѣсколько молодыхъ русскихъ людей въ Римъ для изученія латинскаго языка. Но и этого достигнуть не могъ; царь отвѣчалъ: „Теперь въ скорости такихъ людей собрать нельзя, которые бы къ этому дѣлу были годны; а какъ, дастъ Богъ, наши приказные люди такихъ людей наберутъ, то мы ихъ къ папѣ пришлемъ. А что ты говорилъ о Венеціанахъ, то имъ вольно пріѣзжать въ наше государство и попамъ ихъ съ ними, только бы они ученія своего между русскими людьми не плодили и костеловъ не ставили: пусть каждый останется въ своей вѣрѣ; въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ; мы ни у кого воли не отымаемъ, живутъ всѣ по своей волѣ какъ кто хочетъ; а церквей иновѣрныхъ до сихъ поръ еще въ нашемъ государствѣ не ставливали". Поссевинъ выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ царскимъ гонцомъ; въ грамотѣ, отправленной къ папѣ, Іоаннъ писалъ: „Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали; посла твоего Антонія съ великою любовію приняли; мы хотимъ быть въ братствѣ съ тобою, цесаремъ и съ другими христіанскими государями, чтобъ христіанство было освобождено изъ рукъ мусульманскихъ и пребывало въ покоѣ. Когда ты обошлешься съ цесаремъ и со всѣми христіанскими государями и когда ваши послы у насъ будутъ, то мы велимъ своимъ боярамъ договоръ учинить какъ пригоже. Прислалъ ты къ намъ съ Антоніемъ книгу о Флорентійскомъ соборѣ и мы ту книгу у посла твоего велѣли взять; а что ты писалъ къ намъ и посолъ твой устно говорилъ намъ о вѣрѣ, то мы объ этомъ съ Антоніемъ говорили". Гонцу было написано; „Если папа или его совѣтники станутъ говорить: Государь вашъ папу назвалъ волкомъ и хищникомъ, то отвѣчать, что имъ слышать этого не случилось".

Мы видѣли, что Іоаннъ рѣшилъ на боярскомъ совѣтѣ помириться съ Баторіемъ для того, чтобъ свободнѣе можно было наступить на шведа, отнять у него завоеванные имъ города и Ревель, слѣдовательно въ Эстоніи вознаградить себя за потерю Ливоніи. Русскія войска имѣли успѣхъ въ одномъ дѣлѣ съ шведами, двукратный приступъ послѣднихъ къ Орѣшку былъ отбитъ; но когда въ началѣ 1583 года Делагарди приготовился опять вступить въ русскія владѣнія, новгородскіе воеводы предложили ему миръ; уполномоченные для переговоровъ съѣхались на рѣку Плюсу въ маѣ мѣсяцѣ и заключили перемиріе только на два мѣсяца, потомъ съѣхались снова въ августѣ и заключили его на три года съ условіемъ, чтобъ у обоихъ государствъ осталось то, чѣмъ владѣли до сихъ поръ, вслѣдствіе этого за шведами остались русскіе города: Ямъ, Иваньгородъ, Копорье. Это поспѣшное заключеніе перемирія со шведами объясняютъ непрочностію перемирія съ Польшею и особенно опаснымъ возстаніемъ Луговой Черемисы въ Казанской области. Но, принимая въ соображеніе и эти причины, можно однако съ достовѣрностію положить, что главною причиною была потеря въ Іоаннѣ надежды получить какой-либо успѣхъ въ войнѣ съ европейскими народами до тѣхъ поръ, пока Русскіе не сравняются съ ними въ искусствѣ ратномъ; защита Орѣшка не могла внушить царю надежды, что легко будетъ взять у шведовъ Нарву и Ревель; притомъ онъ обязался уже передъ Баторіемъ не воевать Эстоніи.

Что Іоаннъ не оставлялъ мысли о возвращеніи прибалтійскихъ береговъ, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этого можно было только въ союзѣ съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ, которое бы снабдило Россію плодами западнаго искусства—это всего яснѣе видно изъ переговоровъ Іоанна съ Елисаветою, королевою англійскою. Еще въ 1569 году Іоаннъ тайнымъ образомъ, чрезъ англійскаго агента Дженкинсона, переслалъ Елисаветѣ слѣдующія предложенія: царь требуетъ, чтобъ королева была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ и наоборотъ, царь обязывается этимъ же самымъ относительно королевы. Англія и Россія должны быть во всѣхъ дѣлахъ за одно. Король польскій недругъ царю и королевѣ: прошлымъ лѣтомъ былъ захваченъ лазутчикъ его съ письмами на имя англійскихъ купцовъ въ Россіи, гдѣ написано: „Я Сигизмундъ, король польскій, прошу васъ англійскихъ купцовъ, слугъ

моихъ вѣрныхъ, помогать подателю этого письма и оказывать помощь русскимъ моимъ друзьямъ, какъ деньгами, такъ и всякими другими способами. Царь сначала былъ этимъ сильно оскорбленъ; но потомъ лазутчикъ признался, что письма были подосланы нарочно для возбужденія негодованія царя противъ Англичанъ и разорванія дружбы между нимъ и королевою, и также для заподозрѣнія сановниковъ царскихъ въ измѣнѣ. Вслѣдствіе этого царь проситъ королеву соединиться съ нимъ заодно противъ поляковъ и запретить своему народу торговать съ подданными короля польскаго. Царь проситъ, чтобъ королева позволила пріѣзжать къ нему мастеровымъ, умѣющимъ строить корабли и управлять ими, позволила вывозить изъ Англіи въ Россію всякаго рода артиллерію и вещи необходимыя для войны. Царь проситъ убѣдительно, чтобы между нимъ и королевою учинено было клятвенное обѣщаніе такого рода: еслибы кто-нибудь изъ нихъ по несчастію принужденъ былъ оставить свою землю, то имѣетъ право пріѣхать въ сторону другого для спасенія своей жизни, будетъ принятъ съ почетомъ и можетъ жить там безъ страха и опасности, пока бѣда минуетъ и Богъ перемѣнитъ дѣла. Это обязательство должно хранить въ величайшей тайнѣ.

Елисаветѣ, разумѣется, не было никакой выгоды входить въ такой тѣсный союзъ съ царемъ и втягиваться въ его войны съ сосѣдями: она длила время и наконецъ отвѣчала уклончиво и неопредѣленно, что не будетъ позволять, чтобъ какое-нибудь лицо или государь вредилъ Іоанну или его владѣніямъ, не будетъ позволять этого въ той мѣрѣ, какъ по возможности или справедливости ей можно будетъ благоразумно этому воспрепятствовать; но противъ общихъ враговъ обязывалась дѣйствовать оборонительно и наступательно. Принятіе царя и семейства его въ Англіи и содержаніе съ почетомъ было обѣщано; Іоаннъ разсердился и велѣлъ написать Елисаветѣ грамоту (въ октябрѣ 1570 года): „Ты то дѣло отложила на сторону, а дѣлали съ нашимъ посломъ твои бояре все о торговыхъ дѣлахъ. И мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла и хотѣли съ тобой дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о частяхъ и о земляхъ прибытка не смот-

рять, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (обыкновенная) дѣвица. И коли ужъ такъ, и мы тѣ дѣла отставимъ на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государскія головы и нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибытокъ, а смотрятъ своихъ торговыхъ дѣлъ, и они посмотрятъ, какъ учнутъ торговати. А московское государство покамѣстъ безъ англійскихъ товаровъ не скудно было. А грамоту бъ еси, которую есмя къ тебѣ послали о торговомъ дѣлѣ (льготная грамота англійскимъ купцамъ) прислала къ намъ. Хотя къ намъ тое грамоты и не пришлешь, и намъ по той грамотѣ не велѣти дѣлати ничего. Да и всѣ наши грамоты, которыя есмя давали о торговыхъ дѣлахъ по сей день, не въ грамоты".

Въ угоду „торговымъ мужикамъ", Елисавета отправила въ Россію любимаго Іоанномъ Дженкинсона съ грамотою, въ которой писала: „Дженкинсонъ правдиво разскажетъ вашему пресвѣтлѣйшеству, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и нашими дѣлами, а мы сами печемся о веденіи дѣлъ, какъ прилично дѣвѣ и королевѣ, поставленной Богомъ, и что подданные наши оказываютъ намъ такое повиновеніе, какимъ не пользуется ни одинъ государь. Чтобъ снискать ваше благоволеніе, подданные наши вывозили въ ваше государство всякаго рода предметы, какихъ мы не позволяемъ вывозить ни къ какимъ другимъ государямъ на всемъ земномъ шарѣ. Можемъ васъ увѣрить, что многіе государи писали къ намъ, прося прекратить съ вами дружбу, но никакія письма не могли насъ побудить къ исполненію ихъ просьбы". Іоаннъ смягчился, возвратилъ англійскимъ купцамъ прежнія льготы, хотя и не всѣ, но не переставалъ упрекать Елисавету, что она не хочетъ заключить съ нимъ союза; выражалъ неудовольствіе и на то, что королева, обѣщая ему принять его въ Англіи, не выговаривала для себя такого же пріема въ Россіи: здѣсь царь видѣлъ гордость Елисаветы и собственное уничиженіе. „А похочешь нашея къ себѣ любви и дружбы большей, писалъ ей царь, и тыбъ о томъ себѣ помыслила и учинила, которымъ дѣломъ тебѣ къ намъ любовь своя умножити. А чтобъ еси велѣла къ намъ своимъ людемъ привозити доспѣху и ратнаго оружья, и мѣди, и олова, и свинцу, и сѣры горячія на продажу".

Елисавета исполняла последнее желаніе, присылала и людей, нужныхъ царю. Приславши къ нему медика, Роберта Якоби, аптекарей и цирюльниковъ, Елисавета въ письмѣ своемъ старалась показать, какое важное пожертвованіе сдѣлала она этимъ для царя, что Якоби нуженъ былъ ей самой, аптекарей же и цирюльниковъ послала неволею, сама себя ими оскудила. У этого Якоби Іоаннъ спросилъ, нѣтъ ли въ Англіи ему невѣсты, вдовы или дѣвицы? Якоби отвѣчалъ, что есть, именно Марія Гастингсъ, дочь графа Гонтингдонъ, племянница королевѣ по матери. Любопытно, что разспросить доктора о *дѣвкѣ*, какъ тогда выражались, Іоаннъ поручилъ Богдану Бѣльскому и Аѳанасію *Нагому*, брату своей жены. Въ августѣ 1582 года отправился въ Англію дворянинъ Ѳедоръ Писемскій съ наказомъ договориться о союзѣ Россіи съ Англіею противъ Польши и начать дѣло о сватовствѣ; онъ долженъ былъ сказать Елисаветѣ отъ имени Іоанна: „Ты бы сестра наша любительная Елисавета королевна ту свою племянницу нашему послу Ѳедору показать и *парсону* бъ ея (портретъ) къ намъ прислала на доскѣ и на бумагѣ для того: будетъ она пригодится къ нашему государскому чину, то мы съ тобою королевною то дѣло станемъ дѣлать какъ будетъ пригоже“: Писемскій долженъ былъ взять портретъ и мѣру роста, разсмотрѣть хорошенько, дородна ли невѣста, бѣла или смугла, узнать, какихъ она лѣтъ, какъ приходится королевѣ въ родствѣ, кто ея отецъ, есть ли у ней братья и сестры? Если скажутъ, что Іоаннъ женатъ, то отвѣчать: „Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ по себѣ пріискать невѣсту, да не случилось, и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь не по себѣ; и если королевнина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то государь нашъ, свою отставя, сговоритъ за королевнину племянницу“. Писемскій долженъ былъ объявить, что Марія должна принять греческую вѣру, равно какъ тѣ бояре и боярыни, которые пріѣдутъ съ нею и захотятъ у государя жить на дворѣ; а которые не захотятъ креститься, тѣмъ на дворѣ жить нельзя; имъ вольно жить у государя въ его жалованьи; только некрещенымъ жить у государя и у государыни на дворѣ ни въ какихъ чинахъ непригоже. Посолъ долженъ былъ объявить также, что наслѣдникомъ государства будетъ царевичъ Ѳедоръ, а дѣтямъ, которые родятся отъ Маріи, даны будутъ удѣлы, иначе дѣлу статься нельзя.

4-го ноября Писемскій представился королевѣ въ Виндзорѣ; когда онъ отговорилъ свои рѣчи, то Елисавета съ веселою улыбкою отвѣчала: „Я брата своего и вашего государя братской любви и пріязни рада и желаю, чтобъ велѣлъ Богъ мнѣ брата своего, вашего государя, въ очи видѣть". Посолъ сказалъ: „У нашего государя со многими царями и королями ссылка, а ни съ однимъ такой любви нѣтъ, какъ съ тобою, ты у него сестра любительная и любитъ онъ тебя не словомъ, а всею душею, въ правду". Елисавета: „Я брату своему на его любви челомъ бью, рада быть съ нимъ въ братской любви и докончаніи и на всѣхъ недруговъ стоять заодно. Земля ваша русская и государство московское по старому ли, и нѣтъ ли въ вашемъ государствѣ между людьми какого волненія (шатости)?" Посолъ: „Земля наша и государство московское, далъ Богъ, по старому, а люди у государя нашего въ его твердой рукѣ; въ которыхъ людяхъ была шатость, и тѣ, вины своя узнавъ, били государю челомъ, просили милости; государь имъ свою милость показалъ, и теперь всѣ люди государю служатъ прямо, а государь ихъ жалуетъ". Потомъ королева спросила у посла: какъ ему показалась Англійская земля? Писемскій отвѣчалъ: „Земля Англійская очень людна и угожа и всѣмъ изобильна".

Послѣ перваго пріема прошло много времени; посолъ началъ скучать. Когда вельможи отъ имени королевы предложили ему ѣхать охотиться на заповѣдныя острова, бить оленей, то онъ отвѣчалъ: „На королевнинѣ жалованьѣ много челомъ бью, а гулять ѣздить теперь не годится, потому: мы присланы отъ своего государя къ королевнѣ по ихъ великимъ дѣламъ; мы у королевны на посольствѣ были, а государеву дѣлу до сихъ поръ и почину нѣтъ; да нынче же у насъ постъ, мяса мы не ѣдимъ; и намъ оленина къ чему пригодится?" Англичане отвѣчали: „Мы мясо ѣдимъ; а если не поѣдете съ нами на охоту, то королевнѣ будетъ на васъ досадно". Посолъ поѣхалъ на острова. Въ половинѣ декабря, въ селѣ Гриничѣ, Писемскій имѣлъ первое совѣщаніе съ англійскими министрами, объявилъ, что король Польскій, союзникъ папы и цесаря, враждуетъ съ царемъ, что Іоаннъ хочетъ заключить съ Елисаветою тѣсный союзъ, дабы имѣть однихъ друзей и враговъ, помогать другъ другу людьми, а гдѣ нельзя людьми, то казною, чтобъ королева велѣла пропускать къ государю снарядъ огнестрѣльный, доспѣхи, сѣру, нефть, мѣдь, олово, свинецъ, велѣла

пропускать мастеровъ всякихъ, ратныхъ и рукодѣльныхъ людей, а государь за это всякіе товары велитъ пропускать въ Англію безъ вывѣта. Англійскіе министры соглашались на союзъ, однако съ условіемъ, что прежде объявленія войны врагу царскому, королева будетъ стараться помирить его съ Іоанномъ; за это посредничество они требовали исключительной торговли. Писемскій отвѣчалъ: „Пусть совѣтники королевнины сами разсудятъ: можно ли Англійской землѣ пробыть съ однимъ русскимъ торгомъ, а съ другими землями не торговать и къ себѣ другихъ купцовъ не пускать ни съ какими товарами? Но если англійской землѣ съ однимъ русскимъ торгомъ быть нельзя, то и Русскимъ людямъ объ одномъ англійскомъ торгу пробыть нельзя же“. Положили для окончательныхъ переговоровъ отправить съ Писемскимъ въ Москву посла отъ королевы. За обѣдомъ послѣ переговоровъ министры сказали Писемскому: „Папа хвалится, что помирилъ царя съ Баторіемъ?“ Посолъ отвѣчалъ: „Воля папѣ, что хочетъ, то говоритъ заочно; а еслибы онъ государя нашего съ королемъ помирилъ, то государь бы нашъ Литовскаго короля себѣ недругомъ не называлъ“.

Послѣ переговоровъ съ министрами, Писемскій повелъ дѣло съ королевою о сватовствѣ. Елисавета отвѣчала ему: „Любя брата своего, вашего государя, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что государь вашъ любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница некрасива и государь вашъ наврядъ ее полюбитъ. Я государю вашему челомъ бью, что, любя меня, хочетъ быть со мною въ свойствѣ; но мнѣ стыдно списать портретъ съ племянницы и послать его къ царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала въ оспѣ, лице у нея теперь красное, ямоватое; какъ она теперь есть, нельзя съ нея списывать портрета, хотя давай мнѣ богатства всего свѣта“. Писемскій согласился ждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока Марія совершенно оправится. Между тѣмъ въ Англіи узнали, что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ (Димитрій): Писемскій послалъ сказать министрамъ, чтобъ королевна такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣрила; лихіе люди ссорятъ, не хотятъ видѣть добраго дѣла между нею и государемъ. Наконецъ въ маѣ мѣсяцѣ 1583 года Писемскому показали невѣсту въ саду для того, чтобъ посолъ могъ ее хорошенько разглядѣть на открытомъ мѣстѣ. Марія Гастингсъ, доносилъ Писемскій царю, ростомъ высока, тонка, лицемъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы

русые, нос прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе. Увидавши Писемскаго послѣ смотра, Елисавета опять сказала ему: „Думаю, что государь вашъ племянницы моей не полюбитъ: да и тебѣ, я думаю она не понравилась?“ Посолъ отвѣчалъ: „Мнѣ показалось, что племянница твоя красива; а вѣдь дѣло это становится судомъ Божіимъ“.

Окончивъ дѣла, Писемскій отправился въ Россію съ грамотами отъ Елисаветы къ царю; королева изъявляла желаніе лично повидаться съ Іоанномъ, писала: „Наша воля хотѣнье, чтобъ всѣ наши царства и области всегда были для тебя отворены; ты пріѣдешь къ своему истинному пріятелю и любимой сестрѣ“. Вмѣстѣ съ Писемскимъ отправился въ Москву англійскій посолъ Боусъ. Послѣдній принялъ на себя очень трудное и непріятное порученіе: онъ долженъ былъ домогаться, чтобъ англійскіе купцы получили право исключительной и безпошлинной торговли въ Россіи, и въ то же время долженъ былъ отклонить союзъ Елисаветы съ Іоанномъ противъ враговъ, ибо союзъ этотъ не приносилъ никакой пользы, не имѣлъ смысла для Англіи, и потомъ отклонить бракъ царя на Маріи Гастингсъ, потому что, несмотря на все желаніе пожилой дѣвушки пристроиться, невѣста была напугана извѣстіями о характерѣ жениха. Отсюда понятна неловкость Боуса и раздражительность, происходившая отъ затруднительности его положенія.

Въ переговорахъ съ боярами Боусъ объявилъ, что королева его не прежде можетъ начать войну съ врагомъ царскимъ, какъ попытавшись помирить его съ царемъ. Бояре отвѣчали на это: „Это условіе какъ написать въ договоръ? если обсылаться съ недругомъ, то недругъ въ это время изготовится: и какъ его извоевать, если онъ готовъ будетъ?“ Боусъ возражалъ: „У насъ такъ не ведется, что не обославшись съ недругомъ, да идти на него ратью“. Потомъ Боусъ началъ требовать исключительной торговли для Англичанъ; бояре отвѣчали: „Что это за любовь къ государю нашему отъ королевны Елисаветы, что всѣхъ государей хочетъ отогнать отъ нашей земли и ни одного гостя не хочетъ пропустить къ государю нашему въ его землю? отъ этого будетъ прибыль только одной королевнѣ, а государю нашему убытокъ будетъ“. Боусъ говорилъ: „Дорогу къ Бѣлому морю нашли гости нашей государыни, такъ они одни пусть и ходятъ этою дорогою“. Бояре донесли о переговорахъ Іоанну, и тотъ велѣлъ писать въ грамоту:

Елисавета должна послать къ Баторію съ требованіемъ, чтобъ онъ помирился съ царемъ, возвратилъ ему Полоцкъ и Ливонію; а не отдастъ, то пусть Елисавета рать свою на него пошлетъ. Боусъ, услыхавши объ этомъ условіи сказалъ: „Это дѣло новое, мнѣ съ нимъ къ королевнѣ ѣхать нельзя, меня королевна дуракомъ назоветъ". Царь соглашался, чтобъ одни Англичане входили въ пристани Корельскую, Воргузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую; но Пудожерская останется для Испанскаго гостя, Ивана Бѣлоборода, а Кольская для Французскихъ гостей. Посолъ говорилъ, что по прежней льготной грамотѣ одни Англичане входили во всѣ сѣверныя гавани; ему отвѣчали, что прежде у Московскаго государства было морское пристанище—Нарва; но Шведы стали этому пристанищу помѣшку дѣлать, и вмѣстѣ съ Шведскими плѣнными при этомъ пойманы и англійскіе наемные люди, за что первая и вторая льготныя грамоты Англичанамъ уничтожены, а дана третья полегче; бояре говорили: „Вотъ теперь къ государю нашему прислалъ Французскій король къ морскому пристанищу къ Колѣ, проситъ любви и братства; мы слышали, что Елисавета королевна съ французскимъ королемъ въ дружбѣ и съ Нидерландами тоже: такъ какъ намъ ихъ не пускать—самъ разсуди?" Боусъ на все отвѣчалъ одно: „Мнѣ ничего другого говорить нельзя, чего мнѣ отъ королевы не наказано: пусть государь посылаетъ къ королевнѣ своихъ пословъ". Бояре отвѣчали: „Къ Пудожерскому устью пожаловалъ государь, велѣлъ приходить Испанской земли гостю изъ Антропа города (Антверпена) Ивану Бѣлобороду: Иванъ Бѣлобородъ и ходитъ и къ его царскому величеству всякіе узорочные многіе товары привозятъ". Боусъ говорилъ, что англійскіе купцы государю служатъ лучше другихъ; бояре отвѣчали на это, что англійскіе гости начали воровать съ недругами государевыми—Шведскимъ и Датскимъ, ссылались грамотами, также посылаютъ въ свою землю грамоты укорительныя про московскихъ людей и про государство, будто московскіе люди ничего хорошаго не знаютъ и потому чтобъ присылали изъ Англіи товаръ худой и гнилой: московскіе люди толку не знаютъ! сукна Англичане вывозятъ рядовыя, которыя старыхъ гораздо хуже. Боусъ отвѣчалъ: „Я въ сукнахъ толку не знаю; прежній гость Томасъ былъ точно воръ; а что вы говорили, что вмѣстѣ со Шведами пойманы были и Англичане, то англійскимъ воинскимъ людямъ вольно вездѣ

напиматься". Приступили къ другимъ условіямъ: потерявши прибалтійскія области, царь хотѣлъ, чтобъ иностранные послы ѣздили къ нему чрезъ Англію, Сѣверный океанъ и Бѣлое море; Елисавета соглашалась, но требовала, чтобъ не проѣзжали въ Россію черезъ Англію папскіе послы, послы государей католическихъ и тѣхъ, которые съ нею не *въ докончаніи;* Іоаннъ уступалъ относительно папскихъ пословъ, но не хотѣлъ уступить относительно всѣхъ другихъ; бояре говорили: „Вѣра дружбѣ не помѣха: вотъ ваша государыня и не одной вѣры съ нашимъ государемъ, а государь нашъ хочетъ быть съ нею въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей".

Наконецъ дѣло дошло до сватовства; на вопросъ Іоанна, согласна ли Елисавета выдать за него племянницу, Боусъ отвѣчалъ: „Племянница королевнина княжна Марья, по грѣхамъ, больна; болѣзнь въ ней великая, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская". Іоаннъ сказалъ на это: „Вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобою объ этомъ дѣлѣ и говорить не станемъ; дѣло это началось отъ задора доктора Роберта". Посолъ испугался неудовольствія Іоаннова, которое могло помѣшать главному для Англичанъ дѣлу, и потому началъ говорить: Эта племянница королевнѣ всѣхъ племянницъ дальше въ родствѣ, да и некрасива, а есть у королевны дѣвицъ съ десять ближе ея въ родствѣ". Царь спросилъ: „Кто же это такія?" Боусъ отвѣчалъ: „Мнѣ объ этомъ наказа нѣтъ, а безъ наказа я не могу объявить ихъ имена".—„Что же тебѣ наказано?" говорилъ царь: „заключить договоръ какъ хочетъ Елисавета королевна намъ нельзя". Посла отпустили; онъ велѣлъ сказать чрезъ Якоби, что хочетъ говорить съ царемъ наединѣ; Іоаннъ велѣлъ позвать его къ себѣ и спросилъ, что онъ хочетъ сказать? Посолъ отвѣчалъ: „За мною приказа никакого нѣтъ, о чемъ ты, государь, спросишь, то королевна велѣла мнѣ слушать, да тѣ рѣчи ей сказать". Царь сказалъ ему на это: „Ты наши государскіе обычаи мало знаешь: такъ говорить можетъ посолъ только съ боярами, бояре съ послами и спорятъ, кому напередъ говорить, а ты вѣдь не съ боярами говоришь; намъ съ тобою не спорить, кому напередъ говорить? вотъ еслибы ваша государыня къ намъ пріѣхала, то она бы могла такъ говорить. Ты много говоришь, а къ дѣлу ничего не приговоришь. Говоришь одно, что тебѣ не наказано; а намъ вчера объявилъ докторъ Робертъ, что ты хо-

тѣлъ съ нами говорить наединѣ: такъ говори, что ты хотѣлъ сказать!“ Боусъ: „Я доктору этого не говорилъ; а у которыхъ государей я бывалъ въ послахъ прежде, у французскаго и у другихъ государей, и я съ ними говорилъ о всякихъ дѣлахъ наединѣ“. Іоаннъ: „Что съ тобою сестра наша наказала про сватовство, то ты и говори; а намъ не образецъ Французское государство; у насъ не водится, чтобъ намъ самимъ съ послами говорить“. Боусъ: „Я слышалъ, что государыня наша Елисавета королевна мимо всѣхъ государей хочетъ любовь держать къ тебѣ; а я тебѣ хочу служить и службу свою являть“. Іоаннъ: „Ты скажи именно: кто племянницы у королевы, дѣвицы, и я отправлю своего посла ихъ посмотрѣть и портреты снять“. Боусъ: „Я тебѣ въ этомъ службу свою покажу, и портреты самъ посмотрю, чтобъ прямо ихъ написали“.

Не добившись ничего самъ отъ посла, Іоаннъ велѣлъ боярамъ продолжать съ нимъ переговоры; когда бояре спросили его опять кто именно дѣвицы, родственницы Елисаветы? то посолъ, которому сильно наскучилъ этотъ вопросъ, отвѣчалъ: „Я про дѣвицъ передъ государемъ не говорилъ ничего“; когда же бояре уличили его въ запирательствѣ, то онъ сказалъ: „Я говорилъ о дѣвицахъ, только со мною объ этомъ приказу нѣтъ; государю я служить радъ, только еще моей службѣ время не пришло“. И бояре должны были прекратить разговоры о сватовствѣ; стали говорить о другомъ, чтобъ Елизавета велѣла пропустить чрезъ Англійскую землю царскаго гонца, отправляющагося къ французскому королю Генриху. Боусъ отвѣчалъ на это: „половина Французской земли отъ своего короля отложилась и била челомъ нашей государынѣ, которая и дала ей помощь; я гонца государева повезу, и думаю, что государыня наша его пропуститъ“. Послѣ этого царь позвалъ опять Боуса и спросилъ рѣшительно, какой же данъ ему наказъ? Боусъ отвѣчалъ, что ничего не наказано. Тогда Іоаннъ сказалъ ему: „Неученый ты человѣкъ! какъ къ намъ пришелъ, то посольскаго дѣла ничего не дѣлалъ. Намъ главные недруги литовскій да шведскій; а ты намъ рѣшительно не отвѣчаешь, станетъ ли королевна съ нами вмѣстѣ на этихъ недруговъ? говоришь одно, что она прежде хочетъ съ ними обсылаться, объявлять имъ объ этомъ; но вѣдь это значитъ имъ на насъ вѣсть подавать! и поэтому по первому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя.

Говорилъ ты о морскихъ пристанищахъ, чтобъ къ намъ пріѣзжали одни англійскіе гости: но такую великую тягость какъ намъ на свою землю наложить? давать дань не было бы такъ убыточно. Вотъ и по другому намъ съ королевною быть въ дружбѣ нельзя, а вѣдь намъ у нея мира не покупать стать. Говорилъ ты о сватовствѣ: одну дѣвицу исхулилъ, о другой ничего не сказалъ: но безымянно кто сватается?“ Вмѣсто отвѣта, посолъ началъ жаловаться на дьяка Щелкалова, что кормъ ему даетъ дурной: вмѣсто куръ и барановъ даетъ ветчину; а онъ къ такой пищѣ не привыкъ. Царь велѣлъ изслѣдовать дѣло: дьяка Щелкалова удалили отъ сношеній съ посломъ; кормовщиковъ посадили въ тюрьму. Царь послалъ также боярина Богдана Бѣльскаго объясниться съ Боусомъ, почему онъ назвалъ его неученымъ, смягчить впечатлѣніе, которое должно было произвести на посла это слово; Боусъ, въ въ свою очередь, оправдывался, что ничѣмъ не заслужилъ гнѣва царскаго: говорилъ онъ только то, что ему приказано; о дѣвицѣ сказалъ онъ такъ, какъ она на самомъ дѣлѣ; о другихъ дѣвицахъ сказалъ, какъ ему приказала королевна говорить; въ условіяхъ договора воленъ Богъ да государь; если государь хочетъ съ королевною любви и кровной связи, то пусть отправляетъ еще пословъ въ Англію. Послѣ этого разговора царь опять позвалъ къ себѣ Боуса и объявилъ, что не можетъ согласиться на прошенье королевны объ исключительной торговлѣ; что онъ дастъ Англичанамъ извѣстныя пристанища, но на Печору и на Обь пускать ихъ не можетъ: это страны дальнія, пристанищъ морскихъ тамъ нѣтъ; водятся тамъ соболи да кречеты, и только такіе дорогіе товары пойдутъ въ Англійскую землю, то нашему государству какъ безъ того быть? Боусъ отвѣчалъ: „Въ томъ воленъ Богъ да ты государь, а королевнѣ будетъ это нелюбо; что же говоришь про соболей, то соболи въ наше государство нейдутъ, да и не носитъ ихъ никто“. Іоаннъ продолжалъ: „Моя просьба о томъ, чтобъ королевна стояла заодно со мною на Литовскаго, Шведскаго и Датскаго; Литовскій и Шведскій мои главные недруги, а съ Датскимъ можно и помириться, тотъ мнѣ не самый недругъ“. Боусъ отвѣчалъ: „Если дашь Англійскимъ гостямъ прежнюю грамоту, то королевна будетъ съ тобою заодно на Литовскаго и Шведскаго, отправь къ ней за этимъ пословъ, которые вмѣстѣ и дѣвицъ посмотрятъ“. Іоаннъ велѣлъ спросить у посла: „Если государь всѣ

морскія пристанища уступитъ Англичанамъ, то онъ напишетъ ли въ договорной грамотѣ, что королевнѣ быть съ государемъ на Литовскаго и Шведскаго заодно? Боусъ отказался за неимѣніемъ наказа, причемъ сказалъ: „Государь хочетъ, чтобъ королевна была съ нимъ заодно на Литовскаго, чтобъ Ливонію взять; но королевна набожна: она не взяла ни Нидерландовъ, ни Франціи, которыя ей отдавались; Ливонія изстари ли вотчина государева?“ Іоаннъ оскорбился этимъ сомнѣніемъ въ справедливости его требованій, и отвѣчалъ, что онъ сестру свою, Елисавету королевну, не въ судьи проситъ между собою и Литовскимъ королемъ; хочетъ онъ того, чтобъ она была съ нимъ заодно противъ тѣхъ, которые его вотчину, Ливонскую землю, извоевали [106].

На этомъ прекратились переговоры съ Англійскимъ посломъ: изъ нихъ мы видимъ, что Іоаннъ готовъ уступить Англичанамъ право исключительной торговли, что̀, по его собственнымъ словамъ, было тяжелѣе дани, лишь бы только пріобрѣсти дѣятельный союзъ Европейскаго государства противъ главныхъ своихъ недруговъ, отнявшихъ у него Ливонію. Понятно что онъ искалъ союза и съ Австрійскимъ домомъ противъ Баторія; но и въ этомъ исканіи онъ не имѣлъ никакого успѣха. Сынъ и наслѣдникъ Максимиліана II-го, Рудольфъ II-й, прислалъ извѣстить царя о смерти отцовской [107], изъявляя надежду, что Іоаннъ не убавитъ къ нему и двору австрійскому того вѣрнаго, добраго, прямого, родственнаго расположенія, какое оказывалъ къ Максимиліану; но тутъ же обращался съ просьбою, чтобъ царь не велѣлъ бѣдныхъ Ливонцевъ войною обижать. Царь отправилъ къ Рудольфу посланника Квашнина съ объявленіемъ, что хочетъ быть съ нимъ въ такомъ же братствѣ и любви, какъ и съ отцемъ его, и стоять на всѣхъ недруговъ заодно. Рудольфъ отвѣчалъ: „Надѣемся, что мы съ вами будемъ въ любви; а до пріѣзда нашихъ пословъ, вы бы на убогую ливонскую землю меча и огня не посылали“. Когда война съ Баторіемъ приняла невыгодный оборотъ, царь весною, 1580 года, отправилъ къ Рудольфу съ гонцемъ грамоту, въ которой писалъ: „Послы твои, брата нашего дрожайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно почему, не бывали. Ты бы къ намъ отписалъ, для чего послы твои позамѣшкались, и пословъ своихъ къ намъ отправилъ бы не мѣшкая; и договоръ бы съ ними утвердить велѣлъ, чтобъ стоять намъ на всякаго недруга

заодно“. Гонцу былъ данъ наказъ: Если спросятъ, какъ теперь царь съ Литовскимъ королемъ? отвѣчать: какъ я поѣхалъ отъ своего государя, гонецъ литовскій былъ у него и отпущенъ въ Литву, а государя нашего гонецъ къ королю Стефану поѣхалъ: дѣлъ большихъ я не знаю, я паробокъ у государя своего молодой, большія дѣла между государей какъ мнѣ знать можно?—А если спросятъ про Полоцкъ, какимъ образомъ король Литовскій у государя вашего Полоцкъ взялъ?—то отвѣчать: были у государя послы Литовскіе и перемирье заключили на три года; и государь нашъ, на то оплошась, большихъ прибылыхъ людей въ Полоцкѣ не держалъ, если крестное цѣлованье не крѣпость, то чему вѣрить? Король къ Полоцку пришелъ нечаянно, чрезъ крестное цѣлованіе, да и взялъ; но кто черезъ правду и крестное цѣлованіе что и сдѣлаетъ, когда крѣпко бываетъ?“ Въ августѣ того же года, когда Баторій подошелъ къ Лукамъ, царь послалъ новаго гонца къ императору и въ грамотѣ писалъ: „Послы твои, брата нашего дражайшаго и любезнѣйшаго, къ намъ до сихъ поръ, неизвѣстно по какому случаю, не бывали. А Стефанъ Баторій, воевода Седмиградскій, теперь на коронѣ Польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ укрѣпился по присылкѣ султана турецкаго и, сложась съ нимъ и съ другими мусульманскими государями вмѣстѣ, кровь христіанскую разливаетъ и впередъ разливать хочетъ. А стоятъ всѣ мусульманскіе государи и посаженникъ турецкаго султана Стефанъ Баторій на наше государство и на насъ за то, что мы съ твоимъ отцомъ и съ тобою пересылались, желали всѣмъ христіанскимъ государямъ прибытка, хотѣли, чтобъ кромѣ васъ никто въ Польшѣ и Литвѣ государемъ не былъ. И ты бы, братъ нашъ, намъ противъ нихъ способствовалъ и братскую любовь съ нами утвердилъ; а къ Стефану королю отписалъ бы о такомъ его безмѣрствѣ и о разлитіи крови христіанской и о складкѣ съ Султаномъ Турецкимъ, чтобъ Стефанъ король такихъ дѣлъ впередъ не дѣлалъ.—Писали къ намъ изъ Любека бурмистры и ратманы, что ты не велѣлъ въ наше государство возить на коробляхъ товары разные, мѣдь, свинецъ и олово: не желая ли насъ съ тобою поссорить, распускаютъ такіе слухи? ибо я никакъ не думаю, чтобъ ты такой приказъ далъ“. Рудольфъ отвѣчалъ съ первымъ гонцомъ: „До сихъ поръ мы всѣ прилежно помышляли, какъ бы отправить къ вамъ пословъ для убогихъ Лифляндцевъ; но люди, которые были

для этого посольства назначены, одни померли, а другіе больны. А ливонская земля принадлежитъ священной Римской имперіи; въ нынѣшнемъ вашемъ письмѣ о ней ни слова не сказано“. Императорскіе придворные утѣшали московскаго гонца тѣмъ, что Баторію скоро нечего будетъ платить своимъ наемнымъ войскамъ [108]. Съ другимъ гонцомъ Рудольфъ отвѣчалъ: „Послы не отправлены потому, что еще не было совѣщанія съ императорскими чинами насчетъ Ливоніи, которая принадлежитъ имперіи; царь покажетъ свою дружбу къ императорскимъ чинамъ, если не будетъ вступаться въ остальные ливонскіе города; возить въ Московское государство мѣдь, свинецъ и олово онъ, Рудольфъ, не запрещалъ; а запрещенъ вывозъ изъ имперіи оружія и всего относящагося къ ратному дѣлу еще при императорѣ Карлѣ V-мъ, и потомъ это запрещеніе подтверждено при императорѣ Максимиліанѣ II-мъ: и ваша бы любовь себѣ то поразумѣли, меня въ этомъ любительно очистили и на меня не сердились“. По окончаніи войны съ Баторіемъ, царь вмѣстѣ съ Поссевиномъ отправилъ одного посланника, Якова Молвянинова, и къ папѣ, и къ императору; въ грамотѣ къ послѣднему изъявлялъ готовность приступить къ союзу христіанскихъ государей противъ мусульманскихъ, для чего императоръ и всѣ союзники должны отправить пословъ въ Москву; и такъ какъ дѣло идетъ о союзѣ всѣхъ христіанскихъ государей, то императоръ долженъ отмѣнить запрещеніе вывозить оружіе въ Московское государство.

Мы видѣли, что Іоаннъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, называлъ и Датскаго короля Фридриха своимъ недругомъ. Въ 1578 году послѣдній прислалъ въ Москву Якова Ульфельда рѣшить дѣло объ Эстоніи, на часть которой Данія предъявляла свои права [109]. Но царь не хотѣлъ признать этихъ правъ, и Ульфельдъ принужденъ былъ заключить пятнадцатилѣтнее перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: король призналъ права Іоанна на всю Ливонію и Курляндію, за что царь уступалъ ему островъ Эзель; король обязался не помогать Польшѣ и Швеціи въ войнѣ ихъ съ Московскимъ государствомъ; обязался не задерживать нѣмецкихъ художниковъ, которые поѣдутъ въ Москву чрезъ его владѣнія. Фридрихъ не былъ доволенъ этимъ договоромъ, осердился на Ульфельда, и началъ обнаруживать вражду свою къ Москвѣ тѣмъ, что требовалъ пошлинъ съ англійскихъ купцовъ на пути ихъ къ Бѣлому морю, объ-

являлъ свои притязанія на нѣкоторыя пограничныя съ Норвегіею мѣста.

Мы видѣли также, какъ московскія силы въ войнѣ съ Баторіемъ развлекались постояннымъ опасеніемъ крымскихъ нашествій. Тщетно посолъ московскій оказывалъ учтивости хану, билъ ему челомъ, обѣщалъ ежегодные подарки: ханъ безъ Астрахани не хотѣлъ давать шерти [110]; и если не было слышно о крымцахъ во все продолженіе войны съ Баторіемъ, то этимъ Москва обязана была войнѣ Турокъ съ Персами, въ которой и ханъ долженъ былъ участвовать. Истомленный этою войною ханъ могъ вредить Москвѣ только поджигая волненія между Черемисами. „Тридцать одинъ годъ прошелъ отъ покоренія Казани, говоритъ лѣтописецъ, и окаянные бусурманы не захотѣли жить подъ государевою рукою, воздвигли рать, плѣнили много городовъ. Царь, видя ихъ суровость, послалъ въ Казань бояръ и воеводъ съ приказомъ плѣнить ихъ. Но поганые, какъ звѣри дикіе, сопротивлялись рати московской, побивали московскихъ людей то на станахъ, то на походахъ, бояре и воеводы не могли ихъ усмирить“ [111].

ГЛАВА VII.

Строгановы и Ермакъ.

Первыя сношенія съ Сибирью.—Непрочность ея зависимости отъ Москвы.—Первыя извѣстія о Строгановыхъ.—Григорій Строгановъ получаетъ земли по Камѣ и строитъ городки.—Строгоновы получаютъ право заводить селенія и за Уральскими горами.—Усиленіе козачества на Дону.—Враждебныя столкновенія его съ государствомъ.—Козацій атаманъ Ермакъ у Строгановыхъ и отправляется ими за уральскія горы.—Гнѣвъ царскій на Строгановыхъ за это.—Успѣшныя дѣйствія Ермака въ Сибири.—Онъ извѣщаетъ объ нихъ Іоанна.—Отправленіе царскихъ воеводъ для принятія Сибирскихъ городовъ у козаковъ.—Преждевременная дряхлость Іоанна; причины ея.—Браки царскіе.—Убійство сына.—Болѣзнь и смерть Іоанна.—Объясненіе его характера и дѣятельности.

Въ то время, какъ на средней Волгѣ и нижней Камѣ дикіе народцы дѣлали послѣдніл, отчаянныя усилія, чтобъ высвободиться изъ-подъ русскаго подданства; въ то время какъ на западѣ Польша и Швеція, благодаря личнымъ достоинствамъ Баторія, успѣли соединенными силами оттолкнуть Московское государство отъ моря, успѣли отнять у него возможность ближайшаго, непосредственнаго сообщенія съ западною Европою, возможность пользоваться плодами ея образованности, необходимыми для скорѣйшаго и окончательнаго торжества надъ Азіею—въ то время движеніе русскаго народонаселенія на сѣверовостокъ не только не прекращалось, но усиливалось все болѣе и болѣе, и русскій чоловѣкъ перешелъ наконецъ черезъ Уральскія горы.

Мы видѣли, какъ послѣ завоеванія Казани князья ногайскіе сами предложили московскому царю овладѣть Астраханью, какъ потомъ мелкіе владѣльцы прикавказскіе стали обращаться въ Москву съ просьбою о помощи другъ противъ друга, просились въ подданство, чтобъ имѣть сильнаго покровителя и надежную помощь. То-

чно такъ же поступилъ и владѣлецъ Сибири, Татарскаго юрта, лежавшаго въ срединѣ нынѣшней Тобольской губерніи, юрта, очень незначительнаго самаго по себѣ, но значительнаго въ той пустынной странѣ, гдѣ на огромныхъ пространствахъ рѣдко разбросаны были малочисленные роды разноплеменныхъ и разнообычныхъ жителей. Въ генварѣ 1555 года пришли, говоритъ лѣтопись, послы къ царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, и били челомъ, чтобъ государь князя ихъ и всю землю сибирскую взялъ въ свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ и человѣка своего прислалъ, кому дань собирать. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ; послы обязались за князя и за всю землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человѣка по соболю и по бѣлкѣ Сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 30,700 человѣкъ. Царь отправилъ въ Сибирь посла и *дорогу* (сборщика дани), Дмитрія Курова, который возвратился въ Москву въ концѣ 1556 года вмѣстѣ съ сибирскимъ посломъ Бояндою. Дани Едигеръ прислалъ только 700 соболей, объ остальной объявилъ, что воевалъ ихъ Шибанскій царевичъ и взялъ въ плѣнъ много людей, отчего и мѣховъ собрать не съ кого. Но Куровъ говорилъ, что дань было можно собрать сполна, да не захотѣли, вслѣдствіе чего царь положилъ опалу на Бояндy, велѣлъ взять у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь отправилъ служивыхъ Татаръ съ грамотою, чтобъ во всемъ исправились. Въ сентябрѣ 1557 года посланные Татары возвратились съ новыми послами сибирскими, которые привезли 1,000 соболей, да *дорожной* пошлины 106 соболей за бѣлку; привезли и грамоту шертную съ княжею печатью, въ которой Едигеръ обязывался быть у царя въ холопствѣ и платить каждый годъ всю дань безпереводно [112]. Но такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы была непрочна: Едигеръ поддался съ цѣлію имѣть помощь отъ Русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ, сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ

юртомъ, и потомъ, въ случаѣ нужды, умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь. Въ Сибири понимали хорошо свое положеніе, характеръ отношеній своихъ къ Москвѣ; такъ Сибирскій князь говорилъ одному изъ русскихъ людей: „Теперь собираю дань, къ господарю вашему пословъ отправляю; теперь у меня война съ Казацкимъ царемъ (Киргизъ- Кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь Козацкій, сядетъ на Сибири: но и онъ господарю дань станетъ же давать“ [113]. Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняютъ, губятъ другъ друга [114]; Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани, князья то соглашались платить ее, то отказывались, надѣясь на безнаказанность вслѣдствіе той же отдаленности: такъ, послѣдній князь или царь, утвердившійся въ Сибири, Кучумъ, обязался было платить дань Іоанну, а потомъ убилъ московскаго посла. Прочное подданство Зауралья Москвѣ могло утвердиться только вслѣдствіе извѣстнаго движенія русскаго народонаселенія на сѣверовостокъ, когда русскіе промышленные люди приблизили свои селища къ Каменному Поясу и потомъ задумали перейти и черезъ него.

Въ исторіи этого движенія на сѣверовостокъ, въ исторіи колонизаціи сѣверовосточной Европы съ важнымъ значеніемъ является родъ Строгановыхъ. Мы видѣли, какъ ошибочно было такъ долго господствовавшее у насъ мнѣніе, что вся обширная область, извѣстная подъ именемъ Двинской земли, принадлежала Новгороду Великому; мы видѣли, что здѣсь съ новгородскими владѣніями были перемѣшаны владѣнія Ростовскихъ, а потомъ Московскихъ князей [115]. Отъ второй половины XV-го вѣка, когда Іоаннъ III получилъ возможность раздѣлиться съ Новгородцами въ Двинской землѣ, отобрать отъ нихъ земли, принадлежавшія прежде ему и Ростовскимъ князьямъ, дошла до насъ выпись изъ судейскихъ списковъ о двинскихъ земляхъ, гдѣ обозначены отобранныя у Новгородцевъ земли, какъ принадлежавшія Ростовскимъ князьямъ, такъ и великому князю Московскому. При исчисленіи этихъ земель говорится, что ихъ искали такіе-то люди на такихъ-то Новгородцахъ, несправедливо эти земли захватившихъ; при исчисленіи земель, долженствующихъ принадлежать московскому великому князю, говорится, что искалъ ихъ на Новгородскихъ Лука Строгановъ; также при исчисленіи нѣкоторыхъ земель, принадлежавшихъ князю Кон-

стантину Владиміровичу Ростовскому, истцемъ обозначенъ тотъ же Лука Строгановъ. Искалъ ли Лука Строгановъ этихъ земель потому, что онѣ находились у него въ оброчномъ содержаніи или потому, что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ—изъ приведеннаго акта рѣшить нельзя; мы видимъ, что земли Ростовскихъ князей, кромѣ Строганова, отыскиваются разными лицами, между прочимъ Ѳедоромъ Василисовымъ, старостою Васильскимъ и Пеженскимъ; искалъ этотъ Ѳедоръ на троихъ Новгородцахъ, которые отвѣчали вмѣсто владыки Іоны; слѣдовательно и Строгановъ съ товарищами могъ искать вмѣсто князей Московскаго и Ростовскихъ [116]. На богатство Строгановыхъ при Василіи Темномъ есть любопытное указаніе въ грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, который, уговаривая въ 1610 году Строгановыхъ ссудить его значительною суммою денегъ, пишетъ къ нимъ: „Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна великаго князя Василія Васильевича, какой великой чести сподобились?“ [117]. Мы видѣли, какъ охотно князья уступали обширные земельные участки людямъ, бравшимся населить ихъ, какія льготы давали этимъ населителямъ; освобожденіе на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей, издержекъ на проѣзжихъ чиновниковъ, право суда надъ поселенными людьми кромѣ душегубства и суда смѣснаго [118] и т. п. Строгановы, по своимъ обширнымъ средствамъ, являются главными населителями пустынныхъ земель на сѣверовостокѣ: при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ внуки упомянутаго Луки Строгонова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондакурской волости [119]. Въ царствованіе Іоанна IV-го Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы: 1558 году Григорій Аникіевъ Строгановъ билъ царю челомъ и сказывалъ: въ осьмидесяти-осьми верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, и всего пустого мѣста здѣсь сто сорокъ шесть верстъ; до сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не ставали и въ царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы никому, въ писцовыхъ книгахъ, въ купчихъ и правежныхъ не написаны

ни у кого. Григорій Строгановъ билъ челомъ, что хочетъ на этомъ мѣстѣ городокъ поставить, городъ пушками и пищалями снабдить, пушкарей, пищальниковъ и воротниковъ прибрать, для береженья отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, по рѣчкамъ до самыхъ вершинъ и по озерамъ лѣсъ рубить, расчищая мѣсто, пашню пахать, дворы ставить, людей называть неписьменныхъ и нетяглыхъ рассолу искать, а гдѣ найдется рассолъ, варницы ставить и соль варить.—Царскіе казначеи разспрашивали про эти мѣста Пермича Кодаула, который пріѣжалъ изъ Перми съ данью, и Кодаулъ сказалъ, что эти мѣста искони вѣчно лежатъ впустѣ, и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, и у Пермичей тамъ нѣтъ угодій никакихъ. Тогда царь Григорія Строганова пожаловалъ, отдалъ ему эти земли съ тѣмъ, чтобъ онъ изъ другихъ городовъ людей тяглыхъ и письменныхъ къ себѣ не называлъ и не принималъ; также чтобъ не принималъ воровъ, людей боярскихъ, бѣглыхъ съ имѣніемъ, татей и разбойниковъ; если пріѣдутъ къ нему изъ другихъ городовъ люди тяглые съ женами и дѣтьми, а намѣстники, волостели или выборные головы станутъ требовать ихъ назадъ, то Григорій обязанъ высылать ихъ на прежнія мѣста жительства. Купцы, которые пріѣдутъ въ городокъ, построенный Строгановымъ, торгуютъ въ немъ безпошлинно; варницы ставить, соль варить, по рѣкамъ и озерамъ рыбу ловитъ Строгановъ безоброчно; а гдѣ найдетъ руду серебряную, или мѣдную, или оловянную, то даетъ знать объ этомъ царскимъ казначеямъ, а самому ему тѣхъ рудъ не разработывать безъ царскаго вѣдома. Льготы Строганову дано на двадцать лѣтъ: какіе неписьменные и нетяглые люди придутъ къ нему жить въ городъ и на посадъ и около города на пашни на деревни и на починки, съ тѣхъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, ненадобно никакой дани, ни ямскихъ и селитряныхъ денегъ, ни посошной службы, ни городового дѣла, ни другой какой-либо подати, ни оброка съ соли и рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстахъ. Которые люди поѣдутъ мимо того городка, изъ Московскаго ли государства, или изъ иныхъ земель, съ товарами или безъ товару, съ тѣхъ пошлины не брать никакой, торгуютъ ли они тутъ или не торгуютъ; но если самъ Строгановъ повезетъ или пошлетъ соль или рыбу по другимъ городамъ, то ему съ соли и съ рыбы всякую пошлину давать, какъ съ другихъ торговыхъ людей пошлины берутся. Поселившихся у Строганова людей Пермскіе намѣстники

и тіуны ихъ не судятъ ни въ чемъ, праветчики и доводчики въ его городокъ и деревни не въѣзжаютъ ни зачѣмъ, ни поруки его людей не даютъ и не присылаютъ къ нимъ ни зачѣмъ: вѣдаетъ и судитъ своихъ слобожанъ самъ Григорій Строгановъ во всемъ. Если же людямъ изъ другихъ городовъ будетъ дѣло до Строганова, то они въ Москвѣ берутъ управныя грамоты, и по этимъ грамотамъ истцы и отвѣтчики безъ приставовъ становятся въ Москвѣ передъ царскими казначеями на Благовѣщеньевъ день. Когда урочныя двадцать лѣтъ отойдутъ, Григорій Строгоновъ обязанъ будетъ возить всѣ подати въ царскую казну въ Москву на Благовѣщеньевъ день. Если царскія послы поѣдутъ изъ Москвы въ Сибирь и обратно, или изъ Казани въ Пермь и обратно, мимо новаго городка, то Строганову и его слобожанамъ подводъ, проводниковъ и корму посланникамъ въ продолженіе двадцати льготныхъ лѣтъ не давать; хлѣбъ, соль и всякій запасъ торговые люди въ городѣ держатъ и посламъ, гонцамъ, проѣзжимъ и дорожнымъ людямъ продаютъ по цѣнѣ какъ между собою покупаютъ и продаютъ: также проѣзжіе люди нанимаютъ полюбовно подводы, суда, гребцовъ и кормщиковъ. До урочныхъ двадцати лѣтъ Строгановъ съ Пермичами никакаго тягла не тянетъ и счету съ ними не держитъ ни въ чемъ. Если же окажется, что Григорій Строгановъ билъ царю челомъ ложно, или станетъ онъ не по этой грамотѣ ходить, или станетъ противозаконно поступать (воровать), то эта грамота не въ грамоту.

Такимъ образомъ грамота, которою давалось право на заселеніе пустынныхъ прикамскихъ пространствъ, будучи сходна вообще съ грамотами, которыя давались населителямъ пустынныхъ пространствъ во всѣхъ частяхъ государства, должна была и разниться отъ нихъ; прикамская сторона была украйна, на которую нападали дикіе зауральскіе и пріуральскіе народцы, правительство не могло защищать отъ нихъ насельника, онъ долженъ былъ защищаться самъ, своими средствами, долженъ былъ строить городки или острожки, снабжать ихъ нарядомъ (артиллеріею), содержать ратныхъ людей. Понятно, что къ этому могли быть способны только насельники, обладавшіе обширными средствами: отсюда уясняется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни, по своимъ средствамъ, могли заселить прикамскую страну, приблизить Русскія селища къ Уралу и чрезъ это дать возможность распространить ихъ

и за Уралъ. Понятно также, что Строгоновы могли совершить этотъ подвигъ на пользу Россіи и гражданственности не вслѣдствіе только своихъ обширныхъ матеріальныхъ средствъ: нужна была необыкновенная смѣлость, энергія, ловкость, чтобъ завести поселенія въ пустынной странѣ, подверженной нападеніямъ дикарей, пахать пашни и разсолъ искать съ ружьемъ въ рукѣ, сдѣлать вызовъ дикарю, раздразнить его, положивши предъ его глазами основы гражданственности мирными промыслами.

Для наряда, для пушекъ и пищалей въ своемъ новомъ городкѣ Строгановъ нуждался въ селитрѣ: царь, по его челобитной, позволилъ ему на Вычегодскомъ посадѣ и въ Усольскомъ уѣздѣ сварить селитры, но не болѣе тридцати пудовъ; причемъ писалъ старостамъ тѣхъ мѣстъ: „Берегите накрѣпко, чтобъ при этой селитрянойваркѣ отъ Григорья Строганова крестьянамъ обидъ не было ни подъ какимъ видомъ, чтобъ на дворахъ изъ подъ-избъ и хоромъ онъ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобъ онъ селитры не продавалъ никому“ [120]. Строгановъ построилъ городокъ, назвалъ его Канкоромъ; но черезъ пять лѣтъ одного городка оказалось мало: въ 1564 году Строгановъ билъ челомъ, чтобъ царь позволилъ ему поставить другой городокъ, въ двадцати верстахъ отъ Конкора: нашли тутъ разсолъ, варницы ставятъ и соль варить хотятъ, но безъ городка люди жить не смѣютъ, и слухъ дошелъ отъ плѣнниковъ и отъ Вогуличей, что хвалится Сибирскій салтанъ и Шибаны идти на Пермь войною, а прежде они Соликамскъ дважды брали. Царь исполнилъ и эту просьбу, и явился новый городокъ—Кергеданъ съ стѣнами въ тридцать саженъ, а съ приступной стороны, для низкаго мѣста, закладенъ онъ былъ вмѣсто глины, камнемъ. Въ 1566 году братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Аникія Ѳедорова билъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ взялъ ихъ городки Канкоръ и Кергеданъ и всѣ ихъ промыслы въ опричнину: и эта просьба была исполнена. Въ 1568 году тотъ же Яковъ билъ челомъ, чтобъ додано было ему земли еще на двадцать верстъ къ прежнему пожалованію, причемъ также обязывался построить крѣпости на свой счетъ съ городовымъ нарядомъ скорострѣльнымъ: земля была ему дана съ такими же условіями, какъ и прежняя, но поселенцы освобождались отъ податей только на 10 лѣтъ.

До 1572 года въ прикамскихъ областяхъ все было тихо; но въ этомъ году Пермскій воевода донесъ царю, что сорокъ человѣкъ возмутившихся Черемисъ, вмѣстѣ съ Остяками, Башкирами и Буинцами, приходили войною на Каму, побили здѣсь Пермичей, торговыхъ людей и ватащиковъ 87 человѣкъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, послалъ Строгановымъ грамоту, въ которой писалъ: „Вы бы жили съ великимъ бережьемъ, выбрали у себя голову добраго, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, ручницами и саадаками; велѣли бы прибрать также Остяковъ и Вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли бы жить въ острогѣ. Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, козаками, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ, Черемису, Остяковъ, Вотяковъ, Ногаевъ, которые намъ измѣнили. А которые будутъ Черемисы или Остяки добрые, захотятъ къ своимъ товарищамъ приказывать, чтобъ они отъ воровъ отстали и намъ прямили, такихъ вы не убивайте и берегите ихъ, и мы ихъ пожалуемъ; а которые прежде воровали, а теперь захотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, такимъ велите говорить наше жалованное слово, что мы ихъ не накажемъ и во всемъ облегчимъ, пусть только собираются и вмѣстѣ съ охочими людьми ходятъ воевать нашихъ измѣнниковъ, и которыхъ повоюютъ, тѣхъ имѣніе, женъ и дѣтей пусть берутъ себѣ, и вы бы у нихъ этого имѣнія и плѣнниковъ отнимать никому не велѣли“. Строгановы исполнили приказъ: выбранный ими голова съ охочими людьми ходилъ на государевыхъ измѣнниковъ, однихъ побилъ, другихъ привелъ къ шерти, что будутъ впередъ прямить государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы естественно должны были обратить вниманіе и на земли зауральскія, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ, чѣмъ страны прикамскія. Случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ землицъ* за Ураломъ скоро представился Строгановымъ: новый Сибирскій салтанъ Кучумъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства: билъ, бралъ въ плѣнъ Остяковъ, платившихъ дань въ Москву, въ іюлѣ 1573 года Сибирскій царевичъ Маметкулъ приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройти къ Строгановскимъ городкамъ и въ Пермь Великую, причемъ побилъ много Остяковъ, Московскихъ данщиковъ, женъ и

дѣтей ихъ въ плѣнъ повелъ, государева посланника, шедшаго въ Киргисъ-Кайсацкую орду убилъ. Не доходя пяти верстъ до Строгановскихъ городковъ, Маметкулъ возвратился назадъ, испуганный разсказами плѣнниковъ, что въ городкахъ этихъ собралось много ратныхъ людей. Строгановы, увѣдомивши царя о нападеніяхъ Сибирскаго салтана и царевича, били челомъ, что они своихъ наемныхъ козаковъ за Сибирскою ратью, безъ царскаго вѣдома, послать не смѣютъ, между тѣмъ какъ зауральскіе остяки просятъ, чтобъ государь оборонялъ ихъ отъ Сибирскаго салтана, а они будутъ платить дань въ Москву; для этого бы государь пожаловалъ ихъ, Якова и Григорья Строгановыхъ, позволилъ между Тахчеями, на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, которыя въ Тоболъ впадаютъ, до вершинъ ихъ, на усторожливомъ мѣстѣ крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владѣть. Предложеніе перенести Русскія владѣнія за Уралъ, пріобрѣсти тамъ новыхъ данщиковъ и оборонять ихъ безъ всякихъ издержекъ и хлопотъ со стороны правительства не могло не понравиться Іоанну; онъ далъ Строгановымъ право укрѣпляться и за Ураломъ, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они завели селенія по Камѣ и Чусовой, съ обязанностію надзирать и за другими промышленниками, которые вздумаютъ поселиться по Тоболу и другимъ рѣкамъ Сибирскимъ: „Гдѣ Строгановы найдутъ руду желѣзную, говоритъ царская грамота, то ее разработываютъ; мѣдную руду, оловянную, свинцовую, сѣрную также разработываютъ на испытаніе. А кто другой захочетъ то же дѣло дѣлать, позволять ему да и пооброчить его промыслъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль; если кто-нибудь за этотъ промыслъ возмется, отписать къ намъ, какъ дѣло станетъ дѣлаться, во что какой руды въ дѣлѣ пудъ будетъ становиться, и сколько на кого положить оброку—все это намъ отписать, и мы объ этомъ указъ свой учинимъ. Льготы на землю Тахчеевъ и на Тоболъ рѣку съ другими рѣками и озерами до вершинъ, на пашни, дали мы на 10 лѣтъ: въ эти годы пришлые люди не платятъ никакой дани. Которые Остяки, Вогуличи и Югричи отъ Сибирскаго салтана отстанутъ, а начнутъ намъ дань давать, тѣхъ людей съ данью посылать къ нашей казнѣ самихъ. Остяковъ, Вогуличей и Югричей съ женами ихъ и дѣтьми отъ прихода ратныхъ людей, Сибирцевъ беречь Якову и Григорью у своихъ крѣпостей; а на Сибирскаго

салтана Якову и Григорью собирать охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ и посылать ихъ воевать вмѣстѣ съ наемными казаками и съ нарядомъ, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань за насъ приводить. Станутъ къ Якову и Григорью въ тѣ новыя мѣста приходить торговые люди Бухарцы и Киргизы и изъ другихъ земель съ лошадьми и со всякими товарами, въ Москву которые не хотятъ, то торговать имъ у нихъ всякими товарами вольно, безъпошлинно. Также пожаловали мы Якова и Григорья: на Иртышѣ, и на Оби, и на другихъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для обереганья и охочимъ людямъ для отдыха, строить крѣпости, держать сторожей съ огненнымъ нарядомъ, ловить рыбу и звѣря безоброчно до исхода урочныхъ двадцати лѣтъ" [121]. Такимъ образомъ Строгановы получили право завести промыслы и за Ураломъ вмѣстѣ съ необходимымъ правомъ или обязанностію не только построить острожки для обереганія этихъ промысловъ, не только вести оборонительную войну, но также и наступательную—посылать войско на Сибирскаго салтана, брать Сибирцевъ въ плѣнъ и въ дань приводить на царя; эта наступательная война была необходима: за Ураломъ, прежде чѣмъ взять землю въ свое владѣніе, завести на ней промыслы, надобно было ее очистить отъ Сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностію. Строгановы обѣщались вести эту войну на свой счетъ, должны были имѣть свое войско: изъ кого же могли они составить его? На охочихъ инородцевъ—Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ была плохая надежда; мирные промышленники нуждались въ передовыхъ людяхъ колонизаціи, которые вовсе не имѣютъ мирнаго промышленнаго характера, нуждались въ отыскивателяхъ путей, новыхъ землицъ, нуждались въ козакахъ.

Мы видѣли уже [122], какъ вслѣдствіе географическаго положенія древней Россіи, открытости границъ со всѣхъ сторонъ, соприкосновенности ихъ съ степями и пустынными пространствами, какъ вслѣдствіе одного изъ господствующихъ явленій древней Русской жизни—колонизаціи, общество должно было постоянно выдѣлять изъ себя толпы людей, искавшихъ приволья въ степи, составлявшихъ передовыя дружины колонизаціи, по имени зависѣвшихъ отъ государства, на дѣлѣ мало обращавшихъ вниманія на его интересы и по первоначальному характеру своему, и по одичалости въ степяхъ, и по безнаказанности, которая условливалась отдаленно-

стію отъ государства и слабостію послѣдняго. Мы видѣли, что уже при Василіи Іоанновичѣ Рязанскіе козаки хорошо знали мѣста по Дону; при сынѣ Василія они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе Донскихъ и становятся страшны Ногаямъ, Крымцамъ, Азовцамъ. На жалобы одного Ногайскаго мурзы, что Русскіе козаки грабятъ его людей, московское правительство отвѣчало: „Вамъ гораздо вѣдомо: лихихъ людей гдѣ нѣтъ? на поле ходятъ козаки многіе, Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни козаки; и изъ нашихъ украйнъ съ ними же смѣшавшись ходятъ: и тѣ люди какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники; на лихо никто ихъ не научитъ; а учинивъ какое-нибудь лихо, они разъѣзжаются по своимъ землямъ". Не изъ однихъ, впрочемъ, жителей Рязанской области составлялись толпы Донскихъ козаковъ: на Донъ шли и Севруки, жители Сѣверной украйны, подобно Рязанцамъ, издавна славившіеся своею отвагою. Ногайскій князь Юсуфъ писалъ въ Москву въ 1549 году: „Наши люди ходили въ Москву съ торгомъ, и какъ шли назадъ, ваши козаки и Севруки, которые на Дону стоятъ, ихъ побили". Видимъ, что козаки городовые, находившіеся подъ ближайшимъ надзоромъ государства, сдѣлавши что-нибудь противное его интересамъ уходили на Донъ; такъ Путивльскіе козаки, замѣшанные въ дѣлѣ о грабежѣ Крымскаго гонца, Левонъ Бутъ съ товарищами, сказывали: было ихъ на полѣ шесть человѣкъ, и весновали на Донцѣ, потомъ было въ Путивль, но на Муравскомъ шляху встрѣтились съ ними Черкаскіе (Малороссійскіе) козаки, 90 человѣкъ, взяли ихъ съ собою, и Крымскаго гонца пограбили; послѣ грабежа Левонъ Бутъ самъ четвертъ пришелъ въ Путивль, а двое товарищей его отстали, пошли на Донъ. Русскій гонецъ доносилъ: „Шли мы Волгою изъ Казани въ Астрахань, и какъ поравнялись съ Иргызскимъ устьемъ, пришелъ на насъ въ стругахъ князь Василій Мещерскій, да козакъ Лячюга Хромой Путивлецъ, и взяли у насъ судно царя Ямгурчея; я у нихъ просилъ его назадъ, но они мнѣ его не отдали и меня позорили". На жалобы Юсуфа Ногайскаго царь отвѣчалъ опять: „Эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобъ ихъ переловить, но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ, и которыхъ добудемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать, и переловивши, къ намъ при-

сылали. А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ. А намъ гостей нашихъ на полѣ беречь нельзя, бережемъ и жалуемъ ихъ въ своихъ государствахъ". Но Юсуфъ не переставалъ жаловаться: „Холопы твои" писалъ онъ царю: „какой-то Сары-Азманъ слыветъ, съ товарищами, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ города подѣлали, да нашихъ пословъ и людей стерегутъ и разбиваютъ. Какая же это твоя дружба! Захочешь съ нами дружбы и братства, то ты этихъ своихъ холопей оттуда сведи". Мы видѣли, какъ султанъ жаловался на Донскихъ козаковъ, приписывалъ имъ такіе подвиги, о которыхъ изъ другихъ источниковъ мы не знаемъ, напримѣръ, что они Перекопъ воевали, Астрахань взяли. Вражда была постоянная между Азовскими Турецкими козаками и Донскими Русскими: Московскій посолъ Нагой писалъ къ государю. что ему нельзя послать вѣсти въ Москву, „потому что азовскіе козаки съ твоими государевыми козаками не въ миру" [123]. Козаки были нужны московскому правительству въ этихъ пустынныхъ странахъ не для одного противодѣйствія хищнымъ Азіятцамъ: отпуская въ Константинополь посла Новосильцева черезъ Рыльсъ и Азовъ, государь велѣлъ послать проводить его до Донскихъ зимовищъ Донского атамана, Мишку Черкашенина (прозваніе это показываетъ, что Мишка былъ Малороссійскій козакъ); а съ нимъ его прибору атамановъ и козаковъ 50 человѣкъ. Новосильцевъ долженъ былъ Донскимъ атаманамъ и козакамъ говорить государевымъ словомъ, чтобъ они государю послужили, его, посла, въ государевыхъ дѣлахъ слушали. На Донецъ Сѣверскій атаманамъ и козакамъ, всѣмъ безъ отмѣны, послана была царская грамота, чтобъ они Новосильцева слушались во всѣхъ государевыхъ дѣлахъ, ходили бы куда станетъ посылать: всѣмъ бы вы намъ послужили" писалъ царь: „а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ" [124]. Какъ важна была помощь козаковъ въ степи Русскимъ посламъ, и къ какой жизни должны были привыкнуть здѣсь козаки, всего лучше видно изъ донесеній пословъ о ихъ многотрудномъ пути. Новосильцевъ, напримѣръ писалъ изъ Рыльска отъ 10 марта: „Снѣга на полѣ очень велики, и *осеренило* ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, *серенъ* [152] не поднимаетъ: мы думаемъ взять саласки, а сами пой-

демъ на ртахъ къ Сѣверскому Донцу. Мишкина прибора козакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твою государеву службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ на вотчину Рыльскую". Потомъ Новосильцевъ писалъ: Шли мы до Донца на ртахъ пѣшкомъ, а твою государеву казну и свой запасишка везли на саласкахъ сами. Какъ пришли мы на Донецъ перваго апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки Черкашенина, у атамановъ и козаковъ не у всѣхъ были суда готовыя старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки". О возвратномъ пути своемъ изъ Азова Новосильцевъ доносилъ: „Какъ мы пошли изъ Азова, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ козачьи атаманы, Сенка Ложникъ съ товарищами, 80 человѣкъ, да съ ними же приближаются Козыевы татары, да два атамана Крымскихъ, а съ ними человѣкъ съ 300, и хотятъ насъ на Дону или на Украинѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною донскихъ атамановъ и козаковъ идетъ для береженья не много: иные атаманы и козаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали": Любопытно, что Азовскій козацкій атаманъ называется Сенка Ложникъ, а Русскій донской атаманъ называется Сары-Азманъ. Какъ упомянутый Мишка Черкашенинъ отмстилъ за своего сына, взятаго въ плѣнъ Крымцами и казненнаго, видно изъ слѣдующаго донесенія изъ Крыма въ Москву: „Прислалъ Турецкій царь чауша къ Крымскому царю, и писалъ къ нему: зачѣмъ ты казнилъ сына Мишки Черкашенина? Теперь у меня Донскіе козаки за сына Мишкина Азовъ взяли, лучшихъ людей изъ Азова побрали 20 человѣкъ да шурина моего Усеина кромѣ черныхъ людей [126].

Донскіе козаки, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ въ половину: они нападали не на однихъ Ногаевъ, Азовцевъ и Крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали Персидскихъ и бухарскихъ пословъ, русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; козаковъ казнили и ловили, другіе разбѣжались, какъ волки, по выраженію лѣтописца [127], и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ

радостію. Это предложеніе пришло не ранѣе весны 1579 года, хотя собственно можно было ожидать, что Строгановы станутъ прибирать охочихъ козаковъ гораздо ранѣе, именно съ 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую имъ право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральскихъ горъ. Но эта медленность объясняется легко событіями въ родѣ Строгановыхъ: Яковъ и Григорій Аникіевы умерли; остался третій братъ Семенъ, съ двумя племянниками, Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, причемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ. Козаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеевича; другіе атаманы были: Иванъ Кольцо (который, по словамъ царской грамоты къ Ногаямъ, былъ присужденъ къ смертной казни [128]), Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Они пришли въ чусовскіе городки въ концѣ іюля 1571 года, и оставались здѣсь до сентября 1581 года. Въ это время, по словамъ лѣтописца [129], они помогали Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей: въ іюлѣ 1581 года 680 Вогуличей подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Агтакова, напали нечаянно на Строгановскія владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ плѣнъ людей: но ратные люди изъ городковъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ плѣнъ самого мурзу Бегбелія. Изъ словъ же царской грамоты 1582 года [130] оказывается, что, Строгановы не довольствовались только обороною своихъ городковъ, но посылали отряды воевать Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ. Послѣ пораженія Бегбелія Строгановы рѣшились отпустить козаковъ, Ермака съ товарищами, за уральскія горы для достиженія той цѣли, съ какою отцы ихъ испросили царскую грамоту въ 1574 году. По словамъ лѣтописи, 1-го сентября 1581 года Строгановы, Семенъ, Максимъ и Никита, отпустили на Сибирскаго салтана козаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищами, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ—Литовцевъ, Нѣмцевъ (плѣнныхъ), татаръ и русскихъ, всего 300 человѣкъ, а въ цѣломъ отрядѣ съ козаками было 840 человѣкъ: Строгановы дали имъ жалованье, снабдили съѣстными запасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и пищалями, дали проводниковъ, знающихъ сибирскій путь и толмачей, знающихъ бусурманскій языкъ.

Но въ тотъ самый день, перваго сентября, когда Ермакъ съ своею дружиною пошелъ на очищеніе Сибирской земли, толпы дикарей, собранныхъ Пелымскимъ княземъ, напали на пермскія мѣста, на Чердынь и на Строгановскія владѣнія. Семенъ и Максимъ отправили въ Москву грамоту съ жалобою, что Вогуличи пожгли ихъ слободки и деревни, усольскія варницы и мельницы, хлѣбъ всякій и сѣно, крестьянъ съ женами и дѣтьми въ плѣнъ взяли, и просили, чтобъ царь велѣлъ имъ дать на помощь ратныхъ людей съ ружьемъ. Іоаннъ велѣлъ Пермскому Намѣстнику, князю Елецкому, распорядиться, чтобъ земскіе старосты и цѣловальники собрали съ пермскихъ волостей и Соли-Камской ратныхъ людей со всякимъ оружіемъ, человѣкъ 200; въ головахъ были бы у нихъ земскіе же люди; пусть ратныхъ людей Пермичи и Усольцы собираютъ сами между собою, чтобъ имъ отъ намѣстника убытковъ не было; собранное такимъ образомъ ополченіе должно было помогать Семенову и Максимову острогу, если же Вогуличи придутъ на перскія и усольскія мѣста, то Строгановскіе люди должны помогать этимъ мѣстамъ. Царь писалъ и Никитѣ Строганову, чтобъ онъ помогалъ своимъ родственникамъ [131].

Но въ слѣдующемъ году Чердынскій воевода Перепелицынъ, вѣроятно не поладившій съ Строгановыми, донесъ царю, что въ то самое время, какъ Пелымскій князь напалъ на Пермь, Строгановы вмѣсто того, чтобъ защищать эту область, отправили своихъ козаковъ воевать Сибирскаго салтана. Вслѣдствіе этого донесенія царь велѣлъ отправить къ Строгановымъ такую грамоту: „Писалъ къ намъ изъ Перми Василій Перепелицынъ, что вы изъ своихъ остроговъ послали волжскихъ атамановъ и козаковъ, Ермака съ товарищами, воевать Вотяковъ и Вогуличей, пелымскія и сибирскія мѣста, 1-го сентября: и въ тотъ же самый день Пелымскій князь собравшись съ сибирскими людьми и Вогуличами, приходилъ войною на наши пермскія мѣста, къ городу Чердыни, къ острогу приступалъ, нашихъ людей побилъ и много убытковъ нашимъ людямъ надѣлалъ. Это случилось по вашей измѣнѣ: вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ Сибирскимъ салтаномъ; потомъ призвавши къ себѣ волжскихъ атамановъ, воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа, а эти атаманы и козаки и прежде ссорили насъ съ Ногайскою ор-

дою, пословъ Ногайскихъ на Волгѣ, на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ много грабежей и убытковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что нашу Пермскую землю оберегать; а они, вмѣстѣ съ вами, сдѣлали точно такъ же, какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни Вогуличи, 1-го сентября, отъ тебя изъ остоговъ Ермакъ съ товарищами пошли воевать Вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною; еслибы вы намъ служили, то вы бы козаковъ въ это время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую землю оберегать. Мы послали въ Пермь Воина Оничкова, велѣли ему этихъ козаковъ, Ермака съ товарищами, взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолье, тутъ велѣли имъ стоять, раздѣлясь, и зимою на партахъ ходить на Пелымскаго князя вмѣстѣ съ Пермичами и Вятчанами; а вы, обославшись съ Перепелицинымъ и Оничковымъ, посылали бы отъ себя воевать Вогуличей и Остяковъ. Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ козаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя; то оставьте у себя немного людей, человѣкъ до ста, съ какимъ-нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непремѣнно тотчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ козаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя, и пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ пермскими мѣстами отъ Вогуличей, Пелымцевъ и отъ Сибирскаго салтана, то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и козаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать“ [132].

Ясно, что выраженіе грамоты: „Вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ задирали, войною на нихъ приходили“ никакъ не могутъ относиться къ знаменитому походу Ермака на Сибирь 1-го сентября 1581 года; не могутъ относиться уже грамматически, по многократнымъ формамъ; не могутъ относиться и потому, что извѣстіе о призывѣ Ермака помѣщено послѣ, безъ связи съ прежними нападеніями Строгановыхъ на Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ, наконецъ Ермакъ своимъ

послѣднимъ походомъ не могъ возбудить Пелымскаго князя, который не зналъ объ этомъ походѣ, а когда узналъ, то ушелъ назадъ; слѣдовательно прежде посылки Ермака 1-го сентября 1581 года Строгоновы уже пользовались царскою грамотою и предпринимали наступательныя движенія на сибирскихъ народцевъ. Царь обнаруживаетъ неудовольствіе, зачѣмъ Строгановы призвали къ себѣ волжскихъ козаковъ безъ его указу; но это неудовольствіе выражено не сильно, да и гнѣвъ царскій на козаковъ за ихъ прежнія дѣла на Волгѣ выраженъ также не сильно; непосредственно слѣдуютъ слова, въ которыхъ выражается, что козаки совершенно покрыли бы свою вину, еслибъ защищали Пермскую землю отъ сибирскихъ дикарей, и сейчасъ слѣдуютъ распоряженія объ употребленіи козаковъ для этой защиты, причемъ и Строгановымъ позволяется удержать часть ихъ въ своихъ острожкахъ. Царь выражаетъ гнѣвъ свой не за то, слѣдовательно, что Строгановы призвали волжскихъ охочихъ козаковъ, и не за то, что послали ихъ за Уральскія горы, на что имѣли полное право по прежней грамотѣ; онъ сердится за то, что они предпочли, по его мнѣнію, свои выгоды выгодамъ царскимъ; нападеніями раздражали дикарей, и въ то время, какъ эти дикари напали на Пермскую землю и на владѣнія Строгановыхъ, у послѣднихъ не оказалось средствъ для защиты своихъ земель и для помощи царскимъ воеводамъ, потому что войско, необходимое для защиты, они отослали для завоеваній въ Сибири; царь грозитъ Строгановымъ большою опалою только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать подобное поведеніе, продолжать заботиться только о своихъ выгодахъ, грозитъ перевѣшать козаковъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ предпочитать службу частнымъ людямъ службѣ царской, слушать Строгановыхъ и служить имъ, а царскую землю выдавать.

Отправленный царемъ Оничковъ не могъ исполнить его приказаній: Ермакъ съ товарищами не возвратился къ Строгановымъ изъ своего похода. Четыре дня шелъ онъ вверхъ по Чусовой до устья рѣки Серебряной; по Серебряной плыли два дня до сибирской дороги, здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавши его Ермаковымъ Кокуемъ-городомъ; съ этого мѣста шли волокомъ до рѣки Жаровли, Жаровлею выплыли въ Туру, гдѣ и начиналась Сибирская страна. Плывя внизъ по Турѣ, козаки повоевали много татарскихъ городковъ и улусовъ; на рѣкѣ Тавдѣ схватили нѣсколь-

ко татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ козакамъ подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучуму, чтобъ онъ разсказами своими о козакахъ настращалъ хана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучуму: „Русскіе воины сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается, стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ никакими ратными збруями нельзя: все на-вылетъ пробиваютъ“. Эти разсказы нагнали печаль на хана и раздумье; онъ собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить Русскихъ, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подъ горою Чувашьею. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и былъ разбитъ: ружье восторжествовало надъ лукомъ. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ или карачей защищалъ свой улусъ; козаки разгромили его, взяли медъ и богатство царское; непріятели настигли ихъ на Иртышѣ, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; козаки поплатились за свою побѣду нѣсколькими убитыми и всѣ были переранены. Къ ночи козаки взяли городъ Атикъ-Мурзы и засѣли въ немъ; на другой день должна была рѣшиться ихъ участь, надобно было вытѣснить Кучума изъ его засѣки. Козаки собрали кругъ и стали разсуждать: идти ли назадъ или впередъ? Осилили тѣ, которые хотѣли впередъ во что бы то ни стало: „Братцы!“ говорили они: куда намъ бѣжать? время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, которое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ“. На разсвѣтѣ, 23 октября, козаки вышли изъ города и начали приступать къ засѣкѣ; осажденные, пустивши тучи стрѣлъ на нападавшихъ, проломили сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя козаки побѣдили; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; Остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и старый ханъ оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ, Сибирь,

забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. Козаки вошли въ пустую Сибирь 26 октября. На четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ Остяцкій князь съ дружиною, привезъ много даровъ и запасовъ; потомъ стали приходить татары съ женами и дѣтьми и селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ.

Козаки владѣли въ стольномъ городѣ Кучумовомъ; но Маметкулъ былъ не далеко. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нѣсколько изъ нихъ отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу: Маметкулъ подкрался и перебилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, услышавши объ этомъ, пошолъ мстить за товарищей, настигъ поганыхъ при Абалакѣ, бился съ ними до ночи; ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь. Весною, по водополью, пришелъ въ городъ татаринъ и сказалъ, что Маметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ: Ермакъ отрядилъ часть козаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, много поганыхъ побили, самого Маметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку въ Сибирь. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ. Но одна дурная вѣсть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идетъ на него князь Сейдекъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата; затѣмъ покинулъ его карача съ своими людьми. Горько плакалъ старикъ Кучумъ: „Кого Богъ не милуетъ", говорилъ онъ, „тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ".

Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ Остяцкій городъ Назымъ, плѣнилъ его князя, но въ этомъ походѣ потерялъ атамана Никиту Пана съ его дружиною. Возвратившись въ Сибирь, Ермакъ далъ знать Строгановымъ о своихъ успѣхахъ, что онъ Кучума салтана одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ. Строгановы дали знать объ этомъ царю, который за ихъ службу и радѣнье пожаловалъ Семена городами Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ далъ право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю какъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ. Козаки отъ себя прямо послали нѣсколько товарищей своихъ въ Москву извѣстить царя объ усмиреніи Сибирской земли. Іоаннъ пожаловалъ этихъ козаковъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири

государь послалъ свое полное большое жалованье; а для принятія у нихъ сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ, князя Семена Болховского и Ивана Глухова. Касательно отправленія этихъ воеводъ въ Сибирь до насъ дошла царская грамота къ Строгановымъ отъ 7-го генваря 1584 года: „По нашему указу велѣно было князю Семену Болховскому взять у васъ, съ вашихъ острожковъ, на нашу службу, въ сибирскій зимній походъ пятьдесятъ человѣкъ на коняхъ. Но теперь дошелъ до насъ слухъ, что въ Сибирь зимнимъ путемъ на коняхъ пройдти нельзя: и мы князю Семену теперь изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь ходить не велѣли до весны, до полой воды, и ратныхъ людей брать у васъ также не велѣли. Весною же велѣли взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, чтобъ струги подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ; а людей ратныхъ, подводъ и проводниковъ брать у васъ не велѣли и обиды вашимъ людямъ и крестьянамъ никакой дѣлать не велѣли. Такъ вы бы тотчасъ велѣли изготовить къ веснѣ струга, чтобъ за ними воеводамъ въ вашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. А не дадите судовъ тотчасъ, и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ быть въ великой опалѣ“ [133]. Это распоряженіе Іоанна относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховского, ни о судьбѣ Ермака.

Еще будучи только 43 лѣтъ, въ 1573 году, Іоаннъ говорилъ Литовскому послу Гарабурдѣ, что онъ уже старъ. Дѣйствительно, такая страшная жизнь, какую велъ Іоаннъ, такая страшная болѣзнь, которою страдалъ онъ, должны были состарить его преждевременно. Несчастная война съ Баторіемъ, потеря Ливоніи, униженіе, претерпѣнное Іоанномъ, должны были также разрушительно подѣйствовать на его здоровье. Наконецъ сюда присоединилось невоздержаніе всякаго рода, противъ чего не могло устоять и самое крѣпкое тѣлосложеніе. Мы видѣли, что по смерти Анастасіи Іоаннъ сватался на сестрѣ польскаго короля, но сватовство это не имѣло успѣха; Іоаннъ обратился въ сторону противоположную, на Востокъ, и въ 1561 году женился на дочери черкесскаго князя Темрюка, которой при крещеніи въ Москвѣ дали имя Маріи. Выгода жениться не на Русской, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и красота Черкешенки могли прельстить Іоанна; но легко понять, что онъ могъ выиграть въ нравственномъ отношеніи отъ

союза съ дикаркою. Марія умерла въ 1569 году. Въ 1571 году Іоаннъ рѣшился вступить въ третій бракъ, и выбралъ въ невѣсты Мароу Собакину, дочь купца Новгородскаго [134]; но молодая царица не жила и мѣсяца. Іоаннъ не любилъ сдерживаться никакими препятствіями и въ началѣ 1572 года, вопреки уставу церковному, женился въ четвертый разъ, на Аннѣ Колтовской: онъ призвалъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ на свой царскій духовный совѣтъ, и молилъ о прощеніи и разрѣшеніи четвертаго брака, потому что дерзнулъ на него по слѣдующимъ причинамъ: женился онъ первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича, и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ Черкасъ Пятигорскихъ дѣвицу, и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражіимъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ немало времени, захотѣлъ вступить въ третій бракъ, съ одной стороны для нужды тѣлесной, съ другой для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ; поэтому идти въ монахи не могъ, а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно; избралъ себѣ невѣсту, Мароу, дочь Василія Собакина, но врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Мароу, и они отравили ее еще когда она была въ дѣвицахъ; царь положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе, и взялъ за себя царицу Мароу, въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за нимъ только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Царь много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ; но, видя христіанство расплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ.—Царскіе богомольцы, архіепископы и епископы, видя такое царево смиреніе и моленіе, много слезъ испустили и на милосердіе преклонились. Собравшись въ соборной церкви Успенія, они положили: простить и разрѣшить царя, ради теплаго умиленія и покаянія, и положить ему заповѣдь не входить въ церковь до Пасхи; на Пасху въ церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потомъ стоять годъ съ припадающими; по прошествіи года ходить къ меньшой и къ большой дорѣ; потомъ годъ стоять съ вѣрными, и какъ годъ пройдетъ, на Пасху причаститься св. Таинъ; съ слѣдующаго же 1573 года разрѣшили царю по праздникамъ владычнымъ и богородичнымъ вкушать богородичный

хлѣбъ, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будетъ подавать сколько захочетъ. Если государь пойдетъ противъ своихъ невѣрныхъ недруговъ, за святыя Божія церкви и за православную вѣру, то ему епитимію разрѣшить: архіереи и весь освященный соборъ возьмутъ ее тогда на себя. Прочіе же, отъ царскаго синклита до простыхъ людей, да не дерзнутъ на четвертый бракъ; если же кто по гордости и неразумію вступитъ въ него, тотъ будетъ проклятъ [135].—Но Іоаннъ жилъ въ четвертомъ бракѣ не болѣе трехъ лѣтъ: Колтовская заключилась въ монастырѣ. Не имѣемъ права двухъ наложницъ царя, Анну Васильчикову и Василису Мелетьеву, называть царицами, ибо онъ не вѣнчался съ ними, и въ современныхъ памятникахъ онѣ царицами не называются [136]; въ пятый и послѣдній разъ Іоаннъ вѣнчался въ 1580 году съ Маріею Өедоровною Нагою, отъ которой имѣлъ сына Дмитрія; но мы видѣли, что онъ считалъ дѣломъ легкимъ расторгнуть этотъ бракъ и сватался на Англичанкѣ. Во время пребыванія Поссевина въ Москвѣ Іоаннъ исповѣдывался, но не пріобщался вслѣдствіе того, что былъ женатъ на пятой женѣ.

Привычка давать волю гнѣву и рукамъ не осталась безъ страшнаго наказанія: въ ноябрѣ 1581 года, разсердившись за что-то на старшаго сына своего Іоанна, царь ударилъ его — и ударъ былъ смертельный. Мы сказали: *за что-то*, ибо относительно причины гнѣва свидѣтельства разнорѣчатъ; у псковскаго лѣтописца читаемъ, „*Говорятъ*, что сына своего, царевича Ивана, за то покололъ жезломъ, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ (отъ Баторія)“; то же самое повторяютъ нѣкоторые иностранные писатели; но Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя только три мѣсяца послѣ событія, разсказываетъ, что убійство произошло вслѣдствіе семейной ссоры: царевичъ вступился за беременную жену свою, которую отецъ его прибилъ [137]. По свидѣтельству того же Поссевина, убійца былъ въ отчаяніи, вскакивалъ по ночамъ и вопилъ; собралъ бояръ, объявилъ, что онъ убилъ сына, не хочетъ болѣе царствовать, и такъ какъ оставшійся царевичъ Өедоръ неспособенъ править государствомъ, то пусть подумаютъ, кто изъ бояръ достоинъ занять престолъ царскій? Бояре, опасаясь, чтобъ это предложеніе не было хитростію, объявили, что они не хотятъ видѣть на престолѣ никого кромѣ сына царскаго, и упрашивали самого Іоанна не покидать правленія.

Не съ большимъ два года прожилъ Іоаннъ по смерти сына: въ началѣ 1584 года обнаружилась въ немъ страшная болѣзнь, слѣдствіе страшной жизни: гніеніе внутри, опухоль снаружи. Въ мартѣ разосланы по монастырямъ грамоты: „Въ великую и пречестную обитель, святымъ и преподобнымъ инокамъ, священникамъ, дьяконамъ, старцамъ соборнымъ, служебникамъ, клирошанамъ, лежнямъ, и по кельямъ всему братству: преподобію ногъ вашихъ касаясь, *князъ великій* Иванъ Васильевичъ челомъ бьетъ, молясь и припадая преподобію вашему, чтобъ вы пожаловали, о моемъ окаянствѣ соборно и по кельямъ молили Бога и Пречистую Богородицу, чтобъ Господь Богъ и Пречистая Богородица, вашихъ ради святыхъ молитвъ, моему окаянству отпущеніе грѣховъ даровали, отъ настоящія смертныя болѣзни свободили и здравіе дали; и въ чемъ мы передъ вами виноваты, въ томъ бы вы насъ пожаловали простили, а вы въ чемъ передъ нами виноваты, и васъ во всемъ Богъ проститъ“ [138]. Говорятъ, что больной распорядился судьбою царства, ласково обращался къ боярамъ, убѣждалъ сына Ѳедора царствовать благочестиво, съ любовію и милостію, избѣгать войны съ христіанскими государствами; завѣщалъ уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнныхъ; въ припадкахъ все звалъ убитаго сына Ивана. Говорятъ также, что испорченная природа до конца не переставала выставлять своихъ требованій... Смертный ударъ застигъ Іоанна 18 марта, когда, почувствовавъ облегченіе, онъ сбирался играть въ шашки. Надъ полумертвымъ совершили обрядъ постриженія, назвали его Іоною [139].

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицемъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV-й не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе: *Грозный*, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда, Іоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ сѣверной Руси до половины XVI вѣка [140]; жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и непріязней. Но во второй половинѣ

XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся въ Москвѣ съ половины XV-го вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ—внукъ Іоанна III-го и Софіи Палеологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, Московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палэологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III-го и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполнѣ объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ царемъ московскимъ.

Мы видѣли, вслѣдствіе чего Іоаннъ дошелъ до ранняго сознанія борьбы, которую онъ долженъ былъ вести, до сознанія началъ, которыя онъ долженъ былъ защищать отъ началъ противоположныхъ. Послѣднимъ, во время его малолѣтства, дана была возможность вполнѣ обнаружиться, и это обнаруженіе вызвало противодѣйствіе, усиленное еще новыми, извѣстными обстоятельствами, характеромъ главнаго дѣятеля, образовавшимися также подъ вліяніемъ борьбы. Въ борьбѣ этой обнаружились значеніе и средства той и другой стороны, она бросила яркій свѣтъ и на прежнія отношенія, на древнюю исторію Руси. Чтобъ уяснить себѣ характеръ отношеній между нашими древними князьями, намъ стоило только спросить у лѣтописцевъ, какъ эти князья звали другъ друга

и какъ звали ихъ подданные? Встрѣчаемъ ли мы въ древнихъ лѣтописяхъ названія: князь Кіевскій, Черниговскій, Переяславскій, Туровскій, Полоцкій? Нѣтъ, мы этихъ названій не встрѣчаемъ; встрѣчаемъ одни собственныя имена княжескія, которыя приводятъ обыкновенно въ такое затрудненіе людей, начинающихъ заниматься древнею русскою исторіею. Чего нѣтъ въ древнихъ памятникахъ, того не должны мы искать въ древнемъ обществѣ: князья не титулуются по имени своихъ владѣній, слѣдовательно владѣнія эти не имѣли для нихъ первенствующаго значенія, и дѣйствительно видимъ, что они ихъ мѣняли; видимъ, что они называютъ другъ друга братьями, считаются, ведутъ споры о старшинствѣ по родовой лѣствицѣ: заключаемъ, что господствующія отношенія между ними были родовыя, а не по владѣніямъ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ и къ дружинѣ княжеской, къ боярамъ, спросимъ: какъ ихъ зовутъ? При именахъ вельможъ Западной Европы мы привыкли встрѣчать частицы *фонъ*, *де*, съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Еслибъ исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили бы, что имѣемъ дѣло съ землевладѣльцами, что владѣніе землею положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ: что встрѣтимъ? „Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина, Иванъ Петровичъ Ѳедоровича“. Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла усѣсться на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корней въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе, зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя, или отъ цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой былъ главный интересъ русскаго боярина— это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или при крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носитъ съ собою свое родословіе, и крѣпко стоитъ за то, чтобъ роду не было порухи, униженія: отсюда понятно становится намъ явленіе мѣстничества; интересъ родовой господствуетъ. Когда князей было много, когда можно было переходить отъ одного изъ

нихъ къ другому, выгодное положеніе дружинника обезпечивалось вполнѣ этою возможностію; когда же эта возможность, съ установленіемъ единовластія, исчезла, дружинникъ долженъ былъ принять то положеніе, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословныя отличія и преимущества не выработались, не опредѣлились закономъ: мы видѣли, что когда на поле или судебный поединокъ являлись съ одной стороны дѣти боярскіе, а съ другой крестьяне, и дѣти боярскіе, по сословнымъ требованіямъ, отказывались биться съ крестьянами, то судья обвинялъ ихъ, ибо законъ молчалъ о сословныхъ различіяхъ. Въ отношеніяхъ княжескихъ въ сѣверной Россіи произошла перемѣна; здѣсь родовая связь рушилась, волости обособились, и когда подчинились всѣ Москвѣ, то князья ихъ явились сюда съ волостными наименованіями. Но князья, отстранивъ отъ первыхъ мѣстъ, заѣхавъ, по тогдашнему выраженію, старинные роды боярскіе, не долго удерживаютъ за собою первенствующее положеніе, кромѣ титула скоро ничѣмъ болѣе не отличаются отъ остальныхъ членовъ служилаго сословія, и многіе изъ нихъ даже забываютъ свои наименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, отъ личныхъ прозвищъ происходящія. Все это объясняетъ намъ, почему въ малолѣтство Іоанна IV-го мы видимъ только борьбу извѣстныхъ отдѣльныхъ родовъ за первенство, почему служилое сословіе такъ долго и упорно держалось за обычай мѣстничества: въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно изъ одной сферы — съ большою силою и упругостію обнаружится въ другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединилось, старое съ новымъ начало сводить послѣдніе счеты: не мудрено, что появилось много важныхъ вопросовъ, важныхъ требованій. Вторая половина XVI вѣка, царствованіе Іоанна IV-го, характеризуется преимущественно этимъ поднятіемъ важныхъ вопросовъ въ государственной жизни, наибольшею выставкою этихъ вопросовъ, если начали подниматься они и прежде, ибо въ исторіи ничто не дѣлается вдругъ. Такъ опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія царя къ своимъ старымъ боярамъ: но съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніи старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь

и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся вслѣдствіе государственныхъ требованій и вслѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду; подлѣ личныхъ стремленій Іоанна видимъ стремленія цѣлаго разряда людей, которымъ было выгодно враждебное отношеніе царя къ старшей дружинѣ. Мы видѣли, что самъ Іоаннъ, въ завѣщаніи сыновьямъ, смотрѣлъ на опричнину, какъ на вопросъ, какъ на первый опытъ. Послѣ мы увидимъ, какъ будетъ рѣшаться этотъ важный вопросъ объ отношеніяхъ младшей дружины къ старшей. Государство складывалось, новое сводило счеты съ старымъ: понятно, что долженъ былъ явиться и громко высказаться вопросъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ управленіи, о недостаточности прежнихъ средствъ; о злоупотребленіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, являются попытки къ рѣшенію вопроса — губныя грамоты, новое положеніе дьяковъ относительно воеводъ и т. д. Понятно, что въ то же время долженъ былъ возникнуть вопросъ первой важности, вопросъ о необходимости пріобрѣтенія средствъ государственнаго благосостоянія, которыми обладали другіе европейскіе народы: и вотъ видимъ первую попытку относительно Ливоніи. Вѣкъ задавалъ важные вопросы, а во главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступать немедленно къ ихъ рѣшенію.

Къ сказанному прежде объ этомъ характерѣ, о его образованіи и постепенномъ развитіи намъ не нужно было бы прибавлять ничего болѣе, еслибъ въ нашей исторической литературѣ не высказывались объ немъ мнѣнія совершенно противоположныя. Въ то время какъ одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими, очень нелестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ любимомъ, достоинствъ въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лице добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хо-

тятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признавать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ—Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быть, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ". Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами по-

крывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину всклaдываете!“ Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ па Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій, и получивъ неизреченнымъ Божіемъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой: то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю“. Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись“, потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что̀ вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства! Сколько потомъ ни было походовъ къ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты; когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, еслибъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить право-

славное воинство, начавши дѣло не во время". Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, еслибъ я васъ не удержалъ" съ словами: „вы государились, а я ничемъ ни владѣлъ"? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятниковъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ". Слѣдовательно Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ Крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ Татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту, и къ царю. Это посланіе Сильвестра, къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору. Благовѣщенскій попъ Селивестришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ;

да писалъ, что я Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кирилова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жь. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали жь. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось, а про Артемья, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго права и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и богоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать". Здѣсь съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ

удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно Крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля Шведскаго и особенно относительно Баторія; непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы, и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV-го, мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III-го; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ; сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостію, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладѣть съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь: но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „я знаю, что я золъ“, говорилъ онъ: но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему; мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной въ то время начитанности: но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостію нравовъ времени; дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характиръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнію и честію человѣка: дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло; такъ напримѣръ въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова „о царѣ Турскомъ Магметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія“ строгій судъ и жестокія казни султана прославляются какъ достойныя подражанія: „Магметъ салтанъ училъ говорити: аще не такою

грозою великій народъ угрозити, ино и правду въ землю не ввести“. Но возможность найти объясненіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка потому: оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ салтанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основнаго начала; Русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво: но онъ не сознавалъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго, могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не сознал нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда; или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слово оправданія такому человѣку; онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный.

Подобно дѣду своему, Іоанну III-му, Іоаннъ IV былъ очень высокаго роста, хорошо сложенъ, съ высокими плечами, широкою грудью; по иностраннымъ свидѣтельствамъ, онъ былъ полонъ, а

по русскимъ—сухощавъ [141]; глаза у него были маленькіе и живые; носъ выгнутый, усы длинные. Привычки, пріобрѣтенныя имъ во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выраженіе, хотя смѣхъ безпрестанно выходилъ изъ устъ его. Онъ имѣлъ обширную память, обнаруживалъ большую дѣятельность; самъ разсматривалъ всѣ просьбы; всякому можно было обращаться прямо къ нему съ жалобами на областныхъ правителей. Подобно отцу, любилъ монастырскую жизнь; но, по живости природы своей, недовольствовался однимъ посѣщеніемъ монастырей, созерцаніемъ тамошняго быта: въ Александровской слободѣ завелъ монастырскіе обычаи, самъ былъ игуменомъ, опричники братіею. По русскимъ и иностраннымъ свидѣтельствамъ, въ первую половину жизни Іоаннъ мало занимался охотою, посвящая все свое время дѣламъ правленія [142]; когда Баторій, по окончаніи войны, прислалъ просить у царя красныхъ кречетовъ, то Іоаннъ велѣлъ ему отвѣчать, что послалъ за ними на Двину и Поморье нарочно; были у него кречеты добрые, да поизвелись, давно уже онъ мало охотится, потому что пришли на него кручины большія. Баторій, въ благодарность за кречетовъ, спрашивалъ, какія вещи особенно любитъ царь, чтобъ прислать ихъ ему: Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до панокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пищалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки [143].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Только въ позднѣйшихъ украшенныхъ дополненіяхъ къ извѣстію о кончинѣ Василія говорится: „вся́жъ правленія всего русскаго царства завѣщеваетъ державствовати и по Бозѣ устрояти и разсуждати до возмужанія сына своего, матере его, а своей вел. княгинѣ Еленѣ“. Царств. книга, 23. А въ Псковской лѣтописи сказано: „И приказа великое княженіе сыну своему большому князю Ивану, и нарече его самъ при своемъ животѣ великимъ княземъ; и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ боярамъ немногимъ“ (П. С. Р. Л. IV, 299; здѣсь же и о поставленіи на государство).

2) Царств. кн. 35—37 и слѣд.; Никон. VII, 1—3; Львов. лѣтоп. IV, 6—11; Герберштейнъ, 80. Первое извѣстіе о заключеніи князя Юрія съ наибольшими подробностями помѣщено въ неизданной лѣтописи изъ Синодальной библіотеки (№ 486), находящейся въ настоящее время въ Археограф. Коммиссіи, гдѣ я ею и пользовался. За усердную помощь при пользованіи ею и другими лѣтописями и хронографами, находящимися въ Археогр. Коммиссіи, считаю пріятнымъ долгомъ изъявить благодарность М. А. Коркунову.

3) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: И князя Михаила Глинскаго съ нимижъ велѣлъ поимавъ посадити. — См. лѣтопись о владѣніи царя и великаго князя Ивана Васильевича, рукоп. библіотеки архива мин. ин. дѣлъ.

4) Царств. книга 63—73. Синодальн. лѣтописи № 486, № 788, стр. 529, № 645, стр. 415 (всѣми тремя я пользовался въ Археогр. Коммисс.) С. г. г. и д. II, № 30, 32.

5) Акты запад. Россіи. II, № 175.

6) Царств. кн. стр. 38 и слѣд.; Львов. II, IV, 23 и слѣд.; П. С. Р. Л. IV, 301; Синодал. рукоп. лѣтоп., № 486; Акты Западной Россіи, II, № 175.

7) Дѣла Крымскія, № 8; Акты Западн. Россіи II, № 189. Царств. кн. 51 и слѣд.; Львов. IV, 52 и слѣд.

8) Договоры Шведскій и Ливонскій въ архивѣ мин. ин. дѣлъ; Синод. лѣтоп. № 486, Дѣла Ногайскія, № 2.

9) Синодал. лѣтоп., № 486, Арх. № 20—цитов. у Карамз. VIII, прим. 66.

10) Синод. лѣтоп. № 788, стр. 523.

11) Синод. лѣтоп. № 486; Архив. лѣтоп. № 20, что у Карамз. Архив. Ростов. лѣтоп. VIII, прим. 67.

12) Акты Западн. Россіи, II, стр. 252, 280.

13) Акты арх. эксп. I, № 181, 183.

14) Синод. лѣтоп. № 486.

15) Акты арх. эксп. I, № 184, 185.

16) Царств. кн. стр. 100: его (Бѣльскаго) государь у себя въ приближеніи держалъ, и въ первосовѣтникахъ, да митрополита Іоасафа.

17) Дополн. къ акт. историч. I, № 27.

18) Курбск. стр. 182 и слѣд.

19) Царств. кн. 124, Львов. IV, 181; Никонов. VIII, 49.

20) Стр. 7 и слѣд. И тогда же убіенъ Ѳеодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удавленъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятинадесяти лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ; и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убіени отъ него благородные княжата: князь Іоаннъ Дорогобужскій, и Ѳеодоръ, единочадный сынъ князя Іоанна, глаголемаго Овчины, съ роду княжатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко агнцы неповинные заколенны, еще въ самомъ наусіи.

21) По нѣкоторымъ извѣстіямъ впрочемъ подобное только въ первой половинѣ. Въ С. г. г. и д. II, № 33 не упоминается ни о какихъ дѣйствіяхъ на литургіи; въ Царственной книгѣ приписано скорописью внизу: „А на литургіи по херувимской пѣсни помазаніе масломъ; послѣ Достойно есть помазаніе миромъ; да тутъ же писать причащеніе". Въ Чинѣ вѣнчанія, напечат. въ Допол. къ акт. истор. I, № 39, говорится о возложеніи золотой цѣпи послѣ херувимской; послѣ причастнаго стиха о миропомазаніи и причащеніи Св. Таинъ.

22) С. г. г. и д. II, № 34, 35.

23) Въ житіи св. Геннадія Костромского (января 24) читаемъ: „Нѣкогда же случися святому пріити въ Москву, и пріятъ былъ честно отъ болярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Даніила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны". Сказано, что Геннадій предсказывалъ Анастасіи царственное супружество. Такимъ образомъ мы узнаемъ имя прабабки царя Михаила.

24) Стоглавъ.

25) О древностяхъ Россійскаго государства, сборникъ рукописн. статей Синодал. библіот.

26) С. г. г. и д. II, № 37.

27) Акты Западн. Россіи, II, № 191.

28) Дѣла Польскія, № 3, стр. 1—206. Относительно спора за границы, читаемъ слѣдующее: У Себежа вступаются Литовскіе люди въ земли и въ воды, переходили за рубежъ за рѣку, за Нечерцицу, и рыбу въ озерѣ въ Нечерцы ловятъ; а межа Себежской землѣ съ Литовскою землею по Литовскія волости: Непадовичи, Посынчи, Обичаны, Непоротовляне. Да въ Себежскую же волостку въ Мочажу, а рубежъ той волосткѣ съ Литовскою землею: отъ Нѣмецкаго рубежа отъ рѣки отъ Швеи до озера до Выдрина, а отъ Выдрина озера до Ярцева озера, да по мосточки на Мохъ, а отъ Ярцова озера въ рѣчку въ Ормицу въ Красныя Луки; а отъ Красныхъ Лукъ по конецъ Зеленскія горы, да въ озеро Нечерцо, а изъ озера внизъ рѣкою Нечерцицею до Лавъ, что на Листинской дорогѣ Лавы, а отъ Лавъ до пяти мостовъ къ великой дорогѣ боромъ, что отъ Полоцка идетъ ко Пскову къ рѣчкѣ къ Щелбеницѣ. Великою дорогою до Копыта, а отъ Копыта до Острова на озеро по заозерью. Да по старой рубежъ Польябецкой къ Лукому, да къ Брынищамъ къ красному пню, къ рѣчкѣ Переходницѣ внизъ рѣчкою въ богатый Ручай, да ручьемъ въ Великую рѣку.—Послы отвѣчали: „Тотъ рубежъ говорите поперегъ волостей Полоцкихъ, и многія села королевскія и церковныя св. Спаса и дѣтей боярскихъ королевыхъ Корсаковичевъ путныя земли, и иныхъ дѣтей боярскихъ путныя земли называете Себежскою землею“. Послы означили свой рубежъ Себежскимъ землямъ: „На первой рубежъ Дѣдиномъ съ Лиденцы, почонши отъ границы Нѣмецкіе отъ трехъ Волотовокъ, которые суть межи границъ у Высцо озеро, а Сысца озера у Ситно озеро да въ Высу рѣку, а Исою рѣкою вверхъ то почпнаетца рубежъ тою Висою рѣкою Дѣвинцомъ съ Себежаны; а изъ Сысы рѣки въ везовенъ ручей и Везовнемъ вверхъ, отъ Везовна въ Сухолдо, оттолѣ почпнаетца рубежъ Мочажаномъ съ Себежаны, а изъ Суходола въ Черницо озеро, зъ Черненца озера въ Деменцо озеро изъ Деменца у Попелинцо озерко, а изъ Попелинца у Высорно озерко, а изосырны озерка мхомъ да въ Корасево озерко, а изъ Корасева въ Бѣленицу рѣку, а Бѣляница рубежъ Сталевляномъ съ Себежаны зъ Бѣляницы рѣки да въ Бѣлое озерко, зъ Белого въ Глыбочицу, зъ Глыбочицъ въ Глубокое озеро, зъ Глубокова да въ Межтокъ, а Межтокъ рубежъ Себежаномъ совдошковою землею, зъ Межтока у Колесо озеро, съ Колеса въ Горницу рѣку, а то рубежъ Овдошковой земли съ Себежаны, зъ Горницы да въ Себежо озеро, Себежъ озеро ру-

бежъ Мхинцомъ съ Себежаны, а съ Себежа въ Черную рѣку, а Черная рѣка Мхіянцомъ съ Себежаны рубежъ отъ Черной рѣки у Житицу рѣку, а зъ Житицы великою дорогою Витовтовую, то рубежъ Испоротовичемъ съ Себежаны, да въ верховье у Переходинское, да въ Переходницу рѣку, зъ Переходницы въ Мохъ, мхомъ въ Богатый ручей, съ Богатого ручья въ Великую рѣку внизъ по земцовъ перевозъ, то починаетца рубежъ Испоротовичамъ съ Опочаны, изъ земцова перевоза у Липу да въ слизки мостокъ, да въ Тетерью гору, да въ Онаньину гору, да въ высокій лугъ въ Дроздину рѣку, зъ Дроздины въ озеро Дрозцо, зъ Дрозца у восининцо озеро да въ Волховицо озерцо у Загоску, изъ Загоски въ бабку въ камень, отъ Бабки у Колпинцо озеро, съ Колпинца да въ Соколенскій мохъ, съ того моху и Вололю рѣку, да въ Елцо ручей, да въ Литовку рѣчку, да въ Чепелицу, да въ Чепило озеро, да въ Крикало въ селищо".

29) Акты Западн. Россіи II. № 206, 207, 211, 213.

30) Т.-е. Растовецкія. О Растовцѣ въ нашей Исторіи т. IV, стр. 135, примѣч. 163.

31) Крымскія дѣла № 8, съ стр. 530; № 9-й весь.

32) Курбскій, стр. 8. Горше всѣхъ отъ царя Козанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учинялъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадесять миль до московского мѣста. А внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество.—П. С. Р. Л. IV, 302.

33) П. С. Р. Л. IV, стр. 299—307. Щербатова Истор. Росс. V, 184.

34) Акты арх. эксп. I, № 187; Дополн. къ акт. историч. I, № 31.

35) Акты арх. эксп. I, № 192, 194, 224.

36) Дѣла Польскія, № 3, стр. 7.

37) Акты историч. I, № 140.

38) Бритву накладующе на брады своя, женамъ угодье творяще... блудъ сдѣвающе съ младыми юношамы... растлѣвающе Богомъ свобожоныхъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ. Царств. кн. стр. 213, 214; Акты истор. I, 159.

39) Колычево—село Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда; Голутвинъ монастырь въ 5 верстахъ отъ Коломны.

40) Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда, впадаетъ въ Упу.

41) Курбскій разсказываетъ иначе. Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колью, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ: да поддадутъ Казанское мѣсто цареви христіанскому; такоже

и наши ѣздяще, напоминали ихъ, обѣщающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслухавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: „Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ басурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!“

42) По словамъ Курбскаго, первый вошелъ на стѣну братъ его.

43) Царств. книга; Синодал. лѣтоп. № 486; Сказаніе кн. Курбскаго, о числѣ Русскаго войска бывшаго подъ Казанью такъ назыв. Морозовскій лѣтоп. Толстовской библіотеки.

44) Царств. кн. 537; И по малѣ времени Государю со царицею и съ новорожденнымъ своимъ младенцемъ Дмитріемъ пошедши въ обитель Живоначальныя Троицы, да просвѣтятъ новорожденнаго св. крещеніемъ. И вскорѣ Государь къ Москвѣ возвратися. А боярамъ приказалъ Государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти: они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася, и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати, и возжелѣша богатства, и начаша о кормленіяхъ сѣдѣти; а Казанское строеніе поотложиша.

45) Никонов. VII, 198—286. Курбскій, стр. 53.

46) Дѣла Ногайскія, № 2, 3, 4, 5 и 6.

47) Арцыбашевъ спрашиваетъ: не Чечепскіе ли?

48) Курбскій, стр. 49.

49) Никонов. VII, 202—309; Львов. V, 289—313; Курбскій стр. 50 и слѣд.; Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII, 286.

50) Никонов. VII, 247 и слѣд.; Geijer—Geschichte Schwedens, II, 131; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 18—128. О пограничныхъ ссорахъ здѣсь въ царскихъ рѣчахъ сказано слѣдующее: „А рубежъ называютъ (Шведы) въ нашихъ погостѣхъ рѣчку Руетъ Саею рѣкою, что течетъ изъ колодезя изъ нашего изъ Купважскаго погоста, а пала въ рѣку Сестрь въ нашемъ же Корбосельскомъ погостѣ. И чрезъ Саю рѣку и чрезъ Сестрею рѣку и черезъ иные старинные рубежи, которыя писаны въ княжъ Юрьевѣ грамотѣ и въ княжъ Магнушевѣ грамотѣ, черезъ всѣ тѣ старинные рубежи вступались“.

51) Акты истор. I, № 140.

52) Monumenta Livoniæ antiquæ V, 114, I, 202; Scriptores rerum Livonicarum I, 213; Faber—Preussisches Archiv, 6; Historica Russiæ monumenta, I, CXXX. Изъ бумагъ Шлитта видно, что онъ хлопоталъ больше о себѣ, чѣмъ о царѣ, и дѣйствовалъ больше по своимъ предположеніямъ, чѣмъ по царскимъ, такъ наприм. онъ набралъ четырехъ богослововъ.

53) По Никонов. лѣтоп. VII, 216. Нѣмцы просили и заключили перемиріе на 15 лѣтъ; по Ливонскимъ источникамъ на 50; Monum. Liv. antiquæ II, 43.

54) Scriptores rer. Livonic. II, 467.

55) Такъ разсказываетъ Nyenstaedt — Monum. Liv. ant., II, 46; Bussov (Script. rer. Livon. I. 49) и по нему Hiärn (Monum. Liv. antiquæ 1, 208) разсказываютъ, что Дерптскій бургомистръ Henck совѣтовалъ дѣлать прямо, не соглашаться на дань для проволочки времени: Allein dieser getreue Rath funde keine stat, sondern Holizschur fuhr ihm über die Nase, sagend: der Bürger-Meister möchte sich wohl besser auf Flachs und Bockshäute, denn auf solche hohe Dinge verstehen. Der Moscowiter were ein Tyran, und könte in der ersten Hitze dem Lande leichtlich einen unwiederbringlichen Schaden zufügen. Ob sie schon ihm den Brief versiegelten, dächten sie ihm doch davon so viel zu halten, als ein schwartzes Härlein. Der Moscowiter were ein Baur und verstunde es nicht, si woltens ihm wol in dem Keyserlichen Cammer-Gericht wieder abgewinnen etc. Da nun der Brief dem Abgesandten geliefert wurde, reichete er selbigen dem Secretario; als er aber darnach grief, nahm ihn der Gesandte wieder zu sich, und steckte selben mit diesen Worten in seinen Busen: Du weist nicht damit umzugehen, denn es ist ein kleines Kindelein, welches man wol warten, mit weissem Brod und süsser Milch versorgen sol; wenn es nu älter wird, so wird es wol sprechen, und unserm Grossfürsten Nutzen schaffen.

56) Никонов. VII, 310; Карамз. VIII, прим. 514 и 515; Monum. Liv. ant. I, 213; II, 49, 50. Мы не имѣемъ права отвергать показанія Ливонскихъ лѣтописцевъ, что послы отправились съ 60.000 талеровъ въ Москву, ибо современникъ Nyenstaedt говоритъ: Die Stadt Dörpt legte 10,000 Thaler an, welche ich selber habe zehlen helffen. Es wurden also auff der Schreiberei 60,000 Thaler eingepackt, wobei ich selber geholffen. Эти извѣстія можно легко согласить съ извѣстіемъ, содержащимся въ донесеніи пословъ, ибо въ послѣднемъ говорится только о Дерптской дани.

57) Такъ у Курбскаго; у Ніенштедта упоминается только о 200 солдатахъ.

58) У Ніенштедта Adel вообще: я написалъ: большая часть, ибо для кого бы епископъ послѣ выговорилъ условіе: die von Adel, welche unter dem Grossfürsten begehreten zu bleiben, bey ihren Landen und Leuten und alle dem ihrigen bleiben möchten in Liefflandt.

59) Monum. Liv. antiquæ, II, 53; Supplement. ad histor. Russiæ monum. № LXXXV.

60) Число защитниковъ Рингена показывается различно: по Псков. лѣтоп. 140 человѣкъ; по Курбскому взято было въ городѣ Ливонцами 300 человѣкъ, которые почти всѣ были поморены въ темницахъ голодомъ и холодомъ; по Ливонскимъ свидѣтельствамъ при осадѣ погибло 400 человѣкъ Русскихъ. Гарнизономъ начальствовалъ стрѣлецкій голова Русинъ Игнатьевъ.

61) Львов. V, 264 и слѣ. П. С. Р. Л. IV, 310; Monum. Liv. antiquæ II, 61.

62) П. С. Р. Л. IV, 311; Monum. Liv. ant. I, 220.

63) Monum. Liv. ant. I, 219 и слѣд.; Дѣла Шведскія, № 1, стр. 149, 189.

64) Monum. Liv. ant. I, 218; С. г. г. и д. V, № 116, 115; Дѣла Датскія, № 1, стр. 46 и слѣд.

65) Книга Посольская Метр. в. к. Литовскаго, I, стр. 1. Впредь эта книга будетъ цитоваться подъ именемъ Литовской метрики.

66) Дѣла Польскія, № 4 и 5 всѣ; Литов. метрика, I, № 6, 33, 34, 35, 37, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 77—80, 89, 90, 95—98, 103—106, 104—129; Monum. Liv. ant. I, 222; Histor. Russiæ monum. I, № CXXXVIII.

67) Hacluyt's collection of the early voyages, travels and discoveries, I, стр. 263, 318.—С. г. г. и д. V, № 113; Никон. VII, 291; Древ. Росс. Вивліоѳ. ч. 18.

68) Акты арх. эксп. т. I, № 238; Русск. Истор. Сборн. II, стр. 65, 66.

69) Лѣтопись неизданная Александро-Невской библіотеки; я пользовался ею въ Археогр. Коммиссіи; всѣ прочія подробности разсказаны по Царств. книгѣ, съ 338 стр. См. также С. г. г. и д. I, № 167.

70) Никон. VII, Дѣла Польскія. № 4, 428.

71) И Васьяна Бѣснаго, по истинѣ реченнаго, неистоваго.—Издатель напечаталъ Бѣснаго съ большою буквою, какъ прозваніе. Карамзинъ читалъ: Вассіана Бѣскаго; Арцыбашевъ читалъ Бѣснаго какъ эпитетъ, приданный Курбскимъ, и разумѣлъ подъ Вассіаномъ Топоркова. Мы соглашаемся съ Арцыбашевымъ и читаемъ такъ: „И Васьяна, бѣснаго поистинѣ, реченнаго (т.-е. прежде реченнаго), неистоваго".

72) Отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ, но точно такимъ же образомъ Курбскій опредѣляетъ Кирилловъ монастырь, говоря о поѣздкѣ царя туда послѣ болѣзни.

73) Разрядн. кн. и Синодал. лѣтоп. съ картинами, которую Карамзинъ называетъ продолженіемъ Царств. книги, л. 483.

74) Продолж. Царств. кн. л. 454.

75) Гваньини—Moscoviæ descriptio, cap. V.

76) Акты арх. эксп. I, № 289.

77) Акты историч. I, № 174.

78) С. г. г. и д. I, № 172, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181.

79) Бѣльскій; П. С. Р. Л. IV. Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, II, 193; Pisma historyczne Michała Balinskiego, III, 22.

80) См. нашей Исторіи т. V, стр. 72 и слѣд., стр. 412—418.

81) Сказаніе кн. Курбск. стр. 373.

82) Что Курбскій имѣлъ дѣйствительно притязаніе, по крайней мѣрѣ, на титулъ князя Ярославскаго, доказываетъ его переписка со многими лицами въ Литвѣ, гдѣ онъ величаетъ себя княземъ Андреемъ Ярославскимъ.

83) Александро-Невск. лѣтоп. л. 1022; Донесеніе Кетлеру, Таубе и Крузе (Эверса Beiträge zur Kenntniss Russlands, стр. 187); Дѣла Польскія, № 7, стр. 915, 917; С, г. г. и д. I, № 182, 185, 186, 189, 190, 191, 194, 195.

84) Сокращенный Временникъ до 1691 года, рукоп. императ. публ. библ.: Попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши возъярися царь Иванъ Васильевичъ на все православіе по злыхъ людей совѣту Василія Юрьева да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же, учиниша опричнину, раздѣленіе земли и градовъ, а самъ царь живяше на Петровкѣ и хождаше и ѣздяше въ черномъ платьѣ и всѣ съ нимъ, и бысть туга и ненависть на царя въ миру, и кровопролитіе и казни учинилися многія.

85) См. предъидущее примѣчаніе; см. также Таубе и Крузе въ Ewers—Beiträge zur Kenntniss Russlands; поведеніе опричниковъ, здѣсь описанное, такъ естественно, что намъ не нужно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми хронографами, предполагать, что самъ Іоаннъ велѣлъ опричникамъ притѣснять земскихъ, наприм.: За умноженіе грѣхомъ всего православнаго христіанства царь Иванъ Васильевичъ сопротивникъ обрѣтеся и наполнися гнѣва и ярости; нача подвластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и немилостиво гоняти и кровь ихъ проліяти и царство свое порученное ему отъ Бога раздѣли на двѣ части: часть едину себѣ отдѣли, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи; самъ же отонде отъ единыхъ малыхъ градовъ Старицу зовому и тамо жительствуя. Прозва свою часть опришники, а другую часть царя Симеона именова земщина, и заповѣда своей части оную часть насиловати и смерти предавати и домы ихъ грабити, и воеводъ, данныхъ ему отъ Бога, безъ вины убивати повелѣ, не усрамися же и святительскаго чина, овыхъ убивая, овыхъ заточенію предавая, и грады краснѣйшіе Новоградъ и Псковъ разрушати, и въ нихъ православныхъ христіанъ злѣ и немилостиво убивати, даже и до ссущихъ младенцевъ

повелѣ. И тако многа лѣта во дни живота своего провождая уже и наконецъ старости пришедъ, нрава же своего никакоже не перемѣни.— Въ оправданіе же поступковъ Іоанновыхъ противъ бояръ написана извѣстная Епистолія Ивашки Пересвѣтова; она напечатана въ сокращеніи у Карамз. IX, прим. 849.

86) Дѣла Польскія, № 8 весь занятъ этими отвѣтами. Бѣльскій.

87) С. г. г. и д. I, № 193.

88) Лѣтописецъ библ. Москов. арх. мин. ин. д. изъ библіотеки Волынскаго, стр. 82; Житіе св. Филиппа.

89) С. г. г. и д. I, № 168, 169, 187, 188; Александро-Невск. лѣтоп. 948.

90) См. Кельха. Въ русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ подробностей о смерти князя Владиміра; иностранныя свидѣтельства противорѣчатъ другъ другу: по однимъ его отравили, по другимъ зарѣзали, по третьимъ отрубили голову; по однимъ его отравили вмѣстѣ съ женою и сыновьями, по другимъ жену и сыновей разстрѣляли. По однимъ родословнымъ книгамъ у князя Владиміра значится одинъ сынъ Василій—бездѣтенъ, по другимъ трое: Василій, Иванъ да Юрій. Если согласиться съ иностранными показаніями и съ Курбскимъ, что двое были убиты вмѣстѣ съ отцемъ, то третій оставался въ живыхъ, ибо объ немъ говоритъ царь Іоаннъ въ своей духовной 1572 года. „А что былъ далъ есми князю Володимеру Андреевичу, въ мѣну противъ его вотчины городовъ и волостей и селъ, городы и волости и села, и князь Володимеръ передо мною преступилъ, и тѣ городы и волости и села сыну моему Ивану, и княжь Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотря по настоящему времени, какъ будетъ пригоже“. Дополн. къ акт. историч. I, № 222. Этотъ Василій въ 1573 году, во время свадьбы сестры своей, уже былъ женатъ (Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, 97). Но почему младшіе были умерщвлены, а старшій пощаженъ?

91) Ядро Россійск. Исторіи Таубе и Крузе; П. С. Р. Л. III, 254—262; IV, 343: Псковскій лѣтописецъ говоритъ: И егда же пріиде князь великій на поле близь града и ста въ обители св. Николы на Любятовѣ, въ нощи къ недѣли и начаши утреннюю звонити по всему граду, и тогда слышавъ князь великій велій звонъ, умилися душою и пріиде въ чувство, и повелѣ всѣмъ воемъ мечи притупити о камень и ни единому бы дерзнути еже во градѣ убійство сотворити; и наставшу дни, тридневному воскресенію, пріиде во градъ и удивися веліею душею гражданомъ и любве, еже къ нему показаша. И пріиде благословиться къ блаженному Николѣ, иже Христа ради похабъ ся творя, блаженный же поучивъ его много ужасными словесы,

еже престати отъ велія кровопролитія и не дерзнути еже грабити св. Божіи церкви; царь же прежде сія глаголы ни во что же вмѣнивъ, повелѣ у св. Троицы колоколъ сняти, того же часа паде конь его лучшій по пророчествію святаго, и повѣдаша сія царю, онъ же ужасенъ вскорѣ бѣжа изъ града“. Въ рукопис. сокращ. Времянника до 1691 года Никола говоритъ такъ Іоанну: „Не замай, мипухне, насъ и поиди отъ насъ, не начемъ тебѣ будетъ бѣжати“—и въ тотъ часъ паде царевъ аргамакъ лутчей, и тако отъ Пскова отъиде самъ царь скоро.—Разныхъ рѣчей Николы, помѣщенныхъ у иностранцевъ, не выписываемъ.—О дѣлѣ надъ соумышленниками Пимена см. въ Москов. арх. мин. ин. д. Переписную книгу посольскаго приказа 1626 г., № 2, л. 423.

92) Дополн. къ акт. историч. I, № 222.

93) С. г. г. и д. I, № 196, 199, 201.

94) Сокращенный Временникъ до 1691 года, рукоп. императ. публ. библіот.; Акты арх. эксп. I, № 290, 292, 294. Самая любопытная грамота Іоанна къ Симеону относится къ 30 октября 1575 года: „Великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи сю челобитную подалъ князь Иванъ Васильевичъ Московскій и дѣти его князь Иванъ и князь Өедоръ Ивановичи Московскіе, а въ челобитной пишетъ: Государю великому князю Симіону Бекбулатовичу всеа Руссіи Иванецъ Васильевъ с своими дѣтишками сыванцомъ да с Өедорцомъ челомъ бьютъ: чтобъ еси государь милость показалъ, ослободилъ людишокъ перебрать бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишокъ, иныхъ бы еси ослободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ ослободилъ принять, а с твоими государевыми приказными людьми ослободилъ о людишкахъ памятьми ссылатися, а ослободилъ бы еси пожаловалъ изо всякихъ людей выбирать и принимать, и которыя намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси государь ослободилъ прочь отсылати. И какъ государь переберемъ людишка, и мы къ тебѣ ко государю имяна ихъ списки принесемъ, и отъ того времени безъ твоего государева вѣдома ни одного человѣка не возмемъ, а которыхъ людишокъ примемъ, и ты бъ государь милость показалъ вотчинишокъ у нихъ отнимать не велѣлъ какъ прежь сего велось у удѣльныхъ князей, а испомѣстишокъ ихъ имъ хлѣбишко и денженка и всякое ихъ рухлядишко пожаловалъ велѣлъ отдати и людишокъ ихъ не ограбя велѣлъ выпустити, и которые похотятъ къ намъ, и ты бъ государь милость показалъ ослободилъ ихъ быти у насъ безопально и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ, а которые отъ насъ поѣдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты бъ государь пожаловалъ, милость показалъ по ихъ челобитью къ

себѣ къ государю тѣхъ нашихъ людишокъ, которые учнутъ отъ насъ отходити, пожаловалъ не принималъ. Да покажи государь милость, укажи свой государской указъ какъ намъ своихъ мелкихъ людишокъ держати, по нашихъ ли дьячишковъ запискамъ и по жалованьишку нашему, или велишь на нихъ полные имати, какъ государь указъ свой учинишь, и о всемъ тебѣ государю челомъ бьемъ: Государь смилуйся пожалуй".—Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 32, въ государственн. архивѣ.

95) Акты арх. эксп. I, примѣч. 63; что дворовые и опричники одно и то же, видно изъ слѣдующаго мѣста рукописи. лѣтописи изъ библіот. Волынскаго (библіот. Моск. гл. арх. мин. ин. д.), стр. 82: „которые князи и бояре и вельможи ему годны, называше ихъ опришнинцами, сирѣчь дворовыми".

96) Лѣтоп. Львов. V, 299 и слѣд. до конца; Продолж. Царств. кн. л. 472; разряды; Курбскій; П. С. Р. Л. IV, 311 и слѣд. Monum. Livon. antiq.; I, 223 и слѣд.; Historica Russiæ Monum. I, № CXXXIX, CXLIII.

97) Дѣла Шведскія, № 1, съ 224 стр. до конца.

98) Въ переговорахъ съ Шимкевичемъ Іоаннъ между прочимъ велѣлъ сказать послу: „А записанъ Смоленскъ въ нашу сторону и въ докончальныхъ грамотахъ в. к. Семена Ивановича съ Ольгердомъ". См. дѣла Польск. № 6, стр. 62.

99) Дѣла Польскія № 6, 7, 9—всѣ; Акты истор. I, № 168, 169; акты Западн. Росс. III, № 35, 41; Nowakowskiego Zródla do dziejów Polski, I, p. 193. Метрика Литов. I, № 130, 152, 163; С. г. г. и д. I, № 192; Histor. Russ. Monumenta, I, № CXLV, CLI; Monum. Liv. antiquæ I, 267 и слѣд., II, 68 и слѣд.; Александро-Нев. лѣтоп. 951:— Geijer Geschichte Schwedens, II, 151 и слѣд. Monumenta Liv. antiquæ, I, 270; Дѣла Шведскія, № 2; Beiträge zur Kenntniss Ruslands von Ewers und Engelhardt, p. 145, 168. Hacluyt's Collection, I, 378; грамота Елисаветы въ Московск. арх. мин. ин. д.

100) Александро-Нев. лѣтоп. 1002—1010, 1036 и слѣд.; Дѣла Крымскія № 10—14; Hammer's-Geschichte des Osmanischen Reiches II, 378. Дѣла Турецкія, № 2; Hacluyt's Collection, I, 533—562; тутъ же: A letter of Richard Uscombe to M. Henrie Lané 5 August 1571. Никонов. VII, 313; Ист. Росс. Щербат. V, 278 и слѣд.; Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, 400; Донесеніе Таубе и Крузе; повѣсть о бою воеводъ Московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ въ книгѣ о Древност. Росс. Государства, т. I, Рукоп. синод. библ.; П. С. Р. Л. III, 173; Histor. Russiæ monum. I, № CLIV.

101) См. нашей исторіи т. I, стр. 202; т. II, стр. 34; т. III, стр. 37; т. V, стр. 205—207.

102) Zbior pamiatników o dawnej Polszcze, Niemcewicza, I, n. 95, 83.

103) Modrzewii—de republica emendanda, I; 15.

104) Акты западной Россіи, II, № 144.

105) Zbior pamiatników, I, 144 и слѣд.; Histor. Russ. Monum. I № CXLV, CLXV, CLXIV, CLXIII; Акты западн. Россіи III, № 55 и 56; Histor. monum. № CLXI, CLXX; Albetrandego Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego; Histor. Russiæ Monum. I, № CLXXVII, CLXXVIII; Дѣла Польскія, № 10; Histor. Russ. Monum. I, № CLXXX, CLXXXI, CLXXXII, CXXXVII; Продолженіе Царствен. книги, февраль 1560; Дѣла Датскія, № 2, со стр. 30; Памятники дипломат. сношеній т. I, стр. 490 и слѣд.—Дѣла Шведскія, № 2 и 3. Monum. Livon. antiquæ, I, 286 и слѣд.; II, 79.—Карамз. IX, прим. 420. Разрядныя книги (Симбирск. сборн. и архив. рукопис,); С. г. г. и д. II, № 48. Heidensteinii—de bello Moscovitico: Карамзинъ, сличая разсказъ Гейденштейна о Венденскомъ дѣлѣ съ извѣстіями нашихъ Разрядныхъ книгъ, говоритъ: „Ночь прекратила битву. Сапега и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь Московскій, Голицынъ, окольничій Ѳедоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ дьякомъ Щелкаловымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали—но они говорили, что думали, и явили примѣръ, достойный лучшихъ временъ Рима: воеводы, бояринъ князь В. А. Сицкій, окольничій В. О. Воронцовъ. Д. Б. Салтыковъ, кн. М. В. Тюфякинъ не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, всѣми силами на нихъ ударилъ; окольн. Татева, князей Хворостинина, Семена Тюфякина, дьяка Клобукова взялъ въ плѣнъ". Но изъ обоихъ источниковъ нѣтъ никакого права заключить, что всѣ эти лица были убиты и взяты въ плѣнъ на другой день. Разрядныя книги говорятъ только о пораженіи и потеряхъ; Гейденштейнъ же говоритъ только о двухъ начальникахъ артиллеріи, которые остались въ лагерѣ и были взяты въ плѣнъ.

106) Дѣла Польскія, № 10, 11, 12, 13, 14; Архивъ цар. Польск. св. I въ Москов. Арх. мин. ин. д. Метрика Литовская, II; Акты Западн. Росс. III, № 124. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 349, 380 и слѣд.; Акты арх. эксп. I, № 306; Albertrandêgo panowanie Henr. Walez. i Step. Batorego; Симбирск. Сборникъ, стр. 77, 74; Supplementum, ad hist. Russ. Monum. № 11; Monumenta Liv. ant. I, 327; Niemcewicza—Zbiór pamiatnikow o dawnej Polszcze. II, 165; Histor. Russiæ Monum. I, № CXXX,—CXXXIII, CXL, CXLI, CCXII. Дѣла Папскія, № 1; Monumenta Livoniæ antiquæ, I, 340; Дѣла Англійскія въ Москов. арх. мин. ин. дѣлъ, № 1. Юрій Толстой—Россія и Англія.

107) Памятн. дипломат. сношеній древн. Россіи, I. 714 и слѣд.

108) Вѣдаемъ, что у него денегъ нѣтъ въ землѣ, а займуючи деньги, немного съ Московскимъ государемъ воеваться. Угорскими вшами не заплатили ему найму.

109) Jac. Ulfeldii Hœdoporicon Ruthenicum. Столбцы въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, № 88.

110) Дѣла Крымскія, № 15.

111) Никон. VIII, 4.

112) Т. ж. VII, 228, 274, 291.

113) Акты историч. I, № 179.

114) Александро-Невск. лѣтоп. год. 1563; Акты историч. I, № 179; Собр. г. г. и д. II, № 40, 42, 45; Лѣтоп. Сибирск. изд. Г. Спасскаго, стр. 28; Дѣла Ногайскія, № 6, стр. 174, 208.

115) См. Исторію Россіи, т. IV, стр. 159.

116) Акты арх. эксп. I, № 94.

117) Нѣкоторые, на основаніи этого свидѣтельства, хотятъ утвердить, что одни Строгановы выкупили Василія Темнаго, и для этого предполагаютъ, что окупъ былъ незначительный. Но если мы, даже, отвергнувъ показанія Новгородскаго лѣтописца о 200,000, примемъ показаніе Псковскаго о 29,500 рубляхъ, то и это будетъ сумма очень значительная по тогдашнему времени: богатые Новгородцы, откупаясь отъ великихъ князей Московскихъ, не платили имъ болѣе 15,500 рублей; въ обвиненіяхъ Василію Темному отъ Шемяки читаемъ: „золото и серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; христіанъ томишь безъ милости“: здѣсь ясное указаніе на сборъ денегъ для окупа. Говорятъ также, что Василій Темный, въ благодарность за эту услугу, отдалъ Строганову въ оброчное содержаніе тѣ земли, которыя Лука Строгановъ отыскивалъ на Новгородцахъ, и въ этомъ состояла великая честь, которой сподобились Строгановы: но нельзя видѣть большаго вознагражденія въ отдачѣ на оброкъ земель, которыя еще нужно было оттянуть у Новгородцевъ; притомъ грамота Шуйскаго говоритъ о великой чести, и мы должны разумѣть только великую честь, а не матеріальныя выгоды.

118) См. Исторію Россіи, IV, 237.

119) Акты арх. эксп. I, № 163

120) Т. ж. № 254.

121) Дополн. къ акт. истор. I, № 117, 118, 119, 120; Лѣтопись Сибирск., изд. Спасскимъ стр. 9; Мюллера — Сибирская Исторія стр. 87.

122) См. Исторію Россіи, т. V, стр. 434 и слѣд.

123) Дѣла Ногайскія, № 2 и 3; Дѣла Крымскія, № 11 и 12, 10.

124) Дѣла Турецкія, № 2, стр. 2, 34.

125) Т. ж. стр. 36. Здѣсь ясно значеніе словъ: *серень и осеренить:* говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались.

126) Т. ж. стр. 49; Дѣла Крымскія, № 14, стр. 269.

127) Хронографъ Хрущовскій, въ библіот. Моск. арх. мин. ин. дѣл. № 5.

128) Дѣла Ногайскія, № 10, стр. 258.

129) Лѣтоп. Сибирская, изд. Спасскимъ, стр. 15.

130) Дополн. къ акт. истор. I, № 128.

131) Т. ж. № 126.

132) Т. ж. № 128.

133) Миллера—Сибирская Исторія, стр. 171.

134) Beiträge zur Kenntniss Russlands, 231; П. С. Р. Л. III, 167.

135) Акты арх. эксп. I, № 284.

136) Обиходъ Іосифова Волоцкаго монастыря: По Аннѣ Васильчиковой дачи государскіе 100 рублевъ. Въ одномъ хронографѣ говорится: „Въ лѣто 7081 (1572?), Ноемврія 11 дня, прія (царь) молитву и сочетася отай на княжнѣ Маріи Ивановнѣ Долгорукая, кою утопи въ рѣцѣ Сєрѣ, въ колымагѣ, затисну ю крѣпцѣ, на ярыхъ конехъ, и воскручинися, занеже въ ней не обрѣте дѣвства; а погуби ю на утро Ноемврія 12 дня. Но вельми бысть добра и красоты юныя колпицы, и восплакася, повелѣ златополосную главу церкви слободы Александровой очернити чрезъ полосу злату“. О Василисѣ Мелентьевой тутъ же говорится, что мужъ ея былъ заколотъ опричникомъ, и царь постригъ ее въ Новгородѣ 1 мая 1577 года за то, что замѣтилъ „ю зрящу яро на оружничаго Ивана Девтелева князя, коего и казни“. См. отчетъ импер. публич. библіотеки за 1863 годъ, стр. 60, 61.

137) Ant. Possev. De moscovia, commen. I: Interfectum igitur fuisse Ioannem filium a Magno Moscoviæ duce in arce ea, quæ sloboda Alexandri, dicitur, certiore inditio proditum est. Ejus mortis fuisse causam, qui veritatem scrutati sunt (nam et tum erat apud eum alter ex interpretibus meis, quem ad ipsum allegaveram) hanc veriorem retulere. Honestæ quæque, nec pauperes mulicres tribus vestibus indui solent, præ ratione temporum, aut gravibus, aut levibus, si una tantum induantur, haud bene audiunt. Tertia igitur Ioannis filii uxor simplici veste induta, quoniam uterum gerebat, neque a se quemquem aditurum putabat, forte super scamno decumbens, invisitur a Magno Duce Moscoviæ, cui statim assurgens, nihil tamen animum illius emollivit, sed accepta alapa, deinde baculo, quem ille gestabat, ita percussa est, ut in sequenti nocte pueri abortum faceret. Accurit interim ad patrem Ioannes filius,

eumque dum reprimit, ne uxorem verberet, in se iram et verbera patris convertit. Itaque eidem baculo in capite prope tempora gravissime vulneratus est. Et filius antea adversus patrem incensus, multa illi exprobraverat in haec verba: tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium instrusisti; de secunda id ipsum fecisti; ecce jam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat.

138) Дополн. къ акт. истор. I, № 129.

139) Hakluyt's Collection etc.; Oderbornii Vitæ Ioannis Basilid. I. III. Post longum luctum resumtis parumper viribus, Arinam, honestæ pulchritudinis foeminam, et filii uxorem sui, officii causa in aulam venientem ad stupri consuetudinem perpellere voluit, nec aliter illa, quam dum clamat, servata est... Morbus adeo vehementer demum incubuit; ut putrescentibus intestinis et visceribus, ipsa etiam naturalia teterrimo faetore infecta ad animalibes, quæ tabidis in corporibus nasci solent, laniarentur.

140) См. нашей Исторіи, т. V, стр. 406, 407.

141) Одерборнъ: toto habitu succoso et pingui; Кубасовъ, сухо тѣло имѣя. См. также Подробную лѣтоп. изд. Львов. III, 85.

142) Hakluyt-Collection, I, 357; Никонов. лѣтоп. VII, 259.

143) Дѣла Польск. № 14, стр. 637.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I. ЗАМѢТКА ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАВОЕВАНІЯ СИБИРИ.

Мы не можемъ оставить нашего разсказа о покореніи Сибири Ермакомъ безъ нѣкоторыхъ объясненій, потому что въ источникахъ этого разсказа находятся разнорѣчія, составляющія предметъ спора. Карамзинъ достовѣрнѣйшею изъ лѣтописей, повѣствующихъ о покореніи Сибири, признаетъ ту лѣтопись, которую мы знаемъ въ печати по изданію г. Спасскаго (1821 года), и полагаетъ составленіе ея около 1600 года: „Авторъ (говоритъ Карамзинъ) имѣлъ въ рукахъ своихъ грамоты Іоанновы, данныя Строгановымъ, и пишетъ основательно, просто: буду называть сію дѣйствительно историческую повѣсть *Строгановскою лѣтописью*". Въ 1849 году г. Небольсинъ, въ сочиненіи своемъ: „*Покореніе Сибири*", вооружился противъ показаній Строгановской лѣтописи (будемъ называть ее такъ по примѣру Карамзина) и старался дать преимущество другой лѣтописи, Есипова, названной такъ по имени своего составителя; г. Небольсинъ говоритъ: „Лѣтопись Есипова, несмотря на реторику и фразерство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ, худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики, и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгановыхъ, Пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только „оный велемудрый риторъ Ермакъ" съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей лѣтописи ссылку на другую лѣтопись: „иніи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко

призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгановы и даша имъ имѣнія“ и проч. Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь. Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе чѣмъ Есиповская лѣтопись округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень старался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ Пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту, задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ, и всѣми силами старается выставить Ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: его козаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова),, а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей, и каждому поступку ихъ придаетъ видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было переиначить событія. Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, не подтверждаемыя никакими официальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что̀ можетъ дать важный блескъ имени Строгановыхъ. Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей исторіи, и Есиповскую и Строгановскую лѣтописи обѣ называетъ древнѣйшими и достовѣрными; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ Строгановской лѣтописи, а почему онъ именно ей слѣдуетъ — этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому Строгановскую лѣтопись онъ называетъ достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и сочиненною, вѣроятно, около 1600 года. Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что Строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о Сибирской архіепископіи, тогда какъ первая архіепископія

учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, и въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи „всея Сибирскія земли“, о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть даже она и еще позже составлена“.

Всякій, сравнивавшій лѣтописи — Есипова и Строгановскую, согласится съ нами, что отзывъ о способѣ изложенія событій въ обѣихъ, отзывъ, который мы находимъ въ излѣдованіи г. Небольсина, могъ произойти не иначе, какъ вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго смѣшенія авторомъ обѣихъ лѣтописей, принятія одной вмѣсто другой: иначе невозможно объяснить, какъ, напримѣръ, авторъ позволилъ себѣ сказать, что лѣтопись Есипова излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость! Стóитъ только заглянутъ въ главу III, VI, VIII, чтобъ придти къ высказанному нами предположенію о смѣшеніи авторомъ обѣихъ лѣтописей, неужели это не претензія на ученость, говоря о Сибири, толковать объ Италіи, говоря о Кучумѣ, наполнять цѣлую главу толками о Моисеѣ? И можно ли найти что-нибудь подобное въ Строгановской лѣтописи? — Передъ нами двѣ лѣтописи: составитель одной обнаруживаетъ явное пристрастія къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми; составитель другой разсказываетъ событія на основаніи источниковъ несомнѣнныхъ, именно царскихъ грамотъ, и приводитъ вполнѣ эти грамоты: котораго изъ двоихъ мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать послѣдняго въ пристрастіи къ Строгановымъ за то только, что онъ упоминаетъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ Ермака, основываясь на царскихъ грамотахъ, прямо говорящихъ объ этомъ участіи? Слѣдовательно, Строгановская лѣтопись должна быть предпочтена всѣмъ другимъ извѣстнымъ лѣтописямъ Сибирскимъ по своимъ источникамъ, по согласію извѣстій своихъ съ источниками, неоспоримо достовѣрными. Но еслибы даже мы и не знали значенія источниковъ Строгановской лѣтописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановская объясняетъ намъ явленіе вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, указывая на постепенный ходъ, связь событій: колонизуется страна, сосѣдняя съ Сибирью; колонизаторамъ, по обыкновенію, даются большія права; по особеннымъ условіямъ новонаселенной страны, богатые колонизаторы должны взять на себя обязанность защищать собственными средствами свои поселенія, строить острожки, содержать ратныхъ людей; само правительство, въ грамотахъ своихъ, указываетъ имъ, откуда они могутъ набрать ратныхъ людей—изъ охочихъ козаковъ; эти козаки особенно становятся

имъ нужны, когда они намѣреваются перенести свои промыслы и за Уральскія горы, во владѣнія Сибирскаго султана, для чего у нихъ есть царская грамота, и вотъ они призываютъ толпу охочихъ козаковъ съ Волги и отправляютъ ихъ въ Сибирь. Что можетъ быть для историка удовлетворительнѣе этого повѣствованія? а насъ хотятъ увѣрить, что гораздо удовлетворительнѣе, сообразнѣе съ дѣломъ отвергнуть свидѣтельство царскихъ грамотъ объ участіи Строгановыхъ въ покореніи Сибири и признать, что толпа козаковъ, сама по себѣ, бросилась съ Волги за Уральскія горы и покорила Сибирь! — Но, основываясь на источникахъ достовѣрныхъ, на царскихъ грамотахъ, составитель Строгановской лѣтописи, быть можетъ, дѣйствительно увлекся, обнаружилъ явное пристрастіе къ Строгановымъ и тѣмъ далъ право изслѣдователю заподозрить повѣствованіе? Дѣйствительно, г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи, что онъ выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ; г. Небольсинъ не заблагоразсудилъ подтвердить справедливость своего упрека, не привелъ ни одного такого выпуска; причина ясна: ихъ нѣтъ! Г. Небольсинъ упрекаетъ также нашего лѣтописца въ искаженіи характера Ермаковыхъ казаковъ, которые, будто бы, представлены сладенькими витязями, всегда готовыми плакать отъ умиленія: но во всей лѣтописи встрѣчаемъ только разъ извѣстіе, что Ермакъ предъ рѣшительнымъ дѣломъ, когда многіе козаки были испуганы, со слезами увѣщевалъ ихъ молиться Богу; но еслибъ даже лѣтописецъ и нѣсколько разъ заставлялъ козаковъ своихъ плакать, то развѣ г. Небольсинъ не знаетъ, что наши крѣпкіе предки плакали гораздо чаще, чѣмъ мы, слабые ихъ потомки? Поэтому и Мономахъ былъ сладенькій витязь, ибо часто плакалъ? Но, главное, зачѣмъ приписывать лѣтописцу то, чего у него нѣтъ? Зачѣмъ упрекать лѣтописца за то, будто у него козаки являются почти всюду побѣдоносными героями, когда этотъ лѣтописецъ говоритъ, намъ, что козаки испугались, когда увидали, что засѣка Кучумова защищается множествомъ народа, говоритъ, въ какихъ случаяхъ козацкіе отряды были истребляемы; а что козаки дѣйствительно должны были болѣе побѣждать, чѣмъ терпѣть пораженіе, свидѣтельствуетъ само дѣло — покореніе Сибири; и развѣ въ другихъ лѣтописяхъ г. Небольсинъ нашелъ больше извѣстій о пораженіяхъ козаковъ? развѣ въ его собственномъ разсказѣ больше этихъ извѣстій? Наконецъ, г. Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи въ томъ, будто онъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны козаковъ: но развѣ въ другихъ лѣтописяхъ мы находимъ извѣстія о томъ, что г. Небольсинъ называетъ неделикатностями? Только тогда

можно было бы упрекнуть лѣтописца въ пристрастіи, если бъ онъ скрывалъ то, что̀ находится въ другихъ источникахъ; но въ Строгановскомъ лѣтописцѣ, какъ нарочно, нѣтъ ничего въ похвалу нравственности Ермака и его товарищей, нѣтъ извѣстія, что козаки наложили на себя обѣтъ цѣломудрія. Г. Небольсинъ *предполагаетъ* совершенно иное поведеніе козаковъ, выводитъ на сцену добрыхъ Татарокъ; но это предположеніе г. Небольсина, составленное наперекоръ извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, но не Строгановской: за что же г. Небольсинъ именно вооружается противъ послѣдней? Г. Небольсинъ вооружается противъ Карамзина, зачѣмъ тотъ относитъ составленіе Строгановской лѣтописи къ началу XVII вѣка; по мнѣнію самого г. Небольсина, ея составленіе должно относить, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVII вѣка, ибо въ началѣ ея упоминается о Сибирской архіепископіи, а въ концѣ говорится о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири. Но объ архіепископіи говорится не въ началѣ лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое, ясно, написано не составителемъ ея, а позднѣйшимъ переписчикомъ; въ самой же лѣтописи, въ концѣ, гдѣ слѣдуетъ ожидать извѣстій объ архіепископіи, ихъ нѣтъ; въ концѣ читаемъ: „Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и объ отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденіи ихъ козачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ царя Кучума, и о взятіи сына его царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской земли государевыхъ людей русскихъ, сія словеса о семъ преходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый да разумѣетъ и дѣла толикія вещи не забываетъ: на воспоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикія вещи трудъ".—Вотъ настоящее заглавіе памятника, написанное самимъ составителемъ и измѣненное позднѣйшимъ переписчикомъ. Чтоже касается до извѣстія о распространеніи евангельскаго ученія во всѣхъ концахъ Сибирской земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою землею разумѣлось не то, что̀ мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, царство Кучумово.

Составитель Строгановской лѣтописи основываетъ свои извѣстія на царскихъ грамотахъ, данныхъ Строгановымъ, и потому г. Небольсинъ, для проведенія своей мысли, что Строгановы не участвовали въ дѣлѣ Ермака, долженъ былъ обратиться къ разсмотрѣнію этихъ грамотъ. Онъ упрекаетъ ученыхъ, писавшихъ прежде него о Сибири и о Строгановыхъ, въ томъ, что они не такъ, какъ должно, понимали эти грамоты, и, прежде всего, высказываетъ любопытное мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а

въ поссессію, аренду, кортому! Но спрашиваемъ: въ какой грамотѣ г. Небольсинъ нашелъ опредѣленія срока пользованія данными землями что было бы необходимо, еслибъ онѣ даны были въ поссессію, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тѣмъ важнѣе, что ведетъ къ неправильному пониманію древнихъ отношеній: пустыя пространства, которыя давались для обработки и населенія, не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ правительства; не могли они даваться на время тому, кто своимъ трудомъ, издержками дѣлалъ ихъ цѣнными, способными приносить правительству доходъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Когда московскіе послы, говоря объ избраніи царя Θеодора Іоанновича въ польскіе короли, упомянули, между прочими выгодами, которыя получитъ Польша отъ этого избранія, и то, что царь будетъ раздавать бѣдной шляхтѣ земли по Дону и Донцу, то паны отвѣчали: „въ такихъ пустыхъ земляхъ что имъ прибытку будетъ? У насъ за Кіевомъ такихъ и своихъ земель много; какъ вамъ не соромъ такихъ земель и въ артикулахъ писать? Будетъ ли государь давать нашимъ людямъ земли въ Московскомъ государствѣ, въ Смоленскихъ и Сѣверскихъ городахъ?“ (Москов. арх. мин. ин. д. Дѣла Польскія, № 18). Такой же точно *соромъ* было бы написать въ жалованныхъ грамотахъ на пустыя земли, что онѣ даются на время. „Почему они (Строгановы) сдѣлались вотчинниками Чусовскихъ земель въ послѣдствіи времени—это другой вопросъ“, говоритъ г. Небольсинъ. Нѣтъ, не другой вопросъ, а тотъ же самый, и такъ легко нельзя отдѣлываться, отъ важныхъ, непреодолимыхъ возраженій: если Строгановы не получили при Іоаннѣ IV земель въ вѣчное владѣніе, если молчаніе грамотъ о срокѣ владѣнія не указываетъ на эту вѣчность, то спрашивается, когда они получили право на вѣчное владѣніе?

Въ 1574 году Строгановы выпросили себѣ жалованную грамоту селиться и заводить промыслы въ сибирскихъ рѣкахъ, и потомъ видимъ, что Строгановы, призвавши козаковъ, посылаютъ ихъ за Уральскія горы для очищенія тѣхъ мѣстъ, на которыя взята грамота: дѣло ясно для каждаго. По г. Небольсину надобно было доказать, что Строгановы не имѣли участія въ походѣ Ермака; съ этою цѣлію онъ дѣлаетъ такое заключеніе: прошло много лѣтъ отъ взятія Строгановыми грамоты на Сибирь до похода Ермака — слѣдовательно они не имѣли видовъ на Сибирь, да и не могли имѣть по недостаточности средствъ; но спрашивается, зачѣмъ же они взяли грамоту на Сибирь, когда не имѣли видовъ на эту страну и не могли имѣть ихъ по недостаточности средствъ? Разумѣется, что на этотъ вопросъ г. Небольсинъ не даетъ отвѣта. Потомъ г. Небольсинъ пытается отвер-

гнуть возможность призыва козаковъ Строгановыми, и говоритъ: „могли ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворамъ посылать ласковую грамоту? Могла ли умнымъ промышленникамъ Строгановымъ придти въ голову мысль — приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой стати Строгановымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя?"—Все это написано по взглядамъ XIX вѣка, безъ обращенія малѣйшаго вниманія на понятія XVI вѣка: что Строгановы могли призвать волжскихъ козаковъ, это всего лучше объясняется гнѣвною царскою грамотою къ нимъ, присланною вслѣдствіе донесенія Пелепелицына: здѣсь хотя козакамъ и дѣлается упрекъ за ихъ прежнее поведеніе на Волгѣ, однако они принимаются въ царскую службу, велѣно имъ идти на защиту Пермскаго края, часть ихъ позволяется Строгановымъ удержать у себя въ службѣ; казнью грозитъ царь козакамъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ продолжать служить однимъ Строгановымъ, не обращая вниманія на царскія интересы; надобно вспомнить, съ какою легкостію давалось въ то время и послѣ прощеніе козакамъ, которые „*отставали отъ воровства*", а Ермакъ съ товарищами, соглашаясь не промышлять болѣе на Волгѣ, а служить у Строгановыхъ, тѣмъ самымъ отставалъ отъ воровства. Наконецъ должно замѣтить, что изъ всѣхъ атамановъ, товарищей Ермака, одинъ только Кольцо былъ обреченъ на смерть за прежніе разбои".

„Говорятъ, опираясь на Строгановскую лѣтопись (продолжаетъ г. Небольсинъ), что Строгановы послали къ Ермаку и ко всѣмъ козакамъ призывную, ласковую грамоту, подписанную 6-мъ числомъ апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ 500 козаками явился къ Строгановымъ 21 іюня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучумомъ, и 1-го сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь. Разсмотримъ же, есть ли хотя какая-нибудь логика въ этомъ извѣстіи? есть ли тутъ хотя тѣнь правды? Посыльный съ Строгановской грамотою могъ ѣхать изъ Пермской земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака, достичь до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Строгановыхъ и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ. Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто бы дѣлали ему Строгановы,

сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ; убѣдиться чѣмъ-нибудь видимымъ въ выгодности этого зова, и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ болѣе населенныхъ. Въ 75 сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало дѣйствительно 6-го апрѣля, все это начать, устроить и покончить — не было физической возможности!" — Не было физической возможности сдѣлать это по трудностямъ, придуманнымъ г. Небольсинымъ, но которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было. Строгановскому посланному не нужно было, прибывъ на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака: Строгановы могли узнать прежде отъ своихъ прикащиковъ и разсыльныхъ о мѣстѣ зимовки казаковъ; посланному не нужно было тайкомъ отъ мѣстныхъ властей находить Ермака; ясно, что г. Небольсинъ, пиша о событіи XVI вѣка, представлялъ себѣ приволжскую и прикамскую сторону въ томъ состояніи, въ какомъ она находится теперь, въ половинѣ XIX вѣка; отсюда являются у него на сцену мѣстныя власти, отъ которыхъ надобно было скрываться; изъ описанія Волжскаго пути во второй половинѣ XVI вѣка мы знаемъ, что отъ самаго Казанскаго устья начиналась уже пустыня. Что Ермакъ долженъ былъ долго думать о предложеніи Строгановыхъ — это предположеніе г. Небольсина неизвѣстно на чемъ основанное; лѣтопись говоритъ, что козакамъ нечего было долго думать, что они обрадовались предложенію и пошли вскорѣ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній усомниться въ справедливости этого извѣстія. Не знаемъ, сколько времени думаетъ г. Небольсинъ назначить козакамъ для нагруженія на суда провіанта, который, по собственнымъ словамъ его (стр. 72), состоялъ изъ небольшаго количества толокна, крупы и соли? Г. Небольсинъ предполаетъ путешествіе Ермака по двумъ большимъ рѣкамъ; это очень неопредѣленно, ибо неизвѣстно мѣсто, гдѣ зимовалъ Ермакъ, гдѣ нашелъ его посланный отъ Строгановыхъ?

„Ермакъ (говоритъ далѣе г. Небольсинъ) съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгановыхъ; два года кормить пятьсотъ человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей и безполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи Строгановскихъ арендъ — было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ: два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по крайней мѣрѣ, пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобы правительство само не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно". — Это раз-

сужденіе отзывается опять понятіями XIX вѣка и обличаетъ очень легкое вниманіе къ источникамъ; съ какой стати Строгановы стали бы заявлять пермскимъ властямъ своихъ козаковъ, когда они находились въ полной независимости отъ этихъ властей, когда имъ позволено было прибирать разныхъ людей охочихъ козаковъ и употреблять ихъ какъ для войны оборонительной, такъ и наступательной? Г. Небольсинъ считаетъ невозможнымъ для первыхъ богачей въ государствѣ кормить два года 500 человѣкъ; неужели онъ не знаетъ сколько дворни держали въ это время въ Москвѣ бояре и окольничіе, у которыхъ было гораздо менѣе средствъ, чѣмъ у Строгановыхъ? Но всего страннѣе, что люди, необходимые Строгановымъ и для войны оборонительной и для наступательной, называются безполезными и вредными!

„Козаки (говоритъ г. Небольсинъ) и съ ними Кольцо не могли придти на Чусовую къ Строгановымъ въ 1579 году, потому что имя неразлучнаго и довѣреннаго товарища Ермака—Ивана Кольца встрѣчается въ официальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи волжскихъ набѣговъ 1580 года“. — Упоминовеніе объ Иванѣ Кольцо въ 1581 году показываетъ только, что онъ не былъ пойманъ, а не былъ пойманъ извѣстно почему—онъ укрылся у Строгановыхъ.

„Съ самаго начала 1581 года Вогуло-Остяцкія племена тѣснили владѣнія Строгановыхъ и угрожали Перми. Еслибъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгановыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія *было бы* то, что его или Строгановы, или земская власть заставили бы защищать русскіе предѣлы: Строгановымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака Богъ знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгановы, должно быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака: иначе — надо допустить, что (въ началѣ 1581 года) прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строганова, что онъ не даетъ имъ подмоги, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей Ермаковой шайки, и такимъ образомъ, посредствомъ лжи, довели царя и къ понужденію и Никиты и пермскихъ властей грамотою отъ 6 ноября 1581 года“.—Непонятно, какимъ образомъ г. Небольсинъ позволяетъ себѣ употреблять эти *бы* относительно дѣятельности Ермака у Строгановыхъ, когда лѣтопись прямо говоритъ, что эта дѣятельность именно состояла въ битвахъ съ безбожными Агарянами, съ мурзою Бегбеліемъ. Строгановымъ можно было послать Ермака въ Сибирь именно въ сентябрѣ 1581 года, ибо передъ этимъ временемъ нападеніе Бегбелія было ими отражено, самъ

мурза взятъ въ плѣнъ; они не могли ожидать еще новаго нападенія и рѣшились воспользоваться остающимся до зимы временемъ для сибирскаго похода. Не понимаемъ также какъ могъ г. Небольсинъ написать, будто Строгановы просили у царя помощи въ началѣ 1581 года, когда въ грамотѣ своей Строгановы именно упоминають о нападеніи Пелымскаго князя 1-го сентября этого года: „Въ нынѣшнемъ де въ 90 году, о Семенѣ дни". Въ это время имъ нечего уже было говорить объ Ермакѣ, ибо они его отправили въ Сибирь.

Здѣсь мы должны остановиться, ибо дальнѣйшія предположенія и объясненія г. Небольсина, касающіяся самого похода Ермака въ Сибирь, не идутъ къ нашему дѣлу: наша цѣль была опровергнуть возраженія, направленныя противъ источника, которымъ мы пользовались при нашемъ разсказѣ.

II. О МИРѢ СЪ БАТОРІЕМЪ.

Поссевинъ былъ встрѣченъ подозрительно и недоброжелательно въ Польскомъ лагерѣ. Подозрѣвали, что онъ держитъ сторону царя, въ надеждѣ обратить его въ католицизмъ, и смѣялись надъ такою претензіею. Въ перепискѣ Замойскаго съ разными лицами перѣдко встрѣчаемъ выходки противъ іезуита. Такъ въ письмѣ его къ Збаражскому читаемъ: „Я было думалъ, что по окончаніи мирныхъ переговоровъ Москва увѣруетъ въ Поссевина и образъ его поставитъ подлѣ Николы или Пречистой въ Пещерахъ, но они и въ перемирномъ листѣ писать его не хотятъ". Въ одномъ письмѣ къ королю Замойскій говоритъ: „Есть люди, которые всѣхъ іезуитовъ называютъ плутами: это, конечно, несправедливо; но кто этого одного такъ назоветъ, тотъ, къ несчастію, пожалуй не ошибется". Замойскій обвиняетъ Поссевина, что тотъ, посредствомъ общихъ выраженій, умалчиваній въ договорѣ о разныхъ уступаемыхъ, съ обѣихъ сторонъ, мѣстностяхъ дружилъ Московскому царю.

Но еслибы Поссевинъ дружилъ царю, то ему стоило бы только отписать въ Москву о печальномъ состояніи польскаго войска подъ Псковомъ. 15 января Замойскій писалъ коммиссарамъ, ведшимъ переговоры о мирѣ, чтобъ поскорѣе оканчивали дѣло, потому что болѣе осьми дней не можетъ ни удерживать войско подъ Псковомъ, ни вести дальше въ землю непріятельскую, а принужденъ будетъ отступить назадъ со стыдомъ и большою потерею, потому что Венгры все опустошили и войско на обратномъ пути будетъ помирать съ голоду. Замойскій сильно боялся войны со Шведами и даже совѣтовалъ королю, въ случаѣ этой войны, заключить союзъ съ Москвою и уступить ей морской берегъ въ устьяхъ Невы. (Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, изд. М. Кояловичъ. 1867 года).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

